Альянс Ангелов

Инжуна Жумабековна Каражанова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Под могучими кронами леса друидов шутница-судьба сводит вместе двоих друзей-наёмников, Джару и Ивора, и молодого амбициозного мага Эйдана. Волей случая Джара принята за наследницу друидов, и троица отправляется к заброшенному храму, из руин которого они забирают таинственную Книгу Стихий. Но Книга — не просто могучий артефакт. Она живёт своей жизнью и обладает своими собственными намерениями. Она развязывает войну между странами и чинит буйство стихий на равнинах Таэрии. Страна в огромной опасности — никто из магов не может совладать с силой Книги. Между тем, Джара, посвящённая в таинство друидов, узнаёт от дерева, с которым она связана, что Книга не остановится на одной Таэрии, а пойдёт дальше, неся смертельную угрозу всему миру. Джара видит вещий сон о девяти героях (и она одна из них), которые должны сформировать Альянс Ангелов, чтобы соединить свои силы и успокоить Книгу. Но не всё так просто — за Книгой стоит сила гораздо более страшная и древняя, чем себе представляют герои, а сам Альянс грозит вот-вот расколоться изнутри…

- Инжуна Жумабековна Каражанова
  - I Орден Солнца
  - II Друиды
  - III Дэшам
  - IV Воинство Книги
  - V Голос прошлого
  - VI Сбор Альянса
  - VII Буйство Стихий
  - VIII Ханелас
  - IX Слёзы Ангелов
  - X Разделённая жизнь
  - XI Путь в небо
  - XII Охота на Ангелов
  - XIII Повелители Стихий
  - XIV Ловушка богов
  - Эпилог

Инжуна Жумабековна Каражанова
Альянс Ангелов

Орианна
15/III 2003 — 22/V 2006

I Орден Солнца

Ведьма сказала мне однажды, что на Гирите бабочка может взмахнуть крылышками, а в Таэрии оттого разразится ураган. Я сначала не могла понять, как же это возможно, но затем поняла, что она имела в виду. Великие события начинаются с мелочей, а огромный жизненный путь складывается из маленьких шагов. Вся жизнь зависит от длинной цепочки крохотных случайностей.

Моё собственное рождение зависело от маленькой древесной змейки, которой семнадцать лет назад взбрело в голову упасть со своей ветки прямо под рубаху проезжавшего под деревом всадника и ужалить его. То был гонец, спешивший к местному графу с очень важным известием от короля, и медлить ему было нельзя. Однако змейка была не простая, а очень даже ядовитая. Гонец направился в ближайшую деревню, но местный лекарь ничем не смог помочь, и жители повезли бедного парня, уже бредившего от лихорадки, к ведьме, жившей в лесу.

Несмотря на леденившие кровь россказни жителей, ведьмой оказалась симпатичная молодая девушка. Она с помощью целебных трав всего за несколько часов вылечила гонца. И всё бы так и закончилось, если бы за эти несколько часов трогательной заботы и удивительного исцеления лесная ведьма и королевский гонец не успели бы без памяти влюбиться друг в друга.

Он увёз её с собой в город, а потом женился на ней. В результате этого брака на свет появилась маленькая девочка. На левом предплечье у неё было родимое пятно в виде крохотной змейки. Из-за этого пятнышка и помня историю их знакомства, родители девочки, недолго думая, так и назвали дочурку — Змейка. Это я.

Детство моё было счастливым и безоблачным, я занималась ничегонеделанием, скакала по улицам с другими детьми, хохотала, играла и безобразничала. Пока внезапно не пришло время отдавать меня на обучение. Родители решили, что я обязана пойти по стопам матери. Короче говоря, на обучение меня отдали в соседний город к местной колдунье с просто отвратительным именем Мавира. Хотя сама она не такая уж и плохая.

Так я и…

— Змейка! — взревела Мавира, влетая в комнату. Змейка вскочила. — Куда ты запропастилась? Маленькая негодница, тебя нет всегда, когда ты нужна! А когда не нужна, вечно мешаешься под ногами! — ругалась ведьма. — Чем ты занимаешься?

Змейка спрятала свиток, на котором в тот день принялась осуществлять свою мечту — написать свою собственную

историю, — и, достав учебник по травоведенью, нагло соврала:

— Я как раз учила, как собирать волчьи ромашки, госпожа.

— Да? И как же?

— Извините, госпожа Мавира, но при всём моём уважении к вам я, к своему глубочайшему сожалению, не смогу вам ответить…

— Это почему же?! — Колдунья вечно выходила из себя, когда Змейка начинала рассыпаться в витиеватых фразах, а делала она так, кстати, очень часто, особенно когда хотела избежать выговора.

— По той причине, госпожа, что я, к сожалению, ещё не успела выучить…

— Ах ты, поганка! — сердито сказала Мавира, но едва заметно улыбнулась. У колдуньи был прескверный характер, и она ненавидела "телячьи нежности", но эта девчонка ей определенно нравилась. Мавира знала, что из неё выйдет толк. — А сейчас быстро в трактир. У Довиры посетителей тьма, она не успевает, и попросила меня прислать тебя помочь. И не забудь следить, нет ли посетителей, кому требуется снять комнату! У меня всё ещё пустуют три комнаты. Давай, давай, беги, маленькая бестия!

— Уже лечу, госпожа Мавира, — присела в лёгком поклоне Змейка и кинулась вниз по лестнице.

Топая по ступенькам, она вытащила из кармана фартука свиток, потом запихнула его в дыру под лестницей — её самый тайный тайник — и побежала в трактир, который содержала родная сестра Мавиры, Довира.

Змейка лихо вертелась с огромным подносом в руках в толпе посетителей трактира. Они толкали её, ругались, шатались из стороны в сторону, кричали, пели и требовали выпивки и еды, однако Змейка, уже не раз помогавшая в трактире, научилась всячески увиливать, увёртываться и при этом сохранять равновесие и не ронять поднос.

Однако тот день явно был для неё не самым удачным. И надо же было такому произойти: когда девчушка уже почти благополучно добралась до нужного столика (где, кстати, потчевали трое рыцарей), один из этих самых рыцарей, видимо, в пылу спора со своими друзьями громко грохнул кулаком по столу.

Змейка в тот момент как раз мысленно успокаивала себя тем, что всё-таки добралась до столика с таким огромным подносом, ничего не уронив и не пролив. И поэтому от внезапного грохота кулака и звона подлетевшей посуды она испугалась, вздрогнула,

потеряла на секунду равновесие… но этого хватило, чтобы опрокинуть поднос на одного из рыцарей.

Змейка вся сжалась в ожидании криков и ругательств, но, к её удивлению, упрекающие взгляды и укоряющие слова пострадавший рыцарь направил не в её адрес, а в адрес своего молодого друга, как раз того, который бил по столу.

— Хаарт, я всегда говорил тебе, что излишний темперамент совсем не отличает настоящего воина, — строго начал он. — Смотри, ты так напугал бедную девочку, что она опрокинула на меня наш с вами обед! — Кажется, он нашёл в этом даже что-то смешное, потому что добродушно захохотал и потянулся к салфетке.

Змейка очнулась от удивлённого оцепенения, первая схватила салфетку и принялась счищать похлёбку с доспехов.

— Извините, мастер, — виновато произнёс рыцарь, потупив взор. — Я запомню ваши слова, и этого больше не повторится…

— Я слышу от тебя это каждый день! — вздохнул его наставник. — А что я говорил тебе насчёт элементарных правил этикета? Помнишь, или тоже забыл?… Да успокойся ты, — обратился он к Змейке, — эти доспехи всё равно были грязными. Беги лучше принеси новый поднос с едой… но только после того, как мой нерадивый ученик сделает то, на что я пытаюсь ему намекнуть, но что, как мне кажется, до него так и не дойдёт! О Солнце, Хаарт! *Извинись!*

Змейка удивлённо захлопала своими длинными ресницами. Хаарт, который оказался очень даже симпатичным молодым парнем с большими тёмно-карими глазами, посмотрел на Змейку. Она смутилась и потупила взгляд.

— Извините, пожалуйста, милая девушка, я вовсе не хотел вас напугать…

— Не стоит извинений, господин, я всё уберу, вам не стоит даже беспокоиться, — ответила Змейка, не переставая удивляться.

Она подняла глаза и снова встретилась взглядом с Хаартом. "Какой он красивый, — подумалось ей. — Я никогда не видела таких красивых парней. У него такие замечательные глаза…"

— Чего же ты стоишь, девочка! — раздался женский голос. — Быстрей-ка принеси нам обед! Мы голодны!

Змейка помчалась на кухню, изумляясь ещё и тому, что третий рыцарь оказался женщиной.

"Но надо же такому случиться! Чтобы рыцарь извинялся перед обычной девчонкой, разносящей еду в трактире, — думала Змейка, собирая еду на поднос. — Конечно, я только помогаю Довире, и я здесь не прислуга, я — настоящая ученица ведьмы, но

они-то не знают! Какие странные… А он всё-таки такой красавчик!"

На этот раз Змейка донесла еду до рыцарей без происшествий. Она принялась расставлять тарелки с похлёбкой и невольно услышала их разговор.

— Конечно, Ордена никогда не ладили, но до открытой борьбы не дойдёт, — с уверенностью сказала женщина. — Дарвей, посуди сам, это будет война внутри страны! Это ставит под угрозу не только внутреннее положение страны, но и внешнее, потому что из-за междоусобной войны между Орденами мы ослабеем, нас легко будет атаковать! Нет, это всё только слухи. Я просто уверена… девочка, разлей вино. И унеси грязную посуду, хорошо?

— Аира, ты слишком упряма для своего молодого возраста, и не желаешь видеть ничего, что противоречит твоим убеждениям.

— Моего молодого возраста? — расхохоталась женщина. — Это я-то, по-твоему, молодая, Дарвей?

Тот, кого звали Дарвеем, с улыбкой отмахнулся.

— Ты гораздо младше меня, конечно, ты молодая. Так вот, я о твоих убеждениях говорил… И они, кстати, излишне поверхностны. То есть не то, что поверхностны… Нет, ты, конечно, во многом права, но ты не учла ещё огромное количество нюансов, которые могли возникнуть.

— Какие такие нюансы?

— Ну, хотя бы то, что конфликт Орденов, назревавший уже долго, много веков подряд, достиг своей наивысшей точки и может случиться так, что война всё равно начнётся, несмотря ни на какие доводы, ведь…

Что дальше, Змейка не услышала, потому что всё, что могла она сделать на их столике, она сделала, и ей пришлось уйти, унося с собой поднос с грязной посудой, рой поднявшихся в ней мыслей, жгучий интерес и безумное любопытство.

После этого она стала работать из рук вон плохо. У неё всё валилось из рук, она опрокидывала подносы, проливала вино, пропускала мимо ушей слова посетителей, разносила заказы неправильно. А всё потому, что её ум занимали лишь слова Аиры и Дарвея. Змейка страшно мечтала о приключениях, историями о которых тешил её отец, пока она жила в родном городе. Об Орденах она, конечно же, знала.

Орден Луны и Орден Солнца существовали в Таэрии с незапамятных времён. Они были как бы антиподами друг друга, полными противоположностями. В одном чтили луну и ночь, в другом солнце и день; в одном ходили в чёрных балахонах и любили напускать на себя таинственность, а в другом носили светлые одежды и ценили открытость. Различий было море, и

почти никакого сходства. Разве что ничем не прикрытые и никем не скрываемые фанатизм в своей вере, преданность своему Ордену и культу и ненависть к оппонентам — вот что объединяло Ордена.

Но, несмотря на такое противостояние, постоянные весьма и весьма нелестные высказывания со стороны приспешников одного Ордена в адрес сторонников другого и следующие за этим стычки и столкновения (преследуемые и осуждаемые, в общем-то, королевской властью) — несмотря на всё это речи о настоящей войне никогда не заходило. Такое случалось, вообще-то, в древности. Ни к чему хорошему это не привело — страну чуть не поработили интервенты с севера; потом соседнее королевство развязало войну; государство разделилось на две части; начались бесконечные восстания, разруха, неурожай, падение экономики и культуры… И, самое главное, никакой из Орденов не одержал окончательной победы. В конце концов, заключили перемирие, переросшее с годами, даже с веками, в относительный мир.

Змейка всё это знала от весьма образованного отца и из книжек, которые получила от него же. Он знал историю Таэрии наизусть; она, благодаря ему, — тоже. Ну, почти. Основные события и самые интересные моменты, которые отец облекал в захватывающие истории, хранились в памяти Змейки и периодически ею оттуда извлекались. Особенно в ночное время, когда она не могла заснуть и, вспоминая их, мечтала о собственных таких же или даже более захватывающих приключениях.

А теперь эти люди говорят о войне! О настоящей войне, которую могут развязать Ордена! Змейка ходила, как в трансе, и размышляла только об этом. Только представить себе, начинается война, и она, Змейка, тоже воюет! Вот она на коне. Она, конечно же, прекрасно владеет мечом, отлично сидит в седле и ничего не боится. Она в доспехах, а рядом на белом жеребце, конечно, этот молодой рыцарь Хаарт. Ещё минута, и они бесстрашно ринутся в бой… А за кого она, Змейка, собственно-то, будет воевать?…

За Орден Солнца, естественно! Хаарт, Аира и Дарвей принадлежат к нему, да и в Биэтиме она привыкла упоминать Великое Солнце. Ну и пусть, что Змейка в Ордене не состоит, отродясь не держала в руках меч, да и на коне ездила только сидя в седле спереди отца. Какая разница. Обязательно произойдет волшебное чудо, её возьмут в войско, и Хаарт за три дня научит её всему…

Хотя, вообще-то, она же колдунья, верно? Тогда почему бы ей ни быть в отряде волшебников Ордена? Пусть она не будет ездить на коне рядом с Хаартом, но зато она сможет себя так показать с

помощью своих магических способностей, что потом, узнав о её подвигах, он тут же в неё влюбится! И по окончании войны, в которой обязательно победит Орден Солнца, они с Хаартом поженятся. Будут жить в родном городе Змейки, где её родители и… Или даже, что ещё лучше, переедут в столицу Таэрии, город Дэшам, вместе с родителями Змейки, и будут там жить, обласканные королевским вниманием…

— Ты, грязная тварь! — заорал на Змейку очередной несчастный, на которого она вылила вино. То, что он крикнул дальше, здесь лучше приводится не будет, но суть его слов была в том, что какое она, Змейка, имеет право проливать на него вино, если он заплатил деньги и вообще притащился в это заведение. Притом, знает ли она, кто он такой? Ну и дальше перечисление имени, титула и перечня собственных достоинств, причём, как Змейка не сомневалась, сильно преувеличенных.

В принципе, Змейка к такому «вниманию» давно привыкла. Тут каждый второй посетитель такой. Напьются, а сами злые, уставшие, да ещё и самовлюблённые. Чуть что, сразу «тварь», "собака", «змея» (Змейка не могла удержаться от смеха, когда её обзывали змеёй, за что получала ещё больше «комплиментов» в свой адрес), «гадина», "сволочь", «скотина» и ещё куча ужасных слов. Змейка по этому поводу не особенно расстраивалась.

Она уже хотела начать свои обычные слова извинений, вытереть всё и пойти за новым кувшином вина, как разоравшийся посетитель, видимо, бывший совсем злым и совсем негодяем, замахнулся на неё. И не избежать бы бедной Змейке удара и болючего синяка, если бы на плечо негодяя не опустилась рука и не раздался бы голос:

— Не смей трогать девушку.

Змейка подняла глаза и им не поверила. Хаарт! Это был он! Пьяный крикун развернулся, презрительным взглядом окинул паренька, видимо, ему было наплевать на его положение рыцаря из-за молодости Хаарта, и сказал:

— Что хочу, то и делаю, понял? Эта шавка пролила на меня вино, и сейчас она сполна получит за свои «заслуги». Эта тварь обязана…

— Тебе лучше не делать этого, если ты не хочешь иметь дела со мной. Возьми свои слова обратно и попроси извинения, — совершенно спокойно проговорил Хаарт. Впрочем, он уже начинал выходить из себя из-за наглости и отвратительных речей негодяя. Весь трактир к тому времени уже с замиранием наблюдал за разгорающимся конфликтом.

— Ты, молокосос вонючий, подумаешь, блин, рыцарь хренов, замолкни! Ха, вы поглядите на этого смазливого красавчика, да у

него же молоко на губах ещё не обсохло! Стань мужчиной, мальчик, а потом и потолкуем! А ты, скотинка… — Он развернулся к Змейке, всем своим видом показывая, что его разговор с Хаартом окончен.

Но сам Хаарт так не считал. В нём закипел гнев. Из-за юношеской горячности эмоции всегда затмевали его разум. Однако в таком случае даже самый хладнокровный рыцарь не вытерпел бы. Хаарт снова потребовал немедленно извиниться перед ним и перед Змейкой и взять свои слова обратно.

В ответ на это пьяный мерзавец расхохотался парню в лицо. Хаарт не выдержал и заехал ему по его наглой пьяной морде.

Змейка отскочила в сторону. Все быстро образовали круг свободного места для дерущихся.

Началась драка, но она длилась недолго. Хаарт был гораздо ловчее и проворнее. Он был великолепно обучен, и победить весьма нетрезвого человека ему ничего не стоило. Обидчик Змейки вскоре лежал на полу без сознания.

Змейка глядела на своего спасителя, не скрывая восхищения.

— Учитель всегда говорил мне, что нельзя спокойно смотреть на то, как обижают слабых, — скромно молвил Хаарт.

Но, оказывается, ничего ещё не кончилось. Друзья с позором поверженного крикуна, общим числом трое пьяных мужчин, набросились на Хаарта сзади. Противостояние длилось недолго. Хаарт вынырнул из-под их неуклюжей кучи, пнул одного, ударил другого, отбросил третьего. Из толпы вышли Аира и Дарвей.

— Прекратите все! — властно сказал Дарвей. Все замерли. — Что ты тут устроил, Хаарт? — грозно обратился он к своему ученику. — Стоило нам отлучиться… Хаарт, мы только отсели в другой конец трактира поговорить со знакомыми, как ты уже устроил заварушку!

— Извините, наставник. — Хаарт явно не чувствовал себя виноватым, и извинение его вышло каким-то совсем не извинительным, что ли. — Я не мог поступить иначе. Этот негодяй хотел обидеть девушку. — Он указал на Змейку. — Я сначала просто говорил с ним, но он не послушал, и тогда…

— Он набросился на тебя первым?

— Ммм… Вообще-то, я ударил его первым, учитель, но, учитель, он позволил себе оскорбления не только в мой адрес, но и в адрес девушки, и вообще, хотел её ударить… Вы же сами учили меня, что…

— Ладно, Хаарт. Пойдём. А вы что уставились, зеваки? Вы сюда есть и пить пришли! Только бы и посмотреть, как кто-то набивает кому-то морду! Идём, идём, мой вспыльчивый ученик! Нам надо успеть на корабль, помнишь об этом?

Все вернулись к своим столикам, трое рыцарей направились к выходу, и только Змейка осталась на месте, сжимая в руках поднос и провожая взглядом Хаарта. Когда дверь за рыцарями уже захлопнулась, она опомнилась и побежала за ними.

— Извините, господин, — крикнула она вслед. Рыцари обернулись. Хаарт обрадованно улыбнулся, увидев Змейку. — Я… я забыла, что так и не отблагодарила вас, ой, то есть, я *вспомнила*, что *забыла* вас поблагодарить за то, что вы спасли меня… то есть, защитили, ну, я имею в виду, заступились за меня… спасибо, господин… — заплетающимся от волнения языком говорила Змейка, про себя негодуя, что путает фразы, и теперь Хаарт обязательно подумает, что она глупенькая дурочка.

— Не стоит и благодарить… ничего такого, хм… то есть, любой бы поступил так. — Кажется, Хаарт волновался не меньше Змейки. — И не нужно называть меня господином!

Змейка улыбнулась и смущенно опустила глаза. Хаарт тоже слегка улыбнулся.

— Я не знаю твоего имени… можно мне называть тебя… то есть говорить тебе… я имею в виду, обращаться к тебе на "ты"? — спросил он. А сам поругал себя в мыслях. Пока спрашивал, уже и так успел четыре раза сказать ей "ты".

— Можно, гос… Можно. Меня зовут… — Змейка запнулась. Впервые в жизни она стеснялась своего имени. Она всегда гордилась тем, что оно вот такое оригинальное, но в тот момент больше всего на свете желала, чтобы её звали по-другому, как-нибудь очень красиво и мелодично… Но что поделаешь? — Меня зовут Змейка, — робко, едва слышно сказала она.

— Это прозвище? — удивился Хаарт.

— Это имя, — вся сжалась девушка.

— Очень необычное имя. И звучит красиво. Змейка! — заулыбался молодой рыцарь, и Змейка вся засветилась от счастья. — А меня зовут Хаарт. Очень рад познакомиться с тобой, Змейка!

— Хаарт! — позвал Дарвей.

Парень оглянулся на своего наставника, потом повернулся к девушке и вздохнул.

— Мастер Дарвей зовёт меня.

— Вы уезжаете сегодня?

— Да. Вообще-то, корабль отходит только ночью, но учитель говорит, нам надо выспаться перед плаванием, и мы сейчас идём в какую-нибудь местную гостиницу снять комнаты на несколько часов.

— Вы ещё не успели найти себе места! — радостно воскликнула девушка.

— Да, а что? — не понял Хаарт.

— Моя наставница сдаёт комнаты, и у неё как раз есть целых три свободных!

— Твоя наставница? Сдаёт комнаты? — Хаарт не много понимал, ведь он думал, Змейка — обычная девчушка, снующая с подносом по трактиру и разносящая еду. Однако он всё же обрадовался. — Так это же замечательно!

— Хаарт! Я понимаю, конечно, девочка прелесть какая хорошенькая, но…

— Учитель! — воскликнул парень, подбежал к Дарвею и Аире и быстро изложил суть предложения Змейки. Дарвей и Аира с улыбками переглянулись и дали согласие.

Змейка помогла рыцарям разместиться в комнатах Мавиры, которая была ужасно довольно своей проворной ученицей. Ещё бы, теперь в комнатах Мавиры почуют самые настоящие господа рыцари! Когда Змейка устроила гостей, поела и получила целую порцию скупых, но таких приятных похвал своей наставницы, она, счастливая, отправилась наверх, на чердак, где была обустроена её комната.

По пути ей пришлось пройти около комнат рыцарей. Когда она шла мимо комнаты Хаарта, дверь приоткрылась, и юноша выглянул наружу.

— Змейка, это ты! Я услышал шаги и решил посмотреть, кто там, — сказал он, улыбаясь.

У Змейки перехватило дыхание. Единственное, что она смогла сделать — это улыбнуться в ответ. Говорить она просто не могла. Она не знала, что с ней происходит, но едва ей стоило взглянуть на Хаарта, как сердце у неё на миг замирало, а потом начинало биться с бешеной скоростью. Коленки дрожали, ладони потели, по спине бегали мурашки, язык прилипал к гортани, и она ни словечка не могла вымолвить.

Хаарт вышел в коридор, прикрыл дверь. Он уже снял доспехи, и теперь был в простой серой рубахе, тёмных штанах и кожаном поясе. У него была замечательная фигура, и ростом он был высок. Змейка боялась взглянуть на него, потому что знала — стоит ей посмотреть, как она не сможет оторвать глаз. Смешная копна взъерошенных тёмно-русых волос, весёлые карие глаза, сияющая, открытая улыбка, такие милые ямочки, появлявшиеся, когда он улыбался…

— А куда ты сейчас идёшь? — спросил он.

— Эээ… ммм… — Змейка сглотнула, борясь со странным чувством, мешавшим ей говорить. — На чердак. То есть, в свою комнату.

— Так на чердак или в комнату?

— Это вообще-то одно и то же, — рассмеялась Змейка. — Идём со мной?… — выпалила она и сама испугалась своей смелости.

— Идём, — согласился Хаарт.

Они поднялись на чердак и вошли в комнатушку Змейки. Она не была очень уж большой, но вмещала небольшой книжный шкаф, кровать, сундук, стол и стул, причём оставалось ещё немного свободного места. Наверху было маленькое окошко, через которое проникали лучи солнца.

Змейка зажгла масляную лампу.

— Вот и моя комната!

Хаарт с интересом огляделся.

На столе была разбросана куча книжек и свитков; в шкафу стояли склянки, мисочки, горшочки и коробочки; странно и непривычно пахло сушёными травами, а в углу стоял котелок.

— Ты прямо колдунья какая-то, — засмеялся Хаарт.

— А я и есть, — гордо ответила Змейка. — Моя учительница Мавира — колдунья и целительница. Я её ученица. Я уже больше, чем два года учусь колдовству и лекарскому искусству.

Хаарт посмотрел на Змейку с удивлением и восхищением.

— Так ты маленькая волшебница! — воскликнул он. — А чудо мне покажешь?

— Покажу, — рассмеялась девушка. Она уже чувствовала себя не так скованно.

Змейка подошла к шкафу, взяла пустую мисочку, ступку и немного цветков нескольких особых растений с длинными и странными названиями, которые она сама так и не запомнила. Она быстренько растёрла сушёные цветки в порошок, отложила ступку и подошла к Хаарту, с интересом наблюдавшего за её работой.

— Сейчас тебе будет чудо, господин рыцарь!

Она взяла в ладонь горсть порошка и высыпала его в стакан воды, стоявший на столе. Потом Змейка разбрызгала всю воду по полу и на стены комнаты. Секунды три ничего не происходило. Хаарт уже хотел пошутить по этому поводу, но тут и начали свершаться чудеса.

Из деревянного пола стали расти цветы! Сначала совсем мало, потом больше и больше, — розовые, сиреневые, жёлтые, оранжевые, каких только не было! Яркие, красивые, весёлые и радующие глаз. Они всё росли и росли, пока, наконец, Хаарт внезапно не обнаружил, что цветами поросли и стены, и пол, и даже потолок комнатки Змейки.

— О, это действительно чудо! — восхищенно согласился

парень. — Невероятно!

— Вообще-то они скоро исчезнут, — призналась Змейка. — Они не совсем настоящие.

Хаарт, словно сам желая убедиться, дотронулся до одного из цветков с нежными розовыми лепестками. Цветочек качнулся от прикосновения. Юноша сорвал его и вдел в светлые волосы Змейки. Девушка смущенно улыбнулась, и Хаарт невольно залюбовался, глядя на неё.

Её вьющиеся волосы нежно рассыпались по плечам, на щеках играл румянец, светло-карие с изумрудным отливом глаза ярко и задорно блестели. Змейка мило улыбалась, слегка наклонив голову. Она стояла посреди цветочной полянки, которую только что, на глазах Хаарта, вырастила сама, а розовый цветочек, что он сорвал для неё, будто бы и создан был только для того, чтобы лежать у неё в волосах.

Глядя на неё, такую необычную, такую удивительно красивую, Хаарт решил, что она — самая прекрасная девушка, какую он когда-либо видел. А Змейка стояла, смотрела с улыбкой на юношу и думала о том, что он — самый прекрасный парень, какого она видела за всю свою жизнь.

В общем, в таком странном оцепенении они стояли несколько минут, любуясь друг другом, пока, наконец, не очнулись и не начали весело смеяться.

Затем Змейка и Хаарт уселись на пол, устланный цветами, и принялись болтать. Хаарт говорил об обучении в Ордене, Змейка рассказывала, как она учится у Мавиры; потом она показывала ему ещё «чудеса»; они смеялись, разговаривали, шутили, и им казалось, что они знают друг друга уже целую тысячу лет. Три часа пролетели, как три минуты.

Безоблачное счастье их закончилось тогда же, когда разрушились чары волшебного порошка. Стоило цветам исчезнуть, как внизу раздался голос Дарвея, звавшего Хаарта.

— Уже время ехать на пристань, — вздохнул парень.

— Нет! — испуганно вскрикнула Змейка. — Так быстро?… — робко спросила она, слегка засмущавшись своего бурного проявления чувств.

Хаарт посмотрел на неё, хотел было что-то сказать, но тут Дарвей снова окликнул его. Юноша повернулся и прокричал учителю, что сейчас спустится. Змейке на глаза навернулись слёзы, но она смахнула слезинки, так что когда молодой рыцарь вновь повернулся к ней, он ничего не заметил. Он с грустью заглянул ей в лицо.

Ему столько хотелось ей сказать. Что она самая замечательная девушка на свете, и что ему так не хочется с ней

расставаться, что он всё бы отдал, чтобы ещё остаться с ней… Но ему не хватило смелости, и он промолчал.

Змейке на глаза опять набежали слёзы, и она поспешно отвернулась, делая вид, что приводит в порядок стопку свитков. Как бы она хотела поехать с ним, с Хаартом! Но ведь это невозможно. Он возвращается в Орден, и ей там делать нечего. Хотя… она может спрятаться в трюме, а там, в Тадоре они что-нибудь придумают. Потерять Хаарта, разлучиться с ним, когда она только его нашла, уже казалось ей величайшей трагедией, которую она не сможет пережить. Точно так же думал и Хаарт, но ни она, ни он не нашли в себе смелости признаться в этом друг другу.

— Проводишь меня? — наконец произнёс он.

— Да, конечно, — кивнула она.

Они встали и спустились вниз.

Наставник Хаарта и Аира стояли около Мавиры.

— Так я и знала, что эта чертовка увела парнишку к себе! Шустрая бестия, — заворчала колдунья. — Змейка, я провожу гостей, а ты бегом на кухню. Проследи пока за ужином. И не забудь, через полчаса мы поедем на пристань, нам нужно собрать воду с лунной дорожки… Давай, давай, девочка, быстрее вниз, ужин пригорит!

Змейка просто полетела вниз. "На пристань, на пристань, мы едем на пристань!" — стучало у неё в голове.

Змейка попробовала еду, и решила, что она вполне готова. Она сняла котелок с огня и поставила его на доску. Её руки тряслись, как в лихорадке, она пыталась успокоить себя, но ничего не могла поделать. В это время Мавира как раз говорила в пороге с рыцарями.

— Говорите, корабль отплывает в полночь? Тогда не взяли бы вы Змейку с собой? Просто не хочется оставлять дом, в котором ещё есть постояльцы… Она соберёт воды, а уедет на одной из телег, направляющихся в город. Такие отходят с пристани довольно часто. Будут ведь, наверное, провожающие!.. Не бойтесь, девочка не пропадёт, доберётся одна. Все в городе знают, что она колдунья, и хоть понимают, что она не злая и вроде как безобидная, втайне побаиваются её. А уж в полночь им будет до смерти страшно подойти к ней, не то, что попытаться обидеть! Да и к тому же, страшно даже представить, что будет с тем, кто хоть пальцем коснётся волоска этой девчонки! *Меня-то* уж в городе все знают!..

— Хорошо, тогда мы отвезём девочку, — кивнула Аира.

Змейка была на седьмом небе от счастья.

Так как коней у рыцарей Ордена Солнца было только три, Змейка села в седло перед Хаартом.

— Держись крепко, — сказал он ей.

— Я сто раз каталась с папой на лошади, — немного обиженно ответила Змейка.

— Сотни раз недостаточно, чтобы быть уверенным, что удержишься! — засмеялся Хаарт.

До пристани они добрались довольно быстро. Когда они прибыли, до отплытия оставалось где-то полчаса. Дарвей и Аира завели коней на борт корабля, занесли вещи. Аира сразу спустилась в каюту, отведённую им, а Дарвей подошёл к Хаарту.

— Вы поговорите ещё, но минут через пятнадцать поднимайся, — сказал он. — И, Хаарт, — Дарвей внимательно поглядел в глаза своему ученику, — никаких глупостей. Понял?

— Конечно, учитель, — кивнул Хаарт. Когда Дарвей ушёл, юноша посмотрел на Змейку. На языке вертелась тысяча слов, что он хотел ей сказать, но Хаарт молчал, глядя в карие глаза девушки.

"Когда будут поднимать якорь, я нырну и ухвачусь за него. А когда якорь поднимется до палубы, я задержусь за борт. Потом незаметно заберусь и спрячусь!" — думала Змейка, а потом поняла всю нелепость своих мыслей, и невольно улыбнулась, будто бы усмехаясь над самой собой.

Хаарт улыбнулся в ответ, но потом его взгляд вновь погрустнел. "Я не хочу уезжать от тебя, Змейка!" — хотелось крикнуть ему, но он всё молчал, а время неумолимо бежало.

С палубы за ними пристально наблюдал корабельщик.

Вдруг Змейка не выдержала, и по её щекам покатились слёзы. Хаарт удивлённо улыбнулся и утёр её щёки.

— Почему ты плачешь?

Змейка опустила голову, не зная что сказать. А Хаарта вдруг осенила идея.

— Змейка, ведь тебе ещё нет двадцати? — спросил он, хотя и знал ответ.

Девушка подняла взгляд и помотала головой, не понимая пока, к чему он клонит.

— А ты ведь можешь поступить на обучение в Орден… — Хаарт перевёл дыхание, которое перехватывало от волнения. — Это, конечно, очень сложно, но если Дарвей и Аира попросят за тебя, тебя могут принять!..

В глазах Змейки загорелась надежда. Хаарт сжал её ладонь.

— Дарвей мне как отец… он должен меня понять! Как же я сразу не додумался, сейчас я его позову!

Юноша, радостный, взбежал на борт корабля и скрылся в

трюме. Улыбающаяся Змейка глядела ему вслед. Потом она вспомнила о своём задании, и чуть ли не решила собирать воду. "Вот дурочка! Если я уеду, зачем мне это будет нужно? Интересно, будет ли Мавира скучать по мне? Ой, а как же мама с папой?… Но ничего, я выучусь в Ордене, и они будут гордиться мной!" Змейка была счастлива от переполнявших её надежд.

Прошло какое-то время, и по бортику, соединявшему палубу корабля с причалом, спустились Хаарт, Дарвей и Аира. Змейка, закусив губу, смотрела на наставника Хаарта, выглядевшего более чем грозно.

— Как твоё имя? — спросил он.

— Змейка.

— Полное имя?

— Это моё полное имя, данное мне при рождении, — стараясь сохранять спокойствие и уверенность, ответила она. — Меня зовут Змейка.

Дарвей посмотрел на неё с сомнением.

— Кто твои родители?

— Мой отец Та*а*рк, королевский гонец, а мать Злар*е*са, целительница. Они живут в Ад*и*се.

— Волшебники Ордена проверяли тебя, есть ли у тебя колдовской дар?

— Нет…

— И ты наивно полагаешь, что сможешь учиться в Тадоре?

Змейка чуть не плакала от досады.

— Учитель, но она ведь уже два года учится на целительницу… — попытался встать на защиту девушки Хаарт.

— Она может выучить назубок все травы и рецепты лечебных зелий, но это не возместит отсутствия природного дара, необходимого, чтобы учиться в Ордене на колдунью!

Хаарт глубоко вздохнул и сказал:

— Извините, учитель, но если вы не возьмёте Змейку, я останусь здесь.

— Что?!

Змейка тоже смотрела на Хаарта с удивлением. Одна Аира молчала и улыбалась.

— Ты не можешь! — задохнулся Дарвей. — Ты связан с Орденом!

— Я отрекусь от Ордена.

— Это покроет тебя позором!

— Пусть. Я буду обычным человеком, а не рыцарем, и буду со Змейкой.

Девушка смотрела на него с изумлением, смешанным с тревогой и радостью. А вот Дарвей был вне себя от злости:

— Ты дурак, Хаарт! Ты и дня не знаешь этой девчонки, и ради неё отречёшься от всего, ради чего жил раньше? И не говори мне про любовь и прочие глупости! Тебе только-только исполнилось двадцать, ты и жизни-то не видел! Неужели ради мимолётного увлечения ты забросишь своё будущее?

— Да, — сказал Хаарт, стараясь сохранять спокойствие, хотя он очень волновался. — Простите меня, учитель.

— Дарвей! — вступила в разговор Аира. — Успокойся! Неужели ты не влюблялся никогда? Дай девочке шанс; она совсем молода и, возможно, не так уж проста, какой кажется! Она ведь маленькая колдунья, как никак! — На губах Аиры играла улыбка.

— Не время шутить, Аира, — мрачно сказал Дарвей.

— А кто шутит, Дарвей? А вдруг она может стать волшебницей? Да на худой конец, я могу пристроить в Орден кого угодно, а её, наученную грамоте и базовому целительскому и колдовскому искусству, тем более! Писари, хранители библиотек, ассистенты магов, травники — Великое Солнце, Дарвей, сколько вакансий! Не делай из этого проблему. — Аира улыбнулась Хаарту и Змейке. — Не отчаивайтесь, дети. Идём на корабль. И хватит прожигать меня своим тяжёлым взглядом, Дарвей. Кто ведёт себя, как дурак, так это ты, уж прости! Ну и что в этом такого предосудительного, плохого? Что ты встал, как истукан? Поднимайся на борт.

Путешествие было удивительно прекрасным. С Дарвеем все помирились, и утром следующего дня он уже не дулся, не ворчал и ничему не противился. За Змейку заплатила деньги Аира. Змейка была без ума от неё. Аира оказалась очень доброй и отзывчивой, и любила Хаарта, а теперь ещё Змейку нежной материнской любовью.

Змейка и Хаарт проводили почти всё время вместе, гуляли по палубе, глядели на чаек, на небо, на море, а когда Хаарт уходил к Дарвею на тренировку на мечах, Змейка оставалась с Аирой. Аира учила Змейку географии мира по красочной большой карте, рассказывая о разных странах всё, что знала сама — и просто факты, и события истории, и легенды народов этих стран. А по ночам, когда расходились по каютам (Хаарт был в одной каюте с Дарвеем, а Змейка — с Аирой), девушка болтала с женщиной-рыцарем, что называется, "по душам". Они говорили обо всём на свете.

Как-то Змейка спросила Аиру про войну, и та ответила, что уже Змейка слышала, — что это только сплетни. Но Аира также добавила, что всё может быть, и если Ордена развяжут войну, ничего хорошего из этого не выйдет. На Таэрию обрушится

великое множество бед и несчастий. Прольётся много крови — и крови невинных тоже. И вполне возможно, затем начнётся новая война, уже не внутри страны.

— У нас много, так сказать, озлобленных соседей, — сказала Аира и показала на карту. — Видишь, вот четыре страны, с которыми мы граничим: Танредор, Эвенур, Таверланд и Ханелас. Две последние большой опасности, в принципе, не представляют. Эти королевства меньше Таэрии, они развиты хуже нас. Но вот Эвенур и Танредор! С этими двумя Таэрия воевала всю свою историю. Причём несмотря ни на что, им так и не удалось нас покорить. У нас с ними вроде мир, но стоит Орденам начать войну, тут же подоспеют эвенурцы и танредорцы.

— Почему они такие злые?… — непонимающе спросила Змейка.

— Змейка! — улыбнулась Аира. — Ты так наивна. Дело, конечно, вовсе не в том, что там живут сплошь негодяи. Просто есть много вещей, из-за которых начинают войну. Ты вряд ли сейчас поймешь. Экономика, политика… честно говоря, я сама кое-чего до сих пор не понимаю. И вообще, я не думаю, что есть хоть какая-то вещь, которую я способна понять и которой я смогу оправдать войну.

— Как же так? — удивилась Змейка. — Бывают же праведные войны, мне отец рассказывал… когда народы Таверланда шли против танредорцев в Войне За Веру. Они ведь отстаивали свою религию, свою свободу!.. Или, например, Таэрийская освободительная война…

— Ты права, Змейка. Но ведь и таэрийцы, и таверландцы, и все, чьи военные действия мы оправдываем, не первыми нападали, верно? Кто-то уже начал войну, напал на них, и они обороняются, защищают себя и свою родину, свою свободу, свою веру. А это уже другое. Я говорю о том, чтобы первыми начать войну. Я не вижу ни одной действительно стоящей причины.

— Аира, а…

— Послушай, время-то уже позднее, а мы завтра прибываем в Тадор. Залезай-ка в кровать и ложись спать, Змейка. Вот так. Я потушу свечку. Спокойной ночи.

— Эх. Ладно, я спрошу тебя завтра, да? Если не забуду. Спокойной ночи.

Змейка перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Она никак не могла уснуть, думала о войне. Аира очень плохо относится к войне. Змейка подумала, что, наверное, мнение женщины-рыцаря о битвах и прочем какое-то странное и не вяжется с её образом. Может, она просто не очень хороший воин? Или боится сражения? Но это вряд ли! Однако Змейка думала,

что всё-таки без сражений и битв жизнь была бы скучной. В историях, которые рассказывал ей отец, воины, не знавшие страха, храбро бросались в бой и получали истинное наслаждение от хорошей передряги. Змейка всегда мечтала попасть в опасное, захватывающее дух приключение. Кто знает, может, её именно такое ждёт на пути?

Змейка мечтала.

Змейка заснула.

Днём они были уже в Тадоре, этом прекрасном, большом и красивом городе. Змейка была очарована и заворожена. Она никогда не была в таком большом и шумном городе. Тадор был резиденцией Ордена Солнца. Дарвей и Аира сразу же направились во дворец Солнца, а Хаарт со Змейкой решили немного погулять. Это был незабываемый день для Змейки. Они долго гуляли по красивым улицам города, были на центральном рынке, в разных интересных лавочках, посидели в таверне, гуляли на пристани, в парке и на главной площади с огромными фонтанами и статуями. Хаарт купил Змейке очаровательный браслетик в виде двух переплетённых змей.

Змейка была абсолютно счастлива.

К вечеру они отправились в замок Ордена.

О небеса, неужели это всё происходит со мной? Кажется, только вчера я училась у Мавиры и подрабатывала в таверне, мечтала о приключениях, но взамен получала лишь тумаки от своей наставницы за невнимательность! А сегодня! Сегодня я сижу в самом настоящем одеянии послушницы Ордена Солнца!!!

Кажется, это всё правда! Ущипнуть себя, что ли? Неужели я действительно была принята в Орден? Конечно, жалко, что дара волшебного у меня только капелька, и учиться я буду всего лишь на колдунью-целительницу, но сам факт того, что я теперь причастна к Ордену!.. Надо написать родителям. И Мавире.

Завтра с утра начинаются мои первые уроки. Они проходят в больших залах в левом крыле замка. На верхних этажах располагаются комнаты послушников, в каждой комнате живут по трое. Я уже познакомилась со своими соседками, вернее, только с одной. Её зовут Юна, она чародейка. Она сказала, что вторая моя соседка это Рейна, она рыцарь, причём в отличие от нас с Юной, которые только первый год в Ордене, Рейна здесь с десяти лет, так что она тут уже почти восемь лет.

Я спрашивала Аиру про войну, но она увильнула от ответа. Что происходит в стране? В Ордене ничего не узнаешь, молодые послушники совершенно не просвещены насчёт происходящих

событий, а старшие молчат, как рыбы. Неужто считают нас маленькими? Ну вот, я так не играю.

Я уже три дня не видела Хаарта. Из-за всех этих поступлений, подготовок и прочего, я не успеваю сбегать к нему. Аира сказала, у него напряженные тренировки. Рейна тоже занимается, поэтому я никак не могу с ней познакомиться.

В комнату вошла Юна и зовёт на ужин. Что ж, я пошла.

Началось обучение Змейки в Ордене.

Первый день прошёл хорошо. Все относились к ней доброжелательно и приветливо, жаждали познакомиться и пообщаться.

Когда начались занятия, Змейка показала себя с лучшей стороны. Оказалось, что многое из того, что изучали целители в Ордене, она уже знала, просто ей было объяснено это Мавирой более простым и доступным языком. Поэтому она сначала не могла приспособиться к непонятным и заковыристым фразам, какими пользовались послушники и наставницы. Говорила она гораздо более просто, а целебные растения называла так, как они звались в народе, над чем остальные вначале посмеивались. Но потом все замолкли, потому что в знаниях целительского искусства и трав Змейка превзошла всех остальных послушников.

Занятия, которые показались Змейке очень интересными, длились около трёх часов, а затем послушники отправились на перерыв во двор замка, где был сад, а также огромная тренировочная площадка.

Целители, а общим числом их было шестнадцать вместе со Змейкой, уселись вокруг неё и принялись расспрашивать.

— А откуда ты, Змейка? — спросила Нара, девушка весёлая и талантливая. Змейке она нравилась.

— Мои родители живут в Адисе, пригороде Дэшама, я тоже жила с ними там до одиннадцати лет. Потом меня отправили в Биэтим.

— А что ты делала в Биэтиме? Училась?

— Да, я училась у биэтимской колдуньи.

— А кто твои родители?

— Моя мать целительница, а отец был королевским гонцом, — с гордостью ответила Змейка. — Сейчас он, правда, уже стар для такой работы…

Затем разговор повернул в сторону сегодняшнего урока, и все горячо принялись обсуждать тему занятия.

В скором времени во двор вышли чародеи — двадцать один послушник.

Змейка встала навстречу Юне, они поздоровались и сели на

скамеечку поболтать.

— Кстати, там тренируются рыцари, — показала Юна на тренировочную площадку. — Идём туда, я познакомлю тебя с Рейной.

"И я увижу Хаарта", — с радостью подумала Змейка, но вслух ничего не сказала, потому что Юне про Хаарта ничего не рассказывала.

Рыцари-послушники сражались на мечах в лёгких туниках и штанах. К счастью, Рейна оказалась совсем рядом и, заметив Юну, оставила бой на минутку и подбежала к ним.

— Привет, — улыбнулась она. Рейна оказалась довольно высокой загорелой девушкой с тёмно-каштановыми волосами, эффектно отливавшими медью, и большими карими глазами. Она была крепкой, подтянутой и стройной. — А ты…

— Привет, меня зовут Змейка, я приехала недавно, и учусь на целителя. Мы соседки по комнате, — представилась Змейка.

— А я Рейна, — представилась она в ответ и повернулась к Юне. — У меня сегодня день начался с неудачи, — вздохнула она. — Представляешь, Юна, меня не поставили в пару с моим Лапочкой.

— Ты со своим Лапочкой!.. — махнула рукой Юна. — А что он, кстати?…

— Ничего особенного, поздоровался, немного поговорили… Но я заметила странный весёлый огонёк в его глазах! Он очень радостный, может, рад возвращению из путешествия, в которое он уезжал со своим наставником?

У Змейки ёкнуло сердце.

— Ну, и, наконец, увидел тебя! — хихикнула Юна. — А он сказал, что соскучился? Поцеловал?

— Если бы…

— Но ты же говоришь, он тебе симпатизирует, да?

— О, ещё как! Я это давно подметила, просто он стесняется. Он ведь робкий, ты заметила?

— Да, твой Лапочка такой застенчивый.

— Но он просто чудо!

Змейку страшно подмывало спросить, как же зовут их «Лапочку», но тут всё решилось само собой. Рейна спросила, знает ли Змейка Хаарта, и не успела та ответить, как девушка-рыцарь позвала юношу.

Едва Хаарт увидел Змейку, он совсем забыл, что шёл около Рейны, о чём-то рассказывая ей. Он кинулся к Змейке, обнял её, потом засмущался, отстранился, но не выпустил из своих рук ладоней девушки.

— Моя маленькая Змейка, я так соскучился по тебе! — Он

ласково потрепал её золотистый локон. — Как тебе в Ордене?

— Замечательно! Здесь просто чудесно, я и не мечтала о таком, — отвечала Змейка, не в силах оторвать взгляда от юноши. — Сегодня были мои первые занятия, я познакомилась с остальными целителями и своими соседками по комнате. Я буду жить с Юной и… Рейной.

Рейна и Юна застыли и в молчании наблюдали за весёлой болтовнёй явно влюблённых друг в друга Змейка и Хаарта.

Затем Дарвей позвал Рейну и Хаарта, и заодно поприветствовал Змейку, которая ужасно рада была видеть наставника своего возлюбленного.

Змейка и Юна направились внутрь замка, так как скоро начинались занятия. Сначала они шли в молчании, а потом юная чародейка заговорила:

— Послушай, Змейка… Я не понимаю. Ты, что, знаешь Ла… Хаарта?

— Да… Понимаешь, Юна, мы познакомились в Биэтиме, когда Хаарт, Дарвей и Аира были там. В общем, из-за нашего знакомства я и отправилась в Орден… — Змейка замялась, не зная, что и сказать, да и вообще она не больно-то горела желанием рассказывать Юне, подружке Рейны, всю их историю — её и Хаарта.

— Да-а… — протянула Юна. — Ты ведь поняла, Рейна без ума от него? Они в Орден вступили в один и тот же год, всегда ладили… Конечно, между ними никогда ничего такого не было, но… но всем казалось, что вот-вот и… понимаешь, кажется, — да даже не кажется, а точно — симпатия была обоюдной! Но ты всё перевернула.

Змейка молчала.

— Знаешь, не думай, что я тебе угрожаю или что, но я характер Рейны знаю. Она тебя возненавидит, Змейка, и всё её окружение тоже. Я-то нет, я с ней не очень общаюсь, она не такая, какой бы я хотела видеть свою подругу… Но для многих она, наоборот, любимица и образец для подражания, так что готовься…

Это взбесило Змейку.

— Юна! Мне всё равно. Для меня главное — это обучиться в Ордене и быть рядом с Хаартом. Вот и всё. Тебе ведь в ту сторону? А я пошла на свои занятия.

Юна оказалась права, и Рейна действительно ополчила всех своих друзей против бедной Змейки. Начавшийся так замечательно день закончился просто кошмарно. За ужином друзья Рейны бросали на Змейку косые взгляды, нагло

показывали на неё пальцами, обсуждали, насмехались и посмеивались. Когда после ужина все встали из-за столов и пошли расходиться по комнатам, Змейку несколько раз толкнули, причём явно нарочно. При этом они ещё и громко возмущались, будто Змейка, только прибывшая в Орден, совсем обнаглела и не смотрит, куда идёт, строит из себя неизвестно кого. И всё в таком духе.

Настроение Змейки было безнадёжно испорчено. Она сидела и злилась в комнате, тщетно успокаиваемая Юной. Юна, на самом-то деле, никогда и не относилась к Рейне прямо очень уж хорошо, просто они ведь жили в одной комнате, так что обсуждали всё на свете, но, естественно, и Юна, и молодые целители были против несправедливого и необоснованного ополчения на бедную, только что прибывшую Змейку.

Внезапно дверь открылась и вошла Рейна. Она абсолютно спокойно поприветствовала и Змейку, и Юну, будто ничего не произошло. Только в её тёмных глазах сверкал и плясал странный коварный огонёк.

Рейна громко вздохнула, пожаловалась на усталость и, как ни в чём не бывало, разделась и легла на постель. Она с торжеством отметила в их взглядах злость и, пожелав спокойной ночи, закрыла глаза.

"Вот стерва, — подумала Змейка. — Но какое мне дело до неё! Что я сама сегодня сказала Юне? Мне главное выучиться в Ордене и быть рядом с Хаартом, больше меня ничего не волнует. Мне абсолютно всё равно, что будут думать обо мне эта Рейна и все её друзья".

Решив так, она пожелала Юне спокойного сна и тоже легла.

Я обещала себе не обращать внимания на эту противную Рейну и её компанию, но не могу! Это невыносимо, они достают меня везде, даже на уроках! Я сегодня только на занятии обнаружила, что мне смешали все мои зелья — домашнее задание, — а ведь мы должны были сдавать их на проверку наставнице. Я получила такой нагоняй, и мне абсолютно не поверили, что кто-то подставил меня. Это было ужасно обидно; наставница сказала кучу неприятных и абсолютно несправедливых вещей. Например, будто бы я лентяйка, и никто никогда не заставлял меня полностью выкладываться. Знали бы они, как я трудилась и училась у Мавиры, они столько за неделю не учат, сколько я делала за один день! Да и ещё обвинила меня в незнании элементарных вещей. Но я знаю много всего такого, о чём даже не имеют понятия её ученики! Почему всё так несправедливо?

Юна сказала, чтобы я поговорила об этом с Хаартом, но мне

совершенно не хочется вмешивать его в это. Я как-нибудь сама разберусь с этой злюкой. Я видела его сегодня, но совсем недолго. Он бежал на свои занятия. Он сказал, тренировки внезапно стали гораздо более частыми и напряженными. На то же жалуется и Юна. Кажется, и в группе целителей то же самое, но я не могу заметить разницу, ведь я не училась здесь раньше.

Я уже давно не видела ни Аиру, ни Дарвея. Интересно, как там они.

Я отправила письма маме с папой и Мавире. Вот они удивятся, что я теперь учусь на целительницу в Ордене Солнца! Я ничего не написала им о Хаарте, но Мавира наверняка догадалась и сама напишет об этом моим родителям. Представляю, как она метала гром и молнии, когда обнаружила, что я сбежала. Но я уверена, она порадуется за меня. Хоть она вечно ругала и даже слегка поколачивала меня иногда, у неё доброе сердце.

Я так закрутилась в вихре своих проблем и учёбы, что совсем забыла об Орденах. Сегодня я опять размышляла о войне. Я хотела сходить в библиотеку и немного почитать об истории Орденов, но пришла Нара и сказала, что нам объявили экзамен по теории через два дня, а ведь я совершенно ничего не понимаю в теоретической части целительства. Так что мы вышли в сад, и она рассказывала мне всё, что они успели изучить. Она очень хорошая девушка, мне нравится с ней общаться. Завтра мы тоже будем готовиться с ней, так что у меня не останется ни одной свободной минутки. Я очень скучаю по Хаарту, конечно же, по родителям и, удивительное дело, по Мавире и даже Довире и её таверне.

Уже почти целый месяц Змейка была в Ордене.

Вообще-то она надеялась, что будет каждый день видеться с Хаартом, но всё вышло совершенно иначе. Все группы послушников целые дни проводили в своих отделениях замка и занимались, тренировались, упражнялись вчетверо больше обычного. Даже с Юной она теперь виделась лишь по вечерам в комнате. Затем Хаарт вообще уехал с Дарвеем и ещё группой рыцарей (Аиры среди них не было, как, к счастью, и Рейны) куда-то, а куда, Змейка не имела понятия.

В занятиях у неё были заметные успехи, со всеми молодыми целителями она сдружилась и была в хороших отношениях. Рейна и её друзья продолжали доставать её, но уже не так, как раньше, потому что как-то раз парни-целители серьёзно поговорили с рыцарями и вроде немного уладили ситуацию. Но Змейка уже и сама совершенно не обращала внимания на козни Рейны. Она была всецело поглощена учёбой. У неё не практически не оставалось свободного времени: ведь день в занятиях, а ночью

она даже не мечтала и не размышляла по своему обыкновению — так выматывалась, что засыпала мгновенно.

Жизнь в замке была совсем не такой, как жизнь в городе, впрочем, это было естественным. Хоть замок и был большим, однако Змейка бывала только в общей столовой, своей комнате, зале для занятий, библиотеке и ещё в саду. Новостей она не получала никаких, разве что когда намечается очередной экзамен или ещё что-нибудь в этом роде. Только получила ответные письма родителей и Мавиры, и еле выкроила время их прочитать, не то что написать ответ.

С семи до двенадцати проходила первая часть занятий, потом час перерыва, и с часу до пяти снова занятия. Потом двухчасовой перерыв. Затем Змейка и остальные целители отправлялись в библиотеку или в сад и занимались дополнительно. Редко когда получалось, что они просто болтали, общались и гуляли по вечерам. Они пытались наговориться во время перерывов, наспех поев и встречаясь в саду у большого дуба. Это было как бы место сбора целителей.

Несмотря ни на что, Змейке всё-таки нравилась эта жизнь.

Кажется, это был совершенно обыкновенный день. Вот-вот должны были кончиться утренние занятия, и Змейка с Нарой (с ней она общалась ближе всего из всех целителей) уже были в предвкушении перерыва, как вдруг в залу ворвался незнакомый человек, быстро подбежал к их наставнице и что-то прошептал. Затем он быстро ушёл, а побледневшая наставница совершенно неожиданно для своих послушников приказала им быстро встать и отправляться по комнатам, не давая никаких объяснений.

Удивлённо переглядываясь, все разошлись.

Когда Змейка вошла в комнату, Юна уже была там.

— Змейка, может, ты знаешь, что случилось? — с ходу спросила чародейка.

— Сама хотела спросить у тебя, — вздохнула девушка. — Ничего не понимаю.

Хотя на самом деле Змейка чувствовала, что это связано с войной и Орденами. Но Юна не имела ни малейшего понятия об этом, а Змейка понимала, что распространяться ни в коем случае нельзя.

Тут зашла Рейна. Она была встревожена. Она мимоходом поздоровалась и села на кровать. Её взгляд был каким-то рассеянным, будто в мыслях она была не в своей комнате в Ордене, а где-то совершенно далеко. Несколько минут она вот так сидела, а Юна и Змейка удивлённо переглядывались.

— Рейна, ты не знаешь, что происходит? — спросила,

наконец, Юна.

Дверь распахнулась, вошёл какой-то молодой рыцарь.

— Кто из вас Змейка? — вопросительно произнёс он, оглядывая Юну и Змейку (Рейну-то он знал).

— Я, — поднялась девушка.

— Идём со мной, тебя зовёт Аира.

Обуреваемая нехорошими предчувствиями, Змейка направилась за молодым воином. По пути она страшно хотела расспросить его о происходящем, но так и не решилась.

В рыцарском крыле Змейка была впервые. Всё было здесь ново для неё, другая обстановка, другая атмосфера… Но тогда Змейке не было никакого дела до того, какие стены и какие ковры в рыцарском крыле, и какое оружие развешено по стенам; её сердце билось часто-часто, и она опасалась, как бы ни случилось что-нибудь ужасное… например, с…

Змейка тряхнула головой. Зачем зря волноваться, а вдруг все её треволнения и не стоят того, чтобы занимать её ум? По причине того, что они все напрасны и не обоснованы? Или нет?…

Тут они зашли в какую-то комнату, где её ждала Аира. Она была бледна, как смерть.

— Спасибо, Алкин, иди на совет, — сказала она рыцарю, стараясь быть спокойной, и после того, как он закрыл дверь, пригласила Змейку сесть и начала разговор: — Мне нужно сказать тебе кое-что очень важное. Только спокойно, Змейка… Тебе будет очень тяжело это выслушать, но держись, хорошо? — Её голос заметно дрожал.

— Говори, Аира, не тяни! — не выдержав, выпалила Змейка. Она была напряжена до предела. Кисти рук, ставшие смертельно холодными и бледными, сильно дрожали. Сердце билось, как бешеное.

— Отряд нашего Ордена, возвращаясь из Дэшама, проходил через лес и был там атакован. Мы не знаем, чем закончилась битва, кто именно напал и всех остальных подробностей… Сегодня утром прилетел чёрный ворон, которого выпускают без сопроводительной записки, потому что на это не бывает времени. Это традиция Ордена — ворона выпускают, когда отряд бывает внезапно атакован превосходящей силой, и почти нет никакой надежды… Змейка, я не знаю, как тебе сказать…

— Хаарт… был в том отряде, да?… — тихо прошептала Змейка, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Да.

Никогда не думала, что захочу умереть… Это такое ужасное чувство, я никогда не испытывала ничего подобного… Сейчас я вся

дрожу, меня берёт озноб, но я горю, словно в лихорадке. А из глаз всё слёзы, слёзы и слёзы…

Разве это справедливо, объясните мне?! Разве так должно было быть? Разве он должен был… должен был так поступать со мной? Как Хаарт мог… как он мог… я не могу написать это слово рядом с его именем…

Мир рухнул. Весь мой мир. Разве что-то важно для меня теперь?… Я хожу на занятия, но я всё пропускаю мимо ушей. На меня кричит наставница, Аира убеждает меня учиться, но будто бы мне нужно это! Мне теперь ничего не нужно, ничего! Почему они все не понимают? Почему они все не могут оставить меня в покое? Пусть оставят меня! Мне не нужен никто!

Хаарт, Хаарт, Хаарт! Тысячу раз готова написать твоё имя! Как я могу жить без тебя! Милый мой Хаарт, скажи, скажи, зачем это случилось именно с тобой? Почему ты уехал, а не кто-то другой? Почему ты не остался здесь, с твоей любимой Змейкой? Что же будет теперь со мной? Что будет с твоею Змейкой? Как мне жить без тебя?

* * *

Юна сказала ужасную вещь. Она говорит, что в моём возрасте ещё не может быть истинной любви, такой сильной, ради какой можно умереть, если не можешь быть вместе с любимым. Я накричала на неё, что я люблю тебя, мой Хаарт, так сильно, как никто, и что возраст здесь не важен. Тогда она сказала, что настоящей любви никакая разлука, даже смерть не страшна, и что если я люблю тебя, тогда буду любить всегда, пусть и будем мы так жестоко разлучены гранью между жизнью и смертью. Я клянусь тебе, милый мой рыцарь, что всегда-всегда буду любить и помнить тебя.

* * *

Я думала сегодня о тебе. Вернее, я всегда думаю о тебе, но сегодня я подумала, что бы ты сказал мне, если бы вернулся — всего лишь на один день вернулся, чтобы попрощаться — ведь ты даже не попрощался со мной, когда уезжал! Но разве мы могли знать, что…

Я подумала, что ты, наверное, хотел бы, чтобы я жила дальше, жила полной жизнью (как будто может быть моя жизнь полной без тебя!), выучилась на целителя и спасала жизни

других… если бы я могла спасть твою жизнь, любимый! Ты бы не хотел, чтобы я делала так, как делаю сейчас. Мне даже кажется, что я слышу твой голос, слышу, как ты упрекаешь меня. Я буду учиться, милый, буду жить, но я никогда тебя не забуду, я же поклялась и готова произносить эту клятву тысячу раз!

В тот день наставница так и не явилась на занятия. Целый час её послушники ждали её, но она не пришла. Затем они решили, что им можно разойтись по комнатам — так они и поступили.

Змейка сидела в комнате у окна, смотрела на хмурые тяжёлые облака, закрывшие солнце. Она держала в руках браслетик из двух переплетённых змеек, который подарил ей Хаарт, прижимала его к сердцу, целовала и вспоминала его, его слова, их встречу. В её памяти всплывали события, одно за другим. Она вспоминала, как он защитил её в таверне, как они сидели у неё на чердаке и он вдел розовый цветок в её волосы, как он готов был отречься от Ордена, только бы не разлучаться с ней. Она помнила его слова. Он называл её своей "маленькой Змейкой", говорил, что ни за что не оставит её. Он был готов даже уйти из Ордена! Змейка закрыла глаза и крепко сжала браслет. Боль сжимала всё внутри; горечь потери подкатывала комком к горлу, а в глазах вновь скапливались слёзы. Зачем это случилось? Почему она потеряла своё счастье, когда только что обрела?

Дверь распахнулась. В комнату вошла Юна.

— У вас тоже не пришла наставница? Змейка, ты не знаешь, что случилось?… О Солнце, опять ты плачешь? Бедная, маленькая, миленькая Змейка, ну иди сюда! — Чародейка подошла к Змейке и обняла её. — Не плачь, не плачь, не надо!

Змейка уткнулась ей в плечо. Юна назвала её "маленькой Змейкой", и это резануло по сердцу девушки. Юна гладила маленькую колдунью по волосам, пыталась успокоить её и говорила, что Змейка слишком много плачет, что этим Его не вернуть и что она ведь решила, что…

— Знаю, знаю! Но стоит вспомнить его, и я не могу не плакать! Это слишком больно, Юна! — говорила Змейка, и Юна не знала, что на это сказать.

В комнату вошла Рейна. Увидев плачущую Змейку, она сжала губы и вздёрнула подбородок. Потом она резко отвернулась, закрыла за собой дверь, подошла к своей кровати, открыла свой сундук.

Увидев Рейну, Змейка почему-то перестала плакать. Наивная, ей казалось, что Рейна тоже сильно любила Хаарта, и она просто сдерживает своё горе в себе, что, может быть, ещё больнее, чем горевать открыто. Она сразу перестала плохо относиться к

девушке-рыцарю. Ей казалось, что общее горе объединило их сердца, хотя Рейна так же, как и прежде, не удостаивала Змейку ни добрым взглядом, ни улыбкой, ни разговором.

Как бы то ни было, Змейка вытерла глаза, тихонько вздохнула, надела браслет на запястье. Юна приобняла подругу и ободряюще ей улыбнулась. Змейка выдавила улыбку.

— Рейна, скажи, что случилось? Почему наставники не пришли на занятия? И что вообще происходит? Всё так странно в последнее время! Советы и собрания участились, занятия стали такими напряжёнными, все старшие какие-то нервные! Это из-за того нападения, да? Рейна, ну ты ведь знаешь! Скажи! — пыталась добиться от воительницы ответа Юна.

Рейна резко развернулась к чародейке.

— Да, знаю! Чёрт возьми, Юна, я не могу тебе сказать! Хотя вы всё равно скоро всё узнаете. Теперь это приняло такой оборот, что в неведении никто не сможет остаться при всём желании… — Она горько усмехнулась.

— Это война, да?… — тихо спросила Змейка.

Рейна взглянула на неё с недоумением.

— Тебе Аира, что ли, сказала? Чёрт, я знала, что ей нельзя доверять! Распространила бы ещё среди всех младших послушников…

— Не смей клеветать Аиру! — вскочила Змейка. — Я знаю уже давно, и узнала я это совершенно случайно! Аира здесь ни при чём! Ты не имеешь никакого права её обвинять! Она старше и опытнее тебя, ты должна уважать её!

К удивлению и Змейки, и Юны, Рейна лишь покорно согласилась, даже не разозлившись.

— Да, Змейка, ты права. Извини меня. Извини меня, прошу тебя, за всё, что я делала против тебя. Ты ни в чём не виновата, а я просто разозлилась из-за… из-за него. Понимаешь? Но теперь никакой обиды не должно быть между нами, потому что ты права, это война, и я в одном из отрядов… Кто знает, что случится? Мы никогда бы не подумали, что такое может быть…

У Змейки сжалось сердце. Как они ошибались в Рейне! В порыве чувств маленькая целительница обняла девушку-рыцаря.

— Конечно, я прощаю тебя, Рейна!

— О Солнце, — пораженно пробормотала Юна. — Рейна, Змейка? Вы не шутите? Война?! Война между Орденами?

— Да, — ответила Рейна. — На наш отряд, где были Дарвей и… и Хаарт, напали именно приспешники Ордена Луны. Мы узнали это только сегодня: они сами заявили об этом, когда атаковали наши посты около Заветных Гор. Они уже в открытую идут на нас войной, не скрывая намерений. Мы не можем ничего

не предпринимать! Орден собирает войско. Мы объявляем набор добровольцев в ряды нашего Ордена. В планы Ордена входит укрепить посты по всей стране и как можно быстрее организовать оборону и контратаку. Сегодня мы начали разрабатывать стратегию.

Юна тяжело опустилась на стул и спрятала лицо в руках.

— Никогда не могла подумать, что такое может быть… — прошептала она.

Змейка приобняла её за плечи. Она не была сильно поражена. Возможно, её горе сделало её стойкой, а может, так было потому, что она давно уже была в курсе назревавшей войны, или из-за того, что выросла на историях и легендах, на своих мечтах о битвах и войнах. Змейка попыталась приободрить подругу.

— А мы?… — спросила Юна, подняв голову.

— Все послушники Ордена старше пятнадцати лет обязаны вступить в войско, детей рассылаем по домам, к родителям, — ответила Рейна, с жалостью в глазах глядя на юную чародейку. — Вы со Змейкой, скорее всего, будете в резервных отрядах. Вы можете так и не выступить, но это зависит от масштабов войны.

— Мы ведь победим? — стараясь сохранять спокойствие и уверенность в голосе, спросила Юна Рейну.

Рыцарь замялась, но, встретив умоляющий взгляд Змейки, уверенно кивнула:

— Конечно, мы победим, Юна!

Это последняя запись в дневнике, которую я напишу здесь, в здании Ордена. Резервные отряды отсылают к лесам. Там — тайная база Ордена Солнца. Мы будем прятаться там, пока в нас не появится необходимость. Я вижу в глазах каждого новобранца страх, если не панику. Юна ужасно боится войны, боится смерти. А я… С тех пор, как… В общем, я уже ничего не боюсь.

Это те леса, где погиб отряд Хаарта. О Небеса, как только я сумела написать своею рукой эту страшную фразу? Это случилось в северной части леса. Мы же будем находиться в центре и ближе к юго-западу. Это довольно опасно. К востоку от леса располагается крепость Ордена. Но, кажется, они не знают о тайном оплоте наших сил в Приозёрных Лесах. Я надеюсь. А с другой стороны, мне иногда становится так всё равно…

Я так сильно ошибалась в Рейне. Она оказалась очень хорошим человеком. Я поняла это теперь, когда наступили плохие, смутные времена. Я простилась с ней сегодня. Она в одном из первых отрядов. Я искренне пожелала ей удачи в бою. Я уверена, она замечательный воин. Со слезами на глазах и болью в сердце попрощалась я и с Аирой. Больше никого я в Ордене не знаю, только

с моей группы и нескольких из группы чародеев. Всех, кто в Ордене первый год, отправляют в эти злосчастные леса. Маги открывают порталы. Я буду впервые путешествовать таким образом.

Заканчиваю эту запись. Теперь начинается новая часть моей истории. Надеюсь, она не окажется последней…

Юноша приоткрыл глаза и с трудом разомкнул спёкшиеся губы. Как душно, как жарко, чёрт возьми! Он попытался двинуться, но ощутил резкую боль в правом боку. О том, чтобы встать или хотя бы приподняться, не могло быть и речи. Лучи света били в глаза. Он пошарил рукой, ощутил что-то шероховатое, наткнулся на что-то острое… Он лежал на земле.

Он попытался позвать на помощь, но не смог выдавить и звука. Он еле двигал губами и языком, а в горле пересохло настолько, что ему было даже больно дышать. Боль в правом боку била изнутри. "О Солнце, что со мной?" — подумалось ему. Вначале он даже не мог ничего припомнить. Затем в памяти начали всплывать образы.

Первой он увидел прелестную девушку с золотистыми вьющимися локонами. Она задорно улыбалась и звала его, легко танцуя на поляне, устланной цветами.

Затем он вспомнил сурового крепкого мужчину с тяжёлым мечом, решительную и серьёзную женщину в лёгких доспехах, смуглую подтянутую девушку, игриво ему улыбающуюся. Вспомнил огромный замок, вспомнил башни, оружие, коней, Орден…

"Орден!" — прошептал он. И вспомнил битву.

На них набросились неожиданно, из-за деревьев. Их было гораздо больше, чем людей в его отряде. Они методично убивали всех и каждого. Он был самым юным из всех воинов его отряда. Суровый мужчина в доспехах крикнул ему: "Беги! Беги к повозке, выпусти ворона!" И он бросился, как ему приказал тот мужчина. Он побежал, но на пути встали четверо воинов, полностью в чёрном, с длинными кривыми саблями. Он обнажил свой меч и был готов сражаться, но тут к четвёрке присоединилось ещё пятеро. "Беги, мой мальчик, предупреди Орден!" — вскрикнул его учитель, тот мужчина с тяжёлым мечом, и, оттолкнув юношу, ринулся в бой, один против девятерых. "Нет, учитель, я не брошу вас!" — в отчаянии кричал он, не зная, что делать. "Беги! — крикнул тот, и тут одна из сабель пронзила его, — Беги, Хаарт, прошу тебя! Пусти ворона!" Сабли одна за другой вонзались в его тело, а его ученик бежал мимо сражавшихся, среди криков и стонов к заветной повозке. И он, молясь, чтобы во вражьем отряде не было лучников, выпустил чёрную птицу, которая с карканьем

устремилась ввысь. И тут его ранили, и он рухнул на землю. Ему тогда казалось, он погиб… Он думал, что в последний раз видел свет, когда опускался во мрак и беспамятство.

— Нет, я жив, — прошептал он.

Он помнил, кто он. Хаарт, ученик Дарвея, послушник Ордена Солнца. Воин. Враг Луны. Будущий рыцарь… Хаарт застонал. Нет, уже настоящий рыцарь — он прошёл своё посвящение страшным боем и гибелью наставника. А ещё тот, кто пламенно и искренне любит маленькую колдунью Змейку.

Он ощутил что-то холодное на горевшем жаром лбу. Приоткрыл глаза. Сквозь смутную пелену он увидел что-то… Он не смог понять, что или кто это был. Он слышал что-то. Голова раскалывалась. Бок всё ещё болел. Ему казалось, он горел в огне. Боль стала ещё сильней. Что-то произошло. Он поднялся в воздух? Что случилось? "Кажется, меня подняли, — подумал молодой рыцарь, собрав остатки разума. — Слава Солнцу, кто-то поможет мне".

— Он ведь принадлежит Солнцу, моя госпожа, — молвил беловолосый чародей, следя, как два воина несут юношу к карете. — Он враг вашего отца, а, следовательно, и ваш также. Враг Луны.

Смуглая девушка с длинными прямыми чёрными волосами, ярко блестевшими на солнце, прищурила свои глаза, чёрные и бездонные, как глубокая ночь.

— Он ранен, Дeсса. А если он ранен и умирает, то никому он не враг, разве не так? Или ты хочешь, чтобы мы убили того, кто уже одной ногой в потустороннем мире? Или ты хочешь, чтобы мы оставили его здесь, чтобы он сгнил и стал добычей падальщиков? Не противно ли это твоей высоконравственной натуре, господин чародей? — насмешливо вопрошала девушка.

— Я лишь ваш покорный слуга, моя госпожа, — ответил чародей.

— Ну тогда изволь меня слушаться!

— А что я делаю сейчас? И что я делал вчера, позавчера, и всю вашу жизнь? И что я буду делать завтра, послезавтра, и до конца моей жизни?

— Перестань.

— Как вам угодно. Я буду молчать.

— Ты невыносим.

— Вы распоряжаетесь моей жизнью.

— Не сходи с ума.

— Жизнь с вами любого сделает безумным.

— На что ты намекаешь?!

В их разговор встрял воин.

— Прикажете разбить лагерь, госпожа?

— Нет, болван, с чего ты взял! — огрызнулась госпожа. — Ладно, Десса, разговор исчерпан… на твёрдой земле. В сёдлах мы продолжим!

Она взлетела на своего вороного скакуна и вздёрнула аккуратный носик. Десса покачал головой и оседлал свою спокойную пегую кобылу. Он уже был слишком стар для лихих жеребцов.

Процессия тронулась.

Хаарт открыл глаза и увидел прекрасную девушку. Она обладала смуглой кожей, чёрными волосами и чёрными глазами. Она улыбнулась Хаарту ослепительной улыбкой.

— Тебе лучше?

Хаарт не знал, кто она. Глядя на неё, он вспомнил свою маленькую Змейку. Она была полной противоположностью его черноволосой спасительнице. Светлокожая, златовласая, кареглазая. И, конечно же, в тысячу раз лучше этой незнакомки. Разве кто-то может быть лучше его маленькой целительницы?…

Хаарт осмотрелся. Он лежал на дне повозки на постланном мягком одеяле, в чистой одежде. Бок был обмотан чистыми белыми тряпками. На голове — холодный компресс. Девушка заботливо протягивала ему флягу. Он немного отпил из неё.

— Лучше себя чувствуешь? — повторила она.

— Да, — выдавил он.

Она наклонила голову и с улыбкой заглядывала ему в глаза. Её смелый и решительный взгляд слегка смутил его. Она заметила она и игриво подмигнула своему подопечному.

— Меня зовут Сунор, — сказала она. — Я подобрала тебя в лесу. Кстати, твоя рана хорошо заживает. Ты сильный. У тебя крепкий организм. Ты молодец.

— Тренировки, — сурово ответил он, но втайне ему польстили её слова.

— Как твоё имя?

— Хаарт, — коротко представился он. — Кто ты?

— Тебе не важно это знать. Пока что. Лучше заботься о том, чтобы выздороветь окончательно. А потом поговорим о подробностях. Самое главное сейчас — твоё здоровье. А кто я такая, ты узнаешь позже.

Юноша вгляделся в её лицо. Насмехается она над ним или старается вознести себя выше него? А может, за её молоденькой внешностью скрывается мудрость или жизненный опыт? Должен ли он довериться ей? Но разве у него есть выбор? Действительно,

она права. К чёрту подробности — пока что. Сейчас он позволит ей опекать его и лечить.

Она поняла ход его мыслей и опять улыбнулась. "Колдовская у неё улыбка", — невольно подумалось рыцарю.

— Просыпайся, Хаарт! — услышал он бархатный голосок Сунор у своего уха. — Мы прибыли к месту назначения! Причём уже давно!

Он открыл глаза. Она, как всегда, улыбалась.

— Где мы? — спросил Хаарт.

— Догадайся, — рассмеялась Сунор. — Осмотрись вокруг! Ты уже достаточно силён, чтобы сделать это! Давай, давай, поднимайся! Я помогу тебе — хочешь?

Хаарт отверг её помощь, приподнялся, не обращая внимания на затёкшие мышцы и покалывание в боку, слез с повозки, встал, опираясь на своё бывшее ложе и огляделся.

Лес, озеро и… крепость. Небольшая, с четырьмя сторожевыми башенками.

— О Солнце! — пролепетал юноша. — Это же крепость Ордена Луны! — молвил он, разглядывая изображения полумесяца, звёзд и полной луны на длинном гербе, висевшем на одной из стен крепости. Купола башенок были украшены резными полумесяцами. Только тут он вдруг заметил кулон в виде луны на шее у Сунор. И то, что все её воины и чародеи были в доспехах вражьего Ордена. — Ты что, из Ордена Луны?

— Надо же, какой догадливый! — усмехнулась девушка.

— Я… я… — и не знал, что сказать Хаарт.

— Надеюсь, ты не думаешь меня убить? Я женщина и твоя спасительница! А драться с моими людьми ты тоже, я надеюсь, не собираешься. Их, представь себе, ровно в двадцать раз больше, чем тебя. А внутри крепости ещё больше. Или ты *настолько* силён, что они тебе нипочём? — иронично говорила она. Она обожала эти насмешливые вопросы, вечно градом сыпавшиеся с её алых губ.

Хаарт молчал.

— Что ты хочешь сделать со мной? — наконец спросил он. — Я не буду твоим рабом, так и знай.

— Знаю, — улыбнулась Сунор. — Ты будешь моим гостем, о поклоняющийся Солнцу! — И она вновь одарила его ослепительной улыбкой и повела плечиком.

Мысли Хаарта пристыдил образ Змейки.

Молодой рыцарь сидел в огромной роскошной комнате в большом кресле. Перед ним на полу, утопая в мягком ковре,

полулежала Сунор. Перед ней было огромное блюдо винограда. Она медленно отрывала по одной виноградинке с грозди и точно так же, не спеша, отправляла её в рот, при этом неотрывно глядя на стремительно красневшего Хаарта.

— Не хочешь ко мне присоединиться? — спросила девушка, лукаво поглядывая на парня.

— Нет, — поспешно ответил тот.

— Ты, что, меня стесняешься? Или боишься?

— Ничего подобного. Слушай, и долго ты собираешься меня тут держать? В качестве кого я нужен тебе здесь? — решил перевести тему Хаарт.

— Ты мой гость, я же говорила тебе. Ты нравишься мне, рыцарь, я не буду этого скрывать. И ты будешь здесь столько времени, сколько я буду тебе симпатизировать, — ответила Сунор.

— Тогда я постараюсь разонравиться тебе, — мрачным голосом сказал юноша.

Девушка нахмурилась.

— Не серди меня, Хаарт. Лучше иди сюда…

— Я не буду твоим рабом или игрушкой, Сунор. Мы враги, понимаешь? Здесь все вокруг — мои враги. Мои друзья, мой учитель, бывший мне как отец — все погибли от рук воинов твоего Ордена! Я должен быть благодарен тебе за спасение… и я благодарен… но… но я всё равно ненавижу здесь всё. И всех.

— Даже меня?

— И тебя, — решил быть откровенным до конца рыцарь.

— Мне нравится твоя искренность, Хаарт. Ты мне нравишься всё больше и больше. Ещё никто не говорил мне в лицо, что благодарен мне и одновременно меня ненавидит.

— Отпусти меня, Сунор. Отпусти или убей.

— Что тебе там делать? — снова нахмурилась та. — Там война, а здесь я…

— Война? — воскликнул Хаарт и вскочил с кресла. — Ты сказала — война?!

Сунор поняла, что допустила ошибку.

— И я сижу здесь, если мой Орден воюет с твоим? Нет, прошу тебя, если я тебе действительно нравлюсь, — отпусти меня!

Девушка отшвырнула поднос с виноградом стройной ножкой, топнула по ковру и, поджав губы, злобно взглянула на Хаарта.

— Никуда ты не пойдешь! И убивать я тебя не буду! Ты всё равно будешь моим! Понял?! — Она вскочила и подошла вплотную к юноше.

— Нет, Сунор, ты не понимаешь! Я не создан для неволи!

— Не будь невольником! Люби меня!

— Я не могу тебя любить!

— Только не говори, что это из-за Орденов!

— Настоящей любви не преграда Ордена.

— Но я не понимаю!

— Я люблю другую! В моём Ордене осталась та, ради которой я позволил себе остаться в живых, когда весь мой отряд изрезали сабли людей Луны! Та, ради которой я живу, которой я посвящаю свою жизнь, ради которой эту жизнь я отдам!

— Нет! — На глазах Сунор выступили слёзы. — Нет! Молчи!

Она надавала ему пощёчин и выбежала из комнаты.

Двери захлопнулись. Хаарт знал, что там стражники. Юноша опустился на пол и сложил голову на ладони. Щёки горели, но он не обращал внимания. Что ему делать? Отсюда не сбежать. Он ещё слаб даже для битвы с одним противником. А с четырьмя десятками, среди которых есть и чародеи, он и будучи здоровым, как бык, не справится. Незамеченным ему точно не пробраться. Что же делать, что же делать?!

— Змейка, Змейка, — горько прошептал он. — Моя маленькая Змейка!

Хаарт не спал всю ночь. Когда служанка принесла завтрак, он стоял у зарешеченного окна и наблюдал за тренировками солдат во дворе крепости. Служанка расставила еду, поклонилась и вышла. Юноша не притронулся к еде.

Сунор вошла тихо и бесшумно. Он сделал вид, что не заметил её. Девушка увидела нетронутый завтрак и покачала головой.

— Чтобы окончательно выздороветь, тебе нужно есть, — сказала она спокойным, ровным голосом, будто вчера ничего не произошло.

— А может, я не хочу выздоравливать. Если ты собираешься держать меня тут до конца жизни, я лучше умру скорее. Не умоляй меня любить тебя. Я никого не буду любить, кроме моей маленькой Змейки.

— Змейки? Это её прозвище? — удивилась Сунор.

— Это её имя, — холодно поправил её рыцарь, и она содрогнулась от его тона.

Она присела на краешек стола и робко взглянула на него из-под густых чёрных ресниц. Она ни разу не улыбнулась, была на удивление спокойной. Сунор вздохнула.

— Какая она?

Хаарт удивленно посмотрел на девушку. Что-то тут не так, показалось ему, но ему так сильно хотелось поговорить о Змейке, что он не сдержался.

— Она самая красивая девушка в мире. Она маленькая,

нежная, с волнистыми золотыми волосами, милыми и ласковыми каре-зелёными глазами. Она колдунья и целительница. Моя маленькая колдунья! — Он с трогательной нежностью и ласковой мечтательной улыбкой говорил о своей возлюбленной.

Сунор сглотнула, сдерживая рвущиеся слёзы.

— Разве такая может заслужить твоё внимание? Низкая, светленькая, бледная. Моя внешность ярче! Я красивей и интересней! — Она гордо подняла голову. — Я, Сунор! А не твоя Змейка! У неё и имени нормального нет! Ведьма и оборванка!

Хаарт подошёл и с размаху влепил ей пощёчину. Сунор упала на ковёр, и волосы накрыли её лицо. Она резко приподнялась и гневно взглянула на рыцаря.

— Как ты посмел!

— Молчи! Ты её даже не знаешь! И запомни: никто, даже хрупкая девушка, не посмеет оскорблять Змейку в моём присутствии, — ледяным голосом ответил Хаарт.

— Я не хрупкая! И здесь я решаю, кто что смеет, а что нет! — вздёрнув подбородок, громко заявила Сунор, затем быстро поднялась и вышла вон.

Хаарт сел за завтрак. Ему, кажется, пока что не хотелось умирать от голода.

Поздней ночью в комнату Хаарта скользнула Сунор. А вслед за ней — её чародейка.

Юноша спал беспокойным сном. Он разметал бесчисленные подушки и простыни по кровати, постоянно ворочался и звал Змейку.

Девушка подошла к нему и наклонилась над ним.

— Любимый мой, спи, — прошептала она и погладила его по щеке.

— Змейка! — позвал Хаарт.

Сунор медленно приблизилась к его лицу и поцеловала его.

— Змейка, Змейка! — повторял юноша.

— Я здесь, — ответила она и обняла его.

Он притянул её к себе и осыпал её поцелуями.

— Как я скучал по тебе, Змейка, моя маленькая Змейка, — говорил он.

— Да, да, милый мой, это я! — отвечала она.

Хаарт открыл глаза и увидел её — Змейку, его милую Змейку. Он поцеловал её золотые кудри, прижал к груди и зашептал, что никогда от себя не отпустит.

— Конечно, нет, любовь моя, — ворковала Змейка. — Мы никогда не расстанемся.

Хаарт открыл глаза.

Этой ночью его посетило видение. Он был с ней, его любимой Змейкой, она явилась ему, и он целовал её, сжимал в своих объятиях… Но ведь это был лишь сон! А он всё ещё в плену — а как ещё это называть? — у Сунор.

Юноша отвёл взгляд от резного потолка и не поверил своим глазам: рядом с ним лежала Сунор. Её чёрные волосы разметались по подушке. Она сладко спала, улыбаясь во сне.

— О Солнце, — пробормотал Хаарт, отшатнулся от девушки, как от прокажённой, и свалился с кровати.

Сунор проснулась. Она в беспокойстве посмотрела на Хаарта, грохнувшегося на пол. Увидев его удивлённое и непонимающее выражение лица, она лукаво улыбнулась.

— С добрым утром, милый! Ну, как ты? Хорошо спалось? — спрашивала она.

Рыцарь вскочил с пола, схватил свою одежду и быстро оделся.

— Что ты тут делаешь?

Сунор запрокинула голову и растянулась на шелковой простыни, сладко потягиваясь.

— Что *я* тут делаю? — улыбаясь, переспросила она. — Странный вопрос, не находишь? Это *мой* замок. Здесь *всё* моё! И вообще, зачем такой гневный тон! Ночью ты был совсем другим — или уже не помнишь?

— Что ты говоришь! — вскрикнул Хаарт и отшатнулся.

— Правду говорю, — вновь улыбнулась девушка.

Хаарт нервно сглотнул. Ночью с ним была Змейка! Его Змейка, а не эта капризная девчонка! Он огляделся и замер, наткнувшись взглядом на кресло у противоположной стены. В кресле дремала незнакомая женщина в длинном синем платье. С первого взгляда Хаарт понял, что она — волшебница. И одной секунды ему хватило на то, чтобы осознать коварство лживой избалованной Сунор, её план, который она претворила в жизнь этой ночью.

— Подлая тварь! — закричал Хаарт. — Ты воспользовалась моей любовью к Змейке, волшебством, подлостью и коварством получив то, чего хотела! Подлая, подлая!

— Какая разница?… Цель оправдывает средства, милый мой. Я всегда добиваюсь того, я чего хочу. Я хотела, чтобы ты любил меня, и этой ночью ты был со мной при всей своей глупой любви к этой кудрявой ведьме.

— Этой ночью я был с ней! Ты была в её образе, и… и если бы я знал, что это ты… я бы никогда…

— Молчи и не говори ерунды, — холодно оборвала его Сунор. Она встала и натянула на себя своё лёгкое платье, тут же

обтянувшее все изгибы её фигуры. — Ты прекрасно знаешь, что твоя Змейка — в милях отсюда, а в этой постели лежала я, а не она.

— Я тебя ненавижу, — процедил Хаарт, со злостью глядя на Сунор.

— Ты ещё изменишь своё мнение, любовь моя, — сверкая улыбкой, ответила девушка и удалилась, оставляя несчастного юношу в отчаянии, муках и угрызениях совести.

Хаарт оправдывал себя. Ведь Сунор околдовала его, её чародейка сотворила иллюзию, откуда мог он знать, что это не Змейка? "Глупость какая, — тут же думал он. — Неужели я не мог догадаться, что может предпринять эта чертовка? Неужели не мог понять, что Змейка здесь никак не может быть? Она далеко отсюда, там война, я даже не знаю, что с ней, и сам… негодяй! — обвинял он себя. — А всё эта бестия… Ненавижу её! О Солнце, как же мне выбраться отсюда? Повсюду воины и маги, окна здесь зарешечены, а дверь заперта и охраняется. Я даже не выхожу из этой проклятой комнаты! Иногда я дохожу до мысли, что хочу убить себя! Как может воин Солнца быть рабом у какой-то капризной девчонки! Но как я могу позволить себе умереть, когда я должен отыскать мою Змейку? Где она, что с ней? Наверное, она страдает и скучает, не подозревая, что я натворил… Идиот, идиот!"

Вошла служанка и принесла поднос с едой. Хаарт даже не посмотрел в её сторону.

Он думал о Змейке, думал о войне. На чьей стороне преимущество? К кому склоняется победа? Он здоровый, сильный, молодой рыцарь, а сидит тут, в неволе, как пташка с подрезанными крыльями. Это невыносимо для него, Хаарта, ученика Дарвея!

Имя учителя болью отозвалось в сердце. Он был ему как отец, а Хаарт даже не сумел его защитить. Всех его друзей убили те воины в чёрном с кривыми клинками, всех, кроме него, Хаарта. Как же так, почему он здесь? Что же ему делать?

Дверь вновь открылась. На этот раз вошла Сунор.

— Идём, — сказала она. — Я тебе кое-что покажу.

Радуясь возможности вырваться из своей «клетки», Хаарт встал и последовал за ней.

Они шли по коридорам, поднялись по высокой спиралевидной лестнице и, как понял Хаарт, оказались в одной из башен. За столом сидел седой мужчина в одеянии волшебника.

— Здравствуй, Сунор, — поприветствовал он девушку.

— Здравствуй, Десса, — ответила она.

— А вот и ваша пассия, — молвил он, оглядывая Хаарта. — Да, он выглядит гораздо лучше теперь, когда выздоровел. Когда мы подобрали его, он показался мне ужасно жалким и ничего не стоящим. А теперь я вижу, что это молодой, сильный, крепкий воин.

— Конечно, — улыбаясь, подтвердила Сунор и подмигнула Хаарту. — Разве я могла выбрать другого? Ну что, ты покажешь ему то, о чём говорил мне с утра?

— Обязательно, — кивнул Десса, прошептал какие-то слова, простёр руки над столом.

И Хаарт увидел это.

Густые кроны деревьев сплетались над головами послушников, изредка пропуская лучики света. Посреди деревьев расположилась небольшая деревянная крепость. На дубовых воротах было вырезано изображение солнца. Перед крепостью была небольшая площадка.

Послушники разбились на группы. Маги практиковались в заклятиях, более старшие учили младших. Воины встали в пары и тренировались в битвах на мечах или рукопашном бою. Целители ходили вокруг крепости, собирая полезные травы.

Хаарт вздрогнул, когда увидел группу целителей, когда разглядел среди них маленькую фигурку Змейки. Сунор указала на неё Дессе, и он словно приблизил видение, парившее над круглым столом.

— Вот она, твоя Змейка? — с усмешкой спросила Сунор. — Как я и говорила, ничего особенного.

Но Хаарт был слишком поглощён видением, чтобы слушать и тем более реагировать на речи девушки. Это сильно задело её. Она с обидой наблюдала, с какой нежностью он всматривается в любимые черты, невольно протягивает руку к неосязаемому, желая прикоснуться к недоступному.

Сунор сделала знак Дессе, и видение исчезло. Хаарт разочарованно опустил голову.

— Ты видел это? Это была, как они считают, их *тайная* база. Ха! Тайная, чёрт возьми! Уже всем в Ордене Луны давно известно о ней. Небольшой, но хорошо обученный отряд нашего Ордена, прозванный Кривые Клинки, находится там, в лесу. Они ждут одной команды, чтобы напасть на крепость. Здесь — только резервные отряды, понимаешь, Хаарт? Они слабы, почти беззащитны! Их перережут так же, как и твой отряд, а ведь там были сильные воины!

— Замолчи! — вскрикнул Хаарт и чуть было снова не ударил Сунор, но удержался.

Девушка хмыкнула.

— Это голая правда. Послушай, милый, жизнь твоей драгоценной Гадюки, то есть, Змейки, — нарочно ошиблась она, чтобы позлить Хаарта, — зависит от тебя.

Хаарт непонимающе уставился на неё.

— Перестань противиться моей любви, будь со мной, и я попрошу отца отозвать отряд!

— Отца?…

— Мой отец — Дамраф, глава Ордена Луны!

Хаарт обомлел. Дамраф — её отец! О Солнце, этого только не хватало!

— Да, да, да, к твоему сведению. Так вот, на кой чёрт моему отцу сдались эти резервные отряды, — понимаешь? Они ему ни к чему, он просто держит лес под контролем. Я имею в виду, ему всё равно, живы они или нет. Но стоит сказать лишь слово его любимой дочке, и он уничтожит их, либо оставит в покое навсегда, даже до конца войны, и никого не тронет. Всё зависит от тебя. А теперь возвращайся в свою комнату и поешь. Вечером я приду к тебе, и мы всё обсудим. Иди, милый.

Двое внушительного вида воинов подошли к нему и подтолкнули к выходу. Словно в трансе, Хаарт дошёл до своей комнаты, а там, когда дверь с грохотом захлопнули, в отчаянии рухнул на пол.

— Что с тобой? Ты так утомился, что не дошёл до постели? Или ты больше не можешь спать на ней без меня? — раздался звонкий голосок Сунор над ухом, как всегда в обычном насмешливом тоне.

Хаарт тяжело поднялся, прислонился к прохладной каменной стене.

— Ну что? Ты подумал, милый мой? Я вся измучилась, думая, что же ты решишь! — захлопала ресницами девушка, подходя к нему. — Вся извелась! Ну?…

— Я думал, Сунор, — мрачным, убитым голосом начал Хаарт. — Сначала мне подумалось, что выше моих сил изменить моей любви к Змейке.

— Но помни, что…

— Помолчи, не перебивай меня. Я подумал так вначале. Совесть мучила меня, сердце билось в тоске и страдании. Разве могу я целовать, обнимать кого-то, кроме Змейки? Я люблю её, только она нужна мне. Но что будет толку от моей любви, если Змейка погибнет? Её жизнь дороже всего для меня. Пусть меня посчитают предателем она и все мои друзья, весь Орден… но её жизнь, повторяю, слишком дорога мне, пусть я и потеряю её любовь и её доверие!.. Но пообещай, что Змейка останется жива!

И я сделаю всё, что ты захочешь, — закончил он и тяжело вздохнул.

Сунор ликовала.

— Конечно! — Она чмокнула его в щёчку и, прелестно напевая какую-то незатейливую мелодию, закружилась по комнате. — Конечно, милый мой! Иди ко мне…

— Стой, Сунор. Сначала свяжись с отцом, пусть он отзовёт отряд.

— Хорошо, — тут же согласилась девушка и выбежала из комнаты.

Хаарт опустился на пол, опёрся локтями о колени и обхватил голову руками. Что теперь будет с ним? Что будет со Змейкой? Что будет с их любовью? Подлый предатель… Но что может он сделать ещё, если на кону — жизнь его возлюбленной? Может, лучше умереть? Но любой неверный шаг с его стороны, и рассерженная Сунор попросит отца вырезать резервные отряды все до одного. Придётся предать любовь к Змейке. Но нет — разве это предательство? Предательство тела — не предательство души. Он всё равно будет любить лишь свою маленькую Змейку. А дальше он посмотрит. Может, резерв выступит… И тогда…

Хаарт вздохнул и облокотился о стену.

Разве мог он думать, что так случится, тогда, в Биэтиме? Он бы прыгнул с корабля в воду, лишь бы не разлучаться со своей колдуньей. Он был готов отречься от Ордена! Как тогда было безгранично их счастье, там, в маленьком чердаке Змейки, на корабле и в первые дни в Тадоре, в Ордене? Они не могли и представить, что судьба жестоко разлучит их.

Как же это больно…

— Он согласился? — спросил Десса.

— Естественно, я же пригрозила ему жизнью этой дурочки, — пожала плечами Сунор.

— И что теперь?

— Как что? О Луна, Десса, разве ты не знаешь меня?

— Надеюсь, вы будете сидеть здесь, как приказал вам отец, и сдержите обещание перед юношей.

— Очень смешно. Ха-ха. Десса, свяжи меня с отцом. Хочу попросить его опустошить Приозёрные леса. И ещё, не забудь, мы скоро покидаем крепость.

— Сунор!

— Что ты ужасаешься? Ты думал, я такая добрая и хорошая? Хочу позлить Хаарта, пусть посмотрит на войну. Нападём на какой-нибудь небольшой пост Солнца, разрушим там всё до основания. А Кривые Клинки папы пусть вырежут все резервные

отряды, — продолжала девушка, как ни в чём не бывало.

Старый чародей сдвинул брови.

— Мне не нравится, когда ты хмуришься так, Десса, — вдруг изменившимся тоном сказала Сунор.

Десса промолчал и вызвал отца Сунор.

II Друиды

— Это слишком рискованно, Джара. Мы туда не пойдём. Магия…

Девушка фыркнула.

— Я не боюсь магии. Я ничего не боюсь.

Ивор нахмурился.

— Не сходи с ума, Бестия. — Раз он назвал её профессиональным прозвищем, значит, действительно разозлился. — Неужели не понимаешь?…

— Нет, Грифон, — отрезала та, отплачивая тем же. Он собирался сказать что-то ещё, но она прервала его. — Я думала, что мы похожи. Оказывается, нет.

Черноволосая Джара отвернулась, взяла со стола бокал.

— Джара! — позвал Ивор.

— Что? — огрызнулась она.

— Только не говори, что ты всё-таки сделаешь это.

— Хорошо, не скажу.

— Но сделаешь.

— Сделаю.

— Ты упрямая, как коза.

— Я знаю.

— Ты неисправима.

— Я знаю.

— Ох… Думаешь, я позволю тебе идти туда одной?… Ладно, я с тобой.

— Я знаю.

Полная луна спряталась за тяжёлыми тучами, на небе не было видно ни одной звёздочки. Распевали сверчки, ухали совы. Тихо шелестел листьями деревьев лёгкий прохладный ветерок. В лесу было относительно спокойно.

Между деревьев бесшумно, словно тени, пробирались две тёмные фигуры. Их почти невозможно было заметить, а тем более как следует разглядеть. Быстро и тихо они продвигались вперёд. Около раскидистого дуба они остановились.

— Порядок. Мы почти пришли. Ты уже чувствуешь её? — прошептала девушка. Её огромные глаза, похожие на кошачьи, ярко блестели. На солнце они казались янтарными, в помещении — зелёными, а в темноте, отражая свет луны и звёзд, и вовсе приобретали какой-то колдовской цвет, вспыхивая то золотыми, то изумрудными бликами. Её чёрные, словно шёлковые, с синим отливом волосы были заплетены в тугую косу. Кожаный костюм

плотно облегал ладную фигурку. На бедре — ножны с кинжалом. — Я чувствую её.

— Я тоже, — ответил ей её спутник, высокий крепкий парень. В волнении он теребил тёмно-каштановые волосы. — Как ты думаешь, Джара…

— Тсс, Ив! Смотри… вон она!

Луна вышла из-за туч, и её серебристые лучи осветили каменную башню, возвышавшуюся над деревьями. От башни исходило что-то странное, почти неощутимое, но всё же улавливаемое подсознанием — магия.

Башню недавно покинул её последний обитатель. Волшебник башни пропал без вести. По городу поползли слухи, что внутри остались всякие колдовские штуки, за которые можно выручить неплохие деньги. Но кто решится сунуться в заколдованную башню? И от чего вдруг умер волшебник? А что, если это нечто, что его убило, ещё там, в башне? Да и вообще, кто знает, что волшебники хранят в своих башнях!..

Джара выдохнула.

— Хорошо, идём. Там всё равно никого нет; чего бояться?

— А волшебство? — с сомнением спросил Ивор.

— Волшебство это всего лишь оружие, которым пользуются для борьбы с врагом. Скажи, ты будешь бояться меча, который лежит на полу в пустой комнате?…

— Ладно. Убедила. Вперёд.

— Вперёд.

Джара и Ивор познакомились ещё подростками. Они вместе учились в Военной академии. Тогда родители Джары были ещё живы, и она считалась ребёнком из благополучной семьи. Джара и Ивор крепко сдружились, всегда были вместе, ходили на одни и те же курсы, а на тренировках вечно стояли в паре. Их даже прозывали "жених и невеста", что, впрочем, всегда неминуемо, если между мальчиком и девочкой завязывается дружба.

Они мечтали, что будут состоять в личной гвардии короля, ну или хотя бы наследного принца. Представляли, как будут бороться против врагов королевства, защищать честь короля… Но мечты рухнули, когда родители Джары погибли.

Отец девочки состоял на службе у короля. Правитель послал его на переговоры с враждебным лесным племенем на окраине государства. Присоединить огромную территорию диких лесов к стране было давней королевской мечтой. С отцом отправился отряд его людей, а также мать Джары, старшая дочь и несколько слуг. Все они были убиты, едва только въехали в лес. Племя варваров не захотело и слушать объяснений отца Джары — их

просто зарезали, а тела насадили на огромные колья и выставили на опушке леса…

Девочке ничего не сказали; её долго держали в неведении. Но шила в мешке не утаишь, и вскоре она всё же узнала все подробности гибели своих родителей и сестры. Бедная Джара, которой тогда было всего семнадцать, чуть не сошла с ума от горя. Она просто обезумела, отказывалась есть, совсем не спала, ни с кем не разговаривала и всех возненавидела.

Потом она вроде оправилась, начала общаться с людьми, нормально питаться. Но со всеми она стала холодна, никому больше не доверяла, даже Ивору — его она вообще даже видеть не хотела. Она считала, что он как друг должен был сказать ей всё сразу, но Ивор, как и все, обманывал её и скрывал правду.

Всё своё время Джара посвятила совершенствованию боевых навыков. Она развила умения и способности почти до невозможного совершенства за такие короткие сроки, что мастера академии разевали рты от изумления. А Джару вели ненависть и жажда мести. Она даже конкретно не знала, кому собирается мстить; но она хотела быть всегда готовой к тому, чтобы сделать это. Она постигла почти всё: рукопашный бой, меч, кинжал, лук, арбалет, боевой посох, научилась метать дротики, а в верховой езде с ней не мог сравниться даже мастер академии. Конём, как и оружием, она словно управляла мыслью. Кстати говоря, девушка не признавала никаких других коней, кроме вороных.

В двадцать лет Джара закончила академию с блестящими успехами. Ей прочили будущее лучшего воина королевской элиты, но её не заботила карьера. Ивор попытался поговорить с ней, но только нарвался на внезапную вспышку гнева девушки. После того разговора даже он опустил руки, а в Джаре вновь проснулась приглушенная было боль. Она хотела забыться, поэтому, когда в недавно покорённых землях за озером — провинции Адлее — разгорелось восстание, она уехала туда и вступила в ряды воинов короля. Она не хотела ему служить; его она считала главным виновником смерти родных. Но тогда для неё главным стало заглушить вновь разгоревшуюся боль. И она забылась в битвах, в постоянном риске, в бесконечной опасности, в вечном ощущении дыхания смерти на своей щеке…

Война закончилась победой короля. Земли вновь были покорены, люди усмирены, вожди повстанцев казнены. Джару заметили и предложили ей вступить в личную гвардию короля. Казалось, вот она — мечта детства. Но Джара уже выросла. Она понимала, что всё равно нереально убить правителя целой страны. Поэтому, чтобы хоть как-то ему насолить, она с презрительно-гордым видом отказалась, уехала с Материка на

остров Гирит, принадлежащий королевству Аронвард, и стала наёмницей.

И в Гильдии наёмников, к своему удивлению, она встретила Ивора. Оказалось, что он там был уже сравнительно давно. После академии ему случилось попасться на глаза принца. Тот счёл его замечательным воином и предложил пополнить ряды его личного отряда. В отличие от Джары, Ивор согласился. Однако у него случились какие-то проблемы с принцем (о чём Ивор так и не сказал Джаре, да она и не проявляла бестактности, добиваясь ответа), и ему пришлось уйти. На службу королю в обычную армию поступать не хотелось, и Ивор вступил в Гильдию наёмников.

После долгой разлуки Джара и Ивор были рады встретиться, все прошлые обиды позабылись, и они снова стали лучшими друзьями. С тех пор они путешествовали и воевали вместе, бок о бок, плечом к плечу, и не соглашались, когда работу предлагали только Джаре или только Ивору. Где они только не побывали за эти несколько лет наёмничества. И плавали за море, и лазали по горам, объездили весь Материк, выполняли самые невероятные задания, по своей собственной воле ввязывались в различные авантюры и приключения, сражались, и несчётное количество раз были на волосок от смерти. Как водится, у наёмников, они получили профессиональные прозвища. Джара — Бестия, а Ивор — Грифон. Но они предпочитали звать друг друга по именам или так, как когда-то в академии — Ив и Джей.

Это была их жизнь, жизнь, которой они наслаждались. Лучше любой службы у надменного принца или властолюбивого короля, жизнь опасная и рискованная.

Под покровом ночи Джара и Ивор подобрались вплотную к своей цели. Дубовая дверь башни была выломана. Они забрались внутрь.

Через пробоину в стене пробивался лунный свет. На полу были разбросаны какие-то вещи. Джара огляделась.

— Здесь ничего интересного, давай наверх. — Она указала на спиральную лестницу.

Ивор пнул небольшую шкатулку, валявшуюся на полу. Она раскрылась, и по полу покатился сверкающий шарик. Парень наклонился, поднял его и подставил ладонь под свет луны.

— А ты точно уверена, что здесь ничего интересного? — спросил он, разглядывая крупную, поблескивающую под лучами луны жемчужину.

Джара раскрыла рот.

— Ладно, давай тогда ты ещё осмотрись здесь, а я поднимусь.

Если что, кричи, башня узкая, без окон — услышу.

— Может, это лучше ты кричи? Я-то внизу, здесь никого точно нет, а ещё неизвестно, что наверху. Ведь там-то и колдовал этот волшебник…

— Царствие ему небесное, — ехидным голосом сказала девушка. — Ивор, не мели ерунды. Чего мне там пугаться? Летучих мышей? Крыс? Пауков в паутине? Единственное, чего я действительно могу испугаться, так это толстых книжных томов.

— Без шуток. А от чего, ты думаешь, он умер, этот маг?

— От старости.

— Ему было только тридцать!

— Значит, от насморка, — пожала плечами Джара. — Не трусь, Ив.

— А я и не… — Он замолк, потому что девушка уже скрылась из виду, умчавшись вверх по лестнице. — Она неисправима, — ворчливо сказал он себе под нос, но чувство щемящей нежности заполнило его сердце.

Он зажёг факел, укрепил его на стене и осмотрелся.

— Здесь кто-то хорошо поработал. Наверное, была драка — все вещи разбросаны… Что ж, посмотрим, что здесь есть ещё, кроме этой великолепной жемчужинки… — Он подбросил находку, сунул за пазуху. — Надеюсь, с этим чертёнком всё будет в порядке.

Длинная лестница, наконец, кончилась. Джара оказалась в комнате волшебника. В шкафах повсюду стояли книги, разные рукописи, свитки. Была ещё одна небольшая лестница наверх, видимо, там была другая комната или, может чердак. Джара решила сначала осмотреться тут.

В центре стоял большой круглый стол. На нём лежала раскрытая толстая книга, стояло несколько причудливых сосудов и, главное, небольшой абсолютно гладкий зеркальный шар. Джара прикоснулась к холодной поверхности шара, улыбнулась, увидев в нём своё расплывшееся отражение, подошла к полке с различными шкатулочками.

В верхней комнате послышался шорох. Джара вздрогнула, подошла к лестнице и глянула наверх.

— Глупости какие, — прошептала она себе под нос. — Мышка хвостом вильнула, а у меня уже сердце в пятки ушло. Э, старушка Бестия, так никуда не годится! — ободрила она сама себя и вернулась к шкатулкам.

Открыв одну из них, она довольно улыбнулась. Кольца, медальоны, кулоны, цепочки, браслеты — в общем, целый клад из причудливых драгоценных украшений. Джара принялась набивать

сумку, и тут по спине пробежал холодок. Она замерла, вся во власти странного предчувствия. Затем медленно повернулась.

Около лестницы в верхнюю комнату стоял высокий юноша в неброской светлой рубахе и тёмных штанах. Он смотрел на Джару, наклонив голову и прислонившись к книжному шкафу.

— Так, так, так, кто это у нас здесь? Маленькая воровка? — с усмешкой спросил он.

Джара выругалась.

— А ты кто такой, чёрт возьми?

— Страшный и ужасный призрак зловещей башни.

— Засунь свои шуточки куда-нибудь подальше, если не хочешь валяться здесь с перерезанной глоткой! — процедила девушка, выхватывая кинжал.

— Ой, мамочки, какие мы злые и страшные! Да ты настоящая разбойница! — продолжал с издёвкой в голосе незнакомец. — А что ты мне сделаешь, милочка?

— По настроению, — фыркнула Джара, понемногу приходя в себя. Она повесила сумку через плечо, чтобы было удобнее драться, слегка расслабилась, распрямила плечи. "Чёрт возьми, где Ив, — подумала Джара. — Ладно, смогу справиться и без него. Я и не таких клала на обе лопатки без чьей-либо помощи".

— А вот меня не положишь, — усмехнулся парень.

Джара вздрогнула. "Дьявол, он, что, мысли читает?"

— Ещё как читаю! Чего я только не умею, дорогуша! Вяжу, шью, вышиваю крестиком и великолепно готовлю!

— Заткнись, идиот, — не выдержала Бестия. Он выводил её из себя.

— Только без обидных словечек, хорошо? В общем, что-то мы с тобой слишком долго разглагольствуем, давай-ка приступать к делу. Знаешь, что тебе ожидает?

— О, ещё как знаю. Сейчас я заткну, наконец, твой болтливый рот, чтобы ты больше не болтал ерунды. Потом я обчищу твои карманы, заберу из этой чёртовой башни всё, что можно сбыть в городе, и унесу отсюда ноги.

— А вот и неправильно, крошка, — премило улыбнулся парень.

Джара бесилась, когда её называли «крошка», "милочка", «дорогуша» и т. д. Она подозревала, что этот придурок уже это заметил и специально действует ей на нервы. Что ж, она была абсолютно права.

— Сейчас я обезоружу и свяжу тебя (что доставит мне немало удовольствия), потом мы спустимся вниз, заберём твоего дружка и такой весёлой компанией отправимся в город. Там я сдам вас властям, и вы до конца жизни будете гнить в темнице за

посягательство на собственность Братства Трёх Звёзд. Ну и как тебе такое развитие событий, красавица?

— Паршиво, поверь мне. Такой чепухи я в жизни не слышала. — Джара решила переходить в наступление. — Но у всех есть шанс в этой жизни. Давай попробуем каждый повлиять на события по-своему. Ну?

Она подняла руку с кинжалом, согнутую в локте, и сделала шаг вперёд. Парень пожал плечами, поднял правую руку, слегка повернул кисть, и Джара мгновенно ощутила страшную боль в запястье, стремительно проникавшую к пальцам до самых кончиков. Она разжала кисть, и кинжал упал на пол. Боль не отступала, и девушка рухнула на колени, стоная от боли.

— Ив! Ив! — вскрикнула она. — Ивор!

— Можешь и не пытаться звать его, ему самому нужна помощь. Ладно, я добрый сегодня. — Он легко повёл рукой над полом, и боль тут же исчезла.

Джара резко выбросила руку, пытаясь подобрать кинжал, но он пополз по полу, затем взлетел и оказался в руке незнакомца. Он повертел кинжал.

— Ничего, достаточно неплох, но бывают и лучше. — Он положил кинжал на ступеньки лестницы, отошёл от шкафа, приблизился к Джаре.

Она усиленно изображала отчаяние и беспомощность. Юноша начал водить указательным пальцем по воздуху, и из пустой точки над Джарой плавно заструилась тонкая мерцающая нить.

Все мышцы девушки напряглись. Она опёрлась руками о пол, наклонила голову и грудь, оттолкнулась ногами, повернулась на руках и сбила парня с ног мощным ударом. В мгновение ока оказалась на ногах, подбежала к лестнице, схватила кинжал, бросилась на незнакомца, повалила его, пытавшегося подняться, прижала его грудь коленом и приставила лезвие к горлу.

Он нервно кашлянул.

— Без фокусов. Я в любой момент надавлю на лезвие, и оно разрежет твоё горлышко, — сказала она сквозь зубы, а потом улыбнулась издевательской улыбочкой. — Кажется, я лучше предсказываю будущее, чем ты, а?

Он молчал.

— Что, дар речи потерял от страха? Или вдруг позабыл все свои остроумные шуточки? Волшебник чёртов! Что ты тут делал? Зачем ты здесь? Башня же заброшена! Говори!

— Я… меня послало Братство проверить Башню. Мы пытаемся понять, что случилось с Кэлбродом, волшебником Башни, — осторожно говорил он, не отводя взгляда от лезвия кинжала.

— Что с Ивором?

— Я связал его, он лежит внизу…

— Волшебством?

— Что?…

— Кретин! Волшебством связал?

— А, да…

— Быстро освободи его! — приказала Джара.

— Не могу! — сказал волшебник, и Джара слегка надавила на кинжал. — Я… Я не могу уничтожить путы так просто, мне нужно их видеть…

— Послушай, не стоит меня обманывать. Я могу просто убить тебя, и твоё дурацкое заклинание исчезнет. Лучше делай, как я говорю.

— Я не вру, я действительно не могу! Можешь убить меня, если хочешь.

Джара колебалась. Она, конечно, сотни раз убивала, не задумываясь, в конце концов, она была наёмницей. Но вот такого беспомощного, лежащего на полу парня, полностью находящегося под её контролем, пусть даже волшебника…

Наконец, она решилась. Она толкнула его, перевернув на живот, заломила руки, дёрнула, ставя его на ноги и, держа его запястья сцеплёнными одной рукой, а другой прижимая кинжал к горлу, повела парня вниз.

Ивор лежал на полу, опутанный мерцающей нитью (губы у него были почему-то крепко сжаты; видимо, этот идиот постарался, решила Джара), тщетно стараясь освободиться. Увидев свою напарницу, Ив прекратил бесполезные попытки, замер, глядя на неё и её пленника.

— Давай, валяй, — приказала девушка.

— Не могу, — опять сказал парень.

— Что на этот раз?!

— Мои руки.

— Что — твои руки?

— Я не могу колдовать, пока ты держишь мои руки. Жесты — неотъемлемая часть большинства заклинаний, — терпеливо разъяснил тот.

Джара была в нерешительности. Ну и что теперь? А если этот волшебник, освободив руки, сделает какое-нибудь заклинание против неё или Ивора? Откуда она знает? Она совершенно не рассчитывала на его честность. Но её кинжал останется у его горла, и если она что-то почувствует, она немедленно скользнёт стальным лезвием по коже обманщика. Так что она решила. Она отпустила его запястья и положила освободившуюся руку ему на плечи.

Волшебник вытянул руки, повёл над Ивором, и тут… кинжал Джары самовольно выскользнул из её руки и отлетел в груду хлама. Девушка разъяренно вскрикнула, ударила волшебника по шее, отшвырнула его пинком к стене.

Ивор замычал что-то; Джара поняла его без слов, кинулась к другу, выхватила его меч и бросилась на волшебника, который уже был готов сотворить очередное заклинание. Она рубанула, парень ускользнул, меч ударил по камням, посыпались искры. Джара резко развернулась, замахнулась мечом, а сама неожиданно для волшебника ударила его ногой в бок. Юноша, крутясь, отлетел к стене, ударился о шкаф и упал.

Волшебные верёвки исчезли, Ивор вскочил. Джара кинула ему меч, а он подобрала свою сумку и вытащил из храма её кинжал, и они рванули прочь из волшебной башни.

Джара распахнула дверь таверны и вошла внутрь. Она остановилась, нашла глазами столик, за которым расположился Ивор, и прошла к нему.

— Ну как? — поинтересовался Ивор.

— У этого мелкого торговца загорелись его масленые глазёнки, едва я показала ему свою первую вещицу. Я продала ему всякую мелочь. Он пожадничал, но я не стала торговаться.

— Не могу поверить! Ты — и не торговалась с купцом! О Небеса! Джара, завтра у нас разыграется снежная буря! — закатил глаза Ивор.

— Не язви. Естественно, я не торговалась, мне, что, делать больше нечего. Я просто вдруг вспомнила прямо там, в лавке, что давно не чистила мой кинжал… или мне просто захотелось полюбоваться им, как ты думаешь? У него такое сверкающее, острое лезвие…

— Всё, хватит, — хохоча, прервал её тот. — Я уже понял как ты *не* торговалась!

Джара заулыбалась.

— У меня остался серебряный медальон с всякими надписями и знаками.

— Такую вещь надо продавать не у мелкого барахольщика, это ты верно поняла.

— Такую вещь вообще не надо продавать, Ивор! Я этот медальон себе оставлю.

— Джара!

— Он красивый.

— Но…

— Ты сбыл жемчужину?

— Ох!.. Да, я продал её в ювелирной лавке в центре.

Разыгрывал бедного и несчастного разорившегося аристократа, продающего семейную реликвию. Мне не очень поверили, но всё же жемчужину купили. — Он протянул ей кожаный кошелёк.

— Я всегда говорила, что актёр ты никудышный, зато торговец замечательный! — со смехом заметила девушка, взвешивая кошелёк на ладони. — Давай-ка отметим наши удачные сделки! Эй, хозяин, принеси-ка нам пива!

Ивор с улыбкой смотрел на Джару.

Внезапно двери таверны распахнулись, и внутрь заведения вошли пятеро крепких парней в доспехах. После них вошёл… тот самый волшебник из башни.

— Чёрт возьми, что он тут делает?! — пробормотала Джара. — Сматываемся, Ивор…

— Вон они! Взять их! — воскликнул маг, указывая на парочку за столиком в углу.

— Ах, чтоб его! — вскочила Джара, выхватывая кинжал.

Ивор встал из-за стола и обнажил свой меч.

— Только без заварушек, Джара, хорошо? Нам надо только прорваться к выходу…

— Мне надо прорваться к этому уроду недоношенному!

— Без глупостей, Бестия!

— Уговорил, — буркнула Джара и фурией налетела на первого из пятёрки

Следом за ней людей волшебника атаковал Ивор.

Кинжал вертелся в руках девушки, как бешенный, не оставляя врагу ни малейшего шанса для ответной атаки. Ивор был более холоден и спокоен, но тем не менее сражался ловко и быстро.

Маг Эйдан, чья гордость была ущемлена, а достоинство оскорблено, даже залюбовался великолепными бойцами. Но это длилось недолго. Он внезапно осознал, что его отборные воины уже валяются абсолютно недееспособные на полу, а парочка бежит к окну.

Девушка разбила стекло и выпрыгнула на улицу, её напарник за ней. Эйдан чертыхнулся и бросился за ними. Джара и Ивор вбежали в конюшни, вскочили на первых попавшихся лошадей и поскакали вон из города. Эйдан оседлал своего коня и отправился вслед за парочкой.

— Куда, Джара? — крикнул Ивор.

— В лес! — ответила она.

— Ты с ума сошла, лес не в той стороне! Там только река!

— А за рекой лес!

— Ты о Лесе друидов?! Спятила?!

Джара подмигнула Ивору и пришпорила коня, уходя вперёд. Её напарник выругался и направил коня.

Эйдан в страхе думал о том, куда его заведёт преследование двух наёмных воинов. Он и так терпеть не мог лошадей, а быстрой езды — тем более. Он даже не мог сосредоточиться для заклинания. "Чёрт возьми, куда они скачут?! Ведь там лишь река… А за рекою лес друидов! Неужели они настолько любят рисковать, что готовы отправиться в Лес друидов? Оттуда ведь никто никогда не возвращался! Друиды приносят всех людей, что появляются в их лесу, в жертву своим богам! — в панике думал маг. — Если они, конечно, вообще существуют…" Но он поставил себе целью отомстить этим двум выскочкам, да и к тому же, разве он не волшебник? Что против него примитивная магия природы, какою вроде бы пользуются эти друиды?

— Мы в самой глуши этого леса. Забрели в самые дебри. Но, кажется, мы оторвались от этого придурка, — облегчённо вздохнула Джара, спрыгивая с коня.

— Я не очень в этом уверен, — хмыкнул Ивор, тоже спешиваясь. — Этот чёртов колдун…

— …за вашими спинами, — раздался голос.

Джара и Ивор обернулись и увидели Эйдана. Он самодовольно улыбался.

— Ну что? Пришёл час расплаты! — Эйдан поднял руки и зашептал заклинание.

Внезапно подул ветер, зашелестели листья. Кони заржали, вырвались и поскакали прочь.

— Стойте на месте, иначе от вас мало что останется — если останется хоть что-нибудь, — сказал Эйдан. — Я над этим подумаю.

— Что тебе надо от нас? Неужели не успокоишься, пока не упечёшь нас в темницу? — спросила Джара. — С трудом верится, что тебе хочется тратить своё время, для того чтобы гоняться за нами во имя правосудия!

— Ты абсолютно права, крошка, — улыбнулся Эйдан. — Мне нужно кое-что, что вы унесли с собой. Серебряный медальон с резными надписями на древнем языке. Надеюсь, вы ещё не продали его? — выжидающе посмотрел он на Джару с Ивором.

Они переглянулись.

— Послушайте: лучше отдайте мне его, и я уйду отсюда с миром, и забуду, что вообще существуют двое таких… хм, таких, как вы — обойдемся без оскорблений. В противном случае я просто-напросто убью вас, а затем тщательно обыщу и всё равно заберу медальон, — пожал он плечами. — Он в любом случае станет моим, просто я не хочу зря проливать кровь.

— Не думаю, что тебя останавливает твоя природная доброта, — фыркнула Джара.

— Мы согласны, — кивнул Ивор. — Джара, отдай ему медальон.

— Кажется, я говорила тебе, что продала его.

— Бестия, чёрт возьми! Не строй из себя дурочку! Отдай ему его! Что ты, хочешь, чтобы он пришиб нас своим колдовством? Глупая девчонка! — стремительно выходил из себя Ивор.

— У меня кончается терпение, — заметил Эйдан как бы между прочим, медленно поднимая кисть.

— Бестия! — выкрикнул Ивор.

Джара показала ему и Эйдану язык.

— К чёрту вас двоих! У меня нет медальона.

— Ну что ж, я проверю это, когда вы умрёте, — хладнокровно сказал чародей и вытянул руку по направлению к Ивору.

Грифон взглянул на Джару. Она мило улыбнулась ему и вдруг резко прыгнула, гибко и мягко, как кошка. Набросилась на Эйдана, свалила его на землю и лихо вмазала волшебнику по лицу. Ивор кинулся ей на помощь, они схватили его. Эйдан дёрнулся, высвободил ногу, пнул ей Ивора. Парень отлетел на несколько шагов и упал навзничь, вскрикнув и выругавшись. Эйдан ударил Джару и схватил её за шею, нащупал цепь и вытянул медальон.

— А это что, милочка? Я наказываю за ложь!

— Пошёл ты! — плюнула ему в лицо Джара и занесла руку, чтобы ударить чародея, но он увернулся и влепил ей с размаха пощёчину. Бестия взвыла, вырвалась, вскочила и пнула его. Ивор подбежал и скрутил ему руки.

— Ankrin narsenon! — выкрикнул Эйдан, поднимая взгляд на девушку.

Она вскрикнула и невольно закрылась руками. Но ничего не произошло.

— Что за чёрт? Заклинание не работает! — воскликнул волшебник. — Darwar terseril! Inftar…

— Остановись. Здесь не действует никакая магия… Никакая, кроме нашей.

Ивор, Джара и Эйдан как по команде повернулись на голос. Из-за деревьев вышло несколько человек в длинных белых одеждах.

— Друиды, — пробормотал Эйдан.

— Ты прав, волшебник. Повторяю: здесь невозможна никакая магия. Лишь волшебство природы, которым пользуемся мы, друиды. А наш лес исполнен этим волшебством, поэтому не позволяет проникать посторонней энергии внутрь себя. И поэтому

здесь нельзя находится никому, кроме самих друидов. Но вы здесь — гости, и вас ждёт заслуженный приём, — говорил друид, стоявший чуть впереди остальных.

— О, это замечательно! — пробормотал, поднимаясь с земли, Эйдан.

— Да, да, замечательно, — холодно усмехнулась одна из женщин-друидов. — Особенно, если учесть, что этот заслуженный и достойный приём — торжественная… казнь.

— Да ну? — только и молвила Джара, не переставая улыбаться какой-то странной истеричной улыбкой. — А может, мы лучше мирно пойдем домой, а то мы ведь займём столько вашего времени. А так, тихо, спокойно покинем лес и…

— Даже не пытайтесь, — холодно прервал её друид. — Вы нарушили спокойствие нашего леса, и за это будете казнены. Принесём же их в жертву нашим богам, братья и сёстры!

— Ну уж нет, — фыркнул Ивор и вытащил свой верный меч. — Я перережу глотку любому, кто приблизится ко мне или моей подруге.

Эйдан сглотнул. Без магии он был никем.

Друид поднял руку, и Ивор с Джарой рухнули на колени, а меч и кинжал вылетели из их рук и приземлились у ног друидов. Ещё секунда, и также упал и Эйдан.

— Чёрт возьми! — взвыл он. — Не хочу я вот так умирать!

— Придётся, — молвил друид.

Эйдан ощутил невыносимую боль в груди. Он упал на спину, затем понял, что даже не может пошевелиться. Глаза застлала пелена. Сквозь какую-то завесу он услышал голос Джары.

— Послушайте, мы не виноваты, что оказались здесь! Этот чёртов волшебник гнался за нами, чтобы отнять то, что принадлежит нам по праву! Мы спасались от его злодейской магии, с помощью которой он хотел убить нас и забрать наши вещи! Самый настоящий разбойник! Вор! Убийца! Вот, взгляните! — Девушка вынула из-под кофты медальон и показала его друидам. — Это моё по праву! А он пытался отнять мой медальон, мой талисман! А мой друг, Ивор, защищал меня!

— Повелители Стихий! — воскликнул женский голос. — Что у неё на шее?… Этот медальон?…

Боль мигом исчезла. Эйдан поднял голову и увидел, что друиды подошли к Джаре.

— Откуда у тебя это? — спросила друидка, указывая на медальон из башни.

Джара взглянула на Ивора:

— Эээ… — замялась она. "Чёрт, скажу, что подобрала, они ещё начнут злиться, что какая-то обычная девчонка носит

великий медальон", — подумалось ей, так что она начала вдохновенно заливать: — Это… это мне досталось от матери… а ей от её матери… и так далее… это переходило из поколения в поколения, знаете. Но мои родители умерли рано, и перед смертью мать отдала мне этот медальон, сказав, чтобы я берегла его… и что он ещё поможет мне когда-нибудь, — не моргнув глазом, врала Джара. Ивор и Эйдан смотрели на неё, не понимая, хорошо или плохо это обернётся для них.

— Слава нашим богам! — воскликнули вдруг друиды. — Мы нашли её!

— Убить тебя мало, — в какой уже раз сказал Эйдан. — Лучше б я сдох там, в лесу.

— Даже не представляешь, как я была бы рада, — фыркнула Джара. — Между прочим, в лесу не было похоже, что ты прямо так горишь желанием там сдохнуть, — ехидно заметила она. — И вообще, лучше будь благодарен мне, что я спасла наши шкуры. Иначе нас бы просто прикончили, и всё. Закололи бы на алтаре великих дубов или королей-тополей, или ещё чего-нибудь в этом роде. Богини одуванчиков и боги листочков и веточек!

— Заткнись, — раздражённо огрызнулся Эйдан.

— Сам заткнись. Я тебе не пробка. Благодари меня! И вообще, лучше б поколдовал или ещё что-нибудь сделал с помощью своей треклятой магии. Иначе мы век будем скитаться в этих окаянных горах, — сказала ему девушка.

— Не приказывай мне.

— Тут я главная, медальон-то у меня!

— Нашлась, блин, главная. Молоко на губах не обсохло, девчушка. Главная выискалась. Выскочка маленькая! И не бзди мне про медальон. Он по праву мой, меня послало Братство в Башню!

— Я тебя сейчас пошлю ещё дальше, чем твоё хвалёное Братство! Я медальон нашла, а ты, вообще, кретин, молчи, не то…

— Эй-эй, попридержи язычок, куколка! Без обзывательств.

— Без обзывательств?! Сам сначала язык прикуси, идиот!

— Языком поменьше двигай, язвы появятся.

— Сейчас у тебя язвы появятся на одном известном месте…

— Да замолчите вы, надоели уже! — наорал на них Ивор. — Давайте объединим усилия хотя бы на время выполнения этой чудо-миссии. Успокойся, Эйдан, успокойся, Джара, хорошо? Ребята, это глупо!

— Ладно, Ив, прости, я молчу, — вздохнула Джара.

Эйдан промолчал и закатил глаза. Джара состроила ему рожицу.

Они ехали по горному плато от древнего портала около часа, когда начался подъём, слишком высокий для лошадей. Их пришлось оставить там, на плато, где они, окрылённые внезапной свободой, отправились пастись и жить в своё лошадиное удовольствие. Джара, Ивор и Эйдан отправились наверх.

Природа вокруг была замечательная. Свежий горный воздух, слегка прохладно, дует ветерок. Трава, цветы, деревья, горы, голубое небо, яркое солнце — что может быть прекрасней? Но вряд ли кто-то замечал это — разве что Ивор. Джара и Эйдан шли и бесились, чуть ли не плевались ядом по сторонам, исходя тихим бешенством. Ивор наблюдал за ними и улыбался. Всё-таки Джара, хоть она и ровесница его, Ивора, ещё не выросла до конца. Вот ведёт себя, как маленькая, переругивается по пустякам с этим Эйданом.

Но вообще она молодец, думалось Ивору. Взяла и наврала с три короба этим идиотам в белых балахонах, любителям природы и уединения, а по совместительству поклонникам кровавых жертвоприношений посреди дремучего леса. А они развесили уши и поверили. Отправили их выполнять великую миссию в эти горы, до которых уже давно на Гирите никому нет дела, ведь подножье поросло колючками, а деревья внезапно сбросили листву, и круглый год стоят жёсткие и голые. Видите ли, в этих горах древний друидский храм, а в нём, оказывается, великая книга, которая лесным обитателям, то бишь этим лопоухим в белом, позарез нужна. Да и ещё их легенды гласят, что надо поручить миссию человеку, кто будет носить древний медальон, который на самом деле исконно друидский. И это, оказывается, Джара! Да если её род, как она им наплела, носил этот медальон испокон веков, тогда род его, Ивора, самый что ни на есть королевский! Ха! Вот умора. Ивор думал, предназначение и великие миссии, напророченные ясновидцами или кем там, оракулами, что ли, только в сказках бывают. Когда он жил на Материке, в то время, когда был ещё ребёнком, он обожал эти сказочки. Великие герои, о приходе которых пророчат за тысячелетия до их рождения, великие мечи, которыми только и можно победить великих злодеев, и всё такое… великое…

А теперь всё это, пусть и по ошибке, касается и их. И теперь их не двое, как обычно в очередном приключении, а уже трое. Этот наглый чародей вовсе не нравился Ивору, но он мог пригодиться. Да и вообще, может, он возьмёт и переместит их с этих гор обратно, на обжитую часть Гирита? К Гильдии, например. Внезапно Ивор понял, что именно об этом и спорят — вновь спорят! — Джара и Эйдан.

— Почему ты не можешь открыть портал? — спросила

раздражённо девушка.

— Потому! — огрызнулся Эйдан.

— Объясни!

— Всё равно не поймёшь, с твоими-то куриными мозгами!

— Заткнись, шарлатан вонючий!

— Сама заткнись, дура бешеная!

— Сейчас я тебе!

— Это я сейчас тебе!

— Успокойтесь! — взревел Ивор. Колдун и Бестия притихли. — Эйдан, действительно, почему ты не можешь переместить нас?

— Потому что это просто так не делается — раз и открыл себе портал, где хочешь и куда хочешь!

— Ну и как это делается? — с неприкрытой насмешкой спросила Джара.

Эйдан сверкнул глазами, но продолжил объяснять:

— Существует такой чародейский термин, как *пентаграмма*, особый рисунок, заключённый в символ вечности — круг. Пентаграммы бывают совершенно разные, и используются тоже в разных целях, — менторским тоном говорил волшебник. — Чтобы волшебник мог открыть портал, необходимы две пентаграммы перемещения: входа и выхода. Чтобы *войти,* волшебник должен очертить пентаграмму входа в том месте, где он в этот момент находится. Чтобы *выйти*, пентаграмма выхода должна быть в пункте назначения. В основном во всех крупных городах чародеи чертят пентаграммы, например, на городских площадях, в зданиях, некоторые даже в своих домах…

— Ну и что же тебе мешает? — перебила его Джара. — Давай, черти свою пентаграмму куда-нибудь на Гирит…

Эйдан возвёл очи горе.

— Ты хоть дослушай до конца, что ли. И не перебивай, когда умные люди говорят.

— Это ты что ли умный?! — взвилась девушка.

— Бестия! — чуть повысил на неё голос Ивор. Пусть он Эйдану тоже не очень-то симпатизировал, но тот говорил дельные вещи, и его нужно было выслушать.

Джара обиженно замолчала.

— Продолжай, Эйдан, — обратился Ивор к магу.

— Так вот, о чём это я… Пентаграмма выхода всегда неизменна — это понятно, её начертят, и там она и остаётся.

— А чем её рисуют? — не утерпела Джара, хотя только что зареклась разговаривать и с Ивором, и, тем более, с Эйданом. — А если сотрётся?

Тяжёлый вздох Эйдана будто говорил: "И бывают же такие

тупицы!"

— Пентаграммы не рисуют мелом, красками или чем там ещё. — Эйдан поднял руку и принялся водить пальцем в воздухе. Через несколько мгновений обрисованные им линии из невидимых стали ярко-синими, потом взорвались вспышкой света, и в руке Эйдана уже лежала чудесная роза. Нежные алые лепестки были собраны в бутон.

Эйдан протянул розу Джаре, и та, завороженная волшебством, приняла цветок. Тут роза раскрыла бутон, оказавшийся челюстью с мелкими острыми зубками, и пребольно укусила девушку за палец. Джара возмущённо вскрикнула, выкинула розу и сунула палец в рот. Роза испарилась, не коснувшись земли. Эйдан смеялся. Ивор, к вящему негодованию Бестии, тоже.

— Так их и рисуют, — со смехом сказал Эйдан. Потом он прокашлялся и начал дальше объяснять, не обращая никакого внимания на гневно потрясающую кулаками Джару. — А вот пентаграмма входа каждый раз меняется. Она состоит из двух частей. Первая — это своеобразное повторение линий пентаграммы выхода, как бы ссылка на пункт назначения мага. А вторая часть должна… как же это выразиться… *описывать*, что ли, место, из которого выходит маг.

— И *это* место ты описать не можешь, — догадался Ивор.

— Совершенно верно.

— Почему?

— Я здесь первый раз и абсолютно ничего не знаю об этой горе, что находится вокруг неё… Существует, к примеру, Книга Пентаграмм, там — все нужные знаки и узоры, а также готовые пентаграммы многих мест мира, больших городов, лесов… Тут много особенных нюансов, которые мне нет смысла вам объяснять. Единственное, что я должен вам сказать, что если я попытаюсь-таки составить пентаграмму, мы можем застрять где-нибудь между мирами, уничтожиться или ещё что-нибудь в этом роде.

— Ясно, — кивнул Ивор. — Ты не мог, прости, сразу ей это рассказать и не препираться?

— Как послушаешь её тон, разговаривать не хочется, — буркнул волшебник.

Ивор расхохотался.

— Это точно!

Джара остановилась, развернулась к ним лицом и упёрла руки в бёдра.

— Смейтесь, смейтесь! — сощурила она янтарные глаза. — Уж я потом вам обоим…

— Слушай, Ивор, сколько ей лет, а? — вопросил Эйдан. — Она как семилетняя капризуля!

— Верно подмечено, — сквозь смех поддакнул парень.

— Молчите, мужчины, — заткнула их Джара. — Давайте займёмся более важными делами, чем обсуждением молодой особы, тем более, что она стоит тут, рядом с вами!

— Какая важная, — хмыкнул чародей.

— Ты бы лучше мне сказал, почему тогда маги, которых я видела, прошепчут что-то себе под нос, и портал сразу и раскрывается! Они не чертят в воздухе пальцами никаких пентаграмм! — Джара снова прищурилась, будто уличала Эйдана во лжи.

Ивор повернулся к магу, тоже в ожидании объяснения.

— Заклинания, как и пентаграммы, можно заранее подготавливать и держать как бы в «подвешенном» состоянии. Если собираешься на рискованное дело, можно очертить себя пентаграммой *возвращения*. Она может быть использована неоднократное количество раз. Очерчивать её необходимо именно в том месте, где есть пентаграмма выхода. Она приводится в действие несколькими словами и открывает портал в место, с которым связана.

— Ты, конечно, это сделать не удосужился, — проворчала Джара.

Эйдан развёл руками.

Джара приметила невдалеке раскидистое дерево и направилась к нему. Парни пошли следом за ней. Девушка плюхнулась на траву в тени дерева.

— Ладно, с порталами закончили. Что теперь? Мы даже не знаем, куда именно идти. Горы огромны, здесь легко потеряться. Где именно храм?

— Что ты нас спрашиваешь, будто бы мы знаем. Если бы мы знали, не говорили бы об этом, — заметил Эйдан. — Но знаете что? Кажется, друиды говорили о пользе этого медальона. Посмотри, может, он как-то поможет. Вытащи его.

Джара сняла медальон с шеи и передала волшебнику. Эйдан взял в руки серебряную пластинку с выгравированными знаками. Он со всех сторон её осмотрел, повертел под солнцем, потом положил на землю и пытался использовать, как компас, но всё безрезультатно.

— Сейчас, — многообещающим тоном сказал Эйдан, подкинул медальон в воздух и резко поднял ладонь.

Медальон повис на уровне глаз чародея. Эйдан зашептал что-то. Из кончиков его пальцев заструилось бежевое облако. Оно обволокло медальон, а затем, расстелившись по земле,

превратилось в плотный пергамент, на котором яркой фиолетовой краской теперь были вычерчены знаки друидского медальона — один в один, но крупнее, ровнее и чётче. Эйдан отдал медальон Джаре, которая на пару с Ивором восхищённо смотрела на работу волшебника.

— Я думаю, так будет легче толковать знаки, раз медальон не восприимчив к окружающей среде. Если бы он реагировал на какие-то явления — солнечный луч, соприкосновение с травой, землёй, дуновение ветра… Но нет. Значит, дело в знаках, — бормотал под нос Эйдан. — Хм… Знать бы, какой это язык. Не думаю, что это тайные письмена друидов. Вроде бы мы изучали их в Академии… Да и наши знакомые друиды расшифровали бы их для нас, мне кажется. Так… Дайте-ка подумать… вспомнить бы что про этих проклятых друидов…

Джара и Ивор лишь слушали его, не перебивая. Вдруг напряжённое лицо Эйдана осенила догадка.

— Я вспомнил! Я понял! Это карта, чёрт возьми! Эти друиды вечно рисовали всякие непонятные карты, что аж сами потом понять не могли — я помню, помню, мы мусолили их карты в Академии Трёх Звёзд, когда я ещё учился там… Но я обычно слушал вполуха, потому что думал, что друидов уже не осталось… Вот чёрт, надо же, я вспомнил! — радовался и улыбался чародей. Джара даже залюбовалась его красивой улыбкой и задорным блеском в глазах. — Сейчас, сейчас… вот это утёс, это три сросшихся дерева… а это направление — там будет крутой спуск, и… мы будем у цели! Так, вперёд, на поиски деревьев и утёса… посмотрите, вот такой формы… Всё, пошли!

В тот день Джара и Ивор впервые смотрели на Эйдана с уважением.

Утёс и дерево из трёх сросшихся стволов с внушительной кроной и весьма величественным видом путешественники нашли, когда солнце уже закатилось за горизонт. Ужасно вымотавшиеся за несколько дней поисков, они рухнули прямо под желанным деревом и заснули сладким сном.

Джара почему-то проснулась рано. Открыв глаза, она увидела розоватое небо. Этот нежный оттенок небесам придавало медленно восходившее солнце. Джара поднялась с земли и подошла к краю обрыва — искомые утёс и дерево стояли именно на обрыве — и посмотрела вниз, на расстилавшуюся внизу долину. В тёплых ранних лучах она увидела четыре высокие колонны, возносившиеся ввысь, к небу, стоявшие по углам выровненной площадки, в центре которой находился храм. Вокруг простирался лес сплетённых крон, нежно шелестевших,

когда прохладный ветерок гулял между листьев. Храм сиял, словно купался в солнечных лучах, медленно преподнося своё величие, мощь и торжественность восхищённой Джаре.

Кто-то обнял её за плечи.

— Это потрясающе, — сказал Ивор.

— Никогда не видела такой красоты, — призналась Джара, обхватывая пальцами кончики пальцев Ивора. — Это просто… невозможно передать словами.

— И как он раньше не был замечен?…

— Эта долина, кажется, в самом сердце гор? Наверное, сюда просто никто не добирался. Горы выглядят совсем непривлекательно для путников. Совсем неприветливо. Эти страшные деревья… и всё такое.

— Наверное, так оно и есть. Давай разбудим эту спящую красавицу и спустимся вниз.

— Да ладно, пусть спит. Куда нам теперь спешить.

— Ты права. А мы пока сядем и полюбуемся этой красотой.

Джара и Ивор уселись, свесив ноги в пропасть и обнявшись. Всходило солнце, и они встречали новый день вместе, упоённые красотой необыкновенного пейзажа, раскинувшегося далеко внизу.

Площадка, на которой стоял храм, была выложена резным камнем. Однако теперь она частью была разрушена, а частью заросла травой и цветами, что, впрочем, придавало ей ещё более живописный вид. Храм, как и колонны, тоже был далеко не в идеальном состоянии. Вблизи вообще создавалось впечатление, что он вот-вот рухнет. Но делать было нечего, и троице пришлось войти в этот древний шедевр архитектурного искусства.

Внутри крошившиеся камни тоже украшала растительность. Храм был не очень большой. Свод держали изящные колонны в виде обнажённых девушек, впрочем, некоторые части их тел были стыдливо спрятаны под роскошными локонами длинных волос. У противоположной входу стены стоял алтарь.

В молчании, боясь нарушить вековую тишину, Джара, Ивор и Эйдан медленно и тихо шагали к нему. Мраморная крошка тихо скрипела и потрескивала под их ногами. Вскоре они уже стояли перед резным алтарём, сплошь украшенном рунами, рисунками, письменами и узорами. Алтарь был изрядно раскрошившийся и обсыпавшийся. Некоторые рельефы были навсегда утеряны для человечества, так как вместо того, чтобы красить алтарь, они белой крошкой лежали на полу храма. Но самое главное, на алтаре, какой бы он ни был, лежала книга. Толстая, потрёпанная, старенькая, в выцветшей зелёной обложке.

— Это она? — тихо спросила Джара.

— Она! — подтвердил Эйдан возбуждённым и взбудораженным тоном и схватил книгу. — Она, она! А я не верил, что она существует!

Стены ответили его бурной радости странным шумом и лёгким пошатыванием. Посыпалась крошка.

— Давайте порадуемся снаружи, — предложил Ивор.

Все трое выбежали из храма, и в тот же миг за их спинами зашатались колонны.

Эйдан зажал книгу под мышкой, хлопнул в ладони и открыл телепорт наверх, к сросшемуся дереву (как он потом объяснил, перемещаться на небольшие расстояния, к месту, которое лежит в поле зрения, "проще простого"). Джара и Ивор запрыгнули в светящийся диск, чародей за ними, портал закрылся, и как раз в ту секунду на место, где этот портал пребывал, рухнула колонна. Вслед за ней с грохотом упали остальные, с жутким грохотом осел свод, поднимая необъятное облако пыли, и так закончилась история храма друидов.

Книга лежала на его коленях и, ему казалось, буквально гудела от переполнявшей её энергии. Время от времени сердце его начинало бешено колотиться, словно заново переживая волнение от несравненной находки. Иногда ему вдруг казалось, что это сон или, хуже того, у него видения или бред. Тогда он вздрагивал и начинал взбудораженно оглядываться и обшаривать рукой траву вокруг. Но почти сразу же пальцы натыкались на поверхность изъеденной временем обложки Книги. Она не могла существовать — и тем не менее, вот она, лежит на его коленях, и он с трепетом касается кончиками пальцев её древних, пропитанных могуществом страниц.

Бедный, бедный Кэлброд. Он этого уже не увидит. Что же с ним всё-таки случилось? Глупец, он, скорее всего, пошёл в лес, к друидам… Последний раз, когда они разговаривали, он всерьёз намеревался пойти потолковать с этими лесными дикарями. Расспросить о медальоне. И где только этот бездарь нашёл такую вещицу? Впрочем, это неважно. Важно то, что Эйдан оказался в нужное время в нужном месте.

И Книга теперь его.

Эйдан водил пальцем по линиям невиданных доселе пентаграмм, знаков и рун, шевелил губами, беззвучно произнося слова заклинаний. Книга его чувствовала, Книга отзывалась, Книга отвечала, Книга ждала.

Ещё немного. Совсем скоро он будет стоять на месте оратора в Зале собраний главной резиденции Братства Трёх Звёзд в

Эмлине, столице Аронварда. Конечно, можно переместиться туда прямо сейчас. Два слова, одно короткое заклинание, и пентаграмма возвращения вернёт его в Эмлин в ту же секунду…

Есть только одно "но".

Никто не может просто так, безнаказанно оскорблять его, Эйдана. И этим двоим наёмникам ничего с рук не сойдёт.

Эйдан с трудом оторвался от Книги и поднял взгляд на костёр. По ту его сторону сидела Джара, обхватив ноги и положив подбородок на колени. Её дружка Ивора не было: ушёл искать какую-нибудь живность на ужин. Эйдан заскользил глазами по девушке и едва заметно усмехнулся: делая вид, что глядит в костёр, Джара сама украдкой посматривала на чародея.

Эйдан смотрел на неё, пока не поймал её взгляда. Джара не смутилась, а, наоборот, нагло уставилась ему прямо в глаза. Эйдан снова усмехнулся про себя. Эта дикая кошечка ему определённо нравилась. Несмотря на всю, мягко говоря, необычность их первой встречи, Эйдан сразу отметил её выдающиеся внешние данные. А то, что киска ещё умеет царапаться и кусаться, только прибавляло ей привлекательности.

"Я ей нравлюсь", — внезапно понял Эйдан. Он тихонько, очень осторожно, не дай бог эта фурия что-нибудь заподозрит, проник в её мысли. О да, он ей нравится. От любви до ненависти, как говорится, один шаг, и бывает, что наоборот тоже. Она сама удивляется — как это, недавно мечтала перегрызть ему глотку и выцарапать глаза, а теперь хочет подойти, ластиться и мурлыкать?

Эйдан сделал вид, что занят Книгой, чтобы Джара не заметила насмешливого блеска в его глазах. Ни к чему портить её настрой. Джара думает, что зря он ей не нравился. Ведь он всего лишь уверен в себе, настойчив, вспыльчив и упрям, но ведь что в этом плохого? Она сама такая. Они похожи.

Эйдан едва не поперхнулся, давясь рвущимся смешком. Джара с виду такая независимая и колючая, не подойти, не подъехать, как говорится, а внутри… Сидит и вспоминает их необычное знакомство, драку при первой встрече, стычку в таверне, все события в Лесу Друидов, на пути к храму… Эйдан был готов поспорить, что эта Бестия так и представляла в тайных мечтах своего «принца». Со смеху помрёшь…

Но чтобы там ни было, она красива. Она убийственно красива. Только представить, как она выглядит без одежды… Эйдан сглотнул. В мыслях Джары царил хаос, который её одновременно смущал и радовал. Ивора не было. "Лови момент, старик!" — сказал сам себе Эйдан.

Чародей отложил Книгу в сторону.

— Что скучаешь, Бестия? — спросил он, искоса поглядывая на неё.

— Не скучаю, — ответила она.

Эйдан сверлил её взглядом. Краснеет? Неужели?

Он поднялся, обошёл костёр и сел рядом с ней. Близко. У неё внутри всё перевернулось от близости его тела. Но она не отодвинулась. Хорошо. Только злится на себя за то, что смущается, отметил Эйдан.

Он потянул ноздрями восхитительный аромат её тела, её волос, и почувствовал, как начинает кружиться голова.

— Ты очень красивая, Джара, — произнёс он.

Она резко повернула голову, и их лица оказались совсем рядом — почти соприкасаясь.

Она, видимо, хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Не знаю, как ты, — зашептал Эйдан, обдавая её гладкую кожу своим горячим дыханием, — но мне, несмотря на все наши с тобой пререкания, ты очень нравишься. Ты удивительная девушка. Я никогда ещё не встречал такой как ты… — Он осторожно потянулся к ней губами и поцеловал так нежно, как только умел. А он умел.

Дикая кошка сейчас спрячет коготки и замурлычет, подумалось ему.

— Ты сладкая, — шепнул он ей на ухо.

По всему телу Джары пробежала дрожь.

Эйдан притянул девушку к себе и снова отыскал её губы, но на этот раз поцелуй был жадным, страстным, долгим. Джара обвила руками его шею. Эйдан мягко надавил на её плечо и увлёк на траву. Глаза Джары горели жёлтым огнём, и в них дьявольские танцы плясали блики костра. Её волосы чёрным ореолом разметались вокруг точёного лица, а одна блестящая прядка упала на щёку и прикрыла нежные, чувственные, раскрасневшиеся от поцелуев губы.

— Ты сводишь меня с ума, — хрипло сказал он и, убрав с её лица прядку, снова поцеловал её.

Раздавшийся вдруг звук им вовсе не помешал, пожалуй, они даже и не заметили его. Глухой звук чего-то тяжелого, упавшего на землю, — это Ивор, вернувшись из леска, уронил на землю убитого зверька, пойманного им на ужин.

До плато, откуда они начинали свой путь, они дошли почти что в молчании. Когда до портала друидов оставалось недолго, Эйдан увлёк Джару за какой-то выступ.

— Эйдан, — умоляюще прошептала она, избегая его объятий.

— Бестия, — протянул он. — Послушай, этот Ивор…

— Он не одобряет этого, потому что не до конца доверяет тебе, ведь он тебя не знает, — сказала Джара, уклоняясь от поцелуя. — Он заботится обо мне.

— А по-моему, просто ревнует. Он же влюблён в тебя.

— Что? — Джаре даже стало смешно.

— Да, это же очевидно! Как он смотрит на тебя, опекает, ревнует… Ему не нравится, что ты отдаёшь предпочтение мне. Он бы предпочёл быть на моём месте, а? — с усмешкой говорил Эйдан.

— Нет, нет, просто он заботится обо мне… и… — не находила слов Джара, сама задумываясь над тем, что сказал Эйдан. А вдруг он прав? Ивор всегда очень хорошо относился к ней. Любил… как сестру — она так считала. А вдруг нет?…

— Сладкая, пошли его к чёрту, он что, отец тебе, чтобы запрещать тебе что-то, опекать тебя?

— Нет, но… он мой друг и… послушай, давай покончим с друидами, и разберёмся потом. Я хочу скорее вручить им эту книгу, чтобы быть свободной от обязательств.

— Нет, Бестия, — странно заулыбался Эйдан. — Нет.

— Что — нет? — не поняла Джара.

— Ничего, милая, сделаем, как ты хочешь. Идём.

Они догнали Ивора и втроём дошли до небольшой пещерки, где был спрятан портал друидов. Джара сняла медальон и приложила его лицевой стороной к специальному отверстию, выдолбленному в стене пещеры. Каменная поверхность вдруг заколебалась, и раскрылся портал, ровно мерцавший изумрудным светом. Затем Джара взяла медальон и одела его на себя.

— Вперёд! — провозгласил Эйдан.

— Только после тебя, — возразил Ивор. — Сначала ты и книга, а потом мы.

— Послушай, мне надо с ней поговорить, — указал взглядом маг на Джару.

— Поговоришь потом, — холодно молвил Грифон.

— Ивор! — с упрёком произнесла Джара, глядя на парня.

Ивор молча отвёл взгляд и скрылся в портале. Эйдан обвил талию Джары и прижал её к себе, целуя и осторожно отстёгивая медальон. Он не прекращал бурных объятий, пока медальон не оказался в его руке.

— Ну, давай, милая, — улыбнулся чародей. — Я следом.

Джара зашла в телепорт и оказалась в лесу друидов. Ивор смотрел на неё с немым укором во взгляде. Она показала ему язык, почему-то эгоистично радуясь, что причиняет ему муку своим романом с Эйданом, и с улыбкой принялась ждать, когда

из портала выйдет волшебник. Но портал, вместо того, чтобы перенести чародея, внезапно закрылся.

— Что такое? — испуганно произнесла Джара.

— А ты что думала? — устало улыбнулся Ивор. — Я был почти уверен в том, что произойдёт… Я ведь настаивал, чтобы Эйдан вошёл в портал первым. Может, мне следовало плюнуть на твой каприз и стоять на своём. Но сделанного не воротишь. Но неужели, чтобы ты прозрела, обязательно надо было позволять этому магу осуществить свой план, а нас подвергать риску для жизни? — Он опять улыбнулся странной печальной улыбкой. Потом горько усмехнулся, видя наивное непонимание в кошачьих глазах Джары.

— О чём ты? — спросила она, плохо понимая, что означают все эти слова Ивора. — Надо открыть портал, Эйдан застрял в горах…

Джара потянулась было к медальону, но не обнаружила его.

— Проклятье, я обронила его в горах!

— Но ты открывала портал в пещере с помощью него.

— Значит, уронила на пол в пещере.

— Тогда Эйдан подберёт его и спокойно откроет телепорт, это ведь не сложно, так что не бойся за него. Зачем нервничать? Он сейчас вернётся. Вот только возьмёт медальон, откроет телепорт, шагнёт и — бац! — он уже с нами, — наигранно улыбаясь, говорил Ивор. — Ты будешь счастлива, Бестия, правда? — Лицо его посерьезнело. — Джара, послушай, не будь маленькой девочкой. Взгляни правде в глаза.

Джара нервно сглотнула и уставилась на голый камень, где недавно сверкал портал. Шло время. Но камень оставался камнем.

— Может, медальон исчез или остался в пространстве, как там говорил Эйдан? Или телепорт сломался, и не открывается… — со слабой, отчаянной надеждой в голосе говорила Джара.

Чёрт возьми, что со мной? — спросила Джара саму себя. — *Я Бестия. У меня нет никаких глупых чувств. Я не доверяю. Я не влюбляюсь. Я не ною, не отчаиваюсь и я не расстраиваюсь из-за чьего-то предательства… Нет, меня просто нельзя предать, потому что мне нет дела ни до кого, кроме меня самой и Ивора. Но… нет, какое предательство? Я не верю, что Эйдан меня предал, обманул!*

И она хваталась за последнюю теплившуюся надежду, как за спасительную ниточку:

— *Что-то* же произошло, Ивор!

— Да, произошло, — усмехнулся Ивор, странным, слегка

жалостливым взглядом глядя на неё. — Эйдан отправил нас сюда, к друидам без книги, а сам с ней остался там, в горах. Теперь он преспокойно вернётся в своё Братство Трёх Звёзд…

— Как он туда вернётся? — перебила его Джара. Вот оно, вот! Неужели Ивор не понимает?… — Он же сам говорил, что не может открыть портал, потому что не знает местности… а пентаграмму возвращения он не подготовил… — Она осеклась под насмешливо-печальным взглядом Грифона. *Не подготовил? Или просто так сказал?*

— Вернётся в своё Братство, — повторил Ивор, — и будет там почётным членом, или получит звание Верховного мага — или даже станет председателем Братства. А нас друиды убьют за то, что мы упустили книгу, разрушили храм и потеряли медальон. Вот что произошло, Джара, — абсолютно спокойно говорил Ивор.

Джара замотала головой.

Эйдан не мог меня обмануть. Ивор просто не понимает… Просто он не знает… Он не слышал вчера его слов. Эйдан был таким… нежным. И он сказал… он столько всего сказал… Он не мог так поступить…

— Нет, Ив, нет…

— Что — нет? Джара, да что с тобой? — Ивор помолчал, глядя на неё, потерянную, не верящую в предательство Эйдана. Он шагнул к Джаре и опустился около неё на колени. — Джара, я тебя не узнаю. Ты же наёмница. Ты Бестия. Ты не строишь глупых иллюзий.

Почему если я влюбилась, Грифон, это обязательно должно быть глупой иллюзией? — подумала Джара с раздражением. — *Почему ты, Ивор, считаешь себя самым умным? Почему ты думаешь, что знаешь меня лучше, чем я сама? Ты меня не узнаёшь? Может, ты вообще меня не знаешь? Может, я не хочу совершать только те поступки, которые оправдают твои ожидания. Почему ты вообще злишься на меня? Может быть, Эйдан был прав?…*

— Эйдан предал нас. Предал тебя и…

— Замолчи, — резко оборвала его Джара. — Не желаю слушать этот бред. Эйдан вернётся. И он не такой, как ты думаешь.

Ивор встал на ноги, отошёл от неё на шаг.

— Будешь его защищать? Оправдывать? Да ты ведь его вообще не знаешь! Он мерзавец, Джара…

— А ты, что ли, знаешь? Почему ты его ненавидишь? — вскинула она на него горящий взгляд.

Ивор задохнулся.

— Почему? Бестия, да он…

— Ты его ненавидишь, потому что завидуешь, — выпалила

она.

— Завидую? Я? — поражённо переспросил Ивор.

Джара молчала.

— Послушай меня, Бестия! Мне нечего завидовать этому лживому предателю! Не говори ерунды, открой глаза, осознай правду, Эйдан тщеславный лицемер и подлец, и давай закончим этот разговор и придумаем, как выбраться отсюда, пока нас не нашли друиды!

— Не говори о нём так.

— Я говорю как есть!

— Да ты просто… просто ревнуешь!

— Что?… — задохнулся Ив. — Ревную?!

— Ты злишься из-за того, что я с ним!

— Ты имеешь в виду, с *ним*, а не со *мной*, да? Это ты имеешь в виду?!

Джара закусила губу.

— Ив, — сказала она, избегая его взгляда.

— Иди на все четыре стороны!

Он развернулся и пошёл прочь.

Джара медленно сползла с камня, на котором сидела, на землю и зарыдала. Она плакала долго, пока не заметила, что солнце уже заходит. Потом, немного успокоившись, она долго смотрела на камень, где должен был открыться портал. Должен был. Но не открылся.

Девушка огляделась. Вокруг был лес. В сумерках она видела хорошо, но что толку? Она не знала, куда идти. На какое-то время она поверила, что сейчас придёт Ивор. Не может же он её бросить одну посреди леса. Он ведь… всегда её выручает. Поддерживает. Джара смотрела на деревья, и ей казалось, что ещё чуть-чуть подождать, и ветви разойдутся в стороны, пропуская Ивора. Он остановится и посмотрит на неё, как всегда смотрит, когда она в очередной раз что-нибудь выкинет…

Но, чёрт возьми, это не какая-нибудь моя выходка, за которую Ивор строго скажет "Бестия!", а потом улыбнётся, больше не в силах на меня злиться. И Ив не придёт…

Она долго смотрела в ту сторону, в какую он ушёл — ушёл, ни разу не остановившись и не оглянувшись. Но Ивор так и не появился.

Он не вернётся. Не придёт…

Отчаяние нашло путь в её сердце. Снова подступили слёзы, она поддалась, заплакала и легла на остывающую землю.

— Прости меня, Ив, — молвила она. — Я идиотка, чёрт меня побери!

Джара ударила кулаком по земле, перевернулась на спину и

вперила глаза, полные горьких слёз, в темнеющее небо, стараясь бороться с рыданиями и противным комом, подступающим к горлу и мешающим дышать.

Неужели я его потеряла?…

А ночь тем временем вступила в свои права и окутала Лес Друидов беспросветным мраком. Луна спряталась за тяжёлой тучей, и звёзды не одарили в ту ночь землю острова Гирит, принадлежавшего славной стране Аронвард, своим мерцанием.

Среди деревьев шли друиды, искавшие своих спасителей. Они чувствовали, что портал был активирован, и в радости шли, чтобы встретить Книгу Стихий, которую надеялись получить от смелой черноволосой девушки, носившей друидский медальон. Неприятное же их ждало разочарование, когда они обнаружили на земле около телепортного камня жалкую, растерянную, плачущую девочку, в которую превратилась храбрая, бесстрашная героиня. Она лежала измученная, рыдающая, отчаявшаяся, без книги, без медальона и без своих спутников.

— Убить её, — холодно приказал главный друид. Но друидка, стоявшая подле него, покачала головой. Это была та самая, что заметила медальон на груди у Джары.

— Нет, Кельдан. Нет.

— Миерна? Ты что-то чувствуешь насчёт этой девушки? — спросил Кельдан. Он всегда доверял тонкой интуиции своей сестры. Он прислушивался к её советам, к её предсказаниям, всегда сбывавшимся. — Мы не должны её убивать?

— Не должны. Оставь её в живых, брат. Она по ошибке завладела медальоном, и тогда я не сумела распознать этого. Но они ведь нашли Книгу, хотя тот волшебник предал их, а её друг покинул её, оставив в отчаянии и одиночестве. Мы можем использовать её несчастное состояние. Мы сделаем её одной из нас.

— Миерна! — воскликнула другая друидка. — Ты серьёзно? Она ведь непосвященная!

— Так посвятим её, — ответила Миерна. — Я чувствую. Мы должны сохранить ей жизнь, но мы не можем выпустить её за пределы нашего леса. Значит… Что-то смутное подсказывает мне, что когда-то она поможет нам, отблагодарив за свою сохранённую дважды жизнь.

— Мы сделаем, как ты говоришь, сестра, — произнёс Кельдан.

Джара приоткрыла глаза, затем, обнаружив вокруг мягкий полумрак, приподнялась и, подождав, пока глаза привыкнут к

темноте, огляделась. Она лежала на постели из аккуратно выложенных сухих листьев какого-то дерева, неизвестного ей или просто неузнанного в темноте. Вообще она находилась в небольшом тёмном помещении, в котором не было пола, лишь выровненная земля. Она подняла взгляд. Деревянные стены уходили высоко вверх, и никакого потолка в помине не было. Джара внимательнее пригляделась, и у неё создалось впечатление, будто она находится в пустом стволе большого дерева.

Она осмотрела себя. На ней ничего не было. Джара огляделась в поисках своей одежды, своего оружия, но ничего не нашла. Выхода из этого помещения тоже не обнаружилось. Девушка уселась на свою постель и задумалась.

Вспомнила недавние события. Отчаяние, угрызения совести, муки и страдания, упрёки — всё вновь вернулось к ней. Сердце опять сжала тоска, чувство вины, ощущение какой-то безысходности. Чья-то безжалостная рука ворочала в ране три кинжала, вонзённые в сердце. Тройное предательство. Эйдан предал её, Джара предала Ивора и предала себя.

Перед глазами стояло лицо Ива. Карие глаза Грифона смотрели с немым, невыносимым укором во взгляде. Его образ не выходил из головы.

Потом внутри появилась — неизвестным для Джары образом — женщина. В длинном лёгком белом платье, с распущенными светлыми волосами и мягкими зелёно-голубыми глазами, мерцавшими в темноте. Джара вспомнила её: это была одна из друидов, которых они встретили в лесу. Именно она заметила медальон Джары, она рассказывала об их миссии, она отправляла их в путешествие, учила активировать портал с помощью друидского медальона. Джара хорошо её помнила.

Друидка медленно подошла к ней.

— Здравствуй, Оарин, — сказала она.

— Я Джара, — холодно поправила её девушка. — Джара Бестия, наёмница Гильдии на Гирите, — добавила она, поднимаясь с земли и гордо вскидывая голову.

— Нет. Ты больше не Джара. Теперь ты Оарин, посвящённая Молодому Дубу. Ты друидка. Теперь ты моя сестра. Наша сестра, — одинаковым, ровным тоном говорила женщина. — Я Миерна.

— А я Джара, — отозвалась Бестия. — Рада знакомству, Миерна, несмотря на всю ерунду, что ты мне тут говоришь. Не нагнетай обстановку, мне и так паршиво. Отдай мне мою одежду и мой кинжал, и отпусти прочь. Я хочу забыться в битве, если ты не отпустишь меня, я забудусь в битве прямо здесь — с тобой.

Если надо, со всеми твоими братьями и сёстрами, посвящёнными молодым или старым, неважно, дубам, берёзам, тополям, ясеням и так далее, — раздражённым тоном говорила девушка, выплёскивая отчаяние и горечь в негативные эмоции. Она всегда так делала. Грубила всем подряд, а затем забывалась в упоении схватки.

— Ты не одолеешь нас.

— Пусть. Мне не важно это, в сущности. Сейчас мне ничего не важно.

— Ты не можешь драться со своими братьями и сёстрами.

— Вы мне не семья. У меня нет семьи. Давно уже нет. Единственного брата ты у меня забрала, прошу тебя вернуть его мне обратно. Я про свой кинжал.

— У тебя была другая семья. Отец, мать и сестра. Но они погибли. А ещё у тебя был твой друг, воин с мечом. Ты его потеряла.

Глаза Бестии сверкнули.

— Молчи! Я не хочу вспоминать об этом!

— А что ты мне сделаешь? — наклонила голову друидка, глядя на девушку.

— Угадай с трёх раз, — хмыкнула Джара, крутанулась на месте, занесла руку в повороте и хотела ударить Миерну по лицу, но она с неизменным выражением лица проделала быстрый жест кистью, и Джара, словно кто-то её сильно толкнул, полетела назад, ударилась о стену и рухнула на пол.

Девушка выругалась и медленно поднялась, отирая с губы кровь. Миерна глядела на неё со странной улыбкой.

— Зачем столько агрессии? — спросила она. — Ты всё равно ничего не сделаешь мне.

— Это мы ещё посмотрим, — вскинула подбородок Джара и встала в боевую стойку.

— Не нужно, Оарин. У тебя не получится. Тебе слишком больно, тебе очень, очень плохо, — странным голосом говорила Миерна, и в ушах Джары начало звенеть.

Коленки Джары подкосились, она упала. Сердце участило ритм, что-то сжалось в области солнечного сплетения. Сильно заболела голова. А в мозгу стучали лишь мысли об Иворе и о семье девушки, о гибели которой она всегда старалась не вспоминать, чтобы не причинять себе мучительной боли. Но всё вернулось: вся горечь, вся тоска. Джаре стало невыносимо плохо и больно, как физически, так и духовно. Это был кошмар наяву. Её била дрожь, как в лихорадке, она покрывалась холодным потом.

— Мы поможем тебе, Оарин. Ты исцелишься и очистишься от

горя, от отчаяния, от тоски, от боли потери. Ты избавишься от гнева и ненависти, от жажды схваток, от любви к оружию, что живут в твоей душе. Ты станешь чистой, Оарин. Ты будешь нашей сестрой. Мы поможем тебе. Мы поможем тебе. Мы поможем тебе. Мы твоя семья. Мы любим тебя.

— Да… да… я Оарин… я твоя сестра… помогите мне… я не хочу больше страдать… не хочу больше ненавидеть… я жажду исцеления… — в бреду шептала Джара, судорожно загребая пальцами сухие листья и влажную землю. — Помоги мне… исцели меня… я ваша…

— Да, — кивнула Миерна. — Да, Оарин.

Спокойствие. Тишина. Упоение. Единение с природой. Одно целое со всем миром. Чистота. Гармония. Утешение. Нет больше боли. Нет больше ненависти. Нет больше гнева. Только любовь общей матери. Одно целое с каждым деревом, с каждым цветочком, с каждым листиком. С солнцем, с облаком, с рекой, с небом. Гармония. Гармония…

Она сидела на мягкой траве, окружённая деревьями, наслаждаясь ярко светившим солнцем, нежно гревшим её. В лёгком воздушном белом платье, она с упоением вдыхала аромат листьев и цветов. Слабый прохладный ветерок ласкал её кожу. Она сидела перед своим деревом, деревом, которому она была посвящена. Молодой дуб. Он шелестел в такт витавшему между его ветвями ветру, и шептал лишь ему самому и ей понятные речи. С закрытыми глазами, она в упоении улыбалась и отвечала ему. Она была едина с ним, едина со всем вокруг. Она была Оарин.

— Она уже наша, — уверенно сказал Кельдан.

— Не будь так уверен, — отозвалась Миерна. — Она непредсказуема.

— Под твоим влиянием даже короля Аронварда сделаешь друидом.

— Не упоминай это название в нашем лесу. Пока.

— Что значит "пока"?

— Скоро мы выйдем из леса.

— О чём ты, Миерна?

— Нам поможет Оарин.

— Она же друидка, сестра! Я не могу понять ход твоих мыслей.

— И не нужно, брат. Скоро всё само станет ясным, ровно свет солнечных лучей.

— Ты не хочешь оставлять её в лесу, Миерна?

— Нет.

— Но зачем ты посвятила её?

— Я исцелила её душу от боли. Но память ничем не убьёшь, Кельдан. Она вспомнит.

— И она уйдёт от нас?

— Слишком много вопросов, мой брат. Будь терпеливым. Иногда ты кажешься мне ребёнком.

— В сравнении с тобою, сестра, с твоей мудростью, я и есть ребёнок.

Миерна мягко улыбнулась.

— Возможно. Но впредь лучше избегай такой убеждённости в чём бы то ни было. В нашем мире, особенно в наше время, всё так изменчиво и непостоянно, брат. Так что… Никогда не делай поспешных выводов. Не суди так скоро и так убеждённо. Не только насчёт меня. И насчёт Оарин тоже. Ты же понимаешь. Она никогда не станет до конца Оарин. Джара Бестия всегда будет жить в ней, и в конце концов она победит. Но и Оарин не сможет быть изгнана из сущности этой девушки.

— Ты говоришь загадками, сестра.

— Вовсе нет, Кельдан. Просто ты не видишь того, что вижу я.

— И ты не говоришь мне того, что видишь.

— Нет. Но ты узришь всё сам.

На ступенях здания гиритской Гильдии наёмников сидело трое парней. Один из них чистил свой меч и прислушивался к разговору двух других, оживлённо болтавших, изредка вставляя словечко.

— Ну что там ещё слышно, Дорн? — спросил он.

— А слышали ли вы, что говорил купец, приплывший на вчерашнем корабле с Материка, из Таэрии? — вопросил парень с растрёпанными светлыми кудрями, поигрывая стрелой с форменным оперением, которое всегда используют наёмники для своих луков.

— И что же? — поинтересовались его товарищи.

— Насчёт Орденов. Вы же слышали про Ордена Таэрии, правда?

— Думаешь, я учил страны? — хмыкнул его приятель, удобнее рассаживаясь на ступеньке и вытягивая ноги.

— Я знаю кое-что, — сказал тот, что чистил свой меч. — Они существовали в Таэрии с незапамятных времён. Орден Солнца и Орден Луны, верно? Давно между Орденами была война, но это чуть ли не погубило всю страну.

— Откуда ты такой умный? — снова хмыкнул Нельв.

Герт пожал плечами.

— Мастер Ивор рассказывал. Он же родом оттуда… — Герт

повернулся к Дорну. — А что там теперь?

— Назревает конфликт, да ещё какой, — с видом знатока поведал кудрявый Дорн. — Говорят, будет война. Отряд Луны напал на отряд Солнца в лесу на границе страны. Что-то такое.

— Война? — удивились парни. — Ничего себе. Интересно, Аронвард вмешается?

— Не знаю. Слушай, Герт, сколько можно чистить меч?

— Пока он не станет чистым, — ответил, улыбаясь, Герт. — Лучше удели часик своему мечу, чем потом вечность валяйся мёртвым.

— Тебе это Грифон сказал, да? Ты, кажется, его боготворишь.

— Он настоящий мастер меча, — сказал им Герт с благоговением в голосе.

— Это точно. Кстати, где он? Он на задании? — спросил Дорн.

Герт покачал головой.

— В Гильдии он не регистрировал новое задание.

— Но его давно не видно, как и Бестии. Им влетит нагоняй за своевольное отсутствие.

— Откуда ты знаешь, может, Кайт предупреждён.

— Не знаю. Говорят, за ними приходил какой-то колдун, хотел упрятать в темницу.

— Грифона и Бестию в темницу? — расхохотался Герт. — Ну прям!

— Да, они уж любым покажут. Хорошая из них пара, они отлично друг друга дополняют, — заметил Нельв, третий из приятелей. — Интересно, а между ними…

— Тсс! Гляди, это ведь Грифон! — воскликнул Дорн. — Только вот Бестии с ним нет…

— Здравствуйте, мастер Ивор, — почтительно сказал Герт, когда тот приблизился. Остальные также поприветствовали подошедшего наёмника.

— Привет, ребята. Почему не на тренировках?

— А у нас сейчас перерыв, — ответил Нельв. — А где мастер Джара?

Ивор помрачнел и отвёл взгляд.

Парни выпучили глаза.

— О боги, мастер Ивор, она… её больше нет?… Кто же сумел превзойти её?…

— Нет, она жива, Герт. Просто… — Он угрюмо замолчал. — Мастер Кайт у себя? — спросил он наконец.

— Да, — тихо ответил Герт.

— Удачного дня вам, ребята.

— И вам того же, мастер Ивор.

Ивор ушёл внутрь здания Гильдии, оставляя троих парней в полном замешательстве.

В здании Братства Трёх Звёзд созывался большой совет. Все члены Братства были приглашены. В центре огромного зала собраний вокруг небольшой площадки ораторов сидело двенадцать Верховных чародеев Братства. Вокруг них восседало огромное множество других магов Трёх Звёзд. В зале было шумно, все обсуждали тему настоящего собрания. Внезапно все затихли, потому что на площадку вышла Элина, председательница Братства, а следовательно, и главная чародейка всего Аронварда.

— Братья и сёстры! Мы собрались здесь сегодня, дабы обсудить важнейшую тему. Вы знаете, что страна всегда была и вечно будет под контролем чародеев, то есть нас. Мы — сильнейший союз во всём государстве, и оказывать влияние на правительство, состоящее из людей, лишённых дара, а тем более, на короля — будем откровенны — никогда для нас не составляло особого труда. Поэтому здесь мы обсуждаем не только магические, но и политические вопросы. Сегодня мы поговорим и о том, и о другом. Господин Эйдан, я прошу вас. Покажите всем то, что вы показали недавно мне.

— Где Бестия, Ивор? — в который раз спросил Кайт, глава Гильдии наёмников.

Ивор отвёл взгляд.

— Я говорил тебе, Кайт. Я не знаю. Мы больше не в паре, я не отвечаю за неё.

— Нет, отвечаешь! На задание вы уходили вместе!

— Это не было заданием, сколько раз говорить, Кайт! Это было лишь стечение обстоятельств.

— Но вы в одной Гильдии! А принадлежность к Гильдии — это то же самое, что кровные узы! Неужели ты оставил её одну на произвол судьбы?!

— Она справится, — возразил Ивор, но с некоторой неуверенностью в голосе.

— Это не похоже на тебя, Грифон! Ведь ты всегда был храбрым и честным, а вот теперь оставил девчонку одну неизвестно где! Если она погибнет, то её смерть будет на твоей совести!

— Не думаю, что она когда-то беспокоилась обо мне, — хмыкнул Ивор.

— Что ты как ребёнок! "Она мне конфетку не дала, я ей тоже не дам!" Если она не беспокоилась, это не значит, что ты можешь

кидать её в лапы к врагам! — размахивал руками Кайт. — К тому же, вы оба состоите под моим подчинением! Джара нужна мне, нужна Гильдии! А ты подчиняйся! Найди её! И приведи сюда! Неужели ты не мужчина и бросил девушку одну? Я до сих пор не могу тебя понять!

— И не поймёшь.

— Так объясни!

— Я оставлю тебя, Кайт.

Ивор поднялся со стула и вышел из комнаты.

Он шёл по коридорам здания, не соображая, куда идёт.

Как он боялся, что это чувство, которое он запрятал глубоко, которое он пытался искоренить, вновь выйдет наружу. Он так не хотел снова беспокоиться за эту взбалмошную дурочку Джару, не хотел опять играть роль её опекуна, её вечного спасителя, её преданной псины. Так не хотел! Но теперь думал, думал и думал — и не мог избавиться от мысли, что, как трус, бросил её одну посреди леса, оставив друидам. Они же убьют её, казнят! А он спокойно пошёл в город. Трус, предатель, ничем не лучше этого Эйдана!

Как же ты там одна, моя малышка Джей?…

Друиды нашли её и забрали к себе. Ивору стало плохо, едва он подумал, что они решили принести Джару в жертву своим богам. Как он мог так поступить? О чём он думал тогда, идиот? Разве так поступают воины, разве так поступают мужчины, да вообще — разве поступают так настоящие люди? Это не по-человечески, это подло и гнусно! Оттого, что она наговорила ему ерунды, не значило, что он вправе бросать её одну! Почему он решил, что она не вправе ошибиться, влюбиться не в того человека, поверить предателю — разве это смертельно? Все ошибаются, а она — тем более, она ведь совсем ещё малышка, пусть и строит из себя взрослую воительницу.

А он бросил её. Хотя не должен был. Он осудил её. Хотя не имел никакого права.

Он внезапно остановился, резко развернулся, кинулся по коридору к лестнице, преодолел её чуть ли не одним прыжком, выскочил во двор, взлетел на коня.

— Куда вы, мастер Ивор? — удивлённо спросил Герт.

Ивор повернулся в сторону парня, его глаза блеснули, и по лицу скользнула улыбка.

— За Бестией! — ответил ему он и, пришпорив коня, поскакал в Лес друидов, моля небеса, чтобы его надежды сбылись, и Джей была ещё жива…

— Я же говорил вам, что он не оставит её, — с торжествующим видом объявил своим друзьям Герт. — Я всегда

это знал. Они не могут не быть вместе!

Миерна сидела на траве напротив своей ученицы.

— Оарин, у тебя прекрасный потенциал. Ты всё схватываешь налету. Ты отлично выучила руны друидов, и теперь я научу тебя магии друидов.

Девушка склонила голову, внимая своей учительнице.

— Запомни. Существуют разные виды магии. Самой низкой ступенью магии считается магия вещей. В этом случае ты используешь определённую зачарованную вещь, чтобы достичь результата, нужного тебе. Также есть магия жестов и магия слов. Они часто переплетаются и используются волшебником одновременно. Итак, ты должна поднять ладонь вверх, направляя её в сторону своей цели. Направь её сюда, на землю. Сосредоточься на действии и назови руну. Ну, вспоминай что-нибудь.

— Estard! — произнесла её ученица, и из земли пробился росточек.

— Молодец. Существует три группы заклинаний: Созидания, Разрушения и Подчинения. Estard — это Знак Созидания. Ты можешь выращивать растения из земли, а затем подчинять их своей воле. Сначала тебе нужно вырастить его: такой маленький, он не принесёт тебе пользы.

— Ashtarie, — молвила Оарин. — Расти!

Зелёный стебелёчек начал вытягиваться, лепесточки разрастаться.

— Держи заклинание, пока хочешь продолжать действие, — пояснила Миерна. — Довольно. Теперь прикажи ему двигаться.

— Fethran.

Оарин повернула ладонь в сторону ствола молодого деревца, росшего рядом. Длинный гибкий стебель растения пополз, извиваясь, словно змея, к деревцу и обвил его ствол.

Оарин опустила ладонь.

— Я горжусь тобой, — улыбнулась Миерна. — Со временем ты научишься управлять энергией природы лишь силой разума. Но сначала научись магии жестов и слов, прежде чем приступить к чарам мыслей. Я хочу ещё кое-что показать тебе. Заклятьем Подчинения ты можешь управлять растениями, животными и стихией. Вряд ли у тебя получится управлять стихией сейчас, но с твоим ростом и развитием ты научишься. Гляди.

Миерна назвала последовательно две руны:

— Aflam! Fethran!

Вспыхнувшее небольшое пламя поднялось в воздух.

— Ishtir. Edris. Ushtar, — говорила она, и пламя взмывало к

небу, кружило спиралью, разрасталось и становилось крохотным. — Ты также можешь управлять пламенем, чтобы защитить себя. Используй Fethran, чтобы направить пламя. Кроме огня, ты можешь управлять водой, воздухом и землёй. О Разрушении…

Оарин назвала руну, не дожидаясь объяснений.

— Urdon, — молвила она тихо, вытягивая руки по направлению к деревцу. Оно затряслось, раздался треск, через весь ствол поползла трещина. — Teird. — Листья начали стремительно желтеть и осыпаться, дерево переломилось и рухнуло.

Миерна с ужасом глядела то на Оарин, то на работу её рук.

— Оарин, ты не должна… никогда…

— Сестра! — вскрикнул Кельдан, подбегая. — Что тут происходит?

— Я говорила тебе, что она не до конца наша, — бегло бросила ему Миерна на языке друидов.

— Ты как всегда была права. Что сейчас с ней?…

— Она впала в транс… Зигрид зовёт нас! — внезапно сказала она. — Я ощущаю его мысли. Что-то случилось… Я чувствую что-то…

— Чужой в лесу, — сказал Кельдан. — Я его тоже чувствую.

— Он здесь уже был, — ответила она.

— Это воин? Тот, что был с ней?

— Да.

— Он пришёл за ней?

— Да.

— Что мы будем делать, Миерна?

Раздался крик. Через несколько мгновений из-за деревьев на маленькую поляну, где находились Миерна, Кельдан и Оарин, вбежал Зигрид. Он пробежал немного, тяжёло дыша и пытаясь что-то сказать, но рухнул на землю, истекая кровью.

— Зигрид! Что случилось, брат?! — вскричал Кельдан, бросаясь к друиду.

— Чужак… в лесу… за ней… — прерывающимся голосом прошептал Зигрид.

Миерна стояла молча, не шевелясь.

— Миерна, уведи Оарин! — крикнул ей друид.

— Нет, брат. Неужели не помнишь, о чём я тебе говорила? Она не наша. — Миерна оставалась невозмутимой.

— О чём ты, сестра?! — вскрикнул непонимающим тоном Кельдан, не подозревая об опасности, нависшей над ним — Ивор, выбежавший из-за деревьев, взмахнул окровавленным мечом.

Миерна подняла руку, и воин замер, не в силах

пошевелиться.

— Стой. Мы не хотим держать её. Оарин, — обратилась она к девушке. Та подняла голову, глядя на друидку странными глазами.

— Джара! — воскликнул Ивор и подбежал к Бестии. — Джара, Джара!

Она с мгновение глядела на Грифона, будто видела в первый раз, а потом очнулась, вскрикнула и кинулась в его объятия.

— Ив! Ив, это ты! — крепко прижимаясь к нему, сказала Джара. — Прости, прости меня, пожалуйста, Ив, — забормотала она, — я была такой дурой, глупой дурой…

— Ох, Джей…

— Идите прочь, — бросила им друидка. — Помни, чему ты научилась здесь, Оарин.

— Её зовут Джара, — слегка раздражённо поправил её Ивор.

— Нет, Ив. Это моё имя. Моё второе имя, — возразила Джара, отстраняясь от него и улыбаясь друидке. — Спасибо, Миерна.

— Помни о Лесе, Оарин. И не забудь о Книге. Идите. Прощай, сестра.

Джара и Ивор бросились прочь, но тут им преградили дорогу внезапно появившиеся на поляне друиды. Они окружили парочку, готовясь отомстить за своего брата.

— Дайте им уйти, — остановила их Миерна.

— Но он ранил Зигрида! — воскликнул один из друидов в гневе.

— Пустите их, — спокойно сказала друидка. — Я приказываю вам: пустите.

Пользуясь замешательством друидов, Джара и Ивор разорвали круг друидов, и продолжили своё бегство.

— Что ты делаешь, сестра? — подбежал к ней Кельдан. — Зигрид…

— Я исцелю его, ты же знаешь.

— Но они… никто не должен покидать лес! Остальной мир узнает наши тайны! Она вынесла знания друидов за пределы наших владений! Миерна, что ты наделала! Ты же сама учила всех нас оберегать лес!..

— Будь спокоен, брат.

— Что ты творишь? Мы потеряли шанс найти настоящего избранного, потому что медальон теперь неизвестно где! Проклятая девчонка, которую мы посвятили в мистерию сил природы, убежала прочь из леса, а Книга… Книга теперь…

— Книга развязывает войну, Кельдан, — прервала его Миерна. — А эти двое обязаны участвовать в ней. Так им предначертано. Война нам на руку, брат.

— Но как мы можем быть связаны с войной? Ты всегда говорила, что мы вне остального мира!

— Так было раньше, но всё меняется. И мы должны меняться. Мы должны идти вперёд. Я же говорила тебе, ничто в мире не постоянно. Всё идёт вперёд. Успокойся, прошу тебя, и верь мне, как всегда верил раньше.

— Я всё ещё верю тебе, сестра. И всегда буду, но… Я просто не понимаю — как нам поможет война?

Миерна устремила взор вдаль.

— На обломках разрушенных войной стран мы создадим своё государство, и возродим величие Повелителей Стихий!..

Корабль готовился к отправлению.

На борту находились наёмники, готовившиеся на Материке вступить в отряд наёмных сил аронвардской армии. Аронвард собирался напасть на Таэрию, в которой бушевала гражданская война между двумя Орденами.

Джара и Ивор, договорившиеся больше никогда не вспоминать о случившемся (кроме одного оговорённого случая) и простившие друг друга, тоже были на корабле. Ни Джара, ни Ивор не горели желанием ни служить королю, ни, тем более, участвовать в завоевании Таэрии. Но по-другому им никак невозможно было добраться до отряда волшебников, выступавших с армией, которым предводительствовал один чародей, знакомый Бестии и Грифону. Они хотели немного поговорить с ним.

И это как раз и был тот самый оговорённый случай.

III Дэшам

— Ну, милый, что ты такой угрюмый, улыбнись! — звонким голосом пропела Сунор, улыбаясь по своему обыкновению.

Хаарт не поднял головы, продолжая мрачно глядеть на землю перед собой. Его великолепный вороной конь с ослепительно белыми гривой, хвостом и шерстью над копытами ровно вышагивал около жеребца Сунор. В другой раз Хаарт не устал бы рассыпаться в дифирамбах перед такой роскошной лошадью, какой никогда не было у него в Ордене. Но ему было совсем не до этого.

Он думал о Змейке. Об Орденах. О войне. И об этой капризной взбалмошной девчонке, которая ехала рядом с ним. Сколько горя она ему причинила!.. Наверное, лучше бы было, если бы она никогда не находила его там, в лесу. "Змейке было бы даже легче, если бы она знала, что потеряла меня, потому что я умер. А если она узнает, что я предал свой Орден и, главное, её саму и нашу любовь, ей будет в тысячу раз больнее", — думал он, и на сердце у него было тяжело.

Сунор сдвинула тонкие чёрные брови.

— Хаарт, — сказала она новым, непривычным для юноши тоном. — Мне не нравится твоё настроение. Надеюсь, ты помнишь о нашей договорённости. Разве есть разница, что ты есть, что тебя нет со мной, если ты в таком духе? Думаешь, ты мне нужен такой, мрачный, угрюмый, нахмуренный? Ты не разговариваешь, не улыбаешься, не смотришь на меня! Я же знаю, каким ты можешь быть! Давай, представь, что это твоя любимая. Как ты улыбаешься для неё? Как ты смотришь на неё? Если хочешь, я попрошу своих волшебников снова превратить меня в твою Гадюку! — Она запрокинула голову и звонко рассмеялась.

Хаарт поднял голову и посмотрел на неё чуть ли не с отвращением. Она вновь нахмурилась.

— Мне не нравится этот твой взгляд. — В её голосе зазвучали ледяные нотки. — И вообще, ты должен полюбить *меня*, именно меня, а не опять образ этой твоей… — Она тряхнула блестящими чёрными волосами и улыбнулась. — Ты ведь сможешь это, верно? — Она посмотрела на него из-под опущенных ресниц, наклонив голову. — Ты же полюбишь меня?… — Её наигранно-наивный тон как нельзя лучше подействовал на Хаарта. Он немедленно вспомнил, *что* может статься с его Змейкой, и выдавил улыбку, стараясь не глядеть на Сунор глазами, полными муки и ненависти.

— Да, Сунор, — тихо ответил он, продолжая вымученно

улыбаться.

— Ну, вот так-то лучше, любовь моя! — И она потянулась к нему.

Хаарт помедлил, но поцеловал её. Он хотел уже отстраниться, но Сунор, держась одной рукой за седло, другой обняла его за шею и долго не отпускала, требуя ответа на поцелуй. Затем она медленно отстранилась, выпрямилась в седле, дотронулась пальцами до губ и улыбнулась.

— Если ты выполняешь свою часть договора, я выполняю свою!

И, пользуясь тем, что Хаарт на неё не смотрит, она, повернувшись к старому чародею, подмигнула ему.

Десса опустил взгляд.

К вечеру стала видна башня. Это был аванпост Ордена Солнца на границе Таэрии. Вначале Хаарт возликовал в душе, но затем неумолимая реальность начала доходить до его разума.

Неспроста они ведь двигаются к посту врага, не по ошибке же! Неужели Сунор и её отряд собираются напасть на башню?

Хаарт знал: отряд у Сунор отличный. По всем воинам видно, что это тренированные, вымуштрованные бойцы, прекрасно знающие, что такое настоящая жаркая битва. Отряд состоял из трёх частей: лучники, мечники и чародеи. Как ни горько было это осознавать, приходилось признать: преимущество воинов Сунор очевидно. Неужели они разрушат башню?…

Юноша злился на свою беспомощность. Что же ему делать? Ничего? Преспокойно себе сидеть в седле и смотреть на бойню, потому что он не в силах будет помочь своим? Да, он может безрассудно кинуться в бой, защищая свой Орден, но что будет потом? Что сделает рассерженная Сунор? Как же его маленькая Змейка? Что будет с ней? Что сделают воины Луны с резервными отрядами, прячущимися в лесу?

От этих вопросов раскалывалась голова. Хаарту хотелось закричать во всё горло от отчаяния. Он стал куклой, безвольной куклой в хрупких руках эгоистичной и самовлюблённой девушки. Но ему ничего не остаётся делать, кроме как подчиняться ей, если ему ещё дорога жизнь его возлюбленной…

— О чём ты думаешь, Хаарт? Ты всё время такой мрачный, — произнесла Сунор с долей усмешки в голосе.

Хаарт взглянул на неё. Конечно же, она знает, о чём он думает. Просто издевается.

— Знаешь, тебе лучше вести себя как-то поживей. Большое удовольствие от тебя молчаливого и безразличного ко всему вокруг! Вдруг ты мне надоешь? Понимаешь, мне ведь тогда

больше незачем будет просить отца сдерживать свои отряды.

— Что ты хочешь от меня, Сунор?! — не выдержал Хаарт. — Дай мне хотя бы оправиться! Я не могу так внезапно забыть Змейку! Но ты же знаешь, что я никогда не решусь рискнуть её жизнью! Я всё равно останусь с тобой. Просто дай мне хотя бы немного времени… — Он отвернулся.

Сунор надула губы. Его слова о Змейке не пришлись ей по душе, но потом она решила, что, как ни крути, его глупая любовь к этой дуре всё равно ей на руку, так что пусть пострадает, а от неё, Сунор, он никуда не денется. Она снова заулыбалась.

— Конечно, милый, я всё понимаю, — своим певучим голосом сказала Сунор и придержала своего скакуна, пока конь Дессы не поравнялся с ней.

— Что-то ты тоже какой-то мрачный, Десса, — молвила она.

— Вы знаете почему, госпожа, — ответил волшебник.

— Нет, не знаю! Ну-ка объясни мне!

Десса немного помолчал, потом тихо заговорил:

— Сейчас вы играете жизнью и волей этого юноши, обманывая его. Наверное, его девушки уже нет в живых, как и всех, кто был в её отряде, а вы продолжаете давить на него вашим договором. Возможно, ради неё и их любви он пойдёт на то, чтобы быть с вами, но это будет причинять ему невыносимую душевную боль. А потом, возможно, когда кончится война или ещё раньше — неважно, главное, что когда-то это всё-таки произойдёт — он надоест вам, и вы, можно сказать, выкинете его, как старую игрушку, за ненадобностью. У вас появится новая пассия, а что будет с ним? Вы сломаете его жизнь…

— Молчи, старый дурак, — взвизгнула Сунор. — Никто не смеет меня обвинять и мне перечить! Ты должен подчиняться мне, идиот! Делай, как я говорю, а свои мысли и предположения засунь куда подальше, и не вспоминай о них никогда, особенно при мне! Как ты смеешь мне вообще такое говорить! Кто ты такой, чтобы мне указывать? Живи себе и помалкивай! Старый пень!

Она отвернулась и послала коня вперёд, не удостоив больше чародея ни взглядом, ни словом. Десса мрачно опустил взгляд и задумался.

На рассвете под пологом невидимости, созданном чародеями, они достигли башни и заняли позиции для атаки. В башне никто и не подозревал о смертельной опасности у её стен.

— Сунор, прошу тебя, не делай этого, — взмолился Хаарт.

Девушка игриво посмотрела на него.

— А ты поцелуешь меня? Обнимешь?

— Да, — подавив все чувства, ответил он. Сунор потянулась к нему, и он поцеловал её.

Великое Солнце, она меняет человеческие жизни на поцелуи!

— И ты будешь любить меня… сейчас?…

Рыцарь кивнул, стараясь спрятать муку, исказившую его лицо.

— Хорошо, — Сунор встала и вышла из шатра, поставленного поодаль от крепости.

Хаарт спрятал лицо в ладонях. Он не слышал, что Сунор сказала своей чародейке.

— Илена, сделай так, чтобы внутри шатра ничего не было слышно извне, — приказала она. — И ещё так, чтобы нас не задело никакое оружие и никакое заклятье. А потом можешь отправляться к остальным. Скажи, чтобы начинали атаку. Ах, да… Не забудьте создать иллюзию нетронутой башни, когда бой закончится.

Чародейка кивнула и начала читать заклинание. Вскоре она сотворила вокруг шатра Сунор магический купол и, когда девушка зашла внутрь, замкнула оболочку купола и ушла прочь.

— Я отменила атаку, любимый, — улыбнулась она Хаарту.

Она села около него, протянула к нему руку, провела кончиками пальцем по щеке. Затем пододвинулась ближе и, обдавая его своим горячим дыханием, обвивая руками его шею, прижимаясь к нему и жарко целуя, прошептала:

— Люби меня, Хаарт…

И тело Хаарта предало его душу.

Башня была уже достаточно далеко позади, и чародеи, наконец, сняли иллюзию.

Сунор ехала около Хаарта, напевая какую-то красивую мелодию. Юноша был погружён в раздумья.

Десса тоже думал. Думал о Сунор. Он всегда любил её, любил как внучку или, может, как дочь, прощал ей её капризы, её взбалмошность, её детскую гордость своим происхождением и положением. Всё это теперь превратилось в неисправимый эгоизм, неискоренимую самовлюблённость и обожание подчинять, указывать и управлять. Что с ней стало? В кого она превратилась? Как она может так поступать? Десса не узнавал ту маленькую милую девочку, никогда не сидевшую на месте, капризную, но весёлую, заботливую, всегда улыбчивую, вечно распевавшую песенки и танцевавшую при ходьбе.

Да, Сунор выросла очень красивой, её улыбка, голос, движения и грация стали ещё совершенней и прелестней, но что теперь у неё внутри? Где её сердце? Где её совесть? Где её душа?

Что с ними? Зачерствели ли или сгнили, чёрным смрадом окутав её рассудок?

Как же до боли жалко было ему этого молодого паренька и его возлюбленную. Конечно, они из вражьего Ордена Солнца, но… но простые человеческие чувства почти всегда были сильнее в сердце старого волшебника, чем политические идеалы и убеждения. И они победили и на этот раз.

Ночью был привал.

Хаарту внезапно стало слишком душно, и он вышел из шатра. Едва он ступил на землю, как какой-то невидимый вихрь окутал его, и он, вдруг исчезнув, через миг появился где-то на краю лагеря.

Там, к его удивлению, его ждал старый волшебник Сунор, Десса.

— Беги отсюда, Хаарт, — прошептал он.

Юноша вытаращил глаза, не понимая, что происходит.

— Что?… Но… я не могу… ведь… почему вы?…

— Не задавай вопросов. Ты должен бежать, потому что больше ничего тебя здесь держать не может. Она обманула тебя, — почему-то избегая встречаться взглядом с Хаартом, проговорил Десса. Он не знал, как теперь сказать ему о его любимой. Ведь и он, Десса, тоже причастен к этому страшному обману.

— Как?… Но наш договор с Сунор… Поймите, я не могу…

— Повторяю: тебя *ничто* здесь больше не держит; Хаарт, прошу, уходи отсюда скорее…

— Как это… меня ничто здесь не держит?… А Змейка?…

— Она обманула тебя Хаарт. *Обманула*, понимаешь? И Змейка… — Десса замолк, глядя на юношу.

— Солнце, — пробормотал Хаарт, чувствуя, как что-то обрывается внутри. — Змейка… Змейка… — Не выдержав, юноша рухнул на землю.

Десса на несколько секунд закрыл глаза. Затем он опустился на корточки перед Хаартом и попытался его поднять.

— Послушай меня. Ты больше не должен здесь оставаться. Беги отсюда, пока не поздно. Скорее, парень, не медли, иначе Сунор проснётся!

Хаарт кое-как поднялся и каким-то отстранённым взглядом уставился на чародея. Волшебнику показалось, что его глаза потускнели, и в них померк былой блеск. Десса понял, что такой он далеко не уйдёт.

— Вот что, — решил он, спешно рисуя в воздухе какие-то линии. — Я отправлю тебя в…

— Никуда ты его не отправляешь, — раздался за спиной женский голос.

Десса развернулся и увидел Илену.

— Меня всегда бесило, что Сунор прислушивалась к твоим советам. Я знала, что ты, старый хрыч, выкинешь когда-нибудь какую-нибудь штуку, знала, что зря Сунор считает тебя мудрым, уважает тебя как старого друга семьи! — со злой усмешкой говорила она. — Идиотизм! Я открою ей глаза, предатель чёртов!

Хаарт не слушал ни её, ни того, что ей ответил Десса. Он словно был далеко от этого жестокого, ненужного мира. Ему было всё равно, что будет дальше с Дессой и Иленой, ему не хотелось думать о том, что теперь будет с ним. Он даже не до конца осознавал, что в тот момент вообще что-то происходило. Он только помнил, каким странным стал воздух, как засверкали творения заклятий Илены и Дессы… ещё он помнил яркую вспышку, цветной вихрь сияющих лент… потом он провалился в темноту и беспамятство.

Отряд Кривых Клинков в ногу, как один человек, быстро и бесшумно продвигался через лес к тайной базе Ордена Солнца. Великолепные бойцы с несущими неминуемую смерть саблями, с которыми они управлялись в совершенстве, в чёрных, абсолютно не стесняющих движение костюмах. Три таких отряда являлись элитой немагической армии Ордена Луны.

Внезапно просвистела стрела. Никто не успел даже ничего понять, а главарь отряда, сражённый, рухнул на землю. Воины как один обнажили сабли и приготовились к атаке.

Из-за деревьев вновь засвистели стрелы, а затем на отряд набросились воины в синих плащах поверх доспехов. Их было гораздо, гораздо больше, и под их напором отряд Луны был сломлен.

Хаарт очнулся в лесу. Он поднялся, растерянно огляделся, не понимая, где он. Затем до него дошло, что он оказался там благодаря Дессе. Потом ему вспомнилась Илена, разговор со старым чародеем…

— Змейка! — простонал Хаарт, медленно сползая по стволу дерева. — Моя милая, маленькая Змейка!.. Нет, нет, этого не может быть… неужели я больше никогда не увижу тебя? Моя любимая Змейка… никто не нужен мне, кроме тебя! Я не верю, не верю, не верю, не верю, нет, нет, нет, нет, это неправда! — как в бреду говорил Хаарт. В таком состоянии, будто в трансе, не шевелясь, он находился неизвестно, сколько времени, пока не вздрогнул от людских криков.

"Сунор", — пронеслось в мозгу. Хаарт встал с земли. Ему сначала подумалось, что ему теперь уже всё абсолютно безразлично. Может, лучше встретить ненавистную Сунор и попытаться сражаться? Перебить её людей ему не удастся, и его убьют в этом лесу её воины или чародеи, не важно… но зачем теперь ему жить?… Однако любовь к жизни, в конце концов, переборола Хаарта, да и ещё ему захотелось вновь вступить в ряды армии Ордена Солнца и бороться против врага… забыться в битвах… попытаться спрятать боль, рвущуюся наружу, разрывающую сердце, убивающую его… Отомстить, в конце концов.

Хаарт бросился прочь. Бежал долго, пока, наконец, не показались стены города. Стены из голубоватого камня. Множество башен с красивыми куполами. Белые мощные ворота.

— О Солнце! — пробормотал Хаарт. — Дэшам! Дэшам!

И он ещё сильнее возликовал, ещё чаще забилось его сердце в проснувшейся смутной надежде, когда он увидел висящие на стенах синие полотна со стилизованным золотым дневным светилом, Герб Ордена Солнца, что значило только одно — город под его властью.

Хаарт крикнул стражнику фразу на древнем языке, которую знали лишь те, кто был посвящён в таинство Солнца, то есть все, вступившие в Орден, и вошёл в город.

— Ситуация в стране ужасная, — рассказывал Хаарту командир отряда Ордена в городе Алагар. — Таэрию раздирает война Орденов, страну опять делят на части… В основном, восточную часть контролирует Орден Луны, а запад под властью наших. Однако надо смотреть правде в глаза: противник одержал гораздо больше побед, чем мы. Возможно, это потому, что именно вражий Орден развязал войну, напал внезапно, сломил неожиданностью и жёстким напором. Вся королевская семья покинула замок в неизвестном направлении уже две недели назад, как только началась смута в Дэшаме. Страной пока правит временное правительство, в основном состоящее из наших, орденских — нам сильно повезло, что нам удалось закрепить столицу за собой сразу же после начала войны. Но больших преимуществ нам это не даёт. Мы уже потеряли все оплоты в районе Заветных Гор и почти все на востоке, кроме одной выстоявшей крепости на таверландской границе, — говорил он, указывая на золотистые точки на карте мира.

— А вот эта крепость ещё наша? — спросил всё более обуреваемый нехорошим предчувствием Хаарт, указывая на точку на карте. Он ещё не окончил вопроса, когда уже понял, что

ответит Алагар. Сунор обманула его и на этот раз.

— Нет, — мотнул головой тот. — Она была разрушена позавчера. Напал мощный отряд. Их волшебники сотворили невидимость, и поэтому враг напал внезапно. Трусы, — процедил Алагар с ледяной злобой, — бьют исподтишка! Кстати, насчёт этого отряда: после сообщения о битве мы начали опасаться, что отряд пойдёт к Дэшаму.

Хаарт опустил взгляд, стараясь не думать, что это он привёл за собой хвост.

— Тадор и Арлан? — спросил он, стараясь отвлечься от мрачных мыслей и всё ещё пряча вглубь себя страшную боль от потери Змейки.

— Они всё ещё за своими Орденами, — ответил Алагар. — Но последний раз мы связывались вчера утром. Что-то произошло почти за два дня. Наши волшебники пытались связаться с Тадором, но не получается. Говорят, заклинание задерживается в лесу, или что-то в этом роде. Там что-то мешает. Они говорят, слишком мощная магия.

— В лесах? — пробормотал Хаарт.

— Да… там, кажется, битва была. Там ещё стояли наши так называемые резервы. Но говорю тебе, последний раз информацию мы получали…

Хаарт отвернулся, больше не в силах ничего слушать. Боль вновь прорвалась, сердце опять сжало невыносимые отчаяние и горечь. Он, опёршись локтями о стол, спрятал лицо в ладонях. Имя Змейки стучало в висках.

Алагар тактично не стал допытываться и, молча свернув карту, вышел из комнаты, отведённой рыцарю.

Главную площадь Дэшама приспособили теперь под тренировочное поле. Хаарт с полученным полуторным мечом, на лезвии которого было выгравировано солнце, отправился туда на следующее утро. Он уже давно не держал в руках меч. В Ордене частые и регулярные тренировки были обязательны.

— Привет, — добродушно улыбнулся ему парень, с которым Хаарт встал в паре. Волосы у него были рыжие, и на лице проступили яркие веснушки. — Я Эдрик, учился в Кайлане.

— Привет. А я Хаарт, учился в Тадоре, — ответил парень, пожимая новому знакомому руку.

— В Тадоре? Я всегда мечтал там побывать, — улыбнулся Эдрик. — Только не довелось. Но может, скоро получится. Ведь говорят, что за Тадор будет битва. Тогда Ордену понадобятся все силы. Некоторым кажется, что решающая битва будет либо при Арлане, либо при Тадоре, когда обе стороны сойдутся в

последнем сражении, схлестнутся все силы, и именно тогда определится, кто возглавенствует над страной…

— Послушай, давай тренироваться, — оборвал его слегка раздражённо Хаарт.

Паренёк, сразу видно, болтливый и наивный романтик. Он ещё многого не понимает… Хаарт горько усмехнулся. А разве он всего месяц назад не был таким же молоденьким несмышлёным учеником? Но кажется, что он теперь совсем другой… Да, он сильно изменился.

Хаарт парировал слегка неловкий выпад Эдрика, сделал несколько обманных движений, удачно ударил, но парень увернулся от меча. Эдрик попытался вновь пойти в атаку, однако Хаарту ничего не стоило защититься. В общем, вскоре всё кончилось тем, что Хаарт приставил кончик своего меча к горлу Эдрика.

— Эх, — вздохнул тот. — Мне бы так владеть мечом.

— Я научу тебя, — пообещал Хаарт, грустно улыбаясь.

— У тебя очень печальный взгляд, — заметил Эдрик и хотел было что-то спросить, но горечь во взгляде парня оборвала все его вопросы.

Хаарт сглотнул подступивший к горлу горький ком, собрался с мыслями.

— Послушай, Эдрик, когда ты уходишь от удара в повороте, ты неудачно выставляешь открытым бок. Нужно двигаться быстрее, и не забывай подставлять под удары противника меч. И ещё…

Змейка танцевала на цветочной поляне, легко кружась, и её вьющиеся золотые волосы развевались ореолом вокруг её хорошенького личика. Она улыбалась, смеялась и тянула к Хаарту руки. А ему так хотелось её обнять! Он пытался приблизиться к ней, купающейся в солнечных лучах, однако что-то словно держало его. Потом ему удалось вырваться из чьих-то цепких объятий, и он бросился к любимой. Но едва он обнял её, как вспыхнул яркий свет, и Змейка обернулась Сунор…

Хаарт проснулся в холодном поту, присел на кровати. Сердце часто билось. Он помассировал виски пальцами, лег, попытался уснуть, но не смог. Тогда он вновь встал, подошёл к окну. С тёмного неба мягко светила луна. Юноша вздохнул, прислонился к прохладной стене.

Он видел во сне Змейку… Но сон был таким странным: его любимая оказалась ненавистной Сунор, как тогда, в ту ночь… Хаарт тряхнул головой. Нечего обращать внимание на сны.

Внезапно он поймал себя на мысли, что думает о Змейке,

словно… словно ничего и не случилось. Он постоянно забывает… даже не то, что забывает — просто отказывается верить, что *это* могло произойти. А может, она сумела спастись? Вдруг их отряд одержал победу? Хотя это вряд ли… Он ведь помнил тех воинов с саблями — они легко одержали победу над отрядом Дарвея, где все были рыцарями опытными, сильными. Но может, она убежала из леса? Всё-таки выжила?…

Хаарт обхватил голову. Зачем он тешит себя этими глупыми, напрасными надеждами? Потом будет только больнее…

— Всё равно я не могу поверить, что тебя больше нет, — прошептал он, глядя на полную луну и вспоминая, как несколько месяцев назад при такой же полной луне, тогда, на пристани, они со Змейкой пообещали друг другу никогда не разлучаться…

В тот день Хаарт был назначен одним из дежурных на сторожевых башнях у главных ворот города. Из лука он стрелял вполне неплохо, да и зрение у него было отличное. Дежурил он с незнакомой ему прежде молодой девушкой. Они поприветствовали друг друга и назвали свои имена. Её, как оказалось, звали Нальда.

Никем посторонним, казалось, даже не пахло. Было очень тихо, спокойно, только из леса иногда доносилось пение птиц или отдалённые крики какого-нибудь зверя. Солнце светило ярко, грело сильно. Хаарт всматривался вдаль и щурился.

Нальда подошла к нему.

— Не устал? — спросила она, приглядываясь к новому знакомому.

— Нет, — ответил ей Хаарт.

— Первый раз дежуришь на воротах?

— Да, — кивнул парень. — Но я не устал с непривычки, если ты это имела в виду.

Нальда улыбнулась.

— Ты давно рыцарь Ордена?

— В Ордене я давно, но полноправный рыцарь около месяца…

— Значит, ты перестал быть послушником совсем недавно… Твой учитель посвятил тебя в рыцари из-за начала войны?

— Никто меня не посвящал, — отвернулся Хаарт. — Мой учитель погиб.

Нальда прикусила губу.

— Извини, я не знала…

— Откуда ты могла это знать.

— Ладно, если не хочешь разговаривать, я не буду приставать. — Девушка пожала плечами и отошла от него.

Хаарт сначала подумал, что зря её обидел грубоватой фразой, но потом решил — всё равно ему нет дела до неё, и вообще у него нет никакого желания быть дружелюбным со всеми подряд, чтобы оставлять о себе только хорошее впечатление. Ему совсем не до этого.

— Стой! Кто идёт? — выкрикнула Нальда, нацеливая лук.

Хаарт натянул стрелу на тетиву и посмотрел вниз.

От дрожи, которая пробежала по телу, он едва не выпустил стрелу. Затем, нервно сглатывая, он ослабил тетиву и, не веря своим глазам, почувствовал, что сердце вновь бьётся в проснувшейся надежде.

Внизу у ворот стояла *Она*.

Золотые вьющиеся волосы, запутавшиеся клоками, простое платье, грязное, с разорванным рукавом и рваным подолом. Босая, несчастная, почти теряющая сознание, она стояла у ворот города, глядя вверх, на него, на Хаарта.

— Змейка! — выдохнул он. — Нальда, опусти лук! Открыть ворота!

Он бросился вниз по лестнице, не чувствуя ног, выбежал из города и кинулся к девушке. Да, да, это была она, его милая Змейка! Он прижал её к себе, не в силах сдержать слёз радости. Она сначала, бессильная, измождённая, чуть не упала в обморок, но, подняв взгляд и увидев его, вскрикнула, крепко обняла, а затем обмякла в его объятиях. Хаарт бережно поднял её на руки и пронёс в город.

Его сердце билось часто, как никогда.

Она жива, жива, жива! Он же знал, что она не умерла! Знал, что они воссоединятся, что любовь спасёт их жизни!

Хаарт отнёс её к целительнице.

— С ней ничего серьёзного, — ответила та. — Она просто потеряла силы от долгого пути и голодания. Ей нужно поесть, выспаться, вымыться… и всё будет хорошо, — улыбнулась добродушная старушка. — Иди.

Он вышел из дома лекарки, и тут его встретил один из воинов.

— Хаарт, ты оставил пост! — удивился он.

— Прошу тебя, замени меня, — улыбаясь, попросил его Хаарт. — Я нашёл свою жизнь.

Хаарт не сомкнул глаз, наблюдая все одиннадцать часов сна его любимой. Когда она проснулась и увидела его, то вновь радостно вскрикнула и бросилась ему в объятия. Долго-долго влюблённые шептали друг другу всякие нежности, признавались в любви, говорили, как долго скучали, обнимались и целовались.

Затем Змейка немного поела, искупалась и переоделась.

Хаарт с любовью и нежностью наблюдал за ней, когда она расчёсывала свои длинные локоны, блестящие золотом, искрящиеся в солнечных лучах, проникавших через окно.

— Я так люблю тебя, Змейка, — сказал Хаарт, улыбаясь ей. — Я не мог поверить, что тебя больше нет.

— Как я могла оставить тебя! — ответила она и очаровательно улыбнулась ему в ответ.

Что-то кольнуло юношу в сердце. Он не мог понять, что значит то странное чувство, которое овладело им в тот миг. Будто что-то было не так… но он не мог понять, что. Затем он отогнал эти глупые мысли.

— Скажи, Змейка, что случилось в лесу? Алагар говорил мне, что там была битва, и из-за мощной магии чародеи не могли пронести своё сообщение в Тадор.

— На нас напали воины с саблями в чёрных костюмах, — грустно ответила девушка. — Я одна спаслась… Я шла через лес долго-долго, падала от усталости, ноги уже не держали меня, я умирала с голоду, но тут увидела город. Словно второе дыхание открылось у меня, когда я увидела, что вышла к столице Таэрии! Я бросилась к стенам города со всех ног, а там наверху… там я увидела тебя, любовь моя! — И она прижалась к Хаарту.

Он вновь не обратил внимания на странное, непонятное чувство. Всё захлестнуло огромное сладкое счастье.

Змейка снилась Хаарту.

Она смотрела на него со странным укором во взгляде. Затем нахмурилась, отвернулась и постепенно исчезла, будто растворилась в воздухе.

Утром Хаарт немного думал о странном сне, вспомнил и предыдущий. Однако едва проснулась его возлюбленная, он забыл обо всём, кроме неё и своей любви к ней. Они вместе позавтракали, а затем Хаарту нужно было отправляться на тренировки.

— Но сначала, — сказал он, — я отведу тебя к целительнице.

— Зачем, милый, я здорова! — удивилась Змейка.

— Нет, — улыбнулся он, — я не об этом. В это время она проводит занятия для молодых колдунов и лекарей. А ты же у меня маленькая колдунья. — Он взял её руки в свои и поцеловал тонкие нежные пальчики.

— Милый, я себя не очень хорошо чувствую.

— Что такое? — обеспокоенно спросил Хаарт.

— Ничего серьёзного, я просто ещё не до конца от всего оправилась. Я ещё не готова к общению с новыми людьми, к

возвращению к привычному ритму жизни. Давай я лучше посижу в нашей комнате, пока ты будешь на тренировках. Буду ждать тебя, хорошо, любовь моя?

— Как хочешь, Змейка, — согласился парень, снова целуя её. — Ладно, тогда я пошёл.

— Удачи! — Она помахала ему рукой и отправилась наверх, в комнату, легко пританцовывая при ходьбе и напевая какую-то мелодию, показавшуюся рыцарю смутно знакомой.

На тренировках Хаарт встретил Алагара. Он расспрашивал юношу о Змейке.

— Она из Ордена. Просто она была в резервах. На них напали, и она единственная спаслась, бежала через лес и чудом оказалась у города.

— На резервы напали? — расширил глаза Алагар. — Как?!

— Да, отряд Ордена Луны, прозванный Кривыми Клинками. В лесу.

Алагар удивлённо разинул рот, затем непонимающе тряхнул головой. Взглянул на изумлённого его странной реакцией Хаарта. Затем, наконец, сказал:

— Слушай, парень, да ведь на резервы никто не мог напасть в лесу! Они же выступили почти неделю назад в Тадор!

Ошеломлённый Хаарт медленно возвращался в комнату. В его голове беспрерывно стучали слова Алагара. Неужели Змейка обманывает его? Но зачем ей это делать? Может, что-то случилось, и из-за шока она всё напутала, и сама думает, что так и было на самом деле? Или что-то ещё… Хаарт ничего не понимал.

Дверь комнаты была слегка приоткрыта. Изнутри слышалось пение Змейки. Несмотря на то, что миг назад ничего не понимающего Хаарта одолевала тревога, он с нежностью улыбнулся, остановившись у самой двери и с умилением прислушиваясь к любимому голосу.

И вдруг его снова охватило то странное чувство. Мучимый непонятным беспокойством, он осторожно вошёл в комнату, почему-то стараясь шагать бесшумно.

Змейка кружилась в каком-то красивом танце, продолжая напевать всю ту же мелодию. Потом она остановилась, увидев Хаарта, и улыбнулась. Ослепительно, обворожительно, чарующе улыбнулась.

И тут Хаарт всё понял. Его грудь словно пронзила горящая стрела, и он горько-горько улыбнулся, наконец всё понимая.

Он уже слышал эту мелодию. И наблюдал этот танец. И видел

эту улыбку.

— Милый, ты вошёл так незаметно! — воскликнула она. — Но что с тобой, любовь моя?

И эта странная манера говорить, так непохожая на речи Змейки. И постоянные «милый» и "любовь моя"… Опять обман, опять ложь!..

— Дорогая, — внезапно лицо юноши изменилось. — Я пришёл сообщить тебе такую радостную весть! Представляешь, прибыл небольшой отряд, и среди них твоя соседка по комнате Кира!

На лице девушки вспыхнула радость, она засмеялась и бросилась к Хаарту.

— Я так рада! Пойдём, скорее встретим её! — Она хотела было пойти к двери, но внезапно почувствовала, как крепко держит её за руку Хаарт. — Что с тобой? Зачем ты так крепко держишь меня! Отпусти, милый! Хаарт! Мне больно!..

— А мне, думаешь, не больно постоянно терпеть крушения своих надежд из-за твоих жалких лживых выходок? — Он помолчал и добавил: — Сунор.

Она вздрогнула.

— Что ты говоришь? Кто такая Сунор?

— Перестань строить из себя дурочку, Сунор! У тебя опять внешность Змейки, но ты забыла, глупая, отучиться от былых манер и привычек! Думаешь, я не помню твоей улыбки, твоих танцев, твоего пения?

Она вскинула подбородок и улыбнулась, больше ничего не отрицая:

— Конечно, помнишь! Ты не можешь меня забыть.

— Прекрати! Не думай, что я вспоминал тебя с любовью или скучал! Я тебя ненавижу, Сунор! И ещё, ты выдала себя: нет у тебя никакой соседки Киры! Ты живёшь в одной комнате с Рейной и Юной! Глупая лживая девчонка! — со злобой в голосе процедил Хаарт.

Она отвернулась. Злобно и раздосадованно глядела на пустую стену, затем резко перевела взгляд на юношу.

— А что мне ещё делать, если ты отказываешь мне в любви? А в любви, как и на войне, все средства хороши, милый! Знаешь такую поговорку… любовь моя? — Она опять улыбнулась.

Он молчал, глядя на неё ледяным взглядом. Она нахмурилась, отвернулась.

— Ну и что ты теперь будешь со мной делать? Учти, я не смогу превратиться сама в себя. Только сильный чародей сможет меня расколдовать.

— Ничего, найдём такого.

— А потом что? Убьёшь меня? Отдашь на казнь?

— Нет, я выше того, чтобы убивать беззащитную девушку, пусть даже такую лживую тварь, как ты.

— Не забывай, что я дочь Дамрафа!

— Плевать мне на это.

— А ему нет, милый! Как только он узнает, где я, то обрушит все свои силы на город, и всё! Столица будет его! А потом он разгромит Тадор! И вообще, победа всё равно будет за ним!

— Не тебе об этом судить, — холодно сказал Хаарт. — И твой отец не узнает, где ты.

— Узнает. Мой отряд направился в ближайший пост Луны. Там они передадут отцу, что я здесь, и…

— Не ври мне, — усмехнулся Хаарт. — Ты бы ни за что не дала отцу знать, что ты отправилась в город, принадлежащий вражьему ордену, завоёвывать любовь воина Солнца! Откуда твоим людям знать, что с тобой? Они ведь думают, что у тебя всё получилось, и ты со мной…

— Моя чародейка почувствует, если заклятье снимут! — фыркнула Сунор.

— Значит, не будем тебя расколдовывать, — пожал плечами Хаарт.

— Тогда, продолжая ненавидеть меня, ты возненавидишь образ твоей… — Она не договорила, будто ей было противно произносить имя своей соперницы.

— Нет, — жёстко ответил Хаарт. — Ненавижу я только тебя, а её люблю всем сердцем и буду любить всегда!

— Какая разница, — хмыкнула Сунор, стараясь скрыть досаду от его слов. — Всё равно подохла твоя Гадюка.

— Нет, Сунор. Её отряд выступил *до того*, как ты попросила своего папочку…

— Что?! — оборвала его девушка. — Ты лжёшь!

— Нет. Ты ведь не получала от него известий, что всё вышло, как ты хотела?

— Я…

— Не получала. Моя Змейка жива, и мы вскоре опять будем вместе! А ты…

— Молчи, — вскрикнула Сунор, опять отвернулась, захныкала. — Почему так?! Я не хочу так! Нет! — Она топнула ножкой, на глаза навернулись слёзы.

— Успокойся, — с холодной ненавистью в голосе бросил ей Хаарт. — Идём-ка лучше к Алагару.

— Я уже здесь, Хаарт, — раздался голос воина. — Что здесь у вас происходит? Извини, если помешал. Семейная размолвка?

— Нет, — возразил юноша. — Это не Змейка. Это Сунор, дочь

Дамрафа, превращённая своей чародейкой в мою любимую.

Алагар вытаращил глаза.

— Дочь Дамрафа?!

— Именно так, — гордо подтвердила Сунор, вздёрнув подбородок.

— Умерь своё тщеславие, — сказал ей Хаарт и опять обратился к Алагару. — Отправь её под стражу. И ещё: её не должны расколдовывать, иначе её чародейка почувствует, что что-то не так, и их отряд, находящийся в ближайшей крепости врага, двинется сюда.

— Хорошо, — кивнул Алагар. Он удалился на некоторое время, позвал стражника и отправил его с Сунор в городскую тюрьму. Затем он сказал Хаарту: — Я вообще-то пришёл за тобой, чтобы позвать на срочное собрание. Случилось нечто ужасное, мы не могли даже представить себе такого… То есть, можно было предположить, что так будет, но… в настоящее время, когда все мы думаем лишь о войне с Орденом Луны…

— Что? — в беспокойстве поторопил его Хаарт.

— В Таэрию вторглось войско Аронварда. Они нарушили двухвековой договор о ненападении и пошли на нас войной.

Парень обомлел. Он молчал некоторое время, потом, наконец, вымолвил:

— И что теперь?…

— Помнишь, я говорил тебе о последнем нашем оплоте, оставшемся на таверландской границе?

Хаарт кивнул.

— Так вот, воинами этой крепости был захвачен пост к юго-западу от Арлана. Там ими был обнаружен мощный постоянный телепорт. Мы получили приказ из Тадора. Все войска Ордена Солнца обязаны как можно скорее переместиться в Тадор. Мы двинемся в ту захваченную крепость, и с помощью портала окажемся в столице Ордена.

— А люди таэрийских городов? Вы хотите оставите их одних, без защиты армии? — возмущённо спросил Хаарт. — Мы — прежде всего армия Таэрии, а только потом войско Ордена.

— Не забывай, что у Таэрии есть нейтральная армия, независимая от Орденов, — сказал ему Алагар.

— Ты прекрасно знаешь, что любой воин Ордена стоит двух, даже трёх обычных солдат, — возразил Хаарт. — Ну, что с того, что всё войско соберётся в одном-единственном городе? Армия Аронварда завоюет все города, а затем ей ничего не останется подмять под себя и Тадор. Это неверная стратегия.

— Во-первых, это приказ, Хаарт. А во-вторых — дай мне договорить, в конце концов! — Тадор собирает армию, чтобы

двинуться навстречу Аронварду.

— Но войско Солнца — только часть таэрийской армии! — воскликнул Хаарт. — А что же Орден Луны?

— Я не знаю, парень, — устало ответил Алагар. — Ты так говоришь, будто я в курсе всего. И вообще, я всего лишь обычный капитан небольшого отряда. Идём.

IV Воинство Книги

Джара задумчиво смотрела вдаль.

— О чём думаешь? — спросил Ивор, подходя сзади.

— Да так, ни о чём, — ответила она.

— Не боишься?

— Когда это я чего-нибудь боялась? — фыркнула девушка. Потом подумала и пожала плечами. — Отвыкла от таких массовых сражений. Но вся в предвкушении, — добавила она. — Хочу размять конечности. Хотя мы неплохо повеселились с этими чёрными сабельщиками, или как там их ещё называть. Бесстрашные твари. Дрались, как львы, до последнего. Все бы так. Только вот жаль, было их очень мало на нас всех. Лично мне только трое досталось.

— Да-а… — чуть улыбаясь, протянул Ивор. — Но не очень люблю я войну, честно говоря.

— А кто её любит?

— Придурки всякие, которым нравится покорять народы и подминать под себя свободные страны. Разные кретины, любящие власть. Которые отправляют тысячи на смерть, а сами при этом и ноготком на мизинце не рискуют, — ответил с презрением в голосе Тэллар, высокий светловолосый парень двадцати трёх лет с серыми глазами, за которые он и получил прозвище Сокол. Вернее, за то, как они умели видеть. Говорили, что даже не все эльфы видят так зорко, как Тэллар. Было удивительным, что при своём остром зрении парень не признавал луков и другого дальнобойного оружия. — И кому только взбрело в голову нападать на Таэрию.

— Угадай, — хмыкнула Сельма, наёмная чародейка, что, собственно, было достаточно большой редкостью. На данный момент она была единственной волшебницей во всей гиритской Гильдии наёмников. Поэтому и над прозвищем её не долго думали: Чародейка. — По-моему, ни для кого не секрет, что в Аронварде фактически правит Братство Трёх Звёзд, а король — это так, традиция и формальность.

— Но зачем Братству развязывать войну? Разве в Таэрии есть что-то, ради чего волшебники собрались на такой решительный шаг? — непонимающе спросил Тэллар.

— Разве вы не слышали о новом председателе Братства? — с презрением в голосе спросила Сельма. — Объявился какой-то выскочка, ранее бывший в самых низах Братства. Теперь он всеми командует. Чёрт знает, что взбрело в его дурную башку.

Джара и Ивор разинули рты.

— Он, что, уже глава Братства? — воскликнула Бестия. — Вот ушлая сволочь!

— Ты что, знаешь этого Эйдана? — изогнула бровь Сельма.

— Да так, слышала кое-что, — отмахнулась девушка и переглянулась с Ивором.

— Вам действительно всё равно? — спросила их Чародейка.

— Ты о чём?

— Я имею в виду, вам действительно всё равно, что придётся воевать с таэрийцами? Это же ваша родина…

— Моя родина — это Гильдия, — хмыкнула Джара.

— Мы давно порвали все узы с Таэрией, — добавил Ивор. — И не будем больше об этом.

— Слушайте, а куда мы вообще двигаемся? — нарушая повисшее молчание, спросил Ламар, парень внушительного телосложения, с собой всегда носивший локабер вида не менее внушительного, чем хозяин. Он имел прозвище Варвар. — Все чего-то галдят, то одно, то другое. Мозги кипят.

— На город, принадлежащий таэрийскому ордену… — в разговор вступила Аерис, до этого занимавшаяся проверкой своих великолепных стрел. — Тадор.

Аерис была наполовину эльфийкой, а наполовину человеком. Возможно, поэтому у неё был такой странный нрав, что она не позволила прозывать себя иначе, чем своим эльфийским именем. Затем, по примеру Сельмы, её стали называть просто Эльфийкой, и она не возражала. В любом случае, как и волшебница, бывшая единственной чародейкой в Гильдии, Аерис была единственной наёмницей, в жилах которой текла эльфийская кровь.

— А армию не разделяем, как говорили вначале, — продолжала она. — Говорят, что основные силы этой страны в войсках орденов. Значит, мы разбиваем сначала одну братию, потом другую, а потом… потом дело уже плёвое.

Сельма хотела что-то сказать, но тут ей на плечо села белая голубка. Чародейка отвязала от лапки птицы сообщение.

— Вот, блин, показуха, — буркнул Ламар. — Нельзя прям человека послать, надо тут изощряться. Птички, понимаешь ли. Всё эти чародеи!.. Прости, Сельма, не тебя имел в виду.

— Да знаю, — улыбнулась волшебница, не отрываясь от бумажки.

— А что ты так на птичек-то взъелся? — пряча улыбку, спросила Джара.

— Да не взъелся я, просто чего выпендриваться, — ответил ей Ламар. — Ещё б волшебством своим сообщения передавали. А будто б солдата какого-нибудь нельзя отправить. Вообще, недалеко ж они тут.

Бестия заулыбалась и обратила взгляд на Сельму.

— Что там?

— Тут задание. Нашей группе: Грифону, Бестии, Соколу, Чародейке, то есть мне, Варвару и Эльфийке.

— Что за задание? — спросила Аерис, заглядывая в бумажечку.

— Разведывательная операция.

— У них, что, своих разведчиков дефицит? — фыркнул Тэллар. — Ползают слухи, что Братство только и держится на рыщущих повсюду шпионах, которые…

— Тише, Сокол, — шикнула на него Бестия. — Надо, так надо. К тому же, разве тебе не кажется, что мы сделаем это лучше, чем кто-либо? Наёмникам вечно приходится ползать да лазать неизвестно где, выполняя всякие идиотские задания за мешочек золотых. А эти шпионы…

— Успокойся, Джара, — хмыкнул Сокол. — Сама-то разошлась как.

— Не указывай мне, — взъелась девушка.

— Не указываю. Просто…

— Ничего просто не бывает, ты…

— Бестия! — воскликнул Ивор. — Прекрати.

— Молчу, — отозвалась Джара.

— Молчу, папочка! — писклявым голосом передразнил Тэллар.

Джара молниеносно взмахнула рукой и отвесила ему оплеуху. Ивор посмотрел на неё укоризненно. Она показала Соколу язык и отсела подальше. Тэллар потирал щёку, Ламар тихо смеялся, Ивор вздыхал и качал головой, а Сельма с Аерис были погружены в тихое обсуждение предстоящего задания.

— Это довольно сложно. Думаю, у них там повсюду отряды, — сказала Эльфийка. — После нашего триумфального появления в этих лесах, могу поспорить, вся Таэрия взбудоражена.

— Ничего, у вас есть я, — улыбнулась Сельма. — Я волшебница, как-никак. Соберём сведения и двинемся обратно.

— Странно, что это задание дали группе из наёмного войска, а не регулярного. И вообще, разве у короля нет своих элитных отрядов или ещё чего-нибудь вроде этого? — проворчал Ламар. — Не люблю я шпионить. Мне милей открытый бой, чтобы — ух! — развернуться, — начал мечтать он, — и начать рубить вражью плоть! Туда-сюда, руки-ноги-головы, повсюду кровищи-и! Все чего-то кричат, друг другу спину прикрываем, а сами рубим, рубим, рубим, оружие красное от крови, крики повсюду, а в тебе такой запал, и ты кидаешься вперёд, взмахиваешь, вонзаешь

лезвие во врага, брызжет кровь во все стороны, мозги, кишки и…

— ЛАМАР! — вскрикнули все.

— Мы поняли, что ты любишь сражения, — произнесла Сельма, тщетно пытаясь справиться с подкатывающей тошнотой и также тщетно стараясь изобразить улыбку на кислом лице.

— Ладно, какая разница, почему нам дали это задание. Дали, значит, будем выполнять, — подвёл итог Ивор. — Давайте-ка спать. Спокойной всем ночи.

Все пожелали друг другу приятных сновидений и улеглись на своих импровизированных постелях из собственных плащей.

Лес оборвался внезапно, и шестёрка наёмников, перевоплотившихся в команду разведки, оказалась на берегу небольшой речки. На другом берегу вдоль реки патрулировало около десятка воинов.

— Они нас точно не видят? — прошептала Джара. — Я-то вижу всех вас.

— Ты — да. А они не видят. Но могут услышать, — ответила ей ещё более тихим шёпотом Сельма.

Ивор жестом показал «вперёд». Они двинулись. Сельма плавно перенесла всех на другой берег чуть подальше от таэрийских воинов. Затем они огляделись. Патруль был расставлен по всему периметру речки, оказавшейся, как оказалось, искусным рвом, неровным кругом окружавшем огромную территорию Тадора. У ворот города, стены которого были обнесены насыпью, стояло ещё несколько солдат.

Наёмники внимательно изучали Тадор. Огромный. Мощные ворота, очень крепкие стены. Множество башен. Стены добротные, широкие. Можно разместить лучников и чародеев. Есть специальные приспособления для установки чанов с кипящей смолой — ужасное орудие, которое некоторым из новоиспечённых разведчиков доводилось видеть в действии.

Из всего осмотра они сделали вывод, что осада будет ой-ой-ой какой нелёгкой.

Патруль повсюду. Около леса, вокруг города, у ворот города, на стенах города, в башнях лучники. Стоит показаться одному неприятельскому солдату, даже если его увидел один-единственный воин, в курсе вскоре окажутся все. Они заметили, что каждый патрульный Тадора носил с собой особый рог. Стоит ему увидеть врага, как он задует в него. А кто услышит, задует в свой. И так далее, цепная реакция. Весь город будет на ушах в считанные минуты. Никакого неожиданного нападения. Этим не перетянешь преимущество на свою сторону.

Только количественным превосходством и качественным. А

насчёт качественного… Глядя на солдат, великолепно выполнявших свой долг, не отвлекавшихся на своём посту, которые даже молчали и не болтали, только изредка перебрасываясь словечком, и то по делу, наёмникам подумалось, что каждый из таких стоит двух-трёх из регулярной армии. Да-а, в том, что они все не обычные, а орденовские, преимущество города. Орден муштрует своих солдат, тренирует жёстко и чертовски результативно.

Но аронвардцев больше и… и в конце концов, у них есть эта Книга. Конечно, пока что о ней (вне Братства) знали только Джара с Ивором, и они об этом не разговаривали даже между собой, но в первом же бою, где будут участвовать чародеи Аронварда, всё прояснится.

Закончив осмотр города, шестеро приятелей собирались уже спокойно и тихо удалиться, как вдруг один из солдат, естественно, их не видя, решил пройти прямо по месту, где стоял Ламар. Парень слишком поздно его увидел, а предупредить его голосом никто не решился. В общем, солдат врезался в него, вскрикнул, в страхе призвал Великое Солнце и испуганно вперился в пустое пространство.

Наёмники шустро кинулись прочь. Взволнованные тем, что их чуть не обнаружили, они совершенно забыли про речку и бухнулись в ров, создавая громкие всплески. Солдаты тут же забили тревогу, загудел рог, потом второй, третий…

Ещё всплеск, ещё, ещё! Это стрелы били по воде. Горе-разведчики нырнули поглубже, поплыли шустрее. В воде Сельма телепатически передала всем сообщение: "Внимание! Вода сделала нас видимыми. Она разрушает это заклинание. Бегите, что есть мочи, я прикрою отступление!"

Они вынырнули, быстро взобрались на берег. Сельма резко развернулась, прошептала заклинание, выкинула руки вперёд. Струи пламени понеслись в нескольких солдат, в то время как Ивор, Ламар и Тэллар бросились в лес. Аерис выпустила несколько стрел и кинулась за ними.

Джара остановилась, чувствуя, как в ней пробуждается странная мощь. Она ощущала, что может что-то сделать — но что? "Оарин, Миерна, лес, руны", — пульсировало у неё в голове. Она быстро вскинула руки, направила ладони на воду. "Ты ещё не можешь управлять стихией", — голос Миерны зазвучал у неё в голове. "Ничего, научусь. Как говорится, попытка не пытка…" — решила она.

— Ishtir! — вскрикнула она, и вода всплеснулась волнами, забурлила. Солдаты в страхе замерли. — Fethran! — приказала Джара, двигая кистями в сторону солдат, и волны ударили в

воинов. С криками они упали под тяжестью воды на траву.

— Джара! — изумлённо воскликнула Сельма. — Я не знала, что ты…

— Потом будем выяснять, что ты знала, а что нет. Давай-ка сматываться отсюда, — быстро проговорила Бестия, и девушки, резко сорвавшись с места, скрылись в лесу.

— Расскажи мне, — попросила Сельма.

— Сельма, я… — Джара замолчала, поглядела на костёр. — Не знаю, могу ли я.

— Тогда скажи мне, что это за магия.

— А ты будто не знаешь.

— Да, ты права. Знаю. Это друидское волшебство. Руны. Верно?

— Верно, — кивнула девушка.

— Где ты им выучилась?

— Да так… — Джара обхватила ноги и положила подбородок на колени. Задумалась, стоит ли говорить Чародейке, что она была в лесу.

— Знаешь, на всём Гирите есть лишь одно место, где могут такому научить, — произнесла Сельма, внимательно наблюдая за Бестией, открывшейся в тот день ей с новой, неизведанной прежде стороны. — Лес Друидов.

Джара молчала.

— Ты там была, да? Не отпирайся, была. Об этом ходили слухи в Гильдии.

Бестия изогнула бровь.

— Слухи? В Гильдии?

— Ну да. Вы с Грифоном персоны популярные. Про вас много чего болтают. Например, что вы… — Сельма осеклась, закусив губу. Она ведь сама не знала, правда ли всё то, что говорят про Бестию и Грифона, всегда работающих в паре. Хотя если мужчина и женщина постоянно находятся рядом, доверяют и уважают друг друга, то… неужели ничего не происходит между ними?… Но смущать девушку ей не хотелось, и она рассказала про другой слух: — Что вы какому-то волшебнику насолили, когда ходили "на промысел" в ту башню. Причём, кажется, из Братства. И что он вас по городу всему искал. И потом вы от него в лес и сбежали. Ну это я сама домыслила.

Джара молчала, задумчиво погрузившись в разглядывание своих пальцев ног. Однако Сельму она слушала очень внимательно. У Чародейки на языке вертелся ещё один вопрос, но она пока решила держать свои догадки при себе.

— Сельма? — произнесла Джара.

— Да?

— Чародеи Братства переместили нас, наёмников, с помощью портала, так? Но их порталы… это ведь не пентаграммы?

Сельма смотрела на неё с удивлением.

— Откуда тебе известно про пентаграммы, Бестия? Никогда не знала, что ты интересуешься магией.

— Я человек разносторонний, — хмыкнула Джара. — Ты мне объяснишь?

— Да, раз тебе интересно. — Сельма улыбнулась одними уголками губ. — Порталы, вызванные с помощью пентаграмм, обычно используются одним или несколькими людьми. Для перемещения войска пентаграммы не подходят.

— Почему?

— Видишь ли, портал — это не транспорт, который подхватывает перемещающегося и переносит его туда, куда он хочет. Порталы — это всего лишь двери. Пространство нашего мира изрезано невидимыми для взора *путями*, или *коридорами*. Когда маг открывает портал, он всего лишь открывает дверь в один из таких коридоров, на другом конце которого есть другая дверь. Эти коридоры в пространстве бывают разные. Есть узкие, небольшие, они буквально испещряют весь мир, поэтому дверь в такой коридор можно открыть практически где угодно. Но недостаток таких путей в том, что по нему могут пройти только несколько человек. Чтобы переместить большее количество людей, нужно отыскать дверь в широкий и просторный коридор. Улавливаешь?

Джара кивнула.

— Но таких путей в мире меньше, верно?

— Верно, — подтвердила Сельма. — Мы переместились коридором, ведущим с Лихого Мыса в Приозёрные Леса. Это практически единственный подходящий путь с Гирита в Таэрию.

— Скажи, а почему люди редко пользуются услугами магов, чтобы путешествовать через порталы, а не на конях, в каретах или кораблях? Так ведь намного быстрее и удобнее.

— Пожалуй, не доверяют, — пожала плечами Чародейка. — Ты же слышала, что говорил Варвар про магов. Большинство людей волшебников боятся и одновременно считают их выскочками и задаваками. Для них порталы — это что-то страшное. Впрочем, их опасения не так уж безосновательны. Были и бывают до сих случаи, когда маг попросту заходит на путь, но не выходит…

— Застревает между мирами, уничтожается в пространстве…

— Ты меня удивляешь, Джара. Откуда тебе всё это известно?

Бестия отмахнулась.

— Не важно, Чародейка.

— Как скажешь. Насчёт твоего вопроса: богатые люди всё-таки пользуются услугами магов. Но в Аронварде "трёхзвёздные братья" заламывают баснословные цены за подобные услуги. Поэтому большинство всё же предпочитает традиционный способ путешествовать. Да и сами маги отлично понимают, что если все люди в мире вдруг начнут ходить межпространственными путями, ничего хорошего из этого не выйдет. Представь мост, существовавший с начала времён, по которому вдруг каждый день начнут ходить толпы людей.

— В конце концов он обвалится.

Сельма вздохнула и проницательно уставилась на Джару.

— Слушай, Бестия, а тот волшебник, которому вы так насолили, это случайно не…

Джара внезапно вскочила, вгляделась вдаль, прислушалась. Сельма тоже встала.

— Что такое? Джара?

— Слышишь?…

— Что?

— Деревья.

— Что — деревья?

— Им больно.

Сельма вылупилась на девушку.

— Ты о чём?

— Их боль отдаётся во мне… — не поворачиваясь к подруге, сказала Джара. — Деревья ломают… рубят… ветви…

— Деревья ломают? — переспросила Сельма. — Кто-то идёт! Думаешь, неприятель?

Джара встрепенулась.

— Проверь, ты же маг, чёрт возьми!

Волшебница кивнула, закрыла глаза, приложила пальцы к вискам, заклинанием мысленно сметая все препятствия на пути к источнику, уничтожая расстояние. И увидела.

Воины.

Солнце на плащах.

Идут.

Сельма раскрыла глаза.

— Надо бить тревогу, Бестия! Наступают! Это Орден Солнца!

Глаза Джары сверкнули. Дыхание и сердцебиение участились. Она поглядела на Сельму и бросилась будить своих. Сельма очертила пальцем круг и ударила в центр. По лесу прокатился мощный, раскатистый грохот. Все мгновенно вскочили. К тому времени все наёмники уже были на ногах, по войску понеслось известие: "Неприятель наступает!"

Аронвардские воины принимали боевую готовность.

Джара вынула свой короткий клинок. Она не очень любила мечи, однако если драться с рыцарями, с одним кинжалом против них не устоишь. Но её любимое оружие всегда было при ней. Ножны с кинжалом были прикреплены к ремню, обхватывавшему бедро. Аерис, стоявшая в первых рядах лучников, натянула на тетиву сразу три стрелы — пока что мягко, слабо. Ивор и Тэллар обнажили мечи, Ламар приготовил локабер. Сельма создала на ладони огненный шар, готовая выпустить его во врага.

Сзади них собрались другие наёмники. Дальше — остальные отряды. Армия строилась. По обе стороны от наёмничьего войска вставали другие отряды. Впереди лучники. Затем остальные. Потом маги.

Треск деревьев теперь слышала не только Бестия. Он стал явственным, потому как таэрийцы приближались с каждой минутой. Ближе.

Ближе.

Затем они показались.

Ещё немного. Аерис туго натянула тетиву.

Отдали приказ стрелять, и посыпались стрелы, полетели заклинания.

Сельма шпарила огнём, отступая назад, давая потоку воинов прорваться вперёд, ближе к врагу. Лучники тоже отступали, натягивали тетиву, целились, стреляли. Потом перешли на ближний бой.

Джара билась. Как всегда — быстро, безумно, отдаваясь схватке целиком, погружаясь в ни с чем не сравнимое упоение боем. С её небольшим удобным мечом она всегда оказывалась ловчее, быстрее, увёртывалась от всех ударов, крутилась в вольтах и поражала. Лезвие проезжалось по глоткам, вспарывало животы, вонзалось в груди, в спины врагов. Джара билась.

Несколько раз она пыталась использовать Руны, но заклинания срывались, ничего не выходило. Один раз, правда, получилось. Около неё упал таэриец, сражённый огненным шаром одного из волшебников. Она перехватила огонь и Руной направила его на врага.

А потом началось.

Сначала никто даже не понял, что происходит. Затрещали деревья, Джара вновь ощутила их боль. Однако в этот раз это чувство было несколько иным. Ей показалось, что кто-то использует нечто вроде Рун, чтобы повелевать деревьями. А потом она поняла, что это были не Руны.

Это была Книга.

Эйдан, паря над землёй, держал раскрытую Книгу и нараспев

читал заклинание. И под действием великих друидских чар деревья склонялись, ветвями опутывая врагов аронвардцев, земля тряслась под их ногами, потом разверзлась. Истошно крича, таэрийцы падали в открывшуюся бездну. Волшебники Ордена тщетно пытались что-либо сделать. Их магия была бессильна против нового Повелителя Стихий. Аронвардцы сами в панике отступали. Потому что это было страшно.

Стихия бесновалась.

Деревья хлестали ветвями воинов, толкая их в распахнувшуюся пасть земли. Закружился воздушный вихрь, подхватывая таэрийцев, кружа их над землёй и безжалостно бросая на камни. В довершение вспыхнул огонь.

Таэрийцы в паническом ужасе бежали к Тадору.

Аронвардцы молчали.

Змейка сидела на подоконнике в своей комнате, подобрав ноги. Ночь уже давно тёмным покровом легла на землю. Она не зажгла свечей в комнате. Сидела и глядела на луну. На огоньки, горевшие в лагере противника. Смотрела на раскинутые под стенами Тадора палатки. Туда-сюда ходили люди. Солдаты грелись у костров. Слышалось ржание лошадей.

Дунул ветер, через щель в старой раме проник ночной холод, и Змейка поежилась. Обхватила себя руками. Подняла взгляд с земли на убывающую луну.

— Змейка, ты что, ещё не спишь?… — послышался сонный голос Лесли, простоватой, но весёлой и доброй девушки-лучницы, с которой поселили Змейку.

— Я не могу заснуть, когда под окнами враг, — ответила Змейка.

— Змейка, ну ты ведь ничего не добьёшься своей бессонницей! Сама подумай! Не выспишься перед битвой… — Она зевнула. — Впрочем, я забыла, ты ж не воюешь. Жизни будешь потом нам спасать, когда вывороченные, окровавленные, порубленные приползём обратно, — совершенно спокойным, будничным тоном проговорила Лесли. — Ты раны-то умеешь заживлять, а? Рубленные, резанные. А ещё ожоги — ожоги часто бывают. Эти маги вражьи треклятые, чтоб их, как своей молнией шандарахнут, или, чего доброго, шаром огненным!.. И вспыхнешь, как спичка.

Змейка сглотнула.

— Лесли, пожалуйста…

— А, ладно, лучше-ка я буду спать. А то ещё буду мазать завтра. Ох, будет бойня… ты ж слышала про этого чародея-то. С книжки какой-то читает, деревья как верёвки вокруг людей

вьются… а земля-то, земля трескается, и в щель все падают с дикими криками. И ещё ветер завывает, подхватывает, кружит и бросает вниз… Уж мне-то выпало везенье остаться в городе. Но завтра… — Лесли опять зевнула. — Знаешь, может, и победим-то, а? К нам помощь прибывает ведь. Вроде б уже должны прибыть порталом. Только ведь телепорт этот волшебный в другом конце города. А помощь, она из Дэшама, да из приграничной крепости. Да ещё с запада. Эх, Змейка… — Лучница зевнула и замолкла.

Змейка отвернулась к окну. Когда она узнала, что Аронвард идёт войной на Таэрию, она вспомнила слова Аиры. Они ведь разговаривали об этом. Аира говорила о том, чем грозит война внутри страны, чем грозит открытое противоборство Орденов. Она почти не допускала возможности угрозы со стороны Аронварда. Но кто мог знать, что у Аронварда есть такое мощное оружие, как магическая книга.

Змейка уже давно изменила своё отношение к войне. Едва битва в лесу унесла жизнь Хаарта, она поняла, как ошибалась. Она мечтала, как будет сражаться, разя врагов, и не думала, что у каждого убитого противника была своя жизнь. Семья. Люди, которые любили его. Которым будет так больно, если он умрёт. Как было больно Змейке, после того как Хаарт…

Она сжала браслетик из переплетённых змей.

Снаружи послышались голоса. Змейка слезла с подоконника и подошла к двери.

— Что ещё за чёрт, — проворчала Лесли, вставая. — Кому не спится? Завтра начнётся бой, и никто не сможет отдохнуть. Лучше б выспались перед осадой.

Змейка потянулась к двери, но тут она сама распахнулась. Девушка едва успела отойти, чтобы дверь не сшибла её. Она удивлённо выдохнула, увидев на пороге Аиру. Улыбающуюся. Чего Змейка не видела уже очень давно…

— Аира! — воскликнула она и обняла женщину. — Я…

— Змейка! Посмотри-ка, кого принесло порталом, — сказала Аира и увлекла Змейку за собой из комнаты в коридор.

Девушка, недоумённо улыбаясь, повернулась в указанную сторону и так и застыла. Какое-то время она просто смотрела, не в силах пошевелиться. Потом, чувствуя, как ком подползает к горлу и слёзы наворачиваются на глаза, она вскрикнула и прижала ладони ко рту. Ноги подкосились, она пошатнулась, опёрлась о стену. Слёзы покатились по щекам.

— Змейка! — воскликнул Хаарт, подбежал к ней, обнял и закружил.

Она, рыдая, крепко обвила руками его шею, зашептала любимое имя.

— Ух, — только и молвила Лесли. — Это кто такой, капитан Аира? А подождите-ка, кажись, видела я его в Ордене!

— Это рыцарь Хаарт, — ответила, улыбаясь, Аира. — Ты действительно могла его видеть. Он учился в Ордене под наставничеством Дарвея.

Змейка и Хаарт сплелись в объятиях, заглядывая друг другу в глаза и шепча нежные слова.

— Пойду-ка я отсюда, — сказала Аира.

— Я тоже. Лягу где-нибудь в другом месте. Им-то, наверное, комната будет нужна… — проговорила Лесли.

Аира посмотрела на неё странным взглядом.

— О чём ты думаешь, лучница?

— Ну… капитан… вы не думайте-то. Я просто. Поговорить, хотя б. Я ж не про то, что…

— Пойдём, Лесли, — рассмеявшись, сказала капитан Аира. — Оставим их.

— Вот и я ж про то.

Той ночью ни Джара, ни Ивор не спали. Они сидели у костра и молча глядели на шатры волшебников. Ни о чём не говорили, но без слов понимали друг друга, потому что думали об одном и том же.

— Он ещё не знает, что мы здесь, — проговорила наконец Джара.

Ивор кивнул.

— Скорее всего, он предполагает, что нас убили друиды.

— Эй, ребята, ложитесь-ка спать, — проворчала Аерис.

Ивор опять кивнул, уговорил Джару всё же прилечь и вздремнуть, но сам так и не заснул.

Он видел все приготовления магов, слушал, как они читали заклинание иллюзии. Думал, какое же это коварство — накрыть всё войско пологом видения, будто бы они все безмятежно спят, а затем всем занять боевые позиции и начать атаку исподтишка. Ивору, пусть он и был наёмник, это не совсем нравилось, не такого у него склада были ум и представления о битве, войне. Однако его мнение ничего не значило здесь. Он подозревал, что сейчас всем руководит распоясавшийся Эйдан. С книгой друидов в руках он мог делать всё, что хотел. Ивор не очень-то разбирался в магии, но понимал, что Книга — действительно что-то невообразимо мощное. К тому же он ведь видел её в действии. И это было страшно.

Потом всех разбудили, палатки сложили, костры затушили и затоптали. Немного поели, попили, ведь целый день у них больше не будет и росинки во рту. Последний раз проверили оружие,

потом все встали по местам. Лучники, кавалерия, пехота и — маги. Отдавали приказы, напоминали стратегический план, последний раз советовались капитаны отрядов.

А потом всё началось.

— Что ты пишешь? — спросил Хаарт, входя в комнату.

Змейка подняла голову и заулыбалась. Юноша наклонился к ней и поцеловал.

— Это как дневник. Я когда-нибудь дам тебе прочесть. Когда закончу.

— Дай сейчас, — попросил заинтересованный Хаарт.

Змейка рассмеялась и пододвинула пергамент к себе.

— Нет! Говорю же, когда закончу, тогда и дам.

Хаарт наклонился к ней, но тут они вздрогнули от истошных воплей, криков, внезапно они услышали звуки, которые ни с чем не спутаешь — звуки битвы. Страшно засвистели стрелы, крики усиливались, гремели латы, лязгал металл, зашипели молнии, огненные шары — полетели заклинания.

Рыцарь бросился к окну и не поверил своим глазам. На небе едва занимался рассвет, а войско, недавно мирно спавшее у костров, уже в полной боевой готовности теперь шло атакой на город. Хаарт даже и не представлял, что аронвардская армия такая огромная. Он знал, что воинов и волшебников много, но чтобы столько!

Змейка в ужасе хотела вскрикнуть, но звук застрял в горле.

А в замке уже били тревогу. Все выбегали из комнат, наспех одеваясь и готовя оружие. Лучники и маги бежали на стены и башни, воины собирались у ворот.

Хаарт быстро надел доспехи, перевесил через плечо ножны с мечом, всунул маленький кинжал в сапог, поцеловал Змейку. Она со слезами на глазах прошептала быструю молитву, прося богов благословить её любимого на бой и отпустила его. Потом выбежала из комнаты, желая проводить его глазами, но поток людей сбил её, затолкал обратно в комнату. Она села на пол и зарыдала.

Всё остальное было для неё как в тумане. Она даже не заметила, как оказалась среди других целителей. Всё, что она делала, она делала машинально, а в голове стучала лишь молитва за Хаарта.

Джара билась в первых рядах, погружаясь в сладостное упоение опасностью сражений. Ей нравилось сражаться с тадорцами. Их приёмы и техника были отточенными, почти безупречными. Она вертелась с мечом, как фурия. Бестия.

Бестия. Не зря ведь её так прозвали. Настоящий ураган.

Она лелеяла надежду встретить настоящего воина, крепкого противника. Сложного, умелого, ловкого, быстрого, точного, сильного.

Несколько выпадов, и вот ещё один тадорец повалился на землю, хватаясь за горло, хлещущее кровью, обрызгивая её тёплой алой жидкостью. Джара отряхнулась от капелек, как кошка, отёрла лицо, не прекращая двигаться.

Бестия встретилась мечами с высокой женщиной в доспехах, из-под изящного шлема которой выбивалась толстая светлая коса. Её длинный мощный меч слушался каждого лёгкого движения рукой своей хозяйки, будто и сам был лёгким, как пёрышко. Женщина крутанулась, уходя от удара Джары, перешла в атаку. Она провела её быстро, не напрягаясь, но Джара даже запыхалась, парируя её удары.

Кажется, её мечта сбылась. Женщина была настоящим мастером.

Бестия быстрым движением убрала с мокрого лба выбившуюся прядку, которая так и лезла на глаза, завертела мечом, бросилась вперёд, с разворота ударила. Женщина-рыцарь подставила свой меч. Она держала его так уверенно и неподвижно, что клинок Бестии отскочил, и ей пришлось сделать несколько шагов назад, чтобы сохранить равновесие. Они обменялись ещё несколькими атаками, женщина даже не вспотела, а Джара немного устала. Но наёмница не привыкла легко сдаваться.

Она снова бросилась вперёд, крутанулась на месте, увеличивая силу удара, и ударила косо, снизу вверх. Её противница успела подставить меч, но клинок Джары всё же проехался по её лицу, оставляя длинную, глубокую красную полосу через всю правую щеку и переносицу и до левого виска. Женщина-рыцарь не издала ни звука боли. Она развернулась и ударила, Бестия еле парировала и отскочила.

Джара, внезапно почувствовав какую-то опасность, резко повернула голову и увидела яркую вспышку света. Лишь её молниеносная реакция и быстрый прыжок спасли её от колдовской молнии. Поток людей оторвал её от той женщины, но Джара запомнила её. Она знала, ощущала внутри себя, что они ещё встретятся.

Внезапно она вновь ощутила что-то странное. А затем, услышав крики и вопли, почувствовав, как дрожит земля, как непривычно в странных вихрях завывает ветер, она поняла, что Эйдан вновь использует Книгу, вновь подчиняет себе стихии.

Всеобщая паника позволила ей отступить, возвратиться в

ряды наёмников. А затем по рядам людей прошлась огромная волна, которая магией разделила тадорцев и аронвардцев, отбросив последних дальше к лесу, а первых — ближе к стенам их города.

Эйдан парил высоко над землёй, вокруг него бесновались разноцветные сверкающие вихри, а Книгу окутывало прозрачное темноватое облако. Маг пел заклинание, и звуки его голоса громом носились над полем битвы. Небо стремительно затягивалось злыми тяжёлыми тучами, мерк свет, земля дрожала, городские стены тряслись. Ветер выл стаей чудовищных волков, воздух сделался сухим и пронизанным напряжением. В носу защипало, становилось труднее дышать.

Над Городом Солнца собиралась огромная мрачная чёрная туча. Аронвардцы замерли. Тадорцы в панике жались к городу, прорывались внутрь, толкали, опрокидывали друг друга в страшной давке. Чувство животного страха закрадывалось в сердца, одерживало победу и подавляло все остальные чувства, окутывало разум, затмевало другие мысли. Над толпой носились крики ужаса и мольбы о спасении.

Пророкотал гром, словно мировой колокол, вещающий о конце света. Туча над Тадором грозно сверкнула сетью слепяще-белых язычков и пришла в движение, начав закручиваться в воронку — сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее.

Поле битвы озарилось ярким слепящим светом, из чёрного бешено вращающегося в небе коловорота вырвались молнии и рогатыми плетьми ударили по башням и стенам города. Вспышки, облака искр. Упала одна из сторожевых башен, треснула стена. Грохот тонул в криках. Земля будто плясала. Стало совсем темно, и мрак разрезали только вспышки колючих бичей, которыми закручивающаяся в безумную воронку туча хлестала город и его жителей.

Эйдана и Книгу уже почти не было видно в вихре огненных лент, потоков горячего воздуха и сверкании мерцающих звёзд, окружавших их. Их объяла пелена тёмного тумана, было лишь слышно пение Эйдана. Его голос нарастал, гремел раскатами грома. Тёмное облако, скрывавшее в себе мага с Книгой, ползло по воздуху к рушащемуся Тадору, пока не стало точно над городом — и под центром закрученной в воронку тучи.

Вдруг вокруг Эйдана с Книгой полыхнул яркий свет. Облако, окутывавшее Книгу, закружилось, разрастаясь, затем словно выплюнуло Эйдана, и он шмякнулся об землю где-то посреди с грохотом оседающих и раскалывавшихся зданий города. Вихри и облако слились в беснующуюся тёмную сферу. Она с каждой секундой увеличивалась. От неё отошли мощные волны и

отбросили людей Аронварда ещё на несколько десятков метров прочь. Вихри ветра бешено носились по земле, становясь всё мощнее. Ветер превратился в ураган и заплясал по полю боя неистово вращающимися, туго закрученными воронками воздуха. Последние тадорцы скрылись за остатками ворот Города Солнца, в отчаянной и глупой надежде, что спасутся за городскими стенами.

Ураган неистовствовал. Вихри схлестнулись и соединились в один огромный чёрный смерч. Смерч зарыхлил землю, оставляя за собой глубокие рвы, словно шрамы на несчастной таэрийской земле. В вихрях яростно бушевавшего вертуна носились и разлетались во все стороны изувеченные тела, с корнем вывороченные деревья, обломки зданий и стен, комья выдранной земли.

Молнии дробили дома, башни, стены Тадора, заставляя их разлетаться смертельными фонтанами каменных осколков.

Аронвардцы сначала стояли, как вкопанные, не в силах пошевелиться от развернувшейся перед их взглядами адской картины царства хаоса. А затем бросились бежать.

— Ивор, стой! — крикнула Джара.

— Что?! — обернулся он.

Она стояла, а за её спиной гибнул Город Солнца. Он подбежал, схватил её за руку.

— Бежим, скорее!

— Нет, Ив! Надо забрать Эйдана!

— Джара, ты спятила?!

— Ивор, я знаю, что говорю! Его надо оттуда унести!

— Не время строить из себя героев! Думай о своей шкуре!

— Я чувствую! Он же знает, что случилось!

— Какое тебе дело, что случилось?! Главное, унести ноги!

— Грифон!!!

— Бестия!!!

Очередная волна, рождённая сферой, подбросила их и отнесла на десять метров прочь. Затрещали деревья. Ураган добирался до леса. Завертелись в вихре воздуха вырванные с корнем деревья. Ивор поднялся, подхватил на руки Джару, потерявшую сознание от удара об землю, и бросился прочь.

Они даже не заметили, когда вновь вступили в Приозёрные Леса. Страх понемногу отступал. Они поняли, что ураган остался далеко. Смерч словно ходил по кругу, по строго определённой территории, не выходя за её пределы. В центре всего этого кромешного ада висела тёмная сфера, а в ней — Книга, причина этого буйства стихий. Из чёрной тучи били колючие молнии. Земля перед городом приобретала форму воронки. Но всё это

было уже позади.

— Чёртов идиот, — прошептала Бестия, придя в себя. — Что он наделал! Что теперь будет?…

— Нам нет дела до этого, — сказала Аерис, незаметно оказываясь рядом с Джарой. — Мы возвращаемся на Гирит. Кайт только что объявил, что всё наёмное войско возвращается в Гильдию, и всё тут.

Подошедший Тэллар кивнул.

— С Аронвардом контракт расторгается, и денег мы не получим, но свои шкуры ценнее, не так ли? — Он поёжился, вспомнив картины воплощённого ада на земле. — До остальных мне дела нет. И до этой идиотской страны, и до этих волшебников, до политики, до этой сатанинской Книги, до этого несчастного города и его людей. Маги откроют нам портал. Мы отправляемся домой.

Бестия не слушала их. Едва подумав о Гирите, она тут же вспомнила Лес друидов. И Миерну. Она ощущала, что всё это не останется в границах одной злосчастной Таэрии. И она будто слышала голос друидки в своём сердце. Она звала её.

Оарин, Оарин!

На границе Таэрии маги открыли порталы. Войско наёмников телепорты перенесли прямо в порт, к кораблям. Море было спокойным. Очень-очень тихим. Как перед грозой.

Кто-то пытался веселиться, чтобы забыть весь тот кошмар, который они видели в Таэрии. Другие размышляли. Некоторые до сих пор не могли оправиться. Кто-то разговаривал о дальнейших действиях Аронварда. Говорили, что приказа об отступлении ещё не было, и возможно военные действия будут продолжены. Кому-то, как, например, Тэллару или Аерис, и вовсе до всего этого дела не было. Беззаботный Сокол резался в карты со своими приятелями-наёмниками. Хладнокровная эльфийка приводила в порядок лук, рассуждала о погоде, критиковала корабль, а когда вышли в море, и вовсе больше ни слова не проронила — её мучила морская болезнь.

Джара почти ни с кем не говорила, вычищала ножны, чистила и затачивала меч и кинжал. И думала.

На Гирит они прибыли ранним утром.

Даже когда они добрались до города и заняли свои комнаты в огромном здании Гильдии, она не успокоилась. Ей не хотелось пока говорить даже с Ивором.

Она искупалась, переоделась, нацепила на бедро ножны с кинжалом и отправилась в конюшню. На улице ей встретился

Ивор.

— Я хочу развеяться, — сказала она ему.

Он хотел что-то ответить, но она его перебила.

— Одна, ладно?

— Ладно… — растерянно согласился он.

— Я вечером вернусь. Ну, пошла! — Джара направила лошадь.

Ивор долго смотрел ей вслед.

Коня она оставила на опушке, а дальше пошла пешком. Ей не было страшно входить в лес. Она же знала, что здесь уже не чужая. Она Посвящённая. Её посвятили Молодому Дубу. И пока она шла, наслаждаясь лесными ароматами, слушая пение птиц, вдыхая чистый воздух, в ней пробуждалась Оарин.

Джара шла. Постепенно она начала чувствовать лес. Она вслушивалась в шум листьев, в звуки, издаваемые животными. Что-то изменилось. Даже в птичьих трелях ощущалось какое-то смутное беспокойство. Весь лес показался ей встревоженным.

— Здравствуй, Оарин.

Джара вздрогнула, затем повернулась. Из-за деревьев показалась друидка.

— Здравствуй, Миерна. Я пришла…

— Ты пришла поговорить, и я знаю о чём. Давай пойдём к твоему дереву, хорошо? — Она пошла впереди Джары. — Я думаю, ты пришла попросить его о помощи, — сказала она, не оборачиваясь.

— Кого? Дерево? — не поняла девушка.

Миерна слегка улыбнулась и взглянула на неё из-за плеча.

— Да. Твоё дерево.

Джара оторопела.

— Не понимаю, Миерна, я… я вообще-то пришла просить помощи у тебя…

— Я тебе объясню. Кстати… Ты ведь заметила, да? — Она вопросительно взглянула на девушку.

— Что заметила?… Хотя, подожди, я поняла. С лесом что-то не то, но я не понимаю, что…

— Да. Здесь всё едино с природой, а природа… Её равновесие нарушено. Звери, птицы, даже деревья, каждый листочек, каждая травинка ощущают колебания Великого Равновесия, — говорила Миерна, окидывая взглядом кроны деревьев.

— Это из-за Книги, верно? — спросила Джары, наблюдая за каким-то зверьком, шмыгавшим по кустикам.

— Верно, Оарин. — Миерна помолчала. — Лучше я буду откровенной с тобою до конца, Оарин. Знаешь, почему? Потому

что ты моя сестра, это во-первых. А во-вторых, я чувствую, что тебе в этом всём отведена не последняя роль.

Джара, задумавшись, промолчала.

— Я скажу тебе кое-что, что тебе не понравится. Но выслушай меня до конца. Я обладаю мощным даром предвидения. Я ещё никогда не ошибалась. Но в этот раз я допустила ошибку. Я считала, что Книга лишь поспособствует войне. Мне казалось, война погубит ваши государства, именно война, а не Книга, думала, что Книга будет только орудием. Во мне играло непростительное тщеславие, я дышала гордой мечтой. Мне хотелось возродить величие друидов, величие нашего культа поклонения Природе, Стихиям. Помолчи, сестра. Я знаю, тебе кажется это возмутительным, ты не понимаешь меня и, наверное, не поймёшь никогда… И я не заметила, не смогла заглянуть в глубину души Эйдана. А должна была, чтобы увидеть сущность его натуры. Я не подозревала, что он окажется таким глупцом и сразу же обратится к заклинаниям Повеления Стихиями. Даже самый великий волшебник не рискнул бы обращаться к ним так скоро и так часто. А этот Эйдан!.. Он ведь далеко не лучший маг! Теперь из-за него Книга вышла из-под контроля, в природе царит Хаос, стихии буйствуют. Это выйдет за пределы города, страны, Материка! Весь мир вскоре будет под страшнейшей угрозой, и никакие маги не будут в силах остановить Книгу. Послушай, Оарин, не перебивай меня. Ты видела силу Книги в действии, её несокрушимую, неколебимую, неукротимую мощь. Она постепенно разрушит всё, если её не остановить.

— Но разве ты не можешь этого сделать? — в ужасе от слов друидки спросила Джара.

— Нет, Оарин, я не могу.

— Но… Я думала, вы, друиды, знаете, как остановить всё это! Ведь Книга — ваша! Это же ваша магия! Как же так! — в сердцах воскликнула девушка. — Что же делать, Миерна? Кто поможет, если не вы? Ведь ты же говорила, что вы единственные оставшиеся друиды!

— Да. Нас мало. Многие ценные знания, которыми обладали раньше друиды, были утеряны с веками, и мы далеко не так могущественны, как представляют люди, когда слушают легенды о наших предках. Магия Повелителей Стихий слишком сильна, чтобы её могло укротить волшебство горстки людей, — грустно сказала Миерна. — Мы пришли. Твоё дерево.

Джара преклонилась перед молодым деревом, коснулась его ветвей, листьев. Дунул ветерок, и листья зашелестели, будто дуб приветствовал девушку, посвящённую ему. Миерна и Джара сели на траву перед молодым дубом. Джара была обеспокоена словами

друидки. Как она надеялась, что друиды успокоят Книгу, вернут её себе, и всё будет в порядке. Она же сразу почувствовала, что Книга не остановится на одном Тадоре, разрушения пойдут дальше, не просто дальше одного несчастного города, но даже дальше Таэрии. С тех пор, как в ней поселилась Оарин, Джара начала многое чувствовать и воспринимать по-другому. Она ощущала природу, и наверное, она тоже ощутила нарушение Великого Равновесия, как говорила Миерна.

Миерна положила руку на плечо Джаре.

— Успокойся, Оарин. Тебе нужно быть спокойной, чтобы ты смогла поговорить со своим деревом. Только оно может тебе помочь. Сказать всё, что нужно сделать.

Джара оторопело поглядела на друидку.

— О чём ты, Миерна? Как я могу говорить с деревом?

— Можешь, потому что это не просто дерево, это *твоё* дерево. Я не связана с тобой так, как оно.

— Неужели в этом лесу только какой-то дуб знает, что делать, а ты — нет?!

Дуб зашелестел листьями.

— Тихо, Оарин, будь спокойна.

— Но я не понимаю! Почему именно я должна говорить со своим деревом?! Причём тут я? Ты сказала, что мне суждено сыграть не последнюю роль, но почему именно мне? И почему ты не можешь поговорить с деревьями, с природой, ведь ты друидка! Я ещё не совсем сошла с ума, чтобы сидеть тут и разговаривать с листьями и веточками!

— Оарин! Успокойся.

— Хватит меня успокаивать! Объясни мне всё хорошенько, Миерна! — Джара, с её пылким темпераментом, как всегда, быстро вышла из себя. — Объясни мне всё, я хочу знать!

— Хорошо. Слушай внимательно. Когда ты появилась в этом лесу впервые, я сразу поняла, что ты особенная. Сначала мне показалось, это потому, что у тебя есть медальон. Я думала, ты избрана, чтобы достать Книгу и вручить её нам. Но медальон оказался украденным. Но я не могла ошибиться в тебе, Оарин. Тогда я решила посвятить тебя, чтобы разобраться в тебе, в твоих чувствах, в твоей сути и, главное, в твоём предназначении. Тогда я многое поняла… Оарин, мне нужно обратиться к древним знаниям друидов. Я хочу узнать, что может остановить Книгу. Великие тайны открываются лишь тем, кому предначертано их узнать. Так что ты должна поговорить со своим деревом, потому что высшие силы только тебе через твоё дерево сообщат, что поможет нам в борьбе с мощью Книги. И общение с твоим дубом поможет тебе. Ты станешь мудрее, ты раскроешь себя, поймёшь

сама себя. И тебе легче будет выполнить всё, что тебе предназначено.

— Мне? Одной мне?! — выкрикнула Джара, вскочила. Затем опустилась на траву. — Как же, почему я?

— Никто не может объяснить почему одному предназначено одно, а другому — другое, Оарин. Это законы жизни и судьбы. — Миерна приобняла девушку за плечи. — Этот день ты проведёшь наедине с природой и с твоим деревом, хорошо? А наутро я расскажу тебе, что мы смогли узнать. Будь спокойна, Оарин.

— Миерна! — воскликнула девушка и повинуясь внезапному порыву крепко обняла друидку.

Миерна заулыбалась, ответила на объятия Джары, а затем оставила её одну и ушла.

Джара некоторое время сидела молча, тупо уставившись в землю. Потом ей надоело сидеть в одной и той же позе, она села по-другому, взглянула на дуб.

— Ну что, что расскажешь, или будем сидеть молчать? Да-а, я тебе честно скажу, я ещё никогда не разговаривала с деревом. Вообще, как можно разговаривать с деревом? Интересно, Миерна вообще думает, хоть предполагает, каким образом я собираюсь говорить с деревом? Ну что ты молчишь? Какое у меня молчаливое дерево!.. Вот дьявол, я совсем схожу с ума, кажется.

Джара легла на спину, сорвала травинку и положила её кончик на языка. Она смотрела на небо, по которому ветер гнал причудливые облака. Иногда солнце выглядывало из-за них, и тогда девушка щурилась и отводила взгляд от неба. Она лежала на спине, на боку, на другом боку, потом на животе, а потом опять на спине. Потом села, сидела. Затем встала, ходила вокруг дерева. Опять села, опять легла.

Дуб невозмутимо шелестел листьями.

— Если Миерна думает, что я совсем сумасшедшая и буду разговаривать с деревом, она ошибается, — изрекла она.

Она лежала молча час.

— Слушай, а вот как это быть деревом, а? Живёшь, живёшь, даже с места не двигаешься, это же неинтересно. Дубы живут долго, веками, и всё на одном месте. Ну разве не скучно? А? Вот мы, люди, живём гораздо меньше, но зато какая у нас жизнь! А ты что? Как можно вообще так жить? Бедный. У тебя нет глаз, нет ушей, нет носа, поэтому ты не видишь, не слышишь, не чувствуешь запахов. Ну, ты наверное можешь ощущать, корнями, веточками, листочками и всё такое… Хотя это разве жизнь, а? Тьфу ты, чёрт, опять я…

Она замолчала.

Дуб тоже молчал.

Тадор был покинут.

Люди шли прочь от разрушаемого города, а за их спинами бушевали разбуженные стихии. Рушились стены, падали башни. Земля тряслась от гнева и боли.

Змейка сидела сзади Хаарта в седле его гнедого коня. Хаарт постоянно подгонял его, хотя животное и так бежало быстро, как могло.

— Куда мы, Хаарт? — спросила Змейка, прижимаясь к юноше. — Мы идём в город?

— Я не знаю. Как можно дальше. Здесь по пути нет ни одного города, занятого нашими.

— Мы пойдём мимо городов Луны? — спросила девушка. — Но они же заметят нас и не пропустят! Думаешь, мы выдержим битву?…

— Нам придётся идти на север, там крепости Солнца.

Змейка молчала.

— Не бойся ничего, малыш, — как можно более ободряющим тоном сказал он.

— Я не боюсь, Хаарт, пока ты со мной, — проговорила она.

— …Вот это было настоящее весёлое время — тогда, когда мы с Ивом учились в Академии! Наверное, это были самые счастливые мои годы, — доверительным тоном сказала Джара неподвижному дубу. — А потом… — Она погрустнела. — Даже вспоминать не хочется… всё, что произошло тогда… мои родители погибли… мне было ужасно плохо. Но Ив меня поддерживал. Хотя тогда я этого не ценила. А сейчас я твёрдо знаю, что ближе, чем Ивор, у меня человека нет. Он друг, каких поискать! Настоящий друг, понимаешь? Хотя что ты в этом понимаешь, разве у тебя был когда-нибудь друг. Какие у тебя друзья, а?

У меня много друзей. Птицы, звери, солнце, ветер. Земля. Трава. Цветы. Они все мои друзья. И друиды, конечно же.

— Ясно. Но ведь всё равно. Это же не такая дружба, как у людей. А вот насчёт любви? Что ты скажешь? Разве у деревьев бывает любовь и всё то, что к любви причитается?

Да, ты права, я не смогу испытать такого чувства. Я же дерево.

— Ну. Жаль мне тебя. Знаешь, мы люди вообще иногда сравниваем бесчувственного человека с деревом. Хотя чаще с камнем, но и «деревянный» тоже говорим. Наверное, тебе обидно, да?

Нет, я всё понимаю.

— Это хорошо, что ты такой понятливый. Такое понятливое… Ладно, неважно. Вот насчёт любви… Иногда мне правда кажется, что Ивор меня любит не так, как я его. В смысле… Ну ты понимаешь, да? Я-то отношусь к нему только как к другу. Как к брату… Думаю, он меня тоже сестрёнкой считает. Но иногда… мне кажется…

Тебе кажется, что в нём к тебе живёт такая любовь, какую, тебе казалось, ты испытывала к Эйдану.

— Да. И вот именно, что *мне казалось.* А вообще, зря ты вспомнило Эйдана. Этот прохвост…

Джара запнулась. Вспомнив Эйдана, она мигом вспомнила все недавние события, почему-то странным образом вылетевшие у неё из головы, пока она проводила время со своим деревом. Вспомнила, что пришла к Миерне, что друидка сказала ей поговорить с дубом…

Джара побледнела, постепенно осознавая, что именно этим она только что и занималась. Она поднесла дрожащие руки ко рту, почувствовала, как покрывается испариной.

Что, только что заметила, что уже битые два часа говоришь с деревом?

— Как?!?! — воскликнула Джара, вскакивая с земли и хватаясь за голову. Она протянула руки вперёд, к дереву, пытаясь что-то сказать, но от удивления у неё слова застряли в горле. — Как?!?! — только и смогла повторить она.

Просто. А что ты думала, если я дерево, то я и разговаривать не умею?

— Вот именно-то, что раз ты дерево, ты не должно уметь разговаривать! Ты же дерево!!! — Никак не могла прийти в себя Джара.

Железная логика. Поистине человеческая.

Джара осела на траву.

— Какой кошмар.

Спасибо, очень приятно. Не слишком-то у тебя уважительное отношение к своему дереву.

— А, я поняла! — как-то глупо заулыбалась девушка. — Я сошла с ума, пока сидела тут, и у меня галлюцинации. У меня такое было один раз, когда я три дня просидела в абсолютно беспросветной темнице… мы с Ивом тогда попали в плен к каким-то сбрендившим кретинам… маленькая такая темница… Я разговаривала сама с собой, а потом мне начали мерещиться чёртики. Вот так и сейчас. Нет, правда, ну что за идиотство, я тут весь день сижу…

Ну. Успела всю свою жизнь мне рассказать. Что ж, я ценю такое доверие. Что-что, а уж слушать я умею.

— Я спятила, — пробормотала Джара, тупо уставившись в одну точку.

Послушай, успокойся. Ты не сошла с ума. Ты просто научилась слушать меня. Когда тебя только посвятили, я пыталось говорить с тобой, но ты меня не услышала. А теперь… Я очень радо. Ну, с тобой всё нормально? А то ведь нам нужно об очень многом поговорить.

Джара помассировала виски, крепко зажмурилась, потом открыла глаза. Глубоко вдохнула, медленно выдохнула, попыталась расслабиться, собрать мысли в кучу, сконцентрироваться, осознать всё, что произошло, усвоить все слова дерева и наконец поверить, что она не рехнулась.

Всё, успокоилась?

— Ага.

Теперь слушай меня. Итак, давным-давно, когда могущество друидов было невообразимо и тот храм, где ты была, был настоящим средоточием магических сил этого мира, четыре великих волшебника, которые управляли силами природы и звали себя Повелителями Стихий, решили увековечить свои знания, умения и магические навыки и создали одну из самых великих волшебных книг — Книгу Повелителей Стихий. Книгу хранили в Храме, как величайшую драгоценность. Её охраняли, стерегли как зеницу ока. Все понимали, какая мощь таится на её страницах, никто не смел даже касаться её, но даже они не понимали, насколько неукротимо и невообразимо её истинное могущество.

Повелители Стихий канули в забвение, постепенно друиды исчезали, и их культ забывался. Но Книгу всё ещё оберегали. А потом один неразумный друид, считавший себя очень сильным магом, забылся в своём тщеславии и гордости, и решил возродить культ друидов. Он захотел прибегнуть к силе Книги. Он стал изучать её, читал заклинания. Постепенно все друиды прониклись его мечтой. Они решили для начала подчинить себе все поселения на подножьях и плато гор, окружавших их долину.

Но людям Гирита повезло, ибо в одном из городов жил мудрый волшебник. Ему привиделся вещий сон о грозящей людям беде. Он обладал необычным даром — он на редкость хорошо зачаровывал вещи, его магия вещей легко могла тягаться с магией жестов, слов и даже мысли. Держа в памяти свой вещий сон, он зачаровал девять вещей. Ты наверное, слышала, что число девять у магов считается волшебным. Это были кинжал, два меча, лук, жезл, амулет, зеркало, кольцо и диадема. Он наделил их различными свойствами и вручил восьми людям и одному полуэльфу, которые также привиделись ему во сне. Маг называл их Ангелами. Почему? Что ж, это ещё одна древняя история.

— Говори, говори, — попросила Джара.

Что ж, я вообще-то и так собиралось рассказать. Эта легенда настолько древняя, что, наверное, вы, люди, уже не помните её и уже больше не рассказываете её на ночь своим детям…

Когда-то на небесах существовало Девять Небесных Королевств, в которых правили Ангелы. Раньше они были обычными людьми, но столь прекрасными, что боги вознесли их на небо и подарили каждому по королевству.

— Что-то я такое слышала, — заметила Джара. — Извини, что перебила. Поэтические натуры любят называть дождь Слёзами Ангелов — это о них?

Да, именно. Итак, на чём я остановилось… Вскоре боги, заметив безмерное тщеславие Ангелов и тайную зависть друг к другу, разозлились и низвергли их обратно на землю, вновь превратив их в людей. Но тем так понравилась жизнь на небесах, что они решили во что бы то ни стало вернуться туда.

Они, всё ещё полные гордыни, решили объединиться во временный союз для путешествия на самую высокую гору, находившуюся на одиноком острове посреди моря, далеко от берегов нынешней Таэрии. По поверью, с этой горы можно было забраться на небеса. Они гордо нарекли свою союз Альянсом Ангелов и пустились в путь. Но в пути они настолько изменились и так сильно сдружились и сплотились, что даже когда они, забравшись на пик горы, обнаружили, что небес им уж никак не достичь, они не сильно-то расстроились. Ведь они успели понять, что и на земле можно быть счастливыми.

Они основали на том острове свой собственный город, а построить его им помогли островитяне, которые потом забросили свои поселения и все переселились в город. Он был назван Поднебесьем, а бывшие Ангелы стали в нём править. А боги, глядя на них, возрадовались и вновь полюбили их. Они подарили земле острова изобилие, а городу — процветание и благоденствие. А когда девять Ангелов состарились и подошло постепенно их время на этой земле к концу, боги вознесли их обратно на небеса и подарили им вечную молодость. Ангелы соединили Девять Небесных Королевств в одно, и боги, увидев в их королевствах счастье и радость, оставили свои облачные дворцы и переселились в это королевство. Обычно в конце легенды говорят, что до сих пор Ангелы и боги смотрят с небес на людей и дарят счастье и благополучие тем, кто живёт в мире и согласии со своими ближними, не завидуя и не поддаваясь тщеславию и гордыне.

— Весьма поучительная история, — проговорила Джара.

Да, ты права, весьма и весьма поучительная.

— И как эта легенда связана с тем волшебником и этими

девятью, которые ему приснились?

Не торопи меня, я всё тебе расскажу. Волшебник очень любил эту легенду. Он решил, что раз и этих спасителей числом девять, и они собираются вступать в бой с магией друидов, дабы не подвергнуть спокойствие и счастье окружающего мира опасности, он также назвал их Альянсом Ангелов, вторым по счёту. Друиды и Ангелы вступили в борьбу, в котором Альянс одержал победу. Почти все друиды были перебиты. Горстка оставшихся в живых бежала в леса. Это и были предки теперешних друидов, с которыми ты познакомилась. Книгу Ангелы вернули в Храм. Сначала они хотели уничтожить Храм и вообще сравнять все постройки в долине с землёй, но их учитель, тот самый волшебник, предостерёг их и посоветовал лучше оставить Книгу в покое, так же и Храм. Ангелы послушались и правильно сделали. Они переселили всех людей, живших около гор, дальше, в города, а сами окружили горы непроходимыми зарослями с опасными зверями, чтобы никто не повадился в Храм. Откуда им было знать, что друиды, унёсшие с собой волшебные талисманы, потом смогли создать портал к Храму. Затем талисман был утерян, потом найден волшебником Башни. Затем выкран тобой, вновь возвращён друидам. Портал был активирован и… всё остальное тебе известно.

— И что теперь? — вопросила Джара.

А ты догадайся.

— Кажется, я знаю. Три — тоже магическое число, так что должен быть создан третий Альянс Ангелов, верно? — предположила она.

Какая ты у меня умная! Правильно. И новые Ангелы должны будут найти все девять зачарованных вещей, чтобы противостоять магии Книги. На этот раз, Джара…

— Извини, что перебиваю, но ты назвало меня Джарой… А не Оарин… хм.

Это не случайно. Я думаю, тебе так привычнее, и вообще, в тебе гораздо, гораздо больше Джары Бестии, чем Оарин, посвящённой Молодому Дубу.

— Да, спасибо. Ты дуб молодой, а такой умный, между прочим, — улыбнулась девушка.

Спасибо и тебе! Но на чём мы остановились?

— На…

Ах, да. На этот раз Книгу нужно будет уничтожить. Четвёртый Альянс Ангелов, это, знаешь ли, будет уже слишком. В общем, тебе предначертано собрать третий Альянс, затем вы найдёте все девять волшебных вещей, отправитесь к эпицентру разрушений и уничтожите Книгу. Затем разрушите и вещи. Мало ли что. В них тоже немалая сила. Ты всё поняла?

— Ну да, конечно, абсолютно всё, кроме: во-первых, как я найду остальных Ангелов, как ты говоришь; во-вторых, как мы отыщем вещи; в-третьих, каким образом мы их используем, чтобы добраться до Книги посреди всего этого Хаоса, который она творит, и, в-четвёртых, как её уничтожить. А так, ты знаешь, я всё-всё поняла, — саркастическим тоном сказала Бестия.

Не иронизируй, это всё слишком серьёзно. Тебе всё приснится, Джара. Так что ложись спать, хорошо? А я подарю тебе замечательный сон…

— Представляю, какой, — пробормотала Джара. — Какой-нибудь такой миленький-премиленький замечательный кошмарик.

Будь серьёзна. Спи. Спи-и-и-и…

Джара повалилась на траву и засопела.

В первой встретившейся на пути крепости Солнца остались все раненные, потом дети, старики и женщины, которые не умели ни сражаться, ни творить магию, ни исцелять. Остальные двинулись дальше. На заре нового дня они дошли до стен города Фридор, занятого Орденом Солнца. В городе даже были рады таким гостям — ведь во Фридор вошли лишь здоровые воины, маги и целители. Всех накормили, разместили, а тех, кто в состоял в Совете Ордена и в правительстве Тадора вызвали в Зал Собраний.

Хаарта и Змейку поселили к каким-то добродушным старикам. Те приняли их радушно, посадили за свой стол, отвели им отдельную комнату.

Когда Змейка и Хаарт, остались одни, девушка вдруг не выдержала, все эмоции, которые она пыталась сдерживать, вылились в судорожные рыдания.

— Мне всё ещё страшно, Хаарт! Это было так… Великое Солнце, это был кошмар, просто… я не знаю!.. Сколько человек погибло там, в городе!.. А мы? Мы спаслись чудом! Ведь мы еле-еле успели избежать гибели, когда та башня падала… А когда рушились здания? Хаарт, как же я испугалась! Какие же изверги эти люди! Как же можно так! Не люди, а звери! — говорила она, плача.

Он утёр её слёзы.

— Всё позади.

Он поцеловал её и крепко обнял. Змейка плакала и успокаивалась.

Океан. Остров посреди океана. На острове одинокая гора, рвущаяся в небо.

Потом город на острове. Город разделён на две части. Одна — совершенно обычная. Улицы, здания, рынки, повсюду спешащие куда-то люди… А вторая — руины, поросшие мхом и дикими цветами, окружённые запущенным садом, и посреди возвышается великолепный дворец.

Затем Аерис натягивает лук.

Тэллар высматривает что-то вдалеке, теребя красивый амулет.

Сельма в руках с коротким жезлом, увенчанным сияющими камнями.

Ивор затачивает лезвие меча.

Вот и она сама, Джара, тренируется с кинжалом.

Юная девушка со старинным зеркалом в необычной раме.

Симпатичный парень в доспехах рыцаря упражняется с мечом.

Невероятно красивая девушка с ажурной короной на блестящих чёрных волосах.

И, наконец…

— Эйдан! — выкрикнула Джара и проснулась.

— Всё хорошо, Оарин? — спросила Миерна, заботливо гладя лоб девушки.

Джара села и огляделась. Она лежала на ложе из листьев и лепестков среди красивых цветущих деревьев. Рядом сидела Миерна, неподалёку — остальные друиды. Джара узнала Кельдана.

— Всё хорошо? — повторила друидка.

— Да, Миерна, только… только вот мой сон…

— Я знаю, что тебе снилось. Твои мысли о нём так ясны и ярки, что я всё вижу удивительно чётко.

— Миерна, можно я схожу к своему дереву?

Друидка заулыбалась.

— Теперь ты уже сама хочешь с ним поговорить?

— Да, я знаю, что была не права.

— Иди, Оарин.

Джара вскочила и бросилась к молодому дубу.

— Здравствуй. — Она поклонилась дереву.

Можно было и без церемоний.

— Как хорошо, что ты сразу со мной заговорило! — обрадовалась Джара.

А почему нет? Ну что, хороший был сон?

— Замечательный, — буркнула Джара. — Я ничего не поняла.

Почему же? Ну, как ты думаешь, где вещи?

— В Поднебесье, наверное. Мне, кажется, именно этот город снился, — ответила девушка.

Ты права… А Ангелов всех разглядела?

— Да, я хорошо их запомнила. Я, Ив, Аерис, Тэллар, Сельма, две девушки и парень, и ещё… и ещё Эйдан, чёрт возьми!!! Это, что, ошибка?!

Нет. Ошибки быть не может.

— Но он же умер! Не мог же он выжить!

Мог. Он ведь был связан с Книгой, это он разбудил её. Так что она могла и не убить его. Но он вряд ли такой, как прежде.

— Что ты имеешь в виду?

Я имею в виду… Ты сама узнаешь.

— А как мы его достанем оттуда, а? Мы же погибнем там!

Не погибнете. Он, наверное, выбрался из самого эпицентра буйства стихий. Но скорее его просто выбросило оттуда мощной волной. Ты найдёшь его, я и Миерна дадим тебе кое-что, что поможет тебе узнать Ангелов.

— Да, кстати, как я найду этих незнакомых парня и девушек?

Я же говорю, что ты получишь кое-какую полезную вещицу.

— И что же это? — не успокаивалась Джара.

— Вот это, — раздался голос Миерны.

Она подошла к девушке и показала ей круглый камень с плоской ровной поверхностью.

— Это особенный камень. На нём — кровь одного из Ангелов. Он хранился у друидов ещё со времён предыдущего Альянса.

Джара выпучила глаза.

— Так ты всё знала?! Знала с самого начала и не могла мне сказать! — возмущённо воскликнула она. — Но почему?!

— Оарин, я же говорила тебе, что ты должна была научиться слушать и понимать своё дерево, — спокойно и невозмутимо ответила Миерна. Впрочем, уголки её губ тронула лёгкая улыбка. — Итак, этот камень поможет тебе отыскать остальных Ангелов.

— Но как? — удивилась Джара, уже успев успокоиться.

Дуб зашелестел листьями, и один узкий длинный листочек упал Миерне на ладонь. Она приложила его к камню, прошептала что-то, и листочек словно затвердел и прочно прикрепился к камню.

— Этот камень вместе с листом твоего дерева послужит тебе компасом. Держи камень ровно на ладонях, и листочек, словно стрелка компаса, будет показывать направление.

Джара протянула руку и взяла камень. Листочек закружился, а затем остановился.

— Сейчас он приведёт тебя к Гильдии. Впрочем, ты сама знаешь, что тебе нужно туда. Он будет указывать Ангелов в том порядке, в каком ты видела их в своём сне. Чем ближе ещё не

найденные Ангелы, тем теплее будет становиться камень. Когда Ангел будет перед тобой, стрелка начнёт крутиться, а камень будет слегка вибрировать.

Джара кивнула.

— Ещё, Оарин. Возьми этот амулет. — Миерна протянула Джаре кожаный кулон на чёрном шнурке тоже из кожи. — Внутри кулона кусочек коры и листочек твоего дерева и по волосу с голов каждого из друидов. Я заговорила кулон, чтобы он оберегал тебя от бед.

Девушка повязала шнурок вокруг шеи, а потом, во власти какого-то непонятного порыва, поморщившись, выдрала несколько своих волос и протянула их друидке. Миерна приняла их с улыбкой.

— Спасибо, Миерна, — сказала Джара и обняла её.

— Не за что, сестра, — улыбнулась та. — Идём, я провожу тебя до твоего коня.

— Я совсем забыла про него! — спохватилась Джара.

— Ничего, зато мы его не забыли, — опять улыбнулась Миерна. — Идём.

— Прощай! — обратилась она к дубу. И, подумав, добавила: — Я люблю тебя, никогда не забуду и буду очень скучать по нашим разговорам!

Спасибо. Мы ещё поговорим, я уверено. Наверное, я тебя тоже люблю, если дерево может так сказать.

— Может, — уверенно сказала Джара, а потом внезапно подошла и обняла его ствол.

Ох. Если бы я могло, я бы прослезилось. Всё, иди. Будь осторожна.

— Ещё увидимся, а?

Обязательно. Удачи тебе.

Миерна и Джара прошли через лес, предварительно подойдя к группе друидов, которые все пожелали Бестии удачи и прочитали благословение на друидском. Затем друидка и наёмница дошли до опушки, где мирно паслась лошадь Джары.

— Пришла пора прощаться. Прощай, сестра, береги себя и да хранят и помогают тебе силы природы, — Миерна взяла Джару за руку. — Yeem'eth ecrof foerutan eethi'qu oyee, — молвила она, обняла девушку и поцеловала её в лоб.

— Спасибо тебе, Миерна, — поблагодарила та друидку.

— Я буду молиться за тебя, сестра. А теперь… тебе пора.

Джара вскочила на коня, бросила последний прощальный взгляд на лес, на Миерну, затем отвернулась и ударила пятками в бока своей лошади. Та тихо заржала и поскакала прочь.

Джара чуть ли не на ходу соскочила с коня и бросилась к зданию Гильдии. Ученики, как всегда сидевшие на ступеньках, приветствовали её, но она не обратила на них внимания. В коридоре она столкнулась с Ламаром.

— Бестия! Мы тебя обыскались! — воскликнул Варвар.

— Где все? Я имею в виду Грифона, Чародейку, Эльфийку, Сокола…

— Все в малой зале, там, где мы обычно собираемся. Идём туда.

— Нет, это неподходящее место. Лучше пойдёмте в чью-нибудь комнату…

— Я позову всех в мою, она ближе, — предложил он. — Ты пока иди туда, возьми ключ, вот.

Джара кивнула.

Вскоре все были в сборе.

— Ты где пропадала? — встревоженно спросил Ивор.

— Я была в лесу, — ответила Джара. — Я сейчас всё расскажу. Сядьте, рассказ получится очень долгим. Итак…

Змейка помогала старушке, в доме которой они жили с Хаартом, по хозяйству, когда её возлюбленный вернулся с собрания. Увидев выражение его лица, она тут же оставила работу и подошла к рыцарю.

— Что случилось, милый? Ты узнал что-то плохое?

— Орден Луны взял Дэшам, Змейка, — проговорил он. Старушка забормотала что-то и удалилась в другую комнату. — Великое Солнце, всё хуже и хуже…

Змейка закусила губу.

— Там была битва, да, Хаарт?…

Юноша кивнул.

— Хаарт, ведь мои родители живут в пригороде Дэшама! — прошептала она. На глаза Змейки навернулись слёзы, она медленно села. — Ты ничего не знаешь про Адису?

Хаарт покачал головой, садясь рядом и приобнимая Змейку.

— Не беспокойся, малыш. Верь, что всё будет хорошо.

Они молчали некоторое время. Хаарт размышлял о битве за Дэшам.

— И всё из-за этой проклятой девки… Как же я ненавижу её!.. — вдруг не сдержался он.

— Ты о ком, Хаарт? — непонимающе спросила Змейка.

Хаарт спохватился, замолчал. Потом заговорил:

— Там, в Дэшаме, держали в плену Сунор, дочь Дамрафа, главы Ордена Луны. Отряд, с которым до этого была Сунор, рассказал Дамрафу, что его дочь в столице, а столицу держит

Орден Солнца. Дамраф собрал войско и двинулся вызволять свою дочь. Глава отряда, державшего город, Алагар, заключил с Дамрафом договор. Они отдают Сунор живой-невредимой, а его отряд удаляется без боя. Дамраф согласился, Сунор вывели из города. Однако она, видимо, рассказала своему отцу что-то ужасное о своём пребывании в плену в Дэшаме, и разъяренный Дамраф немедленно развернулся и напал на город. Была осада… наших всех перебили… Люди запуганы, войска Луны заняли город, — рассказал он тихо.

Змейка обняла его.

— Что же это такое? Стране угрожает опасность… А они никак не могут прекратить войну внутри самой страны! — в отчаянии сказала она. — Хаарт, что творится в мире? А Аронвард?

— Разведчики сообщили, что часть войска была телепортирована, но основные силы остались. Они заняли Приозёрные Леса. В общем, война с Аронвардом вряд ли закончилась. Но, кажется, больше они не могут использовать эту их ужасную книгу, — сказал Хаарт. — Ты права, Змейка. Перед лицом общей опасности Орденам следовало бы объединиться, иначе Аронвард завоюет страну.

— Что ты говоришь, Хаарт! — ужаснулась Змейка. — Таэрия будет завоёвана, о боги!.. Неужели такое возможно! Что же будет с людьми, с нами?…

— Не знаю, Змейка, я не знаю. А если это правда случится, то… — Хаарт замолчал, а потом сказал: — Но мы будем биться до последней капли крови.

Змейка обхватила голову и закусила губу. Хаарт недвижно сидел, уставившись в одну точку, и молчал. За стеной старушка что-то бормотала, накрывая на стол.

— Джара, — обратился к девушке Ламар, когда она закончила свой рассказ. — Получается… меня не было в твоём сне, да?

Джара опустила взгляд.

— Нет, Ламар, я не видела тебя.

— Значит, я ко всему это непричастен и вам в этом походе не нужен… — тихо сказал он. — Да, действительно, какой из меня ангелочек, а! — попытался пошутить он, но никто не рассмеялся, потому что все понимали, как ему на самом деле обидно.

Все молчали. Наконец Тэллар нарушил повисшее тяжёлое молчание, попытавшись поддержать друга:

— Зато ты останешься жив-живёхонек, а мы будем рисковать своими шкурами! Мало ли что, мы, может, вообще не вернёмся.

Так что тебе повезло, — сказал он как можно более ободряюще и весело.

— Если так боишься смерти, я отправлюсь вместо тебя, — буркнул Ламар.

— Разве я пропущу такое, — воскликнул Сокол и тут же осёкся.

Ламар пробурчал что-то, уставившись в деревянную поверхность стола. Он долго разглядывал его, будто там было что-то, действительно достойное внимания. Все молчали, иногда переглядывались и тут же отводили взгляд.

— Мне очень жаль, Варвар, — наконец, тихо проговорила Джара. — Но я должна собрать третий Альянс…

— …в котором меня нет, — добавил тот.

Джара опять собралась.

— Мне правда жаль! Мы бы все хотели, чтобы ты мог пойти с нами!

— Но почему я не могу пойти с вами? Я ведь пригожусь вам! Лишний боец разве помешает? А если что, я прикрою вам спины, когда нужно будет быстро уходить. Моя-то жизнь не стоит ни гроша, а ваши шкуры поценнее моей будут, они-то Ангельские, как-никак! — в интонации Варвара сквозила горькая досада, и все это ощущали, как бы он ни пытался это скрыть.

— Ламар, это должен сделать Альянс, — твёрдо ответила Джара, решаясь взглянуть прямо в глаза товарищу. — Только Альянс. Девять Ангелов.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я понял, что я лишний.

Потом он снова долго молчал.

— Да о чём это я, в конце концов! Что ж, у всех своя дорожка. Вы спасаете мир, а я рискую шкурой за деньги и учу этих сосунков, каким концом браться за меч, чтоб себе случаем пальцев не отрубить… Да, не для таких я высоких, видать, целей родился. Но я-то ваш друг, и глупо за всё это держать на вас обиду! Законы жизни и судьбы, как говорится. Слушай, Бестия, ты хотя б помочь вам собраться и всё такое позволишь, а? — спросил он и улыбнулся.

Джара почувствовала разливающееся в душе тепло и тоже улыбнулась.

— С удовольствием, Варвар! Давайте-ка, ребята, за дело! Времени, я думаю, у нас немного.

V Голос прошлого

— Сунор, сколько раз мне повторять? Я не собираюсь из-за твоих капризов подвергать опасности себя и своих людей, — с каменным лицом проговорил Дамраф, глава Ордена Луны, высокий мужчина с некогда красивым лицом, ныне изборожденным шрамами.

Сунор отвернулась и надула губы, обхватив себя руками.

— Можешь не строить из себя обиженную, — продолжал он. — Разбирать семейные проблемы будем потом. Сейчас самое главное — это Орден и война.

Его дочь фыркнула:

— Чего ты боишься, не понимаю? Орден Солнца принял на себя главный удар. Ты же сам сказал: твои разведчики донесли, что та пресловутая волшебная книга разрушила Тадор подчистую и уничтожила чуть ли не половину воинов Солнца! Зачем же тебе сейчас они, слабые, напуганные? Без Книги аронвардцы обычные воины, а у тебя элитное войско из лучших воинов и магов! Они все зубы о нас поломают и уйдут, а потом ты уничтожишь остатки Ордена Солнца, и страна будет полностью в твоей власти! Зачем унижаться, уступать города, соглашаться на мировую, заключать этот идиотский союз? — И в довершение своей речи она вновь издала презрительное "Пфх!".

Дамраф вздохнул.

— Ничего ты не понимаешь. Это только ты так думаешь, что наше войско легко одолеет аронвардцев. А я смотрю трезво. У них огромная армия, и магов гораздо больше. В их стране существует Братство Трёх Звёзд, по сравнению с которым, если отбросить всю эту религию и самопочитание, Ордена Луны и Солнца — ничто. — У его дочери брови поползли вверх. — Их маги гораздо искушеннее в вопросах чародейства, чем наши, уж поверь мне. Подумай сама: аронвардцы постепенно перебьют всех воинов Ордена Солнца и займут его города, а мы будем тихонько сидеть и дожидаться своей очереди. А к тому времени, аронвардцы уже завладеют половиной страны, окружат нас кольцом, и нам некуда будет отступать.

— А зачем тихонько сидеть? Объяви им войну и нападай первым! — воскликнула Сунор.

— Я уже объяснял тебе, что их войско мощнее нашего. Ну что ж, какая разница, если они сначала разобьют нас, а потом уже добьют Орден Солнца. Сунор, перестань самовлюбленно строить из себя великолепного стратега и пойми наконец: если каждый из Орденов будет сидеть отдельно, то нас задушат, как маленьких

котят. Если наши войска объединятся, тогда мы возможно сможем дать отпор Аронварду и сохранить Таэрию независимой и свободной.

— Но что это такое: два непримиримых врага и вдруг объединяются! Что за ерунда! И ты собираешься отдавать им все захваченные крепости! Дать подкрепление! Милосердие, что ли проснулось?! — не успокаивалась Сунор.

— Перестань. Не милосердие, а разумный расчёт. Всё, я не собираюсь тебе больше ничего объяснять. Я и так устал на Совете Луны. Послушай, Орден в любом случае в выгодном положении. Столица наша, правительство в наших руках, король давно уже неизвестно где. Когда совместными усилиями с Орденом Солнца мы откинем Аронвард обратно к ним восвояси, я смогу объявить короля вне власти из-за его бегства и сяду на трон. А ты будешь принцессой, — добавил он.

Сунор смягчилась и заулыбалась, представив себя в роли наследной принцессы целой огромной страны. Дамраф втайне усмехнулся. Он знал, что стоит ему лишь произнести эту фразу, как всё недовольство из-за заключаемого перемирия и союза с врагом из неё улетучится, оставив место капризным мечтам.

— Хорошо, отец. Я больше не буду тебя беспокоить. Ты ведь устал, отдыхай.

Сунор чмокнула отца в щёку и направилась в свои новые покои в королевском дворце в Дэшаме, где жили она, её отец Дамраф, а также его ближайшие советники, составлявшие Совет Луны. В её роскошных покоях раньше жила младшая дочь короля, принцесса какая-то там, именем которой Сунор никогда не интересовалась.

Девушка растянулась на шёлковой простыне, сладко улыбаясь и представляя себя в роли наследной принцессы Таэрии. Тогда-то уж точно Хаарт не откажет ей в любви! Сунор перевернулась на живот, обняв расшитую подушку с золотой бахромой и упершись в неё подбородком. Красивое лицо Хаарта стояло у неё перед глазами. Она сжала кулаки, вспоминая, сколько обид, разочарований и досады она испытала из-за него и той противной уродины Змейки. В тюрьме, хотя с ней и не обращались плохо, она ужасно мучилась, представляя, как Хаарт, отправившийся в Тадор на защиту города, вновь встречает свою Змейку, как обнимает её, целует, говорит слова любви… И сейчас они наверняка всё ещё вместе, если только они выбрались живыми из ужаса и кошмара в Тадоре. Девушка почему-то чувствовала, что ни, к счастью, он, ни, к сожалению, она не погибли. А значит, они сейчас вместе. Вдвоём.

Сунор стукнула кулаком по постели и взвыла от досады. Ну

почему, почему он любит эту невзрачную, бледную дурочку-колдунью с каким-то идиотским именем из какого-то маленького идиотского города, когда есть она, Сунор, такая красивая, роскошная, необычная, эффектная и привлекательная, дочь самого Дамрафа! Почему?!

Девушка поднялась с постели и заглянула в большое зеркало. Нет, нет и ещё раз нет, здесь не к чему придраться, абсолютно не к чему! У неё точёная фигура; смуглая кожа, гладкая, как персик; волосы, блестящие, как шёлк; большие чёрные глаза на идеальном лице. Она прекрасно поёт и танцует, двигается грациозно и плавно. И она уверена: она умеет целовать и прикасаться так, как не умеет его Гадюка! Почему же он предпочёл ей, ну хорошо, не уродину, но совсем не такую эффектную, почти неприметную девчушку с непослушными вьющимися кудряшками и какой-то детской улыбкой? Да, вот именно детской, ведь она совсем ребёнок! Ну сколько ей, от силы семнадцать!

Сунор в ярости разбросала подушки. Ну уж нет, чтобы она, Сунор, сдавалась так легко! Никогда! Девушка прикусила костяшку. Ничего, она ещё придумает, что ей сделать. Он будет с ней, он будет только её!

День был удивительно жаркий для прохладного гиритского климата. Солнце светило ярко, щедро даря тепло всему окружающему, будто спохватившись, что так долго было холодным и далёким.

В таверне недалеко от судоверфи за столиком в углу сидело пятеро человек: три девушки и двое парней. Хозяйка таверны, вечно уныло наблюдающая своих неинтересных посетителей: моряков, купцов или крестьян, сразу же оживилась, увидев их. Они были не такими, как все, и привлекали всеобщее внимание. Хозяйка принялась беззастенчиво разглядывать их.

У стены, потягивая вино из деревянного кубка, сидела необычной внешности девушка с глазами, похожими на кошачьи, какого-то удивительного янтарного оттенка. Её длинные чёрные волосы были заплетены в тугую косу, спускавшуюся на высокую грудь. Она была одета в обтягивающий костюм из светло-коричневой кожи со сложным рисунком из переплетения золотистых линий на груди, который хорошо подчёркивал соблазнительные изгибы её натренированной фигуры. На бедре — кинжальные ножны с торчащей рукоятью.

Рядом с ней — худощавая девушка с короткими тёмно-рыжими волосами. Она была в удобном дорожном платье спокойного синего цвета со стоечкой под горло. В отличие от

остальных своих спутников, она не болтала, а изучала какой-то листок бумаги, иногда попивая из своего стакана.

Её соседом был молодой симпатичный парень, светловолосый и сероглазый. Он много улыбался, шутил и постоянно препирался с черноволосой. За спиной у него висел меч.

Напротив него сидел, поглощая своё пиво, второй представитель мужского пола с копной тёмно-каштановых волос. У него при себе тоже был меч.

И последней из пятёрки необычных посетителей была девушка со светлыми прямыми волосами, спускавшимися чуть ниже плеч. Её продолговатые уши с заострёнными кончиками немедленно выдали в ней представительницу расы эльфов. Хотя скорее всего, к этим прекрасным созданиям её можно было отнести лишь наполовину. Её уши были не такими длинными и острыми, как у настоящих эльфов, а зелёные глаза гораздо более походили на человеческие, чем на эльфийские, хотя тоже были красивой миндалевидной формы и чуть раскосые. Но хозяйка таверны всего этого не знала и приняла её за чистую эльфку, из-за чего ещё более уверилась в странности этой компании.

Наблюдая, как они попивают вино и пиво и горячо что-то обсуждают, причём не во весь голос, а достаточно тихо, она придумывала много разных версий о том, кто они такие и куда направляются. Однако, естественно, ей и в голову не пришло думать, что они — Альянс Ангелов, преемники тех самых Ангелов, о которых её прабабушке когда-то рассказывала прапрабабушка. Да и откуда ей это было знать.

В порту было шумно.

— Этот корабль идёт до Таверланда? — спросила Джара у одного из поднимающихся на борт людей.

— Да, именно этот, — ответил ей какой-то мужчина и скрылся в толпе пассажиров.

Пятеро друзей поднялись на борт корабля, показав свои билеты, завели коней, и получив ключи от своих кают, одна для девушек, другая для парней, пошли устраиваться.

Джара бросила сумку на пол и присела на краешек своей койки.

— Хиленькая каюта, ничего не скажешь, — хмыкнула она, оглядываясь.

— А чего ты хотела за такие деньги? — усмехнулась Сельма. — Аерис, ты не могла бы поменяться со мной местами? Я ненавижу спать у двери.

— Пожалуйста, — пожала плечами Эльфийка, перетаскивая свою сумку. — Сколько дней мы будем плыть? — спросила она.

— Абсолютно без понятия. Ещё неизвестно, где этот «компас» Джары скажет высадиться, ты же знаешь, — ответила Чародейка.

— А хотя бы примерно?

— Ну… Около недели, я думаю. А может, больше.

— Да, ты меня не успокоила. Я ненавижу путешествовать морем! Меня жутко укачивает, — пожаловалась она, аккуратно вешая лук и колчан со стрелами на какой-то крючок, прибитый к стене.

— Потерпи ради спасения мира, — сказала ей Джара, растягиваясь на койке.

Аерис хмыкнула.

— Постараюсь.

— Нам придётся терпеть не только это, — покачала головой Сельма. — Когда мы высадимся, ещё неизвестно, куда нам придётся отправляться. Мало ли где могут быть Ангелы. Ты хорошо помнишь их, Джара?

— Да, очень хорошо, — кивнула девушка, глядя в деревянный потолок каюты. — Первая кудрявая такая, молоденькая совсем, потом парень, на рыцаря смахивает, тоже молодой, а третья… очень красивая, гордая и надменная. Ну и Эйдан четвёртый. — Джара поджала губы, вспомнив волшебника и всё, что с ним было связано.

— Хороший из него герой, — проговорила Чародейка. — Подумать только, из-за глупости, тщеславия и ограниченности какого-то далеко не талантливого мага рушится целый город и возникает угроза для всего остального мира. А потом он же ещё и должен стать одним из тех, кто этот мир будет спасать… — В голосе Сельмы звенело холодное презрение.

— Ты не представляешь, Чародейка, как *я* его ненавижу, — тихо сказала Джара.

— Можете не говорить ему ни словечка, Чародейка и Бестия, но сотрудничать вы с ним обязаны, — достаточно жёстко сказала Аерис, внезапно вмешиваясь в разговор. — Разве вы забыли? От этого зависит всё.

Бестия поджала губы.

— Что-то ты сама на себя не похожа, Эльфийка, — хмыкнула Сельма. — После битвы при Тадоре, если этот кошмар можно назвать битвой, ты во всеуслышание заявила, что тебе на всех наплевать и ты отправляешься домой, а таэрийцы и аронвардцы пусть как хотят, так и разбираются. А теперь ты вдруг стала рьяной спасительницей мира!

Аерис пожала плечами.

— Может быть, во мне заговорила эльфийская кровь, — коротко ответила она.

— Собирайся, Змейка, — было первой фразой Хаарта, когда он вошёл в домик стариков, приютивших их со Змейкой.

Девушка вскочила с кресла.

— Ты о чём, Хаарт? Собираться? Зачем? Мы куда-то отправляемся?

— Мы отправляемся в Арлан. Хотя… может, тебе лучше остаться здесь? — Юноша закрыл за собой дверь и прислонился к стене, глядя на Змейку.

— Знаешь, что? Первое: куда бы ты ни собирался, я всё равно отправлюсь с тобой, а второе: даже несмотря на это, объясни, зачем нам в Арлан? — Змейка подошла к нему, и он взял её руку. — Это ведь город Луны!

— Ордена заключили перемирие и альянс против Аронварда.

Юная целительница расширила глаза.

— Ордена — заключили союз?!

— Да. — Он улыбнулся только уголками губ. — Теперь внутри Таэрии нет больше никакой войны. Войска объединяются в Единую Армию Таэрии. Как нам сообщили наши разведчики на недавнем совете, аронвардское войско собирается напасть на Арлан, неожиданно появившись у стен города из порталов, обрушиваясь как снег на голову — они так думают. У нас, слава Солнцу, есть свои шпионы, так что Аронварду будет дан отпор, а между Орденами после войны будет заключен договор о ненападении и мирном сосуществовании.

— Значит… всё будет хорошо? — как-то наивно и по-детски спросила Змейка, и Хаарт рассмеялся.

— Будет, малыш, будет! — Он обнял её и закружил по комнате.

— Отпусти меня!!! — завизжала Змейка, хохоча.

Он осторожно опустил её, улыбнулся, а потом вдруг лицо его стало серьёзным.

— Но сначала надо выдержать войну. Если мы разобьём основные силы противника в битве у Арлана, а затем соберём свою армию и ударим первыми по остальным, то сможем добиться выгодной позиции и выдворить Аронвард восвояси.

— Ты думаешь, это будет легко?…

— Нет, я думаю как раз таки наоборот. Но Солнце поможет нам, Змейка, ведь правда на нашей стороне. Маги, конечно, у Аронварда посильнее наших будут, но всё их войско сейчас в некотором смятении из-за происшествия с этой их книгой, да и к тому же они слишком уверены в лёгкой победе и не ожидают, что Ордена объединятся. Поэтому резкий отпор и непоколебимая оборона будут для них неприятным сюрпризом. Я верю, что мы

победим.

— Я тоже верю, — улыбнулась Змейка.

— Хохо, Эльфийка, сейчас ты как никогда похожа на своих сородичей эльфов, какими их рисовали в разных древних книжках, — издевательски сказал Тэллар. — Такая же зелёная кожа и такое же страдальческое выражение лица!

Аерис, действительно вся зелёная и несчастная от своей морской болезни, даже ничего ему не ответила. Ивор смеялся в кулак, Сельма была занята изучением карты Таверланда, а Джара сидела около Тэллара и защищала подругу.

— Успокойся, Сокол, отстань от неё наконец!

— Ой-ой-ой, Эльфийка, у тебя появился благородный заступник! Слушай, Бестия, если я отстану от Аерис, мне, вечно испытывающему острую потребность над кем-нибудь издеваться, придётся перекинуться на тебя! Согласна? — посмеиваясь, спросил он у Джары.

Она громко фыркнула.

— Будто меня это сильно задевает! Нужен ты мне!

— Да-а? — протянул Сокол, наигранно удивляясь. — Значит, тебя не задевает это совсем, да? А помнишь ли ты, как ты вчера чуть не свалилась с корабля, потому что поскользнулась на мокрой палубе, собираясь дать мне по морде за какую-то мою фразу, тебя, разумеется, абсолютно не задевшую?…

Джара зашипела и занесла руку для оплеухи.

— Успокойтесь, чёрт возьми! — воскликнул Ивор. — Джара, почему тебе вечно нужно с кем-нибудь препираться?!

Бестия утихла, потому что ей на ум пришёл Эйдан.

— Лучше я отсяду от этой буйной, — сказал Тэллар и демонстративно пересел на стул на другом конце каюты.

— Сельма, — повернулась Джара к волшебнице, — чем это ты так увлечена?

Чародейка подняла голову от карты.

— Это карта Таверланда. Ты ведь сама сказала мне утром, что стрелка компаса медленно, но верно смещается, из чего я сделала вывод, что наше небольшое морское путешествие движется к концу. — При этих словах Аерис издала вздох облегчения. — То есть, мы высаживаемся завтра в Таверланде. Вот я и изучаю эту страну. Честно говоря, никогда ей раньше не интересовалась.

— Сельма как всегда сама серьёзность и осторожность, — улыбнулся Тэллар.

Чародейка никогда не реагировала на его подколы и действительно была, наряду с Аерис, самой серьёзной в их

маленьком отряде.

— Ну, что ты нам расскажешь о Таверланде? — спросила Бестия.

— Да что там рассказывать, — пожала плечами Сельма. — Страна как страна, ничего примечательного. Можете посмотреть карту. Таверланд — страна среднеразвитая, никогда особой роли в мировой истории не играла. Самое примечательное событие, насколько я помню, это знаменитая Война За Веру, которую развернул народ Таверланда против танредорских завоевателей в Смутную Эпоху. Что можно ещё сказать? Страна спокойная, к путешественникам и волшебникам относятся нормально, проблемы вряд ли будут. Вот только тут на границе Таверланда с Таэрией раскинулись леса, но, я надеюсь, мы их преодолеем.

— Леса? А чего ты, собственно, боишься? — не понял Сокол. — Ну, там дикие звери, но нам чего бояться-то их? Или это дремучие леса, как в сказках?

Джара фыркнула, а Сельма покачала головой.

— Нет, просто в Таверланде этот лес имеет название Лес Потерянных Голов. Мне кажется, это должно о чём-то говорить, ты не думаешь?

Тэллар слегка приоткрыл рот и заткнулся.

Корабль причалил к порту в самый разгар дня, и пятёрка спасителей мира оказались прямо под лучами нещадно палящего солнца. Джара, Ивор, Тэллар, Аерис и Сельма, ведя за собой коней, нагруженных их вещами, изнывали от жары и поэтому были несказанно рады, когда наконец набрели на какую-то более-менее приличную гостиницу. Оставив лошадей в конюшне, они заплатили за две комнаты и отправились отдохнуть.

— Неужели наконец-то я могу лечь без опасения, что под утро окажусь на полу! — воскликнула Аерис, раздевшись и растянувшись на кровати.

Джара с Сельмой улыбнулись.

— Чур, я первая пойду мыться! — воскликнула Бестия.

— Ах ты! — вознегодовала Чародейка, смеясь.

Джара отправилась в соседнюю комнату, оказавшуюся довольно приличной ванной. Видимо, водопроводная система в городе работала достаточно исправно, потому что из старенького, но вычищенного крана исправна текла вода. Слева от раковины располагалась удобная достаточно большая ванна, а справа — примитивное устройство для подогрева воды и ведро.

Бестия подогрела воду только слегка, так как хотела охладить разгорячённое под лучами солнца тело и, наполнив ванну, с блаженством погрузилась в воду. Она нежилась где-то

двадцать минут, когда в дверь ванны стала ломиться Сельма.

— Эй, нахалка, ты что, утонула?! Вылезай, не тебе одной охота помыться! — возмущалась Чародейка за дверью.

Джара рассмеялась.

— Подождёшь! — крикнула она Сельме, но всё-таки закончила блаженствовать, хорошенько вымыла свои густые волосы, намылилась, сполоснулась под ледяной водой и довольная, обмотанная полотенцем, вышла из ванны.

Негодующие Аерис и Сельма набросились на неё, а она только весела отскочила и принялась мотать головой, разбрызгивая на них ледяные капельки со своих мокрых волос. Потом они успокоились, Сельма ушла в ванную, а Джара оделась и соорудила на голове чалму из полотенца.

Наутро они позавтракали и покинули гостиницу уже не на своих двоих, а верхом на отдохнувших лошадях. Окрестности вокруг не были, действительно, примечательными. Обычные дома, таверны, казенные здания. Через несколько часов они достигли конца города и поехали по зелёному лугу. Где-то виделись деревни, крестьяне пасли скот. Они просто ехали вперёд, следуя указанию стрелки компаса, болтали обо всём на свете и совсем не ощущали мировой ответственности, лежавшей на их плечах.

К следующему вечеру они прибыли в какой-то город и, даже не интересуясь его названием, остановились в ближайшей харчевне. Оставив вещи в комнатах, они спустились вниз поужинать.

— Ну и что, куда мы теперь? — спросил Тэллар, отламывая от большого каравая кусок и, обмакнув его в мясной соус, отправляя себе в рот. — Куда указывает твой чудо-компас? — жуя, спросил он.

— Не говори с набитым ртом!

— Почему?

— Это неприлично.

— Хохо, тоже мне, нашлась приличная и воспитанная!

— Ладно — ты меня раздражаешь. Такой ответ тебя устраивает?

— Более-менее правдоподобно, — немного поразмыслив, ответил Тэллар. — Так куда показывает компас?

— Как и прежде, на север, — ответила Джара, отпивая вино.

— Но дальше на север только этот Лес Потерянных Голов, — сказал Сокол, заглядывая в карту Сельмы. — Неужели мы будем искать Ангелов в каком-то странном лесу, где люди теряют головы, как следует из названия? Ни фига себе ангелочки, —

хмыкнул он.

— Не забывай, что ещё дальше Таэрия. А это может означать, что наш путь к Ангелам просто лежит через этот лес, а сами Ангелы там, в Таэрии, — ответила Чародейка, указывая на изображение Таэрии на карте.

— Понятно, — кивнул парень. — И всё-таки мне интересно, что в этом лесу такого ужасного.

— Не беспокойся, — усмехнулась Аерис, — нам в любом случае придётся пройти через этот лес и ты обязательно узнаешь, чего там такого ужасного.

Тэллар пожал плечами и углубился в принятие пищи.

Сунор полулежала на своей кровати, любуясь висящим на стене портретом, изображавшим её саму, вальяжно раскинувшуюся на шикарном, отделанном бархатом и каменьями, кресле. Она питала большую слабость к своим портретам, и где бы она ни была, она всегда возила хотя бы один с собой. Она уже была в своих арланских покоях — недавно она, отец, Совет Луны и всё войско переместилось в столицу Ордена, чтобы встретить движущееся войско Аронварда. Насчёт этого Сунор как-то не волновалась. Её война не касается, она в любом случае будет в самом безопасном месте, да к тому же она была уверена, что Аронвард не имеет никаких шансов… Но даже в случае чего, около неё всегда был хотя бы один чародей, чтобы создать портал для своей госпожи и даже умереть, прикрывая её побег.

За окнами слышался шум и гомон толпы.

Сунор лениво выглянула в окно дворца. Шум на площади слегка заинтересовал её, и она решила посмотреть, что же это так возбудило людей Арлана.

Порталы было первое, что она увидела. А потом — люди в плащах с изображением солнца. Солнца! Сунор закусила губу и принялась всматриваться в толпу. Затем её взгляд скользнул куда-то вбок и натолкнулся на невысокую улыбающуюся девушку с вьющимися волосами и какого-то рыцаря, держащего её под руку…

Стоп! Великая Луна! Это же Хаарт! Сунор чуть не вывалилась из окна. Да, это он, он… И с ним его Змейка, будь она трижды проклята, вот они, совсем близко, стоят и смеются… Хаарт поднял голову, и их глаза встретились.

Сунор с минуту смотрела на него, потом отошла и медленно села на кресло. Сердце билось в её груди часто-часто. Она сжала кулаки.

Он здесь!

Она здесь. Чёрт возьми, она здесь!

Хаарт снова взглянул на окно дворца, но Сунор там уже не было. Ну конечно же, она здесь, в Арлане, а где ей ещё быть, если Дамраф, Совет, да весь Орден тут.

Змейка вопросительно посмотрела на него, не понимая перемены его настроения.

Он улыбнулся и сжал её руку крепче.

"Нет, раз мы со Змейкой обманули смерть, встретились друг с другом вновь, разве может эта капризная, возомнившая о себе невесть что девчонка нас разлучить? Ни за что я не позволю ей разбить нашего счастья", — пообещал он сам себе.

— Что, пофлиртовала с хозяином таверны? — спросил Тэллар, когда Сельма вернулась за их столик.

Чародейка только улыбнулась.

— Я всего лишь поговорила с ним. Он очень просвещённый человек и рассказал мне кое-что о событиях в Таэрии, — ответила она, принимаясь за еду.

— Что там с войной? — спросил Ивор.

— Он знает только, что Ордена объединились, чтобы защищать страну, а Аронвард готовится к новой атаке. В общем, у нас все шансы оказаться в разгаре войны, когда мы прибудем в Таэрию.

— Это только осложняет дело, — заметила Джара, и Сельма кивнула.

— Не спорю.

Они уже закончили ужин и собирались расходиться по комнатам, когда в таверне внезапно объявили танцы. У Джары загорелись глаза.

Заиграла весёлая музыка, все разбились по парам и принялись отплясывать. Джара, обворожительно улыбаясь, направилась к Тэллару. Сокол, встретившись с ней взглядом и поняв её намерение пригласить его, расплылся в довольной улыбке и небрежно откинулся на спинку стула, наблюдая за Бестией. Джара подошла к нему почти вплотную, сверкнула улыбкой напоследок, круто развернулась на сто восемьдесят градусов и сказала Ивору:

— Пойдём потанцуем!

Ивор оторопело посмотрел на неё, а она схватила его за руку и утащила в толпу. Тэллар приобрёл цвет зрелого помидора, а обычно серьёзные Аерис и Сельма тихо прыснули. Правда, недолго им было сидеть и смеяться над Соколом, к Аерис тут же подошёл симпатичный парень и, чуть смущаясь, пригласил её на танец, а Сельма ушла плясать с хозяином таверны.

— Ну ты что, Ив! — смеясь сказала Джара. — Не танцевал никогда, что ли? А ну-ка обними меня! Вот так, ну не стой как пень, великий мастер меча! Ну-ну, а теперь понеслись! — Она опять звонко рассмеялась.

Ивор улыбался, осторожно обнимая её за талию и втайне боясь, что она почувствует, как сильно бьётся его сердце.

Лес смыкался над ними густыми кронами, постепенно становилось всё темнее и темнее, но ничего страшного не происходило. Вскрикивали птицы, пробегали белки, слышны были другие звуки большого леса

Первой шла Сельма, затем Ивор, Джара, Тэллар и в конце Аерис, как всегда, держа лук наготове. Кони, привязанные заклинанием Сельмы, послушно шли за ними.

— Не понимаю, чего здесь страшного, — сказал Тэллар, оглядываясь.

— Ну… мы ещё только в начале леса, — задумчиво протянул Ивор.

— Ты же не знаешь, что нас ожидает дальше, — сказала Джара, заглядывая Соколу прямо в лицо и чуть насмешливо улыбаясь, внимательно наблюдая за его реакцией.

Тэллар ничего не ответил, скользнул по Бестии взглядом и отвернулся.

— Ты какой-то странный! — воскликнула Бестия. — Не понимаю, почему? Я что, вчера что-то не то сделала? — наивно спросила она, хлопая ресницами.

— Совсем ничего, Бестия, — натянуто улыбнулся Сокол, но почему-то ушёл вперёд, к Сельме, и о чём-то заговорил с ней.

Джара шла и улыбалась самой себе. Потом она обернулась к Аерис.

— Слушай, всё-таки интересно: почему этот лес называется Лесом Потерянных Голов?

— Кажется, вот ответ на твой вопрос, Бестия, — отозвалась Сельма откуда-то из-за завесы веток.

Остальные раздвинули ветви и прошли за ней. Даже невозмутимая Эльфийка ахнула, увидев открывшееся перед ними зрелище.

За ветками было расчищенное место, над которым нависали деревья. По кругу стояли колья. А на кольях были головы. Страшные, с выпученными глазами и открытыми ртами, из которых вываливались почерневшие языки. Там, где обрывалась шея, висели клочья кожи и съежившегося мяса; колья были сплошь в запёкшейся крови.

Все на какое-то замерли на месте, молча разглядывая поляну.

Затем Тэллар вышел вперёд, смотря по сторонам.

— Ну теперь ясно происхождение названия. Но здесь ведь всё равно нет ничего опасно… Ааа! — Последнее слово оборвалось диким визгом, потому что вокруг ноги Сокола резко обвилась незаметная до того петля, и он стрелой взлетел вверх.

Джара залилась хохотом.

— Не смешно, Бестия! — завопил Сокол.

Аерис прицелилась в верёвку, на которой повис несчастный Тэллар.

— Нет, Эльфийка, не стреляй! — как-то пискляво взмолился Тэллар. — Тут высоко, я упаду и ударюсь головой!

— Не боись, — хмыкнула Сельма, колдуя какое-то заклинание. — Я тебе устрою мягонькую посадочку.

Аерис мягко отпустила тетиву, и стрела, свистя, взметнулась вверх. Послышался треск верёвки, Тэллар понёсся вниз и уже у самой земли повис и медленно опустился на траву.

— Спасибо, девочки, — пропыхтел он, вставая и отряхиваясь.

Джара уже собиралась опять расхохотаться, как вдруг в сантиметре от неё просвистела стрела. Девушка мгновенно вытащила свой кинжал, Ивор с Тэлларом обнажили мечи. Аерис прислушалась и выпустила три стрелы. Послышались сдавленные крики. Сельма зашептала заклинание.

Засвистели стрелы. Ивор увернулся от одной, Тэллар пригнулся. Сельма закончила заклинание, выкинула руки вперёд, выпуская поток магической силы. Налетел ветер, и все градом выпущенные в них стрелы унеслись вбок. Аерис выпустила ещё несколько стрел в заросли.

Раздался боевой клич, и из зарослей показались размалёванные лица, полуобнажённые тела, прикрытые лишь набедренными повязками.

— Дикари какие-то, — хмыкнула Бестия, готовя кинжал. — Разве это может быть сложным?

Она бросилась на ближайшего мужчину с лицом, выкрашенным в чёрное и красное. Он яростно закричал, бешено вертя дубиной, утыканной острыми камешками. Бестия ловко увернулась, подсечкой сбила его с ног и рассекла кинжалом горло. Хлынула кровь, Джара победно вскрикнула и кинулась в бой.

Аерис отошла вплотную к деревьям и обстреливала врага. Несколько дикарей приблизилось к ней вплотную, и она взялась за небольшой меч, которым владела ничуть не хуже, чем стреляла из лука.

Сельма колдовала одно заклятье за другим, повергая раскрашенных жителей леса в панический ужас. При этом,

видимо, разрушились чары, наложенные на их лошадей, потому что после начала битвы последние с диким ржанием скрылись в неизвестном направлении.

Тэллар вполне пришёл в себя после висения вниз головой и вовсю орудовал своим мечом, чувствуя, как приливают силы и играет кровь от острых ощущений.

Джара пробила себе путь к Ивору и встала около него.

— Как всегда, спина к спине, Ив! — весело прокричала она сквозь шум битвы.

— Как всегда! — ответил Грифон. — Чёрт возьми, Джара, их ещё больше стало!

— Выскакивают из-за деревьев, как кузнечики, — хмыкнула она, располосывая живот очередному дикарю.

— Мы их не одолеем! — вскрикнул он, с хлюпающим звуком вонзая меч в противника.

И тут воздух разорвал громовой возглас на неизвестном наёмникам языке.

Все замерли. Джара повернула голову в сторону источника звука. Там стоял высокий абсолютно лысый мужчина в длинном одеянии. Его лицо было раскрашено зелёной и белой краской. Дикари в почтении преклонили колени. Друзья переглянулись.

Лысый воздел руки и опять громко сказал что-то на дикарском языке. Аерис, Сельма и Тэллар осторожно продвинулись к Ивору и Джаре, чтобы быть вместе.

Дикари тем временем что-то хором воскликнули в ответ и расступились. Лысый мужчина прошёл к пятерым друзьям, слегка поклонился и жестами попросил следовать за собой.

Все переглянулись.

— Идём за ним? — спросила Джара.

— Кажется, у нас нет выбора, — сказала Сельма.

Бестия кивнула, и все двинулись за дикарём с зелёно-белым лицом.

Как оказалось, лес скрывал большое селение, состоявшее в основном из примитивных шалашей и землянок. Дикари разбрелись по своим домишкам. Пятеро друзей успели увидеть нескольких женщин и детей, которые тут же спрятались при появлении чужаков. Однако в селении было здание, отличавшееся от остальных. Оно напоминало дворец, построенный из камня и дерева, стены которого обвивали ветви растений. Здание казалось громадным на фоне деревьев и шатких домиков дикарей, но на самом деле, конечно, было не таким уж и большим, если сравнивать с дворцами правителей известных друзьям стран.

Лысый мужчина с раскрашенным лицом провёл их внутрь

мимо нескольких стражников с длинными копьями, украшенными перьями. Лысый указал на меч Ивора, а затем на стражников. Ивор понял, что его просят отдать меч. Во избежание конфликтов, он снял ножны и передал их одному из стражников. Лысый затем взглядом обратился к Джаре, потом к Аерис, а затем и к Тэллару. После того, как они сдали оружие, он подошёл к Сельме и выжидательно посмотрел на неё. Чародейка развела руки и слегка пожала плечами, давая понять, что у неё нет оружия. Лысый нахмурился, видимо, заподозрив обман. Тогда волшебница сделала руками красивый жест, будто обняла невидимый шар, и тотчас же в пространстве между её ладоней вспыхнул белый свет, заметались искорки. Затем свет потух, а Сельма чуть улыбнулась, глядя на него. Лысый недоверчиво и боязливо покосился на неё, но больше ничего не требовал и повёл друзей по коридору.

Внутри дворца стены были достаточно аккуратно обтёсаны, висели шкуры разных животных. По пути им встретилось несколько, как поняли "гости дворца", слуг, на которых лысый чуть прикрикнул на всё том же странном языке.

Наконец, он привёл их в большой зал, в центре которого был широкий пьедестал. На нём высился огромный трон из странного белого материала, покрытый шкурами.

— Чёрт возьми! — внезапно вырвалось у Джары. — Трон-то из костей!

Её спутники обратили своё внимание на странный трон и тоже увидели, что тот был действительно сделан из костей. Черепа, украшавшие ручки и спинку были, несомненно, человеческими.

— Вот ещё потерянные головы, — тихо проговорил Сокол.

На троне восседал мужчина лет пятидесяти в длинном одеянии и плаще из шкуры. Он, в отличие от всех жителей его маленького государства, не был раскрашен в дикие краски. Его смуглое лицо обрамляли длинные седеющие волосы.

Лысый поклонился своему повелителю и после его кивка медленно удалился. За ним вышли остальные мужчины, пребывавшие до того в зале. Все они были также лысыми с зелёно-белыми лицами в похожей одежде.

Двери за спинами пятерых Ангелов закрылись, и они в нерешительности замерли. Джара осторожно проверила компас, лежавший у неё за пазухой. Никаких изменений, всё также указывает на север. Значит, Ангелов в лесу нет.

— Подойдите ближе, чужаки, — властным голосом сказал вдруг лесной царь.

Друзья переглянулись, удивлённые, что он говорит на

нормальном языке, но противиться не стали и подошли почти вплотную к возвышению, на котором стоял трон.

— Здравствуйте, — начала Сельма, склонив голову. Остальные следуя её примеру, тоже почтили повелителя дикарей лёгким поклоном.

— Приветствую вас, — ответил им тот. — Я повелитель леса и всех его обитателей, верховный жрец Дертнара, великого бога Солнца, Неба и Земли. Моё имя на нашем языке звучит как Jegilendanartrenyr, но вам я разрешаю пока называть меня просто Джегиль или господин. Обычно наш народ не любит чужаков, но я и остальные жрецы почувствовали среди вас кого-то, связанного с природой почти так же неразрывно, как и мы, поэтому я решил пока не убивать вас, а поговорить.

Сельма, Ивор, Тэллар и Аерис взглянули на Джару. Бестия понимала, что речь идёт о ней, а скорее об Оарин, её второй натуре.

— Я бы хотел услышать ваши имена, откуда вы и что делаете в лесу Дертнара, — закончил свою небольшую речь Джегиль и выжидательно посмотрел на Сельму, посчитав её за главную, так как она первой поздоровалась и стояла в центре и чуть впереди остальных.

Сельма кашлянула.

— Моё имя Сельма, это Джара, Ивор, Аерис и Тэллар. Мы путешественники, нам нужно попасть в Таэрию, — кратко рассказала она, а затем добавила: — Мы умоляем великого повелителя леса Джегиленданартренира пропустить нас через его владения.

Джегиль чуть улыбнулся.

— Один раз услышав, ты запомнила и без запинки назвала меня по имени, это прибавляет мне уважения к тебе. Но что делать с вами, я решу только после того, как поговорю с этим человеком, о котором я уже говорил… Скажи мне, это ты?… Хотя нет, не возражай, я уже чувствую, что хотя в тебе есть сила, но это не та, что нужна мне.

Верховный жрец Дертнара внимательно оглядел всех и вдруг остановил свой взгляд на Джаре. Бестии стало немного не по себе от взгляда его проницательных зелёных глаз.

— Ты, — коротко сказал он. — Я хочу поговорить с тобой.

Он хлопнул в ладоши, и в тронный зал вошло несколько мужчин с копьями в руках. Джегиль сказал им что-то на их языке, и те подошли ближе.

— Они отведут вас в свободные комнаты, — обратился он к остальным. — Слуги принесут еду и питье. Вы пробудете там, пока я говорю с… Джарой, так? Идите.

Спутники Джары ушли вместе с дикарями, а она сама осталась наедине с Джегилем. Повелитель дикарей встал с трона и спустился вниз, к ней.

— Пойдём в соседнюю комнату. Я уважаю тебя как своего гостя, поэтому буду разговаривать с тобой на равных, а не сидя на троне, — сказал он и пошёл к противоположной стене.

Джара молча последовала за ним, гадая, что принесёт ей и её друзьям их разговор.

Они вышли на террасу, ограждение которой было оплетено цветами. Слева от двери перпендикулярно друг другу стояли две скамьи, накрытые шкурами. Джегиль указал наёмнице на одну из скамей, она не стала возражать и присела. Он сел на другую.

— Что бы ты хотел услышать от меня? — спросила Джара.

— Твою историю, — ответил верховный жрец. — Кто ты? Откуда в тебе это единение с природой?

Джара повернула голову, любуясь деревьями и цветами, вслушиваясь в пение птиц. Она ощущала, как в ней, окруженной природой и людьми, едиными с ней, медленно просыпается Оарин.

— Я расскажу тебе свою историю, — согласилась она. — Как ты уже знаешь, моё имя Джара. Меня также часто называют Бестией, это моё прозвище. Я — наёмница, член Гиритской Гильдии Наёмников. Я живу на острове Гирит, это к югу от берегов Материка, через море. Хотя ты вряд ли знаешь карту мира…

— Поверь, знаю, — улыбнулся Джегиль, ещё больше удивляя Джару. — Ты наёмница, значит, ты выполняешь задания других людей ради денег?

— За деньги, а не ради денег, — поправила его она. — Я не гонюсь за обогащением, я просто люблю риск, опасности, битвы и приключения. Я многое повидала, многое испытала, пока выполняла задания моих нанимателей.

— Твои друзья тоже наёмники?

— Да, мы все члены одной Гильдии, в битвах мы одна команда. А с Ивором мы вообще всегда путешествуем вместе, бок о бок, знаем друг друга с детства.

— Почему вы покинули ваш остров? Или это очередное задание?

— Нет… хотя да, это задание, но нас не нанимали, чтобы мы выполнили его. Это важная миссия, мы обязаны сделать то, чего ждут от нас многие люди. — Джара замолчала, задумавшись.

Джегиль смотрел на неё, и Джара не устояла перед взглядом этих зелёных глаз, будто заглядывающих ей в душу. Она начала рассказывать о друидах, как она стала Оарин, как разразилась

война, а Книга уничтожила целый город и теперь грозит устроить мировой катаклизм. Как она узнала об Альянсе, который сейчас как раз и собирает в новом составе. Об их важной миссии.

— Поэтому ваш народ должен позволить нам пройти через лес в Таэрию, — подвела она итог. — Пожалуйста, — добавила девушка, глядя на Джегиля. — От этого зависит судьба и вашего леса. Пойми, это не обойдёт вас стороной. Нельзя вечность прятаться от остального мира. Друиды тоже прятались. Но… теперь и они вынуждены вмешаться в судьбу стран и позволить другим вмешаться в их до того размеренную и скрытую от посторонних глаз жизнь.

— Я пропущу вас, я думаю, — задумчиво молвил Джегиль, глядя куда-то вдаль. — Но ты ошибаешься, думая, что мы позволим ещё кому-то пройти по нашему лесу. Этот лес принадлежит только Дертнару и его детям — моему народу и птицам, животным, деревьям… Ни одна страна, какая бы опасность ни грозила целому миру, не получит права называть этот лес своим. Около десяти лет назад люди уже пытались захватить наш лес, они послали целую делегацию. Там были взрослые воины, во главе их был какой-то мужчина, пытавшийся устроить переговоры. Там были женщины и даже дети! Всемогущий Дертнар, какое коварство, какая жажда власти! Их повелитель наказал им присоединить, ты только подумай, наш лес, лес Дертнара, к их стране! Нет, ни за что! Этот лес не будет ничьим, кроме Великого Бога Солнца, Неба и Земли!

У Джары стучало сердце.

— Что вы с ними сделали? — сбивчиво спросила она, чувствуя, как потеют ладони.

Джегиль выпрямился на скамье и приподнял подбородок.

— Они, эти варвары, эти вечные искатели богатства и земель, не считающиеся ни с чьими традициями, плюющие даже на жизни других людей, не были достойны нашего почтения! Я уже говорил, что ни с кем, кто заходит на территорию нашего леса, мы не разговариваем! Мы просто убиваем их, принося их чёрные души, принося их кровь в жертву Великому Дертнару, Всемогущему Дертнару, Богу Солнца, Неба и Земли. Так мы поступили и с теми, потому что они были нашими врагами, а дети Дертнара не отступают перед врагами, они уничтожают их и плюют на их трупы, головы отрезают и сажают на колья! К тем мы даже побрезговали прикасаться, мы и так были испачканы их грязной кровью. Мы наточили большие колья и насадили их тела целиком. Мы, дети Дертнара, гордые своей победой, устрашая врага, выставили колья перед лесом со стороны этой Таэрии, страны этих зверей. Дертнар был доволен нами, Всемогущий Бог

Солнца, Неба…

— Замолчи, — зашипела Джара. Её волнение, нараставшее во время рассказа Джегиля, внезапно спало. Сердечный ритм нормализовался. На смену волнению, смешанному с отголосками давней, уже вроде бы утихшей боли, приходила холодная ярость, ледяная злость.

— Как ты смеешь… — начал Джегиль, медленно поднимаясь со скамьи и нависая над Джарой.

Она тоже встала с места. Высокая девушка была примерно наравне с Джегилем. Она заглянула ему прямо в глаза, и он увидел, как в её янтарных глазах вспыхнул дьявольский огонёк сумасшедшей, пугающей ненависти. В ней просыпалась фурия. Бестия.

— Ты, подлая тварь… — начала она.

— Ты будешь покарана за неуважение, и все твои друзья тоже! Вам не видать больше солнца! — воскликнул жрец, собираясь позвать стражей. Нет, он не был напуган. Он был до глубины души возмущён подобным поведением, а также он не понимал, чем вызвана перемена девушки. Но его мало это интересовало. Главное, скоро её голова и головы её друзей будут красоваться на Поляне Смерти, жертвеннике Дертнара.

— Это мы ещё посмотрим, кто больше солнца не увидит, — прошептала Джара и с размаха ударила Джегиля по лицу.

Затем крутанулась на пятках и заехала ему по лицу ещё раз. Джегиль, схватившись за щеку, шатаясь, отступил на несколько шагов. Пользуясь его коротким замешательством, Бестия пнула его носком сапога под подбородок. Джегиль раскрылся, взмахнул руками и потерял равновесие. Джара с разворота ударила его ногой в живот, тут же перескочила и ударила другой. Резко присела, опёрлась на руки и крутанулась, подсекая Джегилю ноги. Он со стоном свалился на пол.

Джара встала над ним. Верховный жрец стонал от боли. На шее, там, куда угодил острый носок её сапога, красовалось красное пятно.

— Говоришь, вы плюёте на тела своих врагов? — переполняемая яростью, проговорила она и со злостью плюнула ему в лицо. — Жаль, у меня нет моего кинжала, подонок. Тебя бы по частям собирать пришлось. Послушай, ублюдок лесной. У меня была нормальная жизнь, счастливая семья. Твои твари перебили всех моих родных. Отца, мать, сестру. Я осталась сиротой в пятнадцать лет, слышишь? Будь ты проклят, тварь поганая. Ты сдохнешь как собака, ты умрёшь в мучениях, и всё здесь рухнет к дьяволу!

— Нет, — сдавленно выдавил Джегиль, — Я уже мысленно

воззвал к жрецам Дертнара. Они идут сюда с воинами! Ты умрёшь, твоё тело насадят на кол и выставят на съедение коршунам. Оно будет там, пока ты не сгниёшь до конца!

Джара резко пнула его ногой, он зашёлся стоном и согнулся пополам.

— Посмотрим, кто будет гнить на колу, мразь, — зло улыбнулась она, пнула ещё раз, наслаждаясь его болью.

В тронном зале послышался шум.

— Так. Идут, значит, твои спасатели. Сейчас они узнают, что такое Ад. И никакой Дертнар им не поможет.

Джара приподняла Джегиля и бросила его на скамью. Затем взглянула на дерево, росшее у края террасы, подняла руку и прошептала:

— Fethran.

Ветви дерева тут же обвились вокруг жалкого, стонущего царя дикарей.

Джара открыла двери террасы, вышла в тронный зал и спокойно закрыла двери за собой. Перед ней стояло войско вооружённых дикарей, впереди были лысые мужчины с зелёно-белыми лицами, жрецы Дертнара.

На Джару было направлено около сотни луков, жрецы, наверное, собирались поразить её своими заклинаниями.

Бестия была абсолютно спокойна. Единственное чувство, жившее в ней, полыхавшее в её душе, завладевшее всею ей, была ненависть. И жажда мести. Вот они, убийцы её родителей, губители её семьи, те, кто разрушил её нормальную счастливую жизнь, из-за которых она потеряла все годы своей юности.

Мгновение, и сотни стрел полетели в Джару. Она молниеносно подняла руку с открытой ладонью и молвила:

— Nardesh.

Стрелы остановились в сантиметре от неё, а затем упали на землю. Джара опустила руки вниз, указывая на стрелы.

— Ishtir! — вскрикнула она, вскидывая руки, и стрелы тут же взметнулись вверх, развернулись остриями к дикарям и быстрее мысли понеслись обратно.

Недвижимые от панического ужаса дикари не смогли даже пошевелиться, чтобы увернуться, когда их же стрелы вонзились им прямо в сердце. Тронный зал огласился криками, от каменных стен отлетело многоголосное эхо.

Жрецы, не пострадавшие от града управляемых неведомой силой пришелицы стрел, в ужасе замерли на месте. Им было страшно поднять на неё глаза, но когда они всё же посмотрели на неё, страх завладел их душами целиком и полностью.

Джара улыбалась.

— Чёрт возьми, вы слышите это?! — вскрикнул Ивор, вскакивая с места.

Аерис, Сельма и Тэллар тоже вскочили со скамей в отведённой им комнате.

— Там битва! — воскликнул Тэллар и выругался. — Бестия опять ввязалась во что-то!

— Нам нужно выбираться отсюда, забрать наше оружие и спешить к Джаре, — быстро проговорил Ивор. — Откройте дверь быстро! — прикрикнул он на двух девушек-служанок. Они что-то залепетали на своём языке. — БЫСТРО, я сказал! — рявкнул он, и они, подскочив от страха, бросились к двери, открыли её ключом и выскочили вон.

Ивор схватил примитивный деревянный табурет, выскочил в коридор и оглушил одного из стражников. Двое других подняли копьё, но тут из комнаты вылетели два огненных шара, и они сгорели живьём. Сельма жестом отбросила трупы вглубь коридора и вышла. За ней комнату покинули Тэллар и Аерис.

— Вы идите за оружием, а я бегу на помощь Джаре! — сказала Чародейка остальным и бросилась к тронному залу.

Эльфийка, Сокол и Грифон побежали ко входу во дворец, где, как они помнили, стояли стражники с их оружием.

Чародейка чувствовала, как дрожит воздух от необычной магической силы. Кончики её пальцев пульсировали. Она на ходу шептала заклинание цепной молнии.

Сельма влетела в тронный зал подобно урагану и вскинула руки, чтобы поразить врага. Но увиденное поразило её саму.

Джара вытянула ладони.

— Aflam! — прошептала она. На ладонях вспыхнул огонёк. — Ashtarie! — приказала она, и пламя начало расти. Джара опустила ладони, опуская растущее пламя на пол. — Edris! — воскликнула она почти весело, глядя на обезумевших от страха жрецов. Двое из них, впрочем, сбивчиво шептали свои заклинания. Пламя закружилось, подобно смерчу.

В тронный зал влетела Сельма.

Джара вскинула голову и увидела Чародейку.

— Бестия! — вскрикнула та, поражённая открывшимся зрелищем. Около ста трупов, пронзённых стрелами преграждали путь к противоположной стене, где Джара создавала беснующийся ураган пламени. Там же, на расстоянии метров шести от Бестии, стояли лысые мужчины в длинных одеяниях. — Бестия, что происходит?!?!

Джара что-то шептала, не обращая внимания на Сельму.

Пламя бешено взмыло к потолку. Девушка что-то сказала, и огненный ураган понёсся по залу. Жрецы сжались в кучу, один из них выкрикнул что-то, видимо, пытаясь воспользоваться магией, но ничего не случилось. Ураган метался по залу, поджигая мёртвые тела и оставляя невредимыми жрецов.

— Это за мою семью! — закричала Джара, бешено взревела, выкидывая руки вперёд и указывая на группу жрецов.

— Не делай этого, Бестия! — вскрикнула Сельма, пытаясь нейтрализовать заклинание, но безуспешно.

Огонь охватил нечеловечески кричащих жрецов. Они заметались по залу, бросались на пол, катались из стороны в сторону, вопя, оглушая всё своими криками. Пламя было беспощадно.

Сельма кинулась к Джаре, а та развернулась и исчезла за какой-то дверью. Чародейка побежала за Бестией.

— Чёрт подери, ЧТО ТУТ ПРОИСХОДИТ?! — услышала она голоса своих друзей и развернулась.

Ивор, Тэллар и Аерис в ужасе стояли на пороге тронного зала, глядя на царивший там ад. Сельма бросилась к двери, в которую зашла Бестия, прикоснулась к ручке, и её словно ударило молнией. Она отлетела на пару метров и упала прямо на горящий труп. Её платье воспламенилось и вспыхнуло огнём. Сельма вскрикнула, струей воды, сорвавшейся с пальцев затушила огонь, а потом вызвала дождь, не в силах больше смотреть на горящих заживо людей, не в силах более слушать их крики.

Эльфийка, Грифон и Сокол подбежали к ней.

— Что тут случилось?! — вскричали они хором.

— Я не знаю, — пробормотала Чародейка, а потом начала сбивчиво рассказывать, что она увидела.

— Ну, вот я немножко отвлеклась, но теперь мы можем продолжить нашу беседу, — проговорила Джара, глядя на скорчившегося от боли Джегиля. Ветви опутывали его всего, он стонал, но сохранял остатки гордости на лице. Девушка сделала лёгкий жест рукой, и дерево отпустило своего пленника. Джегиль свалился на пол террасы.

Бестия подошла к нему.

— Теперь ты узнаешь, что такое боль, — прошептала она. В её глазах плясала нечеловеческая ярость.

Она, уже не называя рун, создала пламя и направила его к лицу Джегиля. Он отпрянул назад. Тогда она приказала растениям, обвивавшим террасу, оплестись вокруг него и держать неподвижно, а затем стала медленно приближать язычок пламени

к его губе.

"Я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу", — стучала в висках жажда мести. Джарой владела ненависть. Она уже даже почти забыла, за что она мстит. Всё заглушила тупая ярость, дикая злость.

ОАРИН! ОАРИН! — раздалось в голове.

Джара пошатнулась, пламя пропало. Джегиль с опалённой губой стонал, слабо пытаясь вырваться из уз растений.

ОАРИН! ОАРИН! ОСТАНОВИСЬ!

Девушка схватилась за виски.

ОАРИН! ОАРИН! ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, СЕСТРА!

Джара рухнула на колени. В голове звучал голос Миерны. Талисман, подаренный друидами чуть ли не горел на груди. Голова разрывалась. Джара закричала, зажмурилась, повалилась на пол и забилась в припадке.

ОАРИН! ОАРИН! ОАРИН!

Джара кричала, билась. Потом затихла, успокоилась… Через некоторое время она поднялась на четвереньки, отползла к дальнему краю террасы и заплакала. Боль в голове постепенно успокаивалась, талисман друидов больше не жёг кожу. Джара словно проснулась. Она в ужасе взглянула на измученного, изуродованного, окровавленного и умирающего Джегиля, повела рукой, освобождая его от пут растений.

— Что я наделала, что я наделала… — зашептала она плача. Отчаяние охватило её. Джара вжалась в угол. Она сжимала себе виски, слёзы лились по её щекам. Боль сжимала грудь. — Что я наделала…

— Джара! — взревел голос Ивора за дверью.

Джара сдавленно прохрипела:

— Ивор! Ив!

Она попыталась встать, опять рухнула на пол, притянула колени к груди, сжалась в комочек, плача. Пусть он придёт, пусть он её обнимет, пусть скажет, что всё хорошо. Она немного приподнялась, подняла голову и увидела измученное лицо Джегиля с почерневшими губами и покрывшейся отвратительными волдырями кожей.

Нет, нет, Ивор не должен видеть это… Никто не должен видеть, что она сделала. Что она сделала! Джара, плача, поднялась на ноги, шатаясь, подошла к ограждению террасы. Собравшись с силами, она перелезла через неё и оказалась почти до колен утопающей в мягкой траве леса.

Джара побежала прочь. Далеко, далеко! Никто не должен её найти.

Сельма волшебством распахнула дверь. Ивор первый влетел внутрь, за ним — остальные наёмники. Грифон быстро огляделся. Джары нигде не было.

— О чёрт! — выдохнул Тэллар, заметив лежащего без сознания изуродованного Джегиля. — Это Бестия над ним поработала?… Ох, дьявол…

Сокол отвернулся. Сельма подошла к верховному жрецу и опустилась около него на колени.

— Джара! — крикнул Ивор в лес, перегибаясь через ограду террасы. — Джара!

— Бестия! — присоединился к нему Тэллар.

— Вряд ли она вас услышит. А если услышит, то уж точно не развернётся и не побежит сюда, — проговорила Аерис. — Лучше бежим по её следам. Надо скорее её догнать, она сейчас в ужасном состоянии, хорошо бы она не сделала ничего с собой… Вперёд. — Эльфийка легко перепрыгнула через ограждение и мягко приземлилась на землю. — Трава примята, мне не составит труда пойти по её следам. Идёмте же!

Ивор перемахнул через ограду. Тэллар обернулся на Сельму.

— Идите, — сказала Чародейка. — Я попытаюсь вылечить Джегиля. Нужно хотя бы немного восстановить урон, причинённый Джарой…

— Ты сошла с ума, Чародейка! Едва он очухается, тут же тебя прикончит! Или прикажет тебя убить!

Сельма хмыкнула.

— Он будет без сознания, а даже если и, как ты говоришь, очухается, всё равно будет абсолютно без сил, чтобы мне что-нибудь сделать. А насчёт приказа… Вряд ли здесь осталось много воинов. Кто войдёт в эту комнату, вскоре убежит в страхе за свою жизнь, а особо безрассудные, наоборот, из неё уже не выйдут…

— Сокол! — окрикнул юношу Ивор.

— Идите, — повторила Сельма. — Я вас потом найду с помощью магии. Удачи.

Тэллар кивнул и присоединился к Аерис и Ивору. Втроём они побежали в лес.

Ивор шёл между деревьев, раздвигая ветви. Около получаса назад они разделились. К тому времени Сельма уже присоединилась к ним, коротко рассказав, что вылечить Джегиля она не смогла, не помогла даже магия, и поэтому она окончила его страдания и оставила там же, где он и лежал. Его подданных не слышно, не видно, видимо, до смерти перепугавшись, они попрятались по своим домикам. Дворец совсем опустел. Так-то они преданы Дертнару и своему царю! Хотя самые храбрые и

верные дикари погибли в битве с Джарой…

— Чёрт возьми, — недоумевал Тэллар, — как Бестия смогла их всех перебить? Она, конечно, рассказывала про то, как её друиды научили пользоваться рунами и всё такое… Но ведь не до такой же степени! Чтобы сотворить такое, нужно быть асом в друидской магии! Когда бы Джара успела этому научиться за несколько дней пребывания в лесу! И ещё, я никак не могу понять, что случилось? Почему на Бестию напал такой гнев, что она перебила добрую часть населения этого чертова леса и изуродовала Джегиля?

Никто не знал ответа на этот вопрос. Хотя Ивор смутно догадывался… Ведь он один из их маленькой команды знал о трагической гибели родителей Джары. Как же он, идиот, не вспомнил, где находился тот злосчастный лес… Если бы он вовремя додумался, то мог бы увести их путь от Леса Потерянных Голов. В конце концов, в Таэрию есть много дорог. Можно было бы обогнуть лес… И всё было бы сейчас хорошо. И Джаре не пришлось бы так страдать. Что она сейчас чувствует! У Ивора защемило сердце.

Когда начало темнеть, Аерис остановилась и сказала, что почва стала твёрже, трава короче и жёстче, поэтому следы почти невозможно разглядеть. К тому же, приближавшаяся ночь усложняла дело. Сельма отметила магией место, на котором они должны были встретиться и создала особое заклинание. Теперь за каждым из друзей оставался тонкий шлейф мерцающей пыльцы, по которой можно было найти дорогу назад. Они условились, что когда кто-нибудь найдёт Джару, он доведёт её до места встречи и коснётся сферы, парившей там над кустом. Сельма заколдовала сферу, чтобы в таком случае она меняла цвет пыльцы с голубовато-белого на изумрудный. Таким образом, остальные понимали, что нужно возвращаться.

Ивор шёл через лес. Он должен её найти!

Тэллар продвигался через заросли.

"Чёрт возьми! — думал он. — Да где же она?! Только бы с ней ничего не случилось! Скорее, надо её найти!"

Мысли о Джаре не давали ему покоя. Он и сам не понимал, почему так беспокоился об этой взбалмошной девчонке. Конечно, он за всех членов их команды беспокоился и переживал, как будто бы это была его родная семья. В принципе, Гильдия, а в частности и их команда из шести неразлучных наёмников была для него его настоящей семьей.

Но сейчас за Джару он боялся. Боялся так, что у него никак не успокаивалось сердце. Он даже думать не хотел о том, что они

могут не найти её… Или найдут, но…

Сокол тряхнул головой. Глупые мысли! Конечно, она найдётся. Он, Тэллар, её найдёт. Сердце подскажет ему.

Парень отодвинул ветку. Темнота уже сгустилась над лесом, но следовавший за ним шлейф мерцающих искорок освещал небольшое пространство вокруг. Внезапно во тьме мелькнули два жёлтых огня. Сокол замер, отыскивая рукоять меча.

— Миерна, прости меня пожалуйста… — послышалось тихое бормотание.

У Тэллара подпрыгнуло сердце. Бестия! Он отпустил меч и бросился к ней.

— Джара, — шепнул он, опускаясь перед измождённой девушкой на колени.

Она устало посмотрела на него. Её янтарные глаза блестели в темноте как два огонька. Она вымученно улыбнулась.

— Сокол, ты что ли? — прошептала она иссохшими губами.

— Я, я, Джара, — улыбнулся он.

— Мне было так плохо, так плохо… — проговорила Джара, опуская голову.

— Всё позади, Бестия, — сказал он, невольно приобнимая её за плечи.

— Спасибо, что ты нашёл меня, — шепнула она, протягивая к нему руки.

Джара обняла Сокола и уткнулась лицом в его плечо.

— Как я мог не найти тебя, Джара, — произнёс он, гладя её волосы.

— Я не хотела всего этого делать, Сокол. Не хотела, поверь мне.

— Конечно, я верю тебе.

Джара успокаивалась и согревалась в объятиях Тэллара.

Когда взволнованный Ивор вернулся на место встречи, он увидел, что все уже собрались у светящейся волшебной сферы. Джара стояла, поддерживаемая Соколом, Сельма и Аерис тихо говорили ей что-то.

Грифон подошёл ближе.

— Джей, — выдохнул он, почему-то вдруг вспомнив как он называл Бестию, когда они ещё учились в Академии. — Как ты нас напугала!

Джара слабо улыбнулась.

— Я уже тут, Ив!

Она шагнула вперёд в объятия Ивора.

— Как хорошо, что ты нашлась!

— Эй, Грифон, полегче, не то мне рёбра сломаешь!

Джара вернулась.

VI Сбор Альянса

К следующему утру Лес Потерянных Голов остался далеко позади, сливаясь с безвозвратно уходящим прошлым.

Джара вела себя спокойно и молчаливо, но улыбалась и иногда шутила, что, несомненно, радовало остальных членов их маленькой, но такой сплочённой команды.

Когда солнце было в зените, даря всем существам тепло своих полуденных лучей, зоркий глаз Сокола увидел башни какой-то крепости впереди.

Друзья остановились, с интересом ожидая, что скажет им их товарищ.

— Это небольшая, но, кажется, хорошо укреплённая крепость. Четыре сторожевые башни, крепкие ворота. На стенах какое-то знамя…

Тэллар легко взобрался на неподалёку возвышавшийся холмик и оттуда сообщил:

— Да, теперь я отчётливо вижу — на тёмно-синем знамени изображена луна, вокруг звёзды. На башнях и стенах лучники.

Когда Сокол спустился, обсуждение дальнейших действий уже началось.

— Это крепость Луны, несомненно, — сказала Сельма. — Хорошо укреплена и защищается, что естественно во время войны. Может, лучше обойти её? — предложила Чародейка.

Бестия покачала головой.

— Компас указывает прямо в ту сторону. Вдруг там один из Ангелов? Вряд ли нам стоит пропускать крепость.

— Но нас там запросто убьют! — возразила Сельма.

— Не убьют, Чародейка, мы же Ангелы, — ухмыльнулся Тэллар, подключаясь к разговору. — С чего они будут нас убивать?

— Примут нас за аронвардских шпионов, — ответил за Чародейку Ивор.

— Что почти так и есть, — улыбаясь лишь уголками губ, заметила Эльфийка.

Джара хмыкнула.

— Да уж… В любом случае, мы идём к крепости. Всё, вопрос закрыт! Будем надеяться, что нас не нашпигуют стрелами у ворот.

В Арлане были готовы к осаде в любую минуту. С каждым часом напряжение нарастало. Крепость была отлично укреплена, на стенах патрулировали лучники, стрелки и вперёд смотрящие в башнях не отдыхали ни минуты, чтобы быть готовыми оповестить

город о нападении. Любой мало-мальски умеющий обращаться с оружием или магией человек был записан в Объединенную Армию Света, как назвали союз двух Орденов, союз двух светил, Солнца и Луны.

Змейка и Хаарт расстались ещё утром. Девушка ушла в палаты целителей, где собрались все умеющие лечить. Хаарт был в одном из отрядов Солнца. К его радости, предводителем отряда оказалась Аира, с которой они разминулись после событий в Тадоре. В ожидании битвы молодой рыцарь и опытная воительница разговаривали, вспоминая времена в Академии.

— Да-а… это время ушло безвозвратно, — тихо сказала Аира, поглаживая длинный, через всё лицо, шрам.

Хаарт с болью посмотрел на обезображенное лицо рыцаря.

— Не жалей меня, — поймав его взгляд, чуть улыбнулась она. — Шрамы украшают воина.

— Мужчину, но не женщину, — возразил юноша. — Кто это был?

— Девушка из наёмного войска, — ответила Аира. — Я её хорошо запомнила, Хаарт. Длинные чёрные волосы и кошачьи глаза, горящие жаждой крови. У меня чувство, что мы ещё встретимся. И тогда я отомщу, обещаю.

Внезапно земля под ногами ощутимо завибрировала. Хаарт поднялся.

— Что это?

Аира обнажила меч.

— Кажется, началось.

Разом открывшиеся десятки порталов выплеснули на землю перед стенами Арлана аронвардских воинов. Через несколько секунд перед городом уже стояла вся армия Аронварда. Лучники и маги на стенах города тут же открыли огонь по врагу. Волшебники противника тоже не зевали. Шквал заклинаний обрушился на Арлан; вслед за ними засвистели стрелы. Воины бросились на приступ. Из огромных котлов, установленных на стенах, полилась горячая смола.

Началась битва.

Стрелами их не нашпиговали и даже открыли ворота, правда, вовсе не для того чтобы радушно принять как любимых гостей. Стражники крепости забрали у друзей оружие и, окружив их, повели к коменданту.

Комендантом оказался мужчина лет сорока крепкого телосложения и ничем не примечательной внешности. Его лицо, и так не одаренное природой особой красотой, было изборождено

шрамами, что, естественно, внешнему облику коменданта прелести не прибавляло.

— Кто такие? — обратился комендант к своим парням.

— Говорят, путешественники из Таверланда, — ответил один из стражников.

— Только не говорите, остолопы, что вы им тут же безоговорочно и поверили, — грозно сказал комендант, и стражники тут же замотали головами.

— Никак нет, господин комендант!

— А тогда почему вы их не убили? Война на дворе, они могут быть шпионами врага! — стукнул кулаком по столу комендант крепости.

— Исправимся, господин комендант, — немедленно заверили его стражники и видимо собрались уводить пятерых пришельцев.

— Стойте, раз уж привели, тогда я поговорю с ними. Оружие вы забрали? Ну хоть в этом не сплоховали. Не лыбься, тебя никто не хвалит. Так, вон отсюда и все на пост! — рявкнул он напоследок и стражники поспешили убраться. — Ну а теперь рассказывайте, гости дорогие, откуда и зачем к нам пожаловали, — растянув некрасивые губы в подобие улыбки, сказал он.

— Не побоялся отпустить всех стражников? — ухмыляясь, спросила Джара. — Нас пятеро, а ты один. Если мы вместе нападём, то и без оружия тебя одолеем.

— Допустим, одолеете, а что дальше? — устало вопросил комендант. — Здесь повсюду солдаты Луны, их-то вам не прикончить. Ну так, раз заговорила, с тобой и будем беседовать. Кто вы такие? Почему вы здесь?

— Мы из Таверланда, нам надоело сидеть дома, и мы решили поступить в войско Таэрии, — не моргнув глазом соврала Джара.

Комендант расхохотался.

— Глупеньким детишкам захотелось приключений на свои юные задницы? — Он внезапно перестал смеяться и опять принял серьёзный вид. — Не думай, что я поверил, девочка. Хоть вы все и зелёненькие, но всё равно заметно, что на вашем счету не одна битва.

— Ну хорошо пусть так, — согласилась девушка. — Но разве вам важно наше прошлое, если мы собираемся пополнить ваши ряды? Четыре бойца и один маг никогда не бывают лишними, разве нет?

Комендант с интересом посмотрел на неё.

— Среди вас даже чародей есть? Кто же?

Сельма мило ему улыбнулась.

— Я, господин комендант.

— Надо же. Так значит, вы хотите стать частью Объединённой Армии Света, а? Но как вы докажете, что вы не аронвардские шпионы?

— Устройте нам испытание, — пожала плечами Бестия. — Отправьте на вылазку или возьмите на какое-нибудь задание против Аронварда.

Комендант задумался.

— Ну хорошо, — наконец сказал он. — Ты права, девчонка, сейчас любая сила пригодится, так что вы принимаетесь. Меня зовут Турон, я комендант этой крепости, и вы отныне под моим начальством. Вы должны подчиняться мне и порядкам, установленным в этой крепости. И помните: одно неправильное движение или подозрительное слово — вас всех без разговоров убьют.

Джара равнодушно повела плечом.

— Ваше право, господин комендант.

Хаарт бился отчаянно.

Аронвардцы уже пробили оборону и ворвались в город. Битва длилась около восьми часов, и день клонился к концу. Постепенно сумерки сгущались над Арланом, но битва не утихала, даже наоборот.

Где-то недалеко сражалась Аира. Они были рядом, когда начался бой, но поток врагов отделил их друг от друга, и Хаарт возносил молитвы Солнцу, что с ней всё в порядке. И конечно, он очень волновался за свою Змейку, однако она была пока в относительной безопасности, ведь враг ещё не добрался до части города, где находились целители.

Рядом огнём взорвался волшебный шар, и Хаарта обдало жаром. Он смахнул тёплые бисеринки пота со лба и едва успел парировать выпад аронвардца, возникшего перед ним. Тот с яростным возгласом бросился в атаку, но Хаарт ловко увернулся и оказавшись за его спиной полоснул мечом по незащищённой шее. Хлынула кровь. Хаарт оттолкнул умирающего воина с дороги и встретился мечами с новым противником.

В какой-то момент Хаарт вдруг увидел невдалеке Аяллу Тельмеран, главу Ордена Солнца, красивую женщину лет сорока в сияющих доспехах и плаще с изображением Солнца. В руках Аяллы был внушительных размеров двуручный меч. Она билась одновременно с несколькими противниками, что вовсе не составляло ей никакого затруднения.

Хаарт крутанулся и рубанул мечом по врагу. Аронвардец повалился на землю, исходя кровью. Аялла вдруг поймала его взгляд и подмигнула. Юноша улыбнулся и быстрым движением

отдал честь. Глава Ордена улыбнулась в ответ, одновременно отражая несколько атак своих врагов.

Хаарт тем временем быстро развернулся, почувствовав чьё-то приближение. Но это была Аира. Она весело улыбалась.

— Похоже, мы всё-таки выиграем! — сказала она.

— Берегись! — воскликнул Хаарт и метнул небольшой ножик, который всегда носил на поясе.

Аира развернулась. На земле лежал аронвардец, а нож Хаарта красовался у него между глаз. Юноша подбежал, с хлюпаньем вытащил нож, вытер его об одежду мёртвого и заткнул за пояс.

Аира уже вернулась к сражению. Хаарту тоже не представилось возможности скучать. Слова Аиры ободрили его. Вначале, когда аронвардцы так стремительно прорвали оборону, ему казалось, что они обречены. Но, кажется, ещё не всё потеряно!

— Ловко ты его уломала, конечно, но… на кой чёрт нам это надо? — спросил Тэллар, когда вся пятёрка уже сидела в небольшой тесной комнате с пятью допотопными кроватями.

Джара фыркнула.

— А что ты хотел, дорогой мой Сокол? Чтобы нас превратили в ёжиков со стрелами вместо игл и выкинули в лес около крепости? Вступить в армию Таэрии единственное, что пришло мне в голову. Что-то я не заметила, чтобы у тебя была идея получше.

— Ладно, ладно, — смеясь, поднял руки Сокол. — Только не кипятись, солнце моё. А что мы теперь будем делать?

Джара пожала плечами.

— Спроси у Чародейки. Она как всегда изучает карту. Сельма? Что там?

— Предлагаю при первой возможности отправиться к Арлану, потому что судя по карте именно туда указывает стрелка твоего компаса. Возражений нет? Это хорошо.

— Возражений-то нет, только когда она представится, эта первая возможность? — задумчиво спросила Аерис. — Не думаю, что у нас так уж много времени.

— Сельма, ты вроде в той таверне в Таверланде говорила, что у Арлана должна быть грандиозная битва, — вступил в разговор Грифон. — Может, скоро им понадобятся дополнительные силы?

— Не думаю, что они будут просить помощи у этой крепости, так как она стоит на границе и в любом случае её нужно хорошо оборонять, — возразила Эльфийка.

— А может и попросят, если положение будет совсем плохо, — в свою очередь сказала Сельма.

— Да что вы спорите, — махнула рукой Джара. — Долго торчать мы тут всё равно не будем. Не представится возможность топать к Арлану с отрядом, так сбежим отсюда!

— У Бестии как всегда всё просто, как раз-два-три, — хмыкнул Тэллар, и девушка стрельнула в него глазами. — Не смотри на меня так, Джара, но я ведь прав! Каким образом мы сбежим из хорошо укрепленной крепости?

— Встаёшь на землю обеими ногами, поднимаешь одну ногу, потом другую, опять повторяешь и делаешь это быстро. Так все бегают, Тэллар, — едким тоном бросила ему Джара и демонстративно отвернулась.

— Да успокойтесь вы наконец! — устало воскликнул Ивор. — Вы со своими препирательствами у меня уже в печёнке сидите. Дети малые!

— Кого ты ребёнком назвал? — возмутилась Джара. — Как будто сам такой большой. У нас с тобой только полгода разница. А ты чего лыбишься? — с негодованием обратилась она к Соколу. — Между прочим, я тебя на двенадцать дней старше!!!

— Надо же, как много! — съехидничал Тэллар. — По твоему поведению кажется, что ты шестилетний ребёнок, у которого забрали конфету.

— Ты тоже немногим отличаешься от малого дитяти, — заверил его Ивор.

— И ты туда же! — воскликнул Тэллар. — Мог бы принять мою сторону, в конце концов, мы с тобой парни…

— А что ты имеешь против девушек? — вопросила Сельма.

— Ничего, Чародейка, я просто имел в виду, что Ивор абсолютно несолидарный тип.

— Держи карман шире, Сокол! — весело сказала Джара, садясь около Ивора и приобнимая его за плечи. — Ивор за меня, правда, Ивор?

— Правда, — улыбаясь, отвечал Грифон.

Змейка носилась между раненных, только и успевая промывать раны, накладывать повязки и втирать в виски мазь, затуманивающую боль.

Хоть это и было непозволительно, из глаз у Змейки текли слёзы. Она только что ампутировала руку молодому солдату. Хоть Змейка и сделала всё, чтобы сделать процесс как можно менее болезненным, парень потерял сознание от боли.

Змейка подошла к кушетке, на которой лежала молодая девушка. Кровь залила её одежду и белые простыни. Девушка стонала, изо рта вырвался сгусток крови. Некогда красивые, а сейчас мокрые от пота и крови волосы спутались и разметались

по простыне.

Змейка зашептала заклинание и вдруг остановилась на полуслове.

— Юна! — выдохнула она, внезапно узнавая девушку. — Юна, Юна, о небеса!!!

События в Тадоре разлучили их, и Змейка уже не надеялась увидеть свою подругу. Она думала, что та погибла во время битвы с Аронвардом и того ужаса, что случился из-за волшебной книги. Но оказалось, что Юна чудом спаслась из Тадора. Только вот ради чего? Чтобы теперь погибнуть в битве из-за прихоти правителей Аронварда?

— Нет, — твёрдо прошептала Змейка, втирая обезболивающую мазь. — Ты не умрёшь, Юна.

Мазь действовала быстро. Юна затихла. Змейка разорвала её одежду, открывая взору огромную рваную рану, из которой без остановки лилась кровь. Змейка приподняла подбородок Юны и осторожно влила в рот кровоостанавливающее зелье. Но кровь продолжала течь.

Внезапно Юна открыла глаза, выходя из бессознательного состояния.

— Змейка, — хрипло произнесла она, глядя на подругу. — Змейка, это ты?…

— Я, Юна, — сдавленно ответила девушка, тщетно борясь с рвущимися слезами.

Юна застонала, глядя на хлещущую кровью рану.

— Змейка, — прошептала она иссохшими губами. — Пожалуйста, не дай мне умереть…

— Ты не умрёшь, чёрт возьми! — плача, сказала Змейка. Целительница опять зашептала заклинание, вкладывая всю свою силу в него. — Слава небесам, кровь остановилась, — прошептала она, и в душе затеплилась надежда. — Держись, Юна.

Змейка взяла мягкую ткань, смочила её в целительном ранозатягивающем растворе трав и положила на рану. Юна закусила губу, стараясь не закричать от пронзившей её боли. Змейка ловко начала обматывать вокруг раны повязку. Белая ткань тут же промокла кровью.

Юна застонала. Её кожа стремительно бледнела, дышать было всё тяжелее.

Мимо Змейки прошла другая целительница и мельком взглянув на Юну, быстро сказала:

— Девушка, она умирает. Вам лучше помочь другим, ещё имеющим шанс остаться в этом мире.

Глаза Змейки опять наполнились слезами.

— Нет, нет, ты не умрёшь! — твердила она, завязывая концы

повязки. Сознание пронзала мысль, что потеряв столько крови и с такой раной, наверняка задевшей жизненно важные органы, не выживет ни один человек, пусть даже ему поможет самый лучший целитель на земле. Но сердце девушки отказывалось это принимать. — Ты не умрёшь, Юна, — шепнула Змейка, глядя в мутнеющие глаза своей подруги.

— Я не хочу умирать, Змейка, — прошептала та, еле шевеля губами, и сжала руку Змейки. Юная целительница содрогнулась — так холодна была её остывающая ладонь. — Пожалуйста, не дай мне умереть, я тебя прошу, я тебя очень прошу! — Её голос надорвался от рыданий. Словно собрав остатки сил, она сжала руку Змейки ещё крепче так, что девушка почувствовала боль. — Прошу тебя, прошу… я слишком молодая, я слишком мало жила. Я боюсь её. Боюсь смерти, Змейка, разве ты не понимаешь?… Скажи мне, что там, дальше? Как это так — я умру? Я боюсь этого, Змейка. Я так сильно боюсь!.. — Она вся дрожала и становилась всё холодней. Змейка бессильно плакала. — Боюсь, Змейка, пожалуйста… не хочу умирать, Солнце, не хочу умирать! — Юна больше не могла говорить. Она содрогалась в агонии. — Я боюсь! — вскрикнула она отчаянно и, пытаясь встать и обхватить руку Змейки выше, с усилием провела ногтями по коже девушки.

На руке Змейки остались красные полосы, но она этого не почувствовала.

Приподнявшись, Юна хотела что-то сказать, но у неё не хватило сил, и она рухнула обратно.

— Боюсь, — шепнула она на последнем издыхании, и жизнь покинула её.

Змейка спрятала лицо в ладонях, а когда вновь взглянула на Юну, вздрогнула, испугавшись и словно только заметив, какой бледной стала юная чародейка.

— ПОДЪЁМ! ПОДЪЁМ!

Громкий крик словно насквозь пронзил сладкий сон Джары, и она, недовольно ворча, приоткрыла глаза.

За окном едва рассвело. На соседней кровати благополучно дрых Тэллар. Напротив спала Сельма. Аерис потягивалась, просыпаясь на кровати у окна. Ивор, спавший около двери, даже не шевельнулся.

— ПОДЪЁМ! — снова раздался крик в коридоре и кто-то заколотил в их дверь.

— Что за чертовщина? — недовольно спросила Джара, приподнимаясь на локте.

— ПОДЪЁМ! — кричали за дверью и настойчиво продолжали

стучать.

Аерис лениво встала с кровати и открыла дверь. По инерции продолжавший стучать солдат чуть не врезал ей по лицу, но Эльфийка инстинктивно перехватила его руку у запястья и рванула на себя. Солдат перевернулся в воздухе и рухнул спиной на пол в центре комнаты.

— Тьма, что такое?! — вскрикнул, просыпаясь, Тэллар.

Уже проснувшаяся Джара сидела на кровати и вволю хохотала над несчастным солдатом, который, непонимающе вертя головой, валялся на полу перед её кроватью. Сельма проснулась и села, заспанными глазами оглядывая комнату и тщетно пытаясь понять, что вообще происходит. Аерис стояла над солдатом, не сдерживая красивой эльфийской улыбки и протягивая ему руку. Грифон всё так же спал глубоким и непробудным медвежьим сном.

Солдат поднялся за руку Аерис и что-то заворчал под нос, отряхиваясь.

— Что-что? — переспросила Эльфийка.

— Утренняя тренировка, — угрюмо повторил солдат и вышел из их комнаты.

Через несколько секунд они услышали, как он возобновил свой обход:

— ПОДЪЁМ! ПОДЪЁМ!

Джара встала с кровати и направилась к кровати Грифона.

— Вставай, Ив! — весело сказала она.

Ивор не реагировал. Тогда Джара наклонилась к самому его уху и проорала:

— ПОДЪЁМ! Труба зовёт!

Грифон резко вскочил с кровати, мгновенно принял боевую стойку и закинул руку за спину, словно собираясь выхватить меч. Джара захохотала. Ивор опомнился и глядя на улыбающиеся лица уже поднявшихся друзей, тоже рассмеялся.

— Что такое? — спросил он.

— Просто утренняя тренировка, — улыбаясь, ответила ему Сельма. — Ну что, собираемся и выходим! Посмотрим, как здесь издеваются над солдатами.

Утренние издевательства, состоявшие "всего лишь" из часовой непрерывной пробежки по кругу внутреннего двора и ряда упражнений, явно выдуманных самым изощрённым садистом за всю историю Таэрии, наконец закончились, и теперь друзья бодрой походкой направлялись к общей столовой, чтобы позавтракать.

К их пятёрке присоединилось двое парней, с которыми они

познакомились утром, Квент и Хэларт. Вся компания беззаботно болтала, обсуждая крепость, коменданта, войну и Ордена.

Джара засмеялась шутке весёлого Квента и взглянула в сторону. Взгляд скользнул по стене, двум портретам, паре скрещенных мечей…

…и вернулся обратно на портреты. Джара остановилась, остолбенело глядя на них. Первый изображал необыкновенно красивую и эффектную девушку с роскошными чёрными волосами. Она была нарисована одетой в лёгкое золотистое одеяние и раскинувшейся на атласных подушках. Взгляд её миндалевидных чёрных глаз, бездонных как глубокая ночь, словно был устремлён прямо на Джару. На втором портрете был изображён красивый и обаятельный юноша, правда взгляд его тёмно-карих глаз излучал печаль.

— Бестия, что, в портрет влюбилась? — хмыкнул Тэллар. — Ого-го-го, какая штучка, — протянул он, глядя на портрет девушки.

— Джара, что такое? — подходя к Джаре, спросила Сельма.

— Сельма, — взволнованно прошептала Джара. — Это Ангелы!

— Что, тебе она понравилась? — ухмыльнулся Квент. — Крутые у тебя замашки, Тэллар. Вряд ли ты с ней вообще когда-нибудь познакомишься — это же Сунор, дочь самого Дамрафа!

— Дамраф, Дамраф… — забормотала Сельма. — Что-то я припоминаю…

— Глава Ордена Луны, — подсказал Хэларт. — Эта красотка — его дочь, а парень, что на соседнем портрете, — Хаарт, рыцарь Ордена Солнца. Она его подобрала полуживого, притащила в крепость, выходила и, представляешь, как повезло, влюбилась. Заодно и портрет заказала — свой и его. А этот Хаарт, последний идиот, сбежал.

— Сбежал — от неё? — поражённо переспросил Сокол. — Вот действительно идиот…

— Ну-ну, — хмыкнул Квент. — Ты бы видел, как куколка взбесилась! Носилась, как фурия, по крепости, сметая всё на своём пути, всё проклинала какую-то Змейку…

— Змейку? — не понял Ивор. — Кого-то укусила змея?

— Да нет, — махнул рукой Квент. — Это, кажется, прозвище девушки, невесты Хаарта, к которой он сбежал от Сунор. Это всё, что мы знаем. Ещё по крепости ходила куча слухов, но вряд ли вам это интересно. А всё из того, что известно достоверно, я вам рассказал. А почему это тебя так заинтересовало? — обратился он к Джаре.

— Нет-нет, ничего, — рассеянно произнесла она,

погружённая в свои мысли.

В Арлане люди благодарили небеса за победу.

— Кажется, мы всё-таки сделали это, — улыбнулась Аялла Тельмеран, оглядывая город. — В какой-то момент я почти потеряла надежду, но мы всё-таки разгромили аронвардцев.

— Теперь победить в войне не составит труда, — улыбнулся ей в ответ Дамраф, вкладывая меч в ножны. — Наш союз оказался очень мудрой идеей, вы так не считаете?

— Пожалуй, после стольких лет вражды, внезапного примирения и совместно одержанной победы в важной битве мы можем позволить себе перейти на «ты», — предложила Аялла, устремив на него взгляд своих красивых синих глаз.

— Пожалуй, можем, — согласился Дамраф.

Эта женщина начинала ему нравиться.

— Короче говоря, времени терять нельзя, — подвела итог их дискуссиям Джара. — Нужно быстрее убираться из крепости и двигать в Арлан, пока там вся эта Объединенная Армия Света. Сунор как дочь Дамрафа наверняка тоже там, а уж Хаарт подавно, ведь он рыцарь Ордена. Было бы замечательно застать обоих в одном городе, чем рыскать потом по Таэрии.

— Один вопрос: как мы отсюда выберемся? — спросил Тэллар.

— Это оставляю на обсуждение, — мило улыбнулась ему девушка.

— Придумаем, не беспокойтесь, — заверила их Сельма. — Из любой ситуации есть выход.

— А если эта ситуация безвыходная? — разыгрывая отчаяние, вопросил Сокол.

— В безвыходных ситуациях нужно помнить, что выход находится там же, где и вход, — мудро изрекла Сельма.

Тут в их дверь постучали.

— На тренировку! — крикнул голос за дверью.

— Дневные издевательства! — весело возвестила Бестия. — Что ж, идём; может, по дороге идейка какая-нибудь появится!

Дневная тренировка оказалась ничем иным как обычным упражнением во владении оружием. Когда друзья вышли во внутренний двор, почти все уже разбились по парам. Джара собиралась встать в пару с Ивором, но перед тем уже возник Квент. Напарником Тэллара оказался какой-то незнакомый солдат, Аерис пошла к мишеням упражняться в стрельбе из лука, и Сельма отправилась с ней. Джара огляделась в поисках пары, и

тут услышала голос за спиной.

— Ищешь пару?

Она обернулась и увидела коменданта Турона. "Что ж, — подумала девушка, обнажая свой удлинённый кинжал, — почему бы и нет?"

Турон вытащил свой меч и встал напротив неё. Джара закружила вокруг него, стараясь выгадать удобный момент для нападения.

— Ты очень грациозно двигаешься, — с какой-то ухмылкой на лице заметил Турон.

— Я знаю, — сверкнула улыбкой Джара и сделала выпад кинжалом. Турон ушёл влево, пропуская девушку. Она затормозила и развернулась.

— Что ж, неплохо, — снисходительно одобрил тот.

— Я могу лучше, — фыркнула Бестия, нападая вновь.

Она ударила опять, но Турон легко подставил меч под удар, вывернулся и оказался за спиной девушки. Бестия моментально развернулась, в повороте занося кинжал. Её клинок опять встретился с мечом Турона. Комендант наконец ударил сам, Джара защитилась и попыталась контратаковать, но Турон ушёл от её выпада всё с той же непринуждённой легкостью. Джара почти шипела от негодования.

— Полегче, красавица. Это же всего лишь тренировка! — улыбаясь, заметил Турон, вновь защищаясь от кинжала девушки.

— Ошибаешься, — улыбнулась Бестия, уворачиваясь от его удара. — Для меня всё битва.

— Вся жизнь — сражение, а? — хмыкнул Турон, подставляя меч её выпаду.

— Что-то вроде того.

Она ловко вывернулась, уходя от его атаки, завертела кинжалом и сделала обманное движение, создавая впечатление, что собирается ударить по верху. Когда Турон инстинктивно отвёл руку вверх, чтобы защититься, Джара ударила, целя в живот. Впрочем, комендант успел среагировать, и клинок Джары зазвенел, отскакивая от меча Турона.

— Почти попался, — ухмыляясь, признал Турон.

Джара ничего не ответила, а только очаровательно улыбнулась, красивым ударом заставила коменданта раскрыться, круто развернулась, ударила опять, выбивая меч из его рук и приставила лезвие своего клинка к его горлу.

— Теперь точно попался, — всё ещё улыбаясь, констатировала Джара.

Сунор барабанила пальцами по поверхности красивого стола

из красного дерева, украшенного резьбой и драгоценными камнями. Она сидела в роскошном кресле, обитом дорогой алой тканью, откинувшись на спинку, закинув ногу на ногу и в нетерпеливом волнении глядя на дверь своей комнаты.

Тут в дверь постучали.

— Наконец-то! — радостно воскликнула Сунор, выпрямляясь в кресле. — Илена, входи.

Дверь открылась, и в покои дочери Дамрафа вошла её ближайшая подруга и личная чародейка Илена. Ей было лет двадцать пять-двадцать шесть, и она была личностью целеустремленной и в себе уверенной.

Илена закрыла за собой дверь и склонила голову в почтительном приветствии.

— Ну? — нетерпеливо спросила Сунор. — Ты узнала, где он?

Илена кивнула.

— Да, Сунор. Как ты знаешь, воинов Ордена Солнца размещали в помещениях гостиниц, где сейчас, во время войны, совсем нет постояльцев. Я выяснила, что отряд некой Аиры, в который входит и Хаарт, находится в гостинице "Благословенье Луны". Второй этаж, комната в конце коридора.

Сунор довольно улыбнулась.

— Замечательно, Илена! Едва отец уйдёт, я…

— Сунор, — прервала её чародейка. — Змейка живёт с ним.

Дочь Дамрафа сморщила красивый носик.

— Фу! Что она мне! Главное, это увидеть Хаарта и поговорить с ним… — Сунор вдруг замолчала и задумалась на минутку. Затем она вновь улыбнулась и сверкнула глазами, и что-то хищное, коварное засквозило в этом её взгляде и в её улыбке. — То, что Змейка с ним, мне только на руку… — Девушка звонко рассмеялась, вскинув подбородок.

— Ты что-то придумала? — загорелись глаза Илены. — Скажи мне!

Сунор откинула роскошные волосы за спину и потянулась, мечтательно глядя куда-то в сторону.

— Потом всё узнаешь, Илена. Потом… Сейчас лучше скажи мне, где мой отец.

Илена пожала плечами.

— Не знаю точно, но он с утра собирается уходить куда-то. После вчерашней победы ещё осталось с почестями похоронить всех павших героев, и это массовое захоронение состоится сегодня днём. А потом будет что-то вроде праздника для всех жителей и гостей Арлана в честь победы.

— Ну и конечно он, как глава Ордена Луны и правитель города, должен присутствовать, — вероломно улыбаясь,

заключила Сунор. — Что ж, это отличный шанс выбраться в город, не считаешь?

Чародейка обеспокоенно посмотрела на неё.

— Все будут на празднике, и Хаарт со Змейкой наверняка тоже. Ты же не собираешься идти на этот идиотский праздник и праздновать с горожанами, этими остолопами и деревенщинами? — Илена презрительно поморщила нос. — К тому же, — прибавила она озабоченно, — твой отец тебя может увидеть.

Сунор фыркнула.

— Я не боюсь отца. Хотя лишние проблемы мне не нужны. Нет, Илена, я собираюсь нанести визит Хаарту после похорон. Пока все, в том числе и отец, будут там, я успею пробраться в гостиницу, где остановился Хаарт, и буду поджидать его и эту кудрявую дурочку. Я им такое устрою, что ни на какой праздник не захочется, уж будь уверена!

Илена покачала головой.

— Осторожно, Сунор. Ты рискуешь навсегда потерять всякое к себе расположение Хаарта. Если уже не потеряла, — тихо прибавила она.

Чёрные глаза Сунор вспыхнули недобрым светом.

— Что ты сказала?

— Ничего, — ответила Илена. — Ничего, Сунор.

— Смотри у меня, Илена, — с угрозой в голосе сказала девушка. — Это скорее ты рискуешь потерять моё к тебе расположение!

— Извини меня, Сунор, — склонив голову, пробормотала чародейка, но за спиной так сжала кулаки, что побелели костяшки.

— Я прощаю тебя, — властным и снисходительным тоном произнесла та. — Но заруби себе на носу, Илена, — добавила она жёстче, — Хаарт будет моим! И ничьим больше! Моим, слышишь?

— Да, Сунор. Так и будет.

Дамраф спускался по лестнице к воротам дворца, когда ему показалось, что он заметил какую-то тень, шмыгнувшую к кухне. Конечно, мало ли кому из слуг понадобится на кухню, но всё-таки чутьё бывалого воина шептало главе Ордена Луны, что здесь что-то нечисто. И, кажется, Дамраф уже начинал подозревать, что.

Он обернулся и указал двум своим верным воинам, всегда сопровождавшим его, готовым жизнь за него отдать, проверить кухню. Они понимали его с полуслова и выполняли приказания беспрекословно, точно и так быстро, как это только было возможно.

Через некоторое время из кухни послышался возмущённый вопль. Дамраф тут же узнал голос и недовольно покачал головой.

— А ну пустите меня, тупоголовые качки! — возмущалась Сунор, когда воины Дамрафа под руки вывели её из кухни.

Сунор метала молнии своими прекрасными глазами, с негодованием глядя на отца. Он спустился вниз и опять покачал головой.

Она вырядилась в чёрный облегающий костюм из особой кожи, подобный тем, что носят первоклассные воры, чтобы скрыться от глаз окружающих. Эта кожа была примечательна тем, что человека, одетого в неё, было очень сложно заметить, словно он был тенью.

— Куда ты собралась, доченька, если не секрет? — спросил он у Сунор.

— Прогуляться, папочка, — дерзким тоном ответила она, ненавистно глядя на всё ещё держащих её воинов. — Сегодня же всё-таки праздник в честь победы! — едко добавила она.

Дамраф сдвинул брови.

— Кажется, я звал тебя пойти со мной на похороны павших героев и на праздник официально, но ты ведь не согласилась! Почему же тебе понадобилось пробираться туда через чёрный вход?

— Хотела повеселиться в образе простолюдинки, — ответила Сунор всё тем же ехидным тоном.

— Да что ты! — деланно удивился её отец. — В таком наряде тебя примут не за простолюдинку, а за воровку.

— Может, я хочу быть разбойницей, — ответила ему она, сдувая со лба прядку, выбившуюся из высокого хвоста, перехваченного на затылке драгоценной чёрной заколкой.

— Ты меня всё больше удивляешь, — сказал Дамраф с упрёком в голосе, вкладывая в эту фразу несколько иной смысл.

Затем он обратился к своим воинам.

— Отведите госпожу в её покои и попросите служанку запереть окна и дверь, а ключ спрятать подальше. И ещё, пусть слуги передадут чародейке Илене, что сегодня после праздника у нас с ней состоится интересный разговор относительно её нового задания.

Воины кивнули и удалились. Дамраф остался стоять у лестницы, задумчиво глядя вслед своей непокорной дочери. Что у неё, Великая Луна, на уме?

Дамраф вспомнил, как он вызволял её из плена в Дэшаме. Ему вывели из города абсолютно другую девушку, и он чуть было не разнёс всё в пух и прах, но тут эта чертовка Илена подошла к этой незнакомой девушке, что-то там прошептала на колдовском

языке, и внешность девушки стала меняться. Через полминуты перед ним уже стояла его дочь, Сунор! Когда ворота города закрылись, и Дамраф приказал отступление, Сунор начала говорить, что над ней издевались и превратили в другую девушку, чтобы отдать её главе города, этому Алагару. Дамраф отлично помнил, как он тогда рассвирепел. Никто не имеет права обижать его дочь!

Битва была кровопролитной. Дамраф иногда сожалел, что столько людей погибло из-за его ярости. В конце концов, Сунор ведь не причинили никакого действительного вреда. Но результат всё-таки был. Дэшам теперь под контролем его Ордена, что конечно же просто отлично. Когда война закончится…

Дамраф задумался. А что будет, когда война закончится? Что будет с союзом Орденов и с Объединённой Армией Света? Он невольно вспомнил Аяллу, её лучистые глаза и мягкую улыбку, красивое сильное тело, грациозно двигавшееся в смертельном танце с мечом во время боя…

На лестнице показались двое его верных воинов.

Дамраф тряхнул головой. О чём это он задумался?…

Огромный раскидистый дуб возвышался над бугорками могил, усыпанных цветами. В битве пало много людей, и все пришли почтить их память. Народ должен помнить своих героев, должен знать, кому он обязан своей свободой.

Высоко над их головами летали птицы, крича в небо. Солнце выглянуло из-за причудливого облака, освещая своими лучами крону старого дуба, словно старающегося обнять могилы воинов, умерших с честью, защищая Арлан и Таэрию, свободу и веру, защищая своих близких, защищая прошлое, настоящее и будущее.

Хаарт приобнял за плечи Змейку, не сдерживавшую слёз.

— Она умерла у меня на руках, — прошептала Змейка, неотрывно глядя на могилы, скрытые под плотным покровом принесённых цветов. — Она просила меня спасти её, Хаарт. Она сказала, что она боится умирать, она умоляла меня, чтобы я не дала ей умереть. А я не спасла её. Она умерла, умерла у меня на руках!

— В этом нет твоей вины, малыш, — сказал ей Хаарт. — Ты не виновата, слышишь?

Змейка повернула к нему своё заплаканное лицо и уткнулась в его грудь. Он обнял её крепче.

— У всех свой путь в этом мире. Кто-то умирает стареньким дедушкой, ну или бабушкой, окружённой своими внуками. А кому-то суждено умереть, как погибла Юна, — мягко говорил Хаарт, гладя вьющиеся волосы Змейки. — Она ведь умерла,

сражаясь за свою страну. Это достойная смерть, Змейка. Разве здесь есть твоя вина? Ты целитель, твоё призвание спасать людей — если это возможно. Ты ведь не наделена силой воскрешения, ты не можешь спасти тех, кого Солнце зовёт к себе.

Змейка всхлипнула.

— Я буду помнить её, Хаарт. Мою подругу и соседку по комнате, молодую и весёлую.

— Конечно. Все будут помнить её, потому что благодаря таким, как она, тем, кто погиб в этой битве, Таэрия останется свободной.

— Хаарт… — позвала Змейка.

— Да?

— Мы ведь с Юной были не вдвоём в комнате, ты ведь помнишь… помнишь Рейну?

— Конечно, помню, — ответил он, и образ смуглой, поджарой, весело улыбающейся девушки с мечом через плечо возник в его памяти. Когда-то, когда он ещё не знал Змейку, Рейна очень нравилась ему, и он знал, что она ему тоже симпатизировала… Но после встречи со Змейкой, Рейна стала всего лишь хорошим другом, ничуть не больше.

— Интересно, где она?… После начала войны резервные отряды отправили в Приозёрные Леса, а остальные, более-менее умелые воины — в Тадор. Рейна была с ними. Но потом, в Тадоре… я не видела её, а ты?

Хаарт покачал головой.

— Но там ведь было столько людей, я не могла видеть всех… Надеюсь, с ней всё хорошо, — прошептала Змейка. — У нас вначале не ладились отношения… Но она всё-таки была хорошей, правда?

— Правда, малыш, — согласился рыцарь.

Сзади кто-то подошёл, и они обернулись. Змейка расширила глаза.

— Аира! — выдохнула она и кинулась к ней.

Воительница улыбнулась и раскрыла объятия. Они крепко обнялись.

— Как же давно я тебя не видела! — воскликнула Змейка, отходя на шаг, чтобы оглядеть её. — Аира… — осеклась она.

Рыцарь печально улыбнулась и невольно прикоснулась к шраму. Выражение её глаз чуть заметно погрустнело.

— Извини, Аира, — виновато сказала Змейка, ругая себя за бестактность.

— Почему вы так странно на это реагируете? — спокойно спросила Аира. — Я воин, а шрамы — это украшение воина. Они свидетельствуют о битвах и одержанных победах… — Она

замолчала, а потом перевела тему. — Вы идёте сегодня на праздник?

Хаарт и Змейка переглянулись.

— Ещё не знаем, но наверное да, — сказал Хаарт. — Давно мы не были на праздниках. Война кончается. Пора возвращаться к нормальной жизни.

Аира вздохнула.

— Одна из важнейших битв позади, но никто не знает, сколько ещё сражений впереди, Хаарт… Хотя ты прав, вам лучше повеселиться. По крайней мере, сегодня никто не посягнет на наше спокойствие.

Небо над крепостью медленно темнело.

В общей столовой проходил ужин. Было шумно. Турон и несколько офицеров-начальников над остальными ещё не пришли, так что солдаты весело обсуждали прошедший день, не забывая уминать еду за обе щёки. Судя по заинтересованным взглядам, Джара, Сельма и Аерис с усмешкой догадывались, какая тема у них сейчас самая распространённая.

— Ах, Бестия, ты только взгляни на того заморыша в левом углу, он явно положил на тебя свой косой глазик! — высокопарным тоном произнёс Тэллар. — Чародейка, а вон тот… хм… в общем, скажем, слегка полноватый паренёк сейчас, кажется, лопнет от поразившей его стрелы любви!

Аерис взглянула на Сокола недобрым взглядом, и тот решил не продолжать.

Через несколько минут двери столовой раскрылись, и вошёл Турон со своими офицерами. Солдаты поднялись, приветствуя их, и сели обратно только после того, как четверо их начальников сами опустились на скамью перед главным столом.

Джара молча ела, раздумывая о побеге из крепости, когда вдруг Тэллар, усмехаясь, заметил:

— Эге, Бестия, ты и нашего начальничка охмурила!

Девушка поперхнулась. Она быстро отпила солидный глоток сильно разбавленного вина из кубка, проглотила кусок, застрявший в горле, и посмотрела на Сокола, как на сумасшедшего.

— Чего? — переспросила она.

Тэллар улыбался ей во весь рот, многозначительно поглядывая то на неё, то в сторону главного стола. Джара не выдержала и тоже посмотрела туда. И тут же резко отвернулась. Ивор, Сельма и Аерис взглянули на главный стол. Турон, комендант крепости, чуть улыбаясь, разглядывал Джару, неприкрыто скользя по ней взглядом.

— Пусть только тронет Джей пальцем… — начал Ивор, сжимая под столом кулаки.

Тэллар расхохотался.

— Да ты что, Грифон! Если к нашей Бестии кто полезет, то я ему искренне сочувствую!

Джара улыбнулась и подмигнула Соколу. Парень прищёлкнул языком, подмигивая ей в ответ, а Ивор обеспокоенно смотрел то на них, то на коменданта.

На ярмарочной площади Арлана под открытым небом ломился от всевозможных яств огромный длинный стол, гостеприимно приглашавший всех, кому хотелось вкусной едой и отличной выпивкой отметить победу. Чародеи пускали в небо множество разноцветных огней, и люди радостно вскрикивали, любуясь на искры, ленты, узоры, вспыхивавшие над их головами всеми цветами радуги.

Змейка рассмеялась карминово-красной розе, засверкавшей алыми огнями в тёмной и глубокой синеве ночного неба. Хаарт, обнимавший её за талию, весело засмеялся вместе с ней, любуясь красотой фейерверка. Счастье нежно окутывало их, и разгоралось всё сильней с каждой волшебной вспышкой в небе, одна ярче другой.

Когда фейерверк окончился, все подняли бокалы за победу и за павших в битве героев. Над площадью разлетелся громкий возглас, звук ударяющихся бокалов. Затем заиграла музыка. Кто-то предпочёл продолжить трапезу и возлияния, а другие направились в свободную часть площади потанцевать.

Хаарт увлёк Змейку в толпу танцующих, и какое-то время они забылись в танце, в упоении глядя друг на друга. А потом, взявшись за руки, они убежали за большой особняк, возвышавшийся над северной стороной площади, и целовались.

Потом, обнявшись, они сидели на холодных камнях улицы и глядели в красивое тёмно-синее небо, на котором мягко, серебристо светила луна.

— Змейка, — тихо сказал Хаарт, поворачиваясь к девушке.

Она взглянула на него, и её светло-карие глаза блеснули в темноте.

— Знаешь, Змейка… Аира, конечно, сказала, что нас наверное ждут ещё сражения…

— Тихо, Хаарт, — шепнула ему она. — Давай не будем сейчас о войне.

— Нет, я не о войне… просто дослушай, что я скажу, хорошо?

Змейка мягко улыбнулась, чуть кивнув головой. Хаарт медленно выдохнул. Потом взял девушку за руки и глядя ей

прямо в глаза, заговорил:

— Змейка, мне кажется, несмотря на это, скоро придёт спокойное время, и всё постепенно вернётся на свои места. Ну знаешь, я имею в виду, люди вернутся домой, Академия опять примет учеников… Но ведь у меня-то больше нет учителя, и можно считать, что я уже посвящённый рыцарь, особенно после всех этих битв… Может быть, я вернусь в Академию, но только в качестве учителя. А ты хочешь продолжить учёбу?

Юная целительница кивнула, ещё не совсем понимая, к чему клонит Хаарт.

— В общем, Змейка… Я хотел тебе сказать… ты конечно знаешь, что я тебя очень люблю. Тогда, в таверне, ты мне сразу понравилась, а когда я увидел тебя в твоей маленькой комнатке, ты ещё стояла с цветком в волосах и улыбалась мне… Тогда я полюбил тебя, — Хаарт остановился на несколько секунд, словно готовясь сказать самое важное. — Змейка, ты самая замечательная девушка из всех, кого я встречал. И после войны, когда я уже как рыцарь и мужчина должен буду сам решать, как и с кем провести свою жизнь…

Змейка затаила дыхание, закусив губу.

— Змейка, я хочу попросить тебя стать моей женой. Ты согласна?

Девушка вдруг рассмеялась, а по её щекам потекли слёзы радости.

— Конечно, согласна!

Хаарт улыбнулся и прижал её к себе, зарываясь в её густые вьющиеся волосы. Змейка плакала и смеялась.

Чёрная, почти незаметная тень шмыгнула из-за угла в перекрёстную улочку.

Когда ужин кончился и все поднялись из-за столов, к Джаре подошёл Квент.

— Джара, комендант зовёт тебя как главную в вашем отряде. Это что-то насчёт вас пятерых, он кажется, насколько я понял, собирается дать вам задание.

Бестия довольно улыбнулась.

— Это донельзя хорошая новость, Квент. Я уже лечу к нашему коменданту.

Она обернулась, подмигнула своим и отправилась за Квентом к комнате Турона. Они вышли из столовой, прошли по длинному коридору и поднялись на два уровня крепости выше. Квент указал на дубовую дверь, которую охраняли двое солдат.

— Это вроде не то место, куда нас привели, когда мы тут появились, — произнесла Джара с сомнением в голосе.

— В той комнате комендант работает в течение дня, а это его личные покои, — пожав плечами, объяснил Квент. — Сейчас-то уже вечер.

— Понятно… — протянула Джара, потом собралась что-то ещё спросить, но Квент уже ушёл к лестнице.

Девушка пожала плечами и направилась к двери. Солдаты открыли дверь и пропустили её внутрь. Джара вошла и увидела Турона, удобно усевшегося в большом кресле, обтянутом шкурой.

— Добрый вечер, Джара, — улыбаясь, сказал он, и от этой его улыбки Джаре стало не по себе.

— Добрый вечер, господин комендант, — ответила она, немного неловко стоя у порога.

— Проходи, Джара. Садись, — он указал на кресло около своего.

Бестия тряхнула чёрной косой и уверенным шагом прошествовала к креслу. Сев, она попыталась сразу перейти к делу.

— Что за задание вы собираетесь дать нам? — спросила она. Турон внимательно разглядывал её, улыбаясь уголками губ.

— Знаешь, Джара, я прекрасно понимаю, что вы никакие не искатели приключений и в ваших планах никогда не было вступить в таэрийское войско. Вас ведёт в Таэрию какая-то цель, очень важная для вас, но какая не знаю и допытываться не буду: не моё это дело.

Джара удивлённо подняла брови. Уж чего-чего, а такого разговора от Турона она не ожидала.

— Вижу, ты удивлена… Я не хочу вас тут держать, но и не могу я просто так взять и отпустить вас. Однако в моей власти дать вам любое задание в любую точку Таэрии, так как я тут главный. Просто скажи мне, куда вы держите путь. Я не спрашиваю ваших причин.

— В Арлан, — не раздумывая, ответила девушка.

— Хорошо. Задание выдумать не сложно. Вам даже не нужно будет его выполнять, просто я не хочу терять своего авторитета перед своими людьми, ты ведь как воин понимаешь: командир должен быть безупречен. Это один из залогов хорошего боевого настроя его солдат.

Джара благодарно улыбнулась, думая, что ошибалась насчёт Турона, подозревая, что от него следует ожидать какой-то подлости.

— Спасибо, господин комендант. Я вам очень признательна. Нам можно готовиться к заданию? — она встала с кресла.

Турон поднялся и встал напротив неё. На его лицо вдруг наползла неприятная улыбка.

— Одной признательности мало, Джара. Ты очень красивая девушка, ты знаешь об этом? Ты мне нравишься, — он шагнул вперёд, оказываясь с наёмницей лицом к лицу.

Джара отодвинулась, мысленно проклиная всё и вся.

— О чём вы? — спросила она, пытаясь оттянуть время.

— А ты не догадываешься, Джара? — опять приближаясь к ней, спросил он всё с той же улыбкой на лице. Джара опять отодвинулась назад. — Ты красивая женщина, а я мужчина, которому ты очень нравишься. И как ты думаешь: чего я могу от тебя хотеть?

Он сделал шаг к ней, она — два назад и упёрлась в стенку. Джара чертыхнулась про себя, а Турон подошёл к ней вплотную и опёршись рукой о стену, наклонился к её лицу.

— Проведи эту ночь со мной, Джара. А завтра вы с друзьями отправитесь в Арлан.

— Я вам не шлюха, господин комендант, — бросила ему в лицо Джара, резко ударила его коленом в пах, поднырнула под руку и оказавшись за спиной, с разворота пнула его, скорчившегося от боли, и Турон, улетев на стол, прокатился по его поверхности и грохнулся на пол по другую сторону.

Джара усмехнулась и бросилась к двери. Она была не заперта, но у порога её встретили скрещённые алебарды стражников.

Бестия мило улыбнулась.

— Ну-ка пропустите меня, мальчики. Я уже удовлетворила вашего начальничка, правда не совсем так, как ему того хотелось.

Разъярённый Турон возник у неё за спиной, но она интуитивно его почувствовала, быстро пригнулась, и тяжёлый кулак коменданта вмазал одному из стражников, из любопытства заглянувшего в комнату.

Джара вскочила за спиной Турона, пнула его в спину, и он налетел на стражников. Трое мужчин повалились на пол, а девушка перевела дыхание и приготовилась к следующей схватке.

Стражники, чуть шатаясь, поднялись, и в свете настенных факелов сверкнули лезвия алебард. Бестия вытащила кинжал, невольно сравнивая размеры своего оружия с алебардами, затем невесело усмехнулась и вложила кинжал обратно. Турон, меч которого остался в комнате, взял факел со стены и качая головой произнес:

— Ты зря это делаешь, Джара. Всё бы могло быть по-другому. А теперь ты и твои друзья умрёте.

— Это только ты так думаешь, — заверила его Джара.

Турон бросился на неё, и Джара, встречая его атаку, мысленно усмехнулась, оценивая своё выгодное положение:

проём двери был узок для двоих крепких мужчин, так что она спокойно могла расправиться с ними по одному.

Джара отбила удар Турона, ловко избегая язычков пламени факела. Она заехала коменданту локтем чуть ниже шеи и тут же отвела руку назад, резким ударом выбивая факел в комнату. Турон схватился за ушибленное место, задыхаясь и сгибаясь. Джара ударила его ребром ладони по шее, затем, опираясь на его плечи, пнула коленом в живот и откинула в сторону.

Стражники всё-таки втиснулись в дверной проём вдвоём и напали на девушку. Они синхронно занесли алебарды и ударили, но Бестия увернулась, и тяжелые лезвия алебард вонзились в деревянный пол. Стражники задёргали алебарды, тщетно пытаясь вытащить их. Джара встала между ними и резко развела руки, одновременно врезая каждому локтём по лицу. Затем она крутанулась, так что они оказались к ней спинами. Стражники не успели развернуться, как Бестия подпрыгнула, выбрасывая обе ноги в прыжке. Воины, получив по удару ногой в спину, повалились на пол, ушибшись о свои же алебарды. Джара подошла и ударила каждого рукоятью кинжала по голове. Стражники отключились

Она обернулась, чтобы уйти, и вздрогнула, увидев прямо перед собой очухавшегося Турона, уже с обнажённым мечом.

— Ну что, сразимся ещё раз? — спросил он, кружа вокруг неё.

— В тот раз ты проиграл, и на этот раз будет то же самое, — пообещала ему девушка, мягко переступая по кругу.

— Это мы ещё посмотрим, — хмыкнул Турон и сделал выпад мечом.

Джара увернулась вбок, ударила с разворота. Турон отразил её удар, потом ударил сам, да с такой силой, что Бестия пошатнулась и рука скользнула по рукояти кинжала. Девушка перехватила оружие, сдула прядку со лба, бросилась в атаку.

Они бились около пятнадцати минут, когда Джара со злорадством отметила, что уже до этого изрядно побитый Турон выдохся и сражается всё слабее и слабее. Его рукав был разорван, открывая длинную кровавую рану. Джара же была всё такая же быстрая и ловкая. Она давно по-настоящему не сражалась (последний раз они бились с дикарями в Лесу Потерянных Голов, но это было немного не то), поэтому дралась с каким-то безумным весельем, впрочем, как всегда.

Резкий удар! Меч Турона отлетел в сторону, и вот кинжал Джары уже у его горла.

Девушка улыбнулась.

— Ну что? Кто проиграл, догадаться несложно, а? — спросила она с усмешкой.

Турон хмыкнул.

— Ты.

Он резко перехватил её руку — она не успела среагировать, — отвёл кинжал в сторону и ударил Джару в живот. Она согнулась, стиснув зубы от боли. Комендант замахнулся, но тут Бестия совладала с болью, увернулась от удара и едва оказавшись лицом к лицу с Туроном, полоснула того кинжалом по шее. Хлынула кровь.

Джара отошла в сторону. Комендант рухнул на колени, хватаясь за горло, и что-то сдавленно прохрипел. Девушка вытерла о его спину кинжал, вложила его в ножны и вышла из комнаты. Дверь она плотно закрыла.

В коридоре горели факелы. Было спокойно. Джара поблагодарила коменданта, что его покои в такой отдалённой части крепости. Вряд ли кто слышал звуки битвы.

Бестия оглядела себя. Кровь Турона всё-таки обрызгала её. Она выругалась, стёрла что смогла, не церемонясь вытерла руки о стену и пошла прочь.

В комнате друзья ещё не легли спать: они ждали её.

— Джара? Ты где бы… ах, чёрт, что с тобой?! — вскрикнул Тэллар, поднимаясь с места.

— Джара! На тебе кровь… — начала Сельма.

— Это не моя кровь, — отрезала Бестия, подходя к своей кровати.

— Что случилось? — хором спросили все.

— Объясню по дороге, — быстро ответила девушка, собирая вещи. — Давайте, вы тоже собирайтесь. Быстрее! Пока ещё не обнаружили, что я устроила в комнате Турона.

— Что ты устроила? — переспросил Ивор. — Джей, ты нам объяснишь?

— Сказала же: по дороге. Всё, без вопросов. Собирайтесь.

Хаарт, смеясь, открыл дверь в их со Змейкой комнату в гостинице. Змейка прошла внутрь, улыбаясь. Внутри было темно. Из окна луна бросала тусклые лучи. Хаарт закрыл дверь, нащупал в темноте светильник и зажёг его.

Змейка слабо вскрикнула.

— Что такое? — обеспокоенно спросил Хаарт, подходя к ней и обнимая за плечи. Проследив её взгляд, он замер.

В углу в кресле сидела Сунор.

— Что ты тут делаешь? — жёстко спросил юноша, пытаясь сдержать рвущуюся злость.

— Кто это, Хаарт? — тихо спросила Змейка, поднимая взгляд на парня.

— Ну наконец-то мы с тобой познакомимся, — сладким голоском проворковала Сунор. — Меня зовут Сунор, я дочь Дамрафа. Надеюсь, объяснять, кто это, не надо. Я…

— Что ты тут делаешь? — повторил Хаарт ещё жёстче, сам того не заметив, сдавливая плечи Змейки.

— Пришла повидаться с тобой, любимый, — улыбнулась Сунор.

— Любимый? — слабо повторила Змейка, растерянно глядя на незнакомую роскошную девушку.

— Убирайся отсюда, — с холодной злостью сказал Хаарт.

— Хаарт, — медовым голосом произнесла его имя та. — Мы со Змейкой ещё не поговорили. Мне столько всего нужно ей сказать! Не зря же я сюда пришла, правильно?

— Убирайся, я сказал, — с нажимом повторил рыцарь. — Я не хочу тебя видеть.

— Нет, Хаарт, — вдруг возразила Змейка. — Пусть она скажет. Я хочу послушать.

— Не надо, Змейка… — начал парень.

— Я хочу послушать её, — твёрдо повторила девушка. — Говори, — обратилась она к Сунор.

Хаарт, не зная что делать, отошёл от Змейки и прислонился к стене. Змейка зажгла ещё один светильник и села напротив Сунор. Та улыбалась своей колдовской улыбкой, и юная целительница не могла не отметить её удивительную красоту, такую яркую и бросающуюся в глаза.

— Что ж, Змейка. Да, не удивляйся, я тебя давно знаю. Просто ты обо мне и не подозревала. Откуда я знаю Хаарта, а заодно и тебя? Я расскажу тебе. Когда на отряд Солнца напали Кривые Клинки, элитные воины Луны, то перебили всех, кроме одного — моего любимого Хаарта, — произнесла она со смаком.

Змейка не знала, что и сказать. Она ничего не понимала, но её сердце уколола ревность.

— Я забрала его в крепость Луны, выходила его, вылечила и влюбилась. Ты, конечно же, меня поймёшь, ведь ты сама любишь его больше жизни. Он — самый красивый, самый храбрый, самый лучший. Не смотри на меня так, любимый. Хотя нет… смотри. Мне любой твой взгляд приятен.

Хаарт тут же отвернулся, а Сунор улыбнулась, заметив, что у Змейки на глаза наворачиваются слёзы.

— Я не буду скрывать, что Хаарт отвергал меня. Но всё же я уверена, что он заметил, как я красива. Конечно же, я лучше тебя, разве ты сама этого не понимаешь?

Змейка отвернулась, глотая слёзы.

— Замолчи! — вскрикнул Хаарт, подходя ближе. — А ну

убирайся отсюда!

— Нет! — подняла голову Змейка. — Пусть расскажет до конца.

— Ну вот… на чём я остановилась? Мой любимый жил в крепости, а я любовалась им каждый день. Я добивалась его любви, и ты знаешь, что случилось в один прекрасный день? Вернее, в одну прекрасную ночь?

Змейка посмотрела на неё глазами, блестящими от слёз.

— Молчи, Сунор. Ты обманула меня, и…

— Факт остаётся фактом, любимый, — оборвала его Сунор. — Мы занимались любовью, Змейка, — смакуя каждое слово, произнесла она.

— Змейка! — выкрикнул Хаарт. Он быстро подошёл к ней, опустился у её кресла на колени. — Малыш, не верь ей…

— Хочешь сказать этого не было? — с наигранным удивлением спросила Сунор.

— Но ты меня обманула! Змейка, она превратилась в тебя, понимаешь? Змейка, не плачь, я сейчас выгоню её, малыш, прошу тебя…

— А ты не мог подумать: откуда в крепости Луны может быть твоя Змейка? В глубине души ты понимал, что это я, заколдованная в её облик…

— Замолчи! — вскрикнул Хаарт. Он поднялся, схватил Сунор за запястье и рывком поднял её с кресла. — Убирайся вон отсюда, Сунор!

Он собирался потащить её к двери, но Змейка поднялась с кресла и остановила его. Сунор смотрела Хаарту прямо в глаза, и не делая никаких попыток вырвать руку. Хаарт сам отпустил её и непонимающе посмотрел на Змейку.

— Малыш, зачем тебе это? — тихо спросил он. — Она меня обманывала. Говорила, что попросит отца вырезать до одного всех из резервных отрядов, если я не буду с ней.

— Хаарт, пусть скажет всё, — слабо выговорила Змейка.

Сунор послала юноше воздушный поцелуй, а потом села обратно в кресло и продолжила:

— Потом мы отправились к другой крепости, и на одном из привалов, в моём шатре, Хаарт снова любил меня… — поигрывая чёрной прядкой, она мечтательно прикрыла глаза. — Это было удивительно, Змейка. Скажи, ведь у вас ни ещё не было такой близости? Скажи мне. Думаю, не было — я ведь права? Что ты отворачиваешься? Прячешь свои слёзы? Можешь не прятать, я всё равно знаю, что ты плачешь.

Хаарт подался вперёд, но Змейка остановила его взглядом заплаканных глаз.

— Змейка, послушай, я пришла, чтобы ты увидела, какая у тебя соперница. Я хочу, чтобы ты поняла, насколько ты некрасивее меня. Ты — можно сказать, ребёнок, чувство Хаарта к тебе — милая привязанность, и не более. Только я могу подарить ему настоящее, жгучее чувство безумной любви, пламенной страсти…

— Молчи! — опять не выдержал Хаарт. — Змейка, всё! Я больше не хочу её слушать. Это всё неправда! Я люблю только тебя, малыш, разве ты не знаешь? Не плачь, милая. Убирайся отсюда, Сунор! — рявкнул он на ту. — Я тебя ненавижу, дочь Дамрафа! Слышишь: ненавижу!

Сунор рывком поднялась и заглянула ему прямо в глаза.

— А я люблю тебя. И ты всё равно будешь моим.

Она повернула голову к Змейке.

— Утри слёзы. И посмотри в зеркало.

— Убирайся, — процедил Хаарт, чувствуя жгучее желание ударить Сунор.

Она только улыбнулась ему и вышла из комнаты.

Хаарт сел около Змейки и нежно обнял её. Она никак не отреагировала, только молча и не двигаясь сидела на краешке кресла, уставившись в одну точку, не в силах совладать со слезами.

— Змейка, — нежно позвал Хаарт. — Змейка, милая…

— Она, наверное, права, — тихо проговорила Змейка, продолжая неотрывно смотреть в пол. — Меня с ней и не сравнить, верно? Тебе лучше быть с ней… она тебя более достойна…

Хаарт вдруг крепко прижал её к себе.

— Что ты такое говоришь! Всё, что я делал, было только ради тебя. Я не мог рисковать твоей жизнью, я готов был пожертвовать всем, даже своими чувствами, собой, своей жизнью, лишь бы убрать любую опасность, грозящую тебе! Змейка, ты представить не можешь, как я люблю тебя! Я ненавижу эту Сунор; во мне никогда не было ни капли симпатии к ней! Мне было больно быть с ней, но я утешал себя мыслью о тебе, воспоминаниями о нас… Малыш, я тебя люблю больше жизни! Пожалуйста, не плачь и поверь мне! — говорил он, нежно гладя её волосы, обнимая и целуя.

Змейка подняла взгляд, обратив к нему лицо, мокрое от слёз. Но она слабо улыбалась.

— Хаарт… тебе правда безразлична Сунор? Ты ведь правда… любишь меня?

— Конечно! — выдохнул он. — Она не просто безразлична мне, она мне ненавистна и противна, и так было всегда, и будет!

Я люблю только тебя, Змейка, только тебя!

Он опять крепко обнял её, и она уткнулась ему в грудь.

— Змейка… давай поженимся завтра? — вдруг сказал он.

Она посмотрела на него с удивлением и улыбкой.

— Завтра?… Но Хаарт, завтра… мы не успеем! Столько приготовлений, и ведь ещё нужно будет съездить за моими родителями… Хаарт, а они ведь даже с тобой не знакомы, да что там, ничего о тебе не знают!

— Завтра же с утра поеду за ними и познакомлюсь! И привезу, — улыбаясь, сказал он. — А ты с Аирой займёшься приготовлениями… Нам ведь не нужна пышная свадьба, правда? Маленькая церковь, несколько друзей… Солнышко моё, ты согласна?

Она помолчала, глядя в его светящиеся любовью глаза, и ответила:

— Да!

Он рассмеялся от радости и поцеловал её.

— Вы куда? — остановили их дозорные.

— Комендант дал нам задание, — невозмутимо ответила Джара.

— Пропустить их, господин офицер?

Из темноты вперёд вышел один из офицеров Турона. Он внимательно оглядел Джару.

— Вам было дано задание? — переспросил он.

Джара кивнула.

— Да. Я… выполнила условие, поставленное господином комендантом, — добавила она, опустив голову и усиленно разыгрывая, что ей будто бы стыдно.

Офицер, явно бывший в курсе всех дел и намерений своего начальника, ухмыльнулся, а потом повернулся к дозорным, давая знак открывать ворота. Те с грохотом и громким скрипом отворились.

Пятёро друзей вскочили на своих коней и ускакали в ночь.

Утро они встретили в пути.

— А ты ещё жаловался, что я не придумаю, как нам убежать! — весело сказала Джара.

— Ладно-ладно, я был не прав, но согласись, твой способ был не из лучших… — начал Тэллар.

— Вечно ты всем недоволен, Сокол! — фыркнула девушка. — А что я должна была делать, по-твоему? Не собираюсь ни под кого ложиться, даже во имя спасения мира.

— Нет, нет! — замахал руками парень. — Я вовсе не это имел

в виду, Бестия!

— Короче говоря, главное, что мы выбрались, — подвела итог Сельма. — А этот ублюдок Турон сам напросился, — добавила она.

— Ого-го-го, Чародейка! — воскликнул Тэллар, с удивлением глядя на неё.

Сельма заулыбалась.

— А ты думал я только и умею, что изучать карты да накладывать заклинания? — весело спросила она.

— Теперь только Аерис осталось станцевать на столе в ближайшем баре, чтобы я умер от удивления!

— А что, думаешь, я не смогу? — с вызовом спросила Эльфийка.

Брови Тэллара поползли вверх.

— Но ты не дождёшься, — успокоила она его со смехом.

— Хотелось бы поглядеть на лица солдат, когда они найдут в комнате коменданта его труп и валяющихся без сознания стражников, — поменяла тему Джара.

— Надеюсь, они не вышлют за нами погони, — проговорил Ивор, оглядываясь назад.

— Вряд ли, — сказала Эльфийка. — Они не рискнут потревожить коменданта, пока он сам не поднимется. Может, они до сих пор не обнаружили его труп.

— Но те стражники, которых оглушила Джара, наверное, уже очухались и подняли тревогу, — возразил Грифон.

— За ночь мы далеко уехали, не беспокойся, они даже не будут знать, в какую сторону мы направились, — заверила его Бестия. — Кстати, Сельма, что там с картой? На пути есть какой-нибудь город? Ужасно хочется нормально выспаться, вымыться и поесть.

— Может, не стоит рисковать ещё раз? Теперь-то нам могут и не поверить и отправят в темницу как шпионов, — высказал опасение Ивор.

— Фу, Грифон, ты хуже Чародейки! — махнул на него рукой Тэллар. — Ну ты, Сельма, конечно, не обижайся, но такое чувство, что это он у нас теперь Господин Серьёзность и Осторожность, а не ты!

Чародейка только улыбнулась.

— Ивор прав, что беспокоится, но вообще-то, в Адисе, как называется ближайший населённый пункт, нам поверят скорее, чем в крепости Луны. Мы, во-первых, в одежде солдат Ордена Луны, а Адиса, как и столица Таэрии Дэшам, сейчас под контролем этого Ордена, — принялась объяснять она. — А во-вторых, мы просто скажем, что мы раньше были в отряде одной из

крепостей Луны, а теперь хотим вступить в Объединенную Армию Света, вот и всё. К тому же, я бы тоже хотела хорошо отдохнуть, — прибавила она. — Неизвестно, когда нам в следующий раз это удастся.

— Да ладно уж, не будь такой пессимистичной, — улыбнулась Джара. — Значит, решено: едем в Адису!

— Честно говоря, Змейка, я тебе буду плохой советчицей. Ты не представляешь, как давно я последний раз надевала платье!

— Пожалуйста, Аира! — взмолилась Змейка. — Мне больше не с кем пойти.

— Ну хорошо, хорошо, уговорила, — улыбнулась Аира. — Пойдём.

И Аира отправилась со Змейкой выбирать ей свадебное платье.

Спросив у прохожих, где находится магазин готовой одежды, они направились по главной улице в западную часть города.

Магазином оказалось приветливое двухэтажное здание с яркой вывеской "Платья от Лоарвены". Змейка и Аира переглянулись и вошли внутрь.

Внутри тоже было уютно. Вдоль стен стояли многочисленные вешалки с разной одеждой, а у дальней стены было несколько кресел и невысокий столик. Откуда-то вдруг появилась сама хозяйка, госпожа Лоарвена, женщина лет сорока, с замысловатой причёской, в цветастом платье.

Она любезно поприветствовала Змейку и Аиру, пригласила присесть, выпить чаю и рассказать, что их интересует. Узнав о предстоящей свадьбе, она всплеснула руками и принялась так горячо поздравлять Змейку, что та даже смутилась. Впрочем, вскоре они приступили к главной процедуре — выбору свадебного платья для счастливой невесты.

После долгих обсуждений в результате нелёгкого решения, было выбрано длинное платье из тонкой белой ткани. Подол, вырез, обнажавший плечи, и рукава длиной чуть ниже локтей были расшиты красивыми узорами из серебристых нитей. Верх платья плотно облегал тело, а юбка от талии нежно струилась до самого пола.

Змейка покружилась на месте, и Лоарвена захлопала в ладоши.

— Это как раз то, что нужно! Берите обязательно!

После того, как Аира расплатилась с ней и приняла завёрнутое в бумагу платье, хозяйка попросила подождать их минутку, и вскоре появилась с каким-то свёртком. Там оказались прелестные белые туфли.

— Это подарок, — заявила Лоарвена, вручая их Змейке. — Нет, не отказывайся! Я хочу подарить их тебе как самой красивой невесте, которой я когда-либо шила или продавала свадебное платье.

Немного смутившись, Змейка взяла свёрток и от всего сердца поблагодарила Лоарвену.

Затем, довольные приобретением, они с Аирой вышли из магазина.

— Кстати, я совсем забыла, — вдруг сказала Аира. — А где Хаарт?

— Он поехал в Адису, — ответила Змейка. — Вечером вернётся.

— А зачем ему туда? — удивилась рыцарь.

Девушка заулыбалась.

— Он привезёт моих родителей!

В зале собраний Братства Трёх Звёзд стоял гул. Заседание длилось уже больше двух часов, и с каждой минутой напряжение возрастало, пока наконец не вылилось в массовую истерику.

— ТИХО! — проорала Шииниса, одна из двенадцати Верховных Чародеек. Шум не умолкал. Шииниса прошептала заклинание, и по залу раздалось громовое: — ТИХО!!!

На этот раз братья и сёстры Трёх Звёзд умолкли. Шииниса вздохнула и вышла в центр ораторской площадки.

— Братья и сёстры! — заговорила она, и с помощью особого волшебства стен её голос прокатился по всем рядам. — Давайте обсудим всё спокойно, без обвинений и скандалов. Итак, сестра Арина, прошу выступить с вашим докладом по осаде Арлана ещё раз. И на этот раз попрошу выслушать спокойно и до конца, — с нажимом сказала она. — Прошу вас, сестра, — повторила она и устало села в кресло.

В центр вышла молоденькая чародейка в длинной мантии синего цвета, что означало её принадлежность к Синей Звезде. Арина прочистила горло и начала:

— Известные факты я повторять не буду, я имею в виду стратегию и расстановку войск. Вначале всё шло по плану, однако, первое, что всё-таки нужно отметить, это то, что наше нападение не было неожиданностью, как мы рассчитывали. Город был готов к осаде. Это значит, они знали о нашей атаке. — Арина замолчала, оглядывая зал.

По рядам опять побежал шёпот.

— За организацию нападения отвечала Красная Звезда! — выкрикнул кто-то из толпы в зелёных мантиях.

— Мы всё организовали по плану Братства! — закричали

волшебники в красном. — Скорее нас кто-то предал!

— На что это вы намекаете?!

Опять поднялся шум. Шииниса тяжело вздохнула, а потом хлопнула в ладоши, увеличивая звук силой магии. В зале взорвался оглушительный хлопок, и все замолчали.

— Я уверена, что информация просочилась, но сейчас сложно будет вычислить разведчиков врага или предателей в стане своих, — сказала Шииниса. — Давайте дослушаем Арину. Есть и другие важные вопросы.

После кивка Шиинисы Арина продолжила:

— Первые несколько часов битвы перевес был на нашей стороне, но затем всё пошло наперекосяк. Элитный королевский отряд получил немедленный приказ об отступлении, хотя командующие войска отказываются, что выдавали такой приказ. Отступление элитных отрядов образовало брешь в наших рядах и значительно подорвало силы…

— Но ведь войском командовали Верховные Чародеи! — раздалось в зале. — Госпожа Шииниса, объяснитесь!

Шииниса метнула злобный и усталый взгляд.

— Мы не отдавали приказа об отступлении! Ни тогда, ни после. Что-то случилось со связью.

— Да, — кивнула Арина. — Об этом я тоже хотела сказать. Связь нарушилась, затем возобновилась, и был получен приказ об отступлении всего войска. Затем Верховные Чародеи вновь приказали осаждать город. Войско было в замешательстве, чем воспользовался противник. Противоречивые приказы поступали на протяжении всей битвы. В конце концов, таэрийцы одержали победу, и наше войско спешно телепортировалось в леса на границе страны. У меня всё, — сообщила девушка.

Шииниса кивнула, и Арина прошла на своё место

— Кто посылал приказы об отступлении? — снова раздалось из зала.

— Если вы не забываете, я сама Верховная Чародейка. И я контролировала все отходившие войску приказы, — холодно напомнила Шииниса. — Не было ни одного об отступлении. Однако я могу сказать, что со связью действительно постоянно были неполадки.

— Кто же тогда это сделал?!

— Если бы я знала! — раздражённо сказала чародейка. — Они бы давно уже… — она не договорила. — Есть ещё вопросы. Это насчёт короля. Для вас всех, уважаемые, не секрет, что Братство всегда оказывало влияние на правящие слои и само управляло страной. Однако в последнее время, где-то после начала войны, происходит нечто странное. Во-первых, король

отослал от себя прочь в разные дальние уголки страны всех своих советников — членов Братства и его союзников, бывших нашими посредниками и исполнителями, якобы под предлогом королевских заданий. Магический шар, с помощью которого верхушка Братства следила за королём, контролировала его действия и влияла на его решения, внезапно перестал работать, а затем и вовсе взорвался от энергетического перенапряжения, вызванного непонятно чем. Мы утратили влияние на короля и даже связь с ним. Он не отвечает на послания из Братства.

Шииниса замолчала. В зале опять нарастал гул, но на этот раз чародейка не мешала обсуждению столь важного вопроса. Она устало оглядела кресла Верховных Чародеев. Одно пустовало — кресло председателя Братства. После гибели Эйдана в битве при Тадоре в спешном порядке исполняющей обязанности председателя была назначена она, Шииниса, сестра Зелёной Звезды и уже который год Верховная Чародейка, однако на официальное посвящение в главную служительницу Трёх Звёзд времени пока не было и права сидеть в кресле самого-самого Верховного Чародея она не имела. Пока.

— А где Элина? — внезапно раздался вопрос из зала.

Шииниса ушла от размышлений и задумалась над вопросом. Действительно, где же бывшая глава Братства, со скандалом покинувшая зал советов после провозглашения Эйдана новым председателем, и отринувшая Три Звезды?

— А я здесь, — раздался вдруг мелодичный голос, и сотни голов повернулись в сторону входа в зал.

По узкой дорожке, которая вела к ступеням на ряды и к площадке ораторов шла Элина, экс-глава Братства, могущественная чародейка и просто красивая женщина. Ей было уже не меньше девяноста лет, но что значит возраст для настоящего мага? За ней собственной великолепной особой шествовал сам король Аронварда Друфельбер Четвёртый, а после, метая грозные взгляды, бодро вышагивала личная стража правителя. Увидев короля в сопровождении Элины, только что упомянутой на совете, многие чародеи не сдержались изумленного вздоха. Элина, обворожительно улыбаясь, встала в центре ораторской площадки. Около неё встал король. Стража оцепила площадку.

— Ваше Величество! — Шииниса поднялась с места и натянула улыбку, тщетно стараясь понять, что происходит. — Мы рады приветствовать Вас…

— Брось, ведьма! — махнул рукой король. — Я прекрасно знаю, как тут ко мне относятся.

В зале наступила гробовая тишина. Шииниса почувствовала,

как невольно потеют ладони и дрожат пальцы. Обычно невозмутимая чародейка серьёзно забеспокоилась.

— Ваше Величество, — вновь начала она.

— Кажется, Его Величество уже попросили тебя помолчать, — дерзко улыбаясь, сказала Элина.

Шииниса чуть не задохнулась от негодования, но, конечно, смолчала. Король тем временем оглядывал зал советов. Наконец, он повернулся к Шиинисе и сказал:

— Так вот, значит, они. Все, кто как наивного ребёнка все эти годы водили меня вокруг пальца, вешали лапшу на уши, заставляли делать всё, что было им выгодно, не считаясь ни со страной, ни с народом, ни, самое главное и возмутительное, с самим королём, то есть мной.

Улыбка вежливости медленно сползала с лица Верховной Чародейки, а та тщетно старалась её удержать, так что в конце концов физиономия Шиинисы образовала кривую гримасу.

Элина в который раз улыбнулась.

— Слушай, подружка, не корчись так, тебе не идёт. Тебе вообще твоё лицо не идёт, лучше закрой его, так симпатичнее смотрится.

Шииниса только рот раскрыла.

— Итак, может, объяснимся? — начал Друфельбер Четвёртый. — После того как вы неразумно выгнали эту прекрасную, замечательную и умную женщину… — Он с обожанием взглянул на Элину, а та ответила ему нежным взглядом. — …она отправилась к своему королю, чтобы развеять магию, которой вы оказывали на меня влияние. С помощью неё я разоблачил своих советников и наконец понял предназначение этих странных зеркал, которые Братство развесило по всему дворцу будто бы для моей защиты. В результате этого вы остались без своих людей в моей резиденции, а ваш шарик разлетелся в пух и прах. Я вернул себе трезвый ум и способность самолично править своей страной. И в этом целиком и полностью заслуга этой очаровательной женщины, — вновь взглянул он на бывшую главу Братства.

— Но, мой король! — в сердцах воскликнула Шииниса. — Будучи в Братстве, Элина сама управляла всей системой воздействия на вас и чуть ли не правила страной! Конечно, едва её сместили с поста главы, она ушла, хлопнув дверью, и отправилась всех нас сдавать, позабыв, какую роль она сама играла во всём этом!

— Я раскаялась, — повела плечом Элина, строя глазки королю.

— Конечно! — с готовностью подтвердил монарх и

повернулся к Шиинисе. — Тебе лучше не усугублять своё и без того шаткое положение оскорблениями в адрес этой непорочной женщины. Итак, Элина помогла мне трезво взглянуть на войну, и я решил, что стране она не нужна. Я хочу мир для своего народа.

— Да, — кивнула Элина и продолжила: — Прекрасно зная, как вы связываетесь с людьми, находящимися на далёком расстоянии, я перехватила все пути и сама раздавала приказы об отступлении. Вы, конечно, врывались на связь, но сражение было проиграно, чего Его Величество и добивалось.

— Тем более, единственные действительно преданные мне люди, то есть мои элитные отряды, вернулись в целости и сохранности, — добавил Друфельбер. — А затем битва закончилась. Потом я отослал приказ о возвращении армии домой, в Аронвард. Надо будет послать дипломатов в Таэрию, напомни мне, Эл, хорошо?… Итак, всё войско уже здесь. Воинов наградили и отпустили по домам, а вот с волшебниками будет отдельный разговор. Как и с вами всеми, — окинул он королевским взглядом зал советов. — А особенно с вами, госпожа чародейка.

Шиниса тихо застонала.

— Все, не замешанные во всём происходившем непосредственно, должны будут присягнуть мне в верности и покорности на всю свою жизнь особой жёсткой клятвой, затем они отправятся трудиться на благо страны. А вот Верховные Чародеи, в том числе и госпожа Шиниса, будут снабжены чудесными браслетами из материала, известного как *немагик*…

По рядам чародеев пронёсся стон. Камень астакрел, или немагик, заглушал любое волшебство. Никто не может применить чар в соприкосновении хоть с малейшей частицей астакрела. Другими словами, король обещал своим чародеям кандалы.

— …и направлены в каменную пустыню на границе страны и прощены тогда, когда — без помощи своей великой магии, конечно, — разобьют там сад, — издевательски улыбнулся король.

— Но это нереально, Ваше Величество! — выкрикнули Верховные Чародеи.

— Это только ваши проблемы, — всё ещё улыбаясь, сказал Друфельбер.

— Ваше Величество, сжальтесь! — взмолилась Шиниса. — Мы там умрём!

— Хотите публичную казнь? — рассеянно осведомился король. — Повешение, отсечение головы, а может, четвертование или костёр?

Шиниса закусила губу, сжала кулаки и уставилась в пол.

Затем вдруг вскинула руки, прошептала заклинание, и в короля и стражников посыпался град молний. Чародейка открыла портал в метре от себя и кинулась к нему. Элина тем временем создала над собой, королём и стражей огромный щит и тут же выкинула руки вперёд. С пальцев её сорвались серебряные нити. Они в мгновение ока оплели бунтарку и потащили назад. Портал закрылся, молнии исчезли, за ними и щит.

— Ай-яй-яй, — покачал головой Друфельбер. — За эту выходку наказание ожесточится, и ой как сильно.

Шииниса взвыла и задёргалась. Элина погрозила ей тонким пальчиком.

— Сиди смирненько, Шинни. Глядишь, хоть похоронят тебя целой.

Солнце катилось к горизонту, окрашивая небо в золотые и алые краски, а на фоне заката чёрным выделялось пять фигурок на лошадях.

— Вот и Адиса, — объявила Джара, когда они въехали в поселение, которое по мере продвижения героев обрастало стенами и взращивало высокие дома. — Найдём гостиницу, переночуем, а наутро дальше двинемся.

— Нас даже и не остановили на въезде. Так, хилый стражник у деревянных ворот… спросил имена и цель прибытия, — хмыкнул Тэллар, разглядывая кутающиеся в сумерки дома. — Эй, уважаемый, не подскажете ли, где здесь ближайшая приличная гостиница? Хотелось бы с дороги хорошо поесть и отдохнуть.

Уважаемый, оказавшийся приятного вида мужчиной лет сорока, приветливо улыбнулся.

— Приветствую вас, странники, в это неспокойное время. К сожалению, гостиница у нас только одна, и та захудалая, кормят там ужасно, еда несвежая, а кровати кишат клопами.

Джара почувствовала подступающие рвотные позывы.

— Не, мы туда не поедем! — чуть ли не выкрикнули все они хором.

— А где тут ещё можно остановиться? — спросил Ивор. — Нам только на эту ночь, утром мы уезжаем.

Мужчина улыбнулся.

— Идёмте ко мне. Дом у меня большой по щедрости господина моего короля, я в молодости был его лучшим гонцом. К тому же, сегодня к нам с женой должен приехать жених нашей дочери, и утром мы уедем в Арлан, на их свадьбу. Вы можете переночевать, отдохнуть и очень вкусно поесть. Жена сегодня готовит гуся.

Друзья переглянулись, глотая слюни.

— Что ж, мы согласны! — весело сказала Джара. — Ведите!

— Но она моя единственная подруга! — в который раз заныла Сунор. — Как ты мог отослать её из страны в какую-то тьмутаракань?!

— Во-первых, она была тебе не подругой, а служанкой, девочкой на побегушках, твоей шпионкой и разведчицей, а также пособницей во всех твоих сомнительных делах, — холодно возразил Дамраф. — А во-вторых, Ханелас это не тьмутаракань, не так уж это и далеко…

— Недалеко?! — взвизгнула Сунор. — Да это на другом конце земли!

— Не преувеличивай. Таэрия граничит с Ханеласом.

— Это самая идиотская страна в мире! — заходилась в воплях Сунор. — Илена мне говорила, что там даже нет своих магов и там вечно идут дожди!..

— Не вижу ничего плохого в дождях.

— Там люди верят в какого-то единого бога и поклоняются своим же предкам, которых возвели в ранг святых! Что за чепуха!

— К чужой культуре и вере следует относиться с уважением.

Сунор взревела в бессильной ярости.

— Отец, ты должен её вернуть! Что я буду делать без своей подруги?…

— Скажи лучше: что ты будешь делать без своей шпионки. Всё, мне нужно идти на срочное собрание.

Дамраф поднялся и направился к выходу.

— Что за срочное собрание ближе к полуночи?! — вскочила Сунор.

— Не твоё дело, дочь моя.

— Знаю я твои собрания! Это небось романтический ужин при свечах с этой Аяллой!

Дамраф обернулся и взглянул на разъяренную дочь. И взгляд его мудрых карих глаз был так спокоен и холоден, что без воли Сунор в корне подавил готовую вырваться наружу очередную волну негодования.

— Даже если так — всё равно не твоё дело.

И он ушёл, оставив её одну в огромных роскошных покоях.

Дом Таарка, как звали приветливого мужчину, решившего дать друзьям ночлег и еду, действительно оказался просторным и комфортным. Дом окружал сад. Внутри всё было так же, как и снаружи — просто и уютно.

Их встретила полноватая невысокая женщина в домашнем платье. У неё была светлая кожа, полные щёки и добрая,

радушная улыбка. Кудрявые золотистые волосы, всё ещё не тронутые сединой, были собраны на затылке в растрепавшийся пучок.

— Это моя жена Злареса, — улыбаясь, представил Таарк. — А это путешественники Джара, Ивор, Тэллар, Аерис и Сельма. Им нужен ночлег на один день, утром они двигаются в путь, как раз когда и мы с тобой и с Хаартом поедем в Арлан.

Пятеро друзей застыли на пороге, оторопело переглядываясь.

— Что вы стоите, проходите! — приветливо улыбнулась Злареса.

— Как… как вы сказали зовут жениха вашей дочери? — наконец, вымолвила Джара.

— Хаарт, — ответил Таарк в недоумении. — А что?

— А дочь?… — спросил Ивор.

— Змейка, — сказала тоже ничего не понимающая Злареса. — Что-то случилось? Вы их знаете?

— Нет, — поспешно замотала головой Джара, улыбаясь. — Просто не то послышалось. У нас был знакомый с похожим именем, вот мы и удивились, а на самом деле это не он.

— А-а-а, — понимающе протянул Таарк. — Да проходите же, не стойте на пороге! Я уже чую запах гуся.

Друзей провели в зал и усадили на большой диван. Затем Злареса ушла хлопотать на кухню. Таарк оставил друзьям большую корзину с фруктами и извинился, что ему нужно их пока оставить, чтобы помочь жене. Джара, Ивор, Сельма, Тэллар и Аерис были только рады остаться одни.

— Чёрт возьми! — выдохнула Джара. — Это невероятно.

— Это судьба, — поправил её Тэллар. — Кстати, куда указывает стрелка компаса? Что-то мы давно не сверялись.

Девушка вытащила из-за пазухи компас Ангелов. Стрелка указывала всё тоже направление, но теперь она начала едва заметно вибрировать.

— Стрелка направлена на Арлан, откуда приезжает Хаарт. А ещё она подрагивает, значит, он уже близко, — констатировала она.

— И что мы будем делать, когда приедет этот Хаарт? — вопросил Сокол. — Крепко обнимем его и скажем так: Хей, приятель, а ты знаешь, ты Ангел, как и мы все! В этом ничего страшного, надо просто спасти мир от сумасшедшей книги, вот и всё!

Джара фыркнула.

— Конечно, нет. Мы подведём его к этому плавно… постепенно. Мы ему небольшими порциями скормим нужную информацию, и он сам потихоньку всё поймёт.

— И как ты это себе представляешь? — с иронией в голосе спросил Тэллар. — Мы сядем и для начала расскажем ему байку о небесных королевствах и девяти падших ангелах, захотевших вернуться на небо, потом поведаем историю о том чародее, сумасшедших друидах и волшебных вещичках, а затем уж расскажем про Книгу, говорящие деревья и камни с самонаводящимися стрелками?

— Хватит иронизировать, Сокол, — оборвала Тэллара Сельма. — Ты, конечно, кое в чём прав, преподнести это Хаарту нужно умеючи, но рассказывать хоть как-нибудь всё равно придётся.

— А если такой умный, сам всё расскажешь Хаарту, — едко бросила Джара.

Тэллар хотел было что-то съязвить, но тут дверь открылась, в зале повеяло дурманящим ароматом запечённого гуся, и вошёл Таарк с добродушной улыбкой на лице.

— Злареса зовёт всех ко столу, — объявил он.

Свечи, расставленные по углам цветной карты Таэрии, медленно догорали, и воск полз по медным подсвечникам, застывая в причудливых формах. Аялла устало переставила фигурку конника с одной точки на другую.

— Давай разместим Лунную Кавалерию западнее. Здесь легче будет прикрыть тыл, да и вообще…

— Мы мусолим эту треклятую стратегию уже два с половиной часа, — проговорил Дамраф и вдруг щелчком отправил фигурку в дальний полёт до угла комнаты. — Мне надоело, Аялла.

— Я тоже устала от этого, Дамраф, — слабо улыбнулась та. — Но если завтра Аронвард…

— Да не предпримут они ничего так быстро! — возразил глава Солнца, встал из-за стола, достал кувшин вина и два бокала и вернулся с этим к улыбающейся Аялле.

— Ты мне начинаешь нравиться, уважаемый господин Дамраф! — со смехом сказала женщина, принимая из его рук бокал, наполненный вином.

— И ты мне нравишься, уважаемая госпожа Аялла, — улыбаясь в ответ, произнёс Дамраф и поднял бокал. — Чем мучить себя расстановкой войск на ночь глядя, давай лучше скрепим наши отношения вот этим чудесным вином…

— Кажется, ты сказал: скрепим союз Орденов… — начала Аялла с серьёзным видом, но в её глазах плясал озорной огонёк.

— Нет, Аялла! Я сказал: наши отношения. Итак, поднимаю тост за возникшую между нами симпатию, которая, может, выльется в нечто большее!

— Эй, господин Дамраф, не забывайте, что мы с вами стоим во главе двух извечных врагов, вечно враждующих Орденов…

— Госпожа Аялла, — оборвал её Дамраф. — Как вы считаете, можем ли мы хоть раз позволить себе побыть не главами двух враждебных Орденов, а просто мужчиной и женщиной?

Аялла заглянула ему прямо в глаза и заулыбалась, поднимая бокал с вином.

— Я считаю, можем! — весело сказала она.

Они чокнулись бокалами и отпили вина.

— Вы мне определённо нравитесь, госпожа Аялла Тельмеран! — торжественно воскликнул Дамраф, и Аялла опять улыбнулась.

Гусь оказался таким вкусным, что на время его поедания друзья даже забыли думать о скором приезде Хаарта. Но где-то на середине трапезы Джара явственно почувствовала сильно ощутимое вибрирование компаса. Бестия тайком от хозяев вытащила камень. Стрелка крутилась, как обезумевшая.

Сельма, сидевшая около Джары, заметила это. Девушки переглянулись, и в этот момент снаружи послышался лай собак и гулкий стук.

— Это Хаарт! — воскликнула Злареса, всплеснув руками. Она встала со стула, заламывая руки. — Поди встреть его! — обратилась она к мужу, но Таарк и так уже направился к двери. — Подумать только, я его увижу в первый раз в жизни… Таарк-то видел его уже в этом шаре магическом, ну… который чтобы связываться на расстоянии… я его только-только увижу, а Змейка уж и замуж собралась… — бормотала она в ожидании; потом вдруг спохватилась и принялась устранять несуществующий беспорядок.

Друзья волновались не меньше её.

Дверь распахнулась как-то внезапно, привнося в помещение лёгкий ветерок и запахи улицы. А потом вошли двое: Таарк и высокий юноша в дорожном плаще. Он робко улыбнулся, и по углам губ появились хорошенькие ямочки, а карие глаза на красивом светлом лице залучились теплом.

— Здравствуйте, — поприветствовал он всех, а затем его взгляд обратился на Зларесу. — Вы мать Змейки, верно?

Хозяйка дома хотела было учтиво поздороваться, а потом вдруг шагнула ему навстречу и заключила его в свои объятия. Она быстро заговорила что-то о Змейке со слезами на глазах, а Таарк смущался и бормотал что-то, извиняясь перед растроганным Хаартом.

— Как мило, — саркастически бросил Тэллар.

— А тебе обязательно надо съехидничать, — недовольно проворчала Джара.

— А тебе обязательно надо меня затыкать, — окрысился Сокол.

Джара собиралась что-то ответить, но тут Сельма ткнула её локтём в бок, так как Таарк и Злареса подошли с Хаартом знакомить его со своими гостями.

Друзей представили всех по порядку, все обменялись любезностями, потом хозяева дома усадили Хаарта во главе стола и принялись хлопотать вокруг него. Юноша был порядком смущён, постоянно извинялся, благодарил и заверял родителей своей невесты, что им не нужно так волноваться и он сам за собой поухаживает. В конце концов, все наконец расселись, первое волнение прошло, и ужин продолжился в нормальном темпе. Таарк начал задавать вопросы о положении Хаарта, его участии в войне, о том, какая ситуация на его взгляд в стране, и Злареса зашипела на него, чтобы он дал дорогому гостю нормально поесть. Однако затем она сама принялась расспрашивать своего будущего зятя о дочери, как они познакомились и влюбились, как решили пожениться и как готовятся к свадьбе и кто на ней будет, и какое платье у Змейки и кто у неё подружка, так что теперь уже Таарк заткнул свою благоверную.

Тэллар отпускал вполголоса колкие замечания, Джара огрызалась, Ивор и Сельма пытались их унять, а как всегда спокойная и невозмутимая Аерис молча наблюдала за всем будто со стороны и лишь чуть улыбалась своей печально-насмешливой эльфийской улыбкой.

Когда с гусём было покончено, девушки остались помочь Зларесе убраться, а мужчины вышли в сад.

— Я не любитель домашней работы, — наконец объявила Сельма. — Ненавижу мыть посуду и также ненавижу смотреть, как кто-то с ней возится. Так что разойдись…

Чародейка взмахнула несколько раз руками, и вся посуда сама собою вымылась и расставилась по полкам. Таким же образом Сельма вычистила скатерть и подмела пол. Злареса была в диком восторге, а Аерис с Джарой с улыбкой переглядывались.

— А куда вы отправляетесь завтра? — спросил Хаарт, после того как все разместились в гостиной с фруктами и вином, и завязался разговор. — Если не секрет, конечно, — прибавил он с лёгкой улыбкой.

— Не секрет, — улыбнулась в ответ Джара. — Мы тоже направляемся в Арлан.

— Вот это приятная новость! — радостно воскликнул Таарк. — Значит, мы поедем все вместе? Предлагаю всем поднять

бокалы!

В этот момент Злареса, хлопотавшая на кухне, позвала его.

После того, как все порадовались за предстоящее совместное путешествие, Таарк ушёл к жене, а Хаарт вновь спросил:

— Вы воины? А к какому Ордену принадлежите?

Джара в замешательстве переглянулась со своими друзьями.

— Ни к какому, — выручила её из положения Сельма. — Мы свободные наёмники.

— Хотите сказать, вы не участвовали в войне? — удивился Хаарт.

— Нет, участвовали… — неуверенно возразила Джара.

— Но тогда за какой Орден вы воевали? — спросил он опять.

Джара с трудом вспомнила, что Хаарт принадлежал к Ордену Солнца, и поэтому не нашла ничего лучше, как ответить:

— За Орден Солнца.

— Но я ни разу не видел вас, — проговорил рыцарь.

— Мы были в разных подразделениях, — пожал плечами Тэллар. — Ты ведь не мог видеть всей армии, — с усмешкой сказал он. — Я, к примеру, тебя тоже не помню.

— А в каком подразделении вы были? — продолжал Хаарт, почему-то внимательно глядя на Джару. — Под чьим начальством?

Всем друзьям становилось не по себе.

— К чему этот допрос? — устало протянул Сокол, потягивая вино. — Главное, теперь мы решили вступить в Объединенную Армию Света в Арлане, и в любом случае будем сражаться вместе.

— Это только обыкновенный интерес, — отвечал ему Хаарт, всё ещё не сводя глаз с Бестии. Затем он наконец прервал своё пристальное разглядывание и повернулся к парню. — Понимаешь, Тэллар, мы узнали, что воевали за один Орден, но никогда не были знакомы, вот я и удивился. А где вы служили до того, как решили вступить в Объединенную Армию? Таарк говорил, что вы зашли в город с южной стороны.

— Э-э-э, мы служили… — начала Джара, ища взглядом поддержки у друзей.

— Мы служили в крепости Солнца к югу отсюда, — поддержал Тэллар Джару.

Хаарт чему-то странно улыбнулся. В это время вернулся Таарк.

— Извините, что оставил вас так надолго, — виновато улыбаясь, проговорил он. — Зларесе там надо было помочь в погребе… Она ещё просит кое-что принести из сада, там мешки… Так что придётся вас ещё ненадолго оставить…

— Нет, не нужно, — встал с места Хаарт. — Просто скажи,

где всё лежит, и мы поможем.

Таарк благодарно улыбнулся и принялся объяснять, в какой части сада лежат мешки. В ходе разговора выяснилось, что Зларесе не плохо было бы помочь в погребе, и Аерис с Сельмой ушли к ней. Таарк, всё разъяснив, тоже вернулся к жене, а Тэллар, Ивор и Хаарт направились к выходу.

— Я с вами, — объявила Джара. — Не оставаться же одной. А таскать тяжести я могу похлеще любого мужчины.

С ней никто не спорил.

Под деревьями, прислонённые к резной скамье, стояло несколько мешков. Тэллар и Ивор, подошедшие первыми, унесли первую партию. Джара взвалила мешок, набитый, как она поняла, фруктами, и собиралась уже направиться к дому, как вдруг Хаарт дёрнул её за руку и развернул к себе. Мешок упал на землю, развязался, и на землю высыпались яблоки.

— Что такое? — непонимающе и недовольно вопросила Джара, и её глаза блеснули в темноте янтарной вспышкой.

— Твои глаза напоминают мне кошачьи, — сказал он странным голосом.

— Мне это многие говорят, — фыркнула Джара, садясь на корточки и собирая яблоки.

Хаарт вдруг снова схватил её за руку и рванул на себя.

— Э-эй! — возмущенно воскликнула девушка, пытаясь вырваться, но рыцарь держал её крепко.

— Где тебе ещё это говорили? В Аронварде, да? — процедил он.

— Чего?! — протянула Джара с плохо сыгранным негодованием.

— Я вас раскусил. Ваши неопределённые ответы и постоянные переглядывания выдали вас с потрохами, а заключительную точку в вашем разоблачении поставил этот Тэллар. Он заявил, что вы служили на юге! Но сейчас там нет ни одной крепости Солнца, где вы будто бы служили! — усмехнулся он, а потом вдруг приблизился к ней, сжав её руку ещё сильнее. — И ещё, Джара, тебя выдали твои глаза, твои кошачьи глаза. Ты изуродовала лицо Аиры, очень дорогого мне человека, которая мне почти как сестра. Она запомнила твои глаза, как у кошки, и я тебя признал. Я не допущу аронвардских шпионов в доме родителей моей невесты!

— Что тут происходит? — раздался голос Ивора сзади.

— Эй, а ну пусти её! — воскликнул Тэллар, подбегая.

Джара воспользовалась моментом, прошла под локтём Хаарта, выворачивая ему руку, дёрнула на себя и повалила его на землю.

— Что случилось?! — вскрикнули парни.

— Я вас раскусил, вражьи псы! — выкрикнул Хаарт, вскакивая на ноги.

— Послушай, Хаарт, ты должен нас выслушать! — начала Джара. — Да, мы воевали против Таэрии, но наёмное войско давно уже отказалось помогать армии Аронварда! А у нас важное задание, и ты — один из ключей к его исполнению.

— О чём ты? — не понял юноша, даже забыв о своей ярости.

Джара оглянулась на Тэллара и Ивора, ища поддержки. Затем она перевела дыхание и начала:

— Ты, конечно, знаешь о Книге, которой пользовались волшебники Аронварда…

И она рассказала ему обо всём — о первых Альянсах, о друидах, о своём дереве, об Эйдане, Книге и угрозе, какую она представляла для Таэрии и остального мира. Пока она говорила, за ними пришла Сельма, которую послали за задержавшимися помощниками, но Чародейка, естественно, никого не увела, а сама осталась послушать Джару и узнать реакцию и решение Хаарта. К концу рассказа явилась и Аерис и тоже осталась. Хаарт слушал внимательно, ни разу не перебив Бестию.

— По твоему рассказу всё сходится, — проговорил он задумчиво, когда она закончила.

— Это правда, поверь мне, — произнесла Джара. — Посмотри, вот этот компас, который помогает мне искать Ангелов.

Стрелка компаса Ангелов была направлена на Хаарта. Джара обошла парня по кругу, и стрелка поворачивалась по мере её продвижения, не переставая неуклонно указывать на него.

— Она будет показывать на тебя, пока ты не согласишься присоединиться к Альянсу, — пояснила девушка. — Затем стрелка изменит направление на следующего Ангела.

— Ты мне не сказала об остальных Ангелах — кто они? Трое последних?

— Я сама не знаю, кто они, только внешность. Например, следующий Ангел — это девушка… — Она описала внешность девушки с зеркалом из сна как можно подробнее.

— Это очень похоже на Змейку — мою невесту! — взволнованно сообщил Хаарт.

— Ну так это замечательно! — воскликнул Тэллар. — Долго искать не придётся…

— Ничего замечательного, — хмуро возразил рыцарь. — Я не хочу, чтобы она в это вмешивалась…

— Если она Ангел, то она присоединится к нам, хочешь ты этого или нет, — достаточно жёстко сказала Аерис.

Хаарт кивнул.

— Я понимаю… А остальные двое…

— Я не знаю, кто они, — соврала Джара и быстро добавила, чтобы он не попросил описать и их внешность: — Мы разыщем их по компасу в любом случае. И сейчас это не важно. Главное, чтобы ты согласился присоединиться. Послушай, не сомневайся. От этого действительно зависит судьба всей страны. А если мы не спасём Таэрию, кто знает, разрушительная мощь Книги может обрушиться на другие страны, на весь мир! Подумай о Таэрии! — с жаром воскликнула девушка, стараясь надавить на патриотические чувства юноши.

— Но ведь Книга до сих пор ничего не совершила… — неуверенным тоном возразил Хаарт.

— Она разрушила Тадор! — воскликнул Тэллар. — Ничего не случилось! — передразнил он.

Хаарт опустил голову.

— А ты уверен, что власти позволили бы разгласить такие вести сейчас, когда так важно поддержать боевой дух армии? — изогнув бровь, скептическим тоном вопросила рыцаря Сельма. — Не думаю.

Он задумался.

— Давайте доберёмся до Арлана вначале, — наконец произнёс Хаарт. — Вы просто не понимаете меня… Война заканчивается, я собираюсь жениться на Змейке, мы с ней уже столько выстрадали… И теперь выясняется, что ничего ещё не кончилось, что нужно отправляться в какое-то Поднебесье, искать неизвестно где древние артефакты и затем непонятно как уничтожать эту чёртову Книгу… А я думал, что наконец-то… — Он не окончил фразы и снова замолчал.

Друзья тоже молчали.

— Да что такое, в конце-то концов! — услышали они вдруг Таарка за спинами. — Что вы все пропали в этом саду? Давайте, давайте в дом! Нужно выспаться, завтра ещё ведь в путь отправляться. — И с этими словами он повёл всех шестерых в дом.

А на руинах Тадора бушевал вихрь.

Силы Книги внезапно проснулись, стихии вновь взбушевались. Потемнело небо, забесновались чёрные тучи, заплясали молнии. Вокруг Книги огненные ленты вздыбились и завертелись в бешеном танце.

Ураган, порождённый Книгой, в смертельной пляске понёсся по земле, сметая всё на своём пути. Смерч вышел за пределы Тадора, уничтожая поселения и деревни, размещавшиеся за лесом

вокруг когда-то прекрасного Города Солнца. Люди в паническом ужасе кричали, прежде чем навсегда исчезнуть в вихре урагана Повелителей Стихий.

А там, в руинах, к огромному камню, отколовшемуся от стены какого-то здания, жался человек. Его одежда была вся изодрана, из многочисленных ран сочилась кровь. Он сам был весь выпачкан в земле, а некогда красивые волосы были сожжены. На левой щеке зиял отвратительной чернотой ожог.

Человек плакал и причитал, прижимаясь к холодному бездушному камню, а над ним бушевала Книга. Ему было больно как никогда, и отчаяние и ужас пожирали его разум. Надежда давно оставила его, и теперь его покидало сознание…

VII Буйство Стихий

Лучик солнца скользнул по щеке Дамрафа. Он сладко потянулся и открыл глаза. Утренний свет проникал в окно, весело освещая роскошные покои главы Ордена Луны.

Дамраф повернул голову и улыбнулся, глядя на спящую Аяллу, невольно залюбовавшись ею. Её волосы цвета тёплого каштана небрежно раскидались по подушке, ореолом окружая спокойное красивое лицо; грудь мерно вздымалась в такт ровному дыханию.

Дамраф содрогнулся от внезапного настойчивого и оглушительного стука в двери его покоев. Аялла открыла глаза и нехотя приподнялась на локте, сонно глядя на дверь.

— Что такое? — недовольно прорычал Дамраф. — А ну убирайтесь!

— Извините, мой господин, — залопотал голос его советника за дверью. — Но только что телепортом прибыли дипломаты из Аронварда… Они говорят, что пришли с предложением мира и хотят немедленно с вами переговорить! С вами и с госпожой Аяллой, так как сейчас в стране вы самые важные персоны…

— Хорошо! — оборвал его Дамраф всё ещё немного недовольно, но уже бодро, услышав о дипломатах. — Размести их со всеми удобствами, мы сейчас спустимся!

— Мы?… — услышал он удивлённый голос советника. — А госпожа Аялла…

— Ступай к дипломатам!!! — рявкнул Дамраф, и послышалось поспешное шарканье.

— Его Величество король Друфельбер Четвёртый находился в абсолютном заблуждении касательно совета своих чародеев. Братство Трёх Звёзд, членов которого Его Величество так чтил и уважал, оказалось сборищем полных негодяев. Эти колдуны развязали войну и вообще запустили экономику страны, перекачивая средства казны к себе в карманы…

— А куда глядел ваш король, когда они отправляли армию на завоевание Таэрии? — достаточно грубо оборвал посла Дамраф.

— Как я уже сказал, Его Величество король Друфельбер Четвёртый доверял Братству, так как на протяжении правления династии…

— Ладно уж, не утруждай себя, — хмыкнула Аялла.

Посол, худощавый сухой мужчина с вытянутым лицом и невообразимо длинным тонким носом аж побледнел от такой возмутительной невоспитанности, но счёл недостойным истинно

воспитанного человека указывать невеже на его поведение, так что гордо промолчал. Разговор продолжил второй дипломат, маленький пухлый мужчина с блестящей лысиной на голове среди некоторого количества седеющих волос.

— Как мой коллега сказал, наш дорогой король…

— Его Величество Друфельбер Четвёртый, — поправил его первый посол.

— Ну, да. — Второй посол вытер платочком пот с лысины. — Так вот, наш король… — Первый посол сморщился, будто откусил лимон вместе с цедрой. — …предлагает мир и долгие добрые отношения с последующим сотрудничеством. Войска уже отозваны… Наш король хочет только мира и благополучия своему королевству, ну и соседям, конечно, тоже. Ему не нужны никакие войны, поэтому наш король…

— Его Величество Друфельбер Четвёртый! — срывающимся на визг голосом воскликнул первый посол. Второй испуганно посмотрел на него и усиленно принялся тереть лоб платком.

Аялла и Дамраф переглянулись и спрятали улыбки.

— Хорошо, давайте перейдём к делу, — произнесла она. — Так как сейчас в нашей стране чрезвычайное положение, у власти находится временное правительство, которое возглавляем мы с господином Дамрафом как главы двух Орденов…

— Мы прибыли сюда в надежде, что вы, как и мы, будете лишь посредниками между двумя царствующими владыками… — начал первый посол.

— К глубочайшему сожалению, — прервал его с милой улыбкой Дамраф, — вашим надеждам не суждено было сбыться, потому что наш царствующий владыка уже давно скрылся в неизвестном направлении, таким образом, добровольно лишив себя и всех своих потомков и родственников трона и короны. Как только утихнет война и страна сойдёт с военного положения, будет избран новый король. Даже если Его бывшее величество Родерик изволит вернуться, я не думаю, что кто-либо ему, бросившему свой народ на произвол судьбы, будет здесь рад.

Первый посол сжал губы, но промолчал.

— Итак, вам придётся либо заключать мир с нами, либо убираться отсюда восвояси, — достаточно жёстко произнесла Аялла.

Первый посол опять счёл лучшим промолчать, а его коллега, отжав платочек, беспокойно огляделся и быстро заговорил:

— Конечно, конечно, вот здесь торжественная бумага, если вы её подпишете, мир будет заключён, а затем можно будет провести и все формальности. Ну, я о визитах вежливости, обмене дарами и прочем… — Он раскатал на столе белый свиток,

расписанный красивым витиеватым почерком. — Здесь нужно поставить подписи…

— Господин посол, нам нужно будет обсудить ещё много деталей, прежде чем поставить свои подписи, — натянув вежливую улыбочку, произнесла Аялла. — Как то репарации, договор о взаимных уступках… Так что… — Она повернулась к Дамрафу. — Пожалуй, нашим гостям не помешало бы хорошенько отдохнуть и поесть. Господин Дамраф, я прекрасно осведомлена о вашей гостеприимности…

— Не сочтите за хвастовство, господа послы и вы, госпожа Аялла, но эти слухи основаны исключительно на правде.

Дамраф позвал слугу и попросил его отвести почтенных гостей в приготовленные для них покои. Худой посол с поджатыми губами и побледневшими щеками пожал руки Дамрафу и Аялле, а затем то же самое с кислой миной проделал и толстый посол. Он скатал бумагу в свиток, перевязал шёлковой ленточкой, утёр лицо и суетливо улыбнулся.

Но едва Аялла и Дамраф остались вдвоём, вошёл стражник. Лицо его было обеспокоено.

— Что случилось? — сразу спросил Дамраф, видя по своему человеку, что дело серьёзно.

— Там какой-то человек, крестьянин. Он твердит о конце света, я ничего не смог от него добиться. Только говорит, что предупредить вас хочет.

— Откуда он? — спросила Аялла.

— Я не знаю… кажется, из деревни на Тадорской равнине.

Аялла прикусила губу и переглянулась с Дамрафом.

— Приведи его сюда скорей, — бросил тот солдату.

Он вышел и через несколько минут вернулся с мужчиной лет тридцати пяти в крестьянской одежде. Он был очень изможден, его губы и руки тряслись, словно в лихорадке. Увидев Аяллу и Дамрафа, он бросился к ним в колени и запричитал:

— Господа, хорошие, спасите нас, спасите мою семью, мою деревню… пришёл конец света… и вы тоже спасайтесь, о боги, за что это свалилось на наши головы?!

Аялла опустилась на колени перед ним и мягко спросила:

— Что случилось? Расскажи всё по порядку, и мы поможем.

Мужчина поднял на неё голову.

— Всё было хорошо, мы работали на поле, как обычно, доколе вдруг эта штука с равнины…

— Книга?! — чуть ли не вскрикнул Дамраф.

— Ну да… эта штука, она вертелась там, на равнине около разрушенного несчастного Тадора, мы уже свыклись с ней почти. Но сегодня с утра она стала увеличиваться, но мы не обратили

внимания… а потом начался страшный ураган, и от этой штуки пошла эта огромная чёрная воронка…

— Смерч, — подсказала Аялла.

— Ну да, точно смерча, смерть настоящая! Мы пытались спастись, но у нас нет лошадей, только несколько жеребцов, да и то их унесло этой смерчей, и вообще никто верхом ездить почти-то и не умеет. А я умею малость, вот и посадили меня на уцелевшую лошадку и послали за помощью… А наши побежали прочь к пещерам у озера, а я к вам, через леса… Господа хорошие, пошлите колдунов да заклинателей, чтоб они эту смерчу… спасите нас! — взвыл он в конце и умоляюще посмотрел на Аяллу с Дамрафом.

— Позови главного чародея, — бросил Дамраф солдату. Тот быстро кивнул и собирался выйти, но Аялла остановила его движением руки.

— Дамраф, — начала она. — Это опасно. После Тадорской битвы я уже посылала несколько групп своих чародеев на исследование сферы и этой книги. Но никто не вернулся. Связь терялась, едва они прибывали на равнину. И всё. Ни один не уцелел.

Он резко повернулся.

— А что ты предлагаешь? Оставить этих людей без помощи? Спокойно ждать, пока смерч уничтожит все деревни вокруг равнины и переберётся на города? Дойдёт до Дэшама? Арлана?

— Нет, Дамраф. Прости. Ты прав.

Аялла положила руку на плечо крестьянину:

— Успокойся. Мы поможем.

И обратившись к солдату, сказала:

— Иди и выполняй приказ своего господина. И позови ещё и мою главную чародейку.

Голубое небо с ярко светившим солнцем казалось безмятежным и предвещающим прекрасное путешествие, но Джарой ещё с утра овладело плохое предчувствие. Хоть половина дороги до Арлана и была пройдена абсолютно спокойно и без всяких происшествий, девушка не могла побороть странного ощущения, схожего с тем, какое её охватило, когда она возвратилась в Лес друидов для того, чтобы впервые узнать об Альянсе. Тогда Миерна говорила о нарушенном извечном равновесии природы. И сейчас Джаре тоже казалось, что вокруг всё не так. Она слышала какой-то странный голос внутри себя, но она не могла ничего не понять, хотя знала, что её предупреждают. Это походило на то, будто ей шептали что-то на ухо тревожным и беспокойным тоном, но непонятно и слишком тихо. Она

осознавала, что нужно чего-то опасаться, а чего — не знала.

Родители Змейки ехали на небольшой телеге, запряженной коренастой крепкой кобылой. Они дремали. Впереди ехали Хаарт и Тэллар и о чём-то увлечённо разговаривали. Аерис и Сельма ехали по бокам, а Джара и Ивор замыкали шествие.

Сокол всматривался в даль Тадорской равнины, простиравшейся с южной стороны дороги, и болтал с рыцарем. Аерис и Сельма слушали их разговор и иногда вставляли словечко. Джара была погружена в свои мысли. Ивор тоже молчал, задумавшись.

Джара думала о том, как отреагирует Хаарт, что Сунор тоже должна быть в команде. Если он сбежал от неё при всех её выдающихся внешних данных, вряд ли он обрадуется. Ладно, пусть они со Змейкой (если Змейка — действительно та самая девушка, которую она видела во сне, впрочем, интуиция подсказывала Бестии, что это так) дадут своё согласие быть в отряде, а потом уже узнают о Сунор. Там им деваться будет некуда.

Тэллар повернулся в седле и окликнул Джару. Он был серьёзно обеспокоен.

— Что такое, Сокол?

— Я что-то вижу, — пробормотал он. — Но не могу понять, что. Что-то большое, чёрное… и оно движется.

ОАРИН! — взорвалось внутри сознания Джары.

Девушка перегнулась в седле от накатившей боли в груди и голове.

— Джара? — заволновался Ивор и, перегнувшись в седле, коснулся её.

— Джара? — обеспокоенно позвал её Тэллар. — Джара, что случилось?

Аерис и Сельма подъехали к ней.

— Всё уже прошло, — успокоила их Джара.

Оарин! Оарин! Оарин! Оарин! — стучало в висках.

— Я чувствую волну мощной магии! — вдруг сказала Сельма. — Ещё одна! Одна за другой!

Оарин! Оарин! Оарин!

— О, чёрт! — выругался Тэллар. — Там смерч!

Все замерли. Мгновение стояла гробовая тишина, а потом послышалось тихое завывание, стремительно перераставшее в вой смерти. На равнине показалась громадная чёрная воронка, и она всё росла и росла, а вой становился громче и громче. Смерч неуклонно приближался.

Лошади начали беспокойно фыркать и нервно бить копытом.

Конь Хаарта встал на дыбы. Юноша еле удержался в седле.

— Проснитесь! — крикнул он родителям Змейки.

— Что такое? — сквозь сон пробормотал Таарк. — Ооооох…

— Небеса, помилуйте! — в ужасе вскрикнула Злареса.

Тут их кобыла в испуге заржала и резко встала на дыбы. Телегу тряхнуло, и Таарк со Зларесой чуть не выпали. Хаарт быстро высвободил беснующуюся лошадь, и она поскакала прочь, громко ржа от страха.

— Перебирайтесь ко мне на коня, — обратился он к Таарку. — Быстрее!

Джара подъехала к трясущейся от ужаса Зларесе и помогла ей взобраться на седло позади себя.

— Держитесь крепче! Всё, ребята, надо давать дёру отсюда! Скорее к воротам города!

— До Арлана осталось совсем чуть-чуть! — поддержал Ивор.

Шесть коней с диким ржанием сорвались с места, подгоняемые воем приближающейся смерти.

Дамраф и Аялла уже около часа сидели в молчании, барабаня пальцами по столу, когда в зал ворвалась Триша, главная чародейка Ордена Солнца, шурша юбками своего ярко-фиолетового платья. Аялла и Дамраф тотчас же поднялись с кресел.

— Что? — коротко спросила Аялла.

Чародейка шумно вздохнула.

— Мы потеряли связь. Госпожа, нужно предпринимать срочные меры. Я уже сейчас чувствую вибрацию воздуха от перенасыщения магической энергией. Этот смерч — вихрь энергии этой страшной Книги. Он может погубить всё вокруг.

— Что ты предлагаешь делать?

— Нужно как можно быстрее собрать всех людей из окружных деревень и поселений в Арлане и окружить город нейтрализующим защитным куполом. Когда смерч натолкнется на купол, он не причинит стенам города никакого вреда и почти полностью самоуничтожится. Остатки вихря разрушат деревни вокруг, но оттуда уже будут эвакуированы все люди.

— Но мы не успеем! — воскликнул Дамраф. — Ты понимаешь, что говоришь? Чтобы эвакуировать людей со всех деревень, даже в срочном порядке, нужен по крайней мере день! Два! А смерч уже гуляет по деревням!

— Есть одно заклинание… — Триша кашлянула, пригладила волосы.

— Ну? — в нетерпении поторопила её Аялла.

— Мне нужны все, все до одного волшебники, какие есть в городе, даже ученики, в общем, все люди, обладающие

магическими способностями. С вашего позволения, я сейчас создам магического глашатая над площадью города, чтобы все чародеи собрались, а затем мы применим это заклятье. Это заклинание очень сложное, не буду вам объяснять тонкостей, оно одно из самых мощных заклинаний защиты. Оно в несколько мгновений соберет всех людей в округе в одном месте и окружит город магическим куполом. Но для него требуется очень, очень много сил. Поэтому мне и нужны все колдуны Арлана. Обоих Орденов, — закончила она.

— Приступай немедленно, — кивнул Дамраф. — У тебя все полномочия.

Чародейка присела в коротком реверансе и, всё также шурша платьем, вышла.

Смерч ревел, бесновался в бешеной пляске смерти. Он словно играл, наслаждался паническим ужасом, который внушал людям, не торопясь уничтожить всё вокруг, а танцуя по разрушенной равнине, играя деревьями, домами, животными и людьми.

Шесть быстрых, как ветер, коней неслись вперёд по широкой дороге к Арлану, единственному спасительному оплоту, стены и башни которого уже маячили впереди, даря сладкое чувство надежды.

Злареса, обмершая от страха, вцепилась в Джару и причитала молитвы Солнцу. Бестия же не щадя гнала своего коня, а в висках пульсировал голос Миерны. Она поддерживала Джару, говорила что-то о Книге, о разбушевавшихся стихиях, о нарастающей угрозе, о необходимости торопиться и как можно скорее формировать Альянс и отправляться к Поднебесью. Джара машинально усваивала информацию, но все её мысли были сосредоточены на беге лошади. Позднее девушка осознала, что она подсознательно использовала свою силу Оарин, чтобы наполнить животных большей энергией и дать им силы скакать так быстро и ровно, что они успеют добраться до Арлана и не выдохнутся, не обессилят раньше того времени, когда опасность уже будет позади.

Внезапно земля затряслась, поднялся жуткий грохот и от самой Тадорской равнины по земле потянулась огромная трещина, открывая в почве зияющую пропасть. Кони заржали и, осев на задние копыта, резко остановились перед трещиной, всё шире и шире разевающей свою пасть.

— Надо прыгать! — закричала Джара. — Прыгать, пока она не разрослась так, что кони уже не смогут преодолеть расстояние! Быстро! Что вы медлите! Прыгайте!!!

Первым перелетел через стремительно увеличивающуюся

пропасть Тэллар. За ним прыгнули кони Ивора и Сельмы.

— Джара, давай! — крикнула Аерис, когда и её лошадь преодолела препятствие.

Джара чуть отогнала коня, чтобы разогнаться. Злареса, казалось, уже давно потеряла сознание от страха, но всё ещё мертвой хваткой держалась за девушку. Бестия направила лошадь и резко ударила ей по бокам. Её жеребец заржал, двумя скачками преодолел расстояние и прыгнул.

Полёт был коротким, всего одно мгновение. Джара услышала удар копыт о землю, ощутила толчок от приземления, глубоко вздохнула и решила, что всё кончилось благополучно, но тут часть земли, на которой стояли задние ноги её лошади, вдруг обвалилась и улетела в пропасть. Конь дико заржал и отчаянно забил копытами, пытаясь удержаться.

Тэллар и Ивор в одно мгновение (Сельма даже не успела начать заклинания) оказались у края, успев схватить Джару и Зларесу за руки. Жеребец улетел в пропасть, а девушку и мать Змейки втащили на землю.

Хаарт всё оставался на той стороне, а трещина разрасталась, земля у краёв пропасти трескалась и обваливалась.

— Хаарт, прыгай! — закричала Джара.

— Я не могу! — проорал он в ответ. — Пропасть уже слишком широкая! Чёрт возьми, конь не прыгнет!

— Просто прыгай, я помогу! — крикнула ему Сельма, отчаянно вычерчивая в воздухе волшебные знаки, оставляющие ярко-синий след.

Хаарт направил коня, но животное вдруг заржало, заупрямилось, резко встало на дыбы, так что юноша еле удержался. Лошадь чуть не сорвалась с места, но он твёрдым движением руки развернул её обратно.

— Конь боится! — пробормотал Ивор. — На нём тяжёлая ноша, он отказывается прыгать!

Хаарт в беспомощности оглядел пропасть. Не было никакой надежды её объехать — трещина всё это время росла не только вширь, но и в длину.

Внезапно Сельма резко выкинула руки вперёд, с её пальцев сорвались полупрозрачные синие ленты, образовавшие над пропастью дымчатый мост.

— Давай! — закричала она. — Не бойся, он выдержит! Да скорее же!

Друзья подбежали к краю, готовые подхватить Хаарта и Таарка, если что-то случится.

Хаарт ударил лошадь по бокам, и конь, сорвавшись с места, ступил на казавшийся хрупким и нереальным волшебный мост

Сельмы. Пропасть увеличивалась, но росли и ленты, складывавшие спасительный мостик.

Конь рыцаря был уже почти на той стороне, когда внезапно налетел смерч. Он прошёлся прямо по краю другой стороны пропасти, друзей и их коней ветром отнесло на несколько метров от трещины. Мост в одно мгновение ока испарился, и конь Хаарта, только-только ступивший передними копытами на землю, сорвался.

Юноша и отец Змейки полетели вниз, но Хаарт по счастливой случайности одной рукой ухватился за какой-то уступ, а другой крепко обхватил запястье Таарка.

— Отпусти меня, Хаарт! Я тебя утяну! — прохрипел Таарк.

Над ними показалась голова Ивора. Он протянул руки.

— Давай, парень! Хватайся! Тут меня ребята за ноги держат, мы вытянем вас! Ну же!

— Я не могу, у меня заняты обе руки, опустись пониже! — крикнул ему Хаарт. Каждая мышца его напряглась до предела, рука предательски дрожала и потела. — Обхватите меня за спину! — обратился он к Таарку. — Я освобожу руку, иначе сейчас сорвусь!

— Хаарт!.. — повторил тот. — Сделай Змейку счастливой.

— Что? — переспросил юноша, когда Таарк вдруг разжал его пальцы и стремительно понесся вниз.

Хаарт закричал. Внезапно скользкая ладонь сорвалась со спасительного уступа, и в эту долю секунды парень успел попрощаться с жизнью и Змейкой, как вдруг Ивор, которого в тот миг как раз опустили ниже, крепко обхватил его руку.

— Держись! — ободряюще сказал Грифон.

Тэллар и Джара, державшие Ивора за ноги, втянули Хаарта на землю.

— А где?… — не поняла Бестия, увидев одного юношу.

— Потом, Джара, — быстро проговорил Сокол. — Давайте скорее на коней, иначе мы или сейчас свалимся вниз, или смерч нас унесёт!

Они подбежали к четырём оставшимся коням. На одном уже сидела Аерис, посадив перед собой обмякшую Зларесу. На другой усадили потерявшую сознание Сельму вместе с Ивором, на двух других поехали Джара с Тэлларом и Хаарт.

Смерч плясал, «перепрыгивая» с одной стороны пропасти на другую, а четыре лошади бешеным галопом неслись к Арлану.

Сунор с унылым видом наблюдала за столпотворением людей на площади, сидя в удобном кресле на своём балконе. Она прекрасно слышала объявление магического глашатая и знала,

что за городом гуляет смерч, а на площади собирают всех волшебников для благородной цели спасения от него людей. Но её мало это всё волновало. Сунор не привыкла опасаться за свою жизнь. За неё всегда беспокоились другие, так что вся эта толпа лишь угнетала её. Единственной причиной того, что она всё-таки вышла на балкон и снизошла до людей, собравшихся на площади, было её странное желание увидеть Змейку среди этих людей. Она знала, что эта кудрявая дурочка какая-то там колдунья и не сомневалась, что великодушное, храброе, благородное и отвратительно доброе её сердечко не позволит ей остаться в стороне от такого великого дела, как спасение невинных жизней.

Ах, вот и эта маленькая тоненькая фигурка, вот и эти гадкие кудри, вот и это безвкусное платье неприметного оливкового оттенка! Сунор хмыкнула, наблюдая за Змейкой, обхватившей себя руками и озирающейся вокруг.

Затем она вздохнула, вошла в покои, мельком глянула на себя в зеркало (безупречна, как всегда!), взяла со столика щётку и в задумчивости принялась расчёсывать свои роскошные, идеально прямые, блестящие, глубоко-чёрные волосы.

Внезапно дворец сотряс толчок, пол будто качнулся, и Сунор, еле удержавшись на ногах, выронила щётку из рук. Затем она услышала ликование людей на площади.

— Что такое? — капризно надув губы, воскликнула она и вышла на балкон.

Ничтожные людишки, которых почему-то стало чуть ли не втрое больше, внизу радовались и обнимались. Сунор фыркнула, изящным жестом откинула волосы назад, вздёрнула подбородок и замерла.

Небо почему-то стало нежно-фиалкового цвета, и по нему то и дело проходили ярко-белые заряды — это магический купол обнял город своей надёжной защитой.

Сунор опять оправила волосы, отыскала глазами сияющую от счастья Змейку, обнимавшую какого-то парня, опять фыркнула и… опять замерла, потому что увидела, *кого* обнимала Змейка.

Это был Хаарт, и он со своей ненавистной возлюбленной обнимался и целовался прямо под балконом Сунор.

Значит, он был не в городе, раз переместился сюда под действием заклинания. Да, вот около него его конь… И ещё три лошади, и какие-то незнакомые люди. Три девушки, двое парней. Все высокие, стройные, вовсе не крестьяне. Кто они такие, что им надо и что их связывает с Хаартом и Змейкой? А вот тут ещё и какая-то старуха. Оох, Змейка со слезами на глазах обнимает её и расцеловывает! Неужто её матушка?

Всё это нужно выяснить. Она немедленно пошлёт Илену…

Сунор выругалась. Она совсем позабыла, что её дорогой папочка услал Илену в Ханелас. Что ж, чародеек в Ордене ещё много.

Змейка почти весь день проплакала в объятиях Хаарта.

— Я столько не видела отца, и вот теперь он… А я даже… а мама… — бормотала она, а он утешал её, целовал в чистый лоб и гладил вьющиеся золотые локоны.

Злареса была в очень тяжёлом состоянии. К ней привели лекаря, и он неотрывно был при ней. Сначала Змейка хотела сама лечить свою мать, но она не выдержала и получаса. Хаарт вывел её, зарёванную и почти теряющую сознание от горя, из комнаты, где лежала Злареса, и больше туда не пускал.

Джара, Ивор, Тэллар, Сельма и Аерис чувствовали себя неловко. Сельма ничего не смыслила в магии исцеления и не могла помочь. Джара слишком вымоталась, чтобы даже пытаться применить свою силу на спасение Злареса. Друзья просто сидели и молчали, изредка перебрасываясь отдельными фразами.

Ближе к ночи все семеро, измотанные и уставшие, уснули.

После полуночи Злареса отошла в мир иной. Лекарь тихонько разбудил Хаарта и объяснил, что ничего не мог сделать. Уже немолодое сердце не выдержало такого стресса и остановилось. Юноша не стал будить Змейку, расплатился с лекарем и один по ночным улицам отправился в церковь Солнца. На середине пути он вдруг остановился и с ужасом подумал о том, каково будет Змейке, если она вдруг проснётся среди ночи, заглянет к матери и найдёт её мёртвой. Но затем он понадеялся на то, что из-за пережитого Змейка будет спать до самого утра тяжёлым, беспробудным сном, и отправился за жрецом, чтобы тот очистил тело Злареса и подготовил её к последнему пути.

К счастью, когда Хаарт вернулся в гостиницу со жрецом и его помощником, Змейка ещё спала. Но она проснулась от шума и, едва увидев жреца, тут же всё поняла. Хаарт обнял было её, плачущую, но Змейка захотела побыть с матерью. Она просидела около бездыханного тела Злареса, держа её за охладевшую морщинистую руку, пока жрец совершал необходимый обряд.

На рассвете Злареса предали земле.

Только когда Змейка забылась во сне, Джара решилась поговорить с Хаартом об Альянсе.

— Всё, что случилось, — вина Книги, — начала она. — И это только начало, Хаарт, понимаешь? Я хочу, чтобы ты осознал все те ужасы, которые могут случиться, если мы промедлим. Нам нужно собрать Альянс как можно скорее и отправиться за

артефактами на остров.

— Джара, — мягко прервал её Хаарт. — Не стоит объяснять мне всё это. Я понял и уже принял решение. Я согласен стать Ангелом и присоединиться к Альянсу. И я уверен, что Змейка тоже даст согласие.

— Я не сомневаюсь, но… — Джара замолчала на мгновение и вытащила компас. Стрелка несколько мгновений уверенно указывала в сторону кровати, на которой спала Змейка, а затем бешено завертелась из-за близости следующего Ангела. Джара засунула компас обратно. — Так вот, я должна получить согласие от самой Змейки.

— Давай немного отложим этот разговор, — сказал юноша. — На Змейку сейчас столько всего свалилось…

— Я всё понимаю, Хаарт, не сочти меня чёрствой, но медлить нельзя. Желательно, чтобы к вечеру в Альянсе было уже семь человек. Когда Змейка выспится, я поговорю с ней… Или лучше ты. Всё ей объяснишь, представишь нас. Хорошо?

— Конечно, Джара, — кивнул он.

— И ты должен произнести слова клятвы Альянсу. Это необходимо.

— Что я должен сказать?

— Ничего особенного, — ответила Джара. — Главное — суть. Поклянись, что, пока Ангелы не исполнят свою миссию, ты не покинешь Альянс, и не отступишься ни перед чем.

— Клянусь, — с готовностью ответил рыцарь.

Бестия удовлетворённо кивнула.

— И кстати, Джара… кто восьмой Ангел?

Девушка закусила губу.

— Я увижу это во сне, когда Змейка даст согласие…

— Джара, по-моему, уже нет смысла скрывать от него правду, — вдруг вмешалась Сельма.

— Правду? — не понял Хаарт. — Какую правду?

— После Змейки к Альянсу должна будет присоединиться Сунор, дочь Дамрафа.

— Что?! — Хаарт вскочил. — Нет! Ни за что! Я не буду с ней в одной команде! Нет!

Джара поднялась и усадила его обратно.

— Успокойся. Во-первых, ты разбудишь Змейку, а во-вторых, тебе уже нельзя отступать. Ты уже в Альянсе. Послушай, ты должен забыть свою ненависть ради нашей миссии…

— Постой-ка, — перебил её Хаарт. — Так вы знали? Давно знали, что Сунор следующая и что я её ненавижу?

— Теперь я буду честной с тобой. Я знала всех девятерых Ангелов сразу, Хаарт, точнее, их внешность. Когда мы были в

Крепости Луны, я увидела портреты твой и Сунор и узнала о том, что случилось между вами. Но я боялась, что ты не дашь согласие, поэтому не говорила тебе. Хаарт, пойми…

— Джара, — начал он, но у него не было слов, чтобы выразить всё, что он чувствовал.

Да, он понимал, как важен Альянс, как он нужен миру, он сознавал, что никакие личные чувства и эмоции не должны мешать делу Ангелов. Но с другой стороны, он ненавидел Сунор всей душой и просто не представлял, каково будет ему спасать мир бок о бок с этой самовлюблённой, подлой и избалованной негодяйкой. А Змейка? Что будет чувствовать она? Хаарт уже представил все эти бесконечные насмешки и издевательства Сунор, все подлые вещи, которые она будет устраивать, лишь бы посеять разлад между ним и его Змейкой. И зачем только она нужна Альянсу? Что может сделать эта изнеженная кукла для спасения мира?

Но Джаре он сказал:

— Я уже успокоился. Я всё понимаю.

Дни во дворце казались бесконечными. Сунор целыми днями слонялась по роскошным залам, баловала себя разными изысканными лакомствами, принимала ароматные ванны, заказывала портнихам каждый день по новому наряду, требуя новшеств и экзотики. Потом ей всё настолько надоело, что она начала срываться на своих служанках, потом перешла на дворцовую прислугу в целом, один раз даже от какого-то невыносимого чувства отчаяния и безысходности поколотила маленького поварёнка просто за то, что он попался ей на глаза.

Она выслала свою новую приближённую чародейку в самую дальнюю провинцию Таэрии, потому что та не смогла ничего разузнать. Только сообщила, что приезжие живут в той же гостинице, где и Змейка с Хаартом, и что вчера утром они хоронили какую-то женщину на городском кладбище. Это ничего не дало Сунор. Она попыталась связаться с Иленой через придворных чародеек, но у тех ничего не получилось, и они также были наказаны капризной дочерью Дамрафа.

Сунор умирала от скуки. А ещё от оскорблённого чувства собственного достоинства. Она никак не могла смириться с тем, что её, красавицу, роскошную, шикарную, непревзойдённую, вдруг отвергли и променяли на какую-то там простушку. Сунор вбивала себе в голову, что мучится от любви, но на самом деле её страстное стремление заполучить Хаарта уже просто превратилось в некую манию, основанную на непременном желании доказать себе и всем, что она лучше всех и что она

всегда добивается того, чего (и кого) хочет. И с каждым днём, который Хаарт начинал в объятиях своей кудрявой дурочки, эта мания всё больше сжигала Сунор.

В тот день Дамраф и Аялла отсутствовали, и Сунор, почему-то расстроенная объявлением глашатая о заключении мира с Аронвардом, заставив чародеек устроить ей спектакль в тронном зале, развалившись восседала на троне и со скукой, безо всякого интереса во взгляде бездонно чёрных глаз наблюдала за представлением.

Внезапно в зал вошла служанка и замялась на пороге.

Сунор хлопнула в ладоши, чародейки разбежались по углам.

— Что такое? — недовольно спросила девушка. Она была недовольна скорее не потому, что служанка прервала представление, а потому что в последнее время она была недовольна решительно всем.

— К вам пришли на личную аудиенцию, госпожа.

Сунор удивлённо вскинула идеальные брови.

— Да? — протянула она. — И кто же?

— Они не представились, но там две девушки, кажется, приезжие, и с ними молодой рыцарь Ордена Солнца.

Сунор резко поднялась с трона. Её сердце учащённо забилось; она не могла поверить, что Хаарт сам пришёл к ней. Наконец, она взяла себя в руки, села обратно, отослала чародеек и приказала служанке впустить пришедших. Служанка раскланялась и вышла. А через несколько минут двери снова раскрылись, впуская в пустой тронный зал Его.

Над лесом тяжёлым пологом нависали тёмные, мрачные тучи. Ветер качал ветви, срывал листья, поднимал вихри пыли. На поляне в круге молча сидели друиды. Наконец, гнетущее молчание нарушил Кельдан.

— Началось то, чего мы опасались, — заговорил друид. — Буйство стихий. Измерение Книги проникает в наш мир. Альянс не успел.

— Рано говорить, успели Ангелы или нет, — довольно резко оборвала его Миерна.

— Но ведь они ещё даже не собрали Альянс до конца! — воскликнул кто-то из друидов. — А Книга уже начала Буйство! Этот смерч не разрушил пол-Таэрии только благодаря быстро среагировавшим волшебникам. Но обычные маги, даже полчища их вскоре уже будут не в состоянии остановить Книгу!

— Нам нужно доверять Оарин. Доверять и поддерживать её. Быть с ней мысленно. Верить ей, верить в Альянс. Они смогут. Я знаю, — уверенно говорила Миерна. — К концу этой недели

Ангелы будут в сборе.

— Ты так уверена, сестра… — произнёс Кельдан.

— Да. И ты будь уверен, брат мой, — мягко отвечала та. — А сейчас давайте вознесём молитвы духам природы за Альянс. И за Оарин.

Весь рассказ Джары и Сельмы Сунор слушала хоть и внимательно, но со скептическим выражением лица, изогнув бровь. Хаарт всё это время молчал, уставившись в пол, не желая встречаться взглядом с дочерью Дамрафа. Девушка же часто переводила глаза на своего любимого и подолгу задерживала на нём томный взгляд.

— Так значит, вам от меня нужно, чтобы я вступила в эту вашу команду… то есть, Альянс, и спасла с вами мир? — подвела она итог долгим разглагольствованиям Бестии и Чародейки. — И хоть я и ничего не смыслю в битвах или магии, но моё присутствие чрезвычайно важно, так что вы гарантируете, что мне ничего не придётся делать, более того, вы будете оберегать и защищать меня, а мне нужно лишь путешествовать с вами, куда вы скажете, только и всего?

Джара с Сельмой медленно кивнули, выжидательно глядя на девушку. Теперь и Хаарт поднял взгляд на Сунор, дожидаясь её решения.

А та обворожительно улыбнулась и объявила:

— В таком случае я не согласна! Можете убираться отсюда.

— Но… — начала обескураженная Джара.

— Вы мне больше не интересны, — со скукой в голосе капризно заявила Сунор. — Уходите, иначе я позову стражу.

— Сунор! — внезапно взмолился Хаарт. — Ты не понимаешь, как ты нам нужна! Без тебя Альянс ничто, потому что только все девять Ангелов вместе могут усмирить Книгу, как ты не поймёшь своей роли! Я прошу тебя, Сунор!

— Ах, ты просишь меня! — с наигранным удивлением протянула девушка. — Ну надо же! А как же твоя ненависть?

— Я забуду о ней. Мы должны забыть о себе ради нашей миссии, — твёрдо, как заученную фразу, произнёс Хаарт. — Ты тоже забудь, Сунор. Забудь обо всём, что было.

— И о своих чувствах к тебе тоже забыть? — взвизгнула Сунор, вскакивая с трона. — Забыть о том, как я тебя встретила? Полюбила? — говорила она, спускаясь по ступенькам пьедестала трона к молодому рыцарю. — Была с тобой? Забыть все твои слова, каждое из которых ранило меня больнее, чем острый кинжал? Забыть обо всём и каждый день, каждый час видеть тебя с Ней? — Она подошла вплотную к Хаарту и с минуту смотрела

ему прямо в глаза. Затем отошла и повернулась спиной к троим Ангелам. — Я не хочу. Уходите.

— Пожалуйста, — тихо сказала Сельма. — Ты нам нужна.

— Может, ты попросишь чего-нибудь? — с надеждой спросила Джара, понимая, что на Сунор давление и угрозы не подействуют, и надо повлиять на неё как-то по-другому.

Сунор замерла. Молчала несколько минут. А затем повернулась к своим посетителям и, оглядев их, сказала:

— Да. У меня есть условие. Оно вам вряд ли понравится, но это единственное, чего я хочу.

— Говори, — попросила её Джара.

Хаарт уже знал, *что* это, ещё до того, как Сунор с лёгкой улыбкой произнесла:

— Я пойду с вами, только если Хаарт бросит свою Змейку и будет моим. — Она накрутила на пальчик блестящий локон волос и добавила: — Навсегда.

Джара, Сельма и Хаарт возвращались из дворца Сунор в полном молчании. Зайдя в гостиничный номер, они сразу же были окружены друзьями, которые жаждали услышать об исходе разговора с Сунор. Только Змейка осталась в стороне. Она сидела в кресле с шитьём и молча смотрела на Хаарта. Тот не знал, что сказать. Сельма также не имела понятия, как при Змейке объявить такую новость.

— Она поставила условие, — наконец начала Джара.

— Что именно? Какое? — загалдели все.

— Она хочет… — Тут девушка осеклась под взглядом Сельмы, которая попросила Бестию помолчать, чтобы Хаарт сам всё сказал Змейке.

Та отложила шитьё в сторону и встала с кресла.

— Я знаю, что она попросила. Я догадывалась, что это может быть, и уже давно решила. — Змейка оглядела всех, остановила взгляд на Хаарте. Ангелы переглядывались; до всех остальных уже без всяких разъяснений дошло, что потребовала дочь Дамрафа. А Змейка добавила: — Я согласна.

— Нет! — вскрикнул Хаарт, быстрым движением оказался около Змейки и обнял её за плечи. — Змейка, малыш, нет! Ни за что за свете я не буду с этой…

Змейка отвернулась от него. По её щекам потекли слёзы, но она твёрдо произнесла:

— Я уже всё решила, Хаарт.

— Да как ты можешь такое говорить! — воскликнул он. — Я тебя люблю, мне она не нужна, я не брошу тебя ради чьей-то прихоти!

— Прихоть? — вмешалась в разговор Джара. — Ты называешь задание Альянса прихотью?

— Она права, Хаарт, — тихо сказала Змейка, утирая слёзы рукавом платья. — Наше задание важнее. Успокойся и иди к Сунор. Скажи, что ты согласен.

— Нет! — опять вскрикнул Хаарт. Он чуть ли не смеялся: поведение Змейки и всё, что говорили сейчас в этой комнате, казалось ему какой-то смешной нелепостью. Как же так, все хотят, чтобы он бросил Змейку только потому, что так сказала Сунор? — Нет, Змейка, нет! Ни за что!

— Да как ты не поймёшь! — взвилась Джара. — По-другому эту девицу не уговоришь вступить в Альянс! Её не возьмёшь угрозами, силой принуждать к этому нельзя! Если ты не согласишься, она не присоединится к нам! А это означает конец света!

— Но зачем она Альянсу?! — в свою очередь разозлился Хаарт. — Она ни черта не может! Она слабая, она не умеет сражаться, не владеет магией, она даже не сможет выдержать долгого пути! Как она может помочь спасению мира?!

— Хаарт! — резко оборвала его Сельма. — Джара видела Сунор в своём сне об Альянсе. Компас друидов указывает на неё. Если она нужна Альянсу, значит, нужна. Значит, как-то она понадобится, как-то сможет помочь спасти мир. Мы не можем так рисковать и только из-за личных интересов жертвовать миром, жизнями стольких людей!

— Хаарт, — вступил в разговор Ивор, подходя к юноше и приобнимая его за плечи. — Мы понимаем, как вам со Змейкой тяжело. Но Альянс и наша миссия важнее. Слышишь? Важнее.

Тот молчал. Змейка всхлипнула, отбросила шитьё и выбежала из комнаты. Хаарт бросился было за ней, но Ивор остановил его.

— Пусть побудет одна.

— Но нам нужно поговорить! — возразил Хаарт.

— Нужно, — согласился Ивор и добавил: — Но чуть позже. Сначала успокойтесь оба. Ребята… — обратился он к остальным. — Пойдёмте, устроим себе экскурс по городу, что ли…

— Мы не можем прятаться под волшебным куполом всю жизнь, — мрачно произнесла Аялла. — С этим надо что-то делать.

В личных покоях Дамрафа за небольшим столом восседало четверо: он сам, Аялла Тельмеран и главные чародеи обоих Орденов, Триша и Орвил.

— Наши маги бессильны, — покачала головой чародейка Аяллы. — Мы рассчитывали, что, напоровшись на защиту купола,

смерч исчезнет, но этого не произошло. Смерч беснуется вокруг города, но пока что купол удерживает его…

— Что значит "пока что"? — хмуро вопросил Дамраф.

— Мы не всесильны! Мы не можем поддерживать защиту вечно. — Женщина сжала губы и опустила взгляд.

— Неужели нельзя сделать ничего? — спросил глава Ордена Луны, обращаясь к Орвилу. — Вы представляете, что творит этот смерч? Он разрушил округу Тадора подчистую и теперь гуляет в окрестностях Арлана! А это немалое расстояние! Такими темпами Таэрия будет разрушена!

— Мой господин, уже много наших людей погибло при попытке изучить природу смерча. Мы в абсолютном неведении о природе такой магии и ничего не можем поделать… — Его чародей развёл руками. — Эта странная книга… мы никогда не слышали ни о чём подобном…

— Аронвардцы! — осенило Аяллу. — Теперь, когда мы собираемся заключить мир, необходимо потребовать, чтобы Аронвард прислал своих магов и разобрался с этим смерчем. В конце концов, это ведь они заварили эту кашу, пусть её и расхлёбывают. Хотят мира, пусть искупят сполна всё, что натворили.

— Позови послов из Аронварда, — распорядился Дамраф, вызвав слугу.

— Мой господин, простите, но как послы смогут достичь Аронварда?

— Так же, как и прибыли — порталом, я понимаю? — ответил слегка недоумевающий мужчина.

Триша вздохнула.

— Господин Дамраф, никто не сможет покинуть город посредством магии, пока действует купол. Чтобы кто-нибудь смог телепортироваться, необходимо будет снять купол, а вы понимаете, что за этим последует.

— А на конях они тем более не смогут покинуть город, — угрюмо добавила Аялла. — А связаться с помощью волшебства вы сможете?

Чародейка покачала головой.

— И что вы предлагаете делать?! — взорвался Дамраф, и женщина вздрогнула.

— Ждать и надеяться, господин, — ответила она и непроизвольно сжалась, ожидая очередной вспышки гнева.

— Ждать?… Надеяться?… — Злиться у Дамрафа не было сил. — На что?

— Что смерч покинет окрестности Арлана и мы сможем снять купол.

— А если нет? — спросила Аялла. — Если он не уйдёт?

Чародеи замолчали.

— Я уже говорила: мы не сможем держать купол вечно…

— Я этого Хаарта не понимаю, — заявил Тэллар, когда пятёрка Ангелов высыпала на темнеющие улицы Арлана. — Змейка, конечно, миленькая, но она и Сунор, это же небо и земля…

— Вопрос в том, кто тут небо, а кто земля, — проговорила Сельма.

Тэллар фыркнул.

— Понятное дело, что Сунор вне всякой конкуренции…

— Думаю, ты успеешь поменять своё мнение во время нашего путешествия, — невесело улыбнулась Чародейка. — Узнав её поближе…

— Что ты, Сельма, я совсем не против узнать эту цыпочку поближе…

— Ты, по всей видимости, разомлел от её божественной красоты, — ядовито бросила ему Джара.

— Бестия, ты ревнуешь?

— Кого? Тебя-то? — задохнулась от ярости Джара.

— Жалко их, — проговорил Ивор. — Кажется, они действительно любят друг друга… Глупо это. Из-за капризов этой Сунор…

— Ив, ты же знаешь, что мы не могли поступить по-другому, — повернулась к нему Джара, отвлекаясь от перепалки с Соколом.

— Послушайте, давайте закроем эту тему, — внезапно вступила в разговор Аерис. — Этот любовный треугольник далеко не самое важное, что нам нужно обсудить.

— Что ты предлагаешь вынести на обсуждение чрезвычайного совета Альянса? — осведомился Тэллар.

— Как вы предполагаете это, а? — хмыкнула Эльфийка, пропуская его дурачество мимо ушей. — Просто так взять и похитить единственную дочку главы Ордена Луны? Да он всю Таэрию с ног на голову перевернёт!

— Просто смоемся из города и всё, — махнула рукой Джара. — Пока все опомнятся, мы будем далеко.

— Хорошо, — вздохнула Аерис. — Теперь второе: как ты предполагаешь "смыться из города"? — И она выразительно ткнула пальцем вверх. Подняв головы по указанному ей направлению, Ангелы вперлись взглядами в магический купол.

— Ты права, — мрачно кивнула Сельма. — Выскользнуть из города незамеченными не удастся. А даже если удастся, вокруг

Арлана бушует вихрь энергии Книги. В тот раз мы еле унесли ноги и потеряли родителей Змейки…

— В любом случае, придётся ещё разок встретиться с бешеным смерчем, — пожала плечами Джара, которую, казалось, эта проблема сильно не беспокоила. — Не забывайте, есть ещё девятый Ангел — Эйдан… А он, насколько я понимаю, среди руин Тадора…

— Я надеюсь, там, на руинах, действительно сам Эйдан, а не его ошмётки на каменных плитах, — молвил Тэллар.

— Если так, вся наша миссия бессмысленна, — угрюмо сказала Сельма.

— Может, не будем о плохом, а? — попыталась взбодрить поникших друзей Джара. — Ив, ты что молчишь? Всё ещё в переживаниях о разбитых сердцах Хаарта и Змейки?

— Да ладно тебе, — присоединился к ней Сокол. — Когда Сунор согласится, и мы отыщем Эйдана и двинемся в путь, эта парочка вполне может воссоединиться… — Все в недоумении воззрились на него, а он продолжал рассуждать: — Сначала тайно, а по завершении миссии уже и не скрываясь. Поженятся и пусть живут себе. А что им эта Сунор сделает? Ну погорюет, проклянет всех, что не сдержали клятву…

— Да, а ты примешься её утешать, — язвительно сказала Джара.

— У меня доброе сердце, — с великодушием в голосе заявил Тэллар.

Бестия фыркнула.

— Только не вздумай подкидывать эту идею Хаарту во время путешествия, — хмуро проговорила Аерис. — Если он совершит глупость, мало ли, что взбредёт в голову этой Сунор. Нельзя, чтобы что-то помешало миссии Альянса.

— Я не думаю, что Хаарт нарушит слово, — вступил в разговор Ивор, покачав головой. — Он рыцарь, — пояснил Грифон, когда остальные посмотрели на него в ожидании объяснения. — Честь для него дороже всего, а нарушить клятву равносильно смерти.

Все замолчали, а Джара подумала о том, что наёмник по кличке Грифон когда-то мечтал стать рыцарем. Глядя на такой родной профиль Ивора, девушку захлестнула волна нежности и благодарности к нему.

Темнота сгущалась, улицы Арлана почти опустели. Заметив яркую вывеску таверны, Тэллар предложил внезапно погрустневшим и притихшим друзьям заглянуть туда. Никто не выразился против, и пятёрка наёмников вошла в зал таверны. Там было людно и шумно. Кое-как продравшись к одному из

немногочисленных свободных столиков, друзья разместились и заказали себе вина. Сокол честно пытался всех развеселить, но на Ангелов накатила тоска, и её не прогнала даже хмель вина. Вскоре даже Тэллар поник, и друзья продолжили методично напиваться вином в молчании.

Джара извинилась и вышла из-за стола. Голова чуть кружилась, и девушке захотелось на свежий воздух. Живительная ночная прохлада приняла её в свои объятия, и Джара почувствовала себя лучше.

— Наконец-то мы одни, — раздался голос за спиной.

Бестия обернулась и увидела высокую светловолосую женщину, которую можно было бы назвать красивой, если бы не безобразный шрам через всё лицо. На её одежде было вышито солнце. Ещё несколько мгновений, и Джара вспомнила её и свой удар, оставивший этот шрам.

— Я заметила тебя ещё внутри, но не хотела затевать массовую драку, — произнесла тем временем женщина, а Джара силилась вспомнить, как называл её Хаарт. Она не сомневалась, что он говорил именно о ней. — Я долго ждала, но всегда знала, что мы встретимся ещё.

Она говорила холодно и спокойно, но в её тоне Бестия всё равно слышала ледяную ненависть, и от этого чувства девушку пробрало до костей.

— Хочешь взять реванш? — так же спокойно спросила Джара.

— Хочу отомстить, — ответила женщина и непроизвольно потянулась к шраму.

— Джара, что ты так долго… — начала Сельма, появляясь на крыльце таверны. — Что происходит?

Женщина со шрамом обернулась на Чародейку.

— Сельма, иди внутрь, — проговорила Джара. — Это только моё дело.

— Нет, уж извини меня. — Бестия с удивлением услышала нотки раздражения в голосе обычно невозмутимой Чародейки. — С некоторых известных тебе пор у тебя не может быть "только твоих дел". Что тут происходит, Джара? — с нажимом повторила она, подходя к ним вплотную. — Кто вы?

— Я требую удовлетворения у Джары, правильно я расслышала имя? — тем же ледяным тоном произнесла женщина.

— Удовлетворения? — не поняла Сельма. — Дуэль?

— Сельма, я оставила этот шрам во время единственной битвы, в которой участвовали наёмники, ты помнишь? У Тадора, — принялась с лёгким раздражением объяснять Джара. — Она хочет взять реванш, я не могу ей отказать. Теперь иди внутрь.

— Нет! — жёстко отрезала та. — Извините меня, но вы,

кажется, принадлежите к Ордену Солнца? Разве вы не знаете, что война окончена? Вы хотите разжечь внутри города склоку?

Аира (наконец вспомнила Джара) ответила ей внезапно усталым голосом:

— Я не прошу битвы как таэрийка, чтобы отомстить аронвардцам. Не прошу битвы как рыцарь Ордена Солнца. Я требую дуэли как женщина.

— Я не позволю… — начала Сельма.

— Чародейка, иди внутрь! — резко оборвала её Джара и закатила глаза: из таверны вышел теперь Тэллар.

— Что тут происходит? — слегка пьяным голосом спросил Сокол.

— Тэллар, прошу тебя, возьми Сельму и уведи её отсюда, — обратилась к нему Бестия.

Сельма запротестовала.

— Послушай, мне надоел этот спектакль. Ты не в состоянии сама отвечать за свои поступки и принимать решения? — раздражённым голосом обратилась к Джаре Аира.

— Я не позволю! — опять сказала Чародейка и хотела сотворить какое-то заклинание, но тут Джара без слов выкинула руку в её направлении, и Сельма замерла, недвижимая, а потом как-то обмякла, и Тэллар подхватил её. Он в недоумении глядел на Джару.

— Бестия…

— Тэллар, только ты не начинай! Я разберусь сама! Идём к лошадям, — бросила она Аире. — Я не думаю, что ты хочешь драться здесь.

Рыцарь кивнула.

— Тэллар, отведи её в гостиницу и уложи там. — Джара осторожно глянула в окошко и увидела Грифона с Эльфийкой, кое-как поддерживавших руками тяжёлые головы. Официантка как раз принесла очередной кувшин, полный вина, и забирала очередной опустошенный. — Ивору и Аерис скажи, что Сельме стало плохо от выпитого, а я осталась с ней. Проболтаешься Иву — прибью, когда вернусь!

— Если ты вернёшься, — молвила Аира.

Сокол несколько секунд глядел прямо в горящие глаза Бестии, потом кивнул, обещая, что сделает, как она просит. Джара с облегчением улыбнулась. А он между тем кинул взгляд на меч Аиры, затем бережно посадил бесчувственную Сельму на мощёные плитки улицы, прислонив её к стене, и подошёл к Джаре. Он забрал у неё кинжал и вручил ей свой меч.

— Спасибо, — сказала она.

— Смотри, чтобы тебе не надрали твою задницу.

— Так беспокоишься о моей заднице?

— Да, знаешь ли, я по натуре эстет, а она у тебя симпатичная.

— Вот вернусь, надеру тебе уши.

Он слабо улыбнулся.

— Только тогда вернись, хорошо?

Джара не ответила, а отвернулась и кивнула Аире. Когда они ушли, Тэллар поднял на руки Сельму и двинулся к гостинице.

— Ты только вернись, Джара, — негромко сказал он, — только вернись…

Когда Хаарт решился войти в комнату, где сидела Змейка, он нашёл её забившейся в угол и обхватившей руками колени. Рыцаря захлестнула волна щемящей нежности, и он бросился к девушке. Она подняла на него лицо, и он понял, что она плакала, хотя сейчас глаза её уже были сухими.

— Малыш, — пробормотал он, обнимая и приподнимая её, — Змейка, моя маленькая Змейка… — шептал он, осыпая её лицо поцелуями.

Внезапно она оттолкнула его и отошла.

— Хаарт, нам с тобой нельзя быть вместе. Не забывай об уговоре. Ты и Сунор…

— Да не говори мне о Сунор! — сорвался вдруг Хаарт. — Как ты не понимаешь, мне не нужна она! Я не люблю её, я ненавижу её! Я люблю тебя, Змейка! — Он подался к ней, но она опять отступила на шаг. Молодой рыцарь остановился, глядя на девушку. Выражение холодной решимости на её лице заставило его замереть. — Змейка, скажи одно слово, и я плюну на всё! Мы спрячемся, убежим, мне всё равно! Я хочу быть только с тобой, милая! — Он протянул к ней руку, но она вновь отодвинулась.

— Как ты можешь такое говорить? — неверяще покачав головой, произнесла Змейка. — А Альянс? Мы дали клятву!

— Змейка! — воскликнул он. — Я не понимаю, тебе, что, плевать на меня? На наши чувства? Ты так легко согласилась бросить на ветер нашу любовь, потому что пришли какие-то незнакомцы — более того, аронвардские наёмники — и завели речь о спасении мира! Сунор высказала свой каприз, и все бросились исполнять то, что ей угодно?!

Змейка взглянула на него с обидой и укором, и Хаарт содрогнулся от мысли, что так сильно обидел её своими словами.

— Мне не плевать на тебя и наши чувства. Но я верю Джаре и её друзьям! Я думала, ты тоже им веришь. Я согласилась на это не из-за каприза Сунор, а из-за Альянса, из-за Таэрии! Ты, что, не понимаешь? Не видишь, что творит эта Книга? Ты сам был тогда, когда рушился Тадор! А теперь мы вновь под угрозой! Арлан под

волшебным куполом, и только это спасает тысячи людей! Мои родители погибли из-за Книги, Хаарт!

Змейка без сил опустилась на кровать и закрыла лицо руками. Хаарт сел на колени подле неё.

— Змейка, милая, я понимаю это… Но я люблю тебя, ты для меня важнее всего на свете…

Змейка посмотрела на него, и он с болью увидел блестевшие в мерцании свечей дорожки слёз на её щеках.

— Для тебя не я должна быть важнее всего сейчас.

Он провел рукой по её волосам.

— Помнишь твою комнатку на чердаке? — мягко спросил он. — Когда ты распустила на деревянном полу и стенах настоящие цветы?

— Они были не настоящие, — слабо улыбнулась сквозь слёзы Змейка.

— Для меня настоящие, — возразил Хаарт. — Я смотрел на тебя и думал, что никогда не встречал другой такой девушки, как ты. Я тогда даже был готов прыгнуть с корабля, если бы Дарвей решил увезти меня от тебя… Змейка, ты — лучшее, что случалось со мной в жизни. Я полюбил тебя тогда и люблю до сих, и буду любить тебя всегда, поверь мне.

— Но мы не можем быть вместе, — тихо проговорила она. — Сунор…

— Давай не будем о Сунор этой ночью, малыш? Да, завтра нам нужно будет дать ей ответ и двигаться дальше по пути Альянса, но… эта ночь ведь ещё наша.

Он осторожно потянул её за руку, и Змейка опустилась на пол рядом с ним. Хаарт покрыл поцелуями всё её лицо, чувствуя вкус её слёз. Он потянул ткань её платья, обнажая плечо, и нежно коснулся губами родимого пятна в виде змейки. В охватившем её порыве девушка обняла его, уткнувшись лицом в его шею. Он крепко обхватил её, зарываясь руками в густые волосы, а потом они снова целовались, забывая обо всём на свете. В ту ночь они любили друг друга, любили нежно и жадно, прощаясь навсегда…

— …потому что он — мужеложец! — выставив указательный палец, объявил Ивор пьяноватым голосом, когда Тэллар наконец вернулся в таверну, весь обуреваемый тревогой за Джару.

— Кто гомик? — вопросил Сокол, садясь за стол и наливая себе вина.

— Принц Таэрии, — заговорщическим шёпотом сообщила Эльфийка.

Тэллар поперхнулся вином и принялся кашлять.

— Чего-чего?!

Аерис похлопала его по спине.

— Помнишь, из-за чего Грифон пошёл в наёмники?

— Ну да, он был в личном отряде принца, но испортил с ним отношения из-за чего-то… Ты, что, серьёзно, Ив?! — возопил Тэллар, когда до него наконец в полной мере дошёл смысл сказанного. — Принц тебе предложил…

— Я ему там чуть морду не набил, пусть он и принц, — грозно заявил Ивор. — Но кончать жизнь на плахе или в темнице не хотелось, и я ушёл из отряда принца. Но тот точно бы объявил меня в изгнанники или изменники… так что я уехал на Гирит!

— Что же ты никогда ничего не рассказывал?

— Ну… — Грифон смутился. — Мне как-то стыдно было говорить о таком…

— Но у тебя же ничего с ним не было?! — в ужасе воскликнул Тэллар.

— Сокол, тебе справа врезать или слева?

— Мальчики, не ссорьтесь. Кстати, — спохватилась вдруг Аерис, — а где Сельма и Джара?

Тэллар, глазом не моргнув, выдал придуманную Джарой сказку.

— Но Сельма совсем мало выпила… — с сомнением в голосе произнесла Эльфийка.

— Может, чародеи плохо переносят вино? — неуверенно предположил Тэллар.

Аерис подозрительно поглядела на него, постукивая пальцами по столу.

— Сокол, где Джара?

Тэллар вздохнул.

— Ладно, я честно пытался вас обмануть, но вы не поверили, так ведь? В общем, Джара уложила своими друидскими фокусами Сельму, и мне пришлось утащить её в гостиницу, и ускакала драться с женщиной-рыцарем…

— Что?! — взревел Ивор, так что все посетители таверны замолкли и посмотрели на него. — И ты отпустил её? Где Джей?! — вскочил он из-за стола, мигом трезвея.

Из Эльфийки тоже улетучилась хмель.

— Сокол, объясни нормально.

— Ладно, давайте расплатимся и уйдём отсюда, а то все глазеют…

— Мы уходим, потому что нам надо найти Джару, — сказал Ивор, кидая на стол монетки.

Когда они вышли и Тэллар вкратце рассказал им, что случилось, Ивор вновь накинулся на Сокола с обвинениями.

— Да ничего с ней не случится, Грифон! — разозлился тот. —

Она уже взрослая и отлично дерётся, она положит эту рыцаршу на лопатки и вернётся…

— А если что-нибудь случится?! А если… Да как ты мог, нужно было нас позвать…

— Послушай, не один ты беспокоишься о Джаре! — огрызнулся Сокол.

— В любом случае, надо найти её, — пресекла их перепалку Аерис. — Мы действительно не можем позволить, чтобы Джара погибла в какой-то драке сейчас, когда мир нужно спасти от этой Книги…

— Я не могу позволить, чтобы она погибла в какой-то драке не потому, что она должна спасти мир!

— Послушай, Ивор, ты заткнёшься или нет! — прикрикнул Тэллар. — Пока мы тут разглагольствуем, мы Джаре никак не поможем! Как мы будем искать её? Сельма в отключке, город огромный, мы его не знаем…

— Давайте на коней, разделимся и будем искать, — коротко бросила Аерис и направилась к лошадям.

Лунный свет заливал пустырь на окраине города и выхватывал две женские фигуры, оценивающе кружившие друг против друга с мечами наизготовку. Наконец одна из них бросилась в атаку, другая спокойно встретила её удары, подставляя под них свой клинок. Обменявшись градом ударов, они снова закружили.

— Сегодня ночью отсюда уйдёт только одна из нас, — произнесла Аира.

— Согласна. Я не сомневаюсь в том, кто это будет, — ответила Джара.

— Ты! — крикнула женщина-рыцарь и кинулась в очередную атаку.

Минут десять они ожесточённо дрались, выкладываясь по полной, но были равны по силам. Почти. Джара отметила, что ослеплённая ненавистью и жаждой мести Аира иногда ошибается, а ещё быстрее начинает уставать, чем она, Бестия. Да, может, и возраст сказывается? Рыцарь Солнца старше неугомонной наёмницы как минимум лет на десять, это точно.

Но почему же Джаре совсем не хочется побеждать эту женщину? Убивать её? Она даже почти не старается нападать сама, только защищается.

Отбивая очередной удар Аиры, Джара внезапно подивилась собственной недальновидности. Она прекрасно помнила, с самого начала, что это та самая женщина, о которой говорил Хаарт, даже имя вспомнила, но почему же она только сейчас пришла к мысли,

что Аира — друг и Хаарта, и Змейки? Что же будет, если Бестия убьёт её? Не сказать, конечно, что Джаре так уж не хотелось задевать чувства этой парочки, просто она беспокоилась, согласятся ли они в таком случае помогать Альянсу. Хаарт и так уже недавно горел желанием её прикончить, а сейчас, скорее всего, тихо ненавидит Джару как виновницу разлуки с любимой… Конечно, клятву он принёс, как и Змейка… Но смерть Аиры он ей точно не простит.

Кончик меча Аиры проехался по плечу Бестии. Чёрт возьми! Отвлеклась! Джара разозлилась и пошла в атаку. Ещё несколько минут обмена ударами, и для черноволосой наёмницы не осталось сомнений, что эта битва будет за ней. Кажется, Аира тоже это поняла, потому что стала биться с каким-то отчаянным остервенением.

Но Джара не собиралась её убивать. Когда Аира выдохлась и начала раз за разом ошибаться, Бестия извернулась и сильно ударила клинком по её запястью, защищённому стальным наручником. Меч выпал из рук женщины-рыцаря, и Джара приставила кончик клинка Тэллара к её горлу.

— Ну что же ты медлишь?

— Послушай, Аира…

— Джара!!! — раздался истошный крик, и девушка увидела, как за плечом Аиры, из-за угла заброшенного дома выскочил Ивор на своём коне.

Джара отвлеклась на секунду, но Аира моментально среагировала, рывком нагнулась, схватила свой меч и полоснула Джару. Та в последний момент успела отпрянуть, но недостаточно быстро — и лезвие меча полоснуло её по груди. Хлынула кровь; Ивор закричал и метнул нож.

— НЕТ! — крикнула Джара, а Аира выронила меч и упала на землю с рукоятью ножичка между лопаток.

Ивор соскочил с коня и подбежал к Джаре.

— Как ты, Джей? — спросил он, в беспокойстве глядя на сочащуюся кровью рану.

— Чёрт возьми, Ив, что ты наделал… — пробормотала она, глядя на бездыханную Аиру.

— Джей, твоя рана…

— Да чёрт с ней, это всего лишь царапина! Грифон, что ты натворил…

— И вы оставили её там?

— Эльфийка, а что нам, по-твоему, надо было делать? — сорвалась Джара. — Тащить за собой труп в гостиницу?

Аерис вздохнула и покосилась на всё ещё не пришедшую в

себя Сельму.

— Когда она очнётся?

— Не знаю, — пожала плечами Бестия. — Я не совсем контролировала себя, когда… хм… успокаивала её.

— Не совсем контролировала? — не выдержал теперь уже Тэллар. — Хочешь сказать, она может проваляться несколько дней?

Сельма забормотала что-то.

— Ты можешь попробовать снять заклятие? — спросила Аерис.

— Попробую… — неуверенно произнесла Джара и взяла Чародейку за руки.

Через минуту та открыла глаза.

— Джара… ты… сволочь…

Все вдруг захохотали, слегка разрядив тем обстановку.

— Что случилось? — спросила потом Чародейка. — Где та женщина?

Джара глянула на поникшего Ивора.

— Сельма, понимаешь…

Хаарт заглянул к ним, когда уже рассвело и солнце начало греть.

— Я готов идти во дворец.

Джара хотела было шикнуть на Ивора, чтобы он натянул на лицо нормальное выражение, но, казалось, Хаарт был настолько убит своим горем, что не обратил ни на что внимания.

Бестия поднялась.

— Да, идём. Всем нужно собраться. Как только Сунор даст согласие, тут же удираем из города, пока её не хватился Дамраф.

— Хорошо… Только мы со Змейкой сначала попрощаемся с Аирой, хорошо?

Джара нервно сглотнула.

— Послушай, Хаарт, я не думаю, что стоит разглашать о нашей миссии…

— Аира никому не скажет, Джара.

— Я понимаю, но даже у стен есть уши и вообще…

В коридоре послышался какой-то шум. Хаарт, нахмурившись, обернулся и некоторое время слушал обрывки фраз. Затем он отворил дверь и спросил у оказавшегося в коридоре знакомого рыцаря Солнца:

— Анхем, что случилось?

— Хаарт, я как раз хотел к тебе зайти, — услышали друзья голос рыцаря и нервно переглянулись. — Хаарт, ты только крепись…

Хаарт вышел к нему и прикрыл дверь.

— Что, Анхем? — раздался приглушённый голос рыцаря. — Говори, не тяни!

— Стражники нашли на пустыре на окраине города Аиру… Она мертва. Её убили…

— Кто?! — По сдавленным звукам, издаваемым Анхемом, друзья догадались, что Хаарт либо припёр его к стенке, либо схватил за грудки. — Кто это сделал?!

— Хаарт…

— Извини, Анхем… Но как?! Как это случилось!? Кто?!?!

Ивор подался вперёд, но Джара встала у него на пути.

— Ты рехнулся?! — зашипела она. — Хочешь, чтобы нас взяли под стражу за убийство?! Засунь свою совесть себе в задницу, Ивор, и молчи! Мы ДОЛЖНЫ сегодня покинуть этот город и с нами ДОЛЖНЫ быть Хаарт, Змейка и Сунор! Ты меня понял?

Ивор кивнул и опустил голову. Остальные притихли. Джара кинула встревоженный взгляд на дверь.

В комнату тяжёлым шагом вошёл бледный Хаарт. И от того, как смотрели его потухшие глаза, всем стало не по себе, и даже Джару охватило чувство вины и скорби.

Сославшись на нездоровье, Сунор покинула обеденную трапезу и вернулась к себе в покои. Под окнами дворца слонялась эта чародейка, кажется, Сельма, придерживая под узды двух лошадей. Она словно почуяла, что Сунор на неё смотрит и вскинула голову. Девушка кивнула волшебнице и снова скрылась в комнате.

Сунор быстро переоделась, а затем закидала в небольшую сумку всё, что могло понадобиться в дороге. Она кинула на себя взгляд в зеркало. Тот самый обтягивающий кожаный костюм, блестящие волосы распущены по плечам, глаза горят.

— Это всё-таки случилось, Хаарт, — шепнула Сунор. — Ты всё-таки будешь моим. Ты уже мой.

Она перекинула ногу через подоконник, и Сельма сделала ей знак прыгать. Чернокая красавица чуть поколебалась, но чародейка настаивала. Сунор зажмурилась и прыгнула и уже в воздухе почувствовала, как её подхватила невидимая сила и плавно опустила на землю.

— Садись на коня, — сказала ей Сельма, сама тоже взбираясь в седло. Сунор последовала её примеру. — Я сейчас слегка изменю тебе внешность… Не беспокойся, когда мы покинем страну, я верну тебе твоё лицо, — насмешливо добавила она, видя изменившееся лицо Сунор. — Просто не хочу, чтобы нас

задерживали.

— Только, пожалуйста, не искажай сильно черты моего лица. Не хочу выглядеть уродкой перед Хаартом. Хватит уже одной этой Гадюки, я имела в виду, Змейки…

Сельма пропустила это мимо ушей и сделала несколько пассов руками. Сунор ощутила покалывание кожи лица, но это быстро прошло. Затем чародейка сняла с себя плащ и протянула девушке.

— Одень это. А то твой костюм… слегка вызывающий. Не стоит обращать на себя лишнее внимание.

Сунор сморщила носик, но подчинилась.

Они тронули коней и проехали к тупику одной из улиц недалеко от восточных ворот Арлана, где их ждали остальные. Хаарт вздрогнул, заметив Сельму с кем-то, закутанным в плащ, Змейка закусила губу. Когда спутница Чародейки откинула капюшон, являя им незнакомое лицо, впрочем, улыбающееся знакомой улыбкой, Сельма объяснила, что изменила Сунор внешность.

— Здравствуй, любовь моя, — проворковала Сунор, направляя коня прямо к Хаарту, потянулась к нему и чмокнула его в губы.

Хаарт непроизвольно отстранился, и девушка недовольно сощурилась.

Но разбираться не было времени, Джара скомандовала трогаться, и восемь Ангелов двинулись по направлению к воротам.

— Стоять! Куда вы собрались? — окликнули их стражники

— Нас становится всё больше и больше, и передвигаться незамеченными всё сложнее и сложнее, — изрёк Тэллар.

— Что делать будем? — спросила Сунор с интересом.

— Уж не к воротам ли вы собрались? — вопросил один из стражников. — Город покидать запрещено…

— И опасно! — добавил другой. — В своём ли вы уме? Там ведь этот смерч…

Он не договорил, потому что Сельма как раз закончила читать заклинание, и на стражников опустилось усыпляющее заклятие. Они грузно осели на землю и засопели.

— Фу, Сельма, ты лишила нас возможности размять конечности, — недовольно проворчал Сокол. — Я не помню, когда мы последний раз ввязывались в хорошую драку.

— Могу устроить тебе одну прямо сейчас, — бросила ему Джара и тронула коня.

Остальные последовали за ней. Тэллар заворчал что-то вслед, а затем объявил:

— Ворота закрыты!

— Мы обойдёмся без твоих комментариев, — бросила ему Джара, оглядывая громаду ворот.

— Это не комментарии, это констатация факта.

— Тем более мы обойдёмся без твоих констатаций очевидных фактов.

— А ты когда-нибудь сочтёшь, что я обойдусь без твоих колкостей?

— Успокойтесь, — сказала им Сельма. — Нужно придумать, как покинуть город…

— А что же твоя хвалёная магия? — спросила с лёгкой насмешкой в голосе Сунор.

— Не получится, — спокойно ответила ей Чародейка. — Купол не позволяет.

— Давайте просто попробуем открыть ворота, — предложила Аерис.

— Нет, — покачала головой Сельма. — Я боюсь впустить смерч в город…

Сунор скучающе зевнула, протянула руку к Хаарту, с которым ехала бок о бок, и погладила его по щеке с милой улыбкой. Змейка ехала в хвосте небольшого отряда вместе с таким же поникшим, как она, Ивором.

— Очень весело, — фыркнул Сокол. — И что делать теперь?

— Предлагаю перелезть через стену и попробовать преодолеть преграду купола, — предложила Джара. — Это возможно, Сельма?

— Ага. Ещё придумай, как заставить наших лошадей лезть по стенам, и всё получится, — хмыкнул Тэллар.

— Он прав, — произнесла в задумчивости Сельма, и Тэллар торжествующе ухмыльнулся, так что Джара чуть не заехала ему по лицу. — Придётся всё же открыть ворота, когда смерч обогнёт эту часть города, и успеть закрыть их до того, как он вернётся.

Все кивнули, спешились и направились в сторожевую будку искать механизм, приводящий в движение ворота.

— С той стороны придётся закрывать вручную, — заметила Джара, возвращаясь. — Ив и Сокол там, они сами справятся, — добавила она, указывая за спину, на будку.

— С той стороны закроем с помощью магии, — сказала ей Сельма. — Поможешь мне?

— Конечно, — улыбнулась Джара, а секундой позже её улыбка обратилась в кривую гримасу.

Купол, защищавший Арлан, исчез.

Дамраф вздрогнул от криков ужаса, пронёсшихся по всему

городу. Он выбежал в коридор и столкнулся там с Аяллой. Ничего не понимая, главы двух Орденов понеслись по коридору дворца, а затем всё поняли, наткнувшись на большое окно.

— О Солнце… — выдохнула Аялла, отшатываясь от окна.

— Во имя Луны! — воскликнул Дамраф, приникая к подоконнику и глядя на небо.

Тут же город сотряс толчок, и Дамраф чуть не вывалился из окна, его спасла только быстрая реакция Аяллы.

Несколькими минутами позже они уже вместе с чародеями были на улице, седлая коней.

Люди Арлана бегали в панике. Смерч бушевал в восточной части города. Чародейка Аяллы, магией усилив свой голос, приказала всем чародеям собираться на малой площади и готовиться повторить заклинание купола, а простым людям спрятаться в своих домах.

Дамраф, Аялла и все чародеи Орденов, находившиеся во дворце, помчали лошадей по улицам города.

…Смерч снёс ворота и добрую часть восточной стены, и теперь, будто дразня, плясал в опасной близости от содрогающихся домишек.

— Я не понимаю, что случилось, — в панике произнесла Триша.

— Но вы же восстановите купол! — перекрикивая вой смерча, сказала Аялла. — Что ты молчишь?!

— Я не уверена, госпожа… Нужно очень много сил, а мы уже недавно творили это заклинание…

— Чёрт тебя побери, чёрт вас всех побери — у вас ДОЛЖНО получиться, ты меня слышишь?!

— Глядите, кто там? — крикнул кто-то, указывая на то, что недавно ещё было воротами.

Все пригляделись и различили горстку людей. Одна фигурка отделилась и, простерев руки, шагнула навстречу смерчу.

— ДЖАРА! — проорал Ивор. — ДЖАРА, чтоб тебя, вернись!

Тэллар хотел было броситься за ней, Ивор тоже, но Сельма остановила их обоих.

— Не мешайте ей.

— Не мешать?! — задохнулись оба парня. — Да она же погибнет!

— Она знает, что делает, — сказала им Чародейка. — Чёрт возьми, если вы не успокоитесь, я вас сама успокою! — И с этими словами она создала два светящихся шара, по одному над каждой ладонью.

Грифон и Сокол обречённо вздохнули, но никуда больше не

собирались бежать, а лишь обеспокоенно следили за удаляющейся фигуркой.

Оарин, — пел голос Миерны в голове у Джары. — *Оарин. Иди вперёд, сестра, не бойся — ты сможешь его остановить. Ты сумеешь. Я в тебя верю! Мы в тебя верим! Мы с тобой, Оарин.*

Смерч заплясал по кругу, будто с насмешкой разглядывая сумасшедшего человечка, посмевшему бросить вызов порождению Стихий.

Талисман друидов на груди Джары накалился и обжигал её кожу, но она не чувствовала боли. Пульс участился, все чувства обострились. К голосу Миерны в голове присоединился голос Кельдана, а затем — всех остальных друидов. Они говорили что-то на неизвестном Джаре языке, неизвестном — но понятном.

Оарин, прими нашу силу, прими нашу помощь! Не бойся ничего, сестра! Мы с тобой!

Джара кивнула, ощущая, как талисман наливается необъятной мощью и пульсирует.

И тут смерч подхватил её.

Нечеловечески закричал Ивор, Тэллар осел на землю, Аерис побледнела и зашевелила губами, произнося имя Джары, Хаарт стоял, недвижимый, не обращая внимания на вцепившуюся в него Сунор, Змейку обняла Сельма, единственная остававшаяся спокойной за янтарноглазую Бестию. Может, потому что она одна почувствовала мощный прилив чужой ей, Чародейке, но близкой Джаре энергии — друидской магии. Может, потому что внутри она знала — просто знала и всё — что Джара победит и в этой битве. Что у неё просто нет права проигрывать.

Чёрный вихрь закружил ещё неистовей, но отдалился от стен Арлана, заплясав на руинах бывшего пригорода, теперь сровненного с землёй. Изредка среди бешеных воздушных завихрений появлялось пятнышко — Джара — и тогда Ангелы вскрикивали. Смерч бесновался и извивался, и внезапно Сельме пришла в голову мысль, что это его агония. И стоило ей так подумать, как изнутри черноту смерча взрезали яркие лучи, их становилось всё больше, они сверкали всё ярче, споря с солнцем, а затем вихрь стал распадаться, рассеиваться, оседать.

Потоки воздуха опустили фигурку Джары на землю. Бешеный ветер — всё, что осталось от смерча Книги — ещё носился какое-то время по равнине, но затем и его не стало.

А Ивор, Тэллар, Сельма и Аерис уже сломя голову неслись к обессиленной Джаре, лежащей на земле. Змейка бросилась за ними, Хаарт тоже, но его удержала Сунор. Рыцарь хотел

отбросить её, но она зашептала что-то про клятву, и он поник и остался.

— Рыцарь? — раздалось сзади, и Хаарт, обернувшись, увидел Аяллу, Дамрафа и за их спинами толпу чародеев.

— Сунор? — воскликнул в недоумении Дамраф, и Хаарт, глянув на неё, увидел, что заклинание Сельмы развеялось. — Что ты тут делаешь, дочка? — спросил он, спешиваясь.

— А что здесь делаешь ты, рыцарь… — начала Аялла.

— Хаарт, — подсказал ей тот.

— Хаарт, — кивнула она, тоже спешиваясь. — Кто эти люди?

Хаарт замолчал, не зная, что сказать. Сунор же, недолго думая, тут же выложила им полную версию истории об Альянсах.

— Джара? Джара? — позвал Тэллар, приподнимая её за плечи.

Она была без сознания, лежала, раскинув руки, бледная, измождённая. Ивор опустился рядом, обеспокоенно глядя на её лицо. Сельма тоже села на колени и провела рукой по щеке девушки. Змейка мягко отстранила её и, взяв Джару за руку, посчитала пульс. Наклонившись над ней, послушала дыхание. Положила руку на лоб.

— Я думаю, с ней всё будет нормально, — наконец сказала она. — Хотя пробудет без сознания какое-то время. Это просто упадок сил… Истощение, перенапряжение. Но она дышит ровно, и с сердцем всё в порядке… Ей просто нужно восстановить силы.

Ивор поднял Джару на руки, и с груди её на землю упало что-то съёжившееся, чёрное. Сельма наклонилась и узнала в этом нечто жалкие остатки талисмана друидов, с которым Джара была неразлучна.

— Похоже, друзья Джары из леса помогли ей, — произнесла Аерис.

Сельма поднялась и кивнула, но ничего не сказала, что-то обдумывая.

— А с теми что будем делать? — вопросил Тэллар, указывая на спешащих к ним людей. Он присмотрелся. — Ого, похоже, Сунор уже снова Сунор.

— Я, видимо, отвлеклась, — буркнула Чародейка.

— Что-то теперь будет… — пробормотала Эльфийка.

— Это Дамраф и Аялла, — сказала Змейка, когда и остальные, у кого было не такое острое зрение, как у Сокола, смогли рассмотреть лица приближавшихся. — А с ними чародеи Орденов.

Тэллар выругался. Ивор, казалось, не видел вокруг ничего, кроме своей бесценной ноши.

— Я думаю, им двоим можно всё объяснить… — произнесла Змейка.

— Рассказать о нашей миссии? Ты уверена?

Тут Хаарт пришпорил одолженного ему коня (их собственные кони все как один испугались смерча, скинули своих всадников и убежали, а затем были подхвачены смерчем) и подъехал к ожидавшим Ангелам раньше остальных.

Они что-то собирались спросить, но рыцарь пресёк вопросы:

— Они уже всё знают. Сунор рассказала.

…Вечером того же дня Аялла и Дамраф провожали восьмерых Ангелов в путь. Семеро были на новых конях, лучших, что нашли в Арлане, а ещё два жеребца везли повозку, в которой лежала бесстрашная Джара, непостижимым образом остановившая разрушительный смерч Книги.

— Всё будет хорошо с твоей дочерью, — положив руку на плечо Дамрафу, проговорила Аялла. Они стояли на стене Арлана и глядели на удаляющиеся фигурки всадников в свете закатывающегося за горизонт алого диска солнца. — Тебе, наверное, тяжело её отпускать?

— Наверное, нужно сказать, что я отпустил её скрепя сердце… Но если честно, в моей голове мысли, что наконец-то она сделает хоть что-то хорошее и полезное.

Аялла помолчала.

— Удивительно это. То, о чём они рассказали нам. Никогда бы не подумала…

— Я тоже. Но если поразмыслить, их появление логично, ты не думаешь? Чтобы остановить весь этот ужас, должно было произойти чудо. И вот оно, это чудо — Альянс Ангелов. Чего бы я точно никогда не подумал, так это то, что моя дочь будет одной из тех, кто спасёт мир. — Он усмехнулся и добавил, вздохнув: — Но это не значит, что я о ней не беспокоюсь. — Он помолчал. — Безумно беспокоюсь.

Аялла улыбнулась и ободряюще сжала его плечо.

— Зато смерча больше нет, — продолжал Дамраф, — и послы Аронварда отбыли домой с подписанным договором о мире.

— Но мы-то знаем, что Книга на этом не остановится. Да и аронвардские маги ничем не могут нам помочь. Выиграна битва, но ещё не выиграна война.

Он приобнял её за плечи.

— Но мы победим, Аялла, — молвил он. — Не будь такой пессимисткой.

Женщина улыбнулась, тоже обнимая его.

— Конечно, победим. Война закончилась, смерча больше

нет… Люди успокаиваются.

— Глядишь, и король скоро объявится, — хмыкнул Дамраф. — В стране-то обстановка налаживается.

— Пусть только сунется, — фыркнула Аялла. — Вряд ли кто ему обрадуется.

— Да… стране нужен новый правитель, — согласился глава Ордена Луны.

— Или правительница, — добавила глава Ордена Солнца.

— А, может быть, новая счастливая королевская чета? — с робостью в голосе, неожиданной для мужчины его возраста, телосложения и положения, спросил Дамраф.

Аялла удивлённо воззрилась на него, но он только улыбнулся и запечатлел поцелуй на её губах.

VIII Ханелас

Друиды все как один облегчённо и в то же время как-то вымученно выдохнули, разрывая Круг и Узы.

Кельдан смахнул со лба бисеринки пота.

— Нам всё же удалось это сделать, — сказал он.

Некоторые из друидов попытались подняться на ноги, но тут же рухнули обратно на траву.

— И это прекрасно, — улыбнулась лишь уголками губ Миерна. Внезапно её лицо казалось постаревшим и измученным. — Это означает, что мы ещё не забыли наследия предков.

— Мы помогли людям, сестра, — сказал один из друидов, — избавиться от первого порождения Книги, но будут и другие.

— Я знаю, брат, — кивнула Миерна. — И они будут ещё страшнее.

— И это произойдёт совсем скоро. Альянс не успеет совершить за такое короткое время весь свой путь и вернуться в Таэрию, чтобы уничтожить Книгу.

— Да. Это не во власти даже Ангелов.

— Какой тогда был смысл уничтожения смерча? Мы всего лишь оттягиваем время разрушения Таэрии…

— Мы поможем людям и во второй, и в третий раз, и будем помогать столько, сколько нужно будет Оарин и Ангелам.

— И сколько хватит у нас сил, — мрачно добавила друидка, сидевшая около Кельдана.

А сам Кельдан покачал головой.

— Сестра, но Оарин уже не будет в Таэрии. Через кого мы будем передавать свою силу? В этой стране нет никого, способного поддержать Узы и принять и использовать силы Круга.

— В Узах с Оарин или кем бы то ни было больше не будет необходимости.

Все друиды недоумённо уставились на Миерну.

— Мы сами отправимся в Таэрию, братья и сёстры…

Друиды ахнули с изумлением и неверием.

— …чтобы дать время Альянсу, — спокойно закончила Миерна.

— Что ты говоришь, сестра! Это невозможно! Покинуть лес?! — раздавались возгласы друидов.

— Книга — это создание наших предков. Только мы можем сдерживать её мощь.

— У нас не хватит сил! — чуть ли не взвизгнула одна из друидок. — Мы погибнем, не дождавшись твоей Оарин!

— Мы должны сохранять веру в любых обстоятельствах, сестра. Помни об этом и не гневи богов, — молвила Миерна, чуть сдвинув брови, и друидка пристыженно замолчала.

Кельдан, всё это время пребывавший в потрясении, наконец спросил:

— Сестра, неужели ты говоришь серьёзно? Покинуть лес и помогать людям? Отдать все силы, чтобы сохранить их жизни и города? Но… да, возможно, Таэрия будет сровнена с землёй, но к тому времени, как Буйство стихий перекинется на другие страны, вернётся Альянс, и всё будет кончено…

— Почему мы должны жертвовать собой? — выкрикнул кто-то.

— Мы ничем не обязаны таэрийцам! — поддакнул ещё один друид.

— Как вы не понимаете, что мы не можем больше прятаться! — воскликнула Миерна. — И вы никто не можете предсказывать поведение Повелителей Стихий, чьё могущество и сущность заключены в Книге! Что случится, когда в нашем мире окажутся новые создания Измерения Книги!

— Но нас мало, — продолжали ей возражать, — мы не продержимся…

— Мы обязаны продержаться, пока Ангелы не вернутся с магическими артефактами и не уничтожат Книгу, — жёстко сказала Миерна.

— Этот вопрос нужно вынести на обсуждение!

— Никаких обсуждений, — отрезала Миерна, как вдруг выкрикнули:

— Наш вождь не ты, а Кельдан!

Миерна спокойно посмотрела на главу друидов. После минутного размышления Кельдан произнёс, чуть наклонив голову в знак почтения:

— Я никогда не усомнюсь в твоей мудрости, сестра. Мы оставим лес и двинемся в Таэрию, и пусть тех, кто не согласен с этим решением, постигнет кара богов.

— Не хочу показаться скептиком, но… чёрт возьми, здесь *невозможно* было выжить! — воскликнул Тэллар, когда Ангелы, проделав длинный путь от Арлана до Города Солнца, через опустошённые и разрушенные смерчем земли, иногда минуя, иногда останавливаясь в чудом уцелевших или пострадавших лишь частично городах и деревнях, остановились, поражённые пугающей и ошеломляющей картиной руин Тадора, над которым, словно маленькое чёрное солнце, лижущее воздух вокруг язычками тёмного пламени, висела сфера, заключавшая в своём

центре Книгу Стихий.

Джара, отвоевавшая наконец своё право путешествовать в седле, хоть и была ещё ослаблена, чуть приподнялась в стременах, разглядывая глыбы камней, и закусила губу.

— Он не мог погибнуть, Сокол. Он один из Ангелов, он должен вступить в Альянс. И, тем более, мой компас заметно потеплел и указывает туда, вглубь руин…

— *Я* туда не полезу, — заявила Сунор и окинула остальных гордым взглядом.

— Тебя никто и не просит, — холодно ответила Сельма.

Почему-то из всех Ангелов одна Чародейка открыто проявляла своё отношение к капризной дочери Дамрафа. Джара терпела все её выходки ради Альянса, Аерис и Ивор проявляли к ней полное безразличие, будто её и вовсе не существовало.

Змейка выглядела подавленной недолго, лишь первое время, а теперь держалась молодцом, спокойно выслушивала все уколы и насмешки Сунор, будто ей нет до них никакого дела. Она вообще вела себя так, будто в её жизни не случилось никакой трагедии, но в её глазах Джара ясно видела невыплаканные слёзы по Хаарту и, конечно, Аире, отчего на Бестию накатывали нежданные приступы мук совести.

Змейка расспрашивала Ангелов о прошлых приключениях, и глаза её горели и сияли, когда слушала их рассказы (в основном, Тэллара, главного болтуна Альянса; он привирал где только можно и неизменно во всех историях героически вытаскивал своих спутников из неприятностей). Змейка очень деловито ухаживала за Джарой, не обращая ровным счётом никакого внимания на возмущённые протесты той, мол, она здорова, как бык, и нечего с ней носиться, как с маленьким ребёнком. У Сельмы Змейка расспрашивала о магии, а у Аерис — о том, о чём никто из друзей никогда и не думал спрашивать, — об эльфах. Змейка делилась с ней известными ей сказками об эльфах, и Аерис, обычно серьёзная и задумчивая, веселилась вовсю, слушая их. А с Ивором у Змейки сразу сложились какие-то особые отношения. Когда Ангелы только покинули Арлан, то они вдвоём замыкали их небольшой отряд, оба поникшие, подавленные. И по иронии судьбы, оба скорбели по Аире, только вот Змейка не знала, что рассказывает о своей безвозвратно потерянной подруге виновнику её смерти. Ивор, слушая разговоры об Аире, выглядел всё более убитым. Затем позади стали ехать Сунор и Хаарт, Змейка решила больше не показывать никому своего горя, а Джара, взяв Ивора с собой на вылазку, хорошенько встряхнула его, и, вроде бы, приободрила.

И за эти несколько дней Бестия, Грифон, Сокол, Чародейка и

Эльфийка прониклись к маленькой целительнице искренней симпатией.

Зато Сунор тихо ненавидели все. Даже Тэллар уже спустя день их совместного путешествия поделился с Джарой жгучим желанием дать по морде "этой выскочке". Впрочем, насчёт её выдающихся внешних данных он мнения не изменил.

С лица Хаарта не сползало скорбное выражение. Казалось, он искренне не понимал, почему Змейка так спокойна и даже весела, а не рвёт на себе волосы и не просыпается каждый день с опухшими глазами, потому что ревела всю ночь. Джара тоже жалела его, но, пожалуй, не так, как Змейку.

Хаарт и Сунор, по её настоянию, всегда ехали чуть позади остальных, но разговаривала надменная красавица так, чтобы её отчётливо слышали все остальные, а уж если они целовались (если Хаарт не отвечал ей на поцелуй, Сунор начинала визжать, что разворачивает коня), то всех впереди об этом ясно оповещали характерные звуки.

Всех это раздражало, но одна Сельма отвечала Сунор насмешкой на насмешку, а на презрительные взгляды — взглядом, преисполненным ещё большим презрением. Сначала Джара хотела было остудить пыл Чародейки: она боялась, что гордячка оскорбится и опять начнёт визжать, что покидает Альянс и возвращается домой, к папочке. (Хоть Миерна как-то и обмолвилась, что, согласившись вступить в Альянс, Ангел не может отречься от своего предназначения, Джара смутно представляла, *что* сможет остановить этот ходячий кошмар — разве что крепкие верёвки и кляп во рту, но разве это решение проблемы?) Однако Сунор, видимо, приняла вызов Чародейки, и началась холодная война.

Тем временем Сунор презрительно повела плечиком, отворачиваясь от Сельмы.

— Мы с Хаартом останемся здесь, да, любовь моя?

Джара невольно кинула взгляд на Змейку, но та рылась в своей сумке с лекарствами и, если и слышала слова Сунор, то это никак не отразилось на её юном и хорошеньком личике.

— Я думаю, я должен помочь… — начал тот.

— В этом нет необходимости, — оборвала его Джара. — В любом случае, кто-то должен остаться с лошадьми и поклажей. И мы вполне справимся сами.

Она опять посмотрела на Змейку. Поиски Эйдана могут оказаться опасными, и Джара размышляла, стоит ли предложить девушке остаться, и что будет для неё хуже — путешествие по руинам Тадора или лицезрение Сунор, льнущей к Хаарту. Но целительница всё поняла по одному взгляду Джары и кивнула:

— Я иду с вами. Я думаю, что ты права, и Эйдан жив, но вряд ли он пышет здоровьем. Так что я вам пригожусь.

Джара кивнула ей в ответ и слегка улыбнулась. Эта девчонка ей нравилась всё больше. Сунор же насмешливо фыркнула и потрепала волосы Хаарту.

— Помоги мне слезть с коня, милый. Я устала от езды верхом. Пожалуй, когда теперь Джара выздоровела, я могу ехать в повозке?

Хаарт спешился и подставил ей руки, и она нырнула в его объятия.

— Если Эйдан ранен, ехать в повозке будет он, — сказала ей Сельма. — Тем более, тебе нужно привыкать к суровой жизни. Если надобность в повозке отпадёт, мы её оставим, из-за неё мы передвигаемся гораздо медленнее, чем того требует ситуация.

Сунор сделала вид, что ничего не слышала, и не спешила освобождать себя из рук рыцаря.

Джаре всё это надоело, и она скомандовала всем тоже спешиться и двигаться вперёд, но затем, с опаской глянув на вроде бы спокойную, но тем не менее всё также внушающую смертельный ужас сферу Книги, сказала Сельме:

— Чародейка, останься с ними. Мало ли что.

Джара подумала, что Сельма воспротивится её решению, но та только улыбнулась и, подарив Сунор взгляд, полный завораживающего сочетания ненависти, презрения и жалости, произнесла:

— Конечно, Джара. Я останусь.

Сунор, всё ещё обнимаемая и обнимающая Хаарта, бесподобно сверкнула глазами, достойно отвечая Сельме. Джара подумала, как эти две ещё не испепелили друг друга взглядами.

Затем пятеро Ангелов двинулись вглубь руин Тадора, и компас Джары теплел и подрагивал всё сильнее с каждым шагом.

— В последнее время не узнаю нашу невозмутимую старушку Сельму, — хмыкнул Тэллар.

— Ну она так и осталась невозмутимой, тебе не кажется? — сказала ему Джара. — По-моему, ничто не способно вывести её из себя, — добавила она и подумала, а что бы сделала Сельма в ту ночь, если бы Джара не вывела её из строя друидским заклинанием.

— Меня радует сладостное предвкушение того дня, когда она наконец поставит эту крошку на место, — ухмыльнулся Сокол.

Джара опять непроизвольно кинула взгляд на Змейку, но ту, казалось, уже давно перестали трогать разговоры о Сунор. Вместо этого она с болью оглядывала руины когда-то великолепного города, видимо, всецело погружённая в воспоминания.

— Когда всё кончится, город восстановят, обязательно, — сказала Джара, вдруг чувствуя острую потребность подбодрить девушку.

Змейка обратила свой взгляд на неё и вымученно улыбнулась.

— Аира тоже так говорила. Что Тадор построят заново, и он станет ещё красивее, чем раньше. Я верю, что так и будет… Жаль только, что Аира этого уже не увидит. Солнце, как же это могло произойти, так несправедливо…

Она отвернулась от Джары и повела пальцами по поверхности каменной глыбы, бывшей когда-то частью стены Тадора. Потом снова посмотрела на Джару.

— Мы даже не были на её похоронах…

— Так было надо, Змейка…

— Я знаю, Джара, я ведь вас ни в чём не виню…

Джара кинула быстрый взгляд на Грифона: тот шёл, глядя себе под ноги, но девушка почти физически ощутила боль, с которой у Ивора сжалось всё внутри от слов Змейки.

— Я думаю, в последний путь её провожал весь Орден… Она была хорошим рыцарем и замечательным другом. Она должна была быть моей подругой на нашей свадьбе… — Тут она осеклась и замолкла.

— Ох, не нравится мне эта штука, — прервал гнетущее молчание Тэллар, поглядывая вверх, на сферу Книги. — Она спокойна, как море в штиль перед грозой.

— Джара, Книга может породить новый смерч? — спросила Аерис, до того шагавшая в конце отряда и, как обычно, сосредоточенно молчавшая.

— Да, скорее всего, это произойдёт, появится новый смерч или что похуже… Но я думаю, у нас пока есть время. Как только найдём Эйдана, сразу поскачем прочь из Таэрии.

— А Книга останется здесь разрушать города… — произнесла Змейка с болью в голосе.

— Да, но мы для того и собрались, чтобы не допустить разрушения всего мира, — сказала Джара.

— Кстати, вот мы покинем Таэрию и что потом… — начал Тэллар, но замолк, потому что Джара, шедшая впереди, резко остановилась и начала грязно ругаться. — Бестия, что это ты… Ох, чёрт! *Ох, чёрт!*

Через мгновение и остальные увидели, что так ужаснуло Сокола с Бестией — под каменной глыбой, придавленный ею лишь до пояса, простёрся на земле труп. Мёртвый лежал на животе, но голова была неестественно вывернута, являя свету навеки застывшее выражение ужаса на разлагающемся лице.

Джара почувствовала, как внутренности скрутило рвотными позывами, но сдержалась.

— Вот чёрт, — опять повторил Тэллар. — Дьявол, какая вонь…

Он торопливо зашагал дальше и опять начал ругаться, а затем глазам потрясённых Ангелов, миновавших зону разрушенной городской стены, предстали руины самого города — и его жители. Мёртвые, лишившиеся частей тел, изувеченные, обгоревшие, погребённые под обломками зданий или раскиданные неумолимым смерчем по руинам.

— Давайте быстрее, — буркнула Джара, утихомиривая бунтующий желудок. — Компас точно бешенный. Тэллар, ты не заткнёшься, *пожалуйста*?

Стискивая зубы, Ангелы двинулись вперёд, перешагивая преграждающие путь трупы несчастных таэрийцев.

— Во имя Солнца, они лежат здесь… столько дней… — прошептала Змейка, сдерживая, в отличие Джары и остальных наёмников, не тошноту, а слёзы. — Никто не похоронит их, не прочтёт молитвы, не проводит в последний путь…

Джаре подумалось, что Змейке как никому другому из их отряда подходит определение «Ангел». От этой мысли её отвлекло жужжание компаса, завибрировавшего настолько сильно, что он начал подпрыгивать на руке у девушки. Стрелка вертелась, как безумная.

— Мы пришли, — объявила Джара.

— Что-то я не вижу никакого Эйдана, — заметил Тэллар, оглядываясь. — Только эти проклятые трупы…

— Давайте рассредоточимся и поищем вокруг, — предложила Аерис.

— Отлично, — кивнула, соглашаясь, Джара. — Кто найдёт, пусть кричит.

Она хотела было предложить Змейке пойти с кем-нибудь из других Ангелов, но та уже скрылась за одной из громадных глыб. Джара пожала плечами и, слегка раздражаясь от неунимающегося подрагивания компаса, от которого в руку передавалось слабое, но неприятное онемение и зуд, двинулась в направлении, подсказанном интуицией.

Что-то твердило ей изнутри, что она первой найдёт Эйдана. Так что она почти не удивилась, когда компас вдруг замер, а слева от себя она различила стоны. Джара повернула на звук, и вскоре обнаружила источник — тощий, скрючившийся человечек в лохмотьях, весь покрытый грязью и запёкшейся кровью, в котором было трудно, даже невозможно узнать блистательного и самодовольного мага. Голову, покрытую корочками ранок и

скудными остатками обугленных волос, он прятал в руках, коричневых от грязи и крови.

— Эйдан? — позвала Джара, осторожно приближаясь к нему. Человечек задрожал ещё сильнее, но стоны прекратились, он замолк. — Эйдан? — вновь повторила девушка.

Человечек осторожно убрал руки, обнажая для взгляда Джары израненное и измазанное лицо, зияющее огромным ожогом на левой щеке, а потом поднял на неё глаза, испещрённые лопнувшими капиллярами и подёрнутые желтоватой пеленой.

Абсолютно безумные глаза.

Сельме было как никогда жаль Хаарта, когда она наблюдала вселенскую боль в его глазах, оглядывающих то, что осталось от когда-то великолепного Города Солнца. Чародейка не знала, какой была его семья или где он жил до вступления в Орден, но, несомненно, для рыцаря Тадор был его вторым — и главным — домом, а друзья по Ордену и, конечно, наставник — настоящей семьёй. Когда-то Хаарт видел, как взбушевалась Книга, взбесились стихии, и начали падать башни Тадора. Теперь же он видел кладбище.

Сунор теребила его волосы и льнула к нему всем телом. До этого, заметив, как Хаарт удручён видом разрушенного города, она беспечно заявила, что Тадор ей никогда и не нравился, и Сельму пронзила волна отвращения к этой чёрствой, самовлюблённой пустышке.

Силы магии, через что же пришлось пройти и приходится проходить этому юноше! Он вынужден терпеть Сунор и её выдуманную любовь — на деле же очередной каприз, разрушивший жизни двух замечательных людей, — вынужден изо дня в день видеть ту, что для него значит всё, — и перебарывать себя, находить силы не смотреть на неё, не говорить с ней, терпеть ласки нелюбимой и ненавистной (и о небеса, отвечать на них). Он потерял близких людей; город, в котором он жил, разрушен на корню; его мир рухнул…

И он сломался. Сельма видела это в его взгляде. Потухший. Ничего не требующий от жизни. Ничем не интересующийся. Да, он сделает всё, что нужно для дела Альянса (включая игру в любовь с Сунор), потому что он рыцарь. Но что с ним будет потом? Он уже не живёт. Сломлен.

А вот Змейка не сломалась. Она пережила всё то же, что и он, она каждый день видит того, кого любит, и ту, которая сломала её судьбу, вместе, но блеск в её глазах неподдельный. А ведь она ещё совсем девчонка, сколько же ей лет? Не больше восемнадцати, определённо!

От раздумий Чародейку оторвал звонкий голосок Сунор.

— Посмотри-ка, милый, они возвращаются… Лунный свет, *что* это они несут с собой?

Сельма встрепенулась, вглядываясь в даль. Джара шла впереди, шествие замыкала Аерис, а между ними шагали Ивор и Тэллар, бережно нёсшие кого-то… как это кого-то, конечно, Эйдана!.. Рядом с ними семенила Змейка.

Когда друзья подошли совсем близко, троице оставшихся Ангелов предстал изувеченный и пребывающий без сознания человек. Сунор состроила кислую рожицу и отошла, увлекая Хаарта. Впрочем, когда Ивор и Тэллар уложили Эйдана в повозку, отошли и остальные. Только Змейка забралась туда же и уселась рядом со сплошь покрытым ранами волшебником. Она деловито принялась доставать что-то из своей бездонной сумки с лекарствами.

— Джара, или кто-нибудь, дайте мне воды и… каких-нибудь чистых тряпок, всё что найдётся… — попросила она.

— Я поищу, — ответила Аерис и отошла к лошадям.

Джара бросила Тэллару и Ивору готовить коней.

— Больше нет причины задерживаться. Каждое мгновение дорого, — отрезала она на недовольное ворчание Сунор.

— Я не целительница, — вдруг тихо произнесла Сельма, — но он совсем плох, Джара. Совсем. Змейке придётся совершить чудо, чтобы вылечить все его раны и поставить на ноги.

— На то мы и Ангелы, чтобы совершать чудеса, — оптимистично молвила Бестия, но на душе у неё было тяжело.

Сельма как-то вымученно улыбнулась и не ответила.

А Джару вдруг пронзила мысль, такая очевидная и простая, но она только сейчас в полной мере её осознала:

— Знаешь, что, Чародейка?

— А? — отозвалась та рассеянно, видимо, успев погрузиться в свои мысли.

— Альянс собран. Ангелы в полном составе.

И Джара шутливо отдала честь.

Джара и Тэллар ехали впереди, позади них — Сунор и Хаарт. Девушка потребовала переместить её от повозки, жалуясь на отвратительную картину живого трупа и милосердной святоши. Джара поморщилась, но согласилась, чтобы они с рыцарем ехали позади неё. Сзади них шли кони Аерис и Сельмы, ещё дальше ехала повозка, вновь запряжённая двумя лошадьми, а в ней — Змейка, ухаживающая за Эйданом. Процессию замыкал Ивор.

— А ведь она права, — шепнул Джаре Тэллар.

— Ты о чём?

— От него правда вонь! — возвестил он.

Джара нахмурилась.

— Ты что, не почуяла?

— Да, вообще-то… Но ведь так не должно быть, Сокол?

— А кто его знает, не я чёртов врачеватель. Спроси у Змейки.

— Не хочу её отвлекать, — сказала Джара, кидая на повозку взгляд через плечо.

— Она молодец, — произнёс между тем Тэллар. — Я бы… не смог наверное… ну… не пересилил…

Джара кивнула, прекрасно его понимая.

Сзади Сунор, как обычно, донимала Хаарта, а Аерис и Сельма, как обычно, тихо совещались о чём-то, что было, судя по их лицам, недоступно простым смертным. Джара, выворачивая шею, скользнула взглядом по Змейке, колдующей над Эйданом, и остановилась на Иворе. Взгляд Грифона был пугающе отстранённым.

— Мне совсем не нравится Ивор, — сказала она Тэллару.

Тот вздохнул.

— Ты права. Со стариной Грифоном что-то неладное. После того как…

Джара зловеще сверкнула глазами, незаметно указывая взглядом назад, за их спины, где ехал Хаарт.

— Бестия, я не такой дурак! — оскорбился Тэллар. — Ну вот, сама знаешь, после чего, он совсем скис. Я, честно, не понимаю отчего, будто бы он никогда, ну… — Он снизил голос до шёпота. — …не убивал никого… Он же наёмник, чёрт бы его побрал. — Его голос вновь звучал с обычной громкостью. — Но теперь что-то не так, не понимаю. Конечно, Ив человек совестливый, но не до такой же степени!

Джара кивнула и закусила губу.

— Надо что-то с этим делать, Сокол. Я не могу на него смотреть.

— Понимаю. Пытался поговорить…

— И?

— Ничего не вышло, как видишь.

Девушка опять кивнула, опять закусила губу и прокусила до крови.

— Я с ним поговорю сама. Когда будет подходящее время.

К ночи они устроили привал в небольшой рощице, встретившейся на пути. До этого вечером они повстречали деревеньку, изрядно пострадавшую от смерча, но выстоявшую, однако объехали её стороной. Припасы у них ещё были, а задерживаться не имело смысла.

Привязав лошадей, Ангелы устроились поужинать.

— Джара, — обратилась к девушке Сельма, устраиваясь на траве рядом с ней со своей порцией в руках — кусок холодного мяса на ломте хлеба, пласт сыра и деревянный стаканчик с кипятком. — Ты уже решила, каким путём мы будем добираться до Поднебесья?

— Нет, — ответила та, прожёвывая еду. — Я оставила это тебе, Чародейка.

Сельма хмыкнула.

— Так я и думала! В общем, — продолжала она, попутно закидывая в рот маленькие кусочки хлеба, мяса и сыра, — мы сейчас двигаемся к северной границе Таэрии. Мы можем отправиться в море прямо из одного из таэрийских портов, либо свернуть на запад, пересечь Ханелас — это не очень большая страна, меньше Таэрии или Аронварда, — и выйти в море оттуда.

— Различия? — поинтересовалась Джара.

— В первом случае долгое-долгое морское путешествие, во втором примерно равный путь по суше и по воде.

— Я всеми руками и ногами за второе, — заявила Аерис, памятуя о своей морской болезни.

— Уж лучше плыть на корабле, чем ещё неделями ехать верхом, — заныла Сунор.

— У меня вопрос, — поднял руку Тэллар. Когда все обратили своё внимание на него, он спросил: — Почему, Чародейка, ты не можешь открыть портал прямо до Поднебесья?

— Этот вопрос тысячи раз обсуждался на всевозможных магических консилиумах, — усмехнулась Сельма. — И ты задаёшь его мне, Сокол?

— Можно попонятнее? — ворчливо спросил Тэллар.

— На Поднебесье *нельзя* создать портал. Туда не открывается ни одна дверь, не ведёт ни один из межпространственных путей…

— Межпорстр?… Я вроде бы попросил попонятнее, — буркнул Сокол.

— Джара тебе объяснит, она у нас в порталах разбирается.

Бестия состроила Сельма рожицу.

— Ничего не собираюсь я ему объяснять! В общем, вопрос о порталах закрыт. Давайте проголосуем, — пожала плечами она. — Кто за "долгое-долгое морское путешествие"?

Руку подняла одна Сунор. Остальные Ангелы в молчаливой солидарности решили её не поддерживать. Даже Хаарт.

Но тут к общему кругу подошла Змейка, до этого сидевшая в стороне от остальных и кормившая своего подопечного размельчёнными её же руками кусочками еды. Эйдан уже был чист от грязи и крови, все раны перевязаны, а сам он был облачён

в запасную одежду Ивора. На нём, высохшем, отощавшем, она болталась, как мешок.

— Джара, я думаю, Эйдану не на пользу тряска в повозке, — сказала она. — Так что я за корабль.

И она тоже подняла руку. Сунор вперилась в неё злобным взглядом.

— Ну что ж, — констатировала Бестия. — Трое против шестерых. Решением большинства отправляемся через Ханелас.

Джегиль извивался и умолял о пощаде, но Джара продолжала его истязать. Вокруг торчали колья с головами её родителей, сестры, Турона, отца и матери Змейки, женщины-рыцаря Аиры. Головы грозно наставляли Джару не прекращать пыток. Джегиль всё извивался, и вдруг Джара поняла, что это уже никакой не Джегиль, а толстый червь, и он тоже дёргается и извивается. И плачет.

— Перестань плакать! — завопила на него Джара и, впившись в него руками, начала трясти его и душить, хоть и не знала, горло ли то, что она держит и есть ли вообще горло у червя.

Червь плакал дальше, его плач терзал Джару на части. А ещё она чувствовала вонь, запах разложения… А червь плакал и плакал, Джара его душила, но ему всё было нипочём, он заходился в душераздирающем плаче, ну почему его никто не успокоит?!

— Джара, Джара, проснись, — сказал червь.

— Заткнись, ты, хватит плакать, хватит вонять…

— Джара, проснись, — сказала голова Турона голосом червя.

Она отмахнулась от неё, но тут остальные головы запрыгали на своих кольях.

— Джара, чёрт тебя побери!!!

Джара резко села и испуганно огляделась. Около неё сидел Тэллар.

— Ну неужели, — раздражённо пробормотал он. — Тебя не добудишься.

Вдруг до Джары дошло. Плач. Плач из сна — он на самом деле был из реальности.

— Кто плачет, Сокол?

Тэллар вздохнул.

— Эйдан. Он ревёт всё утро, как маленький ребёнок. Я удивляюсь, откуда в его высохшем тельце столько влаги для слёз.

Джара потрясла головой и несколько раз открыла-закрыла глаза, отгоняя остатки сна.

— К чему снятся черви, которых ты пытаешься задушить? —

спросила она Сокола, поднимаясь и видя, как все готовятся сняться с места, одна Змейка сидит на траве и, прижав голову Эйдана, захлёбывающегося в плаче, к своей груди, что-то приговаривает.

— К тому, что ты спасёшь мир от взбесившейся книги? — предположил Тэллар.

— Надеюсь, что так, — хмыкнула Джара, обеспокоенно глядя на Змейку и Эйдана. — Не нравится мне это. Как-то это неправильно… чтобы он так рыдал…

— Он просто столько всего перенёс, Джара, представляешь, столько времени в этом кошмаре, будь к нему снисходительнее, — сказал ей Тэллар.

Джара вытаращила глаза.

— Это *ты* говоришь, Сокол, или мне кажется?

— Я только повторяю слова Змейки, вот и всё, — пожал он плечами.

Джара принялась свёртывать свой плащ, служивший ей постелью. Пока что погода тёплая, и по своему прямому назначению он не нужен. Плач Эйдана действовал ей на нервы, как и очередные причитания Сунор, жаловавшейся что она не выспалась (она говорила об этом каждое утро) и возмущавшейся, что она вынуждена терпеть какого-то спятившего… Понурый и злой, Хаарт молча терпел её нытьё.

Внезапно вопли Эйдана стихли, и Джара облегчённо вздохнула и взглянула в их сторону. Эйдан спрятал голову на груди у Змейки, она всё ещё что-то ласково говорила ему, а на щеках блестели дорожки слёз. Ангел во плоти, опять подумала Джара.

Когда они проехали всего каких-то полчаса, к Джаре подъехал Ивор.

— Ив, что такое? — сразу же встревожилась девушка, увидев нахмуренное лицо Грифона.

— Змейка хочет тебе кое-что сказать. — Его тон не сулил ничего хорошего.

Джара кивнула и направила коня к повозке. Ивор последовал за ней.

У повозки явственно ощущалась та же вонь. Эйдан метался, как в бреду, его лицо было покрыто потом. Змейка прикладывала мокрую тряпочку ему на лоб.

— Змейка, что такое?

— Джара… Нам нужно будет заехать в какой-нибудь город и срочно. Не в деревню, а в город. Мне нужны хорошие инструменты, ещё кое-какие препараты…

— Что случилось? Что-то не так?

Змейка закусила губу и взглянула на Эйдана. Потом указала на перемотанную правую руку.

— Рана гниёт. Заражение. Руку нужно ампутировать.

— Отрезать руку?! — ужаснулась Джара.

— Да… у меня есть такой опыт. Во время битвы…

— Это не лечится?

— Нет, — покачала головой девушка. — Нужно сделать это как можно быстрее, пока это не перекинулось на остальное тело и не задело важные внутренние органы, тогда уже… — Она не договорила, но Джара всё поняла и кивнула. — Я боюсь рисковать и делать это в таких условиях… есть риск, что заражение начнётся и в новой ране…

— Я спрошу Сельму, пусть сверится по карте.

Змейка кивнула, а Эйдан принялся стонать ещё громче.

К вечеру они подъехали к стенам города.

— Какова цель вашего визита в Андин? — вопросили стражники, подозрительным взглядом окидывая семерых всадников и повозку с двумя пассажирами.

— У нас тяжело болен друг, — ответила Джара, натянув на своё красивое лицо маску доброжелательности. — Нужен лекарь.

— Да, да, конечно, милашка, проезжайте.

Джара стиснула зубы, но всё-таки пропустила «милашку» мимо ушей.

— Не подскажете, как добраться до лекаря?

— Езжайте вверх по этой улице, как доедете до площади, свернёте направо. Там будет белый дом, там живёт господин Алмерик, целитель.

Джара кивнула, и отряд Ангелов въехал в Андин.

На пути к лекарю Алмерику им встретился постоялый двор.

— Не думаю, что нам нужно заваливаться к этому Алмерику всей толпой, — сказал Тэллар.

— Ты прав, Сокол. Оставайтесь тут, займите комнаты… К лекарю Змейку с Эйданом поеду сопровождать я и Ив. Потом мы вернёмся к вам.

— Ага. Удачи, — отмахнулся от неё Сокол, спешиваясь.

— Ведите себя хорошо, — добавила Джара.

Остальные тоже слезли с коней, а Ивор зашёл внутрь найти конюха.

— Конечно, мамочка.

Джара фыркнула и состроила рожицу.

— Джара, — позвала её Змейка.

— Да?

— На самом деле, ты можешь не ехать. Ивор проводит нас. Ты ведь устала, оставайся с остальными, отдохни. Не думаю, что от тебя будет много пользы. Придётся долго сидеть и ждать…

— Точно? — слегка растерянно спросила девушка.

— Да, конечно, — заверила её Змейка. Эйдан громко и протяжно застонал.

— Ну ладно, — кивнула Джара и спешилась. — Эй, о моём коне тоже позаботься, — бросила она конюху. — Ну… удачи.

Змейка слабо улыбнулась. Ивор тронул коня и двинулся по улице. Обученные лошади, запряжённые в повозку, покорно последовали за ним.

Джара проследила за конюхом, дала ему монетку, а затем зашла на постоялый двор. Там было тихо и спокойно. Ангелы взяли несколько комнат и отправились блаженствовать.

— Наше морское путешествие близится к концу, — произнесла Миерна, глядя в даль. Красное око солнца закатывалось за горизонт, окрашивая море в цвет крови, а вдалеке уже виднелась земля.

— И слава богам, — произнёс Кельдан, плохо переносивший качку корабля. Его сестра же, как всегда, оставалась невозмутимой. Для главы друидов всю жизнь было загадкой, существует ли в мире что-то, способное поколебать её душевное равновесие.

— Ты почувствовал это? Прошлым днём?

— Что?

— Оарин. Она собрала Альянс.

Глаза друида расширились в удивлении.

— Альянс собран? Ты уверена?

Миерна покачала головой.

— Ты совсем не ощутил ничего?

— Эта морская болезнь меня доконала, — недовольно признался он. — Тем более, мы лишены нашей силы, когда оторваны от земли. Это делает мой дух слабым, сестра…

— Ты должен бороться с этим, — нахмурилась Миерна. — Ничто не должно ослаблять твой дух. Да, у нас нет нашей магии, когда мы не чувствуем соприкосновения с силами земли, но наша воля не зависит от того, стоим ли мы ступнями на земле или палубе корабля, брат.

Кельдан вздохнул.

— Остальным братьям и сёстрам тоже плохо. Они даже не могут подняться из кают.

— Я знаю, и это мне не нравится. Мы должны быть сильными, чтобы бороться с созданиями Книги Стихий.

— Почему, сестра? Я до сих пор не понимаю, как мы будем бороться с собственными богами и почему должны это делать.

Миерна посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Мы вступили в эту борьбу ещё тогда, когда помогли Оарин узнать об Альянсе Ангелов. Уже нет пути назад. Ты боишься, брат?

Кельдан немного помолчал.

— Ты единственная, кому я могу сказать. Да, я боюсь…

— Верь, Кельдан. Мы обязаны выстоять, пока Ангелы не вернутся, готовые дать бой Повелителям Стихий.

— И всё же я не понимаю, сестра. Я помню… ты говорила… в тебе жила мечта возродить величие наших богов. Вернуть друидам былую мощь. Ты говорила… Книга уничтожит королевства людей, и мы построим царство Стихий… Как хотели наши предки… Ты злишься на меня, сестра, за мои слова? — спросил он, видя отражение её эмоций в её глазах. — Но ведь это *твои* слова.

— Построить царство Повелителей Стихий, как хотели наши предки? — повторила Миерна. — Разве не видишь, к чему привели желания наших предков? Книга Стихий грозит уничтожить мир. Да… Когда-то я заблуждалась, и я уже говорила об этом с Оарин… Я мечтала создать царство друидов на руинах стран людей, но я ошибалась. Наш долг, брат мой, как хранителей равновесия природы — не допустить проникновения измерения Книги в наш мир. Никто не знает, что последует за этим, если это произойдёт, и будет ли возможно воздвигнуть хоть что-то на обломках и руинах прежнего мира после Буйства Стихий…

Дверь отворилась, и на пороге возник худощавый седой мужчина в белом балахоне. Он вопросительно посмотрел на Ивора.

— Нам нужен господин Алмерик.

— Это я.

— У нас больной… — произнёс Ивор, указывая за свою спину, на повозку.

— Естественно, у вас больной, раз вы пришли ко мне, — хмыкнул лекарь и затем отступил в дом. — Заходите. И заносите.

Ивор кивнул, отошёл к повозке. Змейка спрыгнула, захватила свою сумку с лекарствами и прошла в дом. За ней зашёл Ивор с громко стонущим Эйданом на руках. Алмерик распорядился, чтобы слуги присмотрели за лошадьми и повозкой посетителей. Затем он провёл их вглубь дома, в просторную комнату с плоской лежанкой посередине и указал на неё Ивору. Парень осторожно

положил на неё Эйдана.

— Рана загнила? — со знающим видом осведомился Алмерик, размотав повязку на руке Эйдана.

Ивор не в первый раз видел гниющую рану Эйдана без повязки, в конце концов, он всё это время ехал позади повозки и видел, что делала Змейка, и даже помогал ей, но всё равно он не мог привыкнуть к отвратительному зрелищу гниющей заживо плоти. Вонь живо распространилась по всей комнате. Эйдан издал протяжный воющий звук.

Змейка кивнула, но Алмерик не дал ей ничего сказать.

— Знаете, что придётся делать? Руку нужно отрезать.

Змейка опять кивнула.

— Господин, я сама целительница…

— Ты? — фыркнул Алмерик, окидывая её насмешливым взглядом. Ивор сжал кулаки.

— Да, я, — кивнула девушка. — Мы путники, поэтому нам нужно было найти лекаря, мне необходимы инструменты и лекарства… Господин Алмерик, я собираюсь сама ампутировать руку.

— Что-о? — протянул Алмерик. — Не смеши меня, девочка. У тебя руки будут дрожать от страха, и тебя, того и гляди, вырвет прямо на несчастного парня. Никакого опыта, никаких навыков. Ну уж нет, я не дам тебе загубить жизнь человека…

— Загубить жизнь?! — вскинулся Ивор. — Да вы не знаете, как она ухаживала за ним! Выходила после стольких ран! Она…

— Ивор! — умоляюще обратилась к нему Змейка, видя, как вскипает Алмерик. — Господин, я работала целительницей во время войны, я провела очень много таких операций…

— Да? — изогнул одну бровь тот. — И видела ли ты хоть одного из своих пациентов после?

— Нет, но…

— Вот! — торжествующе произнёс Алмерик, демонстрируя вытянутый указательный палец. — Откуда ты знаешь, что они все не умерли?

— Послушайте… — опять начал Ивор, но Змейка сверкнула глазами.

— Я лечу андинцев уже много лет, — гордым тоном заявил лекарь. — И все мои подопечные в добром здравии.

Эйдан между тем выл и извивался всё сильнее. По лицу его потекли слёзы, и он крикнул — когда солёные слёзы попадали на только-только затягивающийся ожог, кожу жгло, и от этого было ещё больнее.

Змейка бросилась к нему и взяла за здоровую руку.

— Вы не понимаете, — обратился Ивор к Алмерику. Тот

кинул на него презрительный взгляд. — Эйдан не даст вам оперировать себя, он привык к одной Змейке.

— Вы, что, думаете, я буду отрезать несчастному руку, не усыпив его? Или эта девчонка так и мучила своих пациентов? — Он ткнул пальцем в сторону Змейки. — Нет уж, я попрошу вас обоих выйти и дать мне спокойно заняться моим делом!

— Господин Алмерик, — взмолилась Змейка.

— Нет, не дам я загубить жизнь…

— Мы заплатим вам, — произнёс Ивор, следя за реакцией лекаря. Глазки того вспыхнули, но он обратил на Грифона якобы равнодушный взгляд. — Сколько вам платят, когда вы проводите такую операцию. И даже больше.

Алмерик посмотрел на рыдающего Эйдана и успокаивающую его Змейку. Страдающий волшебник смотрел на девушку, как на свою последнюю надежду и лопотал о чём-то сквозь рыдания.

— Этот парень на неё только не молится, — произнёс Алмерик. — Ты действительно имеешь такой опыт?

Змейка с готовностью кивнула, потом вытянула руки.

— Посмотрите! Руки у меня не дрожат.

Ивор как бы невзначай резко шагнул в сторону, и кошель у него на поясе звякнул.

— Ну хорошо. Я согласен.

Хмурые тучи заволокли последние кусочки таэрийского неба.

— Похоже, Таэрия собирается плакать по нам, — сообщил Тэллар.

— Не надо по нам плакать, — ответила Джара. — Рано ещё.

— Ну, если мы провалим нашу великую миссию, оплакивать нас будет некому, — хмыкнул он. — Тогда ведь миру крышка, а?

Джара пожала плечами.

— Миру, каким мы его знаем, да. Никто не знает, что случится с миром, если Книгу никто не остановит.

— Насколько я понимаю, всё превратится в один большой Тадор, каким мы имели сомнительное удовольствие его лицезреть.

— Откуда ты набрался таких умных слов, Сокол?

— Джара, ты меня обижаешь. Неужели ты считала меня безграмотным невеждой? — оскорбился Тэллар.

— Ну… — протянула Джара. — Вообще-то, да.

Сокол картинно вздохнул.

— Джара, надо верить в людей. Нельзя так жить. Где твоя добродетель?

— Думаю, там же, где и твоя, Сокол.

— Джара, Джара, я и моя добродетель пошли разными

дорогами лет сто назад.

Девушка рассмеялась и вдруг резко согнулась, ощутив взрыв боли в области солнечного сплетения.

— Что такое, Бестия? — обеспокоенно спросил Тэллар, наклоняясь к ней в седле.

— Всё нормально, Сокол. — Джара попыталась выровнять дыхание. Пульс внезапно резко подпрыгнул и тут же начал приходить в обычное состояние. Боль потихоньку отпускала. — Это моя связь с Книгой…

— Джара? — позвал голос Чародейки.

Джара обернулась на подъехавших ближе Сельму и Аерис.

— Всё хорошо. Я просто почувствовала Книгу.

— Что случилось? — сдвинув брови, спросила Сельма.

— Кажется, Книга опять собирается пошалить, — мрачно произнесла девушка. — Нам нужно поторопиться. Такими темпами мы рискуем вернуться на Материк не таким, каким мы его знаем, а в виде одного большого Тадора, как выразился Сокол.

— Ты же знаешь, мы не можем ехать быстрее, — сказала Аерис, указывая себе за спину.

Джара кивнула.

— Знаю, Эльфийка. Быстрее бы Эйдан смог сесть на коня…

— Ты действительно веришь, что такое когда-нибудь произойдёт? — усмехнулся Тэллар.

— Почему нет?

— Джара, как он сможет править конём одной рукой, а? И потом… не знаю, как вам… но лично мне кажется, что парень спятил.

Джара подняла брови.

— Что-что?

— Крыша у него поехала, Бестия, разве не видишь? Плачет всё время, хнычет, словно в детство впал. Ты от него за это время слышала хоть одно связное предложение? — Сокол повертел пальцем у виска. — Не знаю, какой из него хренов Ангел, честное слово…

— Это просто шоковое состояние, — буркнула Джара, нахмурившись. Она оглянулась на повозку. Змейка, как всегда что-то со вселенским терпением и материнской нежностью говорила Эйдану. Чёрт, а ведь он прав, подумалось Бестии. У Эйдана безумное выражение лица. Взгляд лишён всякого смысла…

— Ты сама себя обманываешь, Бестия, — фыркнул Тэллар. — Я не понимаю, чем ты руководствовалась, выбирая Ангелов.

— Это не *я* выбирала Ангелов! — взвилась Джара.

— Но они ведь *тебе* приснились в чёртовом друидском лесу! — парировал Сокол.

— Немедленно прекратите оба, — своим холодным тоном, словно ушатом ледяной воды, окатила их Сельма. Будто бы желая поддержать её, небо разразилось раскатом грома, и хлынул дождь.

— Совсем замечательно, — буркнула Джара, стремительно намокая.

— Нашли тоже время ругаться, — продолжала отчитывать их Сельма, будто и не замечая льющей из небесных вёдер воды. — Тэллар, поезжай теперь с Аерис. Не думаю, что у тебя возникнет желание с ней спорить.

— Да нет, почему же, пусть спорит, — обнажила зубки Эльфийка в изуверской улыбочке.

Тэллар тяжко вздохнул и чуть отстал, чтобы поравняться с Аерис. Теперь впереди с Джарой ехала Сельма.

— Думаешь, он прав? — спросила через некоторое время Джара, поостыв. Несомненно, проливной дождь немало этому поспособствовал.

— Что это от тебя зависел состав Альянса? Нет, конечно.

— Да нет, Сельма. Я про Эйдана… Думаешь, он правда спятил?

— Не думай пока об этом, Джара. Всему своё время. Может, и нет, он успокоится, когда поймёт, что всё позади, что этот кошмар кончен… и постепенно придёт в себя…

— Ты сама этому не веришь! — воскликнула Джара.

— Не знаю, я не целительница.

— Он же не может приходить в себя неделю!

— Подумай о том, что он пережил. Возможно, нужно время…

— У нас нет времени, и ты это знаешь, Чародейка, — произнесла Джара довольно жёстко.

— Я знаю, — вздохнула та.

— Я поговорю со Змейкой, — сказала она, убирая назад прилипшие ко лбу волосы.

— О чём? О том, сошёл ли с ума Эйдан?

— Нет, — отмахнулась Джара. — Об этом я действительно лучше не буду пока думать. Надо избавляться от повозки. Она нас тормозит! Эйдан будет ехать с Ивором на одном коне. Чтобы лошадь не выдохлась, Ив будет менять коней, ведь останется один свободный, тот, который предназначался для Эйдана. Так мы пойдём быстрее.

— Ну… Если бы не было повозки, мы бы действительно ехали быстрее… Пожалуй, это хорошая идея. Спроси у Змейки, можно ли уже сажать Эйдана в седло.

Джара кивнула и притормозила лошадь, чтобы поравняться с повозкой.

Змейка ласковым голосом успокаивала Эйдана, и держала над ним плащ, пытаясь защитить от дождя, хотя это вряд ли помогало. Эйдан, впрочем, на дождь почти не обращал внимания, а всё так же, как и утром, недоумённо глядел на короткий обрубок, торчавший из правого плеча, — всё, что осталось от гнившей руки, — и переводил взгляд на Змейку. Эйдан лепетал что-то, плохо выговаривая буквы, как малолетний ребёнок. Затем он хотел тронуть обрубок, но Змейка мягко отстранила его руку, и он пальцами левой руки принялся почёсывать воздух там, где могла быть ампутированная конечность.

Джара наблюдала за этим, кусая губы.

— Что он делает?

— У него чешется правая рука, — вздохнула Змейка. — Это продолжается с самого утра.

— Чешется рука, которую отрезали? — ужаснулась Джара, и Эйдан поднял на неё бессмысленный взгляд. Бестия с ещё большим ужасом угадала в сморщенном израненном лице с обгоревшей щекой черты прежнего Эйдана.

Змейка кивнула и нахмурилась, прикладывая палец к губам.

— Да, я думаю это из-за непогоды. Дождь совсем некстати… Вдруг он простудится. Ты хотела поговорить о чём-то, Джара?

Джара изложила ей своё предложение. Змейка обеспокоенно поглядела на хнычущего Эйдана.

— Не знаю, Джара. Он ещё слаб и… не думаю, что он согласится ехать с кем-то, кроме меня.

— Ты сможешь удержать его в седле?

— Нет, конечно. Ну… надо попробовать. Я понимаю, что это необходимо. Пожалуй, к Ивору он привык больше, чем к кому-либо другому, исключая меня, конечно. С завтрашнего дня попробуем, только сначала будем чередовать езду в седле и в повозке, ладно?

— Змейка, ты представляешь, сколько лишнего времени это займёт?

— Джара, по-другому не получится. Я не знаю, что с ним будет, если мы просто выкинем повозку и посадим его в седло.

— Это как маленький ребёнок, верно? Разревётся и будет упираться.

Змейка грустно посмотрела на неё.

— Верно, Джара.

Бестия вздохнула.

— Хорошо, мы сделаем, как ты скажешь, Змейка.

— Я постараюсь, чтобы он привык как можно быстрее.

Джара кивнула и вернулась на своё место — впереди отряда Ангелов.

Эйдан наконец мирно засопел, и Змейка, облегчённо вздохнув, осторожно высвободила свою руку из-под него. Сегодня вечером она не успела даже толком поесть, и сейчас её пустой желудок возмущённо давал о себе знать. Девушка устроилась поудобнее и вытащила еду из сумки.

Она оглядела спящих Ангелов, и невольно на губы наползла невесёлая улыбка. Вот они, Змейка, приключения, о которых ты так страстно мечтала! Ты — в избранном отряде, призванном спасти мир, который направляется к далёкому острову за гладью необъятного океана… Только вот на деле всё оказалось совсем не так, как в книжках, не правда ли?

Змейка вздрогнула от звука голоса Эйдана, но, оказалось, он всего лишь бормотал во сне. Девушка с жалостью оглядела несчастного человека, истерзанного, измученного. И это — тот маг, из-за которого и случились все беды? Что ж, он сполна искупает свою вину, по мнению Змейки. Она не чувствовала к нему ничего из того, что должна была бы чувствовать к человеку, погубившему столько жизней — смерть её родителей также на его совести, как и разрушение Тадора, и война между Таэрией и Аронвардом…

— Змейка!

Девушка опять вздрогнула и внезапно обнаружила, что рядом с ней стоит Хаарт и шепчет её имя.

— Что ты…

— Змейка, давай отойдём от лагеря, я хочу с тобой поговорить.

— Хаарт, я не…

— Змейка, умоляю тебя!

Она поколебалась несколько мгновений, бросила взгляд на Эйдана, на сладко спавшую Сунор, на остальных Ангелов, затем отложила свой поздний ужин и поднялась, отряхивая с подола крошки. Хаарт благодарно кивнул, затем заскользил в темноте прочь от лагеря.

— Змейка, — начал он, когда они наконец остановились. Он взял её руки в свои, но она отдёрнула их.

— Хаарт, прошу тебя, — прошептала она, моля небеса, чтобы не заплакать. — Не нужно. Мы уже обо всём поговорили. Не стоит начинать сначала.

— Змейка, моя маленькая Змейка, — не слушая её, заговорил Хаарт, приближаясь к ней. — Я не могу так больше, малыш. Не могу. У меня больше нет сил. Каждый день видеть тебя и…

— Хаарт! — оборвала она его. — Я ещё раз тебе говорю: перестань! Мы не можем быть вместе, ты это знаешь! Ты должен забыть меня, забыть обо всём! Ты теперь с Сунор, а я…

— А что ты? — внезапно тон Хаарта сменился. — С кем ты? С Ивором? Или этим Эйданом?

Змейка раскрыла рот от изумления, и так и не нашла слов ответить ему.

— Как ты можешь так носиться с ним! Ведь он — тот, кто повинен во всём! Это из-за него Книга разрушила пол-Таэрии! Из-за него погибли твои родители!..

— Замолчи! Как ты можешь такое говорить! Он болен, Хаарт! А я — целительница! И он несёт очень тяжёлое наказание за свои поступки, неужели не видишь?

— Такое нельзя искупить! Ну хорошо, а что Ивор? Он от тебя не отходит с тех пор, как мы покинули Арлан!

— Великое Солнце, как тебе вообще взбрело в голову сказать что я… и Ивор… или Эйдан! Хаарт, что с тобой творится?!

Во взгляде Змейки Хаарт прочитал что-то такое, что испугало его и заставило отшатнуться. Что-то, что она теперь испытывала к нему самому. Чего раньше никогда не было в её глазах, когда она смотрела на него.

— Ты меня ещё любишь, Змейка?

Она молчала, избегая его взгляда.

— Змейка? — Он обхватил её плечи и затряс. — Скажи, ты любишь меня, как я люблю тебя?

Змейка наконец взглянула ему в глаза. Только бы не заплакать, Солнце!

— Хаарт, я…

— *Что такое?!*

Хаарт и Змейка испуганно отпрянули друг от друга и повернулись к разъярённой Сунор.

— Так-то вы соблюдаете клятву?! — Её красивое лицо было искажено гримасой гнева и… боли?…

— Сунор, — начала Змейка.

— Молчи, я ненавижу тебя, проклятая Гадюка! — выкрикнула девушка. Что это блеснуло в лунном свете? Слёзы? — Ненавижу!!!

Она сорвалась с места и бросилась обратно к лагерю.

— Что ты наделал, Хаарт! — воскликнула Змейка и хотела побежать за Сунор, но рыцарь схватил её за руку.

— Змейка, да плюнь на неё, мне она не нужна! Ты мне не ответила!

Змейка яростно высвободилась.

— Хаарт!.. — Она смотрела ему в лицо, не находя слов, в которые могла бы облечь свои мысли и чувства. — Великое

Солнце, Хаарт!..

Змейка не выдержала, слёзы брызнули из глаз, и она побежала к лагерю, оставляя его одного, сокрушённого, недоумевающего, испуганного.

Сунор сбежала. Змейка подняла на ноги всех Ангелов (к этому времени и Хаарт вернулся в лагерь). Джара не стала задавать лишних вопросов, взлетела в седло и помчала коня в ту сторону, какую указала Змейка. За ней бросились остальные наёмники.

Ангелы этой ночью разбили лагерь у невысокой скалы, которая словно указывала конец Таэрии и начало Ханеласа. Сунор, по словам Змейки, поскакала на восток от лагеря, обратно в Таэрию, домой.

Эйдан, разбуженный переполохом, сидел на траве, раскачиваясь из стороны в сторону и заливался слезами. Змейка опустилась перед ним на колени и обняла.

— Змейка, — начал Хаарт.

— Тебе следовало бы присоединиться к остальным.

— Какой смысл? Они догонят её и впятером.

— Ты и они имеют разное для Сунор значение.

Эйдан уже потихоньку успокаивался в её объятиях, но когда Хаарт вдруг громко воскликнул имя Змейки, вновь зашёлся рыданиями.

— Видишь, что ты наделал, — укоризненно произнесла она. — Хаарт, я серьёзно. Ты бы догнал её и успокоил. Сказал что-нибудь ласковое. Обнял. Поцеловал.

— Это *ты* мне советуешь, Змейка?! Я не верю своим ушам!

— Хаарт, примирись наконец! Ты дал Сунор клятву быть с ней до конца, забыть меня! Я для тебя теперь пустое место!

— Ты для меня не пустое место!

— Чёрт тебя побери, Хаарт! — Змейка обессиленно вздохнула, глядя на рыцаря. Он упал перед ней на колени.

— Пляхой, пляхой, — залепетал ему Эйдан.

— Змейка, милая…

— Хаарт, встань. Встань, сядь на коня и скачи за ней, — жёстко произнесла Змейка. — Они не уговорят её вернуться. Только ты сможешь.

Он посмотрел на неё умоляюще, но Змейка отвернулась и запела какую-то спокойную, плавную песню. Эйдан замер и притих.

Хаарт поднялся и пошёл к своему коню. Но едва он собрался оседлать его, заслышал топот копыт, обернулся и увидел возвращающихся Ангелов. Шесть коней, один из них без седока, а

Сунор безвольно болтается в седле перед Тэлларом.

— Похоже, это и есть то, о чём говорила тебе Миерна, — проговорила Аерис, наблюдая, как Змейка осматривает Сунор, всё ещё не пришедшую в сознание.

— А? — отозвалась Джара. — Ты о чём?

— Помнишь, ты рассказывала, что Миерна сказала тебе — от Альянса, раз вступив, нельзя отречься?

— Эльфийка, она всего лишь упала с лошади. Слишком разозлилась, отвлеклась, не удержалась в седле…

— А ты что представляла, что будет? Зловещая друидская магия?

— Возможно она права, Джара, — вступила в разговор Сельма. — Альянс нельзя покинуть.

— Переломов, вывихов нет, — объявила наконец Змейка.

— И что? — с сарказмом вопросил Тэллар. — Каждый раз, когда Сунор вздумается убежать, она будет падать с лошади?

— Будет случаться что-то, что помешает ей покинуть Альянс, — пожала плечами Аерис.

— Ну да, — фыркнул Сокол. — Сунор будет сто раз сбегать и сто раз с ней будут приключаться неожиданные неприятности?

Эльфийка развела руками.

— Не я это придумывала, Сокол.

— А кто? Есть ли Бог, на земле или на небе?

Джара обречённо вздохнула и почти вежливо велела ему заткнуться. Затем она подошла к Хаарту и указала ему на Сунор.

— Не вздумай отходить от неё ни на шаг, понял?

Он кивнул и опустился на траву около Сунор. Змейка тут же встала и отошла к Эйдану.

— Джара, — вдруг позвал Хаарт.

— Да? — обернулась она.

— Значит, никто из нас уже не может покинуть Альянс?

— Да, а что? Хочешь попробовать? Не советую.

— Конечно, нет, я просто спросил…

— Ясно. Раз всё успокоилось, мы можем дальше спать? В конце концов, ещё ночь.

— Было бы неплохо, — согласился Тэллар. — Мне снился такой чудный сон, что я…

— Мы и так знаем, что тебе снится, — усмехнувшись, оборвала его Джара. — Любовные приключения Тэллара с пышногрудыми, длинноногими и пустоголовыми красавицами. Такой ведь тип девушек в твоём вкусе, Сокол, я не ошиблась?

— Бестия, ты что, ревнуешь? — проворковал Тэллар. — Можешь мне присниться, я не против.

— Зато я против, — отозвалась Джара, укладываясь на свою импровизированную постель. — Не хочу даже и представлять, что со мной будет в твоём сне.

— Почему же, Бестия, это будет очень…

— Сокол, заткнись, или я тебя сама заткну.

— Сладких снов тебе, Джара.

— Ещё одно слово, и ты не проснёшься.

Джегиль, черви и головы на кольях Джаре, слава небесам, больше не снились. Однако новый сон был тоже не очень приятным. Миерна странно передвигалась вокруг сидевшей на траве девушки — то ли плавала, то ли летала — и что-то хмуро ей говорила, но Джара не могла разобрать ни слова. Она старалась изо всех сил, и от этого голова раскалывалась. Наконец, она разобрала одну фразу, только почему-то голос был мужской.

— Джара, Джара! Проснись!

Через некоторое время сон начал развеиваться, и Джара поняла, что Тэллар тормошит её за плечо.

— С каких это пор у тебя вошло в привычку будить меня, Сокол? — недовольно проворчала девушка. — Чего это ты такой бодренький? Неужели я и вправду тебе приснилась и кастрировала тебя во сне?

— Ха-ха-ха, очень смешно, Бестия. Вставай, не до шуток. Сунор опять сбежала.

Сон пропал, как по мановению волшебной палочки. Джара села и протёрла глаза. Остальные Ангелы тоже пробуждались ото сна. Змейка, как всегда сидела около Эйдана. "Она вообще спит или всё время за ним смотрит? — задалась вопросом Джара. — Нет, всё-таки спит, раз Сунор умудрилась сбежать". Аерис седлала лошадей с таким бодрым видом, будто её вовсе и не будили ни свет, ни заря. Только тут до Джары дошло, что солнце хорошо припекает прямо над головами.

— Что, уже полдень?

— Ну-ну. Мы все свалились, как мёртвые, а Сунор, видимо, притворялась, что всё ещё без сознания. Встала, когда все захрапели, и — тю-тю! Нет её.

— На коне уехала?

— Ну нет, решила протопать пол-Таэрии пешочком! Конечно, на коне.

Джара недоумённо посмотрела на него.

— Но… а как же…

— Если её конь и сбросил, то она валяется где-то далеко, — хмыкнул Тэллар.

— Но как же никто не заметил! — Джара встала наконец с

земли, Сокол поднялся вслед за ней. — Давайте быстрее за ней!

— Ты знаешь, куда она направилась? — вопросил Тэллар.

— Туда же, я думаю, — пожала плечами Джара. — К папочке.

— А если нет? Если дальше, в Ханелас, или ещё куда? Предлагаешь разбиться и всем отправиться в разные стороны на поиски заблудшей Сунор?

— Конечно, нет, нам нельзя разбредаться… — пробормотала Джара. — Чёрт, мы даже не знаем, когда она убежала, сколько времени в пути!.. — Она замолчала, потом её словно бы осенило: — А на что следы, Тэллар?

— Я попробую поискать, — подошёл к ним Ивор. — Но здесь такая земля… Следы не очень хорошо видны. Вернее, в сухую погоду они вообще не были бы видны. Но недавно прошёл дождь, земля слегка размягчилась.

— Я с тобой, — сказал Хаарт, тоже подходя ближе.

Джара встретилась взглядом с рыцарем.

— Я же сказала тебе не спускать с неё глаз! — накинулась она на него.

— Джара, на нём-то не срывайся, он спал — так же, как и ты, как и все мы, — осадил её Тэллар.

— Ох, чёрт! — Джара подошла к своей лошади и принялась возиться со сбруей, просто, чтобы занять себя чем-нибудь.

Ивор и Хаарт повели коней под узды прочь от лагеря.

— Что будем делать? — спросила, подходя к ней, Сельма.

— Чародейка, я не знаю! Я хотела у тебя спросить!

Сельма вздохнула.

— Если бы я знала.

— Можешь найти её с помощью магии, Сельма? — раздался голос Аерис.

Джара обернулась.

— И почему же это не действует золотое правило "Нельзя уйти из Альянса", а? — вопросила она у Аерис.

Полуэльфка изумлённо распахнула зелёные глаза.

— Что ты у *меня* спрашиваешь, Бестия? Я, что ли, за него в ответе?

— Эльфийка, не обращай внимания, Джара встала не с той ноги и ищет виноватых, — насмешливо сказал Тэллар, роясь в сумках в поисках съестного.

— Тэллар!

— Да, Джара? — захлопал ресницами парень.

Бестия устало вздохнула.

— Ладно, извините. Я просто на взводе! Ну не можем же мы просто сидеть, сложа руки!

— Согласен, надо что-то делать и немедленно! —

провозгласил Сокол, запихнул в рот кусок хлеба и стал усердно его жевать.

— Сельма, и правда, ты можешь попробовать найти её с помощью магии?

— Я сомневаюсь, Джара. Слишком сложно. Обычно в таких заклинаниях требуется человек, неразрывно связанный с пропавшим…

— Хаарт? — предложила Джара.

— Нет, — покачала головой волшебница. — Не тот случай, сама понимаешь…

— А по-другому? — спросила Аерис.

— Слишком долго. И боюсь, одна не справлюсь.

— А Бестия тебе не может помочь? — поинтересовался Тэллар. — Она же у нас тоже что-то вроде колдуньи.

— Нет, Тэллар, у Джары не такая сила, — покачала головой Сельма.

— Ну а что, она совсем ничего не может сделать своими друидскими штучками? Неужели я уже съел весь свой сыр? Сельма, можно у тебя возьму? Спасибо. Фо той коппас, Пештыя?

— Чего? Тэллар, прожуй сначала, — раздражённо сказала ему Джара.

Он сглотнул и повторил:

— Что твой компас, Бестия? Он же указывает на Ангелов.

— Сокол, ты гений! — воскликнула девушка и принялась рыться в седельной сумке. — Ну, где же он… А вот!

Аерис и Сельма подошли ближе, когда Джара вытащила свой компас и принялась вертеть его.

— А, чёрт… — разочарованно произнесла она, когда обнаружила, что стрелка компаса, как каменная.

— Вы в курсе, что Хаарт и Ивор куда-то ускакали? — спросил у девушек Тэллар.

— Обнаружили следы?

— Нет… стойте… — Парень аж привстал на цыпочки, напряжённо вглядываясь вдаль.

— И так стоим, Сокол.

— Джара, отстань. Там Сунор!

— Что? — одновременно удивлённо и радостно воскликнули Джара, Аерис и Сельма. Лично они вообще ничего не могли разглядеть там, где Тэллар видел Хаарта, Ивора и Сунор. Да ещё и солнце слепило глаза…

— Да… И она опять не в седле… Едет вместе с Хаартом, но на этот раз, кажется в сознании… Самое замечательное, что её лошади с ними нет.

— Тебе бы из лука стрелять, Сокол, — проворчала Аерис. — С

твоими глазами.

— Ну не люблю я эти луки, Эльфийка, сколько раз тебе говорить, — отмахнулся Тэллар. — Я вообще дальний бой не признаю. Он нечестный.

— Нечестный? — удивилась Аерис.

— Конечно! Самый честный бой, это ближняя схватка. На мечах или врукопашную. Кто вообще эти луки придумал… И эту проклятую магию… Ну что на меня так глядите? Не было бы магии, всех этих проблем, из-за которых мы здесь, тоже бы не было!

— Если бы не возникла магия, человек бы никогда не развился из эпохи первобытного стада, — поучительным тоном объяснила Сельма.

Сокол хмыкнул.

— А что в этом плохого? Вот представляешь, Джара… — Он скользнул к девушке поближе и взял её под локоть. — Я хожу на охоту, убиваю диких зверей нам на ужин, а ты сидишь в нашей пещерке на шкурах, нянчишь наших детишек. Я возвращаюсь с охоты…

— И тут я — бамс! Бью тебя дубинкой по голове, забираю детей и ухожу к другому, менее болтливому, первобытному человеку, — фыркнула Джара.

— Глядите-ка! — отвлекла их от радужных мечтаний Аерис.

И для остальных, не наделённых таким острым зрением, как у Сокола, теперь были видны возвращающиеся Ангелы. Сунор прижималась к Хаарту, и почему-то Джара подумала, что на этот раз это не обычное нытьё.

— Мы отправились по следам, — рассказывал Ивор, — а через некоторое время увидели, что она сама бредёт нам навстречу. Такое ощущение было, что она не по своей воле шла. Ноги еле переставляла, голову обхватила, плакала. Когда нас увидела, разрыдалась в голос, Хаарт подъехал к ней, спешился, она на него бросилась, вцепилась в него. Жалкая такая… На саму себя не похожа.

Джара бросила взгляд на Сунор, жавшуюся к рыцарю и всё ещё плакавшую. Хаарт крепко обнял её и что-то приговаривал, пытаясь успокоить, но тщетно. Сунор плакала и плакала, бормоча что-то о тисках, сжавших её голову, о какой-то силе, потащившей её обратно. Выглядела эта обычно гордая и надменная красавица действительно жалко.

— Вот тебе и золотое правило в действии, — задумчиво проговорила Аерис.

— А лошадь-то где? — спросил Тэллар.

Ивор развёл руками.

— Она толком ничего не объяснила. Может, упала опять, а лошадь убежала.

— Теперь у нас восемь лошадей на девятерых, а также пропала часть припасов.

— Эйдан всё равно не ездит верхом, — повела плечом Джара. — А в ближайшем городе купим всё, что нам нужно. Дамраф и Аялла снабдили нас достаточным количеством золота.

— Бестия, любое золото, сколько бы его ни было, имеет обыкновение кончаться, — назидательным тоном произнёс Тэллар.

— Не думаю, что у нас время искать лошадь, в любом случае, — сказал Ивор.

— Ты прав, — согласилась Джара. — Мы и так слишком много времени потеряли. Давайте трогаться. Змейка, — обратилась она к девушке. Та тоже поднялась с травы и помогала встать Эйдану. — Помнишь, о чём мы вчера говорили?

— Да, Джара. Сегодня попробуем.

— Нет, Змейка, — вздохнула та. — У нас больше нет лошади для повозки. Сунор поедет на той, что предназначалась Эйдану, а коню Ивора придётся нести двойную ношу.

— Он почти ничего не весит, — сказал Грифон, кивком указывая на Эйдана. Тот притих и изучал их любопытным взглядом, видимо, догадавшись, что речь идёт о нём.

Поначалу всё шло хорошо. Эйдан не протестовал, когда его пересадили из повозки на седло впереди Ивора. Он прижался к парню и зажмурился, будто боясь глядеть с высоты лошадиной спины, но молчал. Змейка поехала как можно ближе к ним, говоря Эйдану что-то ободряюще-ласковое. Тот иногда вдруг проявлял неожиданный интерес, с любопытством оглядывался вокруг и даже гладил холку лошади. И не просился обратно на повозку, которую бросили у злополучной скалы.

Ситуация начала меняться ближе к вечеру, и отнюдь не в лучшую сторону. Эйдан, опять принявшись поглаживать лошадь, вдруг резко дёрнул ту за гриву (и откуда у него столько силы, думалось Джаре). Лошадь возмущённо заржала и встала на дыбы, Ивор еле её успокоил. Эйдан пронзительно завопил и принялся дёргаться из стороны в сторону, Грифону кое-как удалось удержать его в седле и не свалиться самому.

Змейка пыталась его успокоить, ласково что-то ему говорила, пела песни, но он плакал, просился к ней, бил Ивора по груди, а затем и вовсе разорался, жалуясь, что у него болят пальцы (на правой руке). Змейка влила ему успокаивающее зелье, и Эйдан

как-то весь обмяк.

Когда сгустились сумерки, Ангелы въехали в первый ханелласский город на их пути, называвшийся Ветельс, как гласила надпись на карте у Сельмы и как оно, впрочем, и было.

Джара, не переставшая причитать, что они и так едут медленно, предложила проехать город и продолжить путь ночью (Сельма создаст немного света с помощью магии, и вообще зачем тратить деньги на постоялый двор, вон, Тэллар сам говорил, что золото быстро кончается). Но её почему-то никто не послушал, даже Тэллар, и Ангелы оккупировали чуть ли не все комнаты во встретившейся небольшой харчевне.

Илена стояла у окна, глядя на дождь, хлеставший по карнизам окон, по крышам невысоких домов, по камням улиц. Она ненавидела это в Ханеласе — этот вечный, непрекращающийся дождь. Впрочем, она почти всё ненавидела в этой проклятой стране.

Чёртов Дамраф! Чародейка сжала кулаки, в очередной раз проклиная главу Ордена Луны и, конечно, его дочь. Эта капризная тварь, из-за неё всё и случилось! Илена была у неё, как на побегушках, исполняла малейшую прихоть, таскалась всюду за этим несчастным рыцарем, которого красавица Сунор никак не могла заполучить… И что в результате? Она теперь прозябает в этом несчастном, бедном городе, не имея возможности вернуться в Таэрию — Дамраф следит за ней.

Илена со злостью сжала запястье, где на нежной коже красовался магический знак, позволяющий чародеям Дамрафа отслеживать её местонахождение. Её заклеймили, заклеймили, как какое-то животное или потаскуху!

Женщина изо всех сил стукнула по стене, и эта вспышка ярости отозвалась болью в кулаке. Илена стиснула зубы, когда к ней в комнату вдруг постучали.

Она обернулась.

— Кто там? — недовольно бросила она.

— Ронки, госпожа.

Губы Илены растянулись в тонкую улыбочку.

— Входи, Ронки.

Она сделала жест рукой, на расстоянии отодвигая щеколду и распахивая дверь. Илена обожала производить впечатление на обычных людей, проделывая даже простые вещи с помощью волшебства. Тогда тебя начинают уважать и бояться, а это Илена любила. Обожала власть над людьми, и оттого ещё ненавистнее ей было выслуживаться и угождать пустоголовой Сунор.

Ронки был её находкой. Паренёк с улицы, карманный

воришка, со способностями к магии — правда, слабенькими, может, он никогда толкового боевого заклинания не осилит. В Ханеласе вообще маги редкость. Илена взялась потихоньку учить Ронки, скрашивая этим свои однообразные будни, а заодно он приносил ей все новости и сплетни, которые собирал на улицах города. Ронки было лет девятнадцать, у него была взъерошенная копна соломенных волос, живые, горящие голубые глаза, и он без памяти был влюблён в Илену, хоть она и была его старше на восемь лет.

Парнишка вошёл, как всегда, завороженный фокусом с дверью и безупречным внешним видом своей госпожи. Илена слегка улыбнулась, видя, как он жадно осматривает её. В голове вдруг зазвенел непрошеный колокольчик: "До Сунор тебе ой как далеко, Илена". Эта мысль всегда колола её ядовитым жалом, и чародейка поспешила отбросить её.

— Что-то узнал, Ронки?

— Да, госпожа. В город прибыли путники, девять человек. Олл передал мне, все странные донельзя, я пошёл и посмотрел…

— Олл?

— Да, хозяин харчевни, где они остановились.

— Ну и что же ты можешь о них сказать? — Илена вытянула руку, и волшебным образом кувшин с вином взлетел в воздух, а за ним и два бокала.

— Чудная компания! — возвестил Ронки, с восторгом наблюдая, как висящий в воздухе кувшин плавно разливает вино. — Один у них блаженный, вроде, за ним ухаживает девчушка, ещё там одна — чистая эльфийка на вид, а ещё две красотки, у обеих волосы чёрные, а ещё с ними рыцарь и ещё два парня, тоже с оружием, и ещё…

Кувшин и бокалы резко упали, ударились о пол и разлетелись вдребезги, разбрасывая осколки и разбрызгивая капельки вина по всей комнате.

Сунор сладко потянулась на кровати, призывно глядя на Хаарта. Недавние события, связанные с её побегом, будто испарились из её памяти, и единственное, что ещё напоминало о той, другой Сунор, которую Хаарт, к своему удивлению, жалел, успокаивал и обнимал абсолютно искренне, были слегка опухшие и чуть покрасневшие глаза.

— Иди ко мне, любовь моя. Я так соскучилась по твоим ласкам. Не отвергай меня опять, милый. Иди сюда. — Она поманила его тонким пальчиком, переворачиваясь на бок и являя его взгляду точёную линию тела — резкий взлёт от тонкой талии к роскошным бёдрам.

— Не сейчас, Сунор. Не сегодня.

Она нахмурилась.

— Ты мне это уже говорил, Хаарт. Ты так нужен мне, милый. Ну иди ко мне.

Хаарт смотрел на неё, и голову его раздирала одна мысль, мучившая его ещё с прошлой ночи. Если Альянс нельзя покинуть, значит, Сунор уже не может бежать? Ей придётся остаться Ангелом, придётся помочь Джаре, придётся идти до самого конца — несмотря ни на что. Тогда, быть может… Почему бы не…

— Хаарт!

Нет, одёрнул себя он. Он рыцарь. Он принёс клятву. И Змейка ему сказала… Змейка! Хаарт стиснул кулаки. Что происходит со Змейкой? Почему она так холодна к нему? Почему она не могла сказать, что, да, она всё ещё любит его, но вынуждена всё это терпеть, потому что им пришлось? Ей будто бы всё равно, ни на шаг не отходит от этого Эйдана, этого проклятого колдуна, разрушившего весь его, Хаарта, мир. Но Эйдан теперь страдает. Он лишился руки и, кажется, разума…

— Хаарт, где ты витаешь? — Сунор села в постели. Её тонкие, чётко очерченные брови сдвинулись. — Ты опять думаешь об этой… Разве ты забыл?… Или ты хочешь, чтобы опять?… — Она не договорила до конца ни одной фразы, впрочем, Хаарт и так прекрасно понял всё, что она хотела сказать.

Сунор встала и подошла к нему, привстала на цыпочки (хоть она и не была маленького роста, Хаарт всё же был гораздо выше её), обвила руками его шею и запечатлела звонкий поцелуй на его губах.

— Спустись вниз, милый, и принеси нам вино, — попросила она, заглядывая ему в лицо. Чёрные глаза в окаймлении угольных ресниц мерцали, словно звёзды. Хаарту постоянно было мучительно стыдно, неприятно, когда он вдруг ловил себя на том, что любуется её красотой.

Он кивнул, мягко сбросил её руки и вышел из комнаты. Сунор, медово улыбаясь, следила за ним, но когда хлопнула дверь, она вздрогнула, и улыбка сползла с её лица.

Девушка подошла к окну, за которым лил неугомонный дождь. Ей вдруг мучительно захотелось глотнуть свежего воздуха, почувствовать запах мокрой от ливня земли, ощутить прохладные капельки на щеках.

Сунор потянула, обхватила ручки окон, дёрнула и распахнула ставни, впуская в комнату непогоду. Ветер и дождь весело ворвались в тёплое помещение. Взлетели над полом занавески, затрепетали огоньки свеч.

Сунор подставила лицо свежему, прохладному ветру и

ледяному дождю.

…Когда Хаарт вернулся с кувшином вина, в комнате было холодно и темно. Под распахнутым окном, по обе стороны от которого развевались, как два флага, занавески, пол уже потемнел, намокнув от дождя.

Сунор в комнате не было.

— Она когда-нибудь перестанет убегать? — мрачно вопросил Тэллар. Ангелы все сидели в комнате Хаарта, за исключением Змейки, которая осталась с Эйданом в их комнате. — Неужели до неё не доходит, что у неё не получится?

Хаарт покачал головой.

— Я не думаю, что она убежала.

— Что? — не поняла Джара. — Как это? А что тогда?

— Во-первых, она бы не спрыгнула из окна. Она не решилась бы.

— Ну, вышла из комнаты и прошмыгнула мимо тебя, — предположил Тэллар, пожав плечами.

— Нет, я же говорил, я покупал вино у хозяина внизу и стоял так, что видел лестницу, и дверь тоже видел. Никто не спускался, никто не уходил из таверны… Какой-то паренёк заходил, но это всё. Значит, через окно… И потом… мы не ругались… и она не собиралась убегать…

— Ну да, прям бы она так тебе и сказала. "Милый, я вот тут убежать собралась", — передразнил голос Сунор Сокол. Джара шикнула на него и попросила Хаарта продолжать.

— Нет, просто… Она попросила меня сходить купить вино и… хотела, чтобы мы… — Он опустил голову.

— Ясно, — отмахнулась Джара. — Можешь не продолжать. Но что тогда? Если она не убежала сама, значит, её похитили. Но кому это надо?

— Кто-то проходил мимо харчевни, увидел прекрасную девушку, влюбился, залез по стене, схватил её и увёл.

— Сокол! Прекрати дурачиться! — взвилась Джара.

— Бестия, кто дурачится? Я строю гипотезы.

— Избавь нас от своих гипотез, будь добр.

— Если б кто залез к комнату через окно, Сунор бы завопила и выбежала в коридор, — возразила Тэллару Аерис. — Даже если бы убежать не успела, мы бы услышали крики, наши комнаты рядом. Но она не кричала.

— Значит, пришёл кто-то, кого она знала, — предположил парень.

— Очень умно, — усмехнулась Джара.

— Нет, почему же, в этом есть какой-то смысл… — задумчиво

произнесла Сельма, и Тэллар торжествующе посмотрел на Бестию. Та возвела очи горе.

— Но кто может быть в Ханеласе, кого знает Сунор? — удивился Ивор.

Внезапно Хаарт вскинул голову.

— Илена! — воскликнул он.

— Кто? — не поняли остальные.

— Илена, бывшая личная чародейка Сунор. Сунор мне как-то говорила, что её отец сослал Илену в Ханелас, когда узнал, что та помогала ей в разных делишках, например, следила за мной и Змейкой и помогала Сунор сбегать ночью из дворца… Она мне даже несколько раз об этом рассказывала, но я как-то мимо ушей пропускал — только сейчас вспомнил.

— Но как Илена могла узнать, что Сунор здесь? — недоумевала Джара.

Хаарт пожал плечами.

— Этого я не могу знать.

— Если это Илена… Что ж, тогда всё проще, — объявила вдруг Сельма.

Все уставились на неё с удивлением.

— Понимаете, — начала терпеливо объяснять Чародейка. — Если Илена и есть та, кто похитил Сунор, можно будет использовать одну пентаграмму… Ветельс — город маленький, и вряд ли здесь много других магов, тем более они вообще редкость в Ханеласе. С помощью пентаграммы я смогу выявить ауру Илены и узнать её местонахождение…

— Чародейка, — прервал её Тэллар. — Не проще ли спуститься вниз и спросить у хозяина, где живёт таэрийская волшебница?

— Сокол, — вздохнула Сельма. — Мысли шире. Если Илена прознала, что здесь остановилась Сунор, следовательно, здесь у неё есть свои люди. И скорее всего, хозяин харчевни имеет ко всему этому прямое отношение. Вряд ли он нам выдаст Илену.

Настал черёд Джары взглянуть на Тэллара свысока, но тот не сдавался:

— Давайте просто позовём этого хозяина на личный разговор, хорошенько прижмём его… Он и расколется!

— Можно обойтись без насилия, Сокол, — сказала ему волшебница. — Пентаграмма не займёт много времени. Тут же и приступлю. Освободите мне место в центре комнаты.

— Тебе нужен мел? — поинтересовалась Джара.

— Нет, ничего мне не нужно. Всё, не отвлекайте. — Сельма присела на корточки и принялась водить пальцем по полу.

— Ты будешь рисовать свою пентаграмму пальцем?! —

поразился Тэллар. — Но ты же не видишь, где линии, которые ты уже нарисовала!

— Вижу, — усмехнулась Чародейка. — Поверь мне, вижу. Всё, я же сказала — не отвлекайте меня.

Сунор пришла в себя в тёплом и ярко освещённом помещении, но это была не их с Хаартом комната в харчевне. Девушка попыталась встать, и тут поняла, что она привязана к стулу, на котором сидит. Слева раздался смех, показавшийся знакомым. Сунор повернула голову и задохнулась от удивления.

— Илена?! — поражённо произнесла она.

— Собственной персоной! Не ожидала меня увидеть, а? — усмехнулась та, становясь напротив шокированной девушки.

— Что ты здесь делаешь? А ну немедленно развяжи меня! Не то…

Волшебница опять рассмеялась.

— Не то что, Сунор? Побежишь пожалуешься папочке? Нет, милая, твой всемогущий папа далеко и тебе не поможет.

— Зачем ты это сделала? — Сунор подёргала руками, верёвки не пускали.

— А ты подумай, Сунор. Ты любишь это делать. Мстить.

— Мстить? Ты собралась мне мстить? Но за что, Илена?!

— Я поражаюсь тебе! Неужели ты думаешь, что мне не за что тебе мстить? Оглянись вокруг, дочь Дамрафа! Посмотри на это убожество! Разве эта комната сравнится с теми покоями, которые я занимала раньше!

— Вот именно! — взвизгнула Сунор. — У тебя было всё, потому что ты была *моей* личной чародейкой!

— И именно поэтому твой отец и сослал меня в эту дыру!

— Ты думаешь, я его не просила тебя вернуть? Неблагодарная тварь! Немедленно развяжи верёвки! — Девушка опять задёргалась на стуле.

— Конечно, — фыркнула Илена. — Так я и развязала. Скажи мне, Сунор. Утоли моё любопытство. Что ты делаешь здесь, в Ханеласе? Почему ты оказалась вдруг в компании с Хаартом, его возлюбленной Змейкой, которую ты так ненавидишь…

— Хаарт мой и навсегда! — выпалила Сунор.

Илена подняла брови в изумлении.

— Да что ты говоришь! Неужели он бросил свою «Гадюку», как ты её называла, и переметнулся к тебе?

— Да, он теперь со мной! — с вызовом заявила она, не вдаваясь в подробности, каким образом она этого добилась.

Илена засверлила её взглядом, и Сунор вдруг почувствовала мигрень в голове.

— Отвяжись! — завопила девушка и замотала головой. — Перестань! Прекрати!

Илена изумлённо выдохнула и отступила на шаг.

— Что… что… как ты… как ты вытолкнула меня из своих мыслей? — Она новыми глазами взглянула на Сунор. — У тебя ни капли магических способностей, но как ты это сделала?

— Будешь знать, как соваться в мою голову, — огрызнулась Сунор, хотя сама недоумевала. Впрочем, она всегда знала что она исключительная… И она в этом чёртовом Альянсе, как никак. Она Ангел.

— Что такое Альянс? — изумление Илены сменилось на любопытство.

Сунор показала ей язык.

— Что ты скрываешь, Сунор? Пожалуй, я не буду тебя убивать, пока не вытяну это из твоей головки.

— Убивать? — глухо переспросила Сунор. — Ты собралась меня… убить?

— Ну а как же, — растянула губы в улыбке её бывшая чародейка. — Я мщу по полной!

— Ты не посмеешь! — выдохнула Сунор, широко распахивая глаза.

— С чего ты взяла? Посмею, вот увидишь, — насмешливо пообещала Илена. — А теперь продолжим наш разговор. С каких это пор ты считаешь себя ангелом, Сунор? По-моему, для тебя как нельзя лучше подходит слово «дьяволица». Хотя нет, дьявол должен быть умён, а в твоей голове пусто. — Она хмыкнула, видя, как красивое лицо девушки искажается гримасой злости. — Пожалуй, ты будешь чертёнком.

— Можешь говорить всё, что угодно, но ты прекрасно знаешь, что ты старая уродина, а я моложе тебя и в тысячу раз красивее! — победно воскликнула Сунор.

Лицо Илены исказилось яростью, она резко вскинула руку и крутанула кистью. Сунор завопила, пронзённая вспышкой боли, будто миллионы иголочек вонзились в её тело.

— Вот так-то! — произнесла чародейка, когда отпустила Сунор, и та обессиленно обмякла на стуле. — Попробуй скажи ещё что-нибудь, и я убью тебя мучительнейшей из смертей! А насчёт твоей красоты… что ж, ты подкинула мне одну хорошую идейку. Конечно, заклинание изменения материи сложное, но стоит постараться ради такого, как считаешь?

— Что ты задумала? — в ужасе прохрипела Сунор.

— Посажу тебя перед зеркалом, а сама поколдую над твоей милой мордашкой! — И Илена пронзительно захохотала.

Сельма, сидевшая на полу, скрестив ноги, внезапно распахнула глаза и громко объявила:

— Есть!

Друзья, впавшие в какой-то транс, пока наблюдали за неподвижной Чародейкой, как один вздрогнули и вскрикнули от неожиданности.

— Вам надо лечить нервы, господа, — усмехнулась Сельма.

— Ты нашла её? — быстро спросила Джара.

— О да. Похоже, она вовсю практикует магию, изо дня в день. Вокруг её дома целый сгусток магической энергии. К тому же сейчас она наверняка разошлась…

— На что ей магия в этом захолустье? — поинтересовался Тэллар.

— Она, видимо, из тех магов, которые всё до мелочи делают с помощью волшебства, даже сопли подтирают.

Сокол фыркнул.

— А в туалет они тоже с помощью магии ходят?

— Обязательно тебе надо… — начало было Джара, но ей не дали вступить в очередную перепалку с Тэлларом.

— Давайте поторапливаться. — Сельма поднялась из своей невидимой пентаграммы. — Медлить нельзя, пока я ещё чувствую эту нить…

Все вскочили на ноги.

— Кому-нибудь лучше остаться со Змейкой и Эйданом, — вдруг сказала Аерис, — мало ли что.

— Ты права, — кивнула Джара, — если у Илены здесь люди…

Хаарт хотел было вызваться, но Бестия так зыркнула на него, что он передумал.

— Я останусь, — сказал Ивор.

Джара кивнула.

— Остальные, идёмте. Сельма, веди!

Зеркало уже стояло перед почти теряющей сознание от страха Сунор, но Илена пока ничего не предпринимала, а стояла рядом, прислонившись к стене и наблюдая за своей пленницей.

— Может, всё-таки расскажешь мне о вашей любопытной компании, Сунор? Пока я не вытянула тебе нос или не заставила гнойные волдыри расцвести на твоей коже?

Сунор судорожно сглотнула, но всё же сказала:

— Зачем я буду тебе что-то говорить, если ты меня всё равно собралась убивать?

— Похвально, милая, всё-таки какие-то мозги у тебя есть. Но неужели тебе не хочется умереть красивой? Иначе я выкину тебя на улицу, и прохожие будут смотреть на твой труп и говорить:

"Для неё, наверное, всё же лучше, что она умерла. Бедная девушка, жила такой уродиной".

Сунор представила такую картину, и на глаза без разрешения навернулись слёзы. Девушка стиснула зубы. Раскисать перед этой стервой Иленой ей не хотелось.

— Я этого уже не увижу, так что мне всё равно. И вообще, Илена, тебе лучше меня отпустить! Ты думаешь, мои друзья не будут меня искать?

Брови Илены поползли вверх.

— Друзья? Сунор, ты что, оказывается, всё-таки знаешь такое слово? Не думала, что у *тебя* могут быть друзья.

"Да они и не друзья тебе, — заговорил голос внутри Сунор, — они придут спасти тебя, но только потому что ты нужна им как один из Ангелов. Даже Хаарт с тобой лишь из-за этой клятвы, которую он дал ради Альянса, а ведь он всё ещё любит Змейку…"

— Что же это за друзья? — продолжала разглагольствовать Илена. — Альянс, да? Это слово вертится у тебя в голове. Знаешь, что такое альянс, Сунор? Хотя где тебе, с твоей-то глупостью. Альянс — это временно заключённый союз для достижения общей цели. Вот так-то. Чего бы вы там ни собирались достигнуть, но по окончании этого альянс распадётся и всё, нет больше твоих друзей. И как же всё-таки кто-то добровольно решил с тобой путешествовать? И неужели Хаарт действительно тебя полюбил? Я не верю, Сунор.

— Он любит меня! — выкрикнула она, и слёзы брызнули из глаз.

Илена обнажила зубы в едкой ухмылочке.

— Сама ведь не веришь этому. Ну-ка… — Она опять попыталась прочитать мысли Сунор, но та в своей ярости и отчаянии вновь вытолкнула её прочь. Однако кое-что Илене удалось выхватить. — Клятва… Он тебе дал какую-то клятву? Только не говори, что поклялся при свете звёзд любить тебя до гроба? Не верю, ещё раз говорю. Тебя *невозможно* любить, Сунор. Тебя можно бояться, презирать, ненавидеть ну или желать со страшной силой, как почти все мужчины, окружавшие тебя. Но не любить.

— Мой отец любит меня! — плача, крикнула Сунор.

— Но он твой отец, ты его плоть и кровь. Он не может тебя не любить, так заложено природой, и также любила тебя бы и твоя мать, если б не умерла при родах. Кстати, об этом тоже можно поразмышлять. Какое же ты эгоистичное создание, Сунор! Даже рождаясь, ты не позволила миру обратить внимание на кого-то другого, кроме тебя, и своим появлением убила свою мать.

— Замолчи!!! — завопила Сунор. — Замолчи немедленно! Я

не убивала мою мать!

Илена фыркнула.

— Это ещё как посмотреть. Ведь если бы ты не родилась, она бы не умерла, верно? Да и насчёт Дамрафа можно поспорить. Честное слово, много раз слышала разные его мысли о тебе. И поверь, он далеко не одобряет твоё поведение, характер, поступки… Пожалуй, он даже желал иногда, чтобы у него не было такой дочери, как ты.

— Нет! — Сунор внезапно ощутила бессилие и поникла на стуле. — Неправда… — вяло добавила она.

— Ну, он, конечно, любит и оберегает тебя. Кстати, как же он отпустил тебя в такое дальнее путешествие?

Сунор молчала.

— Я с тобой разговариваю, подними голову! — взвизгнула Илена и вновь пронзила тело Сунор страшной болью. Та истошно закричала, и чародейка довольно засмеялась. — Сиди вот так. Так ты скажешь мне или нет? Я хочу знать, кто эти твои спутники, как ты с ними оказалась!

— Да пошла ты, сучка, — устало бросила ей Сунор, измождённая болью.

Илена опять зашлась приступом ярости и направила поток магической энергии через тело Сунор.

— Ну ничего себе, сосланная в изгнание чародейка, — фыркнул Тэллар, тыкая в бок тело охранника, только что уложенного зверским ударом по голове рукоятью его меча. — Дом охраняется.

— Насколько я поняла, Дамраф щедрый малый, — пожала плечами Джара, упираясь носком сапога в тело второго. — Пусть он её и сослал без права возвращения на родину, но вряд ли даёт ей бедствовать.

— Мне бы такое изгнание на какой-нибудь жаркий остров с пальмами, — мечтательно произнёс Тэллар.

— Будет тебе скоро остров с пальмами, — пообещала ему Джара.

— Готово, — шепнула им Аерис, возившаяся с дверью.

Пятеро Ангелов вошли внутрь дома Илены, стоявшего на окраине города. Повсюду было темно, лишь из-под двери одной комнаты на втором этаже пробивалась щёлочка света. По мере приближения к ней можно было различить звуки голосов. Внезапно тишину дома нарушил пронзительный крик, Ангелы узнали голос Сунор и бросились бегом.

Ворвавшись в комнату, они увидели высокую женщину с лицом, искажённым ненавистью и злостью (в ней Хаарт узнал

Илену), которая вытянула руки по направлению к Сунор, привязанной к стулу и извивавшейся и вопившей от боли.

Илена вскинула голову, недоумённо оглядывая ворвавшихся к ней людей, и отпустила Сунор, которая тут же обмякла. Сельма не зевала и запустила в Илену зарядом энергии, так что ту отшвырнуло в другой конец комнаты.

Хаарт бросился развязывать верёвки, остальные кинулись к Сельме и Илене, которые застыли в неестественных позах друг против друга. Даже нечувствительные к магии Аерис и Тэллар ощутили страшное сопряжение энергии, исходившее от них.

— Нам лучше им не мешать, — пробормотала Джара.

— Это что-то вроде магического поединка, — кивнула Аерис. — Когда-то Сельма рассказывала мне. Два чародея сталкивают свои силы, пока один не перетянет канат на свою сторону, так сказать.

— И что, мы будем вот так стоять и смотреть?! — в ужасе воскликнул Тэллар, глядя на искажённое напряжением лицо Сельмы. — А вдруг с нашей старушкой Чародейкой что-нибудь случится…

— Госпожа! — заорал молоденький голос.

Друзья обернулись: на пороге стоял парень лет двадцати, может, младше, со взъерошенной копной волос. Он с ужасом оглядел творившееся в комнате и выхватил меч.

— Ну дерзай, Сокол, раз тебе нечем заняться, — хмыкнула Джара, кивком головы указывая Тэллару на парня.

Тот ухмыльнулся и двинулся на него. Они скрестили мечи, Тэллар стал теснить его назад, и они скрылись в коридоре. Джара и Аерис обратили взгляды на Хаарта. Он сидел на стуле, к которому раньше была привязана Сунор, а сама девушка, обхватив его слабыми руками, полулежала у него на коленях.

Бестия и Эльфийка кивнули рыцарю и продолжили встревоженно наблюдать за противоборством Илены и Сельмы, из осторожности отступив подальше к стене.

На лице их Чародейки отражались нечеловеческие усилия, и кожа, казалось, сейчас лопнет от натуги. Но у Илены дело было совсем плохо. Она исходила потом; до крови, сочившейся по подбородку, прокусила губу. Тут она рухнула на колени, и Ангелы слабо вскрикнули от неожиданности, впрочем, неожиданность была радостной.

— Ах сукин ты сын! — раздался крик Тэллара.

Джара вскочила.

— Я пойду проверю его.

Когда она вышла, то не знала, что и делать, то ли расхохотаться, то ли прийти в ужас от грозившей Соколу

опасности. Мальчик со взъерошенными волосами оказался магом и теперь гонял Тэллара по холлу первого этажа, стреляя в него мелкими, неумелыми, но всё же молниями.

Джара ощутила прилив сил, протянула руки по направлению к ним, и парень замер, затрясся, обратил взгляд на Джару, а затем упал на колени, прокричал имя Илены и рухнул на пол.

Тэллар отёр пот со лба и поднял свой меч.

— Ну зачем же, Бестия, я бы и сам с ним разобрался.

— Да ну? — изогнула бровь Джара. — По-моему, он загонял тебя по всему дому.

— Это тебе так показалось, — пробурчал Тэллар, направляясь к лестнице на второй этаж. — Я всего лишь дразнил его.

— Что ты говоришь! — разыграла удивление девушка. — Ну извини, что испортила тебе развлечение.

И тут воздух разорвал нечеловеческий вопль. Бестия и Сокол кинулись в комнату, и там увидели кое-как державшуюся на ногах Сельму и Илену, раскинувшуюся на полу, слабо дёргавшуюся в агонии. Увидев вбежавших Тэллара и Джару, умирающая чародейка зашевелила губами.

— Ронки… милый мальчик… вы убили его… — с трудом произнесла она.

— Нет, — помотала головой Бестия, подходя ближе и подхватывая готовую упасть Сельму. — Он жив.

— Милый мальчик… — опять повторила Илена и перевела взгляд на Сунор, спрятавшуюся в объятиях Хаарта. — Неужели это правда? — Она уже не говорила, а шептала. — Она завоевала чью-то любовь? Дружбу? Невероятно… — На её бледные губы наползла горькая последняя усмешка. — Никогда бы не подумала…

— Мы ей не друзья, — холодно отрезала Сельма, и Джара испуганно вздрогнула. — Мы пришли за ней, потому что она нужна нам в одном деле. И он с ней тоже только из-за этого.

Илена зашлась странным кашлем, и тут Джара поняла, что она смеётся.

— Да-да… Альянс… я так и сказала ей… она никогда не завоюет ничью любовь…

И чародейка Илена отошла в мир иной.

Чуть позже, на пути от дома Илены, Джара сказала Сельме:

— Ты могла бы и не говорить ей этого, Чародейка. Она же и так умирала. К чему ей это было знать?

— Джара, я вовсе не для неё это сказала. Для Сунор.

— Это жестоко.

— Ты так считаешь? Жестоко? Для этой пустоголовой дряни, которая своим капризом рушит судьбы и счастье людей? —

вопросила Сельма, нисколько не заботясь, что Сунор её отлично слышит. — *Я* так не считаю, Джара.

Ещё ночью Ангелы покинули злополучный город Ветельс и двинулись на северо-запад, срезая путь до ханеласского города-порта Дирксена.

IX Слёзы Ангелов

Друиды стояли на холме, а точнее, огромной насыпи, которую образовал смерч, и плакали. Оттуда им открывался вид на картину лежащего в руинах Тадора, а сфера Книги, это маленькое солнце-божество смерти, один за другим сплёвывала языки чёрного пламени в направлении горстки друидов, слово огромное око повернулось разглядеть незваных гостей.

Слёзы струились по щекам Миерны, и она вдруг ощутила чью-то руку у себя на плече.

— Сестра Зельда, — молвила она, обернувшись.

Зельда сильнее сжала её плечо.

— Прости меня, сестра, — произнесла она, также плача. — Прости, что не поверила тебе сразу, прости… От имени всех нас, не согласных с тобой, прости. Теперь я вижу… Теперь мы видим… Чувствуем боль земли…

Миерна благодарно улыбнулась и накрыла её кисть своей ладонью.

— Да, сестра. Это наш долг.

Джара теребила в руках ставший бесполезным компас и думала о друидах. С тех пор, как сгорел их талисман, она больше не слышит их голосов. Миерна снилась ей лишь один раз, и то Джара ничего не поняла, что она говорила. Раньше девушка думала, что она может говорить с друидами на расстоянии, так как сама принадлежит к ним, так как она — Оарин. Но получается, всё зависело лишь от талисмана?

Из её мыслей Джару вырвал стук в дверь. Девушка вскинула голову.

— Кто там?

— Джара?… Можно войти?

Брови наёмницы поползли вверх.

— Входи.

Дверь отворилась, и в каюту осторожно шагнула Сунор и замерла на пороге, глядя на Бестию и, видимо, ожидая её реакции.

— Заходи, что стоишь. Закрой дверь, — безразличным тоном сказала Джара, хотя сама была порядком удивлена.

Сунор кивнула, закрыла за собой дверь и присела напротив Джары.

— Я давно хотела у тебя спросить…

— Слушаю.

— Когда меня похитила Илена…

Джара немедленно вспомнила о словах Сельмы, и ощутила что-то неприятное. Сунор об этом хочет поговорить? Но неужели она сама не понимает, что никто из Ангелов ей не друг, никто не питает к ней никаких симпатий, и Хаарт тоже всё равно сердцем не её? Что она от Джары хочет?

Но Сунор совсем не об этом пришла говорить.

— Илена пыталась прочитать мои мысли, но у неё ничего не вышло. Она была очень поражена и всё спрашивала, как мне удалось «вытолкнуть» её из своей головы. Хотя раньше, когда она ещё служила мне, я уверена, она часто читала мои мысли. Это как-то связано с тем, что я с вами?… В смысле, в Альянсе?

Джара пожала плечами.

— Скорее всего, Сунор, но я плохо разбираюсь в таких вещах. Тебе бы лучше спросить у Сельмы.

Бестия не имела в виду ничего такого, но по тому, как изменилось лицо Сунор, она поняла, что вышло, будто она хотела её задеть — и задела. Джара поругала себя в мыслях. Она не желала портить отношения ни с кем из Ангелов.

— Я просто пришла к тебе спросить… Ты же всё-таки главная.

— Главная? — Джара хмыкнула. Ну да. Архангел Джара. Но в сущности, Сунор была права.

— Ещё я хотела сказать… мне в последнее время снится один и тот же сон…

Джара насторожилась.

— Говори, что за сон?

— Будто я сижу перед огромным зеркалом и вижу в отражении, как на меня надета такая красивая ажурная корона, даже не корона, а диадема.

"Не думаю, что для тебя такие сны редкость", — хотела было уже съязвить Джара, но вовремя вспомнила про свой сон о волшебных артефактах Ангелов. Однако Сунор уже поднялась со стульчика, и на её лице было обиженное выражение.

— Ладно, я пойду тогда, Джара.

— Сунор, постой, мы же не договорили. В твоём сне есть смысл. Ну сядь же! — с нажимом произнесла Джара, про себя недоумевая, на что обиделась Сунор. Что, неужели на её лбу было написано, что она хочет сказать?

Сунор села обратно.

— Помнишь, когда мы первый раз приходили к тебе, мы рассказали историю об Альянсе и волшебных предметах? Так вот, тебе предназначается иметь диадему. Я видела это давно, в своём сне об Ангелах. Больше никаких подробностей в твоём сне?

Сунор покачала головой.

— Ладно, — кивнула Джара. — Если что-нибудь ещё такое

случится, сразу скажи мне, хорошо?

— Хорошо. — Девушка встала, тряхнув роскошными волосами, и заглянула в лицо наёмнице. — Скажи, разве это честно?

— Ты о чём?

— Да я о вашем чёртовом Альянсе! — со злостью выплюнула Сунор. — Его нельзя покинуть, потому что если ты решишь уйти, твою голову сжимают тиски и твои ноги без твоего согласия тащат тебя обратно! Разве это правильно? Спасать мир нужно добровольно!

— Ты же принесла клятву, — холодно ответила ей Джара. "Раньше надо было об этом думать, добровольно ли это и правильно ли", — подумалось ей.

— Вы меня заставили! — почти взвизгнула девушка.

— Заставили? Сунор, я думала, мы заключили сделку, а не заставляли тебя, — пытаясь держать себя в руках, напомнила ей Бестия.

— Заключили сделку! — передразнила Сунор. — Где эта ваша сделка? Хаарт собирается вернуться к Змейке, потому что знает, что я не могу убежать из Альянса.

Джара округлила глаза.

— Он тебе так сказал?

— Нет! — Сунор резко выдохнула, обхватила себя руками. — Но я знаю, что он хочет это сделать. Он витает где-то в облаках, всё время об этом думает.

"А что ты хотела? Чтобы он взял и по мановению палочки влюбился в тебя?" — усмехнулась про себя Джара, но вслух сказала:

— Он так не сделает. Он принёс клятву, и он рыцарь. Он будет держать своё слово. И Змейка его тоже обратно не примет. — Джара поняла, что зря это сказала, только когда слова уже прозвучали.

Сунор сощурила глаза.

— Ну да! Святоша Гадюка жалеет всех вокруг и приносит себя в жертву! "Хаарт не должен быть со мной, потому что так нужно для Альянса! Я не буду думать о нём, потому что так нужно для Альянса! Пусть будет счастлив с Сунор! А я буду заботиться о бедненьком несчастном Эйдане!" — мерзким голоском, ничуть не похожим на голос Змейки, пропищала Сунор и презрительно фыркнула. — Не нужна мне её жалость! И ничья жалость не нужна!

Она собралась выйти вон, но у двери обернулась.

— Сколько мы будем плыть?

— Ну… капитан сказал, недели две, может, меньше, может,

больше.

Сунор кивнула, взялась за ручку двери и опять повернулась.

— Вы все меня ненавидите, да? — В её голосе вдруг почувствовалась горечь, и Джара заколебалась, не зная, что на это сказать.

— Сунор, мы…

— Ну и ладно! — Сунор резко дёрнула за ручку, вышла вон, развернулась на пятках. — Мне всё равно!

Дверь захлопнулась с оглушительным треском, и Джара услышала яростный стук каблучков. Постепенно он стих, и Бестия уже ничего не слышала, кроме шума волн, бьющих о борт корабля.

— Зззмеээйкка, — смешно выпячивая губы, старательно произнёс Эйдан, и Змейка радостно захлопала в ладоши.

— Молодец, Эйдан! — Она потеребила его волосы.

— Ээйддан! — воскликнул он, вновь порадовав девушку. Видя её радость, Эйдан сам расплылся в широкой улыбке. Во рту у него не хватало нескольких зубов, видимо, они выпали, ещё когда рушился Тадор, и сначала Змейка думала, что это из-за них Эйдан никак не может выговаривать слова правильно, но в последние дни прогресс был налицо.

— Ты молодец, — опять сказала она.

— Агел, — сказал он. Она чуть нахмурилась, сначала не поняв его. — Аннгел, — очень стараясь, повторил Эйдан, и Змейка расширила глаза от удивления.

— Да, да, Эйдан, Ангел! Ты понимаешь? Скажи, ты понимаешь?

— Ангел. — Уже легче далось ему слово. — Змейка-ангел-Эйдан. — Он ткнул пальцем сначала в неё, потом в себя.

Змейка улыбнулась, стараясь не выдать своего разочарования. Он считает её своим ангелом… а она-то подумала, что он понимает, что такое Альянс и для чего все они собраны. Но в любом случае хорошо, что он может так образно выразить свои чувства.

В дверь постучали. Змейка встала и открыла. На пороге стоял Хаарт.

— Хаарт, — нахмурилась она, — зачем ты пришёл?

— Хахт, — сказал ему Эйдан.

— Поговорить, — также хмуро ответил рыцарь.

— Не о чем нам говорить.

Он поколебался немного.

— Извини. Наверное, ты права. Извини, — опять сказал он. — Спокойной ночи.

И он ушёл.

Змейка закрыла за ним дверь и тяжело опустилась на край кровати. Эйдан посмотрел на неё с беспокойством.

— Любли? — с понимающим видом спросил он.

Змейка удивлённо взглянула на него, а потом грустно рассмеялась.

В помещение проник свет, и Джара приподнялась на локте, щурясь в сторону двери.

— Я тебя разбудила? — спросила Сельма, садясь на свою кровать. Она закрыла дверь, и каюта опять погрузилась во мрак. — Извини. Спи дальше.

— Да нет. — Джара села на постели, потянулась к светильнику и зажгла его. Сельма благодарно кивнула и принялась раздеваться. — Что ты так долго?

— Я гуляла по палубе. Не спалось. Тяжкие мысли, — усмехнулась Чародейка, стаскивая сапог.

— Какие именно?

— Какие именно? — эхом отозвалась Сельма и опять усмехнулась. — Да, их так много… Я просто думала, что мы будем делать, когда приедем в это Поднебесье. Ты сказала, предметы на острове. Но остров-то большой. Где мы будем их искать? Или ты ждёшь, что тебе опять приснится сон?

Джара пожала плечами.

— Не знаю, Чародейка. Давай подождём, пока прибудем на остров, там и подумаем.

— Да, ты всегда предпочитаешь думать о проблемах по мере их возникновения.

— Ну я же не ты, у меня нет твоей великой мудрости, — улыбнулась Бестия.

— Какая уж там мудрость, — отмахнулась Сельма, но тоже с улыбкой. Потом она тяжко вздохнула и легла.

Джара задумчиво теребила кончик простыни.

— Кстати о снах… — сказала она. — Тебе не снились сны про магический жезл?

— А?

— Про твой волшебный предмет. Ничего не снилось?

— Нет, а что?

— Да так… Можешь порыться в моей голове?

Чародейка села в постели и удивлённо уставилась на Джару.

— Что?

— Покопайся в моей башке. Почитай мои мысли.

— Джара, я не думаю…

— Сельма! — нетерпеливо прервала её Бестия. — Просто

сделай это, потом я тебе объясню. Ну давай же!

Озадаченная, Сельма всё же кивнула и устремила взгляд прямо в глаза Джары.

— О, Джара, ты тайно мечтаешь о Тэлларе?

Бестия вспыхнула.

— Что ты несёшь, Чародейка!

Та заулыбалась.

— Да ладно тебе кипятиться, я же шучу. Я тоже иногда шучу, Джара.

Она замолкла, продолжая глядеть в глаза Бестии. Девушка мало что почувствовала, только на миг ощутила какое-то неудобство, но и то, возможно, потому что ожидала от себя хоть какой-нибудь реакции. Затем она изо всех сил принялась пытаться не дать Чародейке проникнуть в её голову.

— К тебе приходила Сунор? — удивилась Сельма, не обратив ровным счётом никакого внимания на титанические усилия Джары.

— Ничего? — устало спросила та.

— Ничего? Ты о чём?

— Ты не почувствовала… что я пытаюсь вытолкнуть тебя из своей головы?

Сельма рассмеялась.

— Нет, Бестия. Ты что, решила ставить магические эксперименты? Может, расскажешь? Или это мне тоже взять из твоих мыслей?

Джара задумчиво постучала себе по кончику носа.

— Да, ко мне приходила Сунор и… — И она рассказала всё Сельме.

Чародейка нахмурилась.

— Это странно, Джара. Ты поэтому попросила меня залезть в твои мысли, чтобы проверить, у всех ли Ангелов есть такая защита?

Та кивнула.

— И это не подтвердилось. Сельма, что ты думаешь по этому поводу? Я предложила Сунор обратиться к тебе, но ей… хм… не понравилась эта идея.

— Неудивительно. А вот то, что она может «вытолкнуть» чародея, лезущего к ней в мысли, очень даже удивительно. Я поставлю завтра свой эксперимент.

— Залезешь к ней в голову? Она взбесится, Сельма!

— И что?

— Ну ты хоть предупреди её, что ли…

— Не буду я ей ничего говорить, Джара! Для чистоты эксперимента. Всё, спи.

Джара вздохнула, потушила светильник и легла, накрывшись латаной-перелатанной простынёй.

— Спокойной ночи.

Эйдан уже спокойно ходил без поддержки и радостно осматривал мир вокруг себя. Они со Змейкой стояли почти у носа корабля и смотрели, как плещутся волны о борт, весело разбрызгивая повсюду капли. Эйдан смеялся искренне и радостно, как смеются только дети, а Змейка глядела на него и улыбалась, и в улыбке её переплелись и веселье, и горечь, и радость, и боль.

— По-моему, кто единственный ангел среди нас, так это она, — заметил Тэллар, подойдя к Джаре и скользнув глазами в направлении её взгляда.

Джара кивнула.

— Сама много раз об этом думала. Сокол, тебе не снились в последнее время необычные сны?

— Необычные сны? — повторил тот и задумался. — Ну да, снились.

— Правда? — переспросила Джара, воодушевившись. — Расскажи.

— Вот сегодня ночью мне приснилось, как ты и я… Ай!!! Больно, чёрт возьми, — пожаловался он, потирая пострадавшую щёку.

— Сам напросился, — буркнула девушка. — Я-то серьёзно спрашивала.

— Ладно-ладно. Какой мне должен был присниться сон?

— Про твой артефакт как Ангела. Амулет.

— Почему вот у Аерис лук, у Ива меч, у этого Хаарта тоже меч, у тебя кинжал, а у меня какая-то побрякушка на шею? — обиженно спросил Тэллар.

— Ответ напрашивается сам собой, не находишь? — прыснула Джара.

Тэллар занёс над ней руку в шутливом намерении ударить.

— Эх, если бы в моих правилах не было не бить женщин… Ладно, тебе повезло, — опустил он руку. — Не фыркай, как лошадь, ты себя выдаёшь!

Вторая его щека раскраснелась от хорошей пощёчины.

— От твоих постоянных побоев у меня развивается комплекс, Джара, — надувшись, сообщил он. Та издала смешок и устремила взгляд к горизонту.

— Что мы будем делать на острове? — перевёл тему Тэллар.

— Сокол, что вы все меня спрашиваете? Я не знаю, — с лёгким раздражением ответила девушка, поворачиваясь к

нему. — Я знаю столько же, сколько и вы все.

— Бестия, дыши ровно. Я просто спросил.

Джара отмахнулась от него и уставилась в воду. Тэллар отвёл от неё взгляд.

— Эй, похоже Чародейка сейчас просверлит в спине нашей красотки дырку.

Не успела Джара ему ответить, как раздался возмущённый вопль Сунор:

— Прекрати немедленно!!!

Джара с Тэлларом переглянулись и побежали в сторону Сельмы, растерянно моргавшей глазами по сторонам, и Сунор, стоявшей перед ней на расстоянии шагов пяти, негодуя и возмущаясь. Рядом стоял мало что понимающий Хаарт, а невдалеке, прислонившись спиной к громаде мачты, спокойно за всем наблюдала невозмутимая Аерис.

— Ты, чёртова колдунья! Не смей! — продолжала вопить Сунор, привлекая к ним всеобщее внимание.

Джара сделала знак Хаарту, чтобы он увёл девушку в каюту. Рыцарь кивнул, обнял Сунор за плечи и мягко, но настойчиво повёл её к спуску вниз. Она поддалась, но продолжала довольно громко жаловаться на бесстыдных чародеек, залезающих к людям в головы.

— Ну что, Сельма? — спросила Бестия, положив руки на плечи до сих пор растерянной Чародейки. Та выглядела так, будто у неё небо и земля перепутались местами.

— Невероятно!.. — Волшебница тряхнула головой.

К ним неспешно подошла Аерис, а Тэллар требовал всё ему объяснить.

— Невероятно, Джара, — повторила Сельма. — Она действительно сделала это!

— Сделала что? — раздражённо спросил Сокол. — Кто-нибудь объяснит мне или как?

— Или как, — бросила ему Джара и повернулась обратно к Чародейке.

— Я не понимаю, как ей это удалось! Только опытные чародеи умеют ставить заслон от проникновения в свои мысли, а так, чтобы дезориентировать того, кто попытался… Для этого нужна большая сила.

— Дезриентироваро — чего? — озадаченно переспросил Сокол.

— Большая сила? — удивлённо повторила Джара.

— Магическая? — уточнила Эльфийка.

Сельма кивнула. В голове её плохо укладывался раскрытый и непонятно откуда взявшийся талант Сунор, но ещё неизвестно

было, что поразило Чародейку сильнее — то, что капризная красавица яростно «выдворила» незваную гостью из своей головы, или то, что Сельма успела прочитать в её мыслях.

— Кто же они такие и что им надо? — в который раз спросил Дамраф с беспокойством.

Аялла барабанила пальцами по столу.

— Скоро мы узнаем. Что же чародеи так долго!

— Может, это аронвардцы прислали своих магов попытаться сделать что-нибудь с Книгой? — предположил глава Ордена Луны.

Женщина покачала головой.

— Сомневаюсь. Они бы сообщили нам.

— Да, ты права. Ну а что же тогда? Явились просто так, уселись среди руин и не уходят. Вдруг из-за них возникнет новый смерч или что-то ещё?

Аялла пододвинула к себе кувшин и налила в бокал вина.

— Возьми, выпей и успокойся.

Он кивнул и принял бокал из её рук.

— Я постоянно на взводе, с тех пор как объявились эти Ангелы. Объявились и тут же исчезли, прихватив при этом ещё и мою дочь.

— Ты, что, думаешь, они обманщики?

— Нет, вообще-то. Конечно, я бы раньше никогда не подумал, что поверю в такую чушь, как сказку про отряд бесстрашных героев, спасающих мир. Но после всего, что случилось… Да и потом… Я как-то даже не удивился, когда они мне всё рассказали.

— Я понимаю, — кивнула Аялла. — Просто ты беспокоишься о Сунор.

— Да. Я страшно волнуюсь. — Он помолчал, размышляя о своей дочери. Как же она, капризная и изнеженная, переносит все трудности и опасности пути? Не случилось ли чего? Он обратил взгляд на женщину, которую полюбил. — А у тебя есть дети, Аялла? — Он тут же пожалел о том, что спросил. — Прости за бестактный вопрос, можешь не отвечать…

Она с улыбкой подняла руку.

— Ничего, Дамраф. Да, у меня есть сын. Вернее, был.

— Он…? Прости.

— Нет, это не то, что ты подумал, он не погиб, по крайней мере, я не знаю точно. Просто тогда давно… я была молодая, глупая… И потом, я уже была в Ордене. В общем, я отдала мальчика на воспитание своим родителям, собиралась, когда подрастёт, забрать его в Тадор, отдать в рыцари. А он сбежал,

представляешь? Его искали да так и не нашли… Однажды, совсем недавно, я видела одного парнишку на улице… Не знаю, может, это был и он…

Дамраф протянул руку через стоял и взял её ладонь в свою. Она наградила его благодарным взглядом, и тут в комнате разверзся диск портала. Главы Орденов вздрогнули от неожиданности, а из портала вышла Триша. Глаза её горели.

— Госпожа, это невероятно! Это друиды!

— Друиды?! — воскликнули Дамраф с Аяллой одновременно.

— Друиды это сказки! — заявил Дамраф машинально.

— Почему же, по-моему, нас с тобой недавно убедили в реальности этой сказки, — заметила Аялла и обратилась к чародейке: — Почему они пришли в Таэрию?

— Они с Гирита, — принялась рассказывать та. — Впрочем, все легенды говорили о том, что друиды обитали на этом острове. Оказалось, их племя вырождается, и на острове остался один лишь небольшой лес, скрывавший их поселение. Книга — это творение их предков! Это друидская магия!

Впрочем, Дамраф с Аяллой прекрасно знали это от Джары и её друзей, но разыграли удивление. На самом деле удивило их то, что друиды, прятавшиеся от остального мира, покинули свой лес и приплыли в Таэрию.

— Они здесь, чтобы помочь нам, — продолжала взахлёб рассказывать Триша. — Их главный сказал, что они будут сдерживать Книгу, чтобы не появилось никаких новых смерчей или других порождений Измерения Книги, как они это называют. Однако почему-то они сказали, что не в их силах Книгу уничтожить, — разочарованно добавила она.

— Пожалуй, нам нужно лично с ними встретиться, — заключила Аялла. — Узнать, не нужно ли им что-нибудь.

— Я взяла на себя смелость спросить… — начала чародейка. Когда её госпожа кивнула, она уже смелее продолжила: — Так вот, они заявили, что им не нужно ни воды, ни еды, никаких шатров или ещё каких удобств. Сидят себе на земле в кругу да смотрят на эту жуткую сферу в небе, в которой вертится эта дьявольская Книга. Кстати, госпожа, если сравнивать с последней проверкой, сфера заметно увеличилась и, похоже, продолжает расти…

Аялла кивнула и переглянулась с Дамрафом.

— Не беспокойся, я уверена, что всё будет хорошо.

— Вы думаете, госпожа? — недоверчиво переспросила чародейка.

— Да, Добро ведь всегда побеждает Зло, разве не так? — с улыбкой произнёс Дамраф. — Но думаю, госпожа Тельмеран, вы

правы, и нам действительно нужно лично встретиться с друидами. Ведь они прибыли в нашу страну как почётные гости, и они отважно взялись помочь нам в этой беде.

Чародейка кивнула и присела в лёгком реверансе.

— Хорошо, я передам им. С вашего позволения, госпожа.

— Возвращай группу, мы отправимся на встречу завтра, — добавила Аялла.

Триша кивнула вновь и скрылась в синеве портала. Он схлопнулся с лёгким звуком.

Дамраф непроизвольно вздрогнул.

— Стыдно признаться, но столько лет окружённый чародеями я до сих пор не могу привыкнуть к этой магии, — проворчал он.

Аялла серебристо рассмеялась.

— Как любит говорить Триша, магия существует для решения тех проблем, каких бы мы не имели, если б не было магии.

Дамраф рассмеялся вслед за ней.

Змейка вышла из каюты всего лишь на пару минут, но когда возвращалась, услышала, как за дверью Эйдан плачет навзрыд. Девушка бросилась в каюту.

Эйдан стоял напротив небольшого овального зеркала и плакал, испуганно тыча в своё отражение, показывавшее облысевшего, лишь с редкими клочками седых волос, человека, лицо которого, испещренное ранними для его возраста морщинами и многочисленными следами от царапин и ран, с левой стороны было обезображено уродливым шрамом от ожога, кожа на скулах висела мешком. Худая длинная шея вела к костлявым плечам, одно из которых не продолжалось рукой, а заканчивалось уродливым обрубком.

Змейка вскрикнула и бросилась к Эйдану, обняла его, такая маленькая рядом с ним, хоть и сгорбленным, но всё равно высоким, и быстро заговорила ласковые слова.

— Не я, — сказал сквозь слёзы Эйдан, наклонившись к ней. Затем выпрямился и опять затыкал в зеркало. — Не я, не я, не я, не я!

И как бы у Змейки ни болело сердце за него, она всё же ликовала — сквозь слёзы. Он понимает, он узнаёт, он помнит!

Сунор всё ещё метала глазами молнии, когда в дверь их каюты постучали. Хаарт встал и направился к двери, чтобы открыть, но девушка остановила его.

— Если это притащилась эта проклятая ведьма, не открывай!

— Но, Сунор…

— Хаарт, не выводи меня из себя! — взвизгнула она. — Не

желаю её видеть.

Рыцарь устало вздохнул.

— Кто там?

— Хаарт, это я, — послышался голос Джары.

Юноша повернулся к Сунор с немым вопросом. Та, закинув ногу на ногу, нервно покачивала прелестной ножкой. Затем она кивнула.

— Сейчас, Джара, — произнёс Хаарт и отпер дверь.

Бестия прошествовала в их каюту, и вслед за ней — Сельма.

Сунор зашипела от ярости.

— Вон! Наглая ведьма! Вон отсюда! — завопила девушка, вскакивая на ноги и сжимая кулаки. — Не хочу видеть тебя! Да как ты посмела залезть ко мне в голову! Читать мои мысли! Джара! — повернулась она к девушке, и та тут же изобразила непричастный вид. — Что ты думаешь по этому поводу, а? Одобряешь? Какая же это команда, этот ваш распроклятый Альянс, если *она*, — она ткнула в сторону Сельмы пальцем, — считает, что может беспрепятственно залезать ко мне в мысли, когда ей вздумается!

Джара стрельнула глазами в Сельму, и в её взгляде ясно читалось: "Я тебя предупреждала". Но Чародейка, как всегда, была абсолютно спокойна, и истерика Сунор не произвела на неё никакого впечатления.

— Ты закончила? — ледяным тоном осведомилась она, и Сунор вперилась в неё ненавидящим взглядом. — Выслушай, пожалуйста, нас с Джарой, потом можешь продолжить меня поносить, сколько хочешь.

Взгляд Сунор, казалось, источал яд, но она всё же молча плюхнулась на стул и уставилась на них.

— Сунор, помнишь, ты вчера приходила ко мне и рассказала насчёт того, как Илена пыталась прочитать твои мысли? — начала Джара. Хаарт удивлённо посмотрел на свою «возлюбленную»; видимо, ему она не сказала про свой визит к Джаре. Сунор ничего не ответила, даже не кивнула, просто продолжала сверлить Бестию своими бездонно-чёрными глазами. — Так вот… Сельма решила проверить, так ли это… Тихо, тихо, умоляю, не заводись снова! Она не могла тебе сказать, что собирается сделать, так как нужно было, чтобы ты ничего не подозревала!

"Для чистоты эксперимента", — добавила Джара про себя.

— Я вам не подопытное животное ставить на мне эксперименты! — огрызнулась девушка.

— Но это не наша прихоть, это ведь важно для Альянса, — возразила Бестия. — Понимаешь, у тебя такое… умение не

потому, что ты Ангел, ну или не только из-за этого. Никто из нас больше не может так делать!

— Даже ты? — спросила Сунор у Сельмы, и ярость на какое-то время сменилась удивлением.

Та кивнула, и Сунор засияла осознанием собственной исключительности.

— Я могу поставить заслон от проникновения в мои мысли, — всё тем же бесстрастным голосом объяснила Сельма, — но я не могу, как ты, выталкивать того, кто посмел, из своей головы, да так, чтобы у него голова закружилась.

— У тебя закружилась голова? — с насмешкой спросила Сунор, но ничуть (по крайней мере, так казалось со стороны) не задела Сельму.

— Да, ещё ноги ослабели, и я не могла сфокусировать зрение, — спокойно описала она свою реакцию на "мысленный пинок под зад", как окрестил этот фокус Тэллар (когда ему всё-таки соблаговолили объяснить ситуацию).

— Так что ничего плохого Сельма не имела в виду, — добавила Джара. Ну как же ей надоело стараться держать всех Ангелов сплочёнными, чтобы никто не ссорился! Хренова миротворица, обозвала себя девушка. Зато сама всё время грызётся с Тэлларом, ну в принципе, это всё шутя-любя.

Сунор обхватила себя руками и забарабанила пальчиками по предплечью.

— И что вы от меня хотите? Чтобы я бросилась к Сельме на шею и воскликнула, мол, прости, дорогая, что так в тебе ошибалась? — едко вопросила она.

— Да нет, избавь меня от такого счастья, — холодно откликнулась волшебница.

— Нет, Сунор. — Джара глубоко вздохнула. Вот и самое страшное подошло! — Нужно, чтобы ты… ну… позанималась с Сельмой. Дала ей возможность изучить и понять, что за талант у тебя такой.

Брови Сунор поползли вверх.

— Ты издеваешься, Джара? Нет.

— Сунор, — вступил в разговор Хаарт. — Ты — Ангел, не забывай. Ты должна помогать Джаре и остальным. Если это важно для Альянса, ты *должна* это сделать.

Она посмотрела на него, и её лицо вдруг резко смягчилось.

— Хорошо, милый, раз ты просишь. Ради тебя! — Она прикрыла глаза и сложила губы в ожидании поцелуя. Хаарт покорно наклонился к ней и поцеловал. Сунор довольно улыбнулась и обратилась к Джаре с Сельмой: — Ладно, ладно, благодарите Хаарта. Буду делать, что скажете. Только чур не

залезать в мои мысли.

— Но это и есть самое главное, — усмехнулась Сельма.

Сунор насупилась.

— Будешь думать о чём-нибудь незначительном, — пожала плечами Чародейка. — Мне главное понять, как и почему ты умеешь выталкивать мага из своих мыслей.

К вечеру в каюте стало невыносимо душно, и Джара решила подняться на палубу. Сельмы не было в каюте, она ушла к Сунор, с Аерис невозможно было разговаривать, она изнывала от своей морской болезни. Змейка как всегда была с Эйданом (недавно она сказала Джаре, что ему уже гораздо лучше и он многое начал понимать, что ж, дай небо). Джара заскочила по пути в комнату Тэллара и Ивора, но ей никто не открыл.

Едва она поднялась наверх, сразу почувствовала, что стало лучше. Свежий, прохладный ветер, запах моря, темнеющая громада неба и почти чёрная необъятная гладь океана вокруг.

Невдалеке Джара заметила знакомую фигуру, опёршуюся о бортик, и внезапно ощутила укол совести. Когда, скажите на милость, она последний раз нормально разговаривала с Ивором? Она всё собиралась поговорить с ним о его состоянии, да никак и не собралась… Джара невольно вспомнила, как они разругались в Лесу друидов, и вся сжалась. Она не хотела терять Ивора, она просто не переживёт!.. Как же она могла так забыть о нём?

— Красиво, правда? — с улыбкой заметила Джара, подойдя к нему вплотную. Он вздрогнул от неожиданности, но, увидев её, тоже улыбнулся.

— Да, очень красиво.

— Я заходила к вам в каюту.

— Тэллар и Хаарт в небольшом зале в конце коридора кают. Там можно потренироваться с мечами, и они отправились туда. У Сунор, знаешь же, Сельма.

— А почему ты не пошёл с ними?

— Ну, Сокол позвал, только я решил не идти. Хаарт меня тихо ненавидит, и я это прекрасно вижу, да и мне стало так душно, захотелось подышать свежим воздухом.

Джара кивнула.

— Мне тоже стало душно. С чего ты взял, что Хаарт тебя ненавидит?

— Он что-то думает про меня и Змейку.

Девушка подняла брови.

— Ты и Змейка?…

— Джара, ну ты же не думаешь ничего, а? Змейка всё ещё любит Хаарта, это же видно.

— Ну а ты к ней как относишься? — допытывалась Джара.

— Очень хорошо. Она замечательный человек. И друг. Мы о многом говорили с ней. Она рассказывала мне про свою жизнь, а ей про свою.

Джара почувствовала себя неприятно. Ей показалось из слов Ивора, что Змейка заняла её, Джары, законное место в сердце Грифона. *Она*, вообще-то, его лучший друг и напарник. Грифон и Бестия — все в Гильдии и не мыслят их друг без друга.

— Я скучала по тебе, — призналась она.

Он улыбнулся одними уголками губ.

— Скучала? Я всё время рядом, Джей. Всегда за твоей спиной.

Она одарила его благодарной улыбкой, и слёзы чуть не навернулись ей на глаза, так тронули её его слова. *Я всегда рядом, Джей, всегда за твоей спиной.*

— Просто… Мы как-то отдалились друг от друга, разве ты не заметил? Раньше… раньше мы всегда были вдвоём, ты и я, на всех наших сумасшедших заданиях. Говорили друг другу обо всём. А что теперь? Я впереди отряда, ты позади. Между нами — семь остальных Ангелов, и мы даже не разговариваем нормально. — Джара печально вздохнула и уставилась на тёмную воду. — Меня это огорчает, Ив.

Он обнял её за плечи, и она сжала пальцами его руку.

— Я рад, что ты сказала мне этой, Джей.

— Прости, если обидела тебя, когда… ты хотел что-то сказать Хаарту, а я на тебя набросилась. Извини.

— Всё нормально. Ты ведь была права.

— На самом деле, это же *я* виновата в смерти Аиры, понимаешь? Мне следовало раньше вспомнить, что эта женщина дорога Хаарту и Змейке, и объяснить ей всё об Альянсе. Она же их друг, ей можно было бы рассказать… Не соглашаться на эту чёртову дуэль, я же знала, что ей меня не одолеть, понимаешь? Я знала.

— Но это *я* её убил, Джара.

— Тебе не стоит себя винить, Ив. Ты слишком терзаешь себя этим и…

Вдруг всё тело её напряглось — сзади послышался поражённый шёпот "О Солнце!". Грифон и Бестия повернулись и так и застыли, не зная, что сказать откуда-то взявшемуся за их спинами Хаарту.

— Ты… вы оба… — Он тоже не находил слов, не веря своим ушам, пытаясь уложить в голове то, чего не желал принимать. — Вы убили Аиру… Я… Я ненавижу! Ненавижу вас обоих!

— Хаарт, послушай, — начала Джара. Ивор сокрушённо молчал. — Хаарт, всё было не так, мы не хотели её убивать…

— Замолчи! — выкрикнул рыцарь. — Я не хочу ничего слушать! Ненавижу! Аира… Аира была мне так дорога! Я знал её столько лет, она была частью моей семьи, как родная! Она не чаяла в Змейке души, и Змейка тоже так её любила! Как я её любил! И вы убили её… Ты разрушила мою жизнь! — ткнул он в Джару. — Из-за вас всех я потерял Змейку! Ненавижу!

Он развернулся и побежал прочь. Джара хотела броситься за ним вдогонку, но Ивор удержал её.

— Пусть бежит. Пусть успокоится

— Чёрт, чёрт, чёрт, Ив, что же всё так паршиво? — запричитала Джара. Ивор обнял её, и она спрятала лицо у него на груди.

— Тихо, Джей. Всё будет хорошо.

Джара не выдержала. Столько времени она крепилась, старалась быть основой, фундаментом Альянса. Справлялась со всеми напастями и испытаниями. Переносила стойко всё, что выпадало на их долю. А теперь в объятиях Ивора она просто взяла и разревелась в голос, как маленькая девочка.

— Ничего не будет хорошо, ничего, Ив, — надрывным голосом запричитала Джара, — вдруг я всё провалю, вдруг у нас ничего не получится, все вы спрашиваете меня, как мы будем искать эти чёртовы предметы на этом чёртовом острове, а я не знаю, понимаешь, не знаю, не знаю!

Она какое-то время плакала, не в силах что-либо говорить. Ивор просто слушал, обняв её и гладя по волосам.

— Что делать с этой бестолковой капризной Сунор, и что делать со спятившим Эйданом, как они, интересно, могут помочь нам утихомирить эту бешеную Книгу?! А Хаарт, он всё никак не прекратит убиваться по своей несчастной любви, а теперь ещё он знает про Аиру, и он ненавидит меня, я, видите ли, виновна во всех его бедах! Но я же ни в чём не виновата, не я же придумывала Альянс и не я обратила силу Книги против всего мира — это сделал Эйдан, но его не обвинишь, ведь он сошёл с ума! Ив, я не могу больше, не могу…

— Ты можешь, Джей, конечно, можешь. Ты ведь не одна. Мы все тебя любим и поддерживаем. И я, Джей, я всегда с тобой. Мы же одна команда, а? Грифон и Бестия, Бестия и Грифон, разве забыла? Что ты нос повесила, Джара?

Она подняла на него заплаканное лицо и громко всхлипнула.

— Спасибо, Ив. Как же хорошо, что ты есть! — Она шмыгнула носом и крепко обняла его.

Он тоже ещё сильнее сжал её в своих объятиях.

Я всегда рядом, Джей, всегда за твоей спиной. Просто обернись и позови меня, когда я буду нужен. Я приду.

Сельма потёрла виски.

— Ты как? — насмешливо спросила Сунор. — Или на сегодня достаточно?

— Нет, — жёстко ответила Чародейка. — Давай ещё раз.

— Хорошо, — равнодушно пожала плечами девушка. — Давай.

"Сельма большая жирная жаба, большая жирная жаба", — старательно принялась думать Сунор. Сельма нахмурилась, но ничего не сказала и направила поток магической энергии. Она должна сломить это абсурдное сопротивление, главное, не перестараться, чтобы не повредить мозг Сунор… Хотя чему там вредить…

Сунор нахмурилась, вновь чувствуя, как Сельма забирается ей в мысли и толкнула. Сильно толкнула. Теперь пришёл черёд хмуриться ей самой — Чародейка не убралась из её головы, а продолжала там копошиться. Сунор закусила губу, стараясь не выдать своих настоящих мыслей, и вновь прикрыла их чудотворной мантрой собственного изобретения.

"Сельма большая жирная жаба", — услышала Сельма, а затем резко откинулась на спинку стула и тяжело задышала. Сунор победно вздёрнула подбородок.

— Не понимаю, — произнесла она, довольно наблюдая за потерянным видом волшебницы, — к чему всё это. Вывод ясен — никто не может прочитать мои мысли. И ты в том числе. К чему тратить моё время и… твоё здоровье и нервы? Не понимаю, — с притворным вздохом повторила она.

— Ничего ты не понимаешь, вот именно, — проговорила Сельма, и в голосе её зазвучало презрение. — Я и так уже давно уяснила, *что* ты умеешь. Мне нужно знать, *как* это происходит и *почему*. А также, как можно это использовать для нашего дела. Для дела Альянса.

— Альянс, Альянс, — фыркнула Сунор, — всё вы со своим Альянсом…

— А что ещё, по-твоему, делать, когда на наших плечах лежит миссия по спасению мира? — ядовито спросила Чародейка.

— Вот именно. На *ваших*.

— Ты в Альянсе, не стоит забывать об этом, — мрачно напомнила ей волшебница.

Сунор опять фыркнула.

— Позволь мне напомнить *тебе*. Когда я соглашалась вступить в этот ваш Альянс, вы обещали мне, что мне не нужно будет ничего делать — просто следовать за вами, а лично на меня не ляжет никакая ответственная и, тем более, опасная работа.

Никакого риска для моей жизни, обещали вы. И что? Где эти ваши обещания?

— Ах, мы не сдержали обещаний, — картинно всплеснула руками Сельма. — И что ты собираешься делать? Опять убежать? — холодно осведомилась она.

Сунор прищурилась.

— А вот этот пункт договора мы и вовсе не обговаривали. Во дворце я поставила вам условие. Или вы всё делаете, как я хочу, или я разворачиваю коня и возвращаюсь в Арлан. Вы сказали да-да, конечно, так и будет, мы согласны. А что в итоге? Уйти *невозможно*.

— Мы не знали об этом, когда ты вступала в Альянс, — соврала Сельма.

— Вот только не надо мне лгать! — взвилась Сунор. — Я прекрасно знаю, что вы знали! Вы меня обманули.

Чародейка усмехнулась. "Ах бедная наша Сунор, обманутая, преданная и глубоко оскорблённая", — подумала она про себя.

— Не стоит надо мной насмехаться, я этого не люблю! Всё, вон отсюда! Не хочу больше тебя видеть, не приходи больше ко мне, всё это чепуха, бесполезно!

Сельма встала и двинулась к выходу, но на лице её играла улыбка.

— Ты права, признаю, — сообщила она у самой двери. — Теперь мы будем заниматься кое-чем другим. Ну-ка… Попробуй узнать, о чём я думаю.

Сунор пристально посмотрела на неё и вдруг яростно зашипела.

"Сунор длинная толстая пиявка, длинная толстая пиявка".

Эйдан уже уснул, а Змейке не спалось. День выдался тяжёлый, она никак не могла успокоить Эйдана, увидевшего, словно в первый раз, своё отражение и вспомнившего себя прежнего. Это очень больно, но в то же время это и большое продвижение! Было время, когда она думала, что он навсегда застрянет в стадии маленького обиженного миром ребёнка, но теперь она вновь воспрянула духом. Это помрачение рассудка, оно временное, она уверена. Он поправится, обязательно поправится.

Раздался настойчивый стук в дверь, и Змейка вздрогнула.

— Кто там? — спросила она.

— Змейка, открой, — послышался голос Хаарта.

Девушка нахмурилась.

— Хаарт, сколько можно…

— Да открой же, Змейка! — Хаарт чуть не кричал, и его голос

испугал Змейку.

Но она всё же встала и открыла ему. Он ворвался внутрь, как ураган.

— Во имя Солнца, Хаарт, что случилось?

Глаза его горели яростью и ненавистью.

— Змейка. Аира.

— Что Аира?

— Аиру убили Джара и Ивор, — глухо произнёс Хаарт. — Джара спровоцировала её на драку, отвлекая, а Ивор бросил ей нож между лопаток. Из-за спины. Исподтишка. Подло. Ненавижу их! — сжал кулаки рыцарь.

Змейка округлила глаза.

— Что… что ты такое говоришь?! — выдохнула она.

— Правду! Я сам нечаянно услышал их разговор! Это из-за них Аира погибла! Они её убили, понимаешь? Да что ты так на меня смотришь, Змейка?! — Он затряс её за плечи. — Эти люди сломали наши с тобой жизни! Из-за них погибли близкие нам люди! Из-за них мы не можем быть вместе! Эти *Ангелы*, — горько усмехнулся он. — Подлые твари… Я ненавижу их…

Змейка сбросила его руки и отпрянула. Эйдан недовольно забормотал во сне.

— Я не верю тебе. Не может этого быть…

— Но это так, поверь мне, я слышал своими ушами! — воскликнул Хаарт. — Я убил бы, — яростно проговорил он, сжимая рукоять меча, висевшего на поясе, — вызвал бы их всех на битву, пусть они все встанут против меня, как они любят — подлый, нечестный бой, но мне всё равно!

— Да что ты говоришь!..

— Да дослушай меня, Змейка! Я сделал бы это… — Его глаза вдруг потухли, и он тяжело опёрся о стенку. — Но я знаю прекрасно, что Альянс должен выполнить свою задачу. Я не могу и не смогу уйти. Так что я запрячу боль и ненависть глубоко в себе и сделаю всё, что должен. Но, Змейка, милая, малыш, я прошу тебя, поддержи меня, будь в этом со мной! — Он взял её руки в свои.

Она покачала головой.

— Я не могу поверить, Хаарт, что ты никак не можешь понять, что… — Она потянула руки, но он не пустил, лишь сжал крепче.

— Змейка, ты же знаешь, что Сунор не может уйти, что бы ни случилось! Пусть это будет нашим бунтом, нашим им вызовом! Да, мы сделаем всё, что нужно для свершения миссии Ангелов, для уничтожения Книги, для мира и процветания Таэрии! Но почему мы должны страдать напрасно? Мы будем вдвоём, а когда

всё кончится, мы поженимся, как и собирались! Малыш, это ведь то, чего мы так хотели, верно? Если бы Аира была жива, она бы тоже так сказала.

— Нет, — жёстко отрезала Змейка. — Аира бы тебя осудила. И Дарвей тоже. Потому что ты рыцарь. И ты дал клятву. И ты должен её сдержать.

— Но почему, — отчаянно взмолился Хаарт, — почему я должен быть связанным узами этой глупой клятвы?!

— Потому что должен, — сурово молвила Змейка. — И потом… — Она отвела взгляд, собралась что-то сказать, но затем заставила себя вновь взглянуть ему в глаза и только тогда произнесла, негромко, но твёрдо: — Я больше не люблю тебя, Хаарт.

И она осторожно высвободила свои ладони из его внезапно ослабевших рук, тут же плетьми повисших вдоль тела.

Эйдан проснулся и заплакал.

Друиды стояли, взглядами провожая мужчину и женщину, удалявшихся к порталу, около которого их ожидали чародеи.

— Они знают об Альянсе. Это плохо? — спросил Кельдан.

Миерна покачала головой с улыбкой.

— Нет, брат. Они хорошие люди.

— Но они люди.

— Думаю, ты не забыл, что мы возложили задачу спасти целый мир на плечи девятерых людей.

— Одна из них наполовину эльф.

— А наполовину — человек, и почти всю жизнь жила среди людей. Эти двое действительно хорошие люди. Они беспокоятся о судьбе их народа и всего мира, и они искренне болеют за дело Альянса.

Аялла и Дамраф вплотную подошли к порталу, а затем, переглянувшись, обернулись и подняли руки в прощальном жесте.

Девятнадцать друидов, за спиной которых раскинулось кладбище Тадора, ответили им тем же; девятнадцать рук плавно поднялись в воздух.

А низко над руинами нависло громадное чёрное солнце, жадно лижущее воздух вокруг, словно желая пожрать всё.

— Я чувствую, я слышу, — тихо проговорил Кельдан.

— Да, — сурово подтвердила Миерна, кивая. — Мы все чувствуем это, брат. Буйство стихий закончится лишь с уничтожением Книги, а это под силу лишь Ангелам. Но мы должны сделать всё, что можем, и даже больше. Мы будем сдерживать бушующие стихии, пока Альянс не вернётся в Таэрию.

— И уничтожит Книгу.

Миерна снова кивнула.

Мы не позволим им уничтожить Книгу Стихий, нет, ни за что, никогда.

Друидка вздрогнула и взглянула на Кельдана, но тот думал о своём и явно не слышал шипящего зловещего голоса, прозвучавшего в голове Миерны. Она оглянулась на остальных друидов, но те выглядели, как обычно, и постепенно расходились по своим местам, чтобы снова создать Круг.

Миерна вскинула голову, глядя на сферу Книги, и та вдруг начала медленно поворачиваться вокруг своей оси. Холод завладел сердцем друидки, а в голове снова послышался шипящий голос — на этот раз он смеялся.

Как только Хаарт вошёл в каюту, Сунор тут же вскочила и бросилась к нему.

— Где ты так долго был, Хаарт? Как ты мог оставить меня одну?

— К тебе же пришла Сельма, по её просьбе я оставил тебя, — равнодушным голосом напомнил Хаарт, отцепляя ножны и вешая их на крючок на стене.

— Проклятая ведьма! — сжав кулачки, прошипела Сунор, снова заводясь. — Какое право она имеет манипулировать мной, экспериментировать, соваться ко мне в мысли! Подлая тварь! Да все они! Обманом заставили вступить в этот Альянс, а сами… — Она обратила взгляд на него, по привычке ожидая, что он будет защищать Ангелов, и поэтому очень удивилась, увидев, как глаза его вспыхивают недобрым огнём.

— Да, подлые твари, — процедил со злостью Хаарт. Сунор распахнула глаза от изумления. — Я узнал сегодня… это Джара и Ивор убили Аиру. Я случайно услышал их разговор, а они не стали ничего отрицать.

Девушка поражённо втянула воздух.

— Это они?… О Луна, Хаарт! Милый… — Она нежно провела пальцами по его щеке и задержала дыхание, когда он потянул к её ладони свою руку, но не сбросил, а крепко сжал. — Любимый, что же ты теперь будешь делать?

— Я ничего не могу сделать — и ты знаешь это по собственному опыту, — горько усмехнулся он, всё ещё не отпуская её руки. — Покинуть Альянс невозможно, да и я прекрасно понимаю, что дело Ангелов на самом деле важно, несмотря на то, кем эти Ангелы являются.

Сунор понимающе закивала, не отрывая взгляда от его измученного лица, и убрала вбок упавшие на его высокий лоб

прядки светлых волос.

— Я решил, я буду с Альянсом до конца, но…

Но Змейка больше не любит меня. Она отказалась быть со мной, хотя это возможно, хотя ты уже не помеха, ты не можешь убежать, что бы ни случилось.

Грудь Сунор сковало холодом, и к горлу подступил ком. Хаарт молча смотрел в пол, сжав её руку уже до боли, но она её не чувствовала.

Да, ты не можешь убежать… Как и я… Но она не захотела. Она сказала, что не любит меня, сказала так, что я даже не переспросил, не стал твердить, что не верю, — потому что я поверил. Змейка не любит меня. Змейка разлюбила меня. Вся наша великая любовь обернулась прахом. И о Солнце, как же я устал страдать и плакать по ней!

Девушка прокусила губу до крови и опустила голову.

— О Солнце, как же я устал… — вслух проговорил Хаарт и вдруг, удивлённый, мягко приподнял подбородок Сунор, заглядывая ей в лицо. По смуглой коже девушки лились слёзы. — Ты плачешь?

— Хаарт, — произнесла она, и хоть и не желала того, но голос зазвучал жалобно.

Он вытер пальцами её щёки, но из огромных чёрных глаз хлынули новые ручейки слёз. Тогда Хаарт взял обе её руки в свои, притянул её к себе и поцеловал в губы. Целовал, ругая себя и коря, целовал, чувствуя солёный привкус её слёз, как когда-то (кажется, в прошлой жизни) со Змейкой, но продолжал целовать её — наверное, впервые, с неподдельной страстью, нежностью и — благодарностью.

…А в другой каюте, сжавшись комочком на постели, Змейка тщетно старалась себя успокоить, вытирала щёки, приказывала слезам исчезнуть, но они не слушались, и она всё плакала и плакала, и обсохшие на морском ветру губы щипала солёная влага. Эйдан мирно сопел на соседней койке, а маленькая целительница продолжала плакать, сжимая в темноте свой талисман, свою святую реликвию, которую она не показывала миру, — браслет из двух переплетённых змеек.

Корабль мерно покачивало на волнах, розовые сполохи рассвета медленно растворялись в голубом небе, а солнце, казалось, с каждой минутой поднимается всё выше, и светит всё ярче, и греет всё жарче.

Но Джара стояла на палубе, и холод, которого не существовало, пронизывал её до костей. Сзади подошёл Ивор и

крепко сжал её плечи. Она перекрестила руки на груди и положила свои ладони на его.

— Я видела Хаарта с утра, — произнесла она.

— Я тоже.

Они молча подошли к бортику и принялись смотреть на блестевшую мириадами алмазов морскую гладь.

— Ты знаешь, что он не попытается покинуть Альянс.

— Я знаю, Ив. Он сам мне сказал. Он был с Сунор, и она тоже заявила, что будет продолжать эти «встречи» с Сельмой, сколько это будет нужно. При этом каждое их слово казалось острым стилетом или ядовитым дротиком. Я так устала, Ив.

— Держись, Джей. — Он вздохнул, задумчиво глядя вдаль. — Я видел и Змейку. Она ничего не сказала мне, но невозможно было не заметить, что она проплакала всю ночь.

— Она поэтому не появилась на завтраке?

— Видимо. Не хочет, чтобы кто-то увидел её в таком состоянии. Я отнёс их еду им в каюту. Я думаю… Да нет, я уверен. Хаарт рассказал ей, что услышал вчера, но она ничего не сказала и не спросила, хотя, кажется, хотела.

— Она не переменилась в отношении к тебе?

— Кажется, нет… Я не знаю. Я сам хотел начать об этом разговор, но побоялся. — Он помолчал, затем перевёл тему. — Не поверишь, но Эйдан разговаривает вполне нормально.

— Ты серьёзно? — расширила глаза Джара.

— Ну в смысле, можно наконец понять хоть что-то из того, что он говорит. Змейка уверена, что это его… хм… помрачение рассудка пройдёт.

— Я надеюсь. Просто замечательно, не находишь? — фыркнула девушка и принялась загибать пальцы. — Двое Ангелов ненавидят остальных, один выжил из ума и ничем не лучше пятилетнего ребёнка, ещё одна — семнадцатилетняя девчонка, не владеющая ни оружием, ни магией — не смотри на меня так, мне Змейка тоже нравится, но это голые факты, Ив, — итого половина Альянса не вполне дееспособна, то есть я абсолютно не понимаю, как мы будем сражаться и, тем более, как осилим мощь Книги, содержащей в себе силы Повелителей Стихий! Ах да, я ещё забыла предводительницу весёлой компании, Архангела Бестию, которая устала от всего на свете и отчаялась победить.

Закончив свою тираду, Джара бессильно опустила руки и уставилась вниз, сверля глазами доски палубы. Ивор обнял её и слегка похлопал по плечу, стараясь взбодрить.

— Джей, не раскисай. Всё у нас получится. Если ты увидела *таких* Ангелов во сне, значит, такими они и должны быть, и ни с кем другим спасти мир не получилось бы. И ты самый

замечательный Архангел из всех, которых носила земля. Ну или небо.

Джара улыбнулась.

— Вот так-то лучше, Джара, а то я тебя совсем не узнаю. Слёзы ручьями, сопли пузырями…

— Какие-такие сопли? — упёрла руки в бёдра девушка, а затем они вдвоём рассмеялись, и Джара прильнула к Ивору, сцепляя свои ладони у него за спиной. — Ох, Ив, я тебя обожаю!

— ТРЕВОГА! — истошно завопил откуда-то сверху вперёдсмотрящий.

Бестия и Грифон переглянулись и вскинули головы.

— ТРЕВОГА! ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ!

Джара и Ивор на пару смачно выругались, а затем перебежали на другую сторону палубы, откуда и увидели казавшийся на расстоянии игрушечным кораблик с чёрными парусами.

Сзади послышалась серия отборных ругательств, и из-за их спин появился Сокол. Вскоре из кают, заслышав тревогу, поднялись Аерис с Сельмой, а затем и Хаарт.

Ангелы побежали к капитану корабля, высокому крепкому мужчине с русыми волосами до плеч. Рядом с ним стоял десяток вооружённых мечами мужчин.

— Что вы собираетесь делать? — с ходу спросила Джара.

— Я ещё не принял окончательного решения, но думаю… — Но он не договорил, а уставился на море, нервно постукивая по рукояти своего меча.

— Вы собираетесь обороняться или сдаться? — уточнила Сельма. — Или попробуете уйти?

Капитан покачал головой.

— Этот корабль не быстроходный, он пассажирский и торговый. Пираты догонят нас в два счёта, даже не стоит пытаться. Раньше пираты не нападали ни на одно из суден хозяина этого корабля, поэтому у нас совсем мало воинов, способных отразить атаку.

— Мы поможем вам! — горячо произнесла Бестия. — Мы все раньше были наёмниками и отлично сражаемся! У нас есть волшебница!

Капитан удивлённо поднял брови. Сельма чуть улыбнулась, давая ему понять, о ком идёт речь.

— Да и среди пассажиров наверняка есть воины, — продолжил за Джару Тэллар. — Мы быстро соберём ополчение и заставим пиратов отправиться восвояси.

Капитан задумался.

— Не думаю, могу ли я рисковать, — произнёс он. — Если мы

сразу сдадимся, пираты заберут золото и ценные товары и оставят нас в покое. Хозяина это, конечно, огорчит, но он не разорится. И поймите, да, на корабле есть воины, но ещё больше здесь простых людей. Если мы проиграем, пираты вырежут всех.

— Они и так намерены это сделать, — вглядевшись в даль, сообщил Сокол. — Они подняли малый флаг с изображением кандалов и костей, а это, как вы знаете, значит, что они возьмут подходящих пленных для продажи в рабство, а остальных убьют.

— Как… как ты это разглядел? — поражённо спросил капитан.

Парень улыбнулся и слегка развёл руками.

— У нашего Тэллара много талантов, — хмыкнула Джара. — Ну так что, капитан? Думаю, пираты не оставили вам выбора. Либо сражаться с шансом на победу, либо умереть или быть проданным в рабство.

— Раз так… Я не собираюсь сдаваться раньше времени, — твёрдо произнёс капитан, а затем поочерёдно пожал руки каждому из них шестерых. — Меня зовут Лоуган, — представился он, и Ангелы тоже назвали ему свои имена. — Надеюсь на вашу помощь.

— Так точно, капитан, — улыбнулась Джара. — Мы сейчас же отправимся на поиски всех пассажиров, умеющих держать в руках оружие. Вот увидите, эти пираты пожалеют, что вообще заметили ваш корабль.

Капитан кивнул, а затем повернулся к своим воинам и принялся раздавать приказы.

— Ох, неужели хорошая драка, — мечтательно проговорил Тэллар, потягиваясь. — Я уже отчаялся надеяться.

Джара кинула взгляд на стремительно приближающийся силуэт корабля, сжала рукоять кинжала, и глаза её вспыхнули янтарным огнём.

Кинжал Бестии пел песнь смерти в её руках, нещадно неся гибель врагам — абсолютно лысым, без исключения, мужчинам и женщинам в одеждах из плотной чёрной кожи, вооружённым, в основном, саблями и ятаганами. Джара вертелась, как бешеная, молниеносно уходя от ударов морских разбойников, и нанося свои. Пиратов было явно больше, чем воинов, наспех собранных на корабле, но они пришли сюда за наживой, а пассажиры корабля — а теперь его защитники — бились за свои жизни и жизни тех, кто остался внизу, запершись в своих каютах. Спуск в трюм защищали капитан и его воины, чтобы не дать пиратам прорваться к спрятавшимся там пассажирам.

Пираты не ожидали такого отпора и вначале словно

растерялись от неожиданности. Но их гордость и наглая уверенность в своих силах и безграничной власти на водных просторах были ущемлены, и они ринулись на противников с удвоенной силой.

Бугай с мощным мечом (что было редкостью среди пиратов) встал напротив девушки и усмехнулся, явно полагая, что сметёт её с пути за доли секунды. Джара сверкнула улыбкой и поманила его пальцем. Он занёс меч над головой и опустил, с громким свистом рассекая воздух, но его оружие с сокрушительной мощью обрушилось на деревянные доски палубы, а Бестия, всё также сверкая белоснежными зубами, уже стояла за его спиной. Пират рванул меч как раз вовремя, чтобы не дать девушке вонзить свой верный кинжал в его спину.

Джара прыгнула в сторону, уходя от очередного удара. Огромный пират яростно взревел; шустрая противница явно выводила его из себя. На Джару обрушилась череда страшных ударов, клинок пирата так и сверкал под лучами солнца, но каждый раз рассекал лишь воздух.

Джара чуть запыхалась, но не чувствовала усталости. Кровь играла, всю её охватило радостное чувство схватки, каждая мышца была напряжена, тело было готово в любую секунду прыгать, крутиться, увёртываться от ударов, а кинжал стал продолжением руки.

Бугай с криком кинулся на неё, занося меч, а Джара кувыркнулась вбок, тут же встала и метнула кинжал. Пират развернулся как раз в тот момент, и кинжал впечатался ему промеж глаз. Он не издал ни звука, сделал ещё несколько шагов и тяжело рухнул на палубу. Джара подскочила к нему и, упершись ногой в его искореженное последней гримасой лицо, вытащила свой кинжал.

Тут же интуитивно она резко завела руку с кинжалом назад, и клинок встретил плоть. Бежавший на девушку с занесённым ятаганом пират захрипел, последними силами подался назад, освобождаясь от кинжала, впившегося в его солнечное сплетение, и упал.

Джара провела рукой по вспотевшему лбу и бросилась на новых врагов. Невдалеке она заметила Аерис, принявшую ближний бой, что можно было увидеть крайне редко. Полуэльфка оставила свой неизменный лук и теперь ловко орудовала длинным узким клинком без гарды, что делало рукоять плавным продолжением лезвия. Джара про себя удивилась, что это за клинок и откуда он у Эльфийки, которая обычно, если дело доходило до ближнего боя, использовала короткий меч.

Сразу двое пиратов набросились на Джару, но та успела

пригнуться, и их сабли со звоном столкнулись друг с другом. Джара, опершись на руки, выкинула вперёд сильные ноги, так что оба пирата получили по ощутимому удару в пах. Они взвыли от боли, слегка согнулись и отступили назад. Бестия хмыкнула, крутанулась и с разворота ударила одного ногой по голове, совершила ещё один поворот, оказываясь прямо около второго и полоснула его кинжалом по горлу. Хлынула кровь, и Джара отскочила вбок, чтобы не запачкаться.

Получив несколько свободных секунд, девушка огляделась в поисках своих друзей. Тэллар и Ивор бились рядом, плечом к плечу, вначале и она сама была около них, но затем битва разлучила их. Аерис уже пропала из поля зрения, зато на другом конце палубы можно было различить фигурку Сельмы, так и шпарящей пиратов боевыми заклинаниями. Хаарта не было нигде видно. Капитан со своими воинами держались хорошо.

Джара боковым зрением заметила приближение врага и резко развернулась, готовая к атаке и защите. На неё надвигалась высокая лысая пиратка с уродливым шрамом через всё лицо. В каждой руке у неё было по мечу без гарды, похожему на тот, которым орудовала Аерис. Пиратка победно ухмылялась, видимо, не видя большой опасности от девушки, вооружённой кинжалом.

Её клинки так и замелькали, стараясь достать Джару, а та завертелась, как бешеная, стараясь успеть встретить своим кинжалом и первый, и второй меч. Однако уже после нескольких атак пиратки левое плечо Джары было рассечено поверхностной, но сильно кровоточащей царапиной. Бестия ощутила прилив ярости, но кидаться на два длинных клинка было бы безумием, и она принялась медленно отступать, вкладывая всё своё умение и быстроту, чтобы избежать ударов пиратки.

Верхняя часть левого рукава уже вся пропиталась кровью, а пиратке удалось ещё раз задеть Джару, когда та недостаточно быстро ушла от её удара. Кровь хлынула из правого бедра, и Джара зашипела. С обезображенного лица пиратки не сползала усмешка, но она, кажется, была удивлена, что её противница держится так долго.

Пиратка пошла в новую атаку, рука Джары замелькала, встречая удары пары вражьих мечей. Тут лысая воительница задумала хитрый трюк, она вложила всю силу в новый удар и обоими клинками выбила кинжал из рук девушки. Тот полетел за борт.

Джара осталась безоружной, клинки пиратки сверкнули на солнце. Бестия мощно оттолкнулась и ушла назад в гибком прыжке. Её ум лихорадочно соображал. Она попыталась призвать на помощь друидскую магию, но у неё не вышло ровным счётом

ничего.

Пиратка накинулась на неё, Джара завертелась, уходя от ударов, и вдруг поскользнулась на кровавой луже и грохнулась на палубу. Пиратка рубанула мечами, но Бестии удалось в последний момент увернуться от них. Уходя от смерти, она наткнулась на труп одного из защитников корабля. Рука нашла рукоять меча, и Джара ещё лёжа отразила новую атаку пиратки. Затем она вскочила на ноги и улыбнулась своей противнице. В глазах той разгоралось бешенство.

Джара ощутила новый прилив сил и пошла в атаку сама, осыпав пиратку градом метких ударов. Теперь уже той пришлось встать в роль обороняющейся. Меч в руках Бестии двигался подобно молнии. Взбешённая пиратка плюнула на всё и, кое-как отразив ещё один удар Джары, попыталась сама достать её, но ошиблась и раскрылась, и меч вошёл в её грудь. Рот пиратки округлился, она вскрикнула, Джара вырвала меч, она крикнула ещё раз, упала на колени и затем рухнула лицом вниз.

Джара посмотрела на меч в своих руках, отбросила его, наклонилась и взяла клинки поверженной пиратки.

Впереди пират выбил оружие из рук мужчины, сражавшегося с ним, и перерезал ему горло. Теперь ближайшим к нему врагом оказалась Джара. Он метнул взгляд на неё, на поверженную лысую женщину и на её клинки в руках Бестии, яростно взревел и бросился в атаку.

Джара скрестила руки с настороженно поднятыми мечами, а затем ловко закрутила ими в воздухе. Левая рука сначала слушалась не очень, но постепенно тело вспомнило все тренировки.

Когда-то в Академии Джара отточила до совершенства мастерство владением почти всем оружием, и бой двумя мечами был среди них. Она научилась сражаться левой рукой так же хорошо, как и правой, и научилась первоклассно сражаться с оружием в каждой из них. Но потом, выпустившись из Академии, Джара избрала кинжал своим любимым оружием. Небольшой, компактный, точный и смертоносный. А тот, что теперь лежал на дне моря, был подарком Ивора.

Пират в нерешительности остановился, глядя на смертоносную мельницу из клинков, но Бестия не оставила ему выбора, сама приблизившись к нему, и ему пришлось защищаться от бешеного града ударов.

Внутри Джары поднялось странное чувство, будто она обрела что-то давно потерянное. Два красивых искусных клинка (в чём, в чём, а уж в холодном оружии Джара разбиралась) стали теперь смертоносным продолжением её рук. Правым мечом Джара

ударила сверху, заставив пирата поднять и свой меч, защищая шею, а левый тут же вонзила в живот. Джара выдернула клинок и пинком оттолкнула умирающего пирата, освобождая себе проход.

На ходу она вновь завертела мечами.

— Ох-хо, наша Бестия разошлась! — услышала она неизвестно откуда взявшегося Тэллара, но в голосе его сквозило плохо скрываемое восхищение.

Джара усмехнулась, повернувшись к нему. Он как раз вытаскивал свой меч из груди очередного пирата, когда послышались отчаянные крики. Джара и Тэллар обернулись на крики как раз, чтобы увидеть пирата, поворачивающего саблю в теле капитана. Лоуган рухнул на спину, соскользнув с клинка своего убийцы. Другие пираты методично прирезали оставшихся воинов, защищавших спуск в трюм.

Бестия с Соколом бросились в их сторону, но тут на их пути встало несколько пиратов, и им пришлось прорубаться сквозь них. Откуда-то сверху на тех пиратов, что собирались спуститься к каютам, прыгнула Аерис. Её клинок так и завертелся, но несколько морских бандитов прорвались, а саму полуэльфку вскоре оттеснили к борту.

Покончив с мешавшими им пиратами, Джара и Тэллар побежали к своей цели, но тут их отбросило звуковой волной в сторону и пронесло по палубе. Уши заложило, и двое Ангелов, кое-как поднявшись на ноги, зашатались, полностью глухие и потерянные. Через несколько секунд слух вернулся к ним.

— Что за чертовщина?! — Тэллар тряхнул головой.

— Похоже, у пиратов собственный маг, — со злостью сказала Джара, кивая в сторону худой девушки в коротком чёрном платье и высоких сапогах, также с обритой головой. А позади неё двое пиратов держали тщетно сопротивляющуюся Сельму. У неё были связаны руки, рот заткнут кляпом, а на глазах — повязка. Видимо, пираты прекрасно знали, как нейтрализовать волшебницу, что, впрочем, было неудивительно, раз у них была своя.

— Вот чёрт! — в сердцах воскликнул Тэллар.

Джара беспокойно огляделась. Пиратов, конечно, заметно поубавилось, но защитников корабля почти не осталось. Вся палуба была завалена трупами и залита кровью. Волшебница пиратов запульнула в Сокола с Бестией молнией, но Тэллар успел среагировать и отпрыгнул, обхватив Джару, и они упали, больно ударившись, на небольшом расстоянии от места, в которое ударила молния.

— Где Ив? — охваченная беспокойством, спросила Джара. Они с Тэлларом вскочили и побежали к спуску в трюм, прячась за

кладью товаров. — И Хаарта не видно… Чёрт, а куда пропала Эльфийка?

— Давай быстрей вниз, — сказал ей Сокол. — Змейка с Эйданом и Сунор абсолютно беззащитны.

— Змейку и Сунор не тронут, — откликнулась Джара. — Пираты пришли за рабами, и двух красивых девушек не упустят.

— Представляю, сколько они смогут выручить за Сунор, — хмыкнул Тэллар.

— А вот Эйдана они прикончат тут же, — мрачно произнесла девушка.

Тут в громаду сложенных товаров с другой стороны ударило заклинание, и Сокол с Бестией еле успели отпрыгнуть, чтобы не оказаться погребёнными под тюками, коробками и мешками.

Дверь задрожала, сотрясаемая ударами, поддалась и распахнулась. В каюту ввалились два пирата, и Сунор, побледнев, отступила к стенке. Пираты загоготали, осматривая девушку с ног до головы.

— Ого, ты погляди-ка, какая, — отвратительно ухмыльнувшись, сказал первый.

Второй только хмыкнул, соглашаясь с ним, и шагнул к Сунор. Она вжалась в стенку и выставила вперёд кинжал, оставленный ей Хаартом.

— Не подходи, мразь, — процедила она сквозь сжатые зубы, чтобы не выдать их дрожь.

Пираты переглянулись и захохотали.

— Что же ты сделаешь, киска? — всё ещё ухмыляясь, спросил первый, а второй подошёл ещё ближе, нагло рассматривая её, и вдруг сделал резкое движение, обхватив девушку за запястье. Сунор вскрикнула от боли, попыталась удержать кинжал, но пират выворачивал ей руку, и она разжала пальцы.

Пират усмехнулся, ногой пнул кинжал в сторону и, всё ещё не выпуская руки Сунор, подошёл к ней вплотную, так что она ощутила его горячее и смрадное дыхание.

Первый пират выглянул в коридор, откуда раздавались крики и шум битвы, затем закрыл дверь в каюту, и звуки стихли. Он хотел запереть её, но они сами сломали замок, когда ворвались сюда, так что он придвинул к двери стул и сел на него.

— Давай побыстрее, ты. Потом я, — бросил он своему напарнику. Тот кивнул ему, потом опять повернулся к Сунор и прижал её своим телом к стене.

Девушка заплакала и задёргалась, но ничего не могла поделать.

— Хаарт! — выкрикнула она в отчаянии. — Хаарт! Помоги!

Помогите, кто-нибудь!

Пираты только засмеялись, а тот, что прижимал её, принялся возиться со шнуровкой её костюма. Та наконец поддалась, и он стал торопливо развязывать её одной рукой, а другой лапать Сунор за грудь.

— Тварь, подонок, отпусти меня! — вопила Сунор, а по лицу струились слёзы отчаяния и ужаса. В его лысой голове, которая была избавлена от интеллекта, также как и от волос, она ясно читала похотливые мысли и намерения.

Пират грязно выругался, явно потеряв терпение возиться со сложной системой застёжек и шнурков цельного костюма Сунор. Всё ещё не давая ей возможности шевельнуться, он повернулся к напарнику.

— Дай нож, я разрежу этот чёртов костюм.

Сунор с яростью и ненавистью засверлила глазами его лысый затылок. "Чтоб ты сдох, ублюдок, мразь! Чтоб ты сдох!"

Пират уже принял нож из рук приятеля, но вдруг отшатнулся от Сунор и рухнул на колени, схватившись за голову и истошно вопя. Другой пират, ничего не понимая, вскочил со стула и застыл на месте, переводя взгляд с вопящего напарника на злорадно ухмыляющуюся девушку, натягивающую обратно верх своего костюма, но не сводящую при этом горящего взгляда с пирата.

Не совсем осознавая, что делает, но тем не менее получая от этого огромное удовольствие, Сунор приказала своему несостоявшемуся насильнику перерезать себе горло ножом, зажатым в его руке. Тот сопротивлялся, как мог, но его собственная рука неумолимо приближалась к шее. Первый пират застыл, не в силах пошевелиться от страха. Сопротивление второго наконец сломалось, и он чиркнул лезвием по шее. Брызнула кровь, и первый пират оказался забрызган ей с ног до головы.

Сунор перевела взгляд на него, и он наконец вышел из оцепенения и заорал.

— Проклятая ведьма! — выкрикнул он, развернулся, отбросил стул, но его рука замерла на полпути к ручке, и он принялся с неистовой силой биться о дверь, пока не упал замертво на тело своего напарника, до сих пор брызжущего кровью.

Сунор, всё ещё во власти охватившего её транса, подняла кинжал Хаарта, перешагнула через трупы и вышла в коридор.

Змейка сидела на кровати Эйдана, обняв его и содрогаясь каждый раз, как дверь сотрясал очередной удар снаружи. Змейка

пододвинула свою койку к самой двери, поставив тем самым для пиратов препятствие, но это был лишь способ оттянуть время. Они всё равно скоро ворвутся… Что же с Ангелами? Что с Хаартом?… Если пираты прорвались вниз, значит… защитники корабля погибли?…

По щеке покатилась очередная слеза, и тут случилось то, чего Змейка никак не ожидала. Эйдан посмотрел на неё с нежностью и вытер слёзы с её щёк, а затем сказал:

— Не бойся.

— Эйдан? — Змейка смотрела на него с удивлением. Кровать скрипела и скользила по полу каюты, постепенно отъезжая от двери.

— Не бойся, — повторил он.

Тут новый удар сорвал дверь с петель, и она повалилась на койку. В проёме показались ухмыляющиеся пираты, и первый из них полез внутрь. Змейка слабо вскрикнула и прижала к себе Эйдана, но он вырвался и встал с койки.

— Эйдан! — вскрикнула она и вскочила, но Эйдан мягко оттолкнул её обратно к койке.

— Ха, смотрите, калека, однорукий, — загоготал пират, оборачиваясь к приятелям. Те дружно загоготали в ответ и тоже собрались лезть в каюту, но, видимо, потом решили, что в маленькой комнатушке им будет тесно. Один из них ухватился за край койки и попытался сдвинуть её с прохода.

— А вон девка ничего будет, — сказал один из них. — Можно будет хорошо продать.

— Давай, Дик, кончай калеку и забирай девку! — сказал другой.

Пират, названный Диком, кивнул, хмыкнул, окинув взглядом напуганную Змейку и вытащил кинжал, делая шаг к храбро загородившему девушку Эйдану.

Эйдан вскинул свою единственную руку, и с неё сорвалось пламя.

Сельма почувствовала, что рядом с ней, лежавшей связанной на корме, кинули ещё кого-то.

— Чародейка? Ты как? — услышала она голос Аерис и промычала что-то в ответ.

Эльфийка, тоже связанная по рукам и ногам, горько усмехнулась, глядя на кляп во рту Сельмы и завязанные глаза. Аерис осторожно огляделась. Пираты связывали девушек и молодых мужчин, оставшихся в живых, чтобы потом продать в рабство, а остальных убивали. На тех, кого они уже связали и бросили в общую кучу, они обращали мало внимания.

Аерис потянулась к Сельме, вцепилась зубами в её кляп, потянула, вытащила и выплюнула в сторону. Чародейка начала откашливаться и отплёвываться.

— Потише ты, — шепнула ей полуэльфка.

Сельма кивнула.

— Спасибо. Что делать? Ты видела ребят?

— Джара сражалась, как безумная, потом они дрались с Тэлларом плечом к плечу, а затем я потеряла их из виду, кажется, им удалось спуститься вниз. Ивор тоже затерялся где-то, а Хаарт…

— Убит? — прошептала Сельма, чувствуя, как в один миг холодеет в груди.

— Я не знаю. Возможно, просто ранен… Чародейка, что нам делать? Можешь прочитать заклинание?

Сельма покачала головой.

— Мне нужно видеть.

— Можешь повернуть голову? Я попробую развязать повязку…

— И руки должны быть свободны, Аерис.

— Неужели нельзя просто сказать слова и…

— Нет, Аерис, не того я уровня волшебница, — горько ответила Сельма.

— Но нас всех увезут на пиратском корабле, а если кто-то из ребят будет сопротивляться, их убьют! Эйдана точно прикончат, он калека и сумасшедший, он им не нужен! Проклятье, какого чёрта взялись эти пираты! Что же будет с Альянсом? С Книгой?

Сельма ничего не видела, но по голосу Эльфийки можно было понять, что на её обычно невозмутимом и бесстрастном лице написано отчаяние.

Ещё раз. Ещё раз его спутников убивают, а он остаётся жив.

Тело мёртвого мужчины придавило раненного Хаарта к палубе, так что он не мог пошевелиться. Мимо прошло несколько пиратов, и они, конечно, не поняли, что Хаарт жив. Рыцарь стиснул зубы от боли и постарался сбросить с себя труп, но тот не поддался. Но Хаарт не сдавался, пытался ещё и ещё и наконец скинул тяжёлое тело со своей спины.

Он осторожно поднял голову и огляделся, как мог. Пираты сновали по кораблю, творя своё чёрное дело: искали не сильно раненных парней и девушек и связывали их. Они никого не переносили и товары не перетаскивали на свой корабль, скорее всего, они решили забрать судно. А значит, они скоро начнут скидывать трупы за борт…

Никто вроде бы не смотрел в его сторону, и Хаарт осторожно

пополз.

Ему нужно найти Змейку. Жива ли она? Скорее всего, пираты оставили её в живых. Только бы она была жива… Но что он будет делать, когда найдёт её? Рана слишком ослабила его, он даже не сможет защитить их… Им некуда бежать…

— Эй, этот живой! — раздался сзади голос, и сердце Хаарта ухнуло в пропасть.

Пират схватил его за волосы и грубо поднял. Второй обошёл и присел на корточки.

— Переверни-ка его на спину.

— Как его рана?

— Кора справится, я думаю. Он сильный. Можно будет продать в каменоломни. Давай вяжи его.

— Он весь кровью истекает.

— Да-а… Наверное, нужно перевязать его, а то пока мы тут закончим, он дух испустит.

— Может, спросишь Кору, она займётся им сейчас? За него много дадут.

— Ладно, я пойду найду её, а ты посторожи его.

— Да куда он денется, он встать-то не сможет.

— Всё равно не уходи никуда.

— Ладно, ладно, — буркнул пират, и его приятель отправился на поиски какой-то Коры.

Хаарт с ужасом понял, что медленно теряет сознание. Или это его покидает жизнь?

— Ах, проклятье! — вдруг произнёс его стражник.

И тут же по палубе пронеслись крики и возгласы. Пират, сторживший Хаарта, оставил его и куда-то побежал. Хаарт хотел поднять голову и посмотреть, но у него не хватило сил даже на то, чтобы попытаться различить крики и что-нибудь понять из них. Глаза заволокло пеленой, и рыцарь провалился в небытие.

Джара и Тэллар, прорвавшись вниз, наткнулись на толпу пиратов, сновавших по каютам. Завидев двоих упорных защитников корабля, пираты оставили своих жертв и попёрли на Сокола с Бестией.

Джару теснили к стене трое пиратов, а за её спиной отчаянно сражался тоже сразу с несколькими противниками Тэллар, когда девушка вдруг увидела, как в конце коридора кают полыхнуло пламя, охватывая пиратов, стоявших у последней каюты (которую занимали Змейка с Эйданом). И почти в тот же момент дверь другой каюты, ближе к Джаре, распахнулась, и в коридор вышла Сунор с кинжалом в руке.

Джара отвлеклась и поплатилась за это: один пират задел её

по щеке кончиком своего клинка, Джара еле успела отвести его удар, чтобы царапина не оказалась раной. Другой попытался ткнуть её в живот, но она вовремя закрылась и еле успела отскочить, чтобы не оказаться с рассечённой грудью. Тэллар сзади виртуозно ругался и дрался, а Сунор впереди, за спинами атаковавших Джару пиратов, степенно шагала, упокоив кинжал на груди, словно священный крест.

И тут трое пиратов, с которыми сражалась Бестия, как один бросили свои сабли и развернулись лицом к Сунор, опустив руки вдоль тела. Та подошла к ним и без слов перерезала каждому по очереди глотку.

Джара решила, что подумает об этом потом, и занялась врагами Сокола. Но едва она ощутила, как сзади, переступив через истекающие кровью тела, подошла Сунор, пираты тут же, один за другим, вонзили свои клинки себе в животы.

Тэллар обернулся и громко выругался, увидев позади Сунор с диким, каким-то не своим взглядом.

Запах горящей плоти ударил в ноздри, и Джара поняла, что в коридоре до сих пор раздаются крики охваченных пламенем пиратов. Уже абсолютно ничего не понимая, Бестия бросила Тэллару присмотреть за Сунор и заодно проверить остальные каюты, а сама побежала в конец коридора.

К этому времени пираты, посягавшие на Змейку и Эйдана, уже испустили дух и валялись теперь обугленные на полу. Джара сморщилась и перешагнула трупы. Она заглянула в каюту и не поверила своим глазам.

Одна из двух коек стояла поперек прохода, через неё перевалилась сорванная с петель дверь, у стены валялся ещё один обугленный труп пирата, а на второй койке сидела потрясённая, побледневшая Змейка и рядом с ней Эйдан, с умиротворённым лицом гладивший её по волосам.

— Змейка? — позвала Джара и перелезла через койку, загородившую проход.

Змейка подняла голову.

— Джара! — слабо улыбнулась она. — Ты жива!

— Как ты? — спросила у неё Джара, подходя ближе и косясь на Эйдана.

— Хорошо, — кивнула та. — Джара, Эйдан спас меня.

— Эйдан? — выдохнула Бестия, хотя, конечно, она уже давно это поняла, просто отказывалась верить самой себе. Может, Эйдан и спятил, но он был магом, и магом и остался.

— Да. Это сделал он, — повела рукой Змейка. — Он спас меня.

Эйдан блаженно улыбнулся, глядя на неё.

— Я сказал, не бойся, — произнёс он.

Джара потрясла головой, опасаясь, как бы у неё самой крыша не поехала после сегодняшнего. Затем она выглянула в коридор. Там заметно прибавилось трупов пиратов, но Тэллара и Сунор не было.

— Сидите тут, — сказала она. — Я пойду наверх.

— Джара… все живы? — тихо спросила Змейка.

— Да, конечно, — не моргнув глазом, ответила Джара, хотя и понятия не имела, что стряслось с остальными Ангелами, — просто ситуация слегка вышла из-под нашего контроля. Но мы сейчас всё исправим. Может, лучше перейдёте в нашу каюту? — добавила она и отдала Змейке ключ. — Не думаю, что здесь приятно сидеть.

— Ты права. Джара, будь осторожна.

— Не волнуйся, Змейка, — улыбнулась наёмница и глянула на Эйдана, будто ожидала, что он тоже напутствует её, но тот молчал, всё также не отрывая взгляда от Змейки и водя своей единственной рукой по её волосам.

Джара покинула их и побежала наверх. Напуганные пассажиры корабля, видимо, спасённые Тэлларом и Сунор (кто бы мог подумать, усмехнулась про себя Джара), выкинули в коридор тела пиратов и заперли двери кают.

Бестия поднялась на палубу. Там вовсю кипела схватка. Тэллар и Сунор прорвались к связанным и освободили их. Теперь Сельма и пиратская чародейка бешено обменивались боевыми заклинаниями, Тэллар и Аерис вместе с другими защитниками корабля яро атаковали растерянных пиратов. Нигде не было видно ни Сунор (впрочем, за неё Джара ничуть не волновалась, не пропадёт), ни Хаарта, ни, самое страшное, Ивора. Сердце девушки заколотилось, когда она представила, что Грифон ранен или… Нет, нельзя об этом думать! Нужно помочь отбиться от пиратов, а затем отыскать Ивора. Всё будет хорошо, они ведь Ангелы, они не имеют права умирать и проигрывать…

Джара завертела своим трофеем, двумя великолепными мечами, и бросилась на ближайшего пирата. Тот не выдержал и минуты её бешеного напора, и Джара, оставив его умирать от двойной раны на груди, напала на следующего противника. Повсюду лежали груды тел, как пиратов, так и защитников; переступая их, спотыкаясь о них, обходя их или наступая на них, сражались оставшиеся в живых, но она нигде, ни среди тех, ни среди других — нигде не видела Ивора.

Как Джара ни отгоняла от себя мрачные мысли, ей в голову всё равно пришла самая страшная картина, которую она только могла себе представить в наиболее тяжёлые, чёрные периоды

своей жизни: картина Ивора, мёртвого Ивора, лежащего в луже собственной крови, глаза устремлены в небо, из полураскрытых губ течёт алая струйка, в остывших, но так и не разжатых пальцах — его неизменный меч, ответный подарок Джары на кинжал… И хотя Бестия отчаянно не желала верить в его смерть, она уже, сама того не сознавая, заранее мстила пиратам, виновным в том, чего, как она себя уверяла, не случилось.

Попавшегося ей пирата она буквально искромсала на кусочки. Два клинка в её руках пели оду смерти, Джара дралась, забыв о защите и осторожности, но тогда её словно охранял ангел, ангел с чёрными крыльями…

По всей палубе пронёсся нечеловеческий вопль. Срубив своему противнику голову, Джара повернулась в направлении крика и подняла вверх один из мечей, поздравляя уставшую, но гордую Сельму с победой.

Затем Джара вновь с головой ушла в безжалостное истребление пиратов.

Второй натиск защитников они уже не выдержали, тем более в самом начале пираты едва коллективно не наложили в штаны от страха, когда на палубу поднялась невыносимо прекрасная Сунор с развевающимися на ветру чёрными, как вороново крыло, волосами и глазами, горящими пламенем из неведомых глубин, и одним взглядом этих глаз повалила на колени группу пиратов, вставших на её с Соколом пути. Потом Сунор отправилась на поиски Хаарта и, найдя его, раненного, истекающего кровью, потерявшего сознание, тут же забыла напрочь о всех пиратах на свете. Но уже сыгранной ею роли в этой битве было достаточно. Когда же Сельма убила Кору, чародейку и по совместительству предводительницу пиратов, те и вовсе растеряли весь пыл и боевой дух. Но они не сдались — пираты дерутся до победы или до смерти, таков их неписаный закон. Поэтому битва на корабле окончилась лишь тогда, когда в живых не осталось ни одного морского разбойника.

Вся палуба была забита трупами и залита кровью, так что не осталось ни единого свободного места. Рядом покачивалось пустое, словно корабль-призрак, пиратское судно. Победители, залитые своей и чужой кровью, принялись обниматься и поздравлять друг друга.

Но Джаре, Тэллару, Сельме и Аерис было совсем не до радости, веселья и поздравлений. Они не переглянулись, не перемолвились ни единым словом и даже не подошли друг к другу — ведь битва раскидала их по разным частям корабля. Но они все чувствовали и думали одно и то же. С тяжёлым сердцем друзья зарыскали среди тел умерших и умирающих, полные

отчаянным желанием найти Ивора и, с другой стороны, безумной надеждой, что среди окровавленных тел его нет.

Хаарт был ужасно тяжёлым, и Сунор казалось, что она тащила его на себе вечность, хоть это и заняло не больше пятнадцати-двадцати минут. Хаарт оставлял за собой кровавый след и не подавал никаких признаков жизни. Сердце Сунор стучало, как безумное, от нагрузки и страха. Самым тяжёлым было спустить его по лестнице вниз, затем дело пошло легче, хоть трупы на пути мешались под ногами и задерживали. А дорога была каждая минута. Наверху всё ещё шла схватка, но Сунор не было до неё дела. Сейчас самое главное — спасти жизнь Хаарта, остальное не важно.

Сунор похолодела, когда наконец добралась до каюты в конце коридора. Она была пуста, если не считать обгоревших трупов. Девушка взглянула на неподвижного Хаарта.

— Ну и где твоя Змейка? — спросила она, хотя, конечно, он не мог ей ответить. На глаза готовы были навернуться слёзы, но она сдержала их.

Где же эта Гадюка, чёрт её побери! То вечно глаза мозолит, то теперь нет её, когда она так нужна!.. У Сунор уже не осталось сил тащить Хаарта, она села около него и только тут поняла, насколько же вымоталась. Перед глазами стало темнеть, а коридор кают завертелся перед глазами калейдоскопом дверей и трупов. Нет, нет, нельзя ей терять сознание! Ещё неизвестно, чем закончится битва наверху… Змейка, ну где же ты?! Змейка!

Сунор, сама не понимая того, опустилась на пол рядом с Хаартом. Сидеть у неё сил не было, ей мучительно необходимо было положить потяжелевшую голову, и она положила её на его окровавленную грудь, продолжая призывать Змейку.

Эйдан спал, как ни в чём не бывало, на кровати Джары, а Змейка сидела на соседней, когда всё её существо пронзил зов. Её звали, и звали не голосом, а мыслью, Змейка знала это так же точно, как то, что солнце светит днём, а луна ночью. Девушка поднялась и прислушалась. Звуки битвы доносились сверху, но в самом коридоре было тихо. Змейка кинула взгляд на Эйдана — он мирно сопел во сне — и вышла.

Вначале она ничего не заметила. Коридор, как и раньше, был заполнен трупами, но затем она увидела, что около её каюты среди обугленных тел пиратов, убитых Эйданом, лежат два человека.

Хаарт и Сунор.

Змейка слабо вскрикнула и бросилась к ним. Они оба были

без сознания, но Сунор цела и невредима, хоть и вся забрызгана кровью, а вот Хаарт серьёзно ранен. Змейка оттащила Сунор в сторону, та что-то забормотала, но не очнулась. Затем Змейка просунула свои руки под руки Хаарта, обхватила его за грудь и потащила. "Какой же он тяжёлый", — подумалось ей. Под ладонью Змейки слабо билось сердце рыцаря.

"Держись, Хаарт, держись, пожалуйста, — мысленно обратилась она к нему. — Солнце, не дай ему умереть, прошу тебя!"

Когда она наконец втащила его в комнату Джары и Сельмы, Эйдан проснулся и уставился на окровавленного и неподвижного Хаарта в руках Змейки.

— Харт, — произнёс он взволнованно. «Р» он уже хорошо выговаривал, но всё ещё не мог освоить этот звук, двойную гласную в имени Хаарта.

— Я вылечу его, — сказала ему Змейка и положила Хаарта на пол. — Дай мне мою сумку, Эйдан.

Тот выполнил просьбу и с беспокойством и нетерпением заёрзал на кровати, наблюдая за Змейкой.

— Его нигде нет, — тихо сказала Аерис.

— Нет! — рявкнула в ответ на это Джара. — Мы просто плохо посмотрели! Он точно где-то здесь, наверное, его завалило грудой тел, а он ранен и не может выбраться! Надо ещё раз всё посмотреть…

— Джара, мы всё осмотрели, и ты это знаешь, — спокойно сказала ей Сельма, но в глазах Чародейки стояли слёзы.

Тэллар стоял чуть поодаль и молчал.

— Нет! — опять выкрикнула девушка. — Надо ещё раз…

— Если его здесь нет, значит, он там, — ещё тише проговорила Эльфийка, указывая взглядом на море, спокойное и абсолютно безучастное к людским переживаниям, равнодушно принимающее их, живых или мёртвых, в своё необъятное лоно.

— Если он там, я прыгну в воду и буду нырять, пока не найду его! — заявила Джара, шагая к борту.

— Бестия, успокойся! — чуть повысила голос Сельма, удерживая её за руку.

Джара яростно дёрнула рукой.

— Что ты предлагаешь, Чародейка?! Спокойненько сесть и сидеть или, может, пойти веселиться вместе с ними? — спросила она, сама не замечая того, что начала плакать.

— Да тихо вы, — произнёс вдруг Тэллар, глядя куда-то в сторону, таким странным голосом, что Джара осеклась и замолкла.

Тэллар прошёл в направлении своего взгляда, опустился на корточки и вытащил из-под груды тел окровавленный меч.

Горло Джары сдавил ком. Она прекрасно знала этот меч, она сама заказывала его лучшему гиритскому кузнецу. Меч был идеально сбалансирован, лезвие было сделано из особого сплава стали, открытого танредорскими кудесниками, а рукоять украшало изображение грифона.

Джара кинулась к груде трупов, но Тэллар мягко остановил её. Все четверо знали, что Ивора нет среди этих тел, как нет и среди других на корабле. Джара неверящим, затуманенным взглядом уставилась на меч в руках Тэллара.

— Я уверен, этот меч забрал много жизней, прежде чем покинул руку хозяина, — проговорил Сокол, обратив невидящий взгляд на морскую гладь.

Джара подняла на него глаза, полные слёз, а затем шагнула в его объятия и разрыдалась у него на груди. Сельма и Аерис подошли к ним, и четверо друзей слились воедино в своём безутешном горе, которое, хоть они и делили его одно на четверых, всё равно было слишком, слишком тяжело.

Мёртвых сбросили за борт, палубу кое-как отчистили от крови. Многие из уцелевших отправились на пиратский корабль поискать что-нибудь ценное. Что ж, это было их законное право.

Никто из Ангелов не последовал за ними.

Джара, Аерис, Сельма и Тэллар не стали спускаться вниз. Они прошли к носу корабля и сидели там, в молчании глядя на море. День клонился к концу, и алое око солнца окрашивало небо и воду в цвета золота и крови.

— Извините, — раздался смущённый голос сзади.

Сельма нехотя обернулась; остальные даже не шелохнулись. К ним подошло несколько парней и девушек. Их раны были кое-как перевязаны, а самодельные повязки уже намокли и покраснели от крови. Они все были слегка смущены, потому что решились подойти и вторгнуться в их крохотный мирок, отгороженный стеной невидимой, но сильно ощущаемой любым, кто только бы взглянул на них. Парень, заговоривший с ними, стоял впереди остальных и протягивал Сельме какой-то мешочек.

— Мы были на пиратском корабле и подумали… пожалуй, это теперь принадлежит вам по праву.

Сельма нахмурилась, а он раскрыл мешочек, чтобы она увидела крупные драгоценные камни и удивительные украшения из золота и серебра, также инкрустированные всевозможными каменьями. Сельма очень грустно улыбнулась и кивнула. Если бы эти сокровища могли вернуть Ивора! Она, как и любой другой из

них, отдала бы всё, что угодно, лишь бы снова видеть его сильную фигуру, добрые глаза, крепкие пальцы, сжимающие рукоять меча, слышать низкий, приятный, такой родной голос. Но это было невозможно.

Парень, видя, что она не собирается брать мешочек, положил его у её ног.

— Мы бы без вас не справились, — сказала одна из девушек.

— Да, — кивнула вторая. — Это тоже вам.

И две девушки шагнули к ним и положили у их ног удивительной красоты оружие: два одинаковых меча, которые были идеально сбалансированы для одновременного использования; узкий, острый настолько, что, казалось, разрежет что угодно, клинок без поперечины; более тяжёлый, но такой же искусно сработанный меч с посеребренной рукоятью и украшением из камней в виде птичьего глаза на эфесе; а ещё длинный, мастерский лук, какого Сельма не видела никогда в жизни.

— Вы потеряли друга, — произнёс парень. — Мы тоже потеряли двоих друзей и понимаем и сочувствуем вашему горю.

После этих слов Бестия, Сокол и Эльфийка тоже повернулись к ним.

— Тогда вы наверное понимаете, что никакие сокровища не утешат нас сейчас, — горько сказала Джара.

— Но спасибо всё равно, — кивнула им Сельма.

— Мы подошли ещё спросить… Никто из вас не умеет управлять кораблём? Вся команда погибла, капитан тоже. Из нас никто не умеет. А нам ведь нужно продолжать путь…

Сельма устало кивнула.

— Мы умеем.

— Хорошо. Мы все готовы работать, только говорите, что нужно делать.

— Да, конечно. Оставьте пока нас, мы скоро подойдём и объясним, — сказала Чародейка, и те согласно кивнули и ушли.

— К чему теперь нам плыть на Поднебесье? — спросила Джара. — Всё кончено, раз Ива больше нет. Без одного Ангела Альянс не Альянс. Нет смысла что-то продолжать. Я хочу… не знаю, что я хочу. Я хочу в такое место, где я буду одна, совсем одна, без никого. Чтобы я могла оплакать Ива и забыться.

— Тебе не одной больно, Бестия, — подняв на неё тяжёлый взгляд, молвил Тэллар.

Джара на это не ответила.

— Мы всё равно будем делать то, что должны, — возразила ей Аерис. — Нам придётся. Мы не имеем права сдаваться.

— Я считала так раньше, — повышая голос, ответила

Джара, — я тоже думала, что ни один из Ангелов не имеет права умереть, что мы никто не вправе проиграть ни одну битву, пока не выиграем свою войну! Но Ив погиб, и всё это теперь не имеет смысла, и я не хочу спасать мир.

— Никто не спрашивает тебя, хочешь ли ты его спасать, — угрюмо произнесла полуэльфка. Джара вскинула на неё взгляд, полный негодования, но Аерис не дала ей сказать, проговорив: — И Тэллар прав, тебе не одной больно. Не только тебе Ивор был другом.

Джара резко отвернулась.

— Аерис права, — сказала ей Сельма. — Мы поплывём на Поднебесье, найдём эти предметы и вернёмся в Таэрию. Мы сделаем всё, что в наших силах, и будем бороться, пока не уничтожим Книгу, либо пока она не поглотит нас и остальной мир.

Джара ничего не ответила. Она только смотрела на закат и молчала, глотая свои слёзы.

X Разделённая жизнь

— Ивора больше нет, и надо научиться с этим жить, — сказала Сельма.

Но Джара совсем не хотела учиться жить без Ивора. Когда-то она уже думала, что потеряла его, но тогда ей и в голову не приходило, что можно потерять Ива *насовсем*, так, что потом не будет шанса кинуться ему на шею и сказать, что она вела себя, как дурочка, и чтобы он её, глупую и неблагодарную, простил.

Теперь это случилось, и она осталась одна. Конечно, есть ещё семь остальных Ангелов, из которых трое — её настоящие друзья, а ещё одна — уже тоже почти друг. Джара знала, что и Змейка тяжело переживает то, что Ивора больше нет с ними (Джара предпочитала говорить и думать так, это звучало лучше, чем "смерть Ивора"). Они с Ивором успели сдружиться и сблизиться, но ни Змейка, ни Сельма, ни Аерис, ни Тэллар не чувствуют боль утраты так остро, как она, Джара. И хотя они все рядом и готовы всегда помочь и поддержать её, она всё равно одна. Потому что у неё больше нет её Ива, её Грифона.

Корабль вновь на всех парусах плыл навстречу Поднебесью; Чародейка, Эльфийка и Сокол разделили между собой обязанности капитана. Джара помогала им, когда пыталась заставить себя запрятать боль подальше, но затем обязательно что-нибудь напоминало ей об Иве так остро, так больно, что она уже не могла ничего больше делать. Она тогда взбиралась на мачту, высоко, на место вперёдсмотрящего, и сидела там, окидывая взглядом, скованным пеленой слёз, необъятные просторы моря. Моря, ставшего могилой для Грифона.

Змейка и Сунор ухаживали за Хаартом, и кажется даже умудрялись не перегрызть друг другу глотки. Вернее, Сунор умудрялась, потому что Змейка никогда не говорила дочери Дамрафа ничего обидного или унизительного, несмотря на все беды Змейки, которым Сунор была виной. Сельма продолжала заниматься с Сунор и была в полном шоке, смешанном с восторгом, от её открывшихся способностей. Как она объясняла, Сунор обладала особым видом волшебного дара, *ментальным*, что было страшной редкостью в мире. Говорили, что ментальные маги рождаются лишь в Тарневире, а на Гирите, в Аронварде, Таэрии или Танредоре (о Ханеласе и говорить нечего) и вовсе никогда.

Эйдан говорил уже почти без ошибок и делал большие продвижения, но всё ещё отказывался выходить из каюты или общаться с кем-либо, кроме Змейки. Больше он ни разу не

применял магию, но зато теперь Ангелам можно было быть уверенными, что если будет грозить опасность, Эйдан вступит в бой. Хотя Тэллар подозревал, что он начнёт колдовать по одному слову Змейки.

Джаре всё это казалось бессмысленным. К чему им плыть к Поднебесью? В Альянсе должно быть *девять* Ангелов, девять, а не восемь. Пусть у них будут все волшебные артефакты мира, без Ивора ничего не выйдет. Но Джара всё-таки понимала, что стоит попробовать. Они не имеют права сложить руки и всё бросить. Не имеют права… А как же "золотое правило" Альянса? Что из него нельзя уйти, пока не исполнишь своей клятвы? Где же тогда Ивор? Почему он ушёл? Где же была эта треклятая всемогущая сила, не позволявшая Сунор сбежать, когда пираты сбрасывали Ивора с корабля?

И была ещё одна мысль, словно выедавшая Джару изнутри.

Почему она оставила его во время битвы? Она должна была драться рядом с ним, плечом к плечу, как раньше.

Грифон и Бестия, Бестия и Грифон, разве забыла? сказал он ей тогда.

Забыла, Ив, прости…

Джара отгоняла от себя эти мысли, но они всё равно лезли в голову.

Я всегда рядом, Джей, всегда за твоей спиной.

Она тоже должна была быть рядом. Если бы она была рядом с ним, прикрывала его спину, никто никогда бы не выбил меч из его рук, никто бы не сбросил его за борт, в равнодушные воды моря. Если бы она была рядом с ним тогда…

Он бы сейчас был рядом с ней.

Джаэль недоумённо посмотрел на свою сестру, Йаэль.

— Один из Небесных Воинов? Ты уверена? — недоверчиво спросил он.

— Я абсолютно уверена, — решительно кивнула Йаэль. — Я видела крылья за его спиной и сияющую корону на его голове.

— Ты посмотрела *в него*? — поразился её брат. — Ты посмотрела в душу смертного?

— Да. Я не боялась, — ответила она.

— Это могло тебя погубить, — сказал Джаэль с недовольством, смешанным с восхищением смелостью сестры.

— Я знаю это, брат, я не вчера родилась. Но я узнала, кто передо мной, ещё до того, как посмотрела на его душу. Не спрашивай откуда. Я просто знала и всё, как будто всю жизнь жила для той минуты, когда он попал к нам, Небесный Воин.

Джаэль был явно взволнован.

— Но что же это получается, сестра? Если там, наверху, родился Небесный Воин, значит, силы древних богов снова пробудились и грозят всему сущему?

Йаэль кивнула.

— Мы не чувствуем тревоги земли, поэтому не ощутили этого раньше. Море равнодушно ко всему остальному, оно было всегда и будет всегда. Течение принесло с собой тревогу, но я не обратила внимания, а зря.

— Как ты сохранила ему жизнь?

— Я соединила его жизнь со своей. С нашей.

Джаэль не мог поверить её словам.

— Что ты говоришь, Йаэль? Ты потеряла рассудок?

— Нет, напротив, я прозрела. Прости, что я не посоветовалась с тобой, но у меня не было времени даже на размышления. Если бы я не разделила с ним жизнь, он бы погиб, и мир потерял бы надежду. Пойми, наш народ веками прятался от глаз земных существ, превратившись в сказку…

— Мы не прячемся, — возмущённо возразил Джаэль. — Нам ни к чему прятаться от *наземных*, — проговорил он с лёгким презрением, — потому что мы высшие существа, и нам не обязательно сотрудничать и общаться с ними. Когда-то мы явились человеку и помогли ему, но это было давно.

— Ты забылся в своей гордости, — укоризненно сказала ему сестра, — и даже не помнишь, что это был за человек и почему мы помогли ему.

Он посмотрел на неё вопросительно, и она продолжила:

— Это был людской маг, и именно он собрал первых Небесных Воинов.

— Прости, сестра, теперь я вспомнил. Я не должен был забывать такое. Значит, ты разделила с Небесным Воином жизнь, и теперь он спокойно может пребывать в нашем царстве, а мы можем подняться на сушу, не подвергая себя опасности. Но если Воин погибнет, умрём и мы с тобой.

— Да. Я знаю это, Джаэль. Прости меня, брат.

— Я понимаю и прощаю тебя, сестра. Ты поступила верно, хоть я почти не знаю ничего, что направляло твой поступок.

— Брат, я расскажу тебе всё. Об этом ты никогда даже не подозревал. Не сердись на меня, но так было нужно. Подожди, послушай меня. Многое из того, что я буду говорить, ты знаешь и так, некоторые вещи удивят тебя, но ты не перебивай.

Джаэль кивнул, и Йаэль начала говорить:

— Когда-то все живые существа поклонялись древним богам, Повелителям Стихий, как они сами себя называли. Это ты знаешь. Богине Земли поклонялись все люди, живущие на суше, богине

Воды — мы, нерейи, богу Огня — демоны, обитатели подземного царства, вечно охваченного пламенем, а богу Воздуха — ангелы, жители девяти Небесных Королевств. В один день между богами завязался спор, кто же из них самый могущественный и великий. В результате спорщиков осталось лишь двое, бог Воздуха и бог Огня. Ангелы и демоны, по зову своих повелителей, спустились на землю и вступили в бой. Битва длилась сто лет, но богини охранили своих детей от неё. Люди попросту не видели её, а наш народ был надёжно укрыт водами моря. В результате демоны победили, и бог Воздуха, в ярости на своих ангелов, лишил их крыльев и всех волшебных свойств, то есть, по сути сделал их людьми. Это стало началом конца.

Бывшие ангелы, числом девять (все остальные погибли в страшной битве с демонами), построили огромное процветающее королевство на острове посреди нашего моря, и это разозлило обеих богинь. Богиня Земли была в ярости оттого, что подопечные бога Воздуха забрали себе целый остров и правят там людьми, а богиню Воды вывел из себя тот факт, что остров находился в море, под волнами которого раскинулось королевство её детей нерейев, то есть нас. Богини предъявили ультиматум богу Воздуха, и ему пришлось вернуть ангелам бессмертие, крылья и королевства на облаках, хотя, кроме них девятерых, там больше никого не было. Всё вроде бы успокоилось, но то было лишь затишье перед бурей.

У богини Земли были свои любимцы среди людей, племя друидов. Они умели подчинять себе силы природы и были кем-то вроде высшей расы среди людей. Так вот, нашлось среди них четверо могущественных магов, которые совершили невообразимое святотатство и богохульство, впрочем, чем бы их действо ни было, оно случилось. Они с помощью своей богини заманили остальных богов в ловушку, в некое искусственное измерение, в которое можно зайти, но из которого нельзя выйти. Богиня Земли лелеяла надежду стать единственной божественной силой в мире — но её дети предали её. Друиды обманули свою богиню, и заточённой в измерение-ловушку оказалась и она сама. Ключ в это измерение находился в особом предмете, волшебной книге, через которую теперь можно было черпать мощь Повелителей Стихий. Эти четверо друидов прозвали себя новыми Повелителями Стихий. Никогда раньше мир не знал более тщеславных и более всемогущих людей. Наша богиня сумела воззвать к нам из своего заточения и оставила своему народу завет. Она также назвала хранительницу завета из числа нерей. Ею стала я.

— Ты?! — расширил глаза Джаэль. Этот день явно обещал

стать самым удивительным в его бесконечной жизни.

— Да. Но это держалось в строжайшей тайне, поэтому я не могла тебе сказать. Кроме меня, это позволено было знать лишь царю и царице.

— Что же завещала богиня?

— Она завещала хранить мир и спокойствие в нашем царстве и не иметь никаких контактов с другими существами. Она обещала, что боги найдут выход из своей тюрьмы и накажут неразумных. Мы же должны были хранить верность своей богине и ждать её зова.

— Но ведь…

— Не прерывай меня. Но боги в своём заточении стали терять разум. Через несколько веков богиня вновь воззвала к нам, на этот раз она вещала о Часе Гнева, когда они вырвутся на свободу и погрузят весь мир в первородный хаос, а затем начнут всё с белого листа. Но из измерения нельзя было выйти, и мир мог бы быть спокоен, если бы не неразумные подопечные самих богов. Первый раз угроза того, что ловушка распахнётся, была, когда вновь расплодившиеся и преумножившие свои число ангелы решили отомстить за прошлое поражение демонам и завязали бой. Когда обе стороны начали слабеть, они стали взывать к своим богам и решили выпустить их на волю, чтобы те помогли решить их спор. Изрядно поредевшие отряды ангелов и демонов отправились к храму друидов, где хранилась та волшебная книга, бывшая ключом к измерению-ловушке, продолжая сражаться даже в пути. Но друиды тоже были могущественны, и теперь уже три силы вступили в бой. В результате той страшной схватки все демоны были уничтожены, а несколько уцелевших ангелов улетели к себе на облака. Друиды тоже понесли огромные, просто немыслимые потери, и после этой битвы, в которой погиб цвет их племени, друиды стали вырождаться.

Второй раз миру грозила опасность — было это уже через четыре века после заточения богов, — когда среди друидов нашёлся глупец, решивший пробудить мощь волшебной книги, и с её помощью вернуть друидам былые власть и величие. Боги почувствовали это, и богиня Воды явилась к нам, возвестив, что вскоре они вырвутся на свободу, и пробьёт час Гнева. И мы ослушались нашу богиню, потому что наша вера давно ушла в забвение. Единственным шансом спасти мир было не дать друидам устроить ритуал открытия ворот измерения — прошло много веков, и они думали, что таким образом им передастся сила Повелителей Стихий, их богов. Видишь, людям свойственно многое забывать, даже свою собственную веру. Друиды забыли, что у них была лишь богиня Земли. Я пришла к царице и царю и

объяснила им всё. Царица явилась во сне к одному волшебнику на острове, где и стоял храм друидов, и дала ему особую силу, чтобы уничтожить друидов. Но тогда же к волшебнику явились девять последних ангелов и тоже подарили ему силу — видишь ли, они также не желали возвращения наших богов. Ангелы были тщеславны, и они наказали волшебнику собрать отряд числом девять, а силу поделить на девять частей и вручить каждому из отряда. Волшебник очнулся ото сна и разыскал в городе девятерых людей — один из них был наполовину эльфом — избранных ангелами. Это были первые Небесные Воины — так их назвали ангелы, но сами они звали себя по-другому. Сила ангелов была поделена на девять частей и заключена в разные вещи, наиболее близкие каждому из Небесных Воинов. Через эти вещи Воины могли использовать дар ангелов. Но *наш* дар был другим, — с лёгкой гордостью произнесла Йаэль.

— Крылья и корона, — прошептал Джаэль.

— Да, это была внутренняя сила, крылья для души и корона для разума. Небесные Воины уничтожили друидов едва ли не подчистую, только горстка уцелевших бежала в леса на том же острове, однако их не стали догонять. Воины, зная от волшебника, что волшебную книгу не стоит трогать, ибо может случится непоправимое, оставили её в храме, а землю вокруг храма окружили естественными непреодолимыми препятствиями. Небесные Воины, а по их, Альянс Ангелов…

Джаэль рассмеялся.

— Глупые люди, они возомнили себя ангелами?

— Люди совсем забыли об истории нашего мира, Джаэль. Они не верят, что существуют ангелы, не верят, что существуем мы, и не помнят, что когда-то были демоны, не помнят, что они поклонялись Повелителям Стихий и богине Земли. Они даже не верят, что существуют друиды, хотя они, люди, эльфы и все наземные существа — дети одной богини.

Её брат фыркнул, выражая этим презрение к тем, кто живёт на суше. Но Йаэль покачала головой.

— Ты презираешь детей Земли, но именно они страдают и умирают за благополучие и спокойствие мира. Из *них* выбираются Небесные Воины, которым придётся сражаться с самими богами, чтобы *мы*, гордые, вечно молодые нерейи, смогли дальше жить в глубине моря, безучастные ко всему происходящему.

Джаэль пристыженно замолчал.

— Я продолжу, если ты позволишь. Небесные Воины, помня легенду об Альянсе Ангелов, отправились на тот самый остров, где низвергнутые ангелы построили свой город-королевство, и остались жить там. Вещи, до сих пор хранящие дар детей бога

Воздуха, также должны быть на острове…

— А что с настоящими ангелами?

— Я не знаю. Они так же, как и мы прячемся под водой, скрываются от взора остальных в своих Небесных Королевствах. Может, их уже снова стало больше, может, и нет. Может, их не осталось никого… Видишь сам теперь? Мы совсем ничего не знаем, что творится за пределами нашего моря.

— Откуда же ты узнала столько всего, что было в прошлом?

— Царица ещё несколько раз являлась во сне тому волшебнику, чтобы узнать, чем решился исход битвы, что случилось с друидами и Небесными Воинами. Когда они уничтожили угрозу, спрятали книгу и уплыли на остров, мы успокоились и для себя предали народ суши забвению. Как оказалось, зря. Если появились новые Небесные Воины, значит, вновь возникла опасность, что безумные боги вырвутся на свободу ради мести и Часа Гнева.

— Но, сестра… Я до сих пор понял не всё. Ты сказала, у этого Небесного Воина *есть* крылья и корона! У него *уже* есть наша сила, дар нашего народа! Откуда же она? Как он сам её получил, если ты говоришь, что наш народ больше не вступал в контакты с детьми Земли?

— Наш дар был особенным, Джаэль. Царица и царь не зря правят от начала времён нерейями. Они догадались, что когда-нибудь вновь может возникнуть угроза Часа Гнева, поэтому, когда каждый из Небесных Воинов умирал, его особая сила, наш чудесный подарок, не исчезала, а оставалась в пространстве мира. Она должна была отдать себя душе нового Небесного Воина, когда придёт время.

— Но что нам делать теперь с Небесным Воином?

— Плывём к нему. Мы всё ему расскажем и объясним, а затем отведём к царю и царице.

Ивор очнулся и чуть вновь не потерял сознание от ужаса и удивления. Он, несомненно, находился под водой — лежал на огромном плоском камне, а вокруг колыхались длинные водоросли, мимо которых сновали рыбы. Наверху простиралась темнота, но вокруг было достаточно светло (позже он узнал, что свет излучают особые рыбы).

Да, он был под водой, но он не захлёбывался, не задыхался и не всплывал. Всё было так, будто он и жил всю жизнь под водой. Он спокойно передвигался в воде — ходил или плавал. Спокойно дышал. Он даже говорить мог.

— Джара, — произнёс он и услышал собственный голос.

Джара. Что с ней? Она там, наверху, на корабле, и там идёт

битва, а его проклятые пираты скинули в море, предварительно выбив из рук оружие. Ивор вспомнил, что был ранен в нескольких местах, причём серьёзно, но на теле не было ни единой раны, он был целёхонек и вообще чувствовал себя отлично.

— Что же это происходит, чёрт возьми? — спросил проплывавшую мимо рыбу Ивор. Рыба испугалась его вопроса, наверное, не знала ответа или не хотела отвечать, поэтому шустро поплыла дальше.

Но на его вопрос ответило другое существо, подплывшее к Грифону со спины, незаметно, так что тот вздрогнул от неожиданности. Существо было похоже на очень длинную, ростом, наверное, чуть выше Ивора, рыбу, с фиолетово-серебристой чешуёй, огромными фиалковыми глазами и нежно-розовым окаймлением вокруг рта, словно губы. Передние плавники были длинными, толстыми и цепкими, отлично заменяя существу руки. Существо зашевелило своим подобием губ, и Ивор внезапно понял, что отлично понимает его.

— Приветствую тебя, Небесный Воин, — сказало оно.

— И я приветствую тебя, — раздался другой голос сбоку.

Ивор повернулся и увидел ещё одну похожую рыбу, только чешуя у неё была голубо-белая, огромные глаза имели пронзительно-синий цвет, а «губы» были нежно-васильковыми.

— Кто вы? — спросил Ивор.

— Мы нерейи, жители морских глубин, — ответила синеглазая рыба (Грифон вспомнил глупые сказки, слышанные в детстве, о русалках и чудищах, населяющих дно моря). — Я Йаэль, а это мой брат и зовут его Джаэль.

Сказать, что Ивор был удивлён, значит ничего не сказать. Тем не менее он тоже назвал своё имя.

— Каждый нерей немыслим без своей половинки, нерейи, — объяснила рыба. "Значит, Йаэль, синеглазая, это «она», нерейя, а Джаэль «он», нерей. Кошмар, я стою и разговариваю с рыбами", — подумалось Ивору, а затем он вновь вспомнил о друзьях.

— Послушайте, — нетерпеливо перебил Йаэль Грифон, — вы можете поднять меня наверх? Мои друзья сражаются с пиратами, врагами, они хотят захватить корабль и всех убить, и я должен им помочь, прошу вас…

— Не беспокойся, с Небесными Воинами ничего не может случиться, пока они не исполнят своё предназначение, — убеждённо сказала Йаэль.

— Небесные Воины? — переспросил Ивор. Вот так-так! — Вы имеете в виду, Альянс Ангелов?

Джаэль и Йаэль переглянулись.

— Да, но мы и ангелы зовём вас Небесными Воинами.

— Вы и… ангелы? — недоумённо повторил Грифон. Он уже совсем ничего не понимал.

И Йаэль начала свой рассказ. В который раз детская сказка оказалась реальностью в жизни Ивора. Он-то уже думал, что ничто не удивит его, но она поведала ему такие вещи, о которых он даже краем ума не подозревал. Существовали жители подводных глубин и настоящие ангелы, жившие в Небесных Королевствах. Легенды, рассказанные Джаре её дубом, оказались правдой, хотя и несколько иной. В измерении Книги, как выяснилось, сидят сумасшедшие боги, жаждущие уничтожить всё и вся и начать историю мира с начала. Хорошо хоть подтвердилось, что предметы, в которых заключена сила ангелов, подарок детей бога Воздуха, находятся в Поднебесье.

Когда нерейя поведала ему всё, что недавно рассказала своему брату, она спросила Ивора о ситуации на суше.

— Один людской волшебник завладел Книгой Стихий, но её сила вышла из-под его контроля, и теперь Книга висит над землёй, окружённая чёрной сферой. До этого она выпустила огромный смерч, уничтоживший чуть ли не половину земель моей родной страны, но затем одна из Небесных Воинов с помощью сил друидов уничтожила смерч. Пока Книга спокойна, но это только пока.

Джаэль и Йаэль выглядели взволнованными и потрясёнными.

— Друиды не вымерли? Они помогают сдерживать богов?

Ивор кивнул.

— Именно от них мы узнали об Альянсе, а Джара… она тоже Небесный Воин, она наш лидер, так вот, Джару друиды сделали своей, посвятили её дереву, и она увидела сон об Альянсе и волшебных предметах. Мы собрали Альянс и отправились на Поднебесье.

— Значит, все Небесные Воины уже вместе… И друиды всё-таки сохранили знание… Но ты расскажешь обо всём подробнее нашим царице и царю, Йасинте и Йоланту. Следуй за нами, Небесный Воин.

Ивор покорно поплыл за двумя удивительными существами. Вдруг он вспомнил кое-что, мучившее его ум, но вылетевшее из головы, когда он слушал их рассказ.

— Как я спасся? Почему я не тону и не задыхаюсь?

Нерей глянул на свою сестру и ответил:

— Йаэль разделила нашу жизнь с твоей, Небесный Воин.

— Разделила вашу жизнь с моей?… Что это значит?

— У нерейя и его половинки, нерейи, — одна жизнь на двоих, — начала объяснять Йаэль. — Если кто-то из пары, составляющей единое целое, гибнет, гибнет и второй. Теперь мы

разделили свою жизнь с твоей, и ты стал частью нас.

— Если вы умрёте, умру и я?

— Да. И если погибнешь ты, погибнем и мы.

"Час от часу не легче, — мрачно подумал Ивор. — Теперь я — единое целое с двумя говорящими рыбами."

— Но в этом есть и преимущества, — мягко заметила нерейя, видимо, правильно истолковав выражение его лица. Ивору стало немного стыдно, в конце концов, она его спасла от смерти. — Зато ты можешь спокойно находиться под водой без угрозы для жизни, а мы с Джаэлем сможем подниматься на поверхность. Это очень древняя магия, дар нашей богини, богини Воды — одной из Повелителей Стихий. Каждая пара нерейев имеет право разделить свою жизнь один раз за всё своё существование с кем-либо из детей других богов — либо чтобы спасти другого нерейя, когда его половинка погибла. Правда, этой магией никто никогда не пользовался… Но все нерейи помнят о ней.

Ивор горячо поблагодарил её, а затем и его. В конце концов, это и его жизнь тоже, хотя он, кажется, был в неведении, когда его сестра решила разделить жизнь с "наземным".

Джаэль вдруг как-то странно выпучил глаза на Ивора и затем поражённо выдохнул (хотя как можно выдохнуть под водой, тогда уж скорее выбулькнул):

— О Великие Воды!

— Что? — изогнул бровь Ивор.

— Это… это действительно так!.. И это прекрасно! — Он с восхищением посмотрел на сестру, а та улыбнулась. Эти нерейи умеют улыбаться, отметил про себя Ивор. Но что в нём такого прекрасного, он не совсем понимал. Тем более, для нерейев он наверняка выглядит таким же мутантом и уродом, какими они — для него. Хотя глаза у них необыкновенно красивые, пусть и совсем не человеческие.

— Мой брат заглянул в тебя, — пояснила Йаэль Ивору, видя его недоумение. — Он посмотрел на твою душу и увидел там подтверждение того, что сила, когда-то подаренная нашим народом первым Небесным Воинам, теперь у тебя. Крылья и корона, Небесный Воин, твоя душа обладает крыльями, и разум — сияющей короной.

— Никогда не подозревал, что я крылатый и коронованный… — задумчиво проговорил Ивор, смутно себе представляя, как же должна выглядеть его душа с крыльями, а разум с короной. Он непроизвольно тронул свою голову.

— Небесный Воин, — обратился к нему Джаэль.

Ивор предпочёл бы своё имя, но говорящие рыбы упорно называли его Небесным Воином. "Уж тогда бы Ангелом звали, что

ли, — подумал он немного недовольно, — и то лучше".

— Пойдём теперь к царю и царице, — сказал ему Джаэль. — Ты расскажешь им, что творится в мире… Следуй за нами, Небесный Воин.

Небесный Воин, так Небесный Воин, послушно смирился Ивор и поплыл за Джаэлем и Йаэль.

Джара тренировалась с мечами на палубе, залитой лунным светом. Вокруг был жестокий мир, отнявший у неё Ивора, чёрное небо и чёрное море, разбавленные бисером звёзд и бликами их света на волнах. В темноте блестели её клинки и горели её глаза. Свистел воздух, вспарываемый двумя лезвиями. Джара боролась с невидимым врагом, убивая его тысячи раз, пока отчаяние не охватывало её и она не падала на колени, вонзая мечи по обе стороны от себя и зовя Ивора по имени сквозь рыдания.

Так она сидела долго, луна уже успела совершить длинный путь по небу, на Джару постепенно накатывала усталость, и она почти погрузилась в сон. Поэтому, когда сзади раздался родной голос Ивора, она сначала даже не удивилась, ей казалось, она задремала и ей приснился он.

— Вот это, по-моему, твоё, — произнёс его голос, а из-за плеча Джары показалась его, Ивора, рука, с которой почему-то капала вода, протягивающая ей кинжал. — Только ему вряд ли пошло на пользу такое долгое общение с морем.

Джара обернулась. Ивор стоял перед ней, мокрый с ног до головы, но улыбающийся. Она вскрикнула и бросилась к нему, промокшему насквозь, на шею, и её одежда тоже мгновенно намокла. Но Джаре было всё равно, она прижималась к Иву ещё крепче и смеялась сквозь слёзы.

— Я не сплю, Ив? Правда, не сплю? — спросила она, отстранясь, чтобы посмотреть на него.

— Не спишь, Джей, — улыбнулся он. — Я живой. Ты что, глупенькая, решила, что я умер? Вот так просто умер, во время какой-то заварушки с пиратами? Плохого же ты обо мне мнения, Бестия, — шутливо нахмурил он брови, будто сердился. — Моя смерть будет гораздо более торжественной и героической…

Джара опять вскрикнула и опять обняла его. Он тоже обнимал её, крепко-крепко.

— Как же ты выбрался оттуда, Ив? Ты же… был под водой?…

Он кивнул.

— Нужно собрать всех Ангелов, и тогда я расскажу. Ты упадёшь, когда услышишь.

Джара вопросительно приподняла брови. А сердце её бешено колотилось от радости. Ив, её Ивор, жив, жив, вот он, стоит перед

ней! Такой родной, такой дорогой!

Джара улыбнулась.

— А у меня для тебя тоже кое-что есть.

Она шагнула в сторону и подняла с пола его меч, вычищенный и поблёскивавший в свете луны и звёзд. Она не расставалась с ним ни на минуту, с тех пор как забрала его из рук Сокола, когда он вытащил меч из-под груды тел. Джара протянула меч Ивору, и он принял его, улыбаясь и глядя на неё блестящими от счастья глазами.

— Мы второй раз подарили их друг другу, — весело сказал он.

— Я уже думала, что потеряла тебя навсегда, — тихо произнесла Джара, не отрывая от него взгляда.

— Да как ты могла такое подумать, Джей, — тронув пальцами её щёку, сказал Ивор. — Как я мог тебя бросить, сама рассуди?

— Мы такие популярные, что о нас знают и под водой, и на небесах, — весело заметил Тэллар, когда Ивору всё-таки дали рассказать о нерейях (сначала друзьям было не до того, чтобы его слушать: Сокол чуть не задушил Грифона в своих дружеских тисках, совсем не напоминающих птичьи, Сельма, Змейка и даже Аерис тоже обнимали его, а Хаарт, который ещё не мог вставать с кровати, слабо пожал ему руку. Джара надеялась, что он забудет свою ненависть к ним с Ивом. Сунор была страшно удивлена, но делала вид, что ей всё равно).

— Интересно, а ангелы ещё существуют? — спросила Змейка.

Ангелы, теснясь, сидели в каюте Хаарта. Он тоже должен был послушать рассказ Ивора, но передвигаться никуда не мог, поэтому всем пришлось кое-как разместиться в маленькой комнатке. Впрочем, Ангелы были слишком ошеломлены тем, что узнали от Грифона, побывавшего в подводном царстве нерейев, чтобы замечать какие-то неудобства. Один Эйдан остался в другой каюте, потому что заснул, и Змейка предпочла его не будить, тем более все понимали, что в его присутствии не будет никакого смысла.

— Нерейи сами не знают, — ответил Ивор Змейке. — Они вообще понятия не имели, что происходит в мире. Но теперь они знают и намерены нам помочь…

— Я вот что подумала, — вдруг перебила его Сельма. Казалось, до этого она была погружена только в свои мысли и теперь вышла из оцепенения, осенённая какой-то догадкой. — Если город на острове действительно основали *настоящие* ангелы, может, в этом и кроется причина того, что на Поднебесье

нельзя открыть порталы?

— Послушай, Чародейка! — возбуждённо вскрикнул Тэллар. Сельма удивлённо повернулась к нему, и все Ангелы уставились на Сокола, слегка взволнованно ожидая, что же пришло в его светлую голову. — Пожалуй, тебе стоит съездить на магический консилиум!

Сельма возвела очи горе и обратилась к Ивору.

— Так как ты говорил, нерейи собираются нам помочь?

— Они, конечно, не покинут море, но зато они приглашают нас к себе.

Все выпучили глаза.

— Грифон, ты, что, смеёшься? — удивлённо спросил Тэллар.

— Вовсе нет. Ещё восемь пар нерейев согласились разделить свои жизни с нашими. В том числе, и сами Йасинта с Йолантом, царица и царь. Они предложили свою жизнь главному Небесному Воину. — Он посмотрел на Джару. Сунор громко фыркнула, но на неё никто не обратил внимания.

— Джара, какая честь, — усмехнулся Сокол. Впрочем, в отличие от Сунор, его насмешка была доброй.

Джара показала ему язык. Теперь, когда Ивор снова с ней, можно опять дурачиться и препираться с Тэлларом. Можно снова думать об Альянсе и спасении мира. Всё, как раньше. Только одно изменилось. Она больше никогда не бросит Ива.

— И что дальше? — вопросила Сунор. — Кто-нибудь из этих рыб сдохнет, и нам умирать? Коту под хвост тогда ваш Альянс, — презрительно бросила она. — Лично *я* никуда не пойду, под воду тем более. И Хаарт тоже останется на корабле. Он ранен.

— Вообще-то она права, — немного робко заметила Змейка. — Морская вода очень солёная, и она разбередит ещё не зажившие раны. Да и Эйдан… Сами понимаете.

— Я поговорю об этом с Йаэль, — сказал Ивор. — Она обещала скоро позвать меня. А насчёт того, что "рыбы сдохнут"… Нерейи все бессмертны. Они до сих пор такие, какими их создала богиня Воды в начале времён. В том же количестве. Все из них помнят то время. Они не стареют, не болеют и не умирают.

Ангелы были потрясены, все, кроме Сунор. Её, казалось, такой факт вовсе не убедил.

— Но если их убьют? — настаивала она.

— Кто их убьёт? — устало спросил Ивор. — Они не покидают своего царства, а под водой им угрозы нет. Понимаешь, *никто* из нерейев *никогда* не умирал.

Сунор повела плечом и отвернулась.

— В том же количестве, ты сказал? — удивлённо переспросил Тэллар. — А что, у них дети не рождаются?

Ивор покачал головой.

— Как я понял, разделение по половому признаку у них означает лишь, что есть нерейи-сёстры, и нерейи-братья. Всё. Пара — это брат и сестра, они составляют единое целое. Больше ничего не бывает. Ни браков, ни детей. Они не размножаются.

— Обалдеть можно, — прокомментировала Джара.

— Так не интересно, — хмыкнул Сокол. — Бедные нерейи… Может, мы их просветим? Джара, что ты так на меня уставилась? Ты, наверное, хочешь предложить мне, чтоб мы с тобой вдвоём устроили нерейям агитацию активной половой жизни?

— Так зачем нам спускаться под воду? — спросила Ивора Сельма, не обращая никакого внимания на Джару, колотившую вопящего Тэллара. — Как они собираются помочь нам?

— Они обещали рассказать об этой самой силе, подарке их народа первому Альянсу, — стараясь придать тону серьёзность, ответил Ивор, но сам он давился от смеха. — То есть, второму, как мы привыкли считать, — поправился он.

Джара наконец закончила экзекуцию Тэллара, и тот отсел от неё подальше. Сунор кидала на них презрительные взгляды, но остальные заметно развеселились.

— Дар душе, — проговорила Аерис, пряча улыбку. — И разуму.

— Ага. Крылья и корона, — хмыкнул Сокол, вполне оправившись от побоев, и чуть не свернул шею, стараясь заглянуть себе за спину. — Не вижу я никаких крыльев что-то. А вы?

Джара многозначительно закатила глаза и рукава, и Тэллар пискнул и обещал молчать.

Друиды не спали ни днём, ни ночью, карауля всё разрастающуюся сферу Книги. А та словно насмехалась над ними, такими жалкими и ничтожными, вообразившими, что они могут ей противостоять. Миерна изо всех сил гнала из себя и остальных такие мысли, но её братья и сёстры теряли веру в свои силы, ощущая себя букашками перед древней мощью Повелителей Стихий.

И ещё этот голос. Миерну пробирала дрожь каждый раз, когда она о нём вспоминала, а уж когда он заговаривал с ней, её и вовсе охватывал какой-то ступор, какой-то животный ужас и в то же время трепет, словно ей явилось божество…

Голос презирал и ненавидел их, друидов. Презирал и ненавидел всех и вся. Голос обещал сравнять весь мир с землёй, уничтожить всё подчистую. Голос возвещал о приближении Часа Гнева. Голос жаждал мести.

Миерна не хотела рассказывать об этом никому. Не стоит запугивать остальных друидов, они и так плохо держатся. Книга держит их в невыносимом напряжении. Она нависла над ними своей громадной чёрной сферой, но ничего больше не происходит.

Что же это за голос? Откуда он? Из Книги?… Опасен ли он?

Что с самой Книгой? Она пробуждается с каждым днём, и измерение её медленно начинает смешиваться с их собственным миром. Появится ли новое порождение Книги? Будет ли это ещё один смерч или уже что-то другое? Смогут ли они, друиды, противостоять ему?

И что с Оарин? Что с Альянсом Ангелов? Миерна почти не чувствует Оарин с тех пор, как талисман сгорел, только самые сильные чувства девушки передаются друидке. Недавно ей было очень, очень больно, словно она потеряла самого близкого человека. Но Миерна знала точно, что никто из Ангелов не погиб. Что же случилось? А сейчас, насколько друидка ощущала, боль и горе исчезли, будто их никогда не было, уступая место радости и предвкушению новых битв и приключений. А ещё посвящённая Молодому Дубу удивлена. Что же происходит с Ангелами? И где они сейчас? Найдут ли артефакты? Когда вернутся в Таэрию?

Силы природы, сколько же вопросов…

— Оарин, сестра моя, где ты? Помни, сестра, я с тобой. Я верю в тебя, — шепнула Миерна, и ветер подхватил её слова и унёс далеко-далеко, чтобы…

…передать их Джаре.

Оарин, сестра моя, где ты?

Джара вздрогнула.

— Боишься? — насмешливо спросил Тэллар.

Они стояли у борта корабля, готовясь прыгнуть в воду. Сунор плевалась ядом, но её тоже заставили прыгать. Хаарта оставили на попечение Эйдана. Или, может быть, Эйдана на попечение Хаарта?

Джара скривила гримасу.

— Я боюсь? Конечно, нет!

Помни, сестра, я с тобой.

Джара непроизвольно огляделась, хотя, конечно, знала, что Миерны нигде вокруг оказаться не может.

— Готова? — спросил Ивор.

Джара кивнула, улыбаясь. Она снова слышит её! Слышит Миерну.

Когда Ангелы одновременно прыгнули с борта корабля, в воздухе Джара вновь услышала шелест голоса Миерны.

Я верю в тебя.

— Вас семь, — констатировала Йаэль, оглядев Ангелов. Позади неё стояли Джаэль и ещё восемь пар нерейев и нерей.

Ангелы удивлённо разглядывали их и осматривались по сторонам. Сунор поглядывала на нерейев с презрением и опаской. Как понял Ивор, процедура разделения жизни с кем-то другим не какой-нибудь ритуал, а всего лишь мысленное и духовное усилие. По крайней мере, ничего необычного нерейи не делали, а сами Ангелы стали спокойно дышать под водой, едва море скрыло их под собой.

— Я ведь говорил об Эйдане, маге, — напомнил ей Ивор. Она молчала. — А ещё один Ангел, Хаарт, ранен и не мог прыгнуть в воду.

Йолант и Йасинта выплыли вперёд, и Грифон учтиво поклонился им. Остальные сообразили, что это и есть царь и царица (на взгляд Ивора, да и остальных Ангелов, нерейи друг от друга никак не отличались, разве что по окраске и цвету глаз различались мужские и женские особи) и тоже поклонились. Сунор фыркнула и насмешливо склонила голову.

— Приветствуем вас, Небесные Воины, от имени всего нашего народа, — молвила царица. — Вы здесь, чтобы мы помогли вам раскрыть возможности вашей силы, расправить крылья и зажечь корону. Но среди вас есть одна, крылья которой белы и простёрты широко, а корона сияет белым пламенем.

Джара не была самовлюблённой, но она почему-то была почти уверена, что Йасинта говорит о ней.

Но царица указала на Сунор.

У той слезло презрительное выражение с лица и сменилось удивлением. Остальные же Ангелы вытаращились на царицу с царём, которые подплыли ближе к девушке.

Одна Сельма не удивилась.

— Разве вы не поняли? — спросила она. — Это её ментальный дар, я же говорила вам, чем вы слушали? Мы не могли понять, откуда он взялся, а теперь всё стало ясно.

Сунор теперь надменно улыбалась, в который раз получив подтверждение значимости и исключительности собственной персоны.

— А теперь, Небесные Воины, — обратился царь к остальным, — мы расскажем вам о даре нашего народа вашим предшественникам подробнее. Вы называете себя Ангелами, поэтому я постараюсь называть вас так, чтобы вам было легче и понятнее. Итак, давным-давно моя сестра явилась человеку,

волшебнику, и подарила ему силу, а он отдал её Ангелам…

Царица продолжила за него, указав на Сунор:

— Ангел Мысли способен ясно читать мысли других и воздействовать на них, это ментальный дар, как верно сказала ты, Небесная Воительница, — обратилась она уже к Сельме и посмотрела на неё очень странно. Один Ивор знал, что это означает, что царица заглядывает в душу. — Ангел Чар. У тебя скрытая сила повелевать магической энергией, — произнесла она.

Сунор рассмеялась.

— Ну надо же, какой сюрприз, а мы и не знали. Вообще-то она и так волшебница, госпожа царица, — насмешливо произнесла она, кидая взгляд на Чародейку.

Хоть Ангелы не переваривали Сунор, они были вынуждены с ней согласиться.

— Это не скрытая сила, — поддержал Тэллар. — Сельма уже очень давно повелевает этой самой магической энергией.

— Крылья сложены, а корона почти не видна, — в ответ на это невозмутимо сказала царица. — Но мы поможем открыть ей свой дар. — Казалось, она вовсе и не заметила слов Сунор и Тэллара. Царица и царь вдвоём стали смотреть прямо в глаза Сельмы, и той стало немного не по себе. Затем её резко проняла дрожь, но тут же отпустила, и Чародейка дёрнула плечами.

— Что? — взволнованно обратилась к ней Джара.

— Крылья расправились, а корона сияет над голой! — зловещим шёпотом пояснил Сокол, размахивая руками.

— Совершенно верно, Ангел, — серьёзным тоном сказал ему царь, и Ангелы не выдержали и прыснули. Но нерейи были непробиваемы. Царь заглянул в душу Тэллара, и с лица того улыбка тотчас сползла. — Ангел Трёх Сил, — с уважением произнёс Йолант.

Сокол скептически изогнул бровь.

— Это очень особенный дар, — стала разъяснять царица. Ивор отметил, что когда говорят царь и царица, остальные смиренно молчат. — У тебя есть возможность три раза использовать свою силу для достижения какой-либо цели.

— Любой? — уточнил Тэллар. Царь с царицей подтвердили, и Сокол бросил хитрый взгляд на Джару. Та вспыхнула и погрозила ему кулаком.

Ничего этого не замечая или делая вид, Йасинта и Йолант обратили свои царственные взгляды на Аерис.

— В тебе кровь эльфов, — произнесла царица.

— Ещё один сюрприз, — фыркнула Сунор.

— Ангел Ветра, — добавил царь.

Эльфийка смотрела на них с лёгким интересом. "Мы когда-

нибудь увидим на её полуэльфийском лице бурное проявление эмоций?" — задалась вопросом Джара.

— Ты повелеваешь ветрами, — пояснила Йасинта. — Ты почти раскрыла свой дар.

Тут уж никто не смог сдержать удивления, даже сама Аерис.

— Не повелеваю я ветрами, — возразила полуэльфка. — Я только стреляю из лука, и всё, — тут она осеклась. — Не хотите ли вы сказать, что… — Царь и царица молчали, проникновенно глядя в её душу. Когда они помогли и ей "расправить крылья", Аерис обиженно пробурчала: — А я всегда думала, что никогда не промахиваюсь, потому что мастерски стреляю из лука, вот и всё. — "Кажется, дождались", — с лёгкой улыбкой на лице подумала Джара, глядя на недовольную Аерис. — А тут видите ли, рыбы говорят, что я направляю стрелу ветром, поэтому она всегда достигает цели, — негромко добавила она, провожая взглядом царя и царицу, важно подплывших к Ивору.

Они смотрели на него долго, а он — на них, словно они вели какой-то одним им слышный и понятный разговор. Джара нахмурилась, а затем совершенно случайно взглянула на Сунор. Та тоже глядела на Ивора, а на лице её было несвойственное ей выражение — растерянное и даже грустное. Но встретив взгляд Джары, Сунор тут же натянула на себя обычную маску.

— Эй! — возмущённо крикнул Тэллар. Джара отвернулась от Сунор и увидела, что царь и царица отплыли от Ивора к Змейке. — Вы ему ничего не сказали.

— Его сила раскрыта, и она ему известна, — молвил царь.

— И какой же он Ангел, позвольте спросить? — едко поинтересовался Сокол.

— Ангел Жизни, — ответила царица, и на этом тема была закрыта.

Змейку окрестили Ангелом Света.

— Твоя душа и так бы имела крылья, не будь ты Ангелом, — ласково сказала царица, и Змейка смутилась. Сунор явно бы отравила воду во всём море, умей она действительно плеваться ядом. — Твоя душа чиста и светла. Ты сама найдёшь свой путь, и нам не нужно объяснять тебе твою силу.

— Ну да, а мы, видите ли, последние дебилы, и нам пришлось устно вдалбливать, что мы умеем делать, — проворчал Сокол, и Джара, преодолевая сопротивление воды, впечатала свой локоть ему в бок. Тэллар возмущённо забулькал.

Но тут у Джары перехватило дыхание, потому что Йасинта и Йолант смотрели в душу ей.

Ей показалось, или за спиной правда расправились крылья, а глаза ослепило яркое сияние от короны, коснувшейся головы?…

— Ты Ангел-Ключ, — молвила царица. — Ты открываешь двери. — И она тут же словно потеряла всякий интерес к Бестии, оставляя её в растерянности и недоумении и возвращаясь к Сунор. Тэллар тут же принялся строить Джаре рожи и дразнить тем, что она "ключ".

— Я научу тебя, как открыть двум другим Ангелам их силу, — тем временем сказала Йасинта, обращаясь к Сунор.

Та посмотрела на царицу с насмешкой, но возражать не стала. Затем её лицо поменялось, и она чуть нахмурилась и закусила губу, когда Йасинта мысленно передавала ей указания. Когда царица отпустила её, Сунор ничего не сказала, а сдвинула брови ещё сильнее.

Джаре всё это совсем не нравилось. И что значит "Ангел-Ключ"?

— Помните, что когда первые Небесные Воины приняли дары нерейев и ангелов и использовали их в борьбе против друидов, две разные силы смешались и стали неотделимы. Крылья и корона неразрывно связаны с вещами, в которых заключён дар детей Воздуха, — объяснил им царь.

— А вы случайно не знаете, где эти вещи конкретно находятся или как их искать? — без особой надежды спросила Джара.

Царь взглянул на неё.

— Мы — нет. Но вы знаете сами, — убеждённо добавил он.

"Ну да, конечно", — невесело подумала Джара.

— Мы желаем вам удачи, Небесные Воины, — произнесла царица. — Наш народ верит в ваши силы. Мы твёрдо знаем, что вам удастся выполнить предначертанное, поэтому мы без колебания разделили свои жизни с вашими.

— Это очень благородно с вашей стороны, конечно, — сказала ей Джара. — Но даже если мы действительно выполним свою миссию и доживём до глубокой старости, мы в любом случае умрём, через каких-нибудь полвека. — "А для вас, бессмертных, это чуть ли не мгновение", — добавила она про себя.

Нерейи никак на это не отреагировали. Аудиенция у подводных владык была закончена, и нерейи бережно помогли им подняться на поверхность.

— По-моему, они только ещё больше всё запутали, — пробурчал Тэллар, когда они вернулись на палубу корабля.

Слава небесам, на судне все ещё спали, так что никто не увидел их чудесного появления из воды. Тэллар продолжал:

— До того, как они появились, всё было гораздо понятнее.

Плывём на Поднебесье, забираем предметы, возвращаемся в Таэрию, уничтожаем Книгу, и всё, счастливый конец. А теперь что? Какая-то необыкновенная сила, крылья, короны, подводные царства, ангелы на облаках, спятившие боги и богини в ловушке…

— Не говори ерунды, — перебила его Джара, но просто из вредности. На самом деле, она была полностью согласна с Соколом.

— Они бы хоть объяснили, как этими крыльями пользоваться, — проворчала Аерис, видимо, тоже разделявшая точку зрения Тэллара.

— Может, мы научимся летать? — с надеждой в тоненьком голоске пропищал Сокол, и Джара пихнула его в бок. — Да, на суше больнее, чем под водой, — констатировал он, потирая пострадавшее место. Джара фыркнула.

— Я уверена, мы всё поймём сами, — произнесла Сельма.

— Я уже давно всё поняла, — высокомерно заявила Сунор.

— Ну заставь меня сплясать, — холодно попросила её волшебница.

Сунор издала надменное "Ха!" и в упор посмотрела на чародейку. Но ничего не произошло. Ангелы прыснули, глядя на покрасневшее от напряжения и злости лицо Сунор. Затем она топнула ножкой и убежала вниз. Змейка тихо сказала, что тоже пойдёт, проверит Хаарта и Эйдана. Остальные Ангелы остались на палубе. На востоке медленно занималась заря, и какое-то время пятеро друзей стояли молча, наслаждаясь красивым зрелищем.

— Теперь я поняла, — наконец нарушила молчание Сельма.

Все обратили на неё недоумённые взоры. Они явно не поняли.

— Ангел Чар, — сказала Чародейка таким тоном, будто это разъясняло всё на свете. До них не дошло. Сельма вздохнула и пустилась в объяснения: — Йасинта сказала, что мой дар — это управление магической энергией, но ведь я и так волшебница, верно? Если честно, то, о чём я попросила Сунор, было очень рискованно.

— Рискованно? — переспросила Джара. — Но чему это грозило?

Сельма сдержанно рассмеялась.

— Моему авторитету, Бестия. На самом деле, случись это ещё вчера, я действительно бы заплясала, поверьте мне.

— Эта капризуля одолела бы *тебя*? — выдохнул Тэллар. — Не может быть, ты же наша непобедимая старушка Чародейка!

Сельма изогнула бровь, и Сокол понял, что проговорился.

— Так вот как вы меня называете за спиной? — прищурила глаза волшебница.

Тэллар будто бы в ужасе закрылся от неё руками и пафосным тоном произнёс:

— О нет, великая всемогущая Сельма, пощади, прости меня, презренного глупца!

— Так уж и быть, прощаю, — улыбнулась Чародейка. — Но мы к этому ещё вернёмся, обещаю, Сокол, — сердито добавила она.

Остальные смотрели на их шутливую перепалку с весёлыми улыбками.

— О чём это я…

— Ты бы заплясала вчера, — напомнила Джара.

— Жаль, мы этого не увидим, — вздохнул Тэллар с неподдельным огорчением.

— Ну всё, — весело сказал Ивор. — А ну кончайте шутить, иначе мы никогда не узнаем, почему бы Чародейка пустилась в пляс!

Джара рассмеялась. Её переполняло чувство счастья. Как же замечательно, вот так плыть на корабле навстречу неизвестности, только они пятеро, настоящие друзья, на палубе, залитой предрассветными лучами, шутить, улыбаться и смеяться… Она оглядела лица своих друзей: широко улыбающийся Ивор, пытающийся сделать серьёзное лицо Тэллар (глаза его, как он ни старался, всё равно смеялись), улыбающаяся одними уголками губ Сельма и Аерис (она никак не могла избавиться от своей морской болезни), как всегда молчаливая, но и она тоже весело улыбается, и её зелёное от непрерывно подкатывающей тошноты лицо такое родное, как и все другие… Джара готова была либо плакать от счастья, либо хохотать и подпрыгивать к небу…

— Посмотрите-ка на нашу Бестию, — давясь от смеха, сказал Сокол. — Она будто обожралась сметаны!

Джара занесла кулак.

— А ну прекратить! — строго сказал им Ивор, сдвигая брови.

Бестия и Сокол тут же присмирели.

— Надеюсь, *теперь* я смогу нормально вам всё объяснить! — сказала Сельма. — Все молчат? Это продвижение! Так вот, ещё вчера между мной и Сунор разница была вот в чём. Она уже раскрыла свою силу Ангела, а я нет. Я была простая старушка Чародейка со своими скромными талантами, а она уже наполовину Ангел — наполовину, потому что нет пока силы вещи, дара ангелов.

— И как теперь различать, когда говоришь о нас, а когда о них? — указав пальцем в небо, спросил Тэллар.

— Может, будем называть себя Небесными Воинами? — предложила Джара.

— Ну уж нет! — запротестовал Ивор.

— Это всё неважно, — мудро заметила Аерис. — Сельма, продолжай. Но я, кажется, уловила твою мысль. Вчера бы Сунор спокойно подчинила тебя своей воле, но сегодня ты уже тоже наполовину полноценный Ангел, так что можешь ей противостоять.

— Да, ты верно поняла. Наши силы теперь равны, так что она не заставит меня ни пуститься в пляс, ни есть навозных жуков, ни чего другого.

— Навозных жуков? — с сомнением переспросил Тэллар. — Сельма, меня беспокоят твои ассоциативные связи…

— Почему же? — удивилась Сельма. — Что плохого в навозных жуках, Тэллар? В школах магии их всегда подают ученикам на завтрак.

— Бяка! — проникновенно сказал Сокол. — И ты ела их?

Джара прыснула, и Тэллар надулся.

— Меня, что, разыграли?

— И, главное, кто! Старушка Чародейка! — весело сказала Сельма.

— Ага. *Сельма* разыграла *меня*! — с расстановкой произнёс он. — Мир перевернулся!

— Значит, благодаря этим крыльям и короне твоя магическая сила намного увеличилась? — спросила Аерис.

Сельма кивнула.

— Да. Помнишь, когда мы были связаны, я сказала тебе, что я не того уровня чародейка?

— Теперь того? — догадалась полуэльфка.

— Теперь того, — подтвердила волшебница.

— Наша Чародейка теперь того! — прыснул Тэллар. — Сельма того, Сельма того!

Джара возвела очи горе.

— Сокол, у меня будут синяки на руках, если я так часто буду тебя бить!

— Сельма того, Сельма того!

— Джара, я вполне могу тебя подменить, — предложила ей Чародейка.

Тэллар тут же заткнулся.

Джара проснулась, напрочь не помня, что ей снилось, но пребывая в абсолютной уверенности, что сон был весёлым и приятным. Девушка сладко потянулась и села в постели. Сельмы в каюте не было. Джара оделась, умылась и поднялась на палубу.

Там царствовал ветер. Он тут же расплёл её косу, и чёрные волосы затрепетали, подобно знамени. Джара увидела Аерис и Сельму, о чём-то беседовавших на носу корабля. Повсюду сновали ребята, помогавшие им править кораблём. Они с уважением здоровались с Джарой. Та отвечала на их приветствия. Недавно они были в шоке, увидев Ивора живым и невредимым. Но вопросов не задавали. Джара подозревала, что они их компанию побаиваются. Больно странная она была… Впрочем, ей-то какое дело?

Джара направилась к Чародейке и Эльфийке.

— Мы несёмся, как угорелые, — заметила она, подойдя к ним. — Ветер взбесился! Впрочем, нам это на руку!

Аерис и Сельма хитро переглянулись.

— Вы знаете что-то, чего не знаю я? — спросила их Джара.

— Аерис использует свою силу, — пояснила волшебница.

— Вот как! — подняла брови Бестия и улыбнулась. — Повелеваешь ветром?

— На такой скорости мы уже вечером будем у берегов Поднебесья, — сказала Сельма.

У Джары замерло сердце. Вот и конец их морскому путешествию. Они пристанут к берегам острова и отправятся на поиски волшебных предметов. Только куда и как отправятся, Джара не знала. Ладно, она подумает об этом потом.

— Где остальные? — перевела она тему.

— Змейка и Сунор с Хаартом, там же Эйдан. А Ивор и Тэллар внизу, тренируются на мечах.

— Тэллар просто сбежал, чтобы я не совершила чего-нибудь непоправимого, — мрачно произнесла Аерис.

Джара заулыбалась.

— Ну и что он опять натворил?

— Он тут распространялся, как Аерис замечательно пускает ветры, — хихикнула Сельма. Бестия прыснула.

— Что ж, это в духе Сокола, — заметила она.

— Ничего, я заставлю какой-нибудь ветерок подхватить его и поносить по горам, по долам, посмотрим, что он тогда скажет, — злорадно пообещала полуэльфка.

— Да, вам хорошо, вы отлично знаете, что у вас за сила и с чем её едят. А кто мне объяснит, что означает «Ангел-Ключ» и каким образом я "открываю двери"? — недовольно спросила Джара, обхватывая себя руками и надувая губы.

— Ты всё поймёшь со временем, я уверена, — попыталась успокоить её Сельма.

Джара только вздохнула.

— Что там с остальными? Ну Тэллар, с ним ладно, три силы,

и всё такое, выход для чрезвычайных случаев. Понятно. С вами тоже всё ясно. И с Сунор. А Ивор? Что это за ореол таинственности, который на него напустили царь с царицей?

— Ангел Жизни, — задумчиво проговорила Сельма.

— Они ничего не объяснили, и он нам ничего не сказал, значит, так надо, — пожала плечами Аерис.

"Ничего подобного, — упрямо подумала Джара. — *Мне* он должен сказать!"

— А Змейка? — продолжала она. — Ей тоже ничего не объяснили.

— Ангел Света — это, по-моему, как раз то, что ей подходит, — улыбнулась Сельма. — Нерейи сказали, что она сама всё поймёт. Что ж, уверена, так оно и будет. Один знакомый маг говорил мне, что доброта — величайшая мудрость.

— Сунор, кстати, должна была расправить крылья Эйдану и Хаарту, — вспомнила Джара.

— Она это сделала, — сказала Сельма.

— Да? — разочарованно произнесла Бестия. — Вечно я пропускаю всё интересное!

— Она сделала это без нас, — пожала плечами волшебница. — Когда проснулась, раскрыла силу Хаарта, потом дождалась, когда зайдёт Змейка проверить его состояние, и после этого зашла с ней в их с Эйданом комнату. Но, как оказалось, крылья Эйдана и так были расправлены.

— Да ну? — удивилась Джара. — И что же у него за сила? — Она еле удержалась от того, чтобы съязвить; в последний момент совесть напомнила ей, что над болезнями людей подшучивать грех.

— Ангел Огня, — ответила Чародейка. — Сунор потом объяснила, *что* она увидела.

— И что же? — осведомилась Джара.

— Эйдан утратил свой магический дар во время событий в Тадоре или позже, пока пребывал в руинах, но это не столь важно. Он сам раскрыл свою силу, когда Змейке угрожала опасность.

— Значит, он управляет огнём, — заключила Бестия и получила в ответ на это кивок Сельмы. — А что же Хаарт?

— Ангел Смерти, — странным тоном ответила Чародейка. — Сунор отказалась что-либо объяснять, а сам Хаарт сильно ослабел после того, как она посмотрела ему в душу, и сейчас спит.

Джара нахмурилась.

— Какое она имеет право отказываться объяснять что-то? Это важно для Альянса…

— А Ивор? — напомнила Аерис.

Бестия вздохнула.

— Ладно, я подумаю об этом потом. — Она помолчала, уставившись вдаль, а потом возбуждённо спросила: — Мне кажется, или я действительно уже вижу остров?

— У нас, конечно, не глаза Сокола… Но, похоже, это действительно Поднебесье, а не обман зрения, — ответила Аерис, тоже вглядевшись в слабые очертания на горизонте.

— Пожалуй, мы прибудем к острову ещё раньше, чем предполагали, — заметила Сельма. — Что радует.

Она устала. Во имя Луны, как же она устала!

Сунор сидела на койке, подобрав под себя коленки, и глядела на беспокойно спавшего Хаарта. Он ворочался во сне и бормотал что-то несвязное. Сунор не различала слов, зато прекрасно различала мысли.

Он звал Змейку. Если бы он говорил, она бы заткнула уши или запела песенку, как она всегда делала, когда ей не нравилось то, что она слышала. Но как спрячешься от мыслей? Они повсюду. Она всегда их слышит.

Раньше она думала, что все эти Джары, Сельмы, Тэллары и прочие её ненавидят. Она гордо вскидывала подбородок и плевала на них с высокой колокольни. Но теперь она знает, что они не ненавидят неё. О нет, в них нет ни капли ненависти к ней. Ни в ком из них. Даже у Змейки. Даже у Сельмы! Они её презирают. Презирают! А Змейка — чёрт возьми, даже смешно! — жалеет. Они все её по-разному жалеют, а эта проклятая Змейка не чувствует к ней ни ненависти, ни раздражения, ни злобы, ни зависти, она искренне полагает, что Сунор намного красивее её самой и от всего своего добренького сердечка желает, чтобы Хаарт был с ней счастлив. Сунор тоже так считает и тоже этого хочет, но отчего же, отчего так горько, так противно?

Однако с этим всем она бы смирилась. Но, Великое Полнолуние, как же больно было слышать мысли Хаарта! Знать, *что* стоит за каждым его словом! Как бы она хотела вернуть всё, как было прежде! Просто заставлять его говорить ласковые слова и целовать её, и не знать ничего, ничего, ни-че-го!..

Но это теперь невозможно.

Он любит её. Змейку. Но он перестал твердить это про себя, как раньше. Он теперь старается убедить себя в том, что он её забыл. Он даже иногда пытается заставить себя полюбить её, Сунор! Проклятие, как унизительно!

Чёрт возьми, опять эти слёзы!

Сунор яростно вытерла лицо, так что кожа покраснела от грубых прикосновений. Хаарт заворочался и застонал.

Сунор прекрасно знала, *кто* является ему в бреду.

XI Путь в небо

Едва путники ступили на берег, смуглые и синеглазые девушки с улыбками возложили на них венки из белоснежных перьев.

— Это что такое? — удивилась Джара, дотрагиваясь до своего венка.

— Сегодня праздник, — объяснила одна из девушек.

— И какой же? — спросил Тэллар, усиленно строя ей глазки.

— Ночь Ангелов, — ответила она.

Друзья весело переглянулись.

— Так это просто замечательно! — с восторгом сказал Сокол.

— Тогда обязательно приходите на празднование, — многообещающе улыбнулась ему девушка, и гостеприимные местные красавицы отошли к другим вновь прибывшим, тоже надевая на их головы венки из перьев.

— Обалдеть, — протянул Тэллар, беззастенчиво пялясь на девушек.

— Глазки сломаешь, — едко бросила ему Джара.

— Это что было? — хмыкнул парень. — Ревность?

— Только не деритесь, а то вдруг местные подумают, что мы нарушители спокойствия, — быстро сказала Сельма, останавливая Джару, готовую разорвать Тэллара на тысячу и один кусочек.

— Так уж и быть, — ворчливо согласилась она. — Но едва мы покинем остров, я тебе покажу!

— Весь в нетерпении. Надеюсь, то, что ты мне покажешь, будет сравнимо с *этим*, — ухмыльнулся он, красноречиво провожая взглядом проплывшую мимо смуглую красотку.

— О, не сомневайся, мои прикосновения будут гораздо более ощутимыми, чем любые ласки этих красоток! — зловещим тоном пообещала Джара.

— Да ну? — округлил глаза Тэллар. — Не знал, что у тебя такой нетрадиционный подход в этом деле, ну, в принципе, я люблю пробовать новое… Ты свяжешь меня и будешь хлестать или…

Джара вспыхнула и отвесила ему хороший тумак.

"Небесные Воины" остановились в гостинице под названием "Приют Ангела" и ещё долго веселились по этому поводу. В гостинице были только одноместные и двухместные номера, так что Джара вызвалась занять одноместную комнату, а остальные расселились по обыкновению: Змейка с Эйданом, Сунор с

Хаартом, Ивор с Тэлларом, Аерис с Сельмой.

Аерис отвоевала право мыться первой и оккупировала ванную комнату. Сельма решила не терять времени зря и спустилась вниз расспросить кого-нибудь из местных.

— Вы с Гирита! — удивился хозяин гостиницы. Он, как и все жители солнечного и жаркого Поднебесья, был смуглым и синеглазым. Волосы выгорели на солнце и имели какой-то соломенный цвет. — Так далеко! Рад приветствовать вас на нашем острове! Вы прибыли как раз вовремя! Сегодня у нас очень хороший праздник, Ночь Ангелов.

Сельма улыбнулась одними уголками губ.

— Да, мы уже знаем.

— Вижу, что знаете, — улыбнулся в ответ хозяин, указывая на её голову. Тут она сообразила, что забыла снять венок из перьев, и немного смутилась. — Вы обязательно должны пойти на праздник! — убеждённо заявил мужчина. — Вы его никогда не забудете!

— Не сомневаюсь, — кивнула Сельма всё с той же лёгкой улыбкой.

— В старом городе будет потрясающий праздник с танцами, песнями, представлением и бесплатным вином! Все обязательно должны быть в белом и с венками на голове. Чем больше людей, тем лучше, а уж чужеземцы на празднике и вовсе приветствуются! Будет очень весело! — с энтузиазмом рассказывал ей хозяин "Приюта Ангела".

— Мы подумаем, — заверила его волшебница. — Что вы можете рассказать о старом городе?

— О, там очень красиво. Все здания очень древние, и даже сохранился Дворец Ангелов.

Сельма удивлённо приподняла брови.

— Вы серьёзно?

— Да, тот самый дворец, который построили девять Ангелов, основавших наш город. Дворец открыт для посещений каждый день с десяти утра и до пяти вечера. Там работают гиды, а ещё можно купить сувениры на память.

— А что ещё есть в старом городе?

— Там есть Ангельский сад, по легенде, этот сад разбили сами Ангелы и посадили каждое дерево своими руками, но сейчас он давно запущен и заброшен, но всё равно красив. Можно сказать, что Сад оккупировал остальную территорию старого города, потому что он сильно разросся. В иных местах деревья пробиваются прямо посреди дороги, между камней улиц. Либо дерево выросло из-под пола дома, а затем пробило его крышу. Деревья никто не смеет трогать, и здания тоже, даже если они

уже наполовину развалились. Мы уважаем свою историю. Но зачем я вам рассказываю, вы лучше сами сходите туда и увидите своими глазами! Не просто же так вы приехали в Поднебесье!

— Да, вы правы, — согласилась Чародейка. — Не просто так.

Тэллар и Ивор за обе щёки уплетали местные блюда, когда из комнат спустились девушки. Волосы ещё влажные и вьются мелкими локонами, на головах возлежат венки из перьев, а сами одеты в белоснежные платья.

Парни поперхнулись едой.

— Во что это вы вырядились? — со смехом вопросил Тэллар.

— Мы идём на праздник, — объявила Джара, когда они втроём тоже сели за стол. — А на празднике нужно быть в белом. И потом, нужно же было во что-то одеться, пока наши вещи сохнут.

— Да, вы такие чистенькие, свеженькие, благоухающие, прямо непривычно!

Джара потянулась к нему через стол, но он не дал себя покалечить.

— Откуда платья взяли? — спросил Ивор, тщетно пряча улыбку.

— Хозяин гостиницы нам продал.

— Они уже пользованные? — поморщился Тэллар.

— Они новые! — нахмурясь, возразила Джара. — За кого ты нас принимаешь?

— Ну не знаю даже, дай подумать. Сейчас вы действительно похожи на ангелочков! — объявил Сокол. — Бестия, не делай такую рожу, *так* ты точно больше похожа на чертёнка, чем на ангела!

Тут девушкам принесли те же самые блюда, и они принялись за еду. Что и спасло Тэллара от неминуемой расправы.

— Кстати, — отодвинув от себя тарелку, сказал он. — Я вот тут подумал… А как называть местных жителей? Поднебесцы? Поднебески? Поднебесяна?

Джара поперхнулась мясом и закашляла. Аерис принялась страшно стучать по её спине.

— Поднебеситы? Поднебесийки? Поднебесьеры? — не унимался Сокол.

— Тэллар, перестань, иначе Джара задохнётся! — сказала ему Сельма. Она теперь тоже принимала участие в избиении джариной спины.

— Это ВЫ перестаньте, иначе переломаете мне кости! — гневно прохрипела Бестия.

Они перестали.

— Кстати, а Змейка с Эйданом и Сунор с Хаартом голодают, что ли? — спросила Джара, когда её приступ кончился.

— Бестия, за кого ты нас принимаешь, — оскорбился Сокол. — Мы сказали, чтобы им отнесли еду наверх…

— За кого я вас принимаю? — злорадно повторила Джара. — За двух немытых, дурно пахнущих грязнуль, вот за кого!

Тэллар с Ивором переглянулись, встали из-за стола и отправились в свою комнату.

— Они, что, обиделись? — удивилась Сельма.

— Нет, они поняли намёк, — ответила Джара, облизывая пальцы.

— Это был намёк? — чуть не подавившись, спросила Аерис.

— Ну а что же ещё! Кстати, я придумала! — подняв указательный палец, объявила Джара.

— Что придумала? — не поняли Сельма с Аерис.

— Поднебесийцы! — гордо провозгласила Бестия. — Что смешного?…

На праздник в старый город Ангелы отправились в полном составе, числом девять, все выряженные в белое (парни тоже — на удивление, это не смотрелось смешно или глупо), с белоснежными перьями на голове. Хаарт ещё был ослаблен, но чувствовал себя гораздо лучше, и, казалось, действительно хотел побывать на празднике, а не был просто насильно потащен за собой Сунор. Эйдан держался за руку Змейки и шёл почти прямо, восхищённо оглядываясь по сторонам. Эти две парочки держались особняком от пятерых наёмников и тем более друг от друга.

Тем не менее, Ангелы были вместе, и Джару это радовало. Может быть, они сегодня дружно напьются и помирятся? Нет, невозможно было представить Змейку пьющей, а что будет с Эйданом и представлять не хочется. Джара поскорее отбросила эту мысль.

Старый город был действительно очень красив. Старинные здания, каменная кладка улиц и деревья, отвоевавшие у людей своё право расти, где вздумается. Они вздымались ввысь прямо посреди улиц, из-под камней, или весело выглядывали из проломленных крыш домов. Растение, похожее на вьюн, стебли которого венчали розовые и фиолетовые цветки, покрыло собой почти все стены домов и даже башен. А вдалеке виднелась громада горы, той самой, с которой, по легенде, можно было забраться на небо. Джайрус, называлась она. Со старого, изжившего себя диалекта островитян это означало "путь в небо". А ещё можно было разглядеть купола и башенки Дворца Ангелов. Но его Небесным Воинам ещё только предстояло посетить, а пока

они отправлялись веселиться.

Уже стемнело, но большую площадь в центре старого города, которую заполонили собой люди, пришедшие праздновать Ночь Ангелов (от обилия белого цвета рябило в глазах), освещали стеклянные пузыри, расставленные и развешенные тут и там. Они были наполнены водой и в них сидели те самые рыбки, которые освещали мрак подводных глубин. Рыбки явно были недовольны своим заточением и от обиды светились ещё пуще.

Вначале было представление — постановка той самой легенды о девяти ангелах, низвергнутых богами на землю и построивших чудесный город-королевство на острове. Сунор беспрестанно фыркала ("Это называется актёры? Что за глупости? Что за дурацкие наряды? Какие противные голоса!"), а Тэллар беспрестанно хмыкал ("Вот если бы они знали правду, что их хвалёные ангелы на самом деле позорно сбежали с поля боя и прилетели на остров зализывать раны после спора двух древних богов, о которых здесь даже не помнят!"). Независимо друг от друга, они вконец достали остальных, и им велели заткнуться. Сунор напустила высокомерный вид и отвернулась, а Сокол принялся доставать всех с удвоенным рвением, пока Джара ему не врезала.

Затем представление кончилось, актёры спели песню под названием "Альянс Ангелов" (Тэллар вскочил и вытянулся струнко, приложив руку к сердцу, вскинув подбородок и устремив взгляд в небо. Островитяне восхитились таким патриотизмом и последовали его примеру, и так вот они и стояли всё время, пока пели песню, и ещё долго затем удивлялись, почему же он потом начал хохотать). После песни актёры смешались с общей массой празднующих, принесли бесчисленные кувшины вина, музыканты заиграли весёлую музыку, и начался настоящий праздник.

Вино оказалось сладким, но не приторным, музыка — приятной и так и зовущей в пляс, а местные жители — улыбчивыми и радушными. Всех Ангелов тут же увлекли в общий танец, и вскоре они забылись, слившись с толпой смеющихся и слегка пьяных людей в одно целое.

Джара безудержно хохотала, лихо отплясывая парный танец то с Ивом, то с Тэлларом, а то и вовсе с каким-нибудь незнакомцем. Змейка и Эйдан кружились, взявшись за руки, и счастливо смеялись. Сельма гордо танцевала одна, а вокруг неё увивались назойливые кавалеры. Хаарт кидал взгляд на Змейку и злился, а затем взял и вытащил Сунор танцевать. Аерис куда-то запропастилась, а потом Джара заметила её в кругу двух молодых парней и одной девушки. Джара отметила, что в них есть что-то

странное, но вино уже ударило ей в голову и она не очень ясно соображала, так что она решила, что, как всегда, подумает об этом потом, если возникнет такая необходимость.

Тэллар утащил её из круга танцующих, и они, тяжёло дыша и заливисто смеясь, подошли к девушкам, разливавшим вино, и потребовали немедленно выдать каждому из них по кувшину. Девушки понимающе улыбались и протягивали деревянные кубки.

Ночь Ангелов длилась и длилась, музыка всё играла и играла, а вино не заканчивалось, и веселье, объединившее столько людей, тоже обещало никогда не кончаться.

В какой-то момент Джара обнаружила, что сидит на траве и целуется с Тэлларом. Она мягко отстранилась от него и посмотрела в его серые глаза, блестевшие пьяным блеском.

— Сокол, что мы делаем? Мы же пьяные с тобой оба.

— Мне всё равно, — сказал он и снова потянулся к ней. Она выставила свою ладонь и упёрлась ею в его грудь.

— Мы завтра вспомним и будем жалеть.

— Ни хрена, — заверил её Тэллар. Потом словно тоже что-то сообразил и спросил: — Джара, ты хочешь уйти?

Но ей совсем не хотелось уходить, и она убрала руку и зарылась ею в его густые светлые волосы. Он крепко обнял её и снова нашёл её губы. Он целовал её так нежно, и она опять думала, что не хочет уходить, и отвечала на его ласки пылко, со страстью.

— Ты мне что-то там обещала показать, — тяжёло дыша, шепнул он ей в ухо.

Она встала и потянула его за руку. Он тоже поднялся, и какое-то время они целовались стоя, а затем, не расцепляя рук, убежали с праздника.

— Почему? — раздался голос сзади, и Ивор вздрогнул от неожиданности.

Когда он обернулся, то увидел Сунор. Она стояла, обхватив себя руками, и пристально глядела ему в глаза.

— Почему ты так спокойно смотришь на это? — спросила она, кивком головы указывая на целующихся Джару и Тэллара.

— Ты о чём? — словно не поняв, спросил Ивор, стараясь не выдать голосом волнения.

— Ты же любишь её.

Ивор опустил взгляд. Сунор молчала, глядя на него.

— Почему ты ей не скажешь? — наконец спросила она.

— Зачем? — Голос его звучал горько. Он подумал, что уже далеко не впервые видит Джару с другим. Последний раз это

был…

— Эйдан? — поражённо выдохнула Сунор и невольно поискала глазами Змейку с её подопечным, но те, видимо, уже вернулись в гостиницу. — Вот уж не подумала бы… Но ты не ответил на мой вопрос. Почему ты так просто сдаёшься? Ты же любишь её так давно!

— Посмотри у меня в голове, раз так хочется узнать, — огрызнулся Ивор.

— Хочешь, я скажу, что она к тебе чувствует? — не выдержала Сунор.

Ивор смотрел на неё долго. Потом обернулся, но Тэллара и Джары уже не было.

— Нет, — наконец ответил он.

Она подняла брови в удивлении.

— Нет? Почему?

Он молчал.

— Я могу сделать так, чтобы она тебя любила, — сказала она, следя за его реакцией. Она выдумывала, конечно, но Ивор знать того не мог.

— Нет! — произнёс он с таким жаром, что она вздрогнула. — Ни за что на свете!

— Но почему? — с искренним недоумением спросила Сунор.

— Боюсь, *тебе* никогда не понять, — с горечью в голосе ответил он и пошёл прочь.

Он ни разу не обернулся, поэтому не увидел, как по её лицу потекли слёзы.

— Джара, вставай. Ну вставай же, Бестия, у нас сегодня много дел!

Джара нехотя открыла глаза и увидела лицо Сельмы.

— Сколько время? — сонно спросила она.

— Уже обед. Давай, давай, поднимайся.

Джара потянулась и тут поняла: что-то не то.

— Сельма, это же не моя комната…

— Верно, это комната Ивора и Тэллара.

Бестия вскочила: сон как рукой сняло. Она в молчании уставилась на Чародейку, а перед глазами проплыли события ночи.

— Ох, чёрт. Ох, чёрт! Что же я натворила… Это кровать Сокола? — указала она на смятую постель, с которой только что встала. Сельма кивнула. — Вот чёрт… Ох, чёрт! — снова воскликнула она. — Где моя одежда?!

Сельма обернулась, взяла стопку со стула и протянула ей.

— Но это моя обычная одежда. Которую я вчера постирала и

оставила висеть сушиться. Где моё вчерашнее белое платье?

Чародейка безмолвно развела руками.

— Ох, чёрт…

Сельма тактично промолчала. И также молча ждала, пока Джара одевалась.

— Где все?

— Обедают. Идём вниз.

— Я не голодна!

— Джара.

— Я серьёзно!

— Джара, после обеда мы в любом случае *все вместе* идём в старый город.

— Мне надо помыть голову! Перекушу по дороге!

Она выскочила из комнаты и тут же столкнулась с Тэлларом.

— С пробуждением, Бестия! — весело сказал он. На взгляд Джары, слишком весело. — Как спалось?

— Восхитительно, — огрызнулась она и, задев его плечом, протопала в свою комнату.

Днём старый город выглядел не менее красиво, чем ночью. По старинным улочкам, взявшись за руки, гуляли влюблённые (Джара испытывала острое желание выстроить их всех в ряд и расстрелять из арбалета). Джайрус под солнечными лучами словно светился, а блики, игравшие на куполах и башенках Дворца Ангелов, видны были даже издалека.

— Ну и? Как мы собираемся искать предметы? — спросил Тэллар. — У кого-нибудь есть план? — Он покосился на Джару, так что она сразу поняла, кого именно он подразумевает под этим таинственным "кем-нибудь".

— Что ты на меня смотришь, откуда я могу знать, где эти чёртовы предметы! — окрысилась она.

— Ох, Бестия, я же спросил, есть ли у *кого-нибудь* план, — закатив глаза, произнёс Тэллар, — а не "Джара, ты знаешь, где эти чёртовы предметы?" — передразнил он.

— Прекратите оба, — сказала Сельма, и в её голосе слышалось раздражение, а не обычная напускная строгость. — И послушайте меня. Вчера на празднике я кое-что выяснила. — Джаре в её фразе послышалось: "Я занималась делом, а не чем попало, как некоторые". — Почти никто не проснулся к завтраку и не все спустились к обеду… поэтому у меня не было возможности рассказать о том, что я узнала, раньше. Так что расскажу сейчас. Я беседовала с местными жителями. Так, просто, будто я туристка и интересуюсь легендой. Некоторые искренне полагают, что те, кто основал город, действительно были ангелами и спустились с

небес, другие считают, что это были просто талантливые люди, может быть, волшебники, так что с веками история обросла мифами. Ну а насчёт второго Альянса Ангелов они, естественно, ничего не знают. Один человек предложил мне сходить в Башню Света, это сооружение на краю города. Там вроде бы есть архивы и библиотека. Можно попытаться найти информацию о девяти чужеземцах, однажды прибывших на Поднебесье. Ну и конечно стоит побывать во Дворце и съездить к горе. Так что, я думаю, нам лучше не тратить времени и разделиться. Я отправляюсь в Башню. Со мной пойдут Аерис и Змейка. Вы не против? Хорошо, остальные, отправляйтесь во Дворец Ангелов, по дороге прогуляйтесь по Саду, поспрашивайте о чём-нибудь у местных, может, выясните что-нибудь интересное. Вечером встречаемся в гостинице.

— Подожди, Чародейка, у меня тоже есть, что рассказать, — произнесла ко всеобщему удивлению Аерис. — Вчера на празднике я встретила эльфов.

Джара смутно припомнила троицу, в компании которой провела полуэльфка вчерашний праздник. Она ещё подумала: что-то в этих людях странное, а оказалось, то были и не люди вовсе.

— Они приплыли на Поднебесье с Тарневира. А цель их путешествия — волшебные артефакты, спрятанные на острове.

— Что-что?! — поражённо выдохнула Бестия.

— Эльфийка, ну ты даёшь! — выдохнул Тэллар. — Что ж ты раньше молчала?

— А когда бы я сказала? Вчера вы напились до поросячьего визга, утром дрыхли, и вместе собрались только сейчас, — пожала плечами Аерис. Джара хотела поспорить насчёт поросячьего визга, но затем благоразумно решила смолчать. А ещё ей почему-то показалось, что если бы это не касалось Альянса, Эльфийка бы вряд ли рассказала им о встречи с сородичами…

— Это очень странно, — пробормотала Сельма. — Что они тебе ещё сказали?

— Эльфы не знают ничего об Альянсе Ангелов, кроме всё той же легенды об основании города на Поднебесье. Но у них есть другая легенда, о волшебных предметах, спрятанных на этом острове, в которых заключена огромная сила. По этой легенде, семь сотен лет назад эльфы изгнали из своего королевства свою соплеменницу, полюбившую человека…

— Это, что, считается грехом? — нахмурился Ивор.

— Это табу среди эльфов — любовная связь с человеком, — ответила Аерис, отведя взгляд, и, не дожидаясь следующих

расспросов, продолжила: — Через какое-то время, когда все забыли об изгнаннице, на Тарневир приплыл некий полуэльф, и вскоре аж до самих эльфийских правителей дошли слухи о каких-то необыкновенных артефактах, которыми владеет этот полуэльф. Его призвали ко двору владык, но он лишь посмеялся над эльфами, напомнил им, как они унизили его мать, и не раскрыл своей тайны. Тогда царь и царица эльфов послали самую красивую из своих дочерей к полуэльфу, чтобы она разведала об артефактах. Полуэльф вроде бы полюбил её и проговорился ей о том, что у него самого нет артефактов, но они надёжно спрятаны на острове Поднебесье. Затем он якобы догадался, что она шпионка, и прогнал её. А потом и он сам исчез.

— Первый раз слышу, чтобы Эльфийка так долго говорила, — хмыкнул Тэллар. — Ну всё, всё, молчу, — виновато поднимая руки, произнёс он, когда Сельма кинула на него злобный взгляд.

— Этот полуэльф… Видимо, тот самый, что был в составе Альянса Ангелов? — предположила Джара.

— Скорее всего, — кивнула Сельма. — И что, много эльфов отправляются искать артефакты?

— Насколько я поняла, среди эльфов легенда считается всего лишь легендой, и мало кто воспринимает её всерьёз.

— Но, видимо, твои знакомые так не считают, — произнесла Чародейка.

Аерис кивнула и добавила:

— Самое интригующее, что они ищут *восемь* предметов, а не девять.

Джара нахмурилась.

— Восемь? И как это понимать?

— Я не стала спрашивать, они бы заинтересовались, откуда я вообще могу об этом знать, это ведь эльфийская легенда… — Она задумчиво отвела взгляд в сторону.

— Да, ты права, не стоит рассказывать об Альянсе первым встречным, — кивнула Бестия. — А как они собираются искать предметы?

— В их легенде что-то сказано на этот счёт, но они не желали об этом говорить…

— Зачем они ищут артефакты? — спросил Ивор.

— Ну это-то ясно и так, — ответила за Аерис Сельма. — В артефактах скрыта огромная сила, и они желают ею обладать.

— Люди, эльфы — всё одно, — неодобрительно произнёс Тэллар, косясь на Эйдана. Тот ничего не заметил и вообще не слушал их разговор, а глазел по сторонам. Джара задалась вопросом, помнит ли он хоть что-нибудь о Книге и храме в горах. А ещё о…

— Ясно. Ладно, разберёмся потом, а пока действуем по плану Сельмы, только Аерис лучше пойдёт с нами, вдруг встретим эльфов, — подытожила она, отбрасывая ненужные и неприятные мысли, и Ангелы разделились на две группы и разошлись.

Башня Света каменной громадой вздымалась в небо, тыча в облака ослепительно ярко сверкающим тонким шпилем. Вокруг грудились небольшие домики, выглядевшие жалкими по сравнению с высокой и великолепной башней.

— Красиво! — протянул Эйдан, и Змейка улыбнулась.

— Да, очень красиво, — подтвердила она, ласково сжимая ему руку.

Втроём они приблизились к башне и вошли через незапертую дверь. Внутри было светло и царил беспорядок. По периметру стен были расставлены книжные полки, хаотично заполненные книгами и свитками. Из середины круглой комнаты вверх вилась лестница. За лестницей стоял небольшой столик, за которым сидела смуглая женщина лет пятидесяти с седеющими волосами, гладко зачёсанными назад и убранными в пучок на затылке. Подняв глаза на вошедших, она приветливо улыбнулась и встала из-за стола.

— Добро пожаловать в Башню. Да осияет вас свет знаний и мудрости!

Хранительница Башни в молодости, несомненно, была красавицей. Даже сейчас её миндалевидными глазами, пусть они и были окружены морщинками и подёрнуты желтоватой пеленой, можно было залюбоваться. Одета женщина была в простое тёмное платье, а на грудь, под ткань, спускалась красивая серебряная цепочка.

— Спасибо, — вежливо кивнув, поблагодарила её Сельма. Змейка и Эйдан стояли за её спиной. Взгляд хранительницы на долю мгновения задержался на покалеченной руке Эйдана, скользнул по юному, но полному решимости лицу Змейки и вернулся на Сельму.

— В поиске чего пришли вы в Башню Света?

— Нам нужны кое-какие сведения из архивов, — осторожно начала Чародейка.

— Вы не местные. Назовите мне причины, по которым я должна позволить вам изучать архивы острова? — нахмурилась женщина. — Вход на верхние этажи разрешён лишь коренным жителям Поднебесья.

— Это очень важно, — стараясь быть убедительной, молвила Сельма. "Жаль, здесь нет Сунор, она бы прочистила ей мозги", — невольно возникла у волшебницы мысль. Для неё самой, каковы

бы ни были теперь её способности, таинства ментальной магии всё ещё были скрыты за семью печатями. — У нас нет плохих намерений.

— Что именно вы хотите узнать и как потом будете это использовать? — спросила хранительница Башни.

— Мы с Гирита и отслеживаем род известных гиритских волшебников, — начала вдруг вдохновенно врать Змейка. Сельма посмотрела на неё с некоторым удивлением, но тут же с энтузиазмом закивала. Змейка продолжала: — Нам известно, что несколько веков назад один из последних представителей этого рода вместе со своими друзьями отплыл с Гирита на Поднебесье.

— А какой вам интерес к этому роду? — сощурила глаза женщина.

— Потому что я к нему принадлежу, — не растерялась Сельма. — Если вы не верите, что я волшебница, я могу доказать… А это — мои друзья, и они помогают мне в поисках. Если бы вы дали мне допуск к архивам, я, возможно, смогла бы с вашей помощью отыскать на острове своих родственников…

Хранительница окинула её проницательным взглядом. Сельма вдруг ясно ощутила какую-то тревогу, напряжение, повисшее в воздухе, и скрытую силу. Змейка тем временем дёргала за рубашку Эйдана, так и норовящего стащить какой-нибудь свиток с полки.

— Да будет вам известно, что корни моей семьи уходят к тому же острову Гирит, — молвила женщина.

— Может быть, мы с вами родственники? — как можно теплее улыбнулась Сельма.

Хранительница Башни, к их радости, тоже растянула губы в суховатой, но улыбке.

— Хорошо, я разрешу вам зайти в архивы. Идите за мной. Архив занимает два верхних этажа Башни, — объясняла она, пока они поднимались по винтовой лестнице, одну за другой минуя круглые комнаты, заставленные книгами. Почти в каждой было два-три человека. — Вот мы и пришли. Следующая комната наверху также в вашем распоряжении. Если я вам понадоблюсь, спуститесь.

— Спасибо большое, — благодарно сказала ей Змейка.

— Спасибо, — повторил за ней Эйдан.

Сельма тоже улыбнулась и поблагодарила женщину. Та кивнула в ответ и покинула их.

— Ну что ж, за работу! — с улыбкой произнесла Змейка, беря в руки один из свитков с полки. — Это комната чем-то напоминает мне чердак в доме моей учительницы, ведьмы Мавиры. Правда, тот чердак был гораздо меньше, но тоже был

весь заставлен полками с книжками и свитками, и они были, кажется, в ещё большем беспорядке.

Сельма посмотрела на внимательно просматривавшую свиток Змейку с теплотой. Ей очень нравилась эта милая, добрая и умная девушка. Ей стоило бы поставить памятник за её жертвы во имя правого дела и за эту трогательную, беззаветную заботу об Эйдане.

Волшебница тоже взяла в руки свиток и вдруг нахмурилась, вспомнив, что её что-то встревожило в хранительнице. Она сказала об этом Змейке. Эйдан тем временем вовсю резвился со свитками.

— По-моему, она милая и приветливая, — пожала плечами целительница. — Ты чувствуешь какую-то угрозу от неё?

— Нет, здесь что-то другое, — покачала головой Сельма. — Скорее волнение… или напряжение. А ещё какая-то сила, скрытая глубоко. Возможно, эта женщина обладает магическими способностями, но она никогда не развивала их. Или… я не знаю.

— Бери пример с Джары, — улыбнулась Змейка. — Подумаешь об этом потом, при случае. — Тут она в удивлении обернулась к Эйдану, что-то бормотавшему со свитком в руках. Змейка заглянула в его свиток и изумлённо втянула воздух. — Эйдан! Ты читаешь?… Ты помнишь?

Эйдан преданно улыбнулся ей и прочитал ещё несколько строчек из свитка.

Ангельский Сад, запущенный, заброшенный, но прекрасный, раскинулся вокруг Дворца. Деревья разрослись, и в некоторых местах кроны так сплелись, что лучи света пробивались лишь кое-где, косо падая сияющими стрелами на мощёные резными камнями дорожки, поросшие мхом и покрытые ковром из опавших листьев. Воздух был чист и свеж, меж ветвей сновали и весело щебетали маленькие птички с ярким разноцветным оперением. Иногда на пути встречались ажурные бронзовые скамейки. Металл изъело время, а всё тот же вездесущий вьюн оплёл где ножки скамьи, где спинку, а где и вовсе поглотил её всю. По Саду неспешно прогуливались как местные жители, так и чужеземцы, сливая звуки своих речей с голосами Сада.

Ангелы все, без исключения, были очарованы и пленены спокойной, исполненной какой-то древней мудрости и в то же время полной новой жизни красотой Сада. Сунор забыла про обычную надменную маску и восторженно улыбалась, держа Хаарта под руку. Тот тоже искренне улыбался, забыв про свои раны — и телесные, и душевные. Аерис где-то оставила свою обычную серьёзность и обстоятельность и, как маленькая девочка,

ворошила ногами листьями. Джара и Тэллар наконец-то перестали препираться и подкалывать друг друга. Сокол шёл чуть позади Бестии вместе с Ивором. Джара шагала впереди маленького отряда, с улыбкой впитывая в себя красоту Сада. Его умиротворённость и гармония чем-то напомнили ей Лес Друидов, и девушка попыталась пробудить в себе спящую Оарин.

Миерна, попробовала она мысленно позвать друидку. *Миерна!*

Я слышу тебя, сестра, раздалось в голове, и Джара чуть не завопила от радости.

Миерна, я так соскучилась! Я так рада, что снова могу говорить с тобой! Я ведь даже до сих пор не поблагодарила вас за ту помощь со смерчем.

Это был наш долг, Оарин, и тебе не за что нас благодарить. Это мы должны благодарить тебя. После того, как мы через Круг и Узы передали тебе свою силу, чтобы уничтожить порождение Повелителей Стихий, мы поняли, что должны плыть в Таэрию, чтобы сдерживать мощь Книги, пока Альянс Ангелов не вернётся со всеми предметами и не устранит угрозу для существования всего живого.

Джара вскрикнула от удивления, так что все вздрогнули и посмотрели на неё с недоумением. Но она не обратила внимания на их вопросы, боясь разрушить тонкую связь с Миерной.

Вы собираетесь плыть в Таэрию?

Мы уже здесь.

Что с Книгой?

Сфера огромна. Измерение Книги проникает в наш мир, но пока не возникло ни новых смерчей, ни чего-либо другого…

Миерна, взволнованно обратилась Джара к друидке, посылая свою мысль через воды и земли, *многое изменилось. Мы узнали, что…*

Оарин!..

Джара вздрогнула и замерла, так что Тэллар чуть не врезался в её спину.

— Бестия, что творишь? — недовольно произнёс он.

Сестра, я больше не могу с тобой говорить, удачи, и да хранят тебя силы природы! Мы верим в Альянс, я…

— Джей, что случилось? — с беспокойством глядя на встревоженное лицо девушки, спросил Ивор.

Джара взглянула на него, и в её глазах стояли слёзы.

— С Миерной что-то произошло, — проговорила она, моргнула, и тоненькие солёные струйки пробежали по её щекам. — Друиды в Таэрии, у Книги, и она сейчас говорила со мной, а потом… Потом что-то случилось, и её мысль оборвалась…

Грифон притянул её к себе, и она спрятала лицо у него на груди.

— Я даже не успела предупредить её о богах, рассказать о том, что мы узнали от нерейев, — говорила она, плача. — Они покинули Лес, представляешь, Ив, они уплыли с Гирита, чтобы защитить людей, таэрийцев… чтобы дать нам время… что-то случилось, а вдруг…

Хаарт непроизвольно сжал руку Сунор, представив, как новый смерч разрушает Дэшам, Арлан, все оставшиеся в целости города Таэрии. Тэллар стоял, замря в неестественной позе, не решаясь подойти к Джаре или сказать ей что-нибудь ободряющее.

— Миерна и друиды поступили правильно, — негромко, но твёрдо произнесла Аерис, подходя к Джаре и кладя руку ей на плечо. — Книга и её порождения — это, в первую очередь, вина их предков, и теперь они получили право её искупить.

— Она сказала, что сфера разрослась до огромных размеров, но пока ничего не произошло, — утря слёзы, сказала Джара. — Значит, двери ловушки медленно распахиваются, а если четыре древних взбешённых бога вырвутся на свободу, друиды не выстоят против них ни минуты. Нам надо торопиться.

И Ангелы спешно двинулись ко Дворцу.

А далеко от Поднебесья, посреди обломков зданий, прямо под низко нависшей над тадорскими руинами громадной чёрной сферой, взявшись за руки, в идеально ровном кругу стояли девятнадцать друидов, полные отваги и решимости противостоять силе Стихий до конца.

От сферы отрывались языки пламени и обжигали лица друидов. Вспыхивали волосы и одежды, но силою девятнадцати разумов, девятнадцати душ, соединенных в Круге в единое целое, друиды гасили огонь.

Со сферы срывался бешеный ветер и грозил разорвать узы, связавшие детей природы, но друиды стояли, не шелохнувшись.

Со сферы обрушивались ледяные и кипящие водопады, но ни один из девятнадцати не дрогнул.

Летели на Круг каменные глыбы, но натыкались на невидимую преграду, сотканную из веры, воли и внутренней силы. Земля под ногами друидов плясала, шаталась, ходила ходуном. Друиды стояли.

А затем в их головах заговорили голоса. Первый грохотал, как гром, и у ног друидов били молнии. Он угрожал, вещал о Часе Гнева и приказывал друидам сдаться, но они стояли.

Второй голос шелестел и шептал, подобно ручейку, обещая волшебную мощь, какой не видывал мир, и дрогнуло несколько

рук, но друиды устыдили своих братьев и сестёр и не дали им пасть, и тогда голос гремел и стонал, подобно водопаду, то угрожая, то умоляя, но и это их не сломило.

Третий голос, трескучий, как костёр, обжигающий, как пламя, грозил самыми страшными муками ада, расписывал картины конца света, и образы, возникавшие в головах друидов, пробирали до самых костей, вызывая мало кому в мире ведомое чувство всепоглощающего, выедающего изнутри страха, первобытного, древнего ужаса. Семеро из девятнадцати пали духом, чуть не разрушив Круг, но остальные поделились с ними частью своей силы, и те вновь воспрянули.

И тогда заговорил четвёртый голос. Он шептал, как трава в долине, волнуемая ветром, и пел шелестом листьев в роще; весёлый, как щебет птиц, печальный, как надломленное молнией дерево, молодой, подобно юным росткам, стремящимся навстречу солнечным лучам, и глубокий, мудрый, словно сами недра земли. Голос не угрожал, не льстил, ничего не обещал и не сулил. Он просто приказал подчиниться, подчиниться по древнему, неизменному, непреложному праву создателя повелевать своими созданиями.

И девятнадцать друидов как один пали на колени.

— Ну что там у тебя? — уже в который раз, подняв слезящиеся от напряжения глаза от свитка, устало спросила Сельма.

Змейка потёрла глаза и в который раз ответила:

— Ничего.

Чародейка вздохнула.

— Абсолютно ни одной зацепки, ничего похожего на то, что нам нужно.

Эйдан увлечённо читал какой-то свиток. Он на несколько секунд отвлёкся на их голоса, но затем снова вернулся к своему чтению.

— Вполне возможно, что здесь и нет ничего. — Змейка окинула взглядом полки со свитками. — Какая гарантия того, что об Ангелах остались какие-то сведения в архивах?

— Вновь прибывших обычно регистрируют в специальных книгах. — Сельма кивком указала на одну такую, лежавшую перед ней.

— Но мы не знаем их имён! Не знаем, когда они прибыли на Поднебесье! — воскликнула Змейка. — Может, их вообще не регистрировали, вот нас же ни о чём не спросили, когда мы сошли с корабля!

Сельма опять вздохнула и кивнула, соглашаясь с ней.

— Ночь Ангелов — главный праздник острова. На него собирается очень много людей, наверное, поэтому всех регистрировать попросту не успевают… Но нам всё равно придётся всё это просмотреть. Ещё есть книги, в которых записывают граждан города, своеобразная перепись населения.

— Ты хочешь просмотреть переписи населения за все года всех минувших веков? Сельма, это нереально.

— Я знаю, Змейка. Надеюсь, остальным удастся что-нибудь выяснить.

Тут в комнату поднялась хранительница Башни с подносом, на котором стояли три большие чашки с ароматной дымящейся жидкостью и тарелочка с маленькими аппетитными булочками.

— Это для вас. Бодрящий чай и свежая выпечка, — улыбнулась она, ставя поднос на стол.

Эйдан тут же схватил одну булочку и отправил её в рот.

— Большое спасибо, — улыбнулась в ответ Змейка.

— Это как раз то, что нам нужно, — благодарно глядя на чай, сказала Сельма и тут, подняв глаза на хранительницу, снова ощутила ту же самую странную силу и какое-то напряжение, настолько ощутимое, что воздух будто покалывало.

Женщина кивнула и повернулась к ним спиной, собираясь уйти.

— Вы никогда не проверялись на обладание волшебным даром? — не выдержала Сельма.

Хранительница Башни замерла, словно слова Чародейки ударили ей в спину, затем обернулась.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто я ведь сама волшебница и чувствую какую-то скрытую силу в вашем присутствии.

Сельме показалось, что лицо женщины дрогнуло, но через секунду та уже снова улыбалась.

— Какая скрытая сила, госпожа волшебница, разве только сила знаний! — Она сдержанно рассмеялась и спустилась вниз по лестнице.

Сельма задумчиво взяла свою чашку. Змейка дула на чай Эйдана, чтобы его остудить, а он сам присвоил всю тарелку с булочками и с энтузиазмом поедал их одну за другой. Набив рот, он оглядел сосредоточенные лица Змейки и Сельмы и протянул им по булочке. Змейка рассмеялась, принимая щедрый дар, и Чародейка, несмотря на тяжёлые мысли, тоже не смогла удержаться от улыбки. Подумать только, и это тот чародей, который вызволил силы Книги на свободу! А они радуются его проказам и успехам, будто он маленький ребёнок, которого они зачем-то повсюду таскают за собой.

— У неё тоже есть крылья, — заявил Эйдан, с усилием пережёвывая булочку.

Сельма поперхнулась чаем, а Змейка удивлённо уставилась на своего подопечного.

— Крылья? Ты сказал, крылья, Эйдан? — спросила она, заглядывая в беспечное лицо Эйдана.

— Только она носит их с собой, — добавил тот и, низко наклонившись над столом, громко отхлебнул чай.

— Что это значит? Что значит, "она носит с собой крылья"? — допытывалась Сельма, но Эйдан больше не проронил ни слова, всецело поглощённый процедурой чаепития, так что Чародейка опять пожалела, что с ними нет Сунор.

Ангелы бесцельно шатались по огромному лабиринту коридоров, залов и комнат Дворца, натыкаясь на других туристов, надоедливых гидов, тут же начинавших травить их байками об Ангелах и Поднебесье, или ещё более надоедливых торговцев, пытавшихся продать им статуэтки ангелов всех размеров (от фигурки длиной с мизинец до статуи в человеческий рост), из всевозможных материалов (деревянные, золотые, серебряные, мраморные, бронзовые и прочее) и в самых разнообразных позах (ангел, собирающийся поразить врага, ангел, сложивший руки в молитве, плачущий ангел, улыбающийся, хохочущий…)

— Это уже доходит до абсурда! — возмущённо заявила Джара, разглядывая мраморную скульптуру, изображавшую двух обнажённых ангелов, мужчину и женщину, слившихся в поцелуе. Над их головами верхние перья их крыльев соприкасались, образуя подобие свода.

— Ну почему же, — разыграла удивление Сунор, — что, если ангелы, то и целоваться не могут?

Джара готова была разбить статую об её голову, но Аерис не дала свершиться членовредительству, потому что сказала:

— Там эльфы, мои вчерашние знакомые.

Бестия выкинула из головы Сунор и, проследив за взглядом Аерис, увидела двух парней и девушку, о чём-то беседовавших с гидом.

Все трое были высоки ростом, со светлыми прямыми волосами (у парней чуть ниже плеч, у девушки до пояса), бледной кожей, заострёнными ушами и удлинёнными раскосыми изумрудными глазами. Они все чем-то неуловимо напоминали лицо Аерис и, в то же время, разительно от неё отличались.

— Иди, поговори с ними, — сказала Джара полуэльфке. — Или лучше приведи их сюда, познакомить с нами. Может, сболтнут что-нибудь?

Аерис кивнула и направилась к эльфам. Заметив её, они заулыбались и приветствовали её. Затем девушка бросила ей пару слов (парни продолжили говорить с гидом) и повернулась обратно к своим спутникам.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Джара, когда Эльфийка вернулась к ним.

— Они обещали подойти, когда закончат беседу с гидом.

— О чём они говорят с ним? — спросил Тэллар.

— Выспрашивают какие-то маршруты, я не расслышала точно, — пожала плечами Аерис.

— Надо узнать, куда они собрались, — щуря глаза, сказала Бестия, окидывая троицу эльфов подозрительным взглядом. — Спроси у них так, невзначай, когда они подойдут к нам.

— Ничего они ей ни скажут, а вам тем более! — выпалила Сунор. Все уставились на неё в недоумении. Она усмехнулась, насмешливо глядя в глаза Аерис. — Что же ты им не сказала? Делаешь вид, что не заметила? Или не хочешь признаваться в том, что нутром уже давно почувствовала? Что, зов крови взыграл, хочется пообщаться с себе подобными несмотря ни на что?

— Прекрати немедленно! — взвилась Джара. — Как ты смеешь так разговаривать с Аерис!

— Отлично. Я могу ничего не говорить! — Сунор скрестила руки на груди и отвернулась. Хаарт начал что-то тихо ей говорить, но та только фыркнула.

— Не могла придержать язык? — раздражённо бросил Тэллар Джаре.

— Нет, не могла! — огрызнулась та.

— Аерис, о чём она говорила? — осторожно спросил Ивор полуэльфку, подозревая, что, несмотря на её каменное лицо, её это задело.

— Она права, — негромко произнесла Эльфийка. — Они мне ничего не расскажут, потому что они меня презирают.

— Презирают? — удивлённо переспросил Тэллар.

— Да кто они такие… — начала Джара.

— Эльфы на Тарневире живут обособленно и сплочённо и не имеют никаких контактов с людьми, кроме торговых и политических. Людей они считают расой низшей, чем они сами, а смешанные браки и вовсе презирают. Вспомните ту же легенду… — Она невесело усмехнулась. — Я — плод любви эльфа к человеку, а для них это — позорное ярмо на всю жизнь.

— Я сейчас на них самих повешу позорное ярмо на всю жизнь! — сжимая кулаки и кидая разъярённые взгляды в сторону троих эльфов, прошипела Бестия.

Тэллар покосился на Аерис, но лицо той было непроницаемо.

— Я предлагаю вот что, — сказал он. Когда все обратились во слух, он заговорщически прошептал: — Послать шпиона в стан врага!

— Сокол, я, конечно, постараюсь выведать у них всё, что можно, но…

— Да нет, Эльфийка, я не про тебя! Я про Сунор.

Услышав своё имя, девушка обернулась и вопросительно уставилась на четверых друзей, которые, в свою очередь, тоже уставились на неё.

— Что?

— Сунор, ты нам нужна… — начала Джара.

— А вы мне нет, — заявила та и снова отвернулась.

Джара стрельнула глазами в Хаарта, и тот принялся уговаривать Сунор. Она упиралась и упрямо мотала головой.

— Послушай, чем быстрее мы найдём предметы, тем скорее отправимся обратно в Таэрию, и всё закончится, — стараясь, чтобы голос не звучал раздражённым, сказала ей Бестия.

— Да что ты ломаешься, — подхватил Тэллар, — тебе же это раз плюнуть, подойти и почитать их мысли!

Сунор резко обернулась и впилась в него взглядом.

— Ты, что, думаешь, это так легко, да? — словно выплёвывая слова, спросила она у Сокола. Он собрался что-то было ответить, но она ему не дала. — Просто подошла и залезла им в головы, что ж тут сложного, действительно!

Хаарт, пытаясь успокоить её, положил руки ей на плечи, но Сунор раздражённо скинула его руки (что повергло всех в изумление). Джара пребывала в бешенстве от одной мысли, что её придётся вот так заставлять да уговаривать делать каждую мелочь, нужную для дела. Ивор в задумчивости молчал, Тэллар был слегка растерян.

— Всё, тихо, — шепнула Аерис. — Они идут сюда.

— Сунор, — требовательно позвала Джара, и Сунор уставилась ей прямо в глаза.

"Как будто я могу взять и заставить себя *не* читать их мысли, — услышала вдруг Бестия её голос в своей голове. — Просто спросите их о том, что вам нужно. Даже если они не ответят, *я* узнаю ответ".

— Это бесполезно, — вздохнула Змейка, откладывая очередной свиток в сторону. Эйдан дремал рядом на стуле, уронив голову на грудь.

Сельма задумчиво подняла на неё взгляд.

— Змейка, я хотела спросить тебя… Ты почувствовала в себе

какую-нибудь новую силу? Новые способности? Я имею в виду, дар нерейев. Ты — Ангел Света…

Змейка покачала головой.

— Нет, по-моему, абсолютно ничего не изменилось… Но я буду стараться, обещаю.

Сельма улыбнулась, услышав эти слова. Затем она снова обратилась к свиткам, и улыбка сползла с её лица. Змейка встала из-за стола, потянулась и глянула в маленькое окошко.

— Уже стемнело.

— Давай ещё немного посидим. Ты не сильно устала?

— Нет. — Змейка взяла ещё один свиток и вернулась на своё место. — Даже если я устала, какое это имеет значение? Будем читать эти свитки до тех пор, пока не найдём какую-нибудь зацепку, связанную с Альянсом Ангелов…

— Вы ничего не найдёте в этих свитках, — раздался голос хранительницы Башни.

Сельма вздрогнула и подняла взгляд на стоявшую около лестницы женщину. Змейка закусила губу и переглянулась с волшебницей.

— Я уже думала, что мне вскоре придётся передавать многовековую тайну нашей семьи своему сыну, но, оказывается, я удостоена чести выполнить завет моих предков.

— Что это значит? — спросила Сельма. — Что за тайна?

Хранительница Башни загадочно улыбнулась.

— Она связана напрямую с вами… Ангелы.

Змейка задохнулась от удивления, у Сельмы слова застряли в горле, и она не могла произнести ни слова.

— Вы знаете об Альянсе? — выдохнула Змейка.

— Да.

— Но откуда?

— Меня зовут Найна, и моими предками были двое из Альянса Ангелов.

Змейка медленно раскрыла рот, а Сельма расширила глаза, с трудом пытаясь уложить в голове услышанное.

— Вы — потомок Ангелов?

Найна ещё раз улыбнулась и кивнула. Затем она подошла к их столу и села на свободный стул.

— Мои предки пронесли эту тайну через семь веков, потому что так завещали им два Ангела, любивших друг друга и заключивших брачный союз, когда Альянс исполнил своё предназначение. Они рассказали это своей младшей дочери, когда стали стары, и наказали ей хранить узнанное в секрете и раскрывать это лишь тому из своих детей, кто мудр и честен, и кто не попытается использовать в своих целях *это*…

И с этими словами Найна сняла с себя серебряную цепочку, на конце которой сверкнул всеми цветами радугами спрятанный до того под платьем кулон в виде крыльев, и положила её на стол.

— Только не говорите что это… — начала, не веря своим глазам, Сельма. От волнения и изумления её голос хрипел.

— Это один из волшебных артефактов Ангелов, амулет. Я больше не могу хранить его. Он по праву принадлежит кому-то из вас… или ваших друзей.

— Тэллару, — шепнула Сельма, кивнув, и протянула руку к цепочке. Едва она коснулась пальцами тёплого от соприкосновения с телом металла, как сразу поняла, *что* за силу, исходящую от хранительницы, она всё это время чувствовала. Эйдан тем временем уже проснулся и оглядел присутствующих торжествующим взглядом, мол, я же вам говорил.

— Расскажите нам всё, — попросила Змейка.

— Я знаю совсем немного. С каждым поколением от завета предков словно отламывались мелкие кусочки, подробности забывались… Но, пожалуй, вы и так знаете всё, что вам нужно, а мне это знать совсем ни к чему. Важно только, что мой род всё же сумел сохранить самое главное. Когда Ангелы исполнили своё предназначение, восемь из них приплыли на Поднебесье…

— Восемь? — переспросила Сельма.

— Один из Ангелов погиб ещё во время сражения на Гирите, — объяснила Найна, и в груди Сельмы похолодело, когда она представила, что кто-то из её друзей тоже может погибнуть, когда они вернутся в Таэрию. Хранительница же продолжала: — Но вместе они пробыли здесь недолго. Полуэльф затем уехал на Тарневир, четверо Ангелов-воинов уплыли на Материк, когда началась война, и тоже не вернулись… Волшебник Альянса ушёл на Джайрус и жил там в одном из ущелий отшельником. А двое Ангелов любили друг друга и поженились. Они-то и есть мои предки, — с гордостью в голосе произнесла Найна. — Я узнала это десять лет назад, когда умирал мой отец. Он передал мне амулет, — она кивнула на цепочку в руках Сельмы, — и рассказал то, что когда-то рассказал ему его отец.

— Где остальные предметы? — с трудом оторвав взгляд от исполненного необъяснимой силы амулета, спросила Чародейка.

— Каждый из Ангелов, покидая Поднебесье, относил свой артефакт волшебнику на Джайрус.

У Сельмы перехватило дыхание.

— Они до сих пор там? — спросила Змейка, тоже взволнованная.

Найна кивнула.

— Однажды, завещали два Ангела своему сыну, кто-то из

твоих потомков передаст амулет новым Ангелам и отведёт их к пещере мага, где хранятся остальные семь артефактов.

— Семь? — хриплым голосом переспросила Сельма, сразу вспоминая слова Аерис об эльфах.

— Но почему семь? — тоже недоумевала Змейка. — Ангелов было девять!

— Я знаю. Но восемь Ангелов приплыли на Поднебесье и привезли с собой восемь артефактов. И все они остались здесь, на острове. Это всё, что я знаю. Хотя нет, есть ещё горная тропа, ведущая в скрытое ущелье Джайруса. Я покажу вам её, когда вы попросите.

Сельма кивнула, затем поднялась из-за стола. Змейка и Эйдан тоже встали. Девушки поблагодарили Найну и обещали завтра вернуться вместе с остальными Ангелами, чтобы та указала им дорогу к ущелью. Затем они двинулись к своей гостинице. И хотя амулет, один из волшебных артефактов, уже был найден и теперь покоился на груди у Сельмы, на сердце у Чародейки было тяжело. Где же девятый артефакт? Неужели он захоронен на Гирите вместе с погибшим Ангелом? Или утерян где-то на Материке или на Тарневире? Кто из Ангелов не оставил своего артефакта на хранение волшебнику, ушедшему от суеты мира на одинокую гору? Как они теперь будут его искать?…

— Элеа, — обнажая ослепительно белые зубы в приветливой улыбке, произнесла эльфийка.

— Эмрис, — приветствуя Ангелов кивком головы, представился первый эльф.

— Ноэмин, — назвал своё имя второй. С Эмрисом они были похожи, как братья-близнецы, лишь пристально приглядевшись, можно было заметить, что у Эмриса лицо более вытянутое и скулы острее, чем у Ноэмина, и глаза уже, отчего они казались хитро сощуренными.

Ангелы натянули дружелюбные улыбки и тоже представились. Одна Сунор удостоила эльфов безразличным кивком головы, а имя её за неё назвала Аерис. Сунор с изощрённым удовольствием отметила, как в мыслях эльфах вспыхнуло раздражение.

Они мило беседовали с эльфами, в основном обсуждая Дворец, Сад и вчерашний праздник. Эльфы были лживы на корню — восхищаясь красотой достопримечательностей острова, на самом деле они ни во что не ставили ни здания старого города, ни Башню Света, ни Дворец, ни Ангельский сад, считая их недостойными даже сравнения с великолепием архитектуры их народа.

Элеа, вставляя ничего не значащие фразы, мыслями витала далеко отсюда. Сунор еле сдерживала улыбку, перенимая вспыхивающие в воображении эльфийки тщеславные картины славы, которой жаждала Элеа. Она надеялась найти артефакты и занять место в каком-то совете на родине. Но мысли Элеа были заняты тем, что будет, когда они уже найдут предметы, а о том, *как* они будут их искать, она никак не хотела думать. Сунор, конечно, могла на неё надавить, но она тогда бы это заметила, а это вряд ли надо Джаре и её друзьям.

Эмрис рассказывал Джаре что-то о Тарневире, и Сунор чуть не подавилась смехом, заглянув в его мысли. Воображение эльфа рисовало ему картины совместной ночи с его собеседницей. Кажется, он находил какое-то особенное удовольствие в том, чтобы укладывать в свою постель представительниц презренной человеческой расы. Сунор фыркнула и перевела взгляд на Ноэмина.

Этот эльф был настроен не так категорично насчёт людей и полуэльфов, хотя и в нём присутствовал эльфийский шовинизм. Он обсуждал с Тэлларом и Ивором мечи, и его мысли вполне соответствовали их разговору.

Сунор мысленно сказала Джаре, чтобы они спросили что-нибудь об артефактах, иначе эльфы могут уйти, так и не подумав ни о чём, что необходимо узнать Альянсу. Джара начала что-то придумывать, но у неё не сформировалось ни одной стоящей идеи, так что она не нашла ничего лучше, как сказать:

— Аерис рассказала нам, что вы ищете какие-то древние артефакты!

Элеа, в тот момент как раз что-то объяснявшая полуэльфке, оборвала фразу на полуслове, и все её мысли вытеснила холодная ярость. Она явно недовольна, что Аерис всё разболтала такому количеству народа. "Я говорила Ноэмину, чтобы он ей не доверял, — ясно читала в русой головке Элеа Сунор, — не стоило ей рассказывать, вдруг теперь эти люди тоже захотят искать артефакты…"

— Это так интересно! — строя из себя дурочку, простодушно воскликнула Джара. — А как вы собираетесь их искать?

Нет, нет, неверно, не то! Сунор стиснула зубы. Эта Бестия всё испортила. В мыслях Эмриса, как и у Элеа, теперь одно только раздражение и презрение. Они совсем не о том думают! Ноэмин и вовсе вернулся к воспоминаниям о празднике. Это, конечно, интересно, что Аерис ему очень понравилась и он счёл, что ей можно рассказать о цели их путешествия, потому что в ней течёт эльфийская кровь, но это совсем не то!

Сунор вкратце объяснила Джаре ситуацию. Та растерялась.

Ладно, попробуем с остальными. Тэллар не подойдёт, обязательно сморозит глупость, Аерис вызовет лишь очередную вспышку раздражения, Хаарта она вообще не собирается ни во что вмешивать, пусть стоит и молчит… Ага, Ивор. Сунор обратилась к нему мысленно, попросив свернуть разговор в нужное русло.

— О, это просто древняя легенда, — тем временем с лживой улыбочкой ответила Джаре Элеа. — На самом деле, настоящая цель нашего путешествия — это сам остров, ведь здесь так красиво и такая богатая культура… — Теперь она думает, как бы быстрее отвязаться от этой своры людишек и устроить хорошую взбучку Ноэмину.

— Да, вы правы, — улыбнулся ей в ответ Ивор. — А когда вы уезжаете?

— Мы ещё пока не решили, — ответил Эмрис. "Пока не найдём артефакты", — добавил он про себя. Сунор спрятала довольную улыбку. Этот Ивор, похоже, знает, что делает!

— А вы уже всё на острове посмотрели? — продолжал спрашивать он. — Наши друзья вот отправились сегодня в Башню Света…

— Мы тоже завтра туда обязательно съездим, — всё с той же улыбкой произнесла Элеа. Но в её мыслях звенело: "Джайрус! Джайрус! На гору! Там спрятаны артефакты!"

— Значит, Джайрус, — в который раз произнесла Джара, задумчиво постукивая ноготками по бокалу.

Ангелы сидели за столом на первом этаже гостиницы вчетвером — Хаарт и Сунор ужинали в своей комнате.

— Джайрус — похоже на твоё имя, правда, Джара? — с идиотской ухмылкой обратился к ней Тэллар.

— Да, очень похоже, — огрызнулась девушка.

— Ну правда похоже! — настаивал он.

— Заткнись, Сокол, иначе схлопочешь по роже!

— Ого, почти стишок получился! Вот слушай: Джайрус на имя твоё похоже — заткнись, иначе схлопочешь по роже! — громко продекламировал Тэллар, и Джара не преминула выполнить своё обещание.

— Интересно, что выяснили Сельма со Змейкой, и когда они вернутся, — обратился к Аерис Ивор, стараясь не обращать внимания на Бестию с Соколом. — Может, всё-таки стоило поехать в Башню?

— Да нет, — ответила Эльфийка, указывая взглядом куда-то за спину Грифона. — Вон они идут.

Ивор обернулся и увидел Сельму, а за ней Змейку и зевающего Эйдана, держащегося за её руку. У Чародейки было

очень серьёзное и озабоченное лицо. Джара тут же отстала от Тэллара и чуть привстала, вопросительно глядя на неё.

— Ну что?

— Что-нибудь выяснили?

Сельма кивнула и повернулась к Тэллару.

— Чародейка, не смотри на меня так, я боюсь…

— Сокол, перестань дурачиться, — устало проговорила волшебница, вытащила цепочку из под платья, сняла её и протянула Тэллару. — Держи. Это твоё.

У него округлились глаза, и он медленно принял амулет из рук Сельмы.

— Это… это его артефакт? — выдохнула Джара. — Но где ты его взяла, Чародейка?

Сельма вздохнула и села.

— Сейчас расскажу.

— Мы пойдём наверх, — сказала Змейка. — Эйдан совсем устал.

На неё почти не обратили внимания: все переводили изумлённые взгляды с Тэллара, с трепетом сжимавшего цепочку амулета, на Сельму, ожидая её рассказа, — так что Змейка попросила проходившую официантку принести ужин в их комнату и отправилась наверх. Эйдан, крепко, несмотря на усталость, сжимая её ладонь, потопал следом.

Джара сидела на подоконнике распахнутого окна, глядя в непроглядную темень ночи. Иногда ветер приносил с собой упоительную свежесть моря, и девушка с наслаждением вдыхала её в себя. В руке она держала кинжал и задумчиво водила кончиками пальцев по прохладному лезвию. Пребывание на морском дне на кинжале сильно не отразилось: лезвие лишь слегка покрылось ржавчиной, но Джара уже вычистила и заточила его, и не собиралась с ним расставаться и, как раньше, всюду носила его с собой.

В комнату ворвался очередной порыв ветра, и пламя свечи не выдержало атаки потоков воздуха и потухло, но Джара не обратила на это внимания. Она думала об Альянсе, об артефактах, о завтрашнем дне, об амулете Тэллара… и о самом Тэлларе.

В дверь постучали. Джара обернулась и только тут заметила, что сидит в полном мраке. Постучали ещё раз.

— Джара, ты спишь? — раздался из-за двери голос Тэллара.

У девушки перехватило дыхание. Она растрепала волосы и направилась к двери, зевая и усердно тря глаза.

Тэллар стоял, уставившись в пол. Когда она открыла дверь,

он поднял взгляд и заглянул ей в лицо.

— Чего тебе, Сокол? — делая сонный и недовольный голос, спросила Джара.

— Ты спала?

— Да, ты меня разбудил. Знаешь, сколько времени?

— Знаю. Ты что, спишь с кинжалом?

Джара посмотрела на кинжал в своей руке, будто видела его в первый раз в жизни.

— Мало ли, — неопределённо ответила она. — Так зачем пришёл?

— Не спится.

— Выпей стакан тёплого молока, — посоветовала она и собралась закрыть дверь, но он выставил руку, не позволяя ей сделать это.

— Джара, я хотел поговорить. — Он внимательно смотрел ей в глаза.

У Джары возникли странные ощущения в животе.

— И о чём, интересно? — стараясь придать тону безразличность, осведомилась она.

— Может, дашь мне войти наконец?

Бестия немного поколебалась, но затем сделала шаг назад. Тэллар зашёл в её комнату, закрыл за собой дверь, и они погрузились в кромешный мрак.

— Я зажгу свечку… — начала Джара, обуреваемая нехорошими предчувствиями.

Тэллар взял её за запястье.

— В темноте твои глаза сверкают, как у кошки, — сказал он.

— Ты пришёл, чтобы сказать мне об этом? — поинтересовалась она.

— Нет. Ты не догадываешься, о чём?

— О твоём амулете? — Джара вырвала руку, отошла к столику, положила на него кинжал и наткнулась на светильник. — Почувствовал какую-нибудь силу или всё также без изменений? — спросила она, не оборачиваясь к Тэллару и зажигая светильник.

В комнате стало гораздо светлей.

— Без изменений, — коротко ответил он. — Джара, хватит валять дурака.

Через окно ворвался новый порыв ветра, и пламя внутри светильника заколебалось. Джара закрыла окно и, развернувшись к Тэллару, опёрлась на подоконник. Спину холодило стекло и продувал ветер, сквозивший через створки окна.

Тэллар подошёл к ней почти вплотную, блуждая взглядом по её лицу. В основном он задерживался на её глазах и губах.

— Сокол, кто из нас валяет дурака? — обхватив себя руками, спросила Джара.

— Что ты имеешь в виду?

— А ты что?

— Я первый спросил.

— *Я* спросила первая, в самом начале. Зачем ты пришёл? Ты мне не ответил.

— Я ответил. Я сказал, что хочу поговорить.

— Ладно. Тогда ты не ответил на другой мой вопрос — о чём?

Он помолчал.

— Что произошло на празднике, Джара?

— Ты напился до такой степени, что не помнишь? — раздражённо спросила она.

— Я всё прекрасно помню. Надеюсь, ты тоже.

Она отвела взгляд в сторону.

— Джара.

— Да, помню.

— Ну так и что произошло? — Он подошёл ближе и опёрся рукой о стену прямо возле проёма окна. Теперь его лицо было прямо у лица Джары, и он глядел ей в глаза, но она всё также смотрела куда-то вбок. — Между нами? Что это значило?

Джара вернула взгляд на него, и внутри всё перевернулось от того, что их лица были так близко, но она ничем себя не выдала. Спокойно смотрела в его глаза, сохраняя бесстрастное выражение лица.

— Ничего.

Тэллар опустил голову и коротко выдохнул.

— Ничего, значит? — глядя в пол, каким-то странным голосом переспросил он.

— Ну а что ты подумал, Сокол?

Он убрал руку со стены и встал прямо напротив неё. Джара выжидательно смотрела на него. Тэллар вдруг притянул её к себе и прильнул к её губам. На какие-то секунды она отдалась поцелую, но затем опомнилась и оттолкнула его от себя.

— Почему, Джара?

— Сокол, не сходи с ума, — ответила она, сжимая губы, словно хотела стереть следы его поцелуя. — Что ты себе вообразил? Ну да, мы напились и не соображали, что делали, такое бывает в жизни, зачем же разводить из мухи слона? Что ты подумал, Сокол? — Она почему-то не могла заставить себя произнести его настоящее имя. — Не было ничего серьёзного, так… Мы просто все в постоянном напряжении, стрессе, а тут расслабились, выпили… — Он *так* смотрел на неё, пока она это

говорила, что она начала злиться. Больше на себя, чем на него, конечно, но она себе не желала в этом признаваться. — Ну что ещё, Сокол? — Теперь её тон стал резким и раздражённым. — Ты, что, подумал, я люблю тебя или что?

— Зря я пришёл, — только и молвил Тэллар. Развернулся и направился к двери. Когда он уже взялся за ручку, то, не оборачиваясь, сказал: — Спокойной ночи, — и вышел.

Дверь хлопнула, Джара вздрогнула, резко шагнула в сторону, схватила со столика кинжал и яростно швырнула его в дверь. Клинок вонзился в дерево. Бестия развернулась к окну и распахнула створки. В комнату ворвался ветер, и девушка подставила лицо ему навстречу.

Джара не знала, сколько она так стояла, возможно, час, а может, пять минут. В дверь снова постучали.

— Уходи, — бросила она.

— Джара, извини, я… сейчас уйду, — послышалось смущённое бормотание Змейки.

Джара развернулась к двери.

— Змейка?

— Извини, если разбудила, просто… Ладно, спокойной ночи.

— Нет, подожди! — Джара сама плохо понимала, почему удерживала Змейку. Ещё секунду назад ей казалось, что она не хочет видеть никого на свете. Но несмотря на это она двинулась к двери и впустила Змейку в комнату.

Целительница вошла и, едва взглянув на неё, тут же опустила глаза, будто увидела что-то недозволенное. Только тут Джара поняла, что её лицо всё в слезах.

— Я, наверное, не вовремя. Прости меня, я пойду… — Она развернулась и недоумённо уставилась на кинжал, торчавший в двери.

— Почему ты зашла ко мне? — вытирая слёзы со щёк, спросила Джара.

Змейка опять повернулась к ней.

— Я хотела поговорить.

"Все так и норовят поговорить со мной сегодня, — горько усмехнулась про себя Бестия. — Даю голову на отсечение, что у Змейки тоже разговорчик из приятных".

— Я уйду, только скажи, — быстро добавила Змейка.

Джара посмотрела на неё внимательнее и поняла, что девушка недавно плакала.

— Нет, давай поговорим. — Джара выдернула кинжал и погладила кончиками пальцев след, оставшийся в дереве. — Садись.

Змейка присела на краешек кровати, и Джара села рядом.

— Я хотела спросить… об Аире. Хаарт говорил мне…

У Джары перехватило дыхание. "Я совсем об этом забыла, чёрт бы меня побрал, — подумала она. — Я ведь хотела сама поговорить об этом со Змейкой!"

— Да, Змейка, — тяжело вздохнув, ответила Джара. — То, что Хаарт сказал тебе — это правда. — Она была готова провалиться сквозь землю, когда у Змейки из глаз полились слёзы. Не жалея себя, не щадя и не оправдываясь, Джара рассказала девушке всё, как было в ту злополучную ночь.

Змейка молчала какое-то время, опустив взгляд.

— Я не виню ни тебя, ни Ивора, — наконец сказала она.

— У тебя есть право винить меня, Змейка. Мне следовало подумать, прежде чем…

Змейка подняла ладонь, словно в знак молчания, и Джара не закончила фразу.

— Аира сама вызвала тебя на дуэль, Джара. Это был её выбор. И то, что случилось… Это законы жизни. Либо ты, либо она… И потом, ты ведь не хотела её убивать? А Ивор появился в тот момент, когда она ранила тебя, и… Он действовал по велению сердца, и мне не в чем винить и его тоже… Спасибо, что ты поговорила со мной об этом.

Джара не заметила, что опять заплакала.

— Мы все много раз говорили это друг другу… Змейка, ты — единственная, кто достоин среди нас зваться ангелом.

Змейка слабо улыбнулась.

— Мы все Ангелы, Джара.

Джара о многом хотела спросить эту трогательную юную девочку со слезами в больших чистых глазах. Хотела спросить о Сунор, о Хаарте, об Эйдане. Она даже ощутила, что безумно хочет рассказать ей обо всём, что камнем лежит на её душе. Но она только сказала, что тоже рада их разговору, и маленькая целительница встала и, пожелав ей спокойной ночи, собралась уйти. Но у двери она обернулась.

— Джара, я сказала, что мне не в чем винить Ивора, потому что он действовал по велению сердца, и… Тоже послушай своё сердце.

И она ушла. Джара до боли сжала рукоять кинжала, который она всё это время держала в руке. Ветер шалил в её комнате, играя с огоньком светильника, покачивая цветки растения в тёмно-алом горшочке, трепля волосы Джары.

— Послушать своё сердце, — тихо повторила девушка слова Змейки. — Чёрт побери, какая же я идиотка!..

Она отбросила кинжал, выскочила из комнаты и наткнулась на Ивора.

— Ты не спишь? — удивился он.

— А ты что здесь шатаешься? — спросила она, почему-то чувствуя себя неловко.

— Да так… Я иду на улицу. Не хочешь прогуляться к морю? Или на лошадях прокатиться. Они, наверное, соскучились по скачке после корабля…

— Нет, спасибо, Ив, — нетерпеливо оборвала его Джара, непроизвольно кидая взгляды на дверь их комнаты. — А… Тэллар в комнате?

— Да. — Ивор изменился в лице. — Но ты лучше не ходи к нему, Джара…

Но в груди девушки всё поднималось и росло радостное чувство, что она всё делает правильно. "Послушай своё сердце", — сказала Змейка.

Не обращая внимания на Ивора, окликавшего её по имени, Джара бодро направилась к двери комнаты, шевеля губами, будто репетируя, что она сейчас скажет… Да нет, зачем что-то придумывать! Достаточно послушать своё сердце.

— Джара, — опять позвал Грифон. Ну что он привязался?…

Джара распахнула дверь с улыбкой и так и застыла на месте, а улыбка медленно переползала в кривую гримасу.

— Джара? — хрипло произнёс Тэллар, поднимая голову.

Свет, лившийся из коридора, выхватывал его недоумённое лицо, его голый торс, чуть удивлённое и, в большей степени, насмешливое смуглое лицо девушки, лежавшей под ним на его кровати, её обнажённую грудь, белую простыню, принявшую очертания контуров их тел, одежду, разбросанную по полу…

Джара грохнула дверью так, что посыпались кусочки засохшей краски, а стена, казалось, заходила ходуном. Бестия бросилась прочь, но её поймал Ивор.

— Грифон, пусти меня, пусти, пусти! — яростно говорила она и вырывалась, брыкалась, боролась с ним, била его, плакала, уткнувшись в его грудь, и он обнимал её, гладил её волосы, успокаивал, говорил ничего не значащие и значащие всё на свете слова и одним взглядом заставил выскочившего в коридор Тэллара вернуться в свою комнату.

Утро выдалось прохладным, и Ангелы поёживались в седлах и кутались в свои плащи.

Джара ехала впереди, за спиной в скрещённых ножнах покоились мечи, на бедре — кинжал. Иссиня-чёрные волосы были зачёсаны назад, туго стянуты на затылке и заплетены в косу, спускавшуюся на грудь.

Впереди уже виднелся стержень Башни Света, взмывавший к

низким пасмурным облакам.

Когда они подъехали к Башне, заморосил дождик. Сельма спешилась и зашла внутрь, остальные ждали снаружи.

— На Поднебесье, похоже, народ исключительно начитанный и образованный, — усмехнулся Тэллар, кивком головы указывая на трёх лошадей, привязанных неподалёку. — Такая рань, а кто-то уже здесь и вкушает плоды древа знаний.

Невольно для самих себя, все покосились на Бестию, ожидая, что она обязательно что-нибудь съязвит в ответ, но та молчала, будто и не слышала слов Сокола.

— Не нравится мне это, — пробормотала Аерис, глядя на молочно-белых жеребцов без единого пятнышка.

Джара нахмурилась.

— Что такое?

Аерис задумчиво молчала.

— Это эльфийские кони, — подала голос Сунор. Полуэльфка бросила на неё быстрый взгляд через плечо, и та пожала плечами. — Ну что? Всем же ведь интересно, а ты молчишь. Совсем недавно вы буквально горели желанием, чтобы я читала чужие мысли!

Разговор не продолжился, потому что из Башни вышла мрачная Сельма.

— Плохие новости. Здесь те самые эльфы, ваши вчерашние знакомцы. Хорошо, что они не знают меня на лицо…

— В чём проблема? — не поняла Джара.

— Найна не может отлучиться из Башни, пока у неё посетители, — пояснила Чародейка. — Она попросила нас подождать.

— Подождать? — Джара нетерпеливо заёрзала в седле. — Мы и так потеряли уйму времени, сколько ещё можно ждать? Скажи своей Найне, пусть выпроводит этих эльфов.

— Сунор, не хочешь прогуляться по Башне? — повернувшись к девушке, вопросил Сокол.

— Не будет ли это подозрительным… — начала Сельма, но Сунор её перебила:

— Ваши эльфы уже знают, что мы здесь. Эта Элеа только что выглянула из окошка и обрушила на нас целый дождь негативных эмоций, — хмыкнула она, подставляя руку мелким капелькам, будто хотела показать что настоящий дождь не идёт с ним ни в какое сравнение.

— Я не понимаю, что вы все так беспокоитесь об этих эльфах, — проворчала Джара. — Это наше дело, где мы находимся и куда собираемся ехать! Пусть катятся ко всем чертям, если мы им не нравимся, — с вызовом произнесла она.

Тут дверь Башни распахнулась, и под моросящий дождик вышли Элеа, Эмрис и Ноэмин. Они синхронно натянули приветливо-удивлённые улыбочки.

— Ну надо же, какая встреча! — воскликнула Элеа. — Не ожидали мы вас здесь встретить…

Ангелы вяло поприветствовали их.

— Кажется, вы говорили, что уже посещали Башню Света… — проговорил Эмрис, окидывая Ангелов взглядом своих узких пронзительно-зелёных глаз. Такое столпотворение всадников перед Башней он явно находил подозрительным. Особенно прищурил он глаза, увидев калеку Эйдана с блаженным выражением лица, сидевшего в седле перед Ивором.

— Нет, здесь вчера были наши друзья, — ответила Аерис.

— Да, — подхватил Ивор, — им очень понравилась Башня, и мы решили тоже посетить её.

— В библиотеку ни свет ни заря? — изгибая бровь, спросил Эмрис.

— Как, собственно говоря, и вы, — с улыбочкой ответил Тэллар, и эльф недовольно поджал губы.

— Мы собираемся потратить весь день на изучение библиотеки, — холодно произнесла Элеа. — Здесь есть очень интересные экземпляры… А *вы* что здесь ищете? — спросила она таким тоном, будто для неё было абсурдом встретить их в библиотеке.

— То же, что и вы, — с вызовом глядя ей в глаза, бросила Джара. — Редкие экземпляры.

"Идиотка, — подумала Сунор. — Теперь эти трое дружно полагают, что нам всем тоже захотелось поискать артефакты из их легенды. Хотя, вообще-то, это абсолютная истина…" Сунор мысленно передала это Бестии, но той было на эльфов и их подозрения глубоко плевать.

Взгляд Элеа стал ядовито-зелёным. Она хотела уже что-то ответить, но тут из Башни вышла Найна.

— Прошу меня простить, — виноватым тоном начала она. — Но я вынуждена закрыть двери Башни.

Элеа развернулась к ней со взглядом разъярённой хищницы. Ноэмин, всё это время молчавший, выглядел недоумевающим. Эмрис держался куда лучше своей спутницы, но тоже источал волны холодной ярости.

— Старость, видимо, сказывается, — издав сдержанный смешок, молвила Найна. — Я совсем забыла, что сегодня проверка главы города. К сожалению, Башня Света на весь день будет недоступна для посетителей. Мои глубокие извинения. — Она почтительным взглядом обвела всех, находившихся во дворе

Башни. Её проницательные глаза лишь на одно мгновение задержались на лице Сельмы, и Чародейка едва заметно кивнула в ответ.

После этого Найна скрылась за дверью Башни, и Ангелы отогнали коней, делая вид, что собираются вернуться в гостиницу. Эльфы скрылись в другом направлении. Выждав с полчаса, команда Альянса вернулась в Башню Света.

— О чём они тебя спрашивали? — с ходу спросила Джара.

— О разных местных легендах, сказках, поверьях. Особо интересовались теми, где упоминалось о Джайрусе. Я, конечно, дала им полную версию главной легенды Поднебесья, об Ангелах, — она слегка улыбнулась, — ещё миф о сотворении мира, где как раз и сказано о том, что с горы можно взобраться на небеса… Но они, казалось, искали что-то другое, о чём не могли прямо меня спросить. — Она помолчала, благоговейно оглядывая лица Ангелов. — Они как-то связаны с артефактами?

— В яблочко, — хмыкнул Тэллар. — Они тоже их ищут.

Найна приподняла брови в удивлении. Сельма кратко рассказала ей об эльфах.

— Надеюсь, вы им ничего не говорили о Джайрусе и ущелье? — пронизывая её взглядом, спросила Джара.

Хранительница чуть нахмурилась.

— Разумеется, нет. Я раскрою эту тайну только Альянсу Ангелов, как завещали предки.

— Интересно, а почему они явились в Башню? — потирая подбородок, произнёс Ивор.

— Это проще простого, Грифон, — фыркнул Тэллар. — Они большие романтики и очень доверяют всему, что сказано в древних легендах. А где ещё, как не здесь, самое большое собрание разных там легенд и преданий?

— Не только поэтому, — вмешалась в разговор Сунор. "Какая она сегодня активная", — чуть насмешливо подумала Джара и тут же получила в ответ гневный взгляд Ангела Мысли.

— А почему ещё? — повернулась к ней Сельма.

Сунор медленно перевела взгляд с Бестии на Чародейку.

— У них в легенде что-то сказано насчёт этой башни.

Все, как по команде, уставились на Найну. Она задумалась, потом кивнула.

— Это вполне возможно. Башня Света была возведена очень, очень давно, и её хранителями были представители моего рода, сколько себя помнит Поднебесье. Возможно, когда Ангел-полуэльф отплывал на Тарневир, мои предки уже были связаны с Башней…

Сельма задумчиво произнесла:

— Теперь мы можем лишь строить догадки…

— И на это у нас нет времени, — закончила за неё Джара. — Всё, все на выход и по коням. Вы ездите верхом, Найна?

— Вообще-то я живу недалеко от Башни и хожу пешком, да к тому же в моих летах…

— Сядете на моего коня, — отрезала Бестия.

Они покинули Башню, оседлали коней и направили их к вырисовывавшейся на горизонте величественной громаде Джайруса.

Рассредоточенно и скрытно, сохраняя дистанцию, за ними заскользили трое всадников на молочно-белых лошадях…

Дождик больше не был дождиком, а стал полноправным дождём, и уже не моросил, а лил, замешивая из воды и земли под копытами коней грязь, беспощадно пуская Ангелам ледяные струи за шиворот и делая их похожими на жалких мокрых зверят.

Подножье Джайруса поросло сочной травой и лёгкими, склоняющимися чуть ли не пополам под тяжестью воды деревцами. Коней пришлось завести под выступ и там привязать, они были совсем не приспособлены для восхождения на гору. Джара глубоко сомневалась, а были ли приспособлены для этого они сами. Не прошло и часа, как все сомнения развеялись, и она уже твёрдо знала, что нет.

На склоне горы они постоянно поскальзывались, так как трава и земля стали скользкими и склизкими от дождя. В результате этого часа через пол они все вымазались в грязи, Сунор не переставала ныть, у Хаарта разболелись раны (но он стойко молчал). Ко всеобщему удивлению, самый жизнерадостный настрой был у Эйдана. Он не плакал, не хныкал, а упорно карабкался вверх с довольной и блаженно-сосредоточенной улыбкой на лице. Ивор постоянно находился рядом с ним для безопасности.

Выше местность стала скалистой и потому гораздо более опасной. Предательские камешки то и дело выскальзывали из-под ног и ухали в бездну (глянув вниз, Ангелы ощутили, как закружились головы, — они сами не заметили, что поднялись уже высоко). Следовало быть предельно осторожными, чтобы не закончить жизнь стремительным полётом и сокрушительным падением.

Найна часто останавливалась отдыхать. У неё перехватывало дыхание и шалило сердце. Джару это раздражало, хоть она и понимала, что хранительница Башни не виновата и вообще никто не знает, что бы Альянс делал без неё. Потом Змейка дала Найне какое-то снадобье, и дело пошло гораздо быстрее.

Один раз Джара оступилась, и Аерис вовремя успела её подхватить. Вниз полетели камни, и Бестии послышался слабый приглушённый вскрик. Она глянула вниз, но там всё покрывал слой тумана.

Они шли по краю обрыва, слева от них возвышалась громада уступа, справа в леденящей кровь близости простиралась пропасть. Вдалеке открывался вид на большую часть острова и даже было видно море. Краски выглядели тусклыми за серой завесой дождя, но дух всё равно захватывало. В другой раз, возможно, Ангелы и залюбовались бы видом…

Тропинка становилась всё круче и уже и в конце концов привела их к каменистой стене уступа с чуть ли не вертикальным подъёмом.

— Вы хотите сказать, что нам нужно подниматься *туда*? — раздался возглас Сунор.

— Именно это мы и хотим сказать, — не оборачиваясь, ответила ей Джара и, никого не дожидаясь, стала карабкаться вверх.

— Никто не говорил, что будет легко, — с усмешкой добавил Тэллар. Сунор принялась возмущаться.

Уступ был не очень высоким, и вскоре Джара уже была наверху. Она свесила голову вниз и крикнула:

— Ив, Сокол, подсадите Найну, Змейку, Эйдана и Сунор, я помогу им влезть. Потом уже вы все сами.

Ивор и Тэллар подняли наверх Найну, там Джара чуть спустилась, чтобы помочь женщине взобраться, и втянула на уступ. Несколько минут никто не появлялся и слышались какие-то непонятные звуки.

— Джей! — крикнул, задрав голову, Ивор. — Всё в порядке?

— О, всё отлично, Ивор, — появилась наверху ухмыляющаяся физиономия Эмриса. — Всё просто замечательно!

— Ты, подонок! — вскричал Ивор. — Где Джара?!

Просвистела стрела — это Аерис мгновенно пустила в ход лук. Эмрис успел среагировать и отскочить, и стрела вонзилась не в сердце, как предполагала полуэльфка, а в плечо.

Эльф наверху выругался, отступил назад, так что теперь его не было видно, а потом наверху возникла злорадно усмехающаяся Элеа — она держала Джару, одной рукой прижав её за грудь к себе, а другой приставив ей к горлу её же кинжал.

— Сукины вы дети, — прошипел Тэллар.

— Попробуйте только шелохнуться! — крикнула им сверху Элеа. — И она тут же упадёт в ваши объятия с ярко-алой улыбкой до ушей по горлу!

— Сельма, сделай что-нибудь, — шепнул Ивор Чародейке. —

Заклинание…

— Я боюсь за Джару, — ответила та так же шёпотом.

Тэллар бросил взгляд на Сунор.

— Слишком далеко, чтобы я дотянулась до их мыслей, — покачала она головой.

Змейка сильно побледнела и крепко сжимала руку Эйдана. Тот, казалось, прекрасно понимал всю серьёзность ситуации и замер, молча глядя на невозможно довольную собой Элеа.

— Аерис, — стиснув зубы, позвал Тэллар.

— Я не могу стрелять, — отозвалась та тихо.

— А что твой ветер?

— Сокол, едва мы что-нибудь предпримем против них, пока она может причинить вред Джаре, — ответила за Аерис Сельма.

Тем временем Элеа наверху упивалась их растерянным и беспомощным видом. За её плечом возник Эмрис (его рана теперь была перевязана) и что-то сказал ей на ухо. Она выслушала, не отрывая взгляда от Ангелов внизу, затем кивнула. Эмрис отошёл, а Элеа крикнула вниз:

— Ну что ж, давайте прощаться! Лучше вам нас не преследовать, и тогда ваша подружка останется в целости и сохранности! Прощай, *соплеменница,* — обратилась она к Аерис, и это слово в её устах звучало хуже любого ругательства.

— Вы не понимаете, что делаете! — крикнула ей Аерис. — Вы не можете взять эти артефакты!

— Они принадлежат нам по праву!

Тэллар задохнулся от возмущения её наглостью.

— По какому-такому праву?!

— Артефакты принадлежали эльфу, и нечего им делать на людском острове.

— Тот эльф был наполовину человеком! — напомнила ей Аерис. — Вы же презираете полукровок!

Элеа ничего не ответила на это. Она грубо развернула Джару, и они скрылись из вида Ангелов.

— Чёртова дрянь! — в сердцах воскликнул Тэллар и пнул ногой об уступ. Ступня взорвалась болью, но он не обратил на это внимания.

Ивор с яростью впечатал кулак в скалу.

— Вы так ничего не добьётесь, только косточки переломаете, — сказала им Сельма.

— Чародейка, как ты можешь быть такой спокойной?! — взорвался Сокол.

— Они схватили Джару! — потрясая кулаками, вскрикнул Грифон.

— Я заметила, Ивор, — холодно сказала ему Чародейка. —

Но нужно действовать, а не свирепствовать.

— Ну и как же ты предлагаешь действовать? — едким тоном спросил Тэллар.

— Нам придётся идти за ними следом, но так, чтобы они нас не заметили.

— И как это сделать? — нахмурился Ивор.

— По-моему, мы не умеем превращаться в невидимок, — хмыкнул Сокол.

— Мы теряем время, — подал голос Хаарт. — Они уйдут так далеко, что мы потом ни за что не найдём их среди этих бесконечных уступов, обрывов, ущелий…

— Давайте спустимся вниз, пройдём вон там, — начала объяснять Аерис, показывая рукой вниз, — и поднимемся в другом месте. Попробуем сами сориентироваться, обойти этих эльфов и устроить такую же засаду, как они нам.

— Где гарантия, что там есть подъём? — спросил Тэллар.

— У тебя есть другой план? — обратилась к нему Сельма. Он промолчал. — Значит, спускаемся.

— Подождите, — вдруг сказала Змейка. Все повернулись к ней. — Я думаю, мы с Эйданом будем для вас обузой, мы передвигаемся гораздо медленнее, а сейчас каждая минута дорога. Может, мы лучше останемся здесь, а вы потом вернётесь?

Сунор окинула её насмешливым взглядом.

— А если они никогда не вернутся, так и будете тут сидеть? — хмыкнула она, и тут же ощутила, как Хаарт ненавидит её в этот момент.

— Нет, — твёрдо произнесла Сельма. — Ангелы должны быть вместе. Но ты права, мы не можем медлить. Так что хватит разговоров и вперёд.

Тэллар кусал губу, кидая взгляды то на Ангелов, начавших осторожный спуск, то на уступ, за которым скрылись эльфы с Найной и — Джарой. Отчего-то он вдруг вспомнил о своём амулете, висевшем на шее. От вытащил амулет из-под одежды. Белоснежные крылья ослепительно сверкнули, хотя на небе было пасмурно, и солнце не проглядывало.

— Сокол, — позвала Сельма. — Давай спускайся!

— Иду, — кивнул Тэллар, всё ещё глядя на крылья. — Бесполезная штука! — в сердцах сказал он амулету.

Тот, словно возражая, полыхнул белым пламенем, и от крыльев зазмеился лучик света, разрывая туман и завесу ливня.

— Сокол, чёрт тебя побери! — нетерпеливо прикрикнул Ивор.

— Вы видите это? — выдохнул Тэллар поражённо.

— Видим *что*? — переспросил Грифон. — Сокол, не валяй дурака, давай…

— Что такое? — нахмурившись, спросила Сельма. — Что-то с амулетом, Тэллар? Мы ничего не видим.

— Он видит какой-то луч, — сказала Сунор.

— Да, и он показывает дорогу куда-то, — отозвался Тэллар. — Пожалуй, нам лучше двинуться путём, который нам любезно указывает мой амулет…

— Ты, трус поганый! — плевалась Джара, тщетно дёргаясь в крепкой хватке Эмриса. — Если бы ты имел смелость отпустить меня и дать мне хотя бы мой кинжал, я бы из тебя сделала фарш и пожарила котлеты!

— Не сомневаюсь, милая, — усмехнулся Эмрис. — Элеа, что за зелье ты мне дала? Я вообще руки не чувствую!

Элеа, шедшая впереди него и подгонявшая кончиком меча испуганную Найну, ответила, не оборачиваясь:

— Ну ты же управляешь ей.

— О да, — хмыкнул эльф и положил руку, покалеченную стрелой Аерис, Джаре на ягодицы. Она гневно вскрикнула и со всей силы впечатала пятку в ступню Эмриса. Тот взвыл от боли и дёрнул Джару за косу, в опасной близости проводя по её шее своим узким ножом.

Элеа обернулась и рассмеялась.

— Пожалуй, *эта* тебе будет не по зубам, Эмрис, а?

Эмрис прошипел в ответ что-то невнятное.

— Что мы сделаем с ними, когда заберём артефакты? — поравнявшись с Эмрисом, спросил Ноэмин. В руках он нёс мечи и кинжал Джары.

— Как ты думаешь, что я сделаю с тобой, милашка? — снова дёрнув за её волосы, обратился Эмрис к Джаре.

— Будешь умолять меня побыстрее тебя прикончить, — процедила она сквозь зубы.

Элеа снова рассмеялась, а Эмрис недобро нахмурился.

— Вы обещали мне, что мы их не тронем… — начал Ноэмин.

— Ох, нашему маленькому доброму мальчику жалко несчастных людишек, — выпятив губы, просюсюкал Эмрис, но затем его лицо вновь стало каменным, а голос холодным. — Я тебя не понимаю, Ноэмин. Ты — эльф. Забыл?

— Люди никто, и звать их никак, — отозвалась Элеа.

— Остроухие отродья, — прошипела Джара и опять стиснула зубы от боли. — Послушай, Эмрис, я не понимаю, ты стараешься вырвать мне волосы или что? Не получится, пользуюсь укрепляющим отваром для волос.

— Тут у нас остроумная девочка, а? — кипя от злости, проговорил эльф. — Элеа, ты прекратишь смеяться или нет?

Ноэмин шёл, нахмурясь, но не решался что-либо сказать. Чтобы отвлечься, он вытащил один из мечей Джары из ножен и восхищённо втянул воздух.

— Это же эльфская сталь! — воскликнул он, обращая свой взгляд на девушку. — Да ещё и высшей пробы, даже у меня мечи хуже… Откуда ты их взяла?

— У меня хобби, кую по ночам эльфские мечи, — буркнула Джара, не имея никакого желания общаться с эльфом, а про себя подумала, что, наверное, те пираты ограбили эльфийское судно.

— Бой двумя мечами — это очень сложное искусство, — пропустив мимо ушей её слова, продолжал Ноэмин. — Очень трудно одинаково владеть и левой, и правой рукой, и ещё уметь согласовывать их движения.

— Но ты-то научился, — не утерпела Джара, глядя на два меча за его спиной.

— Поэтому очень уважаю настоящего мастера, — ответил тот.

— Откуда ты знаешь, что я мастер, может, я ношу их просто так, — фыркнула Бестия.

— Я и не говорил, что считаю мастером *тебя*, — откликнулся Ноэмин. — Я сказал только, что уважаю настоящих мастеров.

Бестия зашипела от злости, а Элеа с Эмрисом дружно рассмеялись.

— Дай мне мои мечи! — сказала Джара. — И мы посмотрим, кто из нас мастер!

— Я бы с удовольствием… — осторожно начал Ноэмин, кидая взгляд на Эмриса.

— Можешь подраться с этой крошкой, когда *я* с ней закончу, — пожал плечами тот. — Видишь, милая, ты сегодня популярная, все от тебя чего-нибудь хотят… Скажи мне по секрету, — шепнул он ей в ухо, — ты уже женщина?

— Попробуй только тронь меня, и женщину из тебя сделаю я!

Элеа вдруг замерла и развернула Найну, чтобы встать лицом к своим спутникам.

— Вы слышите?

— Нет, — мотнул головой Эмрис.

— Понятное дело, ты ничего не слышишь и не видишь вокруг себя, кроме этой девки, — презрительно сказала Элеа. Она посмотрела на Ноэмина. — Глянь вниз.

— Там ничего не видно, — отозвался он. — Хотя нет… похоже, нас преследуют.

Джара закусила губу и встретилась взглядом с Найной. До этого им удалось коротко поговорить. Найна хотела повести эльфов неверным путём, но Джара отговорила её. Она надеялась, что артефакты Ангелов не дадутся в чужие руки или… ещё какое-

нибудь чудо произойдёт. Ангельское. Возможно, было глупо на это полагаться, но девушка привыкла доверять своей интуиции. Чёрт, это же надо было им заметить остальных Ангелов… Ребята наверняка хотели устроить засаду или напасть неожиданно, а теперь… Она даже предупредить их не может. Хотя, нет, почему не может?

— Ивор! — напрягая голосовые связки, как можно громче крикнула Джара. Эмрис тут же зажал ей рот и выругался.

— Что мы будем с ними делать?

Элеа огляделась.

— Давай её мне, а вы с Ноэмином скиньте вниз эти камни. — Она указала кивком на груду камней недалеко от обрыва.

Джара замычала и задвигала челюстями, стараясь укусить руку Эмриса, но тщетно.

— Нет, Элеа… — начал Ноэмин.

Эльфийка сверкнула глазами.

— Что ты хочешь? Чтобы они напали на нас? Их восьмеро, а нас трое! Делай, что тебе говорят, Ноэмин, иначе тебе не видать артефактов, как своих ушей!

Она подошла к Эмрису, забрала Джару и, прижимая её одной рукой к себе и ею же держа у шеи девушки нож, другой она направила меч на Найну и отошла с двумя пленницами назад.

Эмрис и Ноэмин поднатужились и принялись толкать камни к обрыву.

Сердце Джары бешено колотилось. Она не может, не может допустить, чтобы это случилось!

Найна, казалось, поняла её взгляд и испуганно забормотала, оглядываясь.

— По-моему, мы пришли не туда… Я не знаю этого места…

— Что?! — взвизгнула Элеа. — Ты, чёртова старуха, ты утверждала, что знаешь, где спрятаны артефакты!

— Я… наверное, перепутала, где нужно было подниматься или повернуть…

Элеа метала гром и молнии от злости. Джара не стала терять момент и, когда хватка ослабла, резко ударила эльфку локтём в живот. Не дожидаясь, пока она среагирует, она тут же присела, чтобы освободить себя от опасности ножа, и подсекла ноги Элеа. Та грохнулась на камни.

В этот момент уже подбежали Эмрис и Ноэмин, но Джара успела поднять оружие Элеа, нож кинула Найне, а сама завертела мечом, одновременно пнув ногой эльфку в бок. Та застонала от боли.

"Я продержусь, — мысленно подбодрила себя Джара. — Ив, Сельма, ребят, вы только быстрее!"

Ноэмин отбросил в сторону оружие Джары и выхватил два своих меча. Эмрис обнажил свой.

— Не глупи, детка, — сказал ей Эмрис. — Тебе не справится с нами одновременно!

— Спорим! — вскинув подбородок, бросила Джара и пошла в атаку.

— Наверху битва, — задрав голову и прислушавшись, взволнованно сообщил Тэллар.

— Джей дерётся одна против троих? — со смесью тревоги и восхищения произнёс Ивор. — Мы должны ей помочь!

— Нам в жизни здесь не подняться, — меряя взглядом отвесную скалу, сказал Хаарт. — А до подъёма идти и идти.

— Не скажи, — бросила Аерис с едва заметной улыбкой. — Грифон, Сокол, вы готовы?

— А? — не понял Тэллар.

— К чему готовы? — хмурясь, отозвался Ивор.

Эльфийка простёрла вперёд руки, согнутые в локтях и ладонями кверху, закрыла глаза, сосредотачиваясь, а затем сделала жест, будто она подбрасывает что-то в воздух. В ту же секунду налетел сильный ветер, пронёсся мимо Ангелов, а потом подхватил в воздушные потоки ошалевших Тэллара и Ивора. Аерис плавно поднимала руки вверх, и ветер возносил парней выше и выше. Когда она забросила их на уступ, они выхватили мечи и скрылись из взора остальных.

Аерис отёрла лоб, словно запыхалась, и посмотрела на Сельму.

— Ну как?

— Впечатляет, — отозвалась та.

— Что ж ты раньше этого не делала! — воскликнула Сунор и выставила вперёд свои израненные руки. — Мы могли бы не карабкаться каждый раз по этим ужасным склонам!

— Это не так легко, — ответила Аерис.

— Ты Ангел, терпи, — ко всеобщей неожиданности обратился к Сунор Эйдан.

Девушка вспыхнула.

— Ещё *ты* будешь мне что-то говорить?! Да ты…

— Не смей, — коротко сказала Змейка, вставая между Эйданом и Сунор. Похоже, это был первый раз, когда маленькая целительница сказала что-то наперекор капризной красавице. Голос её звучал так решительно и твёрдо, что Сунор заколебалась, но ни извиняться, ни уступать она не привыкла.

Хаарт потянул Сунор за локоть, и та нехотя отошла к нему. Рыцарь взглянул на Змейку с такой тоской в глазах, что даже

сердце Сельмы, которая ему не очень симпатизировала, дрогнуло. Но Змейка отвела взгляд и отвернулась к Эйдану.

— Мы что будем делать? — отворачиваясь от них, обратилась Чародейка к Аерис. — Нас так поднять не сможешь?

— Можно попробовать партиями, — с сомнением произнесла Аерис.

— Ну уж нет! Только не меня! — обхватив себя руками, возвестила Сунор.

— По-моему, ты только что жаловалась, что Аерис не поднимала тебя так до этого, — напомнила ей Сельма ледяным тоном, каким она обычно обращалась к дочери Дамрафа — с абсолютным равнодушием и неуловимым (но в то же время всеощутимым) презрением.

Сунор не ответила, только надула губы и отвернулась к Хаарту.

— Если честно, не совсем уверена, что кто-нибудь не упадёт, — призналась Аерис. — Практики, видимо, не хватает. Я ведь совсем не привыкла управлять какими-то сверхъестественными силами.

Сельма слегка улыбнулась.

— В магии нет ничего сверхъестественного, Эльфийка.

Внезапно лицо Аерис изменилось.

— Что-то не так? — нахмурилась Сельма.

— После того, как я встретила своих соплеменников, этих чистокровных эльфов, — произнесла она с презрением, — у меня совсем не осталось желания зваться Эльфийкой… — Аерис подняла взгляд наверх. — Надеюсь, ребята справляются…

— Трое против троих, — отозвался Хаарт. — Они точно справятся.

Сельма отметила про себя, что рыцарь наконец-то начал принимать участие в общих разговорах. Что ж, это отличное продвижение.

— Брось, Эльфийка, — обратилась она к полуэльфке. — Я уверена, что не все эльфы так уж плохи. Сама посуди: в тебе эльфийской крови ровно наполовину, но, тем не менее, в тебе нет ничего от этих мерзавцев.

Аерис улыбнулась ей благодарно.

Эйдан тем временем что-то тихо говорил Змейке. Она слушала внимательно, с улыбкой, но Чародейка заметила, что в её глазах стоят слёзы. "Чёрт бы побрал эту Сунор", — с раздражением подумала волшебница.

Змейка слушала Эйдана и еле сдерживала себя, чтобы не заплакать. Девушка не знала, каким раньше был этот человек, хоть и отлично понимала, что именно он подставил весь мир под

страшную угрозу. Но сейчас ей было невыносимо его жаль. В последнее время Эйдан говорил уже почти без ошибок, хоть и не мог строить длинных предложений или использовать какие-то речевые обороты. Но, казалось, он понимал абсолютно всё, что происходило вокруг него. И иногда он говорил такие вещи, что Змейка только оттого, что понимала: ему будет ещё хуже, если она разрыдается, — сдерживала свои слёзы.

Змейка положила ему на щёки свои ладони и ласково улыбнулась. И тут какая-то неведомая сила поднялась внутри неё, обняла всё её существо и, казалось, завладела её сознанием. Змейка скользнула ладонями по лицу Эйдана и соединила кончики пальцев на его затылке. Эйдан замер и не дышал, с трепетом глядя на будто озарённое внутренним светом лицо девушки. Змейка потянула к его лбу и запечатлела на нём поцелуй.

Когда она отстранилась от него, Эйдан всё так же, задержав дыхание, глядел на неё, но это был уже другой человек.

Джара готова была завопить от радости, когда, откуда ни возьмись, за спинами Эмриса и Ноэмина, осыпавших её градом атак, появились Ивор и Тэллар. Она и завопила. Эльфы развернулись как раз вовремя, чтобы отразить атаки Сокола и Грифона.

— Откуда вы взялись? — весело улыбаясь, спросила Джара у парней, рьяно скрещивающих мечи с клинками эльфов.

— Прилетели на крыльях! — так же весело отозвался Ивор.

— Мы же Ангелы, — хмыкнул Тэллар. — Джара, сзади!

Джара обернулась вовремя, чтобы успеть ускользнуть от удара поднявшейся на ноги Элеа, в руках которой был зажат огромный булыжник. За её спиной стояла, занеся руку с ножом для удара, Найна, но она, видимо, так и не смогла заставить себя вонзить нож в спину эльфийки.

Джара на неё не злилась. У неё, впрочем никогда не было известного синдрома "первого убийства", но женщину она понимала. Та прожила полвека и никогда никому не причиняла вреда. Это слишком тяжело… Тем более, Джара ведь не получила камнем по башке.

Элеа развернулась к Бестии. Её красивые глаза налились кровью, в них читалась всепоглощающая ненависть.

Джара, держа руку с мечом эльфийки вытянутой, чтобы сохранять между ними дистанцию, приблизилась к лежащим на земле ножнам со своими мечами. Совсем рядом дрались Ивор с Эмрисом и Тэллар с Ноэмином. Звенели мечи, слышались вскрики и ругательства. Джара подняла свои мечи, затем

подбросила клинок Элеа, поймала его за лезвие и протянула хозяйке.

— Бери. Я не как вы. Пусть я и человек, и имя моё никак, я не желаю убивать тебя безоружную. Да что ты встала, бери свой меч и принимай бой.

Элеа вдруг кинула булыжник в Джару — та еле успела увернуться — и тут же резко дёрнула рукоять своего меча, развернув его так, что лезвие слегка порезало пальцы Джары. Закапала кровь. Бестия зашипела, обнажила свои клинки и отбросила ножны в сторону.

— Ах так, значит, — произнесла она, глядя в горящие яростью глаза эльфки. — Не хочешь по-хорошему? Будем по-плохому!

— Ты совершила последнюю ошибку в своей жизни, — процедила Элеа, — дрянь.

Джара сдвинула тонкие брови.

— Я собиралась просто проткнуть тебя, теперь же буду рубить голову.

Элеа взревела голосом, совсем не вязавшимся с её красивым и, казалось, хрупким, лицом, (впрочем, это самое лицо теперь было так искажено гримасой злости и ненависти, что вряд ли кто назвал бы его прекрасным) и набросилась на Джару.

Бестии, несмотря на своё отношение к Элеа, пришлось признать в ней настоящего мастера меча. Хоть у наёмницы было два меча, а у эльфийки только один, особых преимуществ Джаре это не давало. Элеа дралась, как разъярённая тигрица. Но Джару не зря прозвали Бестией.

Её удары были молниеносными и точными, и эльфка демонстрировала чудеса ловкости рук и быстроты реакции, успевая парировать их один за другим. Один раз Джара чуть не оступилась: ей под ноги попался тот самый булыжник, два раза угрожавший размозжить ей голову. Элеа это дало шанс пойти в атаку самой, и она его не упустила. Клинки встречались, сталь звенела, будто отрывистая звонкая песня.

Обманным выпадом Джара заставила противницу оставить незащищённой грудь, и один из её мечей метнулся туда, но Элеа успела исправить свою ошибку, поэтому кончик лезвия лишь проехался по коже под ключицей эльфки, оставляя за собой кровавый след.

Элеа разъярённо вскрикнула и с новой силой обрушила на Джару град атак. Джара защищалась, чуть отступая вбок. Эльфийке показалось, что под её напором девушка ослабевает, но на самом деле Джара без ведома самой Элеа разворачивала её так, чтобы та оказалась спиной к обрыву.

Краем глаза Джара увидела Эмриса, истекавшего кровью, кое-как успевавшего отражать удары Ивора. Чуть дальше маячили фигуры Тэллара и Ноэмина, но девушка не могла их как следует разглядеть.

Ослеплённая своей яростью и всецело поглощённая схваткой, Элеа не понимала, что сама шаг за шагом приближает себя к смерти, отступая под напором ударов Джары.

Когда эльфка была на самом краю пропасти, камешки выскользнули из-под её ног и полетели вниз. Элеа мигом побледнела, заподозрив неладное, оглянулась и увидела бескрайнюю пасть бездны. Эльфка вскрикнула, Джара выбила её меч и вонзила сразу оба своих клинка глубоко ей в живот, так что мечи вышли из спины Элеа.

Эльфийка захрипела, а изо рта потекла кровь.

— Что теперь ты скажешь о превосходстве эльфов над людьми? — поинтересовалась Джара.

Элеа не изъявила желания говорить что-либо; она неуклюже балансировала на краю пропасти. От страха и приближения смерти у неё, казалось, помутился рассудок, и она в безумном и нелепом стремлении пыталась удержаться на клинках Джары. Но её тело перевесило, и она соскользнула с мечей.

Элеа издала предсмертный крик, Джара молниеносно рубанула мечом, и, оставляя в воздухе кровавый след, сразу же оседавший вниз тёмно-алыми каплями, в пропасть ухнули туловище и голова эльфийки.

— Привыкла исполнять обещания, — прошептала Бестия, провожая их взглядом.

— Элеа! — выкрикнул Ноэмин, отвлёкся, и Тэллар, не преминув этим воспользоваться, ловким ударом выбил из рук эльфа его оружие и приставил кончик меча к его горлу.

И почти в то же мгновение Эмрис получил ощутимый удар ногой Ивора в солнечное сплетение и рухнул на колени, тщетно силясь поднять меч.

Джара подошла, носком сапога выбила из его рук меч и, будто о тряпку, вытерла об одежду и волосы Эмриса кровь Элеа со своих мечей.

— Я не понесу такого унижения, — прошептал эльф и, собрав остатки сил, совершил последний рывок к кинжалу Джары, лежавшему неподалёку.

Бестия и Грифон едва успели среагировать, но Эмрис не собирался нападать. Он обвёл их гордым взглядом и вонзил кинжал себе прямо в сердце.

— Эмрис… — прохрипел Ноэмин.

— Чёртов гордец, — презрительно фыркнул Тэллар в сторону

завалившегося на бок Эмриса. — А с этим-то что делать?

Джара указала Ивору в сторону Найны, которая сидела, схватившись за грудь. Тот кивнул и направился к хранительнице Башни. Сама Джара подошла к Соколу и Ноэмину. Вид у эльфа был подавленный и жалкий.

— Не убивай его, — сказала Джара. — Пусть катится на все четыре стороны. И мечи его ему отдай.

Тэллар посмотрел на неё удивлённо.

— Бестия, ты издеваешься? Он же обязательно за нами проследит и ткнёт кого-нибудь в спину!

— Нет, — подал голос эльф. — Я… я ещё не знаю, что я буду делать, но я не буду никому мстить. Мы… сами виноваты. Если вы всё же решите, что хотите меня убить… пожалуй так будет даже лучше. Я готов принять смерть от руки кого-то из вас.

— Чёртовы эльфы, — выплюнула Джара. — Не будем мы тебя убивать. Я слышала ваши разговоры и считаю — может, и ошибочно, — что ты лучше, чем твои мёртвые спутники.

— Они творили зло, а я, может, и не соглашался в душе, но не смел возразить или, тем более, бороться, — тихо сказал Ноэмин. — Возможно, я даже ещё хуже, чем они… Я трус.

— Считай так: Джара великодушно даёт тебе шанс исправиться, — насмешливо сказал Тэллар и отвёл меч в сторону. — Пожалуй, я бы убил тебя… Но Бестия у нас с на редкость добрым сердцем.

Ноэмин поднял свои мечи.

— Я видел, как ты дралась, — обратился он к Джаре. — Ты и вправду мастер. Я вернусь на Тарневир и… попытаюсь измениться. Достойно использовать этот шанс, который ты мне дала. Достойно прожить жизнь, которую ты мне сохранила, хотя имела полное право её отнять. El'da astara quen narigo, — добавил он. — Это благословение на староэльфском.

— Не тебе её благословлять, — нахмурился Тэллар.

Но Джара не разозлилась, а улыбнулась и напевно произнесла:

— Yeem'eth ecrof foerutan eethi'qu oyee.

И Тэллар, и Ноэмин смотрели на неё удивлённо.

— Это тоже благословение и напутствие. Да хранят и помогают тебе силы природы. На языке друидов.

Ноэмин округлил глаза, но не решился ничего спрашивать. Он кивнул и сделал шаг, но тут же замер, глядя куда-то за спины Бестии и Сокола. Они обернулись и увидели шедших к ним остальных Ангелов. Змейка, увидев Найну, поддерживаемую Ивором, тут же бросилась к ней, на ходу что-то доставая из своей сумки. Джара подумала, что в пятёрке идущих к ним Ангелов что-

то не то, но не могла понять, что именно.

Сунор поморщилась и брезгливо отвернулась, увидев труп Эмриса, и заставила Хаарта остаться рядом с ней. Змейка давала Найне какое-то зелье. Ивор встал и подошёл к Джаре.

Сельма и Аерис тоже подошли. Эйдан остался стоять в стороне. Взгляд его был странным, но Джара не успела об этом задуматься, потому что Чародейка, Эльфийка и Грифон спросили почти хором:

— Ты отпускаешь его?

Джара кивнула.

— У меня есть на это причины, — твёрдо произнесла она. — Кстати, — вдруг вспомнила она, — и как это вы подняли Сокола с Грифоном сюда?

Сельма улыбнулась ей и перевела взгляд на Аерис.

— А, следовало догадаться, — протянула Джара тоже с улыбкой. — Могущественная повелительница всех ветров!

Аерис сохраняла невозмутимое лицо, но её глаза смеялись.

Ноэмин выглядел поражённым.

— Я… понимаю, что не имею права ни о чём спрашивать… Потому и не буду. Только теперь я уверен, что истинное право обладать артефактами принадлежит вам, и никому больше.

— Ты даже не представляешь, насколько прав, — хмыкнула Джара.

— Ты говоришь, что не имеешь права ни о чём спрашивать, — сказала Сельма. — И это верно. Но, я думаю, *мы* имеем право спросить тебя.

— Спрашивайте.

— Почему вы искали восемь предметов? — спросила волшебница.

"Чёрт возьми, я об этом совсем забыла, — подумала Джара. — Как хорошо, что у нас есть Чародейка!"

Ноэмин смотрел на Сельму удивлённо.

— В вашей легенде что-нибудь сказано о том, что изначально предметов было девять?

Эльф покачал головой. Сельма вздохнула и отвернулась от него, показывая, что больше ей спросить его не о чем.

— Приезжай на Тарневир, Аерис, — обратился Ноэмин к полуэльфке. — Поверь, там уже давно не относятся к полукровкам с таким предубеждением, как Элеа, Эмрис… и я… в своей прошлой жизни. И далеко не все такие мерзавцы.

— Я подумаю над твоим приглашением, — серьёзно ответила Аерис.

Ноэмин кивнул, кажется, хотел что-то ещё сказать, но потом передумал и молча ушёл.

Джара проводила его глазами, а потом её взгляд наткнулся на спокойно, ровно стоявшего поодаль Эйдана. Он встретил её взгляд, и Бестия наконец поняла, *что* было не то. Эйдан глядел на неё своими *прежними* глазами. И держался так же, как раньше, когда-то давно. В прошлой жизни, как сказал Ноэмин.

Эйдан медленно кивнул, не сводя с неё глаз, будто подтверждая её догадку.

Джара повернулась к Ивору. Тот тоже заметил, как и Тэллар.

— Змейка вернула Эйдану разум, — произнесла Сельма, видя их замешательство.

— Но как? — поразился Сокол.

— Ангел Света, — ответила Чародейка таким тоном, будто эти слова объясняли всё. Впрочем, это действительно было так.

— Можно сказать, она прояснила, озарила светом его мозги, — более доходчиво пояснила Аерис.

К ним подошла Змейка. Сзади шла Найна, всё ещё сжимающая в руках нож.

— Найне лучше, — сказала целительница.

— Да, мы можем идти дальше, — кивнула женщина.

Змейка обвела Ангелов взглядом.

— Всё в порядке?

— Да, — ответила Джара, всё ещё не пришедшая в себя. — Просто Эйдан…

— Вернулся, — раздался сзади голос вроде того же Эйдана, который недавно лепетал и бормотал несвязные слова, но одновременно ещё и *того* Эйдана, давнего, с которым Джара и Ивор встретились в башне, с которым они искали храм среди гор, и который обманул Джару, использовал её, предал и скрылся с Книгой… Из-за которого теперь Альянс здесь, на Поднебесье, на Джайрусе в поисках семисотлетних артефактов.

Тот Эйдан вернулся.

Найна остановилась у узкой расщелины в скале.

— Здесь. В глубине этого ущелья спрятаны артефакты.

Ангелы остановились, глядя на чёрный проём и не решаясь туда зайти. Они так долго шли к этому и вот, пещера с артефактами перед ними…

— Я не пойду внутрь, — извиняющимся тоном добавила Найна. — Сердце и так совсем плохо… Тем более, я никогда не была *внутри*, — с трепетом в голосе сказала она. — Так что я вам не нужна. Я подожду вас снаружи. Дождик уже успокоился, солнышко выглянуло. Посижу вон там, отдохну. Сердце болит…

— Вам ни к чему оправдываться, Найна, — положа руку ей на плечо, произнесла Сельма. — Вы и так нам очень помогли.

— Девочка, ты не дашь мне ещё того зелья?… — обратилась хранительница к Змейке.

Та заколебалась, но потом всё же протянула бутылёчек с остатками снадобья Найне. Та приняла его и поблагодарила целительницу.

Ангелы вошли в ущелье. Там царила непроглядная темень, и Сельма создала несколько светящихся шариков, чтобы рассеять мрак.

— Что тебя тревожит? — спросил Эйдан у Змейки.

Девушка чуть вздрогнула от неожиданности. Так было непривычно разговаривать с ним вот так, как со всеми другими людьми! Он больше не маленький ребёнок, не несчастный калека. Он вроде бы остался таким же, но в то же время стал совсем другим. Его походка — гордая, уверенная, почти королевская, будто за спиной не было всех тех ужасов, которые он пережил. И этот взгляд… Спокойный, проницательный и исполненный такой боли — ей одной, Змейке, понятной…

— Найна, — ответила она. — Её сердце. Мне кажется, оно недолго выдержит после всех сегодняшних переживаний…

— Ты винишь Альянс в том, что мы приблизили её кончину?

Змейка кивнула.

— Никто в этом не виноват, Змейка. — Он протянул к ней свою единственную руку и ободряюще пожал её ладонь. — Это её судьба. Она очень храбрая и честная женщина, и жизнь её была достойной. Не мучай себя, хорошо?

Девушка благодарно улыбнулась.

— Как хорошо, Эйдан!.. — с чувством произнесла Змейка. Она глядела на него, и в её больших глазах плясали блики магического света. Змейка не знала, как выразить свои чувства, как объяснить ему, *что именно* хорошо. Что он теперь рядом *такой*, что он больше не жалкий, потерявший рассудок от пережитых кошмаров человечек с сознанием маленького ребёнка, что и он теперь будет поддерживать её, а не только она его…

Но Эйдану не требовались слова, чтобы понять её.

— Ты — мой ангел, Змейка.

"Он её любит, — подумала Сунор, шедшая с Хаартом сзади Эйдана и Змейки, с некоторой завистью. — Великая Луна, он любит её до безумия! Он всё помнит, всё, что было, пока он пребывал в полоумном состоянии, будто наблюдал за собой со стороны. Змейка теперь действительно его ангел, его богиня… А Хаарт ревнует. Сейчас, кажется, вспыхнет ярким пламенем от ревности, — с горечью усмехнулась она про себя. — Он её тоже любит до сих пор. Что бы он там ни говорил мне и себе самому. Он себя сам обманывает. А я перестала себя обманывать уже

очень, очень давно…"

Ущелье было узким и прямым, и у Джары создалось впечатление, будто его специально выдалбливали для каких-то целей. Действительно ли это было так? Волшебник первого Альянса ушёл сюда, чтобы отрешиться от мирской суеты. Создал ли он пещеру своим волшебством, или её сотворила сама природа?

Джара шла, опустив голову и глубоко задумавшись, расфилософствовалась про себя, не заметила, что впереди оказался тупик, и со всего маху впечаталась лбом в каменную стену. Она выругалась и стала тереть ушибленный лоб.

— Кто здесь поставил эту чёртову стенку!

Сельма подвела четыре магических шарика ближе, чтобы они осветили тупик.

— Пожалуй, тот самый маг Альянса, — ответила она.

— Чародейка, ты не поняла Бестию, это был риторический вопрос, — давясь смехом, сказал Тэллар.

— И что делать? — вопросила Аерис.

— Кого-то здесь говорящие рыбины назвали Ангелом-Ключом… — куда-то в сторону, будто размышляя вслух, произнёс Сокол.

Джара хотела было разразиться новыми ругательствами, но Сельма её остудила.

— Джара, возможно, Тэллар прав. Я думаю, пещеру охранили так, чтобы никто, кроме новых Ангелов, в неё не проник.

— Значит, эльфы всё равно не попали бы в пещеру с артефактами? — спросил Хаарт.

— Кто знает… — отозвалась Сельма.

— И что мне делать? — с некоторым раздражением вопросила Джара.

— Где-то здесь должна быть громадная замочная скважина, и ты в неё залезешь…

Бестия развернулась к Тэллару, и ухмылка слезла с его лица. Экстремальная ситуация, когда они забыли все обиды прошлой ночи, прошла, и теперь она словно без слов говорила ему: "Я всё отлично помню, Сокол, и прекрати подшучивать, как прежде, как ни в чём не бывало. Как прежде больше не будет, пойми…"

— Я не знаю, Джара… — произнесла Сельма, водя рукой по камню.

— Пожалуй, Змейка может пролить некоторый свет на эту безвыходную ситуацию, — услышали все голос Эйдана со слегка насмешливыми интонациями. Как же непривычно слышать его нормальный голос, произносящий осмысленные предложения, а не детский лепет, подумалось Ангелам.

— Что ты имеешь в виду? — обернулась к нему Чародейка.

— Она Ангел Света, — начал объяснять Эйдан. — Раз уж она прояснила мои мозги, пожалуй, и эту самую "замочную скважину" она найдёт…

— Я не уверена, что… — начала Змейка.

— Просто попробуй, — ласково улыбнулся он ей.

Змейка кивнула, и все расступились, пропуская её к тупику. Целительница положила ладони на камень, и вдруг вся стена озарилась слепящим белым светом. Ангелы ахнули от неожиданности и зажмурились. Затем свет стал медленно меркнуть, но сбоку, где-то на уровне головы девушки, всё ещё оставался лучащийся контур. Контур двух крыльев.

— Тэллар, амулет! — выдохнула Джара.

Сокол подошёл, вытащил амулет из-под рубахи и приложил крылья к светящемуся контуру. Стена вновь на миг вспыхнула светом, а затем пропала. Просто растворилась в воздухе.

— Невероятно, — пробормотала Сельма. — Это очень сложная магия…

— Ничего сложного, — возразил Эйдан. — Магический заговор на определённую ауру и определённую вещь. Держится веками. До бесконечности. — Его беспристрастный тон сменился на удивительно ласковый, когда Змейка подошла к нему, и он сказал: — Я же говорил, что у тебя получится.

Джара покосилась на Сельму, но та осталась невозмутимой.

Ангелы вошли в пещеру, и магические шарики разметались по её периметру, чтобы осветить всё помещение.

Пещера была небольшой и почти идеально круглой. Джара опять задумалась о том, создали ли её руки человека (вернее, его магия) или она образовалась естественно.

Свет шариков выхватывал из темноты небольшую циновку, расстеленную на каменном полу, и кости, лежавшие, будто кто-то собирал из них человеческий скелет.

— Чёрт возьми, — пробормотал Тэллар. — Это и есть тот волшебник?

— Видимо, — сказала Джара. — Кошмар, он вот так лёг на циновку и просто умер, и лежал так семьсот лет? Плоть истлела, остались одни кости…

— Он, что ничем, не питался? Здесь кроме этой циновки больше нет ничего, — оглядываясь, произнёс Ивор.

— Волшебник может очень долго прожить за счёт своей магической энергии, — пустился в объяснения Эйдан. — Она будет подпитывать его организм, как пища или вода, пока все силы полностью не истощатся. Затем придёт тихая смерть.

— Я смотрю, ты у нас теперь главный умник? — не выдержав,

съязвил Тэллар.

Эйдан пожал плечами и абсолютно спокойным голосом ответил:

— Я так долго был спятившим дебилом, что хочется поумничать. По-моему, это естественно, вы не находите?

Повисла неловкая тишина.

— Получается, он замуровал себя заживо, когда все Ангелы принесли ему остальные предметы, — задумчиво произнесла Аерис.

Джара поёжилась.

— Кроме одного, — сказала Сельма. — Амулет-то остался снаружи у одного из Ангелов…

— Я вот что не понимаю, — неожиданно подала голос Сунор. — И почему это не пришло в голову никому из вас? Вы же мудрые и находчивые герои, спасающие мир! — фыркнула она. Все проглотили насмешку, потому что ждали, что же она скажет. — Предки этой Найны были два Ангела, которые поженились и жили счастливо, так? Все Ангелы, уезжавшие с Поднебесья, относили свои предметы этому отшельнику, — она кивком указала на кости, — кроме Ангела, носившего амулет, он-то остался на острове. Но ещё же есть и второй Ангел, супруг первого, не знаю, кто из них он, а кто она. Что же второй Ангел не оставил свой артефакт потомкам, как его супруг? Вам не пришло в голову, что это и может быть тот самый девятый артефакт, который пропал неизвестно куда, и вы не можете понять, куда и почему?

Она закончила и опять усмехнулась. Остальные молчали, раздумывая над её словами.

— Давайте подумаем об этом потом, — наконец сказала Джара. — А пока переключимся на основную задачу. — Она помолчала и вдруг чуть ли не закричала: — Где артефакты, которые должны быть в пещере?! Она, чёрт её побери, пустая!

— Тихо, Бестия, не психуй, — сказал Тэллар. — Змейка, может, ты опять сделаешь что-нибудь такое, со светом и прочими чудесами?

— А ты у нас, я смотрю, главный шутник? — едко осведомился Эйдан.

Тэллар насупился, но потом добродушно сказал:

— Ладно, ладно, счёт один-один.

— Я не знаю, по-моему, сейчас я ничего не смогу, — неуверенно сказала Змейка.

Сельма тем временем медленно обходила пещеру вдоль стены, ощупывая камень. Затем она спустила свои шарики ниже.

— Глядите-ка, — позвала она остальных.

Шарики осветили изображение короны где-то в натуральную величину, может, чуть крупнее.

— Ого, наскальные рисунки! — восхитился Сокол.

— Ты можешь быть серьёзным хоть *когда-нибудь*? — обратился к нему Ивор.

— Грифон, и ты туда же? Ладно, молчу…

Сунор ощутила, что рисунок притягивает её, как магнит. В памяти всплыл её сон: она сидит перед зеркалом и смотрится в него, а отражение показывает её с ажурной диадемой на голове… Сунор подошла, как в трансе, и, действуя по наитию, приложила узкую ладонь к рисунку. Тот вспыхнул по контуру светом, и часть стены, на которой помещался рисунок, исчезла, как и вход в пещеру, открывая нишу в стене. Сунор запустила руки в углубление, удивлённо втянула воздух и вытащила на всеобщее обозрение удивительно красивую диадему — точь-в-точь такую, как в её сне. Она надела её на голову, и ощутила, будто она давным-давно потеряла эту вещь и наконец нашла.

Сельма выделила остальным Ангелам по шарику, и вскоре все стали издавать изумлённые возгласы, вытаскивая на свет артефакты, принадлежавшие их предшественникам. Волшебные предметы, зачарованные *настоящими* ангелами. С крыльями и прочим.

Чародейка вытащила удивительной работы жезл длиной примерно такой же, как расстояние от кончиков пальцев до локтя. Он был сделан из серебра, по рукояти вился плющ, а на конце он переходил в крупный раскрытый цветок, между серебряных лепестков которого переливались огнями четыре драгоценных камня: рубин, сапфир, изумруд и алмаз.

У Эйдана был золотой перстень с кроваво-красным рубином (он усмехнулся, что ему не придётся выбирать, на какой руке его носить). А у Змейки — небольшое, размером с ладонь, зеркало в серебряной раме, украшенной рельефными растениями и цветами.

Ивор и Хаарт оказались обладателями отлично сработанных мечей, которые были почти одинаковыми. Лишь у Ивора металл был светлым, чуть ли не белым, а эфес богато украшен золотыми узорами и топазами, а у Хаарта и рукоять, и лезвие были абсолютно чёрными. По рукояти змеились серебряные линии, а на гарде сверкали изумруды.

Аерис вытащила лук и восхищённо выдохнула.

— Я никогда не видела ничего подобного! — с благоговением произнесла она, проводя пальцами по мощным рогам лука, по тугой тетиве, по красивым рельефным узорам на рукояти. — Он сработан из тарневирской осины и рогов и жил белоснежного

оленя — это самые лучшие материалы для лука!

— Тарневирская осина? — отозвался Сокол. — Значит, это эльфский лук?

— Да будет тебе известно, что «Тарневир» не обязательно значит «эльфы», — наставительным тоном сказал ему Эйдан. — Там не одни они живут.

Тэллар хмыкнул, но ничего ему не ответил. Вместо этого он сказал:

— Похоже, нашу Бестию обделили.

Все были поглощены изучением своих артефактов, за исключением Тэллара, так что кроме него никто не обратил внимания на Джару, стоявшую посередине пещеры, обхватив себя руками. Вокруг неё одиноко вился магический шарик и странно помигивал, будто хотел её подбодрить.

Джара зыркнула на Сокола, но не нашла, что ответить.

— Значит, девятый артефакт, канувший в неизвестность, твой! — насмешливо сказала Сунор, глядя на насупленную Бестию. На голове Сунор красовалась её диадема, и она ей несказанно шла.

Джара не желала слушать ничьих насмешек или сожалений. Тем более, это было бы глупым ребячеством.

Она шагнула к костям волшебника. "Ну и? — подумала она, глядя на останки бывшего Ангела. — Можешь ответить мне, где *мой* артефакт? Это я, Ангел-Ключ, приём!"

Тут она чуть не задохнулась от захлестнувшей её волны самых разных эмоций, пока наконец в голове не осталось одной чётко сформированной мысли.

Волшебник всё-таки оставил кое-что для обделённого Ангела. Послание-объяснение.

— Я знаю, где мой предмет. Кинжал, — объявила Джара. Когда все, удивлённые, повернулись к ней, она сказала: — В Книге. В Измерении. Держит капкан захлопнутым.

XII Охота на Ангелов

Миерна оглядела окруживших её друидов с фанатичным блеском в глазах.

— Повелители говорили со мной, — благоговейно произнесла она.

— Что они говорили? — стали спрашивать друиды.

— Они поведали мне, как можно вызволить их из Измерения.

По рядам друидов пронёсся вздох.

— Расскажи нам, сестра, — сказал Кельдан. — Расскажи, и мы немедленно сделаем это.

— Когда много веков назад первый Альянс, собранный волшебником на Гирите, безжалостно перебил почти всё наше племя и не дал свершиться великому ритуалу освобождения Повелителей Стихий, предводитель Альянса, Ангел-Ключ, как поведали мне великие боги, захлопнул «двери» Измерения-ловушки и использовал свой волшебный артефакт, кинжал, как затвор. Сила, заключённая в этом предмете, теперь не даёт ловушке распахнуться. Чтобы вернуть свободу нашим богам, необходимо завладеть силой остальных восьми предметов и — Ангелом-Ключом.

— Теперь, насколько я понимаю, это Джара, наша бывшая сестра, — проговорил Кельдан.

Глаза Миерны полыхнули огнём.

— Даже не вспоминай того тёмного времени, когда мы называли эту богами проклятую дикарку своей сестрой! Но ты прав — это она Ангел-Ключ. Теперь мы должны встать на пути Альянса и не дать им исполнить своё предназначение, а вместо того схватить Джару и завладеть артефактами.

— Мы готовы на всё во имя Повелителей Стихий, — с трепетом в голосе произнёс Кельдан, приложив ладонь к сердцу и склонив голову. Остальные друиды повторили его жест.

Миерна покачала головой.

— О нет, мои братья и сёстры. Мы не будем заниматься этим сами. Друиды — это высшая раса, дети великих богов. Для грязной работы существуют люди.

Гонец закончил свой рассказ, и Дамраф задумался, потирая подбородок. Он долго молчал, и наконец гонец не выдержал и спросил:

— Каковы будут ваши распоряжения, господин?

Глава Ордена Луны поднял на него отрешённый взгляд.

— Слуги отведут тебя в комнату, — наконец встрепенулся он,

будто только что понял, кто стоит перед ним и чего он хочет. — Поешь и отдохни. Я вызову тебя.

Гонец кивнул, поклонился и вышел. Почти сразу в комнату вошла Аялла.

— У тебя был гонец? Откуда?

Дамраф жестом пригласил её сесть.

— Из Ханеласа. В Ветельсе убили чародейку, Илену, которую я отправил в ссылку из-за того, что она выполняла разные глупые прихоти Сунор. Я рассказывал тебе. — Аялла кивнула, давая этим понять, что помнит. Дамраф продолжал: — Её убили в собственном доме.

— Она жила одна?

— Были охранники, но их убили. Один парень, видимо, служивший ей, всё видел и рассказал, что в дом проникла странная компания, девять человек. Пять девушек и четыре парня. Он сказал, у них было две чародейки, и одна из них убила Илену, а другая полностью выкачала из него все силы, так что он потерял сознание. Когда очнулся, их уже не было, а Илена была мертва. — Ронки умолчал о том, что Ангелы пришли спасать Сунор от пыток и мучительной смерти, но Дамраф, конечно, не мог об этом знать. — Он их всех подробно описал, и… Ты знаешь, у меня нет сомнений, кто это…

— Ангелы? — нахмурясь, спросила Аялла.

— В точку, — кивнул Дамраф. — Я не понимаю, зачем им было убивать Илену…

— Я не думаю, что они сделали это из прихоти. Если они убили её, значит, так сложились обстоятельства или ещё что-то…

Дамраф молчал. В голову приходили очень страшные мысли, такие, что он боялся их озвучить. Например, что его дочь решила за какую-то обиду или неоправданные надежды отомстить своей бывшей личной чародейке… Нет, нет! Дамраф тряхнул головой. Сунор, конечно, капризная и бывает чёрствой — даже иногда жестокой — но не до такой же степени!

— Дамраф? Что у тебя на уме?

— Нет… ничего. Давай больше не будем об этом. — Он посмотрел на неё с теплотой. — Ты просто так ко мне зашла? Соскучилась? Я соскучился.

Аялла улыбнулась.

— Я тоже, но я зашла по делу. Ну, не сердись! — Она потянулась к нему и нежно коснулась пальцами его щеки. — Тришу мысленно позвали друиды.

Дамраф поднял брови.

— Через такое расстояние? Удивительно… Что они хотели?

— Просили аудиенции у нас. Говорят, что-то очень важное.

Триша создаст портал к Тадору и приведёт их сюда, как только мы скажем.

— Раз это важно, пусть перенесёт их к нам прямо сейчас. Подозреваю, что-то с Книгой… Великая Луна, когда же это закончится?…

Аялла распорядилась, чтобы слуга позвал её главную чародейку, и вскоре Триша явилась, выслушала распоряжения своей госпожи и отправилась к руинам Тадора через телепорт.

Дамраф с подозрением косился на ярко-синий с ослепительными разводами диск, висевший в воздухе посреди комнаты. Аялла глядела на него, пряча улыбку.

Гладь портала зарябилась, и из него один за другим вышли друид и две друидки, а вслед за ними и Триша. Аялла и Дамраф встали с кресел, приветствуя их. Чародейка закрыла портал и вышла из комнаты.

— Наше почтение, — низко склонив голову, почтительно произнёс друид. — В знак нашего уважения мы явились к вам так, как предписывали нам боги приходить к уважаемым людям. Вождь племени — я, Кельдан; самая мудрейшая из друидов — сестра моя Миерна; самая юная — Зельда. — Друидки, когда называли их имена, тоже склоняли головы.

— Примите и наше уважение, — так же приветствовали их Дамраф и Аялла. Затем они предложили сесть друидам (но те отказались) и сели сами.

— У нас очень важные и, к сожалению, скорбные известия. — Голос Миерны звучал встревоженно и печально. Дамраф и Аялла напряглись в ожидании самого плохого, что они могли представить: Книга породила новый смерч. Но на самом деле всё оказалось гораздо хуже. — Из-за близости к сфере Книги мне стали приходить видения, связанные с Альянсом Ангелов.

— Как они там? Что с ними? — спросили одновременно главы Орденов.

Кельдан и Зельда опустили взгляды. Миерна тяжело вздохнула.

— Это камнем лежит на моём сердце… Я… до последнего не верила, но как можно не верить своим глазам и голосу самой природы, которая говорит со мной и открывает мне истину? Ангелы нашли волшебные предметы. — Дамраф и Аялла радостно выдохнули и сжали друг другу руки. Но улыбки сползли с их лиц. — Они не выдержали испытания могуществом и властью и решили, что артефакты перешли в их единоличное владение. Они собираются использовать их волшебство в своих корыстных целях.

— Сунор?! — выдохнул Дамраф. — Моя дочь! Что с моей

дочерью?!

Аялла поражённо качала головой, отказываясь верить в услышанное.

— Вы увидите сами, — негромко произнесла Миерна, сложила руки лодочкой, и в них вспыхнуло чёрное пламя. Пламя разгоралось всё больше и больше в её ладонях, а затем стало сплошной завесой, в которой вдруг начали появляться образы.

И Дамраф с Аяллой увидели Ангелов, упивающихся волшебным могуществом артефактов в их руках. Они грабили, мучили и убивали людей, устраивали пьянки и оргии. Но сердце Дамрафа ухнуло в бездну, когда он увидел Сунор. Лицо её было покрыто кровоподтёками и синяками, она сидела на грязном полу, руки её были связаны, а сама она ничего не соображала, смотрела затуманенными глазами, но не видела. Джара подходила к ней и насильно вливала ей в рот вино, а затем к его дочери подходили друзья Джары, Ивор и Тэллар, и…

— Всё! — выкрикнул Дамраф, вскочив. В глазах его стояли слёзы. — Уберите это! Я не могу это видеть!

Аялла тоже поднялась и обняла его. Миерна сложила руки, и пламя и образы мигом исчезли. Дамраф беззвучно зарыдал, шепча: "Сунор, Сунор, доченька, девочка моя…" Затем он повернулся к друидам.

— Где?! — взревел он. — Где эти мрази?! Подонки! Я найду их! Я разорву их на части!..

— Они ещё на Поднебесье, но скоро поплывут обратно и прибудут в Ханелас, — ответил Кельдан.

Дамраф громовым голосом позвал слугу, и тот вбежал, испуганно моргая.

— Быстро! Позови мне гонца из Ханеласа! НЕМЕДЛЕННО!

Слуга сорвался с места и исчез за дверью.

Аялла сжала плечо Дамрафа.

— Что ты собираешься делать?

— У нас мирное соглашение с Ханеласом. Пусть гонец скачет прямо к королю, а тот разошлёт объявления по всей стране. Тот, кто принесёт мне головы этих сукиных детей, получит золото… А тот, кто приведёт мне Сунор… тоже золото… драгоценности… сколько захочет… всё, что угодно… Моя девочка!..

— Мы уважаем ваше горе и скорбим вместе с вами, — осторожно перебила его Миерна. — Но вы не должны забывать о Книге. Пусть те, кто будет охотиться за головами Ангелов, знают, что они должны принести в целости и сохранности все вещи, которые они у них найдут. Мы попробуем с помощью артефактов сами уничтожить Книгу.

Дамраф был не в силах что-то обсуждать, поэтому Аялла

ответила за него.

— Да, конечно… Мы объявим, что за их вещи будет выплачено.

— И ещё Джара. Её нужно оставить в живых и привести к нам.

Дамраф поражённо уставился на неё.

— Вы хотите…

Миерна подняла руку, пресекая его фразу.

— Она нужна для того, чтобы уничтожить Книгу. Затем вы сможете сделать с ней, что должно. Заключение, казнь… это будет вашим законным правом.

Дамраф сжал руки в кулаки.

— Это будет самая жестокая казнь за всю историю Таэрии!

Друиды кивнули.

— Мы будем держать с вами связь.

В этот момент вошёл слуга с ханеласским гонцом, и Аялла велела ему привести её чародейку.

Миерна соединила руки, скрывая их под широкими рукавами своего одеяния, а затем вновь развела и протянула Дамрафу что-то на ладони. Через мгновение он понял, что это несколько длинных иссиня-чёрных волос. Он озадаченно посмотрел на друидку.

— Зельда останется с вами. Отправьте её в Ханелас со своими чародеями, и она поможет вам найти Джару.

Дамраф кивнул. Зельда приняла волосы Джары из рук Миерны и шагнула в сторонку.

Вошла Триша и открыла портал к Тадору. Миерна и Кельдан, поклонившись мужчине и женщине, отбыли.

Зельда молча стояла сбоку от Дамрафа, пока он отдавал гонцу указания.

Аялла спросила, нужна ли Дамрафу её помощь, но он отказался и попросил её выйти. Аялла всё понимала и, разумеется, даже не думала обижаться. Она сказала ему, чтобы звал её или Тришу, как только они понадобятся, и вышла вместе со своей чародейкой. Та покинула свою госпожу, и Аялла ушла в свои покои.

Сердце у неё болело за Дамрафа, но на душе было неспокойно. Картины, которые они увидели в чёрном пламени, были настолько реальны… Но Аялла отказывалась верить в то, что видела. Да, она не знает достаточно хорошо Джару и её друзей (хотя в тот день, когда она их впервые встретила, они показались ей храбрыми и достойными людьми, а сама Джара с беззаветной отвагой бросилась навстречу огромному смерчу — уже это говорило о многом), но Аялла знала, что Хаарт — настоящий рыцарь, добрый, великодушный, смелый… А Змейка

— целительница, и во время битвы она самоотверженно ухаживала за раненными воинами… Аялла не знала их лично (до того дня, когда Альянс покидал Арлан), но ей рассказывала о них Аира. Она была их другом… И то, что глава Ордена Солнца увидела в пламени, абсолютно не вязалось со словами Аиры. И потом… Было в этих друидах что-то такое, отчего в сердце Аяллы закралось недоверие. Дамраф, едва увидел измученную Сунор, потерял способность размышлять трезво, но женщина, хоть тоже переживала за него и его дочь, почувствовала в речах друидов какую-то фальшь. Там, на руинах, когда они встречались с друидами, ничего подобного не было…

Она долго размышляла об этом в своей комнате и затем наконец позвала Тришу.

— Вы звали, госпожа?

— Да. Послушай, Триша. У меня к тебе задание. Оно очень важное и — тайное. Никому ни слова. — Волшебница кивнула. — Возьми лучших чародеек и отправляйся в Ханелас…

Небольшое, лёгкое и быстроходное судно, купленное на драгоценности с пиратского корабля, мчалось к Материку, подгоняемое ветром, безропотно подчиняющимся силе Аерис. Их кораблик не нуждался ни в капитане, ни в штурмане, ни в ещё ком-то подобном.

Джара стояла на носу корабля, с наслаждением подставляя лицу бешеным потокам воздуха.

— Ты застудишь уши, — сказала ей Змейка, подходя сзади.

— Ты меня потом вылечишь, — со смехом ответила Джара.

— Я серьёзно, — нахмурилась целительница. — Какая же из тебя потом будет предводительница Альянса, если ты будешь глухая?

Джара опять рассмеялась.

— Надеюсь, не оглохну! Что вы там? Закончили коллективное изучение своих предметов?

— Да. — Змейка встала рядом с Джарой и какое-то время с восторгом глядела, как острый нос их корабля разрезает морское пространство. — Ничего нового не выявили. Каждый предмет может указывать, где остальные… И всё пока.

— Зато ни за что не потеряемся! — оптимистично заключила Джара. — Разве что я.

Змейка посмотрела на неё внимательно. Джара перехватила её взгляд.

— Я не чувствую себя обделённой, если ты об этом хочешь спросить! Я полна необъяснимой гордости за свой отважный кинжал, оставшийся там, в Измерении-ловушке, при исполнении.

Змейка рассмеялась, но потом её лицо посерьёзнело.

— Джара, как ты думаешь, мы справимся?

— Конечно, справимся, что за глупые вопросы! Я как предводительница Альянса запрещаю тебе спрашивать об этом и вообще пускать в голову мысли о том, что мы можем не успеть, не суметь и прочее!

Змейка с весёлой улыбкой отдала честь.

— Будет исполнено, командир!

Сзади раздались звуки, и Змейка с Джарой обернулись. На палубу поднимались Сельма и Тэллар.

— Вот, Джара и Змейка! — воскликнул он, завидев девушек. — Поддержите меня. Я предлагаю Сельме переместиться на Материк с помощью телепорта…

— Ты, Тэллар, я заметила, постоянно так и горишь желанием увильнуть от трудностей и опасностей путешествия, вместо этого скакнув через портал, — язвительно сказала Джара.

— Но ведь так будет быстрее и удобнее! — возразил Сокол, сделав вид, что пропустил мимо ушей её колкие слова. — Сами же всё твердите, что у нас каждая секунда на счету. Да и безопаснее так будет — мало ли, что встретится нам на пути…

— Уверен? — спросила Сельма. — Уверен, что так будет безопаснее?

— Ммм… Ты что имеешь в виду, Чародейка?

Сельма вздохнула.

— Вот я не уверена. А если честно говорить: я боюсь.

— Сокол, тебе же понятным языком сказали: к Поднебесью и от него не ведут никакие *межпространственные* пути, — сказала Джара тоном, будто разъясняла тупице, как сложить один плюс один. Особенно она выделила сложное слово «межпространственные», вкладывая в это долю насмешки.

— Но мы-то уже не на Поднебесье! — резонно возразил Тэллар.

— И что? — спросила Чародейка. — Предлагаешь открыть портал с движущегося корабля? Тебе разъяснить, к чему может привести непостоянство координат точки отправки?

— У тебя язык не сломается, Сельма, — пробубнил Сокол.

— К тому же я боюсь. Боюсь открывать портал, даже когда мы прибудем на Материк. Что будет, когда мы ступим на *путь*, — у нас при себе восемь предметов необычайной древней мощи… Понимаешь, Сокол, в чём тут дело — у нас нет права на риск.

Сунор сидела на кровати, прислонившись к её спинке и подтянув ноги к груди, и смотрела на Хаарта, задумчиво разглядывавшего свой чёрный меч, который лежал перед ним на

столе. У Сунор было так же тяжело на душе, как и у рыцаря, потому что она принимала на себя все его мрачные мысли. Хаарт думал о своём предназначении. Предназначении Ангела Смерти.

Сунор не выдержала, рывком подалась к Хаарту и обняла его. Он не ответил на её объятия, но и не отстранился. Он просто принял их, и принял без отвращения. Когда-то Хаарт люто ненавидел Сунор, но потом он возненавидел Джару, Ивора, Эйдана… А Сунор стала вроде как его единомышленницей. Нет, он, конечно, её не полюбил…

В дверь постучали.

— Входите, — бросила Сунор, продолжая обнимать рыцаря.

Вошла Змейка. Её лицо лишь на неуловимое мгновение изменилось, когда она увидела Хаарта в объятиях Сунор, и кто-то мог бы даже посчитать, что она осталась невозмутимой. Только не Сунор. Она-то ясно видела мысли Змейки.

Хаарт повернул голову и увидел, кто к ним зашёл. Сунор не спешила размыкать своих объятий, но юноша поднялся со стула, и её руки скользнули по его телу и упали ей на колени.

— Хаарт, я хотела поговорить с тобой. — Лицо Змейки было бледным и уставшим, но голос звучал твёрдо.

Рыцарь бросил взгляд на Сунор. Она окинула чуть прищуренным взглядом тоненькую фигурку Змейки. И о чём же Гадюка собирается говорить с Хаартом? Может, передумала и решила принять его предложение? Она-то, Сунор, им больше не помеха… Черноокая красавица не хотела себе в этом признаваться, но в глубине души она знала и без всякого чтения мыслей, что Змейка на такое не способна…

А в голове девчонки плясали мысли об Аире, и Сунор молча кивнула.

Хаарт со Змейкой вышли из каюты.

Сунор какое-то время молча глядела на чёрный меч, слушая приглушённые голоса, доносившиеся из-за двери, и невнятные обрывки особенно ярких мыслей. Затем она встала и тоже вышла вон.

Джара пыталась уснуть, но сон всё не приходил. В голове было слишком много мыслей, она старалась отбросить их, но тщетно. Тогда она решила, что раз уж её голове так хочется подумать на ночь глядя, она подумает. Джара села в постели, зажгла свечу и уставилась на огонёк.

— Джара, можно к тебе? — послышался из-за двери приглушённый голос Сунор.

Бестии пришла в голову мысль, что это уже было в прошлом.

— Заходи.

Сунор выглядела как-то непривычно, но Джара не могла понять, что в ней не так. Та тем временем присела напротив Джары на стульчик и какое-то время молча глядела на неё.

— Может, хватит читать мои мысли? — не выдержала Джара. — Раньше, я помню, ты распиналась о том, что Сельма не имеет права без спросу лезть в твою голову.

Сунор отвела взгляд и закусила губу.

— Ты пришла помолчать? — спросила Бестия.

— Нет, просто… Хаарт… — Она замялась, покусала нижнюю губу. — Нет, ничего. Я хотела сказать насчёт того эльфа, которого ты отпустила на острове…

— Ноэмин, — подсказала Джара.

— Да, — кивнула Сунор. — Ноэмин по своей сути не подлец и не мерзавец, и он твёрдо решил для себя, что изменит свою жизнь. А ещё Аерис… это, конечно, не любовь, но он её никогда не забудет. Он общался с ней на том празднике, и она ему понравилась. Он даже поругался с теми другими эльфами из-за неё, потому что они презирали полуэльфов, а он посчитал, что Аерис — достойная, достойнее многих чистокровных эльфов…

— Конечно, достойнее! — фыркнула Бестия.

Сунор поднялась.

— Я просто подумала, что, возможно, ты захочешь это узнать и передать Аерис. Он будет рад, если она когда-нибудь приедет на Тарневир. И ещё… — Сунор замолчала, долго глядела Джаре в глаза. Она вспоминала в тот момент о Ночи Ангелов, но Джара, конечно, того знать не могла.

— Что?

— Нет, ничего. Спокойной ночи.

Джара молча проводила её глазами, и даже когда девушка уже скрылась за дверью, ещё долго не отводила с того места взгляда.

Хаарт смотрел на Змейку одновременно с болью, удивлением и теплотой.

— Я слушаю тебя. О чём ты хотела поговорить? — В его голосе слышалась надежда.

Целительница, хоть и не обладала даром Сунор, прекрасно поняла, на что он надеется, и покачала головой. Она немного помолчала, подбирая нужные слова, но затем решила, что об этом лучше вовсе не говорить. Она ведь другое хотела ему сказать.

— Об Аире, — ответила она. — Я говорила с Джарой. Она всё мне рассказала.

Хаарт сжал зубы, будто сдерживал рвущуюся ярость и ненависть, которые не должно обрушивать на ни в чём

неповинную Змейку.

— Я и так всё знаю, — наконец сказал он. — Я сам слышал их разговор и…

Дверь каюты раскрылась, и вышла Сунор. Она окинула их быстрым взглядом и пошла по коридору. Хаарт и Змейка молча глядели ей вслед, пока она не зашла в каюту Джары. Рыцарь повернулся к Змейке.

— Зачем об этом говорить? Я и так всё понял из их разговора…

— Да ничего ты не понял! — не выдержала Змейка. — Выслушай меня: всё было совсем не так, как ты думаешь!

— Я не понимаю, Змейка! Аира была и тебе другом! Почему же ты защищаешь её убийц?

— Джара и Ивор не хотели смерти Аиры, и тем более они не убивали её подло, исподтишка! Послушай…

— Я не хочу ничего слушать, — отрезал Хаарт. — Джара и Ивор убили Аиру, и этого знать мне достаточно. Более чем.

Змейка глубоко вздохнула, успокаивая себя. Ни к чему злиться, ей надо всё спокойно ему объяснить.

— Аира сама вызвала Джару на поединок! Она хотела ей отомстить — и Джара приняла вызов…

— А затем появился Ивор и кинул нож в спину Аире! — перебил её Хаарт. — Джара обезопасила себя на случай, если не сможет одолеть Аиру сама, в честном поединке!

— Что ты несёшь! Джара не такая! Ивор сам нашёл её, увидел, что Аира ранит Джару, и бросил нож! — Она перевела дыхание. — Джара не хотела убивать Аиру, потому что она знала, что Аира — наш друг!

— Тем не менее Ивор её убил!

— Он сделал это, не раздумывая, потому что подумал, что Джаре угрожает опасность! Он не видел, что Аира лишь задела её! Да как ты не понимаешь! — Змейка смотрела на Хаарта с мольбой в глазах. — Ну пойми же, уйми эту глупую ненависть, как же ты не можешь наконец понять! Он тогда не разум слушал, а сердце!

— И его сердце подсказало ему бросить в спину Аиры нож?!

— Просто он любит Джару! — выпалила Змейка.

Хаарт не ответил на это.

— Подумай, что бы ты сделал, будь ты на месте Ивора!

Рыцарь всё так же молча смотрел на её несколько секунд, затем отвёл взгляд.

— А кто на месте Аиры? Сунор?

Змейка закусила губу, не зная, что сказать. Хаарт постоял ещё, глядя в какую-то точку, потом перевёл взгляд на девушку,

будто ждал, что она ещё скажет. Но Змейка молчала, и рыцарь зашёл в свою каюту.

Руки целительницы опустились вдоль тела, а по щекам прокатились две слезы.

— Змейка? Всё в порядке? — Эйдан обошёл её и нахмурился. Он провёл пальцами сначала по одной щеке, потом по другой, вытирая слёзы. — Он обидел тебя? — В голосе мага зазвенели стальные нотки

Змейка только покачала головой.

— Скажи мне, если он обидел тебя, — настаивал Эйдан. Он вытянул руку и раскрыл ладонь. На его коже тотчас заплясали языки пламени, не причиняя своему создателю никакого вреда. — Я с ним сам поговорю тогда…

— Эйдан!.. — хрипло сказала Змейка.

Он сжал кулак, и пламя исчезло.

— Извини. Просто я не могу видеть тебя такой. — Она молчала. — Ну иди ко мне, ангел.

Змейка послушно подалась к нему, и он обнял её. Девушка спрятала лицо, уткнувшись в его руку, а когда подняла взгляд, увидела Сунор. Та стояла, глядя на Змейку с обычной своей насмешкой.

Эйдан обернулся и сдвинул брови.

— Не беспокойся, не собираюсь я твою Змейку обижать, — сказала ему Сунор, кинула последний взгляд на целительницу и скрылась за дверью их с Хаартом каюты.

— Завтра ночью мы будем в Дирксене, — с нотками гордости в голосе сказала Аерис.

Джара округлила глаза.

— Так быстро? Получается, мы движемся… в три раза быстрее, чем обычный корабль?

Аерис кивнула.

— Слушай, Эльфийка, — обратился к ней Тэллар. — Что-то я не заметил, чтобы тебя мучила твоя морская болезнь в этот раз.

Полуэльфка только загадочно улыбнулась.

— Корона и крылья творят чудеса! — провозгласил Сокол. — Или твой новый лук?

Вспомнив о луке, Аерис вздохнула.

— Жаль, что его придётся уничтожить. Это настоящий шедевр, — сказала она с сожалением.

— Далеко ты загадываешь, — хмыкнула Джара. — Нам бы ещё живыми добраться до Тадора…

— Джей, не будь такой пессимисткой! — Ивор, до того проверявший оснастки, тоже подошёл к друзьям, стоявшим на

носу корабля и наслаждавшимся ветром и прохладными брызгами. — Конечно, мы доберёмся живыми и сделаем всё, что должны.

— А что, кстати, мы должны сделать? — спросил Тэллар.

— Сокол, — угрожающим тоном начала Сельма.

— Да я серьёзно! — возмутился парень. — Раньше мы думали: надо уничтожить Книгу, и всё будет отлично. А теперь что? В Измерении сидят сбрендившие боги, а Книга — это дверь в их ловушку, и кто знает, что будет, если эту дверь уничтожить…

— Уничтожим дверь — уничтожится и всякий вход в Измерение, и боги никогда не выберутся оттуда, — пожимая плечами, сказал Ивор.

Тэллар усмехнулся и покачал головой.

— Думаешь, всё так просто? Не, Грифон. Если уничтожить дверь, остаётся проём…

— Восхитительно! — едким тоном произнесла Бестия. — Мы уничтожим Книгу и выпустим Повелителей Стихий на свободу! Они ждали этого тысячу лет, и наконец пришли горе-герои и любезно им помогли!

После этого повисла тишина, и друзья стали обдумывать сказанное.

— Джара, а что Миерна и друиды? — наконец сказала Сельма. — Они ведь в Таэрии.

Бестия заметно погрустнела.

— Я пыталась с ней говорить, но больше не получается. Я боюсь. — Джара устремила взгляд вдаль, туда, где кончалась необъятная морская гладь и начинался Материк. — Когда мы говорили с ней в последний раз, что-то произошло. Я боюсь, что с ней что-то случилось. Я боюсь, что началось новое Буйство Стихий. Я боюсь, что мы приплывём в Ханелас и поймём, что опоздали навсегда.

Дамраф сидел за своим столом, подперев голову руками. Сердце болело и ныло, голову одолевали тяжёлые мысли. На столе перед ним лежали бумаги, испещрённые отчётами его командиров. На юго-востоке разгоралось восстание. Люди были недовольны решительно всем. Нескончаемым военным положением в стране, отсутствием законных правителей… Люди боялись, что на их земли придёт новый смерч. Уцелевшие из разрушенных Книгой городов и деревень были переселены в нетронутые населённые пункты. Вначале местные были рады помочь обездоленным, но им стало надоедать жить в переполненных домах с незнакомцами, а теперь ещё и начали заканчиваться припасы. В довершение ко всему, между

приверженцами Орденов опять назревает склока, и некоторые воины начинают ворчать, что раз внешняя война кончилась, то нечего водиться с врагом, пора расторгнуть союз и расформировать Армию Света на, как то было раньше, Армию Солнца и Армию Луны…

В дверь постучали. Дамраф с трудом поднял тяжёлую голову от бумаг.

— Кто? — коротко спросил он.

— Господин, это Орвил, — послышался голос его главного чародея.

Дамраф откинулся в кресле и сказал Орвилу зайти.

— Мой господин, я только хотел поинтересоваться… и предложить… — Дамраф глядел на него безразличным взглядом, и чародей заметно волновался. — Я знаю ситуацию, и глубоко сочувствую… Но зачем вы послали в Ханелас группу чародеек Ордена Солнца? Вы не доверяете чародеям Луны? Но ведь с ними эта друидка и…

Дамраф сдвинул брови, и маг замолк.

— Что за бред? Я не властен над чародеями Ордена Солнца, и Аяллу я тоже не просил давать им задания в Ханеласе.

— Но, господин… — Орвил нахмурился, напряжённо размышляя. — Триша, чародейка госпожи Аяллы, вместе с группой лучших чародеек их Ордена, покинула Арлан через портал. Я узнал это случайно, и насколько я понял, это тайна. Но я решил, что вы просто не желаете распространяться о…

Дамраф прервал его взмахом кисти.

— Ты говоришь, чародейки Солнца отправились в Ханелас?

Орвил кивнул. Его господин молча размышлял какое-то время, потом отпустил его, попросив передать слуге позвать к нему госпожу Тельмеран.

Джара взмахнула мечами, отбивая удар Ивора. Раздался скрежет стали о сталь. Грифон отступил, опуская меч.

— У тебя левая рука даёт слабину иногда.

Джара покрутила левым запястьем.

— Давно её не тренировала.

— Ну значит, будем сейчас тренировать.

Джара кивнула и встала в боевую позицию. Корабль стремительно несло к берегам Ханеласа, и его сильно качало из-за бешеного ветра, подчинённого Эльфийкой. Тем не менее, Бестия и Грифон тренировались на палубе.

Ивор снова атаковал её, намеренно стараясь, чтобы сильный удар пришёлся на левый меч. Джара почувствовала, как какая-то мышца в левой руке содрогнулась, но всё-таки отбила удар Ивора.

Парируя, он удовлетворённо кивнул.

Бестия проделала приём собственного изобретения: путём обманных движений клинков заключаешь меч соперника в своеобразные тиски, и он непроизвольно выпускает оружие из рук.

На Иворе приём сработал отлично, и меч ударился о палубу.

— Впечатляет, — раздался голос сбоку.

Они повернулись и увидели Эйдана.

— Если б я мог, я бы захлопал, — заверил он их, — но…

— Что тебе надо? — довольно резко спросила Джара. Ивор поднял свой меч.

— Я хотел поговорить с вами обоими. Раньше я был не в состоянии с кем-либо разговаривать, но теперь… — Он подошёл ближе, и взгляд Джары невольно заскользил по шрамам, испещрявшим его лицо. Она почти забыла то лицо, какое было у него прежнего, и вдруг образ вспыхнул у неё перед глазами так ярко, что она вздрогнула.

Когда они сошли с Джайруса, Змейка и Эйдан отправились купить ему нормальную одежду. Теперь он был одет в тёмную рубаху, и там, где когда-то была правая рука, сейчас безвольно висел пустой рукав. Уже стали немного отрастать волосы, потихоньку покрывая обезображенный скальп.

Лишь глаза, осанка и походка не позволяли видеть в Эйдане жалкого, беспомощного и обиженного жизнью калеку.

Ивор тоже молчал и глядел на волшебника. Эйдан заговорил:

— Я хочу попросить прощения у вас. У тебя, Ивор, и, конечно, в гораздо большей степени у тебя, Джара.

— Тебе следует просить прощения у всего мира, — негромко произнесла Джара. — У всех тех людей, которых ты лишил семьи, близких, крова.

— Я знаю, — согласился с этим Эйдан. — Если бы я мог, я бы сделал это. Но на этом корабле я прежде всего должен извиниться перед вами.

Ивор слушал его молча, но Бестия молчать не могла:

— Да неужто ты сожалеешь о содеянном, Эйдан?

— Сожалею. — Он обратил взгляд на Грифона. — Ивор, я помню всё, что происходило, пока мой рассудок был помрачён. Будто моё истинное «я» сидело глубоко внутри и глядело моими глазами, только управлять ни телом, ни языком, ни даже мыслями не могло. Я помню, Ивор, как ты помогал Змейке омывать меня, как ты носил меня в кусты справлять мои нужды, ты помогал ей кормить, поить, одевать меня, омывать мои раны и мазать их целебными мазями. Ты вёз меня на своём коне, не давал мне упасть с седла… Я хочу не только попросить прощения

— хотя, скорее всего, я его не получу — я хочу ещё тебя поблагодарить. Спасибо тебе. И прости. — Эйдан протянул Ивору руку. — Извини, что левую, но, сам видишь, правой нет…

Ивор не произнёс ни слова и не шелохнулся, хотя Джара видела, как в какой-то момент его рука дёрнулась, будто хотела пожать руку Эйдана.

Сколько-то секунд Эйдан стоял с протянутой рукой, потом опустил её и кивнул.

— Я всё понимаю, — тихо сказал он. Затем он повернулся к Джаре, и та с удивлением и злостью на саму себя поняла, что еле выдерживает его взгляд. — Джара, прими и ты мои извинения. Поверь, я действительно жалею. Я поступил отвратительно, подло по отношению к тебе. Да зачем слова… Ты сама прекрасно знаешь и помнишь.

Джара отвернулась и уставилась на горизонт.

— Как у тебя вообще наглости хватило к нам подойти, — наконец произнесла она, стиснув зубы и всё ещё глядя в сторону. Казалось, Ивор хотел сказать что-то, но потом передумал. — Ты оставил нас в друидском лесу без Книги и талисмана, прекрасно зная, что они убьют нас, принесут в жертву… В своей неутомимой жажде власти и славы ты развязал войну между двумя странами. — Она наконец повернулась к нему и продолжила: — Не имея и толики необходимой мудрости и силы ты стал использовать разрушительную мощь Книги, в результате чего пол-Таэрии лежит в руинах, а над миром висит угроза полного уничтожения! — "А ещё ты использовал меня, заставил думать, что я влюбилась в тебя, я до сих пор с отвращением и жгучим стыдом вспоминаю твои объятия и поцелуи!.. Из-за тебя я чуть не потеряла Ивора навсегда, наговорила ему таких гадостей!" — звенело в её голове, но она не произнесла этих слов. Впрочем, Эйдан и так всё понял по тому, как горели её глаза.

— Ты права, — только и сказал он.

— И это всё, что ты можешь сказать? — усмехнулась Джара.

— Я могу только сказать, что сожалею обо всех этих вещах. Действительно сожалею. Я прошу вас меня простить, но вы меня никогда не простите, я это знаю. Я сам себя не простил, Джара. Я знаю, что был глупцом…

— Глупцом? — переспросила Джара и издала нервный смешок. — Это мягко сказано, знаешь ли, Эйдан!

— Я надеюсь искупить свою вину. Я считаю, что из-за этого я в составе Альянса. Я не герой, а злодей.

— Раскаявшийся злодей! — фыркнула Джара. — Очень трогательно, Эйдан, я сейчас расплачусь! Тебя прямо не узнать!

— Я изменился, Джара, — ответил Эйдан. — Вернее меня

изменили. — Он замолчал на мгновение, и за этот миг взгляд его наполнился необыкновенным теплом и нежностью. — Змейка, — произнёс он и добавил: — Я люблю её.

— Ты её не достоин! — выплюнула она.

— Я знаю.

— Попробуй только тронь её, — процедила Бестия, — я наплюю, что ты нужен Альянсу, я обещаю…

— Я никогда не посмею, Джара, — перебил её Эйдан, чуть сдвинув брови. Голос его звучал негромко, но очень твёрдо. — Для меня это будет… святотатством.

— Не думала, что для тебя есть что-то святое.

— Теперь есть, Джара. Теперь есть.

Сутками позже корабль Ангелов причалил к берегам Дирксена. На верфи их судно зарегистрировали, и они спустили с корабля своих лошадей и направились в город.

Джара сразу заметила странные взгляды, которые кидали на них люди вокруг, и перешёптывания за их спинами. Ведя за собой своего вороного (наёмница не признавала коней другой масти), девушка сдвинула чёрные брови и тихо бросила через плечо шедшей позади Сельме:

— Что-то мне всё это не нравится.

— Тоже заметила? — Голос Чародейки звучал напряжённо.

За спиной послышались торопливые шаги, и Джара резко повернула голову, но то была всего лишь Сунор.

— Они настроены враждебно к нам, — сказала она. — Все люди вокруг.

Джара нахмурилась ещё сильней.

— Почему?

— Столько мыслей, не разобрать толком, — проворчала девушка. — Они боятся, собираются бежать то ли к городской страже, то ли к градоправителю, и все алчут золота. У некоторых возникают ассоциации с Таэрией. — Она помолчала. — И моим отцом.

Бестия не успела на это ответить, потому что заметила за углами домов и в узких улочках, пересекавших улицу, по которой они шли, какое-то движение, шорохи, чёрные тени. Тело наёмницы напряглось. Она переглянулась с Ивором, Сельмой, Тэлларом и Аерис — те, конечно, тоже услышали, а больше почувствовали. Сокол незаметно дал знак Хаарту и Эйдану подготовиться.

— Иди к Хаарту, — шепнула Джара Сунор. — Если что, прячься и сиди тихо. И Змейке передай.

Сунор наморщила нос, но делать было нечего, и она

повернулась к Джаре спиной. В ту же секунду всё тело пронзило обжигающей волной, и Сунор не сразу поняла, что это были мысли окруживших их воинов, которые были полностью сосредоточены на предстоящей драке и — убийствах. Но подумать об этом она не успела, потому что Бестия толкнула её в сторону, и тут же раздались крики нападавших и лязг скрещённого оружия.

Сунор сжала кулаки и подняла голову от земли. На тёмной улице закипела битва: воинов было раза в два, если не три больше, чем Ангелов, но, даже если Сунор и недолюбливала своих спутников, в их боевом искусстве она не сомневалась. Сама она, ну уж нет, не собиралась прятаться за спиной Джары и уж тем более Хаарта! Она его сама будет защищать, ей хватило того, что было на корабле. Девушку обдало холодом, едва в памяти всплыли картины её кровавых расправ над пиратами, но она упрямо встала на ноги и сфокусировала взгляд на ближайшем воине в неприметной тёмной кольчуге. Тот вдруг замер, а мгновением позже уже вдохновенно рубился со своими же.

Змейка дрожала и одновременно обливалась потом, вжимаясь в каменную стену здания: Эйдан не сумел придумать для её защиты ничего лучше, как окружить её полукольцом пламени, которое её саму не обжигало, но зато любой, кто бы попробовал на неё посягнуть, тотчас бы вспыхнул факелом. Сам Эйдан по ту сторону огненной завесы раздаривал своим врагам пламенные и жаркие поцелуи.

На неширокой улице больно не расстреляешься, и Аерис пришлось снова взяться за свой длинный и узкий клинок. Рядом с ней вдохновенно размахивала руками Сельма, проделывая диковинные пассы, одним магам понятные, зато действенные.

Джара, злясь и ликуя одновременно, билась плечом к плечу с Ивором. Злилась она на непонятное нападение, на бесконечные препятствия на их пути вообще, а ликовала, как всегда, наслаждаясь песней, которую пели её клинки, и близостью ловкого, быстрого, сильного Ивора. Снова рядом с ней, вместе в бою, Грифон и Бестия, Бестия и Грифон…

Тэллар до нападения шёл как раз перед Хаартом, поэтому едва начался бой, наёмник и рыцарь приблизились друг к другу и теперь сражались с врагами, прикрывая спины друг друга. На лице Сокола, как всегда, плясала неизменная весёлая и насмешливая ухмылка, всегда приводившая в бешенство его противников. Лицо же Хаарта, напротив, было напряжено и сосредоточено. Тэллар в который раз отметил, что Хаарт, если есть такая возможность, старается не убивать врага, а только ранить его, ударить, чтобы он потерял сознание. Рыцарь хренов,

подумалось Соколу. Ни он, ни кто другой из его друзей по поводу оборванных их клинками жизней сильно никогда не переживали. Они наёмники, что с них взять. Эйдан тоже особым милосердием не страдает. Да та же Сунор на корабле, когда они с Соколом поднялись вдвоём на палубу, хладнокровно приказывала пиратам вонзать свои же мечи в себя…

Раздался возмущённый вопль, Джара взмахнула мечом, срубив голову своему врагу, отступила на шаг, уберегаясь от брызг крови, и поискала глазами Сунор — кричала именно она, Джара узнала голос. Дочь Дамрафа, конечно же, Бестию не послушалась и принялась применять на практике свои ментальные фокусы. Один из нападавших подошёл к ней сзади и схватил. Сельма как-то говорила, что для передачи мысленной энергии необходим "односторонний зрительный контакт", то есть ментальный маг должен сконцентрировать свой взгляд на цели (или жертве). Сунор схватившего её воина видеть не могла, поэтому только отчаянно вопила и вырывалась.

Джара бросила на Ивора лишь один взгляд, и он уже всё понял. Девушка взмахнула мечами и стала пробиваться к Сунор, а Грифон прикрывал её спину. Тот воин Сунор убивать явно не собирался, а потащил куда-то за угол, в подворотню, откуда до того выскочило несколько из их людей. Джара понимала, что рискует потерять их, если опоздает, и удвоила напор. Но тут к воину подлетел Хаарт и с налёта рубанул. Тому пришлось выпустить Сунор и обороняться.

Джара в одно мгновение вонзила и вытащила клинки из тела очередного воина, крутанулась на пятках и с разворота заехала следующему ногой по лицу. Тот завертелся и полетел в сторону. Бестия же кинулась к Сунор и оттащила её к себе, крепко схватив за руку.

— Я тебе что сказала! — рявкнула Джара. — Теперь держись меня, поняла? Ивор, оставайся сзади и тоже гляди за этой.

Грифон кивнул, не отвлекаясь от своего противника. Сунор, мстительно сверкнув глазами, направила упрямый взгляд на воина, подскочившего к наёмнице. Едва Джара собиралась обрушить на него удар, как тот вдруг развернул свой меч лезвием к себе и глубоко вонзил его в свой живот, по самую крестовину, не издав ни звука. Сунор расслышала яростное шипение Бестии (или то были её мысли?), но сама наёмница даже не обернулась.

Вскоре со всеми врагами, напавшими на Ангелов под покровом ночи, было покончено. Эйдан убрал пламенный кокон, окружавший Змейку, и целительница, взмокшая и раскрасневшаяся, налетела на него с речами, исполненными праведного гнева. Однорукий маг только улыбался.

Хаарта ранили — проехались по всей левой руке от плеча до локтя. В самый неподходящий момент дала о себе знать старая рана, рыцарь потерял бдительность, не успел достаточно быстро среагировать, и в результате…

Змейка как раз собиралась обработать ему рану, Джара подошла к Сельме и Аерис обсудить ситуацию, а Тэллар произнёс: "Уф, всё…", как вдруг откуда-то с неба, словно гнев богов, на Ангелов обрушился дождь из стрел.

Джара позже осознала, что никто из них бы не выжил, скорее всего, даже их кони, если бы Чародейка вдруг не вскинула кверху руки, громко вскрикнув. Стрелы, которые ещё чуть-чуть и достигли бы цели, будто натолкнулись на невидимую преграду и затем безвольно попадали на землю, как какие-то щепки, естественно, не причинив никому ни малейшего вреда. А на ладонях Сельмы тотчас закровоточили сотни маленьких ранок.

Аерис тем временем уже вскинула лук — причём не свой, эльфский, незнакомыми ребятами утащенный с пиратского судна и даренный ей, а Ангельский, волшебный. Что было ещё удивительнее, Аерис умудрилась натянуть о мощную тетиву чуть ли не все стрелы, бывшие в её колчане.

Тетива зазвенела, стрелы взлетели в небо и, ко всеобщему удивлению, достигнув высоты домов, резко изменили траекторию и разлетелись по крышам. Раздались вопли и крики, и несколько тел, роняя в полёте луки, рухнули с высоты на улицу к ногам Ангелов. Остальные, как поняла Джара, остались лежать пронзёнными там, на крышах.

— Теперь точно всё, — обратилась полуэльфка к Соколу.

— Ну ты даёшь, Эльфийка, — только и молвил тот.

— Это само на тебя снизошло? — спросила у неё Сельма. С рук её, плетьми повисшими вдоль тела, на землю лились алые струи. — Ты, похоже, обнаружила волшебное свойство своего артефакта, стрелы, пущенные из этого лука, всегда находят цель…

Аерис сдвинула светлые брови.

— Ты бы лучше, Чародейка, о себе позаботилась…

Змейка была тут как тут — оставила Хаарта на попечение Сунор, вручив ей несколько повязок, а сама, деловито вынимая чистые тряпки и какую-то склянку, опустилась на колени рядом с Сельмой. Чародейка вдруг охнула и чуть не упала. Джара успела подхватить её, и волшебница тяжело осела на землю.

— Ты нас всех спасла, — сказала она, поддерживая Сельму. Джара ненавидела, когда её опекали или жалели, и с другими старалась вести себя так, как хотела бы, чтобы люди вели себя с ней. Поэтому она говорила, стараясь, чтобы тревога в её голосе

была не слышна, и ободряюще улыбнулась мертвенно бледной Чародейке.

Та растянула губы в слабом подобии улыбки в ответ.

— Это было нетрудно…

— Ну да, вижу, как нетрудно, — не удержалась Джара, скосив взгляд на кровоточащие ладони волшебницы.

— Всё будет в порядке, — заверила её Сельма.

Джара кусала губы и старательно перебирала в памяти друидские руны, тщась вспомнить какую-нибудь, которая заживляла раны. Змейка туго перетягивала повязками руки Чародейки над локтём, чтобы остановить приток крови. Затем она взялась за сами кисти.

Джара удостоверилась, что с Сельмой действительно всё более-менее нормально, и отошла к Хаарту и Сунор. Рыцарь бросил на Джару угрюмый взгляд, но ничего не сказал.

— В порядке? — спросила девушка, обращаясь к Сунор.

— Всего лишь царапина, — буркнул Хаарт, но Джара на него даже не посмотрела. Она и так была вся взвинчена из-за неожиданной атаки и ран Сельмы, не хватало ей ещё раздражаться из-за обозлённого на весь мир рыцаря.

— Что-нибудь поняла? — снова спросила Джара у Сунор.

Та кивнула.

— Они напали с целью отрезать всем головы и потом получить за них золото.

Брови Бестии взлетели вверх.

— За наши головы назначили награды?!

— Кроме моей и твоей, — добавила Сунор. — Нас они собирались брать живьём.

— За что мы впали в подобную немилость в Ханеласе? — раздался сзади голос Чародейки. Джара обернулась на волшебницу и нахмурилась. Посидела бы лучше спокойно, но нет, уже вскочила.

— Не в Ханеласе, — мотнула головой Сунор, наблюдая, как Хаарт отчищает меч от крови. Свой, привычный. Волшебный бережно хранился в сумке и на свет пока не извлекался. — В Таэрии. Золото им должны были выплатить какие-то таэрийские маги, которые, как я поняла, сейчас здесь…

— Ничего не понимаю, — хмурясь, произнесла Джара. — Кому в Таэрии нужны наши головы?

— Ты до того говорила что-то о своём отце, — напомнила Сунор Сельма.

— Какие-то смутные мысли у горожан, — повела плечом девушка. — А эти головорезы, кажется, даже имени его не знают… У них из головы мало что возьмёшь, — добавила с

лёгким раздражением. — Во время битвы они думали о битве.

— Почему, интересно, меня не должны были убивать… Ты-то ладно, если здесь замешан Дамраф, то всё ясно — ты ведь его дочь… Но… — Джара вздохнула, пытаясь собраться с мыслями. — Ладно, подумаем об этом потом. Давайте скорее убираться отсюда, пока кто-нибудь ещё не явился. Тем более, битву было слышно во всех концах города… Скорее всего, скоро сюда доберётся городская стража, а нам, я думаю, драк на эту ночь хватило.

— Задержимся ещё на чуть-чуть, — кинула ей Аерис, шагая между трупами и постоянно наклоняясь к земле. — Я соберу себе стрелы.

После Ангелы взобрались на своих коней и послали их вскачь к воротам Дирксена, оставляя за собой улицу, заваленную окровавленными телами. По дороге они всё же один раз остановились — полюбоваться на девять плакатов, прибитых к стене дома, на которых красовались их физиономии, намалёванные рукой неизвестного художника.

Аялла вздрогнула, почувствовав, как за пазухой что-то резко завибрировало, распространяя от себя почти обжигающее тепло. Затем она вспомнила, что Триша, перед тем, как отбыть в Ханелас, оставила ей миниатюрную магическую сферу, чтобы связываться со своей госпожой в любое время и не тратить сил на порталы. И точно, когда женщина вытащила прозрачный шар, налившийся теплотой, на его поверхности появилось лицо чародейки. Из-за округлости шара лицо расплылось и стало похоже на карикатуру — в обычных магических сферах этот эффект сглаживался из-за больших размеров. Впрочем, Аялле в любом случае было не до смеха.

Судя по лицу Триши, ей тоже.

— Новости? — коротко спросила Аялла.

— Хорошая и плохая, по обыкновению, — усмехнулась Триша. — Какую первой предпочитаете?… Госпожа, вы на конной прогулке?

Аялла скривила рот.

— Не совсем. Сначала ты. Давай плохую.

— Мы пока не знаем, где находятся чародеи Луны и эта друидка, Зельда, но, судя по всему, она действительно может определять местонахождение Ангелов. — Аялле пришлось всё рассказать Трише об Альянсе, впрочем, она ей доверяла, как самой себе. Триша же тем временем продолжала: — Этой ночью Ангелы прибыли в Дирксен и на них было совершено нападение.

Аялла напряглась.

— Это вся плохая новость?

— Да.

— А хорошая?

— Кощунственно, конечно, называть убиение почти четырёх десятков человек хорошей новостью, но, тем не менее…

Аялла облегчённо выдохнула.

— А где теперь Ангелы?

— У нас вообще-то нет волос Джары, чтобы за ней следить, — ответила Триша. — Но мы сейчас работаем над одним заклинанием, связанным с кровью. Если на той улице хоть кому-то из Ангелов пролили кровь, то мы попытаемся различить её среди крови головорезов, а затем будет очень просто следить за тем, из чьих вен та кровь вылилась.

Глава Ордена Солнца кивнула.

— Что-нибудь ещё?

— Весь Ханелас взволнован… — Триша сморщила нос. — Дамраф… в смысле, господин Дамраф, — быстро поправилась она, — поставил всю страну на уши. У всех на языке только эти разбойники, которые схватили дочь — слушайте внимательно — правителя Таэрии.

Аялла недовольно нахмурилась.

— Так называют в Ханеласе Дамрафа?

— Насколько я поняла, его люди сами так поставили перед ханеласцами, что их господин — правитель нашей страны и в скором времени коронуется… — Она помолчала, наблюдая за реакцией Аяллы. Потом спросила: — Госпожа, вы мне тоже хотели что-то сказать? Простите, я так и не поняла, где вы сейчас?

Казалось, аккуратные брови Аяллы вот-вот встретятся на переносице.

— Я и мои люди покинули Арлан.

Триша удивлённо охнула.

— Но почему?

— Мы направляемся на юг Таэрии. Там сейчас неспокойно…

— Это единственная причина? — уточнила проницательная чародейка.

Брови и лоб женщины разгладились, но почему-то лицо оттого только стало более мрачным.

— Союз между Орденами расторгнут.

Ангелы ехали сельской местностью, объезжая встречающиеся на пути населённые пункты.

— Скоро нам всё равно придётся заглянуть в какую-нибудь деревню, — сказала Джаре Сельма. Из-за покалеченных рук она

не могла править лошадью сама, поэтому ехала в седле впереди Бестии. — У нас припасы заканчиваются.

— В курсе, — буркнула та. — Знали бы мы, что нас ожидает в Ханеласе, закупились бы провиантом ещё на Поднебесье…

— Знал бы откуда колдуна ждать… — хмыкнул Тэллар и напоролся на взгляд обернувшейся к нему Сельмы. Сокол поднял руки ладонями к ней: — Эй, Чародейка, без обид, это же просто поговорка такая!

Сельма слабо усмехнулась.

— И глупая поговорка. То, что говорится во второй её части, — полная бессмыслица.

— А что там говорится? — заинтересовалась Джара. Поговорка была аронвардская, и наёмница её раньше не слышала.

— В старину люди свято верили, что колдун не может ступить на землю, обильно политую коровьей мочой, — с серьёзным лицом объяснила ей Сельма, и Джара звонко рассмеялась.

— И ты в это веришь? — давясь смехом, обратилась она к Соколу.

Тот насупился.

— Нет, конечно! Я не верю в глупые поговорки…

— Что же ты тогда ими пользуешься? — с насмешливой улыбкой на губах спросила она.

— Ну это же просто поговорка такая, что вы сразу… Да тьма на вас! — отмахнулся он и послал коня вперёд, отрываясь от остального отряда.

Джара фыркнула.

— Он обиделся? — подала голос Аерис. В интонациях полуэльфки сквозило веселье.

— Ну да, — тоже весело хмыкнула Бестия, глядя вслед удаляющейся фигурке Тэллара. — У нашего Сокола ведь такая нежная душа! Мы ранили его чувства!

В тот же момент перед Тэлларом заполыхали ярко-синие вспышки, его конь испуганно заржал и встал на дыбы. Парень, однако, удержался в седле, и обнажил меч. А из раскрывшихся порталов вышло с десяток магов.

— Как бы ему ещё что-нибудь не ранили, кроме чувств, — буркнула Эльфийка и ударила пятками в бока своего коня.

Ангелы помчали коней на выручку Соколу. Сельма на ходу послала в магов несколько ярко-фиолетовых молний. Повязки на её руках почти мгновенно пропитались кровью, но зато у Тэллара появилось время, чтобы развернуть коня и вернуться в строй Альянса.

Маги ударили залпом боевых заклинаний, но Джара придала

всем коням Ангелов необыкновенную лёгкость, скорость и реакцию, а главное, безразличие к опасности (благо вокруг повсюду росли деревья, а под ногами наконец была не деревянная палуба, а земля, покрытая сочной травой). Кони молниеносно разошлись в стороны, и искрящиеся молнии и пылающие огненные шары с шипением пронеслись мимо.

Джара проехалась взглядом по ногам магов (вернее, по траве, на которой они стояли), и тотчас зелёные стебли потянулись вверх и крепко обвили ноги людей. В ту же секунду с пальцев Эйдана сорвался язык пламени. Едва он упал на землю, то обратился в огненный столб, который, сжигая растения на своём пути, стремительно пополз к чародеям, прикованным к месту травой.

Джара поморщилась от ноющей боли в области солнечного сплетения. Она воззвала к друидской магии, пробуждая сущность Оарин, и её связь с природой обострилась. Часть боли каждой сгорающей заживо травинки передавалась ей самой.

Первых двух магов на пути столба пламя пожрало целиком, и они истошно завопили и замахали руками, задёргались и не могли сдвинуться с места, пока трава, державшая их, не сгорела. Тогда они побежали прочь, и кони Ангелов разбежались в стороны, чтобы их не задел огонь. Однако остальные собрались и потушили пламя, а затем и освободили себя из травяных оков.

Но тут в них уже летели стрелы из волшебного лука Аерис. Мгновениями раньше полуэльфка уже упокоила заживо горевших магов. Двое из чародеев повалились наземь, пронзённые стрелами, но шестеро отклонили их путь магией и тут же контратаковали, и ничего не успевших понять Ангелов сбило с седёл мощной звуковой волной.

В ушах гудело, а звуки окружающего мира перестали существовать. *Дезориентация*, как выражалась Сельма. Одна Змейка с абсолютно ясным восприятием поднялась на ноги и ошарашенно оглядела Ангелов, тщетно старающихся подняться на непослушные, онемевшие ноги.

Один из магов вскинул руку в её направлении, и в Змейку понеслась, разбрызгивая искры, ослепительная молния. Девушка смутно понимала, что она делает, но тем не менее, среагировала мгновенно. Молния достигла Змейки и… встретила блестящую поверхность зеркала. Перед глазами Змейки полыхнула ослепительная вспышка, руки дрогнули от удара, принятого на себя зеркальцем. Зажмурившись, целительница успела подумать, что зеркало, скорее всего, треснуло (она даже не сообразила, что за этим должна последовать её гибель). Но когда она открыла глаза, увидела, что молния поражает своего создателя.

Тем временем на ноги вскочили почти все Ангелы. Аерис опять вскинула лук; с руки Эйдана сорвались струи пламени; Джара, стоя на одном колене, метнула кинжал; Сельма, несмотря на гневный крик Бестии, стрельнула в чародеев залпом сияющих сфер.

Стихли крики поражённых магов, улеглось шипение заклинаний, и на поляне воцарилась убийственная тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием победителей. Затем вдруг запели птицы.

Первой опомнилась Змейка. Она бросилась к Сельме, повязки которой промокли настолько, что больше уже не впитывали крови, и та крупными тёмными каплями орошала изумрудную траву.

Джара ругалась на чём свет стоит.

— Чародейка, мы бы и без тебя справились! Зачем ты встряла?!

Сельма молчала и, стиснув зубы, наблюдала за Змейкой, возящейся с её ранами. Сунор подвела к Змейке Хаарта, бледного и еле передвигавшего ногами. Его старые раны раскрылись и тоже исходили кровью. Змейка указала Сунор на свою сумку (Джаре иногда казалось, что она бездонная), мол, знаешь, что делать, а я занята.

Джара продолжала ругаться.

— Это были чародеи отца, — сказала Сунор, доставая из сумки Змейки скляночку. — Их плащи с орнаментом Ордена Луны. Нескольких я даже знала в лицо…

— Надеюсь, ты не собираешься по ним не скорбеть, — не удержавшись, огрызнулась Бестия.

— Нет, — спокойно ответила Сунор. — Это было бы на меня непохоже, горевать по чьей-то участи, кроме своей собственной, верно? — добавила она, всё также не отрывая взгляда от ран Хаарта. У того перед глазами плавали чёрные круги, но он держался.

Джара закусила губу и встретилась взглядом с Ивором. Казалось, они обменялись мыслями.

— Зря мы всех убили, — молвила Аерис. — Надо было допросить кого-нибудь, прояснить ситуацию.

— Уверена, эти не последние, так что ситуацию проясним, не беспокойся, — угрюмо ответила девушка.

— Джара, — обратилась к ней Змейка. — Моё зеркало отразило молнию мага… По-моему, вы никто не видели, но…

— Видели-видели! — возразил Тэллар. — Мимо моего плеча проскользнула молния откуда-то сзади, едва ухо не отхватило, — проворчал он. — Я чуть не описался от страха! — добавил он с

праведным негодованием.

Змейка не знала, смеяться ей или извиняться.

Сельма оторвала взгляд от своих изливающихся кровавыми ручьями ладоней и перевела его на Сокола.

— Пожалуй, если б ты всё-таки не сдержался, на то место никогда бы больше не ступила нога волшебника.

Деревенька была маленькой и казалась воплощением самого захолустного захолустья, которое только можно себе вообразить. Порешив, что там вряд ли слышали о грозных таэрийских разбойниках, Ангелы въехали в деревню.

Встретили их бурно. В деревню редко приезжал кто чужой, кроме сборщика податей, а тут девять молодых и красивых парней и девушек, на великолепных конях, при оружии! Вся детвора выбежала на улицы и галдела, что есть мочи. При взгляде на лицо Сельмы в Джару закралось подозрение, что Чародейка еле сдерживает себя, чтобы не показать детишкам какой-нибудь магический фокус. Пожалуй, если б они и так не рисковали выдать себя появлением в деревне, она бы создала фейерверк или ещё что даже несмотря на свои перевязанные руки.

Вот это Джару беспокоило, казалось, ещё больше, чем возможность нарваться на очередное нападение охотников за их головами. Эйдан и Сельма сыпали какими-то непонятными словами, из которых Бестия уяснила только суть. Из-за неожиданности атаки лучников с крыш у Сельмы не было времени подготавливать заклинание, как того требуют условия творения магии. Поэтому она остановила стрелы, использовав свою жизненную энергию. Джара хорошо понимала другое: у Сельмы эта самая энергия буквально утекает сквозь пальцы. Точнее, из рук. Вернее, через ранки на ладонях, которые не затягиваются. И кровь не сворачивается. Чародейка, чтобы не беспокоить спутников, твердила, что всё в порядке и шутила гораздо больше своего обыкновения. И этим выдавала себя с головой.

Из толпы шумящих людей навстречу Ангелам вышел дородный мужчина лет пятидесяти, по всей видимости, староста деревни.

— Приветствуем вас в нашей деревне, благородные господа… — начал он заплетающимся языком. — Какими путями… судьбами… — Видно было, он отчаянно пытался выражаться красиво, но мудрёные фразы путались в его голове.

Джара взмахнула кистью, чтоб он кончал мучиться.

— Мы не собираемся здесь задерживаться. Нам только нужно пополнить припасы съестного.

Староста деревни почему-то задрожал, судорожно закивал.

— Все! Вы! — обернулся он на деревенских. — Живей несите благородным господам чаво-нить вкусного!

Люди мигом рассыпались по своим домам.

Джара совершенно случайно повернула голову вбок и увидела, что Тэллар с паршивой ухмылкой на губах поигрывает своим мечом.

— Сокол! — взвилась Джара. — Ты спятил?!

— Что? — захлопал тот ресницами.

— Зачем ты этим людям угрожаешь, мы же можем заплатить за их еду, — зашипела Бестия.

— Джара, я же ничего не сделал! — с фальшивым возмущением воскликнул Тэллар. — Я просто достал свой меч, так, посмотреть…

— Не надо мне тут святую невинность изображать!

— Ну ладно, ладно, — Тэллар всунул клинок в ножны. — Я просто хотел сэкономить.

— Но не таким же образом! — возмутилась она.

— По-моему, ты раньше тоже любила так делать, — напомнил ей Ивор.

— Сейчас не та ситуация! — через плечо огрызнулась на него Джара.

Ивор и Тэллар переглянулись и возвели очи горе.

Тут потихоньку около Ангелов снова стали собираться деревенские жители с крынками, корзинами, мешками, котомками… Когда путники пополнили свои припасы из огромного количества всякой снеди, притащенной деревенскими, Джара всё-таки заставила Тэллара, который был «казначеем» Альянса — исключительно по собственной инициативе, — заплатить старосте.

Перед тем, как покинуть деревню, Джара поинтересовалась у старосты, какой дорогой быстрее добраться до границы Таэрии. Тот с готовностью ответил, что им лучше всего будет перейти через лесок, начинавшийся в полмили к востоку от деревни, а оттуда выйти на тракт.

Небо алело сполохами заката, день клонился к концу. Ангелы оставили деревеньку позади. Вскоре впереди действительно замаячил лесок. Джара обернулась и окинула взглядом отряд Ангелов. Все вымотанные, уставшие. На лицах играют красные блики заката. Тэллар пытается какой-то ерундой достать Аерис, но та, конечно, непробиваема, как скала. Ивор о чём-то задумался и глядит на горизонт. Эйдан и Змейка разговаривают с лёгкими улыбками на лицах. Хаарт едва не валится с седла, как и Сельма, но тоже держится. Сунор не отрывает от него обеспокоенного

взгляда. На голове её мерцает в последних лучах солнца диадема. Зачем она её одела?…

Джара снова села прямо.

— Ты как? — спросила она у Сельмы.

Та не отозвалась. Джара взволнованно подалась вперёд и заглянула в её лицо, но, оказалось, волшебница всего лишь задремала. Джара обхватила её покрепче, но стараясь не разбудить.

Лес приближался.

Джара несколько раз звала Миерну, но друидка так и не откликнулась.

Ангелы заночевали в лесу. Ночь была душная, воздух тяжёлый. Небо явно обещало назавтра пролиться дождём.

— Кто-то в Гильдии мне говорил, что бесконечные дожди — единственная достопримечательность Ханеласа, — пробурчал Тэллар, ворочаясь на своём плаще.

— А я люблю дождь, — шепнула Змейка Эйдану. — Это очень красиво… будто слёзы откуда-то с неба… Слёзы Ангелов, — добавила она с улыбкой.

— У меня рука ныть начала, — тихо сказал Эйдан, лёжа на спине и глядя на переплётшиеся в непроглядную крону ветви деревьев.

Змейка приподнялась на локте и посмотрела на него с тревогой в глазах. Она не стала спрашивать, *какая* рука. Она ведь и так знала.

— Всё в порядке, не переживай. — Он повернул к ней голову и улыбнулся. Потом протянул руку и коснулся щеки. — Мой ангел.

Змейка отчего-то вздрогнула, пробормотала "Спокойной ночи", легла к нему спиной и замоталась в плащ. Эйдан посмотрел на её застывшую фигурку, потом снова устремил взгляд к кронам.

Змейка лежала неподвижно и дышала ровно, будто спит, но глаза её были широко раскрыты, и из них текли слёзы. Внезапно целительница поняла, что прямо напротив неё лежит Сунор и смотрит ей в глаза. Змейка сморгнула слёзы и натянула на себя плащ.

Сунор перевернулась на спину и усмехнулась. Змейка ещё плачет. Сама Сунор уже сбилась со счёту, сколько раз она ждала слёз, а их не было. Когда-то давным-давно капризная дочь Дамрафа плакала оттого, что ей не из-за чего было плакать. Теперь она не плакала, потому что причин было слишком много.

Стояла тишина, нарушаемая лишь шорохами и звуками

самого леса и изредка ворочанием или бормотанием во сне кого-то из Ангелов. Никто не слышал, как из темноты выскользнула гибкая тень и зашептала друидские руны. И конечно, нельзя было понять, что едва слова слетели с её губ, на Ангелов нахлынул такой крепкий сон, что их конец света не пробудил бы.

На всех, кроме Джары.

Оарин.

Джара распахнула глаза. Было тихо и темно. В траве трещали сверчки.

Оарин. Иди ко мне, сестра.

— Миерна? — шепнула Джара, хотя голос, звучавший в её голове, вряд ли принадлежал Миерне.

Нет. Это Зельда.

Джара тут же вспомнила юную друидку: тоненькая фигурка, длинные косы, бледное личико.

Зельда?… Ты здесь?

Да. Поднимись, сестра, и иди ко мне.

Джара медленно села на колени и огляделась. В темноте она видела хорошо (не зря всё-таки её глаза сравнивали с кошачьими), и её взгляд наткнулся на фигуру среди деревьев. Словно подтверждая её догадку, фигура кивнула неясно очерченной в темноте головой и простёрла руку к Джаре.

Оарин, идём со мной.

Голос подчинял, звал, пульсировал в висках, заставлял встать. Джара встала и осторожными, медленными шагами двинулась к фигуре во тьме. Все Ангелы крепко спали.

Что ты здесь делаешь, Зельда? Миерна говорила, все друиды в Таэрии. Кстати… как Миерна?

Миерна очень скучает по тебе, сестра. Но она действительно в Таэрии, как и остальные наши с тобой братья и сёстры. Я пришла сюда за тобой, Оарин. Иди ко мне.

Джара явственно услышала странный шорох отовсюду, будто кто-то окружил их бивак и медленно подкрадывался…

Пусто. Ни одной мысли. Джара силилась вспомнить, о чём сейчас думала, о чём-то очень важном, но тщетно. Надо вспомнить… Что вспомнить?… Ничего не надо вспоминать. Только идти вперёд, к Зельде, идти, идти…

ДЖАРА!!! НЕ ИДИ!!!

В голове словно завизжала тысяча новорождённых, настолько яркой и пронзительной была эта мысль, этот призыв, взорвавшийся в околдованном мозгу Джары.

У неё перехватило дыхание, и она замерла.

Джара, уже спокойнее продолжала Сунор. *Джара, нас всех околдовали, только я не поддалась, наверное, потому что я в*

диадеме… А… Ещё Змейка не уснула. Джара, Джара, слышишь, — не иди. У неё злые мысли, у этой друидки. И ещё: мы окружены.

Джара сглотнула. Фигура Зельды приобрела гораздо более ясные очертания. Уже можно было разглядеть мертвенно-бледное лицо друидки, только на щёках расцвёл нездоровый румянец.

Оарин, иди ко мне, манила к себе Зельда.

Но Джара уже не поддавалась. Сунор мысленно поддерживала её, не позволяя загипнотизировать. Медленно-медленно Джара попятилась назад, к своему плащу, где лежали её мечи.

Она поняла, коротко сообщила Сунор. *Сейчас нападут.*

Скажи Змейке, чтоб не высовывалась.

Один рывок, и Джара уже стоит с двумя обнажёнными мечами в руках. Ещё миг, и сзади неё выросла стройная фигурка Сунор с кинжалом Хаарта в руке, и почти сразу к ним подобралась и Змейка со своим зеркальцем. Джара зашипела от злости. Ну почему никто никогда не слушается, когда говоришь им не соваться в неприятности и сидеть тихо?!

— Что остальные? — спросила Джара у Сунор.

— Не проснутся, — шепнула та.

— Я попробую, — подала голос Змейка.

— Лучше б ты… — начала Бестия, но тут со всех сторон из деревьев выскочили воины в чёрном с мечами наизготовку.

И Джара уже отбивала удары напавших на неё головорезов. К Сунор подбежали трое. Они ухмылялись, оглядывая девушку, судорожно сжимавшую рукоять кинжала — с первого взгляда понятно, что она не умеет с ним обращаться. Но тут ослепительно полыхнуло что-то на её лбу, а затем глаза зажглись ярко-белым светом. Трое воинов умерли мгновенно, не успев ничего понять и испугаться.

Маленькая и юркая Змейка нырнула под руку шедшего на неё головореза, пробежала между ногами другого и опустилась между безмятежно спавшими Эйданом и Аерис. Девушка почти вжалась в стоявшее тут же деревце, чтобы её не заметили. Она должна всех разбудить…

Джара спиной почувствовала, что с Сунор происходит что-то не то. От девушки исходило какое-то напряжение и ощущение силы. Но Бестии в тот момент было не до того. Она вертелась, как сумасшедшая, успевая отражать удары всех четверых головорезов, пытавшихся достать её своими мечами. Тут краем глаза Джара увидела, как за спинами её противников один из их сотоварищей за волосы поднимает от земли спящего Ивора.

— НЕТ! — вскричала Джара и тут же получила мечом в бедро. Но боли она не чувствовала. Мир вообще перестал

существовать. Потому что головорез уже примеривал нож к горлу Грифона.

Джара снова заорала не своим голосом, обрушила шквал яростных ударов на двоих из четверых воинов, и те рухнули со страшными смертельными ранами. Бестия рванулась вперёд, к Ивору, даже не заметив что двое других её противников оба проехались мечами по её спине.

И тут всю небольшую прогалину посреди леска озарило ярким светом. И исходил он не с неба, а от маленьких узких ладоней Змейки.

Бандит, собиравшийся отрезать голову Ивора, застыл на месте от удивления. И даже не понял, что произошло, когда обмякшее тело налилось жизнью и энергией, и Ивор в железных тисках скрутил его запястье. Пальцы разжались, роняя нож, другая рука выпустила волосы Ивора, и наёмник плюхнулся задом наземь. Не теряя времени, Ивор схватил нож разбойника, извернулся и всадил нож в бедро головорезу. Затем вскочил на ноги и мощным ударом кулака отправил его почивать на землю.

А рядом с ним уже, издавая ликующий боевой клич, остервенело рубила головорезов Бестия.

Все Ангелы, бодрые как никогда, рьяно изничтожали нарушителей их сна и спокойствия. Через какое-то время на прогалине в живых не осталось никого, разумеется, кроме самих Ангелов и одного головореза, специально не убитого, а только вырубленного Аерис.

Джара бросилась вглубь леска искать Зельду, но ту как ветром сдуло. Когда она вернулась, парни как раз оттаскивали к кустарникам трупы, а Змейка сидела на корточках перед головорезом, которого Аерис небрежно держала за волосы. Джаре показалось, что пространство вокруг маленькой целительницы опять озарилось светом. Или это и вправду было так, просто свет полыхнул на такую крохотную долю мгновения, что глаз не успел толком его заметить.

Как бы то ни было, но головорез разлепил веки и зашевелил вспухшими и окровавленными губами.

— Что он говорит? — спросил Тэллар.

Джара кинула на него быстрый взгляд, и подумала, что с Соколом что-то не то. Но не разобрала, что именно. Затем она вспомнила, что во время битвы с Сунор тоже что-то произошло. Джара поискала её глазами — она сидела в стороне, там, где ещё осталась чистая трава, не залитая кровью. На голове диадема. Выглядит слегка потерянной, но, главное, не помирает… В общем, Джара решила подумать обо всём этом потом и обратила внимание на головореза.

— Кто приказал вам на нас напасть? — чётко разделяя слова, громко произнесла Аерис.

Головорез кое-как растянул разбитые губы в ухмылке.

— Пошла ты…

Джара вспыхнула и собралась подойти и ещё добавить ему по морде. Аерис покачала головой и показала куда-то за своё плечо. Джара поняла её и позвала:

— Сунор.

Сунор встрепенулась и подняла взгляд.

— Нам нужна твоя помощь. Этот ублюдок не желает говорить.

К удивлению Джары, Сунор без нытья и капризов встала, зачем-то сняла свою диадему с головы и отдала её Хаарту. Затем подошла к головорезу и какое-то время смотрела на него сверху вниз.

— Люди, которых мы убили, это какая-то ханелласская банда. — «Мы», — отметила Джара. Раньше Сунор никогда не говорила «мы». Даже если она принимала участие в битве (как тогда на корабле, с пиратами), то говорила «вы» и всегда выражалась "ваш Альянс", даром что сама тоже Ангел… Сунор продолжала: — Они прознали про награду за головы, и тут к ним явилась какая-то странная женщина… Сказала, что укажет им, где мы находимся.

"Зельда", — поняла Джара.

— Что он знает об этой женщине? Почему она решила им помогать?

Сунор снова устремила взгляд на головореза. Тот задёргался, замотал головой, но Аерис хорошенько тряхнула его за патлы, и он успокоился.

— Ничего, — ответила наконец Сунор.

— Что за женщина? — спросила Сельма. — Джара, ты что-то знаешь?

Джара кивнула.

— Это была одна из друидок… Не спрашивайте — у меня тоже в голове не укладывается, как она здесь оказалась и почему желает нам зла…

— Почему наши головы нынче на вес золота? — подал голос Тэллар.

— Из Таэрии прискакал гонец… — начала вытягивать сведения из головы бандита Сунор. — Глашатаи объявляли во всех городах о награде за головы всех из нас, кроме меня и Джары. Это мы знаем… — «Мы», — снова подумала Бестия. — Развесили плакаты… Главарь этой банды прознал про баснословную награду и решил, что её получат он и его люди.

Теперь он лежит мёртвый где-то здесь… — Сунор ещё молчала и сверлила глазами голову разбойника какое-то время. — Всё, он больше ничего не знает.

Аерис подняла взгляд на Джару, и та кивнула. Эльфийка достала стилет и перерезала ему горло. Затем она отпустила его волосы и толкнула в лоб. Бандит с хрипом завалился на бок и затих.

Глядя на бандита, Джара вдруг ощутила невыносимую слабость. Ноги стали подкашиваться…

— Эй, Бестия, да ты же сейчас кровью изойдёшь!.. — вскрикнул Тэллар.

Джара провалилась в беспамятство.

Сознание возвращалось к ней медленно, и так же медленно, но неумолимо разгорались очаги боли в бедре и на спине под звук какого-то ритмичного шума. Мокнущее под каплями тело наконец передало сигнал в мозг: *дождь.* По лицу капли не били. *Капюшон.* Глаза упорно не желали раскрываться. Что это за мерное покачивание?… *Конь.* Чьё-то тепло совсем рядом… *Ив…*

Джара снова открыла глаза, и взгляду предстала серая завеса ливня. Джара, обмякшая, безвольно сидела в седле перед Ивором. Он крепко держал её под грудью, не давая свалиться с коня, одной рукой, а другой правил лошадью. Раны болели невозможно, невыносимо… Терпимо.

— Ты как, Джей? — ласково спросил Ивор.

— Хреново, — пролепетала Джара. — Мы куда едем?

— В Таэрию, совершать подвиги! — весело отозвался голос Тэллара. Джара с трудом повернула голову и, несмотря на боль и усталость, издала громкий смешок: вокруг правого глаза Сокола расцвёл фингал изумительной синевы с фиолетовыми переходами. Сокол перехватил её взгляд и надулся. — Что, Бестия?

Джара прищурила глаза.

— У меня такое чувство, Сокол, что тебя кто-то неудачно накрасил.

— Да нет, просто вчера рука одного бандита как-то особенно бросилась мне в глаза…

Бестия хмыкнула и отвернулась от Тэллара.

— Между прочим, за тем злосчастным лесом в помине не было никакого тракта, — сказала ей Сельма. Чародейка теперь ехала в седле с Аерис. Руки она прятала в рукавах, чтобы не намочить повязки, но ливень, похоже, только смеялся над её тщетными попытками. От воды, змеившейся по лицу, короткие волосы Сельмы прилипли к её щекам.

Джара нахмурилась.

— Значит, эти деревенщины были в сговоре с разбойниками?

— Значит, были, — кивнула волшебница.

— Тогда не подсунули ли они нам отравленной еды…

— Да нет, вряд ли, — возразила Сельма. — Они ведь думали, что бандиты нас всех вырежут.

— А почему Сунор не почувствовала их недобрых намерений? — вдруг осенило Джару. — Ночью ведь она меня предупредила…

Капюшон намок, обвис под струями дождя, и под плащ, на грудь весело полилась ледяная вода. Джара вздрогнула и стиснула зубы.

— Да, я тоже об этом подумала…

— Интересно, о чём ты *не* думаешь, Чародейка?

— О том, о чём обычно думаешь ты, Сокол, — ответила ему Сельма и сказала, обращаясь уже к Джаре: — Диадема. — Будто одно это слово объясняло всё.

— Диадема? — переспросила Джара. Она скинула капюшон, и теперь дождь заливал воду ещё и за шиворот. Ивор ворчал, что она простудится и вообще она ранена. — Я что-то плохо поняла…

— Сунор не горела желанием мне об этом говорить, но когда она одевает диадему, она не слышит чужих мыслей.

— То есть… — задохнулась Бестия. — То есть без диадемы она слышит мысли всех вокруг даже без своего желания?!

Сельма кивнула.

— Отпад, верно? — хмыкнул Тэллар и утёр ладонью мокрое лицо. — Представляю, чего она успела наслушаться в нашей весёлой компании…

— Поэтому она последнее время её вообще не снимает… — пробормотала Джара.

— Ночью она почувствовала, что кто-то влияет на наши сознания извне, и *захотела* прочесть мысли друидки, — продолжала объяснять Сельма. — Этому-то диадема не препятствует. А до этого, в деревне, ей, как видно, не было дела до того, о чём думают деревенские жители или тот же староста.

— И мы попались в ловушку, — проворчал Тэллар.

— Молчал бы, — огрызнулась Джара.

— Ты что, Сунор защищаешь? — удивился парень.

Джара не ответила.

Дамраф стоял, сцепив руки за спиной, и глядел в окно, выходившее на городскую площадь. На площади собралась толпа народа и бурно что-то обсуждала.

В городе было неспокойно, и начальник дворцовой стражи

настоятельно рекомендовал Дамрафу дворец не покидать и без охраны никуда не ходить. Не все в Таэрии, как оказалось, были против союза Орденов. В основном, из-за расторжения союза и роспуска Армии Света возмущался простой люд. Все до единого люди Ордена Солнца покинули Арлан.

И с ними ушла Аялла Тельмеран.

Дамраф сжал пальцы. Возможно, он погорячился… Может быть, не стоило говорить Аялле всех тех вещей… В конце концов, она ведь ни в чём не виновата. Просто он, старый дурак, выдумал какие-то чувства и всерьёз поверил, что они с Ааллой полюбили друг друга. Потому-то ему было так больно, когда он узнал, что Аялла за его спиной послала в Ханелас свой отряд чародеек, проконтролировать ситуацию, проследить за Ангелами. Потому что она усомнилась в словах друидов и не поверила картинам, которые им показала Миерна. Она не поверила, что его, Дамрафа, дочери угрожает опасность. Не смогла понять его боль. Может быть, потому что у неё самой нет детей…

Он ей так и сказал. Аялла вздрогнула, будто её хлестнули бичом, а потом вышла вон.

Возможно, она в чём-то даже права. Дамрафа ослепила боль и ярость… Он бы и сам был рад не верить тому, что видел. Сердце его обливается кровью, как он представит, что его девочку…

Дамраф прижался лбом к стеклу и сжал пальцами бархатную занавеску. Он ненавидел себя за свою беспомощность. За то, что он бессилен помочь Сунор. За то, что он отпустил её с этими подонками. За то, *что* теперь происходит с его доченькой. Ненавидел себя вообще за всю жизнь Сунор. За то, что она росла без матери (как будто он был виноват в том, что она умерла при родах…) За то, что уделял ей так мало внимания, просто потакал всем её капризам, как будто хотел откупиться от неё. Политика, карьера были тогда для него важнее. Нужно было удовлетворить своё тщеславие. И ещё забыть о боли, которую принесла смерть жены. И он будто забыл, что у него осталась дочь… И чем он тогда отличается от Ааллы, которая отдала своего сына?…

Дамраф яростно рванул занавеску.

В этот момент в дверь, без стука, вошёл Орвил.

— Мой господин… — Чародей с удивлением смотрел на оторванную занавеску в руке Дамрафа. За его плечом стояла мертвенно-бледная Зельда. Одни глаза её горели негасимым пламенем. Друидка пугала Дамрафа.

Мужчина бросил занавеску на пол и вернулся к своему столу.

— Я слушаю.

Зельда обошла Орвила и, приблизившись к Дамрафу, поклонилась ему. Дамрафу иногда в учтивых поклонах друидки

мерещилось презрение. Как в её взгляде мерещилось безумие.

Орвил закрыл за собой дверь и тоже подошёл ближе.

— Мой господин, у нас неприятности. Банды головорезов, которых мы подбили напасть на преступников, сами приняли смерть от их рук. Что ещё прискорбнее, ударная группа наших чародеев тоже не вернулась… А вот из разбойников несколько человек выжило…

Дамраф подался вперёд.

— Что они говорят? Что с моей дочерью?

— Один из них сказал, что она тоже участвовала в битве…

— Что?! — вскрикнул Дамраф. — Сунор не знает, с какой стороны подходить к мечу! И она… она не способна убивать…

Зельда покачала головой.

— Она околдована. *Они* её околдовали.

Отец Сунор опустил веки и до боли сжал кулаки.

— Господин, — обратился к нему Орвил, — ещё несколько дней, и преступники подберутся к границе Ханеласа и Таэрии.

— А этого нельзя допустить, — продолжила Зельда. — Они намерены подчинить силы Книги своей власти. Если они доберутся до руин Тадора, можно считать, что всё кончено. Придёт Час Гнева, о котором повествуют друидские пророчества, — зловещим голосом говорила друидка, — в мир придут разрушение и хаос, мрак и смерть.

— Господин, позвольте мне взять группу волшебников и отправиться в Ханелас, — сказал Орвил. — От нас они не уйдут, — уверенно добавил он.

Дамраф напряжённо размышлял. А что, если Аялла права? Что, если эти друиды лгут? Почему, в конце концов, он должен верить этим лесным колдунам, которые веками прятались на Гирите, и весь мир считал их не более, чем сказкой? Хотя, ведь именно они рассказали Джаре об Альянсе. Они приплыли в Таэрию, оставив свой лес, свой оплот, чтобы не дать новому смерчу разрушить города и унести человеческие жизни. И Джара, как он понял из её рассказа, самозабвенно доверяла Миерне и остальным друидам… Но с другой стороны, Миерна и друиды тоже раньше доверяли Джаре и её друзьям, а теперь…

Орвил явственно ощутил колебания энергии в воздухе и посмотрел на Зельду. Друидка сверлила взглядом Дамрафа, и тот вдруг вскинул голову и твёрдо произнёс:

— Отправляйся в Ханелас, Орвил. Сделай всё, что в твоих силах.

Страшное подозрение закралось в голову главного чародея Ордена Луны. Неужели эта ведьма влияет на мысли его господина? А что если с самого начала друиды…

Зельда вскинула фанатично горящие глаза на Орвила.

Нет. Он вообще ничего не заметил.

— Если всё будет продолжаться в таком темпе, к Тадору мы доберёмся калеками, — хмыкнул Тэллар, прикладывая к глазу тряпочку, смоченную в ледяной воде из ручейка и наблюдая, как Змейка меняет повязки на руках Сельмы. В стороне своей очереди дожидались Джара и Хаарт. Дождь наконец кончился, и Ангелы разбили бивак недалеко от Ветельса. Горел костёр (постарался Эйдан).

— А если ты будешь продолжать болтать, я поставлю тебе синяк на второй глаз! — пообещала Джара.

Сельма поднялась на ноги и задумчиво уставилась на свои руки. Змейка жестом позвала Джару.

— Все лица мужского пола немедленно отвернулись, — повелительным тоном молвила девушка. — Это *всех* касается, — добавила она, косясь на Тэллара.

Когда *все* отвернулись, Джара стянула одежду, и Змейка принялась смазывать кожу вокруг ран противовоспалительной и заживляющей мазью. Затем она аккуратно и туго перевязала торс и бедро девушки (к тому времени уже Ивору, Тэллару и Хаарту пришлось распрощаться со своими плащами, которые безжалостно разорвали на полоски для перевязки). Джара оделась и встала, делая бодрый вид.

— Спасибо, Змейка. Я прямо как новенькая! — Она, вскинув руки, попыталась размять спину и зацедила сквозь зубы ругательства.

— Ты поосторожнее руками маши, — проворчала Змейка. — Болит?

— Ничего у меня не болит, — лживым голосом ответила Бестия.

Змейка вздохнула, потом взялась за раны Хаарта. Рыцарь вздрагивал от каждого прикосновения её ловких и умелых рук, но Змейка, казалось, была равнодушна и говорила только по делу. Сунор стояла рядом, глядя на них сверху вниз.

— Остались сутки, и мы в Таэрии… — задумчиво проговорила Аерис, глядя вдаль.

Тэллар встал рядом с ней, воздел руки к небу и торжественно заговорил:

— Последний марш-бросок, последний рывок, чтобы вырвать победу из рук врага и…

— Сокол, я серьёзно насчёт синяка, — оборвала его Джара.

Тэллар опустил руки с обиженным видом.

— Ветельс обойдём с южной стороны, — заговорил Ивор. —

Насколько я помню, южная часть города мало заселена, стены в плохом состоянии, и там почти нет стражников…

— Мы не будем обходить Ветельс, — вдруг перебила его Змейка.

Все удивлённо уставились на целительницу, а та, не отрывая взгляда от глубокой резаной раны на груди Хаарта, на которой лежали её пальцы, твёрдо добавила:

— Мы войдём в город.

— Змейка, это слишком огромный риск… — начала Джара.

— Если она так говорит, значит, не просто так, — возразил Эйдан.

Бестия вскинула на него раздражённый взгляд и собралась уже нагрубить, но Змейка тихо сказала:

— *Здесь* больший риск, Джара. — Целительница указала на рану Хаарта. — Нам нужно к хорошему лекарю. Хоть к тому же, что и в прошлый раз, — добавила она ещё тише.

Хаарт был бледным, как смерть, но ничего не сказал. Зато Сунор не выдержала и расплакалась. Она опустилась на колени перед Хаартом и сжала его руку. Змейка перебинтовала рану, поднялась с колен.

— Мы здесь заночуем? — обратилась она к Джаре.

Джара подтвердила кивком.

— Пойду тогда прогуляюсь.

Змейка пошла прочь. Эйдан подался было за ней, но Сельма положила руку ему на плечо. Маг обернулся и какое-то время глядел в светящиеся спокойствием глаза волшебницы, потом отошёл от неё, но за Змейкой не последовал.

Джара нацепила ножны с кинжалом и повернулась к Сунор. Та уже перестала плакать, просто молча сидела рядом с Хаартом.

— Вставай, — бросила ей Бестия.

Сунор подняла на неё взгляд в немом вопросе.

— Мы с тобой пойдём на разведку в Ветельс, — коротко пояснила Джара.

— Почему я? — спросила Сунор недовольно, но сама уже поднялась с земли и прятала кинжал в голенище сапога.

— Ты мне пригодишься больше остальных, — пожала плечами Джара.

— Может, лучше я пойду с тобой? — спросил Грифон.

— Нет, Ив. Мы проверим обстановку в городе, чтобы завтра меньше было проблем. С Сунор всё выйдет гораздо быстрее, сам понимаешь. Не бойся за меня. — Она улыбнулась.

— Ты ранена.

— Я заметила.

Ивор вздохнул.

— Осторожнее, Джей, договорились?

— Договорились. Пошли, — кинула она в сторону Сунор.

Та бросила взгляд на Хаарта, будто ожидала, что он тоже пожелает ей удачи и попросит себя беречь, но рыцарь глядел в ту сторону, куда ушла Змейка, и Сунор молча пошла прочь от бивака.

Джара благодарно улыбнулась друзьям за напутствия и искреннюю заботу в их взглядах, а затем быстрым шагом догнала Сунор.

Две стройные фигурки стремительно удалялись — обе в кожаных костюмах и вооружены кинжалами, у обеих по длинной блестящей чёрной косе.

— Может, это звучит кощунственно, но сейчас они выглядят похожими, — проговорил Тэллар.

— Сунор и Джара? — выразительно произнёс Ивор. — Не дури, Сокол.

— У обеих волосы чёрные, вот и всё, — хмуро добавила Аерис.

Сельма промолчала. Фигурки Джары и Сунор скрылись в темноте. Чародейка вернулась к костру. Хаарт сидел, тупо уставившись на беснующиеся язычки пламени. Змейка ещё не вернулась. Эйдана не было.

Трое друзей тоже подошли к костру.

— Если Джара выкинет какую-нибудь штуку… — начал Ивор, стараясь придать голосу грозный тон, но голос дрожал тревогой.

— Да не беспокойся, Грифон, — махнув рукой, сказал ему Тэллар как-то слишком уж беспечно. — Что с Бестией приключится-то? Да она и не одна.

— Нашёл тоже защитницу для Джары, — проворчала Аерис.

— Эта Сунор обязательно утянет её в передрягу, — угрюмо сказал Ивор и покосился на Хаарта, но тот, казалось, был не в этом мире.

— Кто кого ещё утянет, — хмыкнул Сокол. — У нашей Бестии патологическое пристрастие попадать в неприятности.

— Не надо было её пускать, — буркнул Ивор.

Сельма стояла, обхватив себя руками и задумчиво глядя в темноту.

Выглядят похожими, говоришь, Сокол?… Одна любит того, кого не следовало бы, а другая не любит того, кого стоило бы…

В комнате сидело четверо: рослый мужчина лет сорока с лицом, изборождённым глубокими следами от чёрноязвенной болезни, крепко сбитая женщина с коротко остриженными тёмными волосами и узкими хищными глазами, худощавый

мужчина в чёрном плаще с изображением луны и звезды на спине и парень лет девятнадцати-двадцати с бледным от напряжения лицом и огнём горящим взглядом.

— Когда мы сможем приступить к атаке? — нетерпеливо спросил парень. Перед ним лежал хорошо сработанный меч с тёмно-алой рукоятью, и под гардой была повязана чёрно-красная лента. Это была древняя традиция, уже порядком позабытая воинами Материка — раньше ленты под гардами мечей составляли целый тайный язык, где каждый цвет обозначал что-то, важное для хозяина меча, рассказывал о его натуре, говорил о цели, с которой меч вынимается из ножен. Теперь ленты повязывали очень редко; но парнишка, случайно прознав о забытом обычае, немедленно раздобыл себе чёрно-красную ленту — знак того, что клинок будут поить кровью, пока не свершится месть.

— Потерпи ещё немного, Ронки, — сказал ему мужчина, чьё лицо было изъедено шрамами от язв. Это был Коддар, главарь всех бандитов, воров и головорезов во всей округе. — Мы ждём приказа господина чародея. — Он с насмешливым почтением кивнул в сторону Орвила.

Орвил незаметно поёжился. В обществе трёх бандитов, из которых первым был чуть ли не главный и самый жестокий разбойник всего Ханеласа, второй — женщина, убивавшая, чтобы убивать, а третьим — мальчишка, одержимый жаждой мести, чародею было, мягко говоря, неуютно.

— Я жду доклада от своего человека, — проговорил он, тщась, чтобы голос не дрожал.

— Надеюсь, вы не забыли об уговоре, — сладко проворковала разбойница. Звали её Рахина.

— Всё золото, обещанное моим господином, ваше, — кивнул Орвил. — Нам нужны лишь головы семерых преступников, а две другие девушки — живыми и невредимыми. Вы запомнили их описание?

— Разбойники обычно не отличаются грамотностью, так что приходится всё держать в уме. А память на лица у нас, уж поверьте, господин чародей, отменная, — с улыбкой проговорил Коддар, и Орвилу стало не по себе.

— Не сочтите за недоверие… — осторожно начал Орвил, и тут Коддар с Рахиной дружно расхохотались, и даже бледный, как полотно, Ронки издал смешок.

— Вы будете извиняться за недоверие к головорезам и ворам? — со смехом спросил Коддар.

Орвил помолчал, обмозговывая, что бы ответить.

— Я только хотел напомнить, чтобы никто из ваших людей не

уносил с собой вещи преступников, — наконец сказал он.

— Мы помним, — ответила Рахина. — Вы, помнится, обещали возместить золотом за ценные вещи, которые нам не будет позволено забрать.

— Да, — кивнул чародей. — Двойную цену.

Рахина пожала плечами.

— Тогда можете не беспокоиться даже за носовые платки, господин волшебник. Для нас важнее золота ничего нет в этом грешном мире.

Коддар хмыкнул. Ронки молчал, нервно теребя кончик ленточки.

Дверь в комнату открылась, и вошёл молодой чародей. Он был взбудоражен.

— Господин Орвил, вы представить себе не можете!

— Что? — нетерпеливо спросил Орвил.

— Дочь господина Дамрафа и та преступница, которую тоже приказано взять живьём, недавно пробрались в город. Они здесь только вдвоём; остальные неподалёку от западных ворот, там они разбили бивак.

Орвил даже привстал от волнения.

— Великая Луна благоволит нам, — проговорил он удовлетворённо. — Итак, ты, я и ещё восемь магов отправляемся ловить госпожу Сунор и преступницу, остальные пусть выступают за ворота. — Он повернулся к Коддару. — Отдайте приказ своим людям атаковать вместе с моими чародеями. В городе ваша помощь не нужна.

— Вы точно уверены насчёт количества людей? — чуть насмешливо поинтересовался Коддар. — Моих людей без меня и Рахины три десятка. Да ещё ваших магов сколько? Около двадцати, если не ошибаюсь? Не многовато ли на семерых?

— Очень надеюсь, что этого не окажется мало, — серьёзно проговорил Орвил. *Очень надеюсь. Десять магов уже погибло. Среди них был мой брат и друзья. Сегодняшней ночью счёт жертв этих преступников должен закрыться раз и навсегда.*

Главарь бандитов повёл плечом.

— Ваше слово, наши деньги, как говорится, господин маг.

— Извольте подтвердить план, господин хороший, — с едва прикрытой усмешкой обратилась к Орвилу разбойница. — Убить всех до единого. Отрезать головы. Собрать все вещи и вместе с головами поднести к вашим благородным ногам. Получить золото. Сполна. Всё верно?

Орвил кивнул. Тогда Рахина тоже кивнула, и они с Коддаром встали и направились к выходу. Ронки встрепенулся, сжал рукоять меча и тоже вышел. Когда он прошёл мимо Орвила, тому

показалось, что юноша твердит под нос какое-то имя, смутно знакомое главному чародею Ордена Луны. Но память так и не подсказала, чьё же именно.

Орвил повернулся к чародею.

— Кажется, я отдал тебе приказ.

Тот заметно колебался.

— Да, господин Орвил. Только я хотел сказать… Госпожа Сунор вовсе не выглядит так, будто её опаивают дурманом или издеваются… Она невредима, и эта преступница рядом с ней… Они шли бок о бок, как… почти… будто напарницы, что ли. Разговаривали…

— Не суй нос не в своё дело, — отрезал Орвил.

Чародей кивнул и вышел вон.

Взгляд друидки, пробирающий до костей, до сих пор жёг сознание Орвила.

Ночь плотным пологом мрака накрыла улицы Ветельса. Джара и Сунор осторожно крались в темноте, чтобы не попасться ненароком совестливым стражникам, таким, которые ночью всё-таки не оставляют свой пост и не меняют долг на кружку пива в какой-нибудь таверне. У них обеих в памяти проносились воспоминания о прошлом посещении Ветельса. Не сказать, чтобы они были приятными.

Сунор вела себя на удивление примерно. Шла молча, ни на что не жаловалась. Костюм из гладкой кожи отражал блики света из окон тех редких домов, где ещё не отправились на боковую. На голове поблёскивала в скупом свете луны, иногда показывавшейся из-за туч, ажурная диадема. Джара немного подумала, потом попросила Сунор её снять. Мало ли, какой обрывок мысли случайного припозднившегося прохожего может оказаться полезным…

Они иногда тихо перешёптывались по делу, но в основном шли молча. Они прошли один раз мимо таверны, из окон которой на чёрный камень улиц бил яркий свет. Из-за приоткрытой двери доносился весёлый гомон и звон кружек. Джара решила, что лучше заглянуть туда попозже, когда будет меньше народу. Если что, легче будет сделать ноги… или принять бой.

Джара ступала беззвучно, прислушивалась к каждому шороху, глядела по сторонам во все глаза и искоса посматривала на Сунор. В голове наёмницы внезапно возникла неожиданная мысль.

А мы ведь совсем не знаем Сунор. Мы ничего не знаем о ней, кроме того, что она дочь главы таэрийского Ордена Луны. Мы презираем её. Мы пренебрегаем ей. Пренебрегаем её мыслями,

чувствами. А что мы знаем о том, почему она стала такой озлобленной, эгоистичной, даже жестокой? Почему замкнулась от остального мира неприступной стеной гордыни и высокомерия? На что она отвечает миру презрением и показным равнодушием? Я слышала как-то от одного мудрого человека, что люди не рождаются плохими. Мир делает их такими. Жизнь. Другие люди, в конце концов…

Спасибо… — вдруг пронеслось в голове.

Джара резко повернулась к Сунор, но та шла, казалось, всецело погружённая в свои мысли. Больше ни о чём поразмышлять им не дали. Мрак расступился, кольцом вокруг двух девушек выпуская десятерых мужчин в чародейских мантиях. Джара тут же вынула кинжал на изготовку, пусть и прекрасно знала, что против магии с куском заточенного железа не попрёшь. Сунор мигом одела на голову диадему. Та ярко блеснула, хотя небо было затянуто тучами, а улицу застилал непроглядный мрак и туман. Диадема Сунор раскрыла свои волшебные свойства в прошлой битве.

— Госпожа Сунор, — раздался голос.

Джара и Сунор вздрогнули от удивления и перекинулись взглядами. Из темноты шагнул ближе чародей, и Сунор его узнала.

— Орвил?

— Я, госпожа Сунор. Вы целы? Вы хорошо себя чувствуете? Идёмте к нам, мы…

— Что за чертовщина тут творится, Орвил? — раздражённо перебила его Сунор. Чародеи вздрогнули. Джара усмехнулась. Они привыкли её бояться и слушаться. Мало ли какой каприз придёт в голову сумасбродной, вспыльчивой и эгоистичной дочери их господина?

— Госпожа, ваш отец приказал в целости и сохранности доставить вас домой…

— Представь себе, Орвил, я как раз домой и собиралась! — фыркнула Сунор. — И я доберусь туда без вашей магии! Ты, может быть, вообще объяснишь, что происходит? К чему эта орава остолопов?

Орвил оправил мантию и покосился на Джару — с боязнью и ненавистью одновременно. "И что это я так всем не нравлюсь?" — подумала про себя она.

— Госпожа, вы, видимо, находитесь под действием дурмана или чар. Поверьте, для вашей же безопасности будет…

— Что ты мелешь, кретин?! — Сунор упёрла руки в бока. Глаза её метали молнии. — Какие чары? Какой дурман? — Она помолчала немного, сверля его взглядом, и Орвил пошатнулся,

тронув висок. Видимо, Сунор немного перестаралась, яростно вскопошив все его мысли, чтобы найти ответ. — Да что за дребедень?! — взвизгнула она. — Какие издевательства надо мной?! Какие преступления?! Какой идиот это придумал?!

Она собралась дальше покопаться в его голове, но тут Орвил подал едва заметный знак своим чародеям, и они в миг выкинули магические сети и набросили их на Сунор и Джару. Сунор истошно завопила и попыталась вырваться, но пятеро магов (среди них Орвил) крепко держали заклинание и потащили её прочь.

Джара в сети не попалась. Жест Орвила она заметила, и реакция её была мгновенна. Одним кошачьим прыжком она преодолела расстояние между ней и каким-то чародеем (сети скользнули по камням улицы и исчезли, не найдя цели), взмахнула кинжалом и вонзила лезвие точно в углубление под шеей — в сказках только таким особым ударом можно было убить злых колдунов; Джара, конечно, сомневалась, что мага не убил бы выпад в сердце или просто перерезанная глотка, но в последнее время её жизнь тесно переплеталась со сказками. Незадачливый маг, которому не помогла его хвалёная магия, рухнул на колени, и из горла его захлестала кровь.

Джара отскочила и развернулась. Четверо магов готовили заклинания. Никакой самый быстрый и ловкий воитель не выстоит против нескольких первоклассных магов. Он успеет лишь замахнуться мечом, как его уже испепелят молнии или зажгут ярким факелом огненные шары. Или ещё что-нибудь, в зависимости от степени изощрённости фантазии мага. Но Джара знала, что им приказано было взять её живой. Значит, её шансы возрастают сто крат.

С руки одного мага сорвался хлыст. Джара подпрыгнула, и хлыст ударил под её ногами. Волшебники кинули сети, но Бестия мощно оттолкнулась, кувыркнулась в воздухе назад. Мягко приземлилась и тут же покатилась вбок, уходя от очередных сетей.

Тут улицу озарила вспышка. Маги невольно обернулись и увидели Сунор, вырвавшуюся из магических сетей. Диадема мерцала огнями на её голове, а глаза горели слепящим белым светом. Сунор метнула взгляд на чародея, стоявшего перед ней, и тот без звука повалился замертво.

Джару пробрала дрожь. Она тряхнула головой и подскочила к ближайшему магу, занося кинжал. Он успел обернуться, и глаза его расширились, а рот раскрылся в беззвучном крике. От близости смерти всё вылетело у него из головы, и с пальцев его сорвалась молния.

Джара прыгнула вбок, пытаясь спастись от заклинания, но она знала: ей не успеть. Успеть было просто невозможно. Но тут какая-то сила словно замедлила время вокруг, а Джару мощно крутанула, и она завертелась юлой. Молния полетела мимо. Время вернулось к привычному ходу. Всё ещё плохо понимая, что она *спаслась* и *что* её спасло, Джара по инерции продолжала двигаться. Длинная коса её взметнулась в такт движению, и молния, одним концом уже достигнув стены дома, другим задела её и побежала по чёрным волосам ослепительно-яркой сеточкой всепожирающих язычков. Джару прошибло разрядом, она, не думая, метнула руку к косе и обхватила её у основания. Язычки перекинулись на ладонь, и кожа мгновенно взбугрилась волдырями. А всего несколько секунд назад роскошные длинные волосы теперь едва прикрывали шею, и концы были обожжены и дымились. Ладонь разрывалась болью.

Чародей упал с рукоятью кинжала, торчащей точно между ключиц.

Тут два других мага, воспользовавшись замешательством Бестии, опутали её магическими сетями. Орвил догадался волшебством сшибить диадему с головы Сунор, а чародей, стоявший позади неё, накинул на девушку путы.

Из тени выступила Зельда. Она глядела на Джару и как-то безумно улыбалась. Бестия зашипела от злости. Ей многое хотелось сказать друидке, но от захлестнувших её чувств жгучей ненависти и бессильной ярости она не могла даже построить фразу. Зельда тоже ничего не сказала. Она отвела от Джары горящий взгляд больных глаз и обратилась к Орвилу.

— Оставь одного здесь держать сети, а остальные отправляйтесь за ворота.

— Зачем? — Орвила опять пробирала дрожь от одного её взгляда. — Наши и так справятся. Скорее всего, никого из её дружков, — он кивнул на Джару, — нет в живых, и тебе скоро притащат и головы, и предметы.

Джара застонала и стала биться в сетях, а Сунор принялась увещевать магов именем своего отца и обещать грозную расправу, но всё было тщетно.

— Оставь одного держать сети, и с остальными отправляйся за ворота, — повторила Зельда с нажимом.

Орвил сглотнул и исполнил её приказ.

Костёр медленно потухал, и Эйдан посылал в него короткие струи огня. У Хаарта был жар, и он лежал на плаще, прикрыв глаза и беззвучно шевеля сухими губами. Змейка сидела с ним рядом, обтирая лицо холодной мокрой тряпочкой. Маг косился на

них, хмурился и играл с язычком пламени, заставляя его плясать между своих пальцев и отбрасывать блики на рубин, венчавший перстень.

Аерис спала; Сельма сидела, обхватив колени и положив на них подбородок, и смотрела в костёр. Тэллар, привалившись к седлу, снятому с его коня, лежал с закрытыми глазами, но Чародейка знала, что он не спит. Один Ивор ходил взад-вперёд и то и дело бросал встревоженные взгляды в сторону города.

— Что они так долго? — обеспокоенно спросил он.

— Грифон, Джара ушла всего час назад, — произнёс, не открывая глаз, Тэллар.

— Ничего не должно случиться, — сказал Эйдан. — Они ведь не пойдут на главную площадь заявлять во всеуслышание о своём присутствии. Только послушают мысли жителей, собирается ли кто выходить на охоту за Ангелами…

Ивор метнул на Эйдана гневный взгляд, будто говоривший: "А тебя вообще кто-нибудь спрашивает?" — но промолчал.

Сельму давно уже мучило чувство тревоги. В конце концов, она пришла к мысли, что не стоило отпускать Джару и Сунор одних. Ей следовало пойти с ними… Сельма покосилась на свои руки. Хотя нет, Джара бы точно не позволила. Тогда хотя бы Эйдана надо было отправить… Конечно, с Джарой не сравниться в ловкости, быстроте и искусстве владения кинжалом. А у Сунор её волшебная диадема и огромный ментальный дар. Но не бывает непобедимых людей…

Ивор стоял, скрестив руки на груди и устремив взгляд вдаль. Сельма подняла глаза на его широкую спину, и тут она чуть не задохнулась от захлестнувшей её волны безотчётной тревоги. В тот же момент Грифон вскрикнул, развернулся, и Ангелы увидели стрелу, торчавшую в его плече.

Все мгновенно вскочили на ноги. Сельма и Эйдан выбежали вперёд, готовясь творить заклинания. Позади них встала Аерис, натянув на тетиву лука три стрелы. Тэллар и Ивор обнажили мечи, но пока спрятались за деревьями, чтобы не попасть под обстрел из луков. Туда же пытались затащить и Змейку, но она посоветовала лучше спрятать Хаарта, а сама вырвала свою руку из руки Ивора и достала зеркальце. Тэллар оттащил Хаарта к кустарникам и спрятал его там. Рыцарь протестовал и делал попытки подняться, но рана горела огнём, голова кружилась, а ноги отказывались его держать.

А потом из темноты выступили разбойники с самым разнообразным оружием — от привычных мечей и кинжалов до шипастых хлыстов и палиц, с отходящими от железного наконечника цепями, с концов которых свисали тяжёлые шары.

Впереди бойцов шагали лучники. Сзади полукругом отряд головорезов окружали маги. Всего вторгнувшихся к Ангелам с намерением порубить их светлые головы врагов было больше полусотни.

Против семерых. Нет, шестерых — Хаарт был не в состоянии сражаться. Или пятерых? У Змейки было лишь её зеркало, отражавшее заклинания. Если только заклинание попадёт на поверхность зеркала. Маленького зеркальца. А что могли Ивор и Тэллар против магов? А с рук Сельмы польются ручьи крови, стоит ей черпнуть из себя слишком много энергии. А ей придётся.

Лучники пустили град стрел. Большую часть сжёг Эйдан, но ещё часть упала, ударившись о невидимую стену. Пальцы Сельмы плохо гнулись, поэтому она сорвала повязки с рук зубами, и вокруг рта остались следы крови. Что-то щёлкнуло в голове волшебницы, она прошептала заклинание, и из седельной сумки взметнулся в воздух и лёг в её окровавленную руку жезл, увенчанный четырьмя камнями.

— А, к чёрту! — вдруг сказал Тэллар и выбежал из-за укрытия. Ивор кинулся за ним. Грифон и Сокол встали рядом с остальными Ангелами. И они почти не удивились, когда услышали, что Хаарт, вычерпав до дна остаток сил, собрав волю в кулак, поднялся и подошёл к ним.

Ангелы встали, чтобы биться насмерть.

На какое-то мгновение разбойники во главе с Коддаром и Рахиной и маги позади них дрогнули. Семеро отчаянных храбрецов стояли перед ними, отлично сознавая, что впереди смерть. Но они стояли, и твёрдая решимость читалась в их горящих взорах.

Маленькая, хрупкая, но непоколебимо храбрая девушка с вьющимися волосами, развевающимися по ветру, сжимающая зеркало в слегка дрожащих руках.

Однорукий худощавый калека со страшными шрамами, испещряющими лицо, но по ладони единственной руки которого пляшет огонь, бесспорно признавая своего повелителя.

Двое плечом к плечу стоящих воина с мечами наизготовку. Первый, светловолосый, улыбается так насмешливо и весело, будто не ему сейчас умирать. Лицо второго исполнено решимости и мужества. В его руках не обычный меч, а белый, почти светящийся во тьме, играющий жёлтыми бликами драгоценных камней на рукояти.

Юноша, который по всем законам должен без сознания пасть на траву, но всё-таки держащийся на ногах, вздымающий в руках абсолютно чёрный меч. Лицо, потное от усилий и лихорадочного жара, освещает отвага и внутренняя сила.

Словно вышедшая из легенд эльфка с великолепным луком, на тетиве которого трепещут, готовые взлететь, чтобы нести смерть, три стрелы. На бледном гордом лице изумрудами сверкают раскосые нечеловеческие глаза.

Волшебница с короткими рыжими волосами, трепещущимися на ветру. Как у святой мученицы с ладоней, будто держащих божий скипетр, капают частые крупные кровавые капли, и как у жестокого монстра из подземных глубин глаза горят ледяным огнём, а рот измазан кровью несчастных жертв.

Враги их дрогнули. Но лишь на мгновение. А затем бросились вперёд.

Лучники, видя, что два мага творят с их стрелами, решили на дальнюю атаку времени больше не терять. Они отбросили луки и арбалеты и выхватили оружие ближнего боя, и все разбойники с диким рёвом понеслись на Ангелов.

Столб разъярённого пламени пополз им навстречу, разрывая ночной мрак. Бандиты, бежавшие в первых рядах, загорелись и истошно завопили. Те, кто был позади них, отступили, не желая повторять судьбу своих сотоварищей.

Полетели стрелы, пущенные из волшебного лука Аерис. Сначала три, затем пять, и восемь разбойников грохнулись замертво.

Раздались хлопки — это маги переместились из задних рядов вперёд. Головорезы стали отступать назад. Поплыл новый столб пламени от Эйдана, но его затушили стремительные водяные струи. Полетели стрелы Аерис, но в полёте ещё вспыхнули огнём и упали на землю огарками. Один маг рухнул — Ивор метнул в него свой нож. Чародеи вскинули руки и как один отправили в Ангелов столп заклинаний.

Ведомая неизвестной силой, Змейка выставила зеркальце перед собой, и ладони её вновь вспыхнули ярким светом. Но теперь свет образовал огромный щит перед Ангелами, и заклинания со страшными звуками ударились о щит, отразились от него и понеслись с ещё большей скоростью в своих создателей. Змейка пошатнулась, свет померк, но Ангелы загородили её.

Пользуясь замешательством чародеев, Эйдан направил на них бушующее пламя. И вдруг из завесы огня с диким криком выбежал человек. Был ли он мужчиной, женщиной, молодым или стариком, определить было невозможно — он горел. Но с криком "За Илену!" кинулся он к Сельме, желая заключить её в смертельные объятия.

Ронки бежал, кричал и напоролся на меч Хаарта, выступившего вперёд. Пламя лизнуло рыцаря, но не причинило вреда. А чёрный меч, хлебнув крови и смерти, вспыхнул

страшным дьявольским пламенем. Больше не было ни слабости, ни боли. В Хаарта влили новую силу. И Ангел Смерти двинулся убивать.

Сельма в то время вскинула жезл. Ей не была ещё открыта его сила. До сих пор, что бы она ни делала, жезл не отзывался ей. Но теперь он просто не мог молчать. Четыре камня засияли великим огнём, и силы четырёх стихий вырвались наружу. Это была внешняя сила, не внутренняя, какую Чародейка черпала из себя для своих заклинаний, и отчего медленно, но верно в ней угасала жизнь, утекая кровью сквозь раны на ладонях. Взбушевались ветер, огонь, вода, земля.

Прорвавшись сквозь нестройные и верно редеющие ряды паникующих магов, Ивор и Тэллар схватились с разбойниками. Запели мечи, рекой полилась кровь. Они бились и знали: если их атаковали, значит там, за стенами города, и на Джару с Сунор тоже напали. И они сражались с ещё большей яростью, будто количество убитых ими головорезов здесь, у ворот Ветельса, сможет помочь Джаре там, внутри.

И тут амулет на груди Тэллара завибрировал. Белые крылья вспыхнули светом, и для Сокола время потекло медленнее. Но для его врагов он стал молниеносно быстрым, настолько, что почти нереально было различить чётко его удары, а уж парировать их и вовсе невозможно. Замелькали руки, заблистал клинок. Даже Ивор чуть отступил, наблюдая за ураганом, звавшимся Сокол, которому его артефакт открыл свою силу.

Змейка отошла в сторону и рухнула на траву. Поверхность зеркальца потускнела, но у неё ещё оставались силы. Собрав последние их крупицы, она подарила свет Ангелам, чтобы разум их не застила ярость, а крылья и корона поддерживали изнутри.

Аерис повесила волшебный лук за спину, и его энергия грела и поддерживала полуэльфку. Она взмахнула руками, и поднялся дикий ветер, безумный, безжалостный, но безропотно подчиняющийся Ангелу.

Эйдан поливал врага струями пламени и сам был огнём. Сознание очистилось от ненужных мыслей. Существовали только враги, окружившие их сплошным кольцом, и пламя, которым нужно было их сжечь. Полетел очередной огненный шар, и вдруг перстень на пальце Эйдана завибрировал, рубин вспыхнул на миг, и новая струя пламени, сорвавшись с руки мага, не полетела во врага, а преобразовалась в подобие человеческой фигуры. Страшный слуга, слепленный из огня, простёр красно-золотые ручищи, лижущие воздух обжигающими язычками, и стал поливать вражьих чародеев огнём. Те стали поспешно ставить защиту, но некоторых пламя поглотило, и они побежали, вопя.

А потом разом раскрылись порталы, и на поле страшной битвы оказалось ещё десятка три магов. Они до последнего не верили, что их помощь может понадобиться, считали, что друиды просто спятили, требуя от Дамрафа отправить новых чародеев в подкрепление. Но теперь они оказались в самой гуще битвы и немедленно вступили в бой.

Ангелы теряли силы. Они отступали и сгрудились вокруг потерявшей сознание Змейки. И тут снова засверкали диски порталов, и на поле брани возникло около двадцати чародеек. К сердцам героев верный путь нашло отчаяние. Теперь им точно не выстоять. Но вновь прибывшие чародейки почему-то стали атаковать их врагов.

— Это чародейки Аяллы! — воскликнул Хаарт, разя своим мечом, который прорезал плоть, словно мягкое масло, и рубил надвое вражье оружие, будто оно было из бумаги. — Похоже, они за нас!

— Надо бежать! — вскрикнул Ивор, сыпля яростными ударами.

— Нам некуда бежать, мы окружены! — также криком отвечала Аерис, стараясь перекричать шум ветра, завывавшего в аккордах оды смерти и отчаянной, безрассудной храбрости.

А на груди Тэллара снова забился, словно в дрожи, его амулет, будто о чём-то напоминая. О чём-то важном, от чего зависели их жизни, а он, Сокол, взял и забыл…

Взгляд Йоланта обратился на Тэллара… "Ангел Трёх Сил", — произнёс царь нерейев…

— Я конченый идиот! — проорал Сокол, и в то же мгновение шестеро Ангелов исчезли.

Когда они переместились в Ветельс, Джара и Сунор были опутаны магическими сетями, а подле них стоял один из магов Ордена Луны и бледная девушка в длинном балахоне.

Ивор почти сразу признал в ней одну из друидок. Чародей растерялся и даже не сразу сообразил ударить заклинанием. А когда сообразил, было уже поздно. В него одновременно летели стрела, огненный шар и тонкая извилистая молния.

Зельда попятилась, вытянув руки. Среди каменных стен и улиц города она была не больно-то сильна, а магов Дамрафа вокруг не осталось. Аерис натянула новую стрелу для друидки, но тут тишину разорвал вопль Джары:

— Не тронь её!!!

Ангелы повернулись к Бестии (Эльфийка продолжала держать Зельду на прицеле), и над тёмной улицей пронёсся вздох.

— Джей! — вскрикнул Ивор и кинулся к девушке.

Путы уже пропали, и Сунор с Джарой поднимались на ноги.

— Ив, молчи! — рявкнула наёмница. — Подумаешь, новая причёска…

— Ты хочешь её пощадить? — спросила Аерис, готовая спустить тетиву в любой момент.

— Нет, — огрызнулась Джара, уперев ногу в грудь мёртвого чародея и выдёргивая свой кинжал. — Я её сама убью.

XIII Повелители Стихий

Небо Таэрии медленно светлело, но над руинами неизменно оставалось тягучим, чёрным, с серыми разводами густых тяжёлых туч. Яркое пятно горело точно над центром тадорских развалин: вокруг сферы Книги, заполонившей всё небо, лихо крутились слепящие ленты света. Под сферой, воздев руки кверху, стояли восемнадцать друидов. Они говорили со своими повелителями, молились им, воздавали им хвалу и просили подождать — ещё немного, и их сестра Зельда вернётся с восемью артефактами и Ангелом-Ключом. Тогда распахнётся ловушка, и Повелители Стихий вновь получат власть над миром. И грянет Час Гнева…

Между глыб, осколков зданий и вывороченных деревьев гулял холодный, пробирающий до костей ветер. Быстрые, сильные потоки воздуха взметали и заставляли трепыхаться спутанные волосы и полы длинных одеяний друидов. Бледные лица были искажены безумной маской, скулы свело от напряжения.

Вдруг воздух заволновался, точно морская гладь, и предрассветный сумрак разорвала вспышка. Когда всё улеглось, на земле в полмили от руин Тадора стояло девять Ангелов.

— Охренеть можно, — сглотнув, вымолвил Тэллар, глядя на чёрное небо, воронкой крутящееся над развалинами, дымчатую тёмную сферу Книги прямо под ним и вихрастые ленты, с бешеной скоростью описывающие её диаметры.

— Миерна, — сдавленно шепнула Джара, увидев фигурки друидов, с руками, простёртыми к небу. То ли от лихого холодного ветра, то ли от чего-то другого, глаза Бестии заслезились. — Быстрее! — уже громче сказала она. Болели раны на спине и бедре, заново кровоточившие; раздирало невыносимой болью ладонь, полностью ожёгшаяся кожа которой почернела и слезала сгоревшими пластами. Джара только подумала, что хорошо, что схватила косу левой рукой, правой всё-таки удобнее кинжал держать…

Ангелы побежали вперёд. Ивор подхватил Змейку, еле стоявшую на ногах. Хоть Змейка и весила немного, нести её было тяжело: в плечо Грифона ещё в самом начале битвы попала стрела. Он выдернул её и помчался в бой, в горячке битвы забыв о ране. Выдернул, как оказалось, неудачно, и осколок стрелы остался внутри. Кроме того, бандитам удалось несколько раз достать его мечами, и раны сочились кровью.

Хаарт подбежал к нему и без слов взял у него девушку. Ивор только кивнул. Эйдан стиснул зубы, но смолчал. Он нести Змейку не мог.

— Проклятье, только бы успеть! — Джара сверлила глазами круг друидов, из последних сил сдерживавших рвущееся безумное буйство стихий наружу. Если бы Зельда не предала своих братьев и сестёр, бремя каждого было бы на чуточку легче… Почему же она так поступила? Как Дамраф только согласился с её бредом и послал своих чародеев за головами Ангелов? Времени об этом думать не было…

Более-менее целы и невредимы были только Сокол, Хаарт и Сунор. Вдобавок к Джаре и Ивору, которые бежали, оставляя за собой кровавый след, и Змейке, которая передвигаться не могла вообще, Аерис была ранена стрелой в левую ногу и бежала, сведя зубы до судороги и прихрамывая, а правую руку ей обожгло огнём; у Сельмы снова исходили кровью ладони, Чародейку мучила слабость, и она бежала, то и дело припадая на колени и шатаясь, однако Тэллару поднять себя не дала; Эйдану пальцы его единственной руки от огромного количества пропущенной через них энергии свело судорогой, и они неестественно выгнулись, а на боку рубаха была разодрана, и по ткани сочилась кровь — какой-то отчаянный головорез бросил свой меч в Эйдана, да не попал, куда метил, и клинок лишь проехался по левому боку мага.

Ангелы добежали до руин, и чёрное небо сомкнулось над ними. Ветер среди развалин, казалось, носился ещё пуще, свистел ещё громче. Ленты, крутившиеся вокруг сферы, то и дело вспыхивали молниями, и глаза слепило. Друиды вдруг как один опустили руки и повернулись к Ангелам. Все мускулы до единого на лице у каждого из друидов были напряжены до предела, но на губах играли улыбки, и от этого лица превратились в нелепые и пугающие маски.

Ангелы, почувствовав неладное, остановились в нерешительности. Все, кроме Джары.

— Миерна! — выкрикнула она.

Сердце Сельмы охватила тревога. Волшебница нахмурилась.

— Джара, подожди… — сказала она и потянула руку к девушке, чтобы схватить её за плечо, но непослушные пальцы сомкнулись в воздухе.

— Джей, стой! — Ивор хотел было удержать девушку, но тоже не успел.

Джара кинулась к друидам. Из их круга навстречу Джаре вышла Миерна. Взгляд у неё был дикий, ветер разметал волосы в разные стороны, и она тянула руки к Бестии, чуть наклонив голову и скалясь в ужасающем подобии улыбки.

Джара резко притормозила и оцепенело уставилась на Миерну. Теперь уже и она поняла, что с друидами было что-то не

то. Они выглядели безумцами. Но не такими, каким был Эйдан, который словно вернулся в детство. Нет, такие потеряли разум и оттого могли пойти на всё, что угодно, не задумываясь ни на секунду.

Хаарт бережно опустил Змейку на землю, и все три парня подняли мечи наизготовку. Эйдан и Сельма приготовились творить чары, Аерис натянула лук.

— Миерна… Что с тобой?… — пробормотала Джара.

Миерна молча шла к ней, и девушка попятилась. Ангелы подались вперёд, чтобы защитить Джару, но тут Миерна резко выпрямилась, растопырила пальцы, и Джара вся содрогнулась и издала звук, будто её сейчас вывернет наизнанку. Но вместо того девушка рухнула на колени и уронила голову на грудь.

Ангелы не замедлили ответить: Аерис пустила стрелы, Эйдан и Сельма ударили заклинаниями, взгляд Сунор вспыхнул белым светом. Но их действия пропали втуне: со сферы пролилась дымчато-серая завеса, стрелы, ударившись об неё, упали, заклинания попросту исчезли. Завеса растворилась.

Ивор, Тэллар и Хаарт мгновенно сорвались с мест, на ходу размахиваясь мечами, но Миерна, а вслед за ней остальные друиды, подняла руки, и парней сбило с ног.

Джара кое-как собрала силы, подняла на Миерну затуманенный от боли взгляд и заворочала языком:

— Миерна… что?… почему?…

Ангелы попытались снова атаковать друидов, и вновь напоролись на какую-то неодолимую преграду.

Миерна воздела руки и зычно, напевно проговорила:

— Во славу великих Повелителей Стихий! Близится Час Гнева!

— Вот непруха! — в сердцах сказал Тэллар.

Друиды делали какие-то пассы руками и восхваляли своих богов. Понятно было, что ещё несколько мгновений, и они ударят, и от Ангелов останутся одни головёшки.

Ивор поднялся с земли и хотел было шагнуть к Джаре, чтобы заслонить её, как вдруг что-то задержало его за штанину. Он торопливо обернулся.

— Ивор… — сказала Змейка слабым голосом, но взгляд её был ясен и пронзал насквозь чистым светом.

Грифон готов был поклясться, что в районе лопаток вспыхнули жжение и зуд и растеклись по позвонкам, а потом из-под кожи спины словно что-то вырвалось наружу… крылья… и над головой возникло что-то нестерпимо сияющее… корона…

Он больше не думал. Он только делал то, что подсказывало сердце.

Ивор коснулся кончиком волшебного меча груди Змейки. Лезвие вспыхнуло белым светом, а к лицу девушки на глазах прилила кровь, растворилась нездоровая бледность. Змейка вскочила на ноги, выхватывая своё зеркало.

Сверху в Джару ударил столб невидимого света. Она воспрянула и чуть не закашляла, как будто долго была под водой и наконец вынырнула на поверхность, жадно глотнула воздуха.

И в тот момент, когда друиды ударили в них силами четырёх стихий, за спинами Ангелов распахнулись незримые крылья, над головами воссияли невидные глазу короны. Джара встала прямо напротив Миерны, а позади неё стояли остальные восемь Ангелов, и волшебные артефакты их наливались древней силой.

Джара плохо запомнила, что было дальше. Она только ощутила, как в неё вливается невообразимая мощь, наполняет собой всю её сущность, а потом срывается с кончиков пальцев лучистыми столбами энергии и бьёт в Миерну, а та, простерев руки, ударяет в Джару стихиями огня, воды, земли и воздуха, и позади неё стоят друиды и подпитывают её своими силами.

И как много веков назад Альянс Ангелов вступил в битву не на жизнь, а на смерть с племенем друидов, и ставкой в той битве было равновесие, спокойствие и само существование целого мира.

А потом был мрак, и свет, и волны разрывавшей воздух энергии, и вопли, носившиеся над развалинами Города Солнца, и бесполезные слова, и слёзы, захлёбываясь которыми, Джара убивала Миерну и последних на земле друидов…

Ивор подбежал как раз тогда, когда Джара, охнув, стала заваливаться назад. Она упала ему на руки.

Между глыб, осколков зданий и вывороченных деревьев гулял холодный, пробирающий до костей ветер, и Ангелы, тяжело дыша, жадно подставляли под него взмокшие лица.

— Она как?… — тихо спросил Тэллар, подойдя к Грифону.

Джара опять охнула, осторожно встала на ноги, высвободилась из объятий Ивора. Ветер трепал её короткие, как у мальчишки, волосы, а она трясла головой и жмурила глаза, стараясь избавиться от тёмных кругов, туманивших взор.

— Я в порядке, Сокол, — произнесла она.

Ангелы окружили её, глядя на неё с беспокойством, и она усмехнулась.

— Я правда в порядке!.. Здорово же вы в меня сил накачали… — Она вытерла здоровой рукой мокрые полосы с щёк, а потом задрала голову, щуря глаза.

— Теперь надо с этим разделаться, — сказал Тэллар, тоже поглядев наверх.

— Только как? — спросил Эйдан. Он повернулся к Змейке, ожидая от неё очередного просветления. Но та молчала.

— Дай руку, — негромко молвил Ивор, коснувшись плеча Джары.

Она повернулась к нему, удивлённая. Ивор ласково взял её за запястье левой руки и положил на обожжённую ладонь плашмя свой белый меч. Джара ожидала боль, но боли не было. Вместо того блаженная прохлада, а затем лёгкий зуд. Ангелы изумлённо вдохнули: на их глазах ожог Бестии заживал, отпадала сожжённая кожа, розовела новая. Когда Ивор отвёл меч, на ладони не осталось даже шрамов. Все недоумевали и поражались. Никто не заметил, как покачнулся Ивор. Грифон скользнул взглядом поверх голов, и тут его глаза встретились с бездонно-чёрными глазами Сунор. Её взгляд пронизывал насквозь. Ивор понял, что она *знает*.

Ангел Жизни, — сказал голос Сунор в его голове.

Молчи, — мысленно попросил её Ивор.

Она отвела взгляд.

Ивору стало не до неё: Джара кинулась ему на шею.

— Ив, как ты это сделал? — воскликнула она.

— Сила артефакта? — догадался Эйдан.

— Или твоя *внутренняя* сила? — спросила более проницательная Сельма.

Ивор неопределённо пожал плечами. Мол, сделал по наитию, а что и как не знаю.

Когда первые Небесные Воины приняли дары нерейев и ангелов и использовали их в борьбе против друидов, две разные силы смешались и стали неотделимы. Крылья и корона неразрывно связаны с артефактами, — вспомнились ему слова нерейев. Может и так…

Ивор поочередно касался ран каждого из Ангелов — и останавливалась кровь, заживали ожоги, раны затягивались до тонких ниточек шрамов, приливали новые силы, быстрее текла кровь, расцветали на щёках розы здорового румянца, появлялась бодрость, и никто из Ангелов — кроме той, что подчиняла мысль, — не знал, что Ивор отдаёт им *свою* жизнь.

Потом Джара вновь ощутила зов своего артефакта, кинжала, державшего ловушку захлопнутой, двери Измерения запертыми. Она встала точно под центром сферы, которая, казалось, с каждой секундой всё разрасталась, опускалась ниже, а светящиеся ленты вокруг неё вспыхивали чаще и носились быстрее. Усилился ветер. Ангелы окружили Джару, и она опять почувствовала, как исходят из артефактов волны силы и передаются ей.

Сердца Ангелов бешено стучали, и исчезли все мысли, кроме

одной, такой яркой, что от неё будто звенел воздух.

Вот мы и пришли. Это случится сейчас. Мы либо уничтожим Книгу и богов, либо… либо больше не будет ничего и никогда.

Незримые крылья подняли Ангелов в воздух, унесли под чёрное небо. Полыхнула вспышка. Сфера, будто огромное живое существо, тяжело вздохнула. Пропали носившиеся вкруг неё ленты, осыпавшись искорками на холодную землю. А над руинами Тадора осталось только чёрное небо и чёрный шар Книги.

Глаза резало нестерпимой яркостью, и Джара никак не могла заставить себя разомкнуть веки. Воздух вокруг был сухой и горячий, и ноздри обжигало при каждом вдохе.

— Что за чертовщина?… — услышала Джара голос Тэллара.

Она наконец открыла глаза и увидела линии кричащих оттенков красного, жёлтого, синего, зелёного, фиолетового. Линии изрезали всё пространство вокруг и были такого яркого цвета, что излучали собственное сияние. Глаза заслезились.

Ангелы находились в странном помещении, стены, потолок и пол которого и испещряли слепящие линии. Странность его, кроме «покраски», заключалась ещё и в том, что оно постоянно было в движении: цветные линии змеились в разные стороны, сползали со стен на пол, вспрыгивали с пола на потолок, стекали сверху вниз. Сами стены отодвигались назад, придвигались ближе, крутились вокруг своей оси, кренились вбок. Потолок становился то непомерно высоким, то вновь опускался, а потом снова взмывал вверх и пропадал где-то в беспросветной тьме. Один пол вроде был неподвижен. Впрочем, о том нельзя было судить с полной уверенностью: бегущие по нему разноцветные струйки линий создавали впечатление движения.

Джара ругалась неприличными словами тихо, Ивор в голос, Тэллар очень громко. Аерис, нахмурив светлые брови, молча осматривалась. Эйдан осторожно касался стен пальцами, что-то бормоча себе под нос. Сзади него стояла Змейка, озираясь вокруг. Сунор морщилась так, будто слышала скрежет ногтя по стеклу. Она вцепилась в Хаарта, а рыцарь, вытянув меч, хмуро оглядывал уму непостижимое место, куда их угораздило попасть. Сельма водила руками по воздуху, чуть прикрыв глаза.

— Где мы? — тихо спросила Змейка.

— Полагаю, это Измерение-ловушка, — ответил Эйдан. Он повернулся к Змейке и коснулся её щеки. — Не бойся, ангел.

— Я не боюсь, — всё таким же негромким, но твёрдым голосом сказала она.

— Охренеть можно! — воскликнул Тэллар и неуклюже

замахал руками, потому что стена, к которой он собрался было прислониться, стремительно поехала в сторону, и Сокол упал бы, не подхвати его Ивор. Тэллар грязно выругался.

— Я думал, нам нужно будет уничтожить Книгу, и всё, — сказал Грифон.

— Это нам и нужно сделать… — отозвалась Джара, и тут все, испуганно вскрикнув, резко пригнулись: потолок чуть ли не обрушился на их головы, но точно над их макушками замер и полетел обратно вверх.

— Как мы уничтожим Книгу *изнутри*? — спросил Хаарт.

— На эту тему можно пофантазировать, — хмыкнул Эйдан. — Если ты внутри здания, можно просто всё там взорвать к чёртовой матери, шаровой молнией или ещё чем…

— И взорваться самому? — перебил Сокол. — Что-то меня такое положение дел не устраивает!

Он вытер с щёк тоненькие мокрые следы слёз. Глаза слезились у всех.

— Эти линии меня раздражают, — буркнул он.

— Это ничто в сравнении с главной проблемой, — хмуро сказала Джара. — *Что делать?*

— Идти, — ответил Ивор. — Когда эти стены крутятся, надо перебежать в соседнее помещение.

— Он прав, — поддержала его Аерис. — Не торчать же тут.

— Да! — вдруг подала голос Сунор. — Давайте скорее уберёмся отсюда, здесь невозможно находиться…

— Горло пересохло, — согласился Тэллар, проводя языком по сухим губам.

— Да я не про то! — взвизгнула Сунор. Её лицо было искажено напряжением и мукой. — Здесь *ужасно*… Я слышу… этот шум…

Джара сдвинула брови и подошла к ней ближе.

— Какой ещё шум? Я ничего не слышу. — Она обернулась к остальным Ангелам, но те только покачали головами и развели руками — для них никакого шума также не существовало.

Сунор не ответила, только прижала к вискам пальцы.

— Полагаю, здесь может быть только одно объяснение, — произнесла Сельма. — Она слышит мысли.

— Чьи мысли? — не понял Тэллар.

— Она в диадеме, — напомнила Чародейке Бестия.

— Значит, эти мысли настолько сильны, что прорываются даже сквозь защиту диадемы. В конце концов, это же их обиталище…

— Хочешь сказать, она слышит мысли богов?! — поразился Ивор.

— Интересно, и о чём же они думают? — поинтересовался Тэллар.

— Неудивительно, что ей так плохо, — произнёс Эйдан. — Боги ведь потеряли разум, и она слышит мысли сумасшедших божеств… Вряд ли в этом есть что-то приятное.

Сунор уткнулась лицом в грудь Хаарта, и он положил руку ей на плечо.

— А если она снимет диадему… — начала Сельма.

— Всё, — отрезала Джара. — Хватит обсуждений, мы не на собрании.

— Да, мы спасаем мир, надо отнестись к этому серьёзно, — вставил Тэллар.

Джара бросила на него яростный взгляд.

— Остался только один вопрос, — сказала она. — Здесь четыре стены, и они, возможно, ведут в разные помещения.

— Надеюсь, ты не хочешь предложить разделиться, — нахмурилась Сельма. — Нам лучше быть вместе, Джара.

— Только на время. Все уйдут в разные помещения, но через пять минут возвращаемся сюда и решим, куда пойдём. — Она обвела всех взглядом. — Эйдан, пойдёшь со Змейкой. Хаарт с Сунор. Сельма с Ивом, Аерис с Тэлларом. Распределяйте себе стены.

— А ты? — стали спрашивать её.

Джара взъерошила волосы.

— Я себе другой маршрут выбрала. — Она взглянула наверх. — Кое-что заметила, когда этот потолок опускался. Только надо сначала кое-что проверить…

Она вытащила свой кинжал и воткнула в стену. Он вошёл в неё по самую рукоять. Линии сначала, будто испугавшись, разметались прочь в разные стороны, на миг обнажив пугающе-чёрную пустоту. В следующую секунду они уже облюбовали поверхность стены вокруг кинжала и кружились разноцветными спиралями, от которых рябило в глазах. Джара подёргала кинжал — он засел прочно. Чтобы вытащить, пришлось приложить немало усилий. Когда лезвие вышло, Джара удовлетворённо кивнула.

— Ты что задумала? — спросил Ивор с тревогой в голосе. — Джей…

— Не волнуйся, Ив, — перебила она его с улыбкой. — Не пропаду.

Тут стена за спиной Эльфийки одним концом ушла назад, другим выдалась вперёд, и Тэллар увлёк Аерис в темень по ту сторону. Стена прокрутилась вокруг своей оси и снова встала неподвижно.

— Удачи, — шепнула Джара.

Одновременно в поворот ушли две другие стены.

— Не забывайте: встречаемся через пять минут! — крикнула она Эйдану со Змейкой и Хаарту с Сунор, прежде чем они исчезли.

Джара взглянула наверх. Потолок пополз к ним.

— Моя очередь, — весело сказала девушка.

Ивор хотел что-то сказать, но не нашёл слов. Джара поднялась на цыпочки и потрепала ему волосы.

— Говорю же, Ив, со мной ничего не случится! Не имею на то права.

— Будь осторожна, — молвила Сельма.

— Обязательно, — пообещала Джара.

— Так я и поверила, — проворчала в ответ на это Чародейка.

Джара издала смешок, и тут потолок осел вниз, и Ангелы бросились на пол. Джара тут же перевернулась на спину, вытащила два своих меча и воткнула их до самой гарды в потолок. Несколько секунд ничего не происходило, и три Ангела лежали, тяжело дыша, среди крохотного царства разноцветных линий. А затем потолок резко устремился вверх, Джару подхватило, и она, руками крепко обхватив рукояти мечей, а ногами упершись в потолок, унеслась в непроглядный мрак.

— Чертовка, — в сердцах сказал Ивор, когда они с Сельмой поднялись на ноги.

Чародейка не успела ему ответить, потому что последняя стена стала прокручиваться, и они с Грифоном скользнули в открывшееся пространство.

Линии на стене сложились в ухмыляющуюся гримасу, а потом всё кануло во тьму.

— Но так не должно было быть! — с негодованием воскликнул Тэллар. — Это нелогично!

— Ты ожидал логики от сумасшедших? — скептически спросила его Аерис.

Они вдвоём стояли посреди зелёной поляны, и вокруг на мили не было даже намёка на какие-нибудь крутящиеся стены или разноцветные линии. Над поляной низко висело тёмно-голубое небо, по которому быстро проносились молочно-белые облака, отбрасывая на землю тени.

— Аерис, как ты можешь быть такой спокойной! — взорвался Сокол.

Полуэльфка пожала плечами и положила на тетиву лука стрелу. Тэллар вздохнул, поудобнее перехватил свой меч, коснулся амулета. По крыльям проходили волны мелкой, едва

заметной дрожи.

— В какую сторону пойдём? — спросила Аерис.

— Меня больше беспокоит другой вопрос! — нервно сказал Тэллар. — Каким образом мы через пять минут вернёмся в ту проклятую комнату?!

— Не нервничай, Сокол, — мягко произнесла Эльфийка. Она подняла лук так, будто собиралась выстрелить, но вместо того с рогов лука, зажегшись искрами, потекли волны света и, встретившись на середине рукояти, точно у того места, где торчал наконечник стрелы, сорвались белым лучом вперёд.

— Чёрт, я совсем об этом забыл, — проворчал парень. — Только вот к кому из наших приведёт твой лук?

— Разница? — осведомилась Аерис и пошла в направлении, какое указывал её лук.

Тэллар пробурчал себе под нос что-то невразумительное о несносных полуэльфках и потопал следом за ней. Они шли так какое-то время, когда Аерис вдруг резко остановилась, и Сокол, который шагал точно сзади неё, чуть не впечатался в её спину.

— Эльфийка! — гневно воскликнул он.

Аерис обернулась к нему. Лицо её было обеспокоено. Она подняла голову. Тэллар сделал то же самое и чертыхнулся.

— Разрази меня гром, если эти облака не опустились ниже!

Словно в ответ на его слова из неба ударили в землю несколько молний, оставляя на траве чёрный дымящийся след. Тэллар снова выругался.

— Что делать будем, Эльфийка? Стрелами тут не поможешь, по-моему…

Вздрогнул его амулет, и Тэллар, обхватив Аерис, отпрыгнул в сторону. В место, где только что стояли Ангелы, ударила молния. Тэллар вскочил и помог полуэльфке подняться. Луч, исходивший из лука, пропал. Аерис собиралась снова спросить у артефакта направление, но из амулета Сокола уже змеилась серебристо-белая дорожка.

— Побежали! — крикнул он, и они помчались вперёд.

Молнии били по их следам, ударяли сбоку и перед ними, но мгновенная реакция и нечеловеческая быстрота Тэллара помогали им избежать испепеления.

Равнине, казалось, не будет конца.

Вдруг налетел сильный ветер и сшиб их с ног. Тэллар с Аерис покатились по изумрудной траве. Полуэльфка вскочила на ноги и вскинула руки как раз тогда, когда на них нёсся очередной порыв. Потоки воздуха словно замерли, а потом закружились в воронку, тщетно стараясь достать Ангелов. По лбу Эльфийки покатилась капелька пота, но она стояла недвижимо, удерживая ветер,

который с каждым мигом всё нарастал и становился мощнее.

Тэллар поднял с земли лук Аерис, всунул свой бесполезный меч в ножны и встал около полуэльфки, злясь на свою беспомощность.

То, что случилось дальше, произошло так быстро, что они даже не успели ничего понять. Облака осели вниз, Аерис выпустила ветер, и он вихрями закружился вокруг Ангелов, в воздушном коловороте поднимая их вверх. Земля внизу таяла, как дым. Ветер метал их в разные стороны, потом им удалось вцепиться друг в друга.

— Что делать будем?! — проорал Тэллар. В руке у него до сих пор был её лук; он свёл на нём пальцы так крепко, как только мог.

— Держи меня! — крикнула в ответ Аерис и повернулась так, чтобы прижаться спиной к его груди. Тэллар крепко обхватил её поперёк талии. Аерис закрыла глаза и постаралась сосредоточиться.

Ветер бесновался, нося их из стороны в сторону, точно пушинки.

Подчинись мне. Подчинись.

В какой-то момент ветер резко крутанул их, и Тэллара чуть не вывернуло наизнанку. Он едва не выпустил Аерис, но всё же удержал её. Зато пальцы разжались, и волшебный лук улетел в неизвестность. Тэллар заорал благим матом.

И вдруг они остановились. Повисли в воздухе. Ветерок нежно ласкал их лица и мягко поддувал снизу, удерживая в воздухе. Аерис тяжело дышала и вся взмокла.

— Получилось, — устало выдохнула она и взмахнула рукой, чтобы ветер стал чуть сильнее и подул на её разгорячённую кожу.

— Ты молодец! — воскликнул Тэллар и добавил уже тише: — Только твой лук…

— Ничего, — махнула рукой Эльфийка. — Найдём. Твой амулет!..

— Ах, да! — спохватился Сокол и, одной рукой придерживая Аерис, другой коснулся крыльев. От тех отошёл лучик света куда-то вниз.

— Полетели, — сказала Аерис, и ветер понёс их в направлении луча.

Едва Сельма и Ивор оказались по ту сторону стены, на них тут же обрушился поток ледяной воды, а затем до их сознания дошло, что они стремительно летят вниз под струями водопада. В последний момент, у самой кромки бурлящей и пенящейся воды, Чародейка задержала их полёт и мягко перенесла на берег. Ивор

встал на ноги и принялся отряхиваться, Сельма отжимала подол юбки.

— Где это мы? — Он говорил громко, чтобы Сельма могла слышать его сквозь шум водопада.

Чародейка не спешила с ответом.

Ивор огляделся. Бурная река уносила свои воды далеко за границы обозримого. С другой стороны тянулась ровная поляна. Над головой было молочное небо.

— Какое-то это место неправильное… — произнёс он. — Пустое…

Сельма встала, расправила юбку, отжала воду с волос.

— Не думаю, что здесь нам стоит ожидать чего-то привычного, — наконец сказала она. — Не думаю, что здесь вообще стоит чего-то *ожидать*. — Чародейка обвела пространство вокруг руками. — Я когда-то слышала о том, что в древности маги умели создавать измерения, но не представляла это возможным. Боги были заточены здесь тысячу с лишним лет назад, и за это время их сознание перемешалось с сутью Измерения.

— Но тогда они навсегда привязаны к своей ловушке! — воскликнул Ивор.

— Не совсем так, — покачала головой Сельма. — Если двери ловушки распахнутся, Измерение проникнет в наш мир. Высвободятся невообразимые силы…

— И они будут подвластны богам.

— Нет. Если я хоть что-то смыслю во всём этом… Боги и будут этими силами, вернее, их частью. Они едины с Измерением. Страшно представить, что случится с нашим миром, если наступит Час Гнева…

— Что же по-твоему надо делать нам? — спросил её Ив.

Сельма помолчала немного, окидывая взглядом водопад, реку, пустую поляну.

— Зря я поддалась Джаре, — наконец сказала она. — Не стоило нам разделяться.

— Если мы встретим богов… — мрачно начал Ивор. Он посмотрел на волшебницу. — Как ты думаешь, почему они до сих пор не появились и не попытались нас уничтожить?

— Кто знает, что у них на уме. Пожалуй, надо уже возвращаться.

— Но чтобы вернуться в назначенное место, нам придётся забраться туда, — сказал Грифон, указывая наверх, туда, откуда река сбрасывала вниз тяжёлые массы воды. — Ты сможешь поднять нас туда?

Сельма провела рукой по жезлу. Камни заиграли бликами в

ответ на прикосновение.

— Попробовать можно. — Она посмотрела наверх. — Очень надеюсь, что вход находится там же, где и выход.

Сельма взмахнула жезлом, алмаз на нём полыхнул вспышкой. Поднялся ветер. Он обвил воздушными потоками Чародейку и Грифона и подхватил их. Они стали плавно подниматься вверх вдоль водопада, и тут водная масса изменила своё направление, выгнулась дугой и заключила двух Ангелов в бурлящее кольцо. Сельма и Ивор всё ещё висели в воздухе, а потоки воды носились вокруг них, стремительно приближаясь, и в конце концов сомкнулись над их головами, под ногами, скрывая Ангелов внутри водяного шара. Ивор и Сельма в последний момент успели набрать немного воздуха в лёгкие. Толща воды сгущалась и давила всё сильнее. Преодолевая сопротивление воды, Сельма подняла жезл над головой. Ивор крепко обхватил её поперёк талии. Ярко засиял на жезле камень сапфир, и лучи прорезали толщу воды. От шара хлынули волны, затем он взорвался миллиардами брызг, и Сельма с Ивором, мокрые, но получившие возможность дышать, опустились на землю.

Капли и лужицы стремительно потекли к реке и слились с ней. А затем река забурлила ещё сильней, запенилась и вдруг вздыбилась одним концом вверх, к воображаемому небу, и приняла форму громадного змея, сотканного из воды.

— Ох, чёрт, — только и смог вымолвить Ивор.

Водный змей понёсся на них. Они успели прыгнуть в разные стороны, и змей обрушился тяжеленной массой на землю. Вода растеклась во все стороны, и волны подхватили Ангелов и отнесли их прочь друг от друга. Потом вода вновь собралась, на этот раз в двух змеев. Один ринулся на Ивора, но тот встретил его ударом волшебного меча и рассёк водного змея пополам. Потоки воды хлынули по бокам от наёмника и обратились в две лужи. Второй понёсся на Сельму. Волшебница вскинула жезл, и из яркого рубина в змея ударила волна такого сильного жара, что вода тотчас испарилась.

Сельма и Ивор побежали друг к другу, а когда встали рядом, то поняли, что никакой реки больше не было в помине. Вокруг теперь было лишь одно туманно-белое пространство, даже не разделённое горизонтом. Ивор и Сельма придвинулись ближе друг к другу.

— Теперь что? — спросил Грифон. — Как отсюда выбираться?

— И куда, — мрачно добавила волшебница.

Внезапно всё вокруг стало приобретать более чёткие очертания, и вскоре они уже стояли в огромной комнате с серыми стенами и чёрными полом и потолком. Не было там ни окон, ни

дверей, ни каких других отверстий. И тут же неведомо откуда в комнату хлынули потоки воды.

Ивор вскинул меч и рубанул стену. Клинок прошёл сквозь неё, как воздух рассёк. Но несмотря на то стены сдерживали и воду, и Ангелов. А вода поднялась уже по колено. Ни стены, ни потолок не были восприимчивы и к магии Сельмы. Вода набиралась с нарастающей скоростью. Теперь её уровень находился уже у плеч Ангелов.

— Что делать, чёрт возьми?! — вскрикнул Ивор.

Сельма не ответила. Она встала посредине комнаты. Руки её, сжимавшие рукоять жезла, были опущены вдоль тела. Из-под воды прорвались яркие синие лучи, исходившие от сапфира на жезле.

— Встань рядом, — сказала Сельма Грифону.

Она стала медленно поднимать вытянутые руки, и по мере того, как жезл двигался вверх, вода стала расползаться по бокам от Ангелов. В результате вокруг Сельмы и Ивора образовалось свободное пространство, вокруг которого бурлила всё прибывающая вода. Лицо Чародейки, судорожно сжимавшей жезл, было искажено напряжением. Ивор стоял подле неё, не зная, что делать.

— Сколько ты продержишься?

— Пока хватит сил, не знаю! — делая усилие, ответила Сельма.

— Так не может долго продолжаться!

Из неведомых отверстий всё продолжало лить, и толща воды постоянно уплотнялась. Чародейке приходилось сдерживать всё более мощные силы, преодолевать всё большее сопротивление.

— А что ты предлагаешь?!

Ивору пришлось прижаться к ней вплотную, потому что воздушное пространство, не подпускавшее к ним воду, вдруг уменьшилось. По лицу Сельмы градом лился пот. Жезл накалился до предела, но волшебница этого даже не ощущала.

— Я не… — Грифон вдруг осёкся и крикнул: — Отпускай!

— Что?!

— Сельма, отпускай!!! — И он выдернул жезл из её рук.

В то же мгновение потоки воды с шумом схлестнулись над их головами, ударили по ним, обволокли их тела. Сельма плотно сжала губы, удерживая воздух, но она не успела набрать в лёгкие его достаточно, даже чтобы продержаться минуту. Грудь нестерпимо жгло, что-то будто било изнутри по её сомкнутым губам, грудной клетке, разрывалось в голове. Она не выдержала, открыла рот, выдохнула, вдохнула, ожидая, что сейчас наберёт полные лёгкие воды. Потом снова выдохнула. Опять вдохнула.

Ивор смотрел на неё с улыбкой.

— Нерейи! — воскликнула Чародейка.

Ивор кивнул. Он прекрасно слышал, что она говорила, хотя они и были под водой.

— Мы совсем забыли о них посреди всего этого…

Комната была полностью заполнена водой, и Ангелы находились в ней, как рыбки в аквариуме.

— Хорошо, мы не утонем и не захлебнёмся, — сказала Сельма. — Но теперь как-то надо отсюда выбраться!

Ивор подплыл к одной из странных стен.

— С этими чёртовыми стенами надо что-то делать!

Сельма кивнула, и вдруг он заметил, что она смотрит куда-то за его спину. Ивор обернулся. В метрах ста от них сквозь толщу воды виднелись две смутные фигуры, плывшие к ним.

— Вот чёрт, что теперь? Морские чудовища?

— Границы комнаты раздвинулись, — заметила Чародейка. — Той стены теперь вообще не видно.

Они повернулись к стене, около которой только что находились, но и её уже не было. Вообще не осталось ни одной из четырёх стен. Пропали так же и пол, и потолок.

— Это сведёт меня с ума, — произнёс Ивор со смесью удивления и раздражения в голосе.

— По-моему, в этом Измерении достаточно сумасшедших без тебя, — сказала ему Сельма.

Они вгляделись в приближающиеся фигуры и наконец облегчённо выдохнули, если это можно было сделать под водой.

— Занимаетесь подводным плаванием? — весело спросил Тэллар, когда они с Аерис подплыли достаточно близко.

— Вы-то как тут оказались? — спросил Ивор.

— Да так, прокатились с ветерком, а потом решили поплавать, — отозвался тот.

— Сокол, по-моему, не самое подходящее время, чтобы… — начала Сельма.

— На самом деле мы действительно оседлали ветер и летали в поисках кого-нибудь из вас, — встряла Эльфийка. — Через какое-то время воздух стал становиться гуще и влажнее, и в конце концов…

— …Мы сами не заметили, как оказались под водой, — закончил за неё Тэллар. — Полная жуть, — добавил он выразительно.

— В этом не буду с тобой спорить, — согласился Ивор. — Я никак не возьму в толк, что нам нужно делать в этом проклятом Измерении.

— Ловушка богов находится вне привычных нам

пространства и времени, — принялась рассуждать Сельма. — Поэтому известные нам законы здесь не властны. Нужно понять, как здесь взаимосвязаны материя и сознание… Пространство здесь подвергается постоянным изменениям, из чего следует, что…

Тэллар застонал.

— Чародейка, и так тошно…

— Я думаю, вот что, — отрезала всякие дальнейшие рассуждения Аерис. — Будем действовать уже проверенным методом. — Она кивнула Тэллару.

Тот сразу же оживился, тронул свой амулет, и от него, прорезая толщу воды, засиял тонкий луч. Четверо Ангелов поплыли, разгребая руками тёмную воду.

Они стояли на чёрной каменистой равнине. Ветер гонял туда-сюда сухие травинки и веточки, над головами низко клубились серые неприветливые облака. Эйдан стоял и окидывал местность взглядом. Змейка стояла чуть позади него, обеими руками держась за его ладонь.

— Это всё ненастоящее, — вдруг сказала она.

Эйдан обернулся к ней. Змейка достала своё зеркальце, посмотрела в него, кивнула и развернула к магу. В отражении Эйдан не увидел ничего из того, что видели его глаза. В зеркале был лишь он сам, а позади простиралось бесцветное ничто. Эйдан поднял взгляд на Змейку.

— Это всё иллюзия?

Змейка окинула взглядом равнину. Эйдан был готов поклясться, что её глаза залучились ясным светом.

— Скорее плод воображения.

Едва она произнесла эти слова, равнина исчезла, и всё пространство вокруг занял серый беспросветный туман. Не было никаких границ, ни земли, ни неба. Абсолютная опустошённость пугала и леденила кровь. Змейка придвинулась ближе к Эйдану.

— Не бойся, ангел, — сказал маг ласково, но его собственный голос чуть дрожал от страха перед неизвестностью и пустотой. — Давай лучше попробуем найти с помощью артефактов путь к остальным. Пять минут, отведённые Джарой, уже прошли.

Змейка кивнула и вытянула зеркальце. Эйдан мог бы и сам отыскать путь при помощи своего перстня. Но для этого пришлось бы высвободить свою руку из руки Змейки, а этого делать ему не хотелось. Он не мог позволить себе её отпустить. А вдруг что-нибудь случится, и она пропадёт? Растает посреди этого тумана, среди этой пустоты?… А так Змейка могла левой рукой продолжать держаться за него, а второй держать зеркало.

С поверхности зеркальца сорвались тысячи тонких лучей, ушедших в никуда. Змейка и Эйдан растерянно посмотрели друг на друга.

— Что это значит? — спросила она. — Зеркало показывает тысячи разных путей!

Эйдан задумался.

— Если всего этого вокруг не существует, то есть в Измерении не существует никаких мест, лишь, как ты сказала, плод воображения — воображения богов, — значит, не может существовать и определённой дороги, ведущей из одного места в другое.

Змейка закусила губу и окинула взглядом сгустившийся вокруг них серый туман.

— Куда же тогда идти?

— Куда глаза глядят, — ответил Эйдан и пожал её пальцы. — Главное, знать, куда идёшь.

Змейка кивнула, и они двинулись вперёд.

— Хаарт, я больше не могу!

Рыцарь обернулся. Сунор рухнула на колени и обхватила руками голову, увенчанную тревожно поблёскивавшей диадемой. Хаарт опустился около неё и обнял за плечи.

— Сунор, вставай.

— Нет, не могу, не могу… — Она согнулась в три погибели, продолжая сжимать голову. Голос её становился всё тише и тише, и в конце концов слова превратились в невразумительные жалобные стенания.

— Сунор, — позвал её Хаарт. Она только замотала головой.

Тогда он всунул свой чёрный меч в ножны и легко подхватил девушку на руки. Она обняла его за шею и уткнулась лицом в плечо, продолжая тихо плакать и что-то бормотать. Так они двинулись дальше по тёмному каменному лабиринту.

Хаарт не знал, куда несут его ноги. И меч, и диадема отказывались указывать направление к остальным Ангелам. Только вспыхивали на один миг и снова тускнели. Рыцарь надеялся, что не всех его спутников постигла такая беда и кто-нибудь отыщет их посреди этого лабиринта. Он пытался отыскать ту самую стену, которая должна была вести обратно в комнату с разноцветными линиями, но, казалось, только ещё больше заблудился. Хотя этого знать было нельзя: все повороты и стены выглядели неотличимо похожими.

Ножны позвякивали в такт ходьбе. Хаарт в который раз задумался о силе, о возможности, которые были даны ему и Ивору. Как именно это случится? Кто это будет? Лучше бы он

сам…

Его размышления прервал яркий столб света, ударивший прямо перед ним откуда-то сверху. Хаарт, щуря глаза, задрал голову и удивлённо вскрикнул. В потолке лабиринта сиял светом круглый проём, и в нём весело улыбался Тэллар.

— Ну как жизнь, рыцарь? — спросил он, свешивая голову вниз.

Хаарт молчал, оторопело глядя на него. В проёме показалась Аерис. Она протянула руки и закрутила кистями. В следующее мгновение вниз спустился ветер, разрывая затхлый воздух лабиринта. Ветер бережно поднял Хаарта с его ношей наверх. Едва рыцарь с Сунор на руках оказался на твёрдой земле, проём, вёдший в подземный лабиринт, исчез, будто его никогда и не бывало.

Хаарт, мало что понимая, оглядывал Сокола, Эльфийку, Чародейку и Грифона. Вокруг раскинулось царство двух цветов: изумрудного — травы, и голубого — неба.

— Как?… — начал он.

— Чародейка, расскажи ему про материю и сознание, — хмыкнул Тэллар.

— Измерение не похоже на наш мир, — заговорила Сельма. Хаарт внимательно слушал её, опустившись на мягкую траву. Сунор приникла к нему всем телом и заметно дрожала. — В нашем мире материя неизменна. Здесь же она непостоянна и находится под влиянием сознания.

— Проще говоря, — с усмешкой перебил её Сокол, — если захотеть, можно изменять Измерение по своему усмотрению.

— Не совсем так, — покачала головой волшебница.

Тэллар махнул рукой.

— К чёрту подробности! Главное вот что: мы плыли под водой, плыли, плыли и вдруг оказались на поляне! Шли, шли, и тут под ногами дыра под землю! Достали Хаарта с Сунор, и дыра исчезла!.. Осталось найти Эйдана со Змейкой и нашу бесстрашную предводительницу, — говорил он со своей неизменной слегка насмешливой улыбкой на губах. Казалось, ничто на свете не могло поколебать его беспечную жизнерадостность. Казалось.

Прямо из-под его ног вырос столб пламени, и только сила амулета спасла Тэллара от гибели в огне. Сокол мощно оттолкнулся от земли и кувыркнулся в воздухе назад. На лице его больше не было улыбки. В тот же момент Сельма вскинула жезл и направила в огненный столб струи воды. Тэллар как раз собирался разразиться страшными ругательствами, как вдруг из земли вырвались сотни языков пламени, взметнулись к

стремительно темнеющему небу, а потом обрушились на Ангелов.

Огромный водный полог укрыл их от всепожирающего пламени. Огонь потух, а вода превратилась в пар. Ангелы приготовились к новой атаке и встали кругом, спинами внутрь. Над головами теперь было абсолютно чёрное небо, а под ногами зашипели угли.

— Ах ты, чёрт! — вскрикнул Сокол, поочерёдно поднимая то одну ногу, то другую.

Угли стремительно накалялись и краснели и жгли стопы. Сельма обрушила на землю новый поток воды, и угли громко зашипели. Из-под ног Ангелов повалил пар.

В одно мгновение вокруг них кольцом выросла до небес стена пламени.

— Отлично, — пробормотал Ивор. — Что делать будем?

Сельма попыталась снова потушить пламя водой, но огненная завеса мгновенно восстанавливалась. Аерис подняла Ангелов в воздух, но стена огня, казалось, была бесконечна. Ангелы снова опустились на землю. Ивор рубанул завесу мечом. На секунду в ней образовалась прорезь по следу клинка, но затем пламя вновь сомкнулось.

И начало медленно, но верно сжиматься.

— Тэллар! — крикнул Ивор. — Попробуй использовать свою силу, не то мы сгорим заживо!

Аерис метнула в Сокола быстрый взгляд. С полуэльфкой они уже поговорили об этом, пока летали по воздуху на приручённом ветре…

— У меня не осталось ни одной из Трёх Сил, Грифон! — ответил он.

— Что? — спросила Сельма. — Как ты использовал её? Когда ты был с Эльфийкой? Что же вы не сказали?

— Я все Три Силы использовал в ночь битвы у Ветельса, — проговорил Тэллар.

— Все три? — удивился Ивор. — Одну, чтобы перенестись к Джаре с Сунор, вторую, чтобы мы все переместились к руинам Тадора, а третью-то?

— Третья была первой, — ответил Сокол. — Помните, что говорила Бестия? Она должна была погибнуть от той молнии, которая спалила ей волосы. Но она успела увернуться немыслимым образом.

— Так это ты… — поражённо начал Грифон.

Тэллар кивнул.

— Он использовал Силу, чтобы уберечь Джару, — сказала за него Аерис.

— Кольцо сжимается! — крикнул Хаарт.

Сунор вдруг очнулась у него на руках. Она оглядела огненную завесу затуманенным от боли взглядом и слабо сжала плечо Хаарта, привлекая его внимание. Когда рыцарь посмотрел на неё, она тихо проговорила:

— Хаарт… огонь…

Сельма резко шагнула к ней.

— Ты что-то поняла? Говори!

— Не так… мысленно…

Чародейка безжалостно хлопнула себя по лбу.

— Я идиотка! — Она взяла Сунор за руку. — Помоги мне.

Все изумлённо вдохнули, когда пламенное кольцо пропало. Пропало вообще всё. Ангелы остались в абсолютно пустом, туманно-сером пространстве.

— Кажется, я что-то начинаю понимать, — пробормотал Ивор.

Волшебница объяснила:

— Измерение это ничто иное как отражение мыслей Повелителей Стихий. Всё, что с нами происходит, делают они.

— Тогда почему бы им просто так нас не убить? — тут же спросил Тэллар.

— Значит, не так-то это просто, — услышали они знакомый голос.

Ангелы обернулись на звук и увидели Змейку и Эйдана, появившихся из-за густых клубов тумана.

— Мы вас нашли! — обрадованно воскликнула целительница. — Где Джара?

— Сами бы хотели знать, — проворчал Грифон.

— Постойте-ка, — снова встрял Тэллар. — Значит, мы можем захотеть, что угодно? Просто подумать об этом, и это здесь возникнет?

Сельма собиралась ему ответить, но ей не дала Сунор.

— Это не мы убрали огонь. — Все повернулись к ней. Сунор выглядела так, будто чувствовала себя лучше. Она попросила Хаарта опустить её на землю — если то можно было назвать землёй — и сказала: — Богов что-то отвлекло.

— Что?… — У Ивора перехватило дыхание.

— Отвлекло? — мрачно повторила Аерис.

— Похоже, они нашли Джару.

Полёт её из разноцветной комнаты вверх был стремительным, но долгим. По всем законам мечи Джары давно должны были под нагрузкой её веса вывалиться из отверстий в потолке, а она сама, следовательно, полететь вниз. Однако потолок всё нёсся и нёсся в какую-то несуществующую высь, а мечи Джары спокойно

держались в нём, пока наконец не высвободились из чего-то, ставшего неосязаемым. Джара поняла, что падает, и тут же поняла, что стоит.

Вокруг царила непроглядная тьма, но под ногами была твёрдая опора. Джара осторожно шагала вперёд, на всякий случай шаря руками перед собой и по сторонам. Она вообще-то хорошо видела в темноте. В обычной. Но для того, чтобы разглядеть что-то во тьме, нужно хоть немного света. Здесь же не было ни мерцания, ни блика, ни искры. Царство кромешного мрака.

А потом вдалеке она увидела маленькое пятнышко света. Крохотное. Джара побежала к нему, и пока она бежала, внутри нарастало странное чувство. Сердце Бестии забилось сильнее, участился пульс, но она знала, что то было не от бега. Потом она стояла перед крохотным пятном света, и лучик бил ей в глаза. И она видела, как…

…между глыб, осколков зданий и вывороченных деревьев гулял холодный, пробирающий до костей ветер. Руины Тадора были видны, как на ладони. Ветер свистел между обломков разрушенных домов, взметал тучи пыли. В вышине над развалинами Города Солнца сгущалась темнота…

…царившая вокруг Джары. Девушка отошла на шаг, глядя на лукаво подмигивающее пятно света. Она протянула руку и наткнулась на что-то холодное. Джара попыталась сглотнуть, но горло пересохло. Пальцы стали ледяными от волнения и чуть дрожали, и она повела ими вдоль рукояти, по резной гарде, по стальному узорчатому лезвию.

Это был её кинжал. Её артефакт. Джара облизала сухие губы. Кинжал чуть подрагивал в ответ на каждое её прикосновение. Теперь Джара наконец могла понять, что ощущали её спутники, когда обретали свои волшебные предметы. Это чувство. От которого захватывало дух. Эту связь. Необъяснимую, но неразрывную. Это знание того, что…

…её кинжал семь веков держал Врата Измерения захлопнутыми — и держит до сих пор. Врата изначально были спрятаны в глубинах Измерения. За годы заточения боги медленно развоплощались, и в конце концов их сознания слились с самой сутью Измерения-ловушки. И чтобы найти Врата, им приходилось глубже и глубже пробираться на дно своих подсознаний. Врата были подобно ускользающим воспоминаниям: когда что-то вертится на уме и не даёт покоя, и кажется, что вот ещё чуть-чуть, и вспомнится… Но каждый раз в последний момент мысль ускользает, утекает, как вода сквозь пальцы. Это сводило богов с ума. Но ирония судьбы была такова, что когда Повелители Стихий окончательно потеряли разум, местонахождение Врат им

открылось. Но кинжал не позволял к ним даже приблизиться. Единственный способ освободиться был в том, чтобы Врата раскрыл Ангел-Ключ. Но Книга была оставлена в Храме, заброшенном посреди мёртвых, покинутых людьми гор. Так боги проводили в заточении день за днём, год за годом, век за веком. Пока их не нашли Эйдан, Ивор и Джара. Поняв, что Книга попала в чьи-то руки — Эйдана — боги стали влиять на его разум. Он стал несоразмерно использовать мощь Стихий, и энергия богов стала потихоньку проникать наружу. Когда её вырвалось достаточно, во Вратах образовалась крохотная щёлочка. Сквозь неё и вырвался смерч, сквозь неё и стало проникать Измерение в мир Джары. Эта энергия, просочившаяся сквозь щёлку во Вратах, и образовала сферу Книги. Щель во Вратах, это пятнышко света…

…всё так же мерцавшее во мраке. Джара провела рукой по лбу, на котором выступили бисеринки пота. Кинжал тускло светился в темноте. Ощущая прилив сил и необыкновенной уверенности в себе (теперь Джара понимала, как действовали Ангелы, когда им раскрывался их дар), она приложила ладонь к пятну света. К щёлочке, разорвавшей преграду между Измерением-ловушкой и целым миром — её миром. Лучи света прорезались сквозь сомкнутые пальцы Джары и померкли. Бестия отняла ладонь от пустоты.

Ангел-Ключ плотно затворила двери.

Теперь единственным, пусть и очень слабым источником света посреди кромешного мрака оставался её кинжал.

Джара глубоко вздохнула, развернулась и вскрикнула. Темноту разорвали четыре ярких пятна, а потом мрак рассеялся, растаял, испарился. Джара стояла в огромном зале с высокими сводами, украшенными замысловатыми рельефами и резьбой. Потолок, который они подпирали, красовался цветной росписью.

Перед Джарой стояло четыре фигуры. Неясные, расплывающиеся, но нестерпимо яркие. Две из них, ало-оранжевая и бело-голубая напоминали мужчин, две другие, тёмно-зелёная и глубоко-синяя — женщин. Джара задышала часто, сделала шаг назад и упёрлась во что-то твёрдое. Это были Врата, материализованные теперь в высокие двойные двери. Пальцы нащупали рельефные узоры. Джара повернула голову и увидела кинжал, воткнутый, как ключ, в бутафорский золотой замок, висевший на огромных ручках.

Джара снова повернулась к четырём фигурам. Они колыхались, как полотнища на ветру. Иногда они становились чёткими, так что Джара могла почти разглядеть черты лиц. Иногда они, наоборот, делались размывчатыми, походя на лужи пролитой краски.

Судя по всему, очам Бестии предстало четверо Повелителей Стихий.

— Они не пускают нас! — Сунор постоянно дотрагивалась кончиками холодных пальцев до камней в диадеме.

Серый туман, будто зловеще усмехаясь, сгустился вокруг них, так что дышать стало труднее. Вокруг не было ничего, кроме того тумана. Ангелы окончательно потеряли ощущение верха и низа.

— Попробуем ещё раз, — твёрдо сказала Сельма.

— А что попробуем-то? — с долей раздражения спросил Тэллар. — Мы стоим как восемь ослов посреди тумана и — *думаем*.

— О да, для тебя это непосильно трудная задача, а, Сокол? — хмыкнула Аерис.

Тэллар обиженно засопел и собрался что-то ответить, но ему не дали.

— Хватит болтать, этим мы Джару не спасём! — оборвал его Грифон.

— Давайте попробую я, — выступила вперёд Змейка. Она вытянула руки и сложила ладони. Маленькая целительница закрыла глаза. Между пальцев засиял мягкий тёплый свет. — Кажется, получается…

Ивор нетерпеливо притаптывал на месте, злясь, что не может помочь.

— Может, попробуем передать ей нашу силу, как на руинах? — предложил Хаарт.

Сельма внимательно посмотрела на него.

— А что, неплохая идея. Давай.

— Что — давай? — спросил Сокол.

— Действуй, — бросила ему Аерис и вытянула руки, в которых держала свой лук, к Змейке.

Ангелы выстраивались в полукруг за спиной девушки и протягивали к ней свои артефакты, сосредотачиваясь и заставляя силу и энергию течь от самого их средоточия через выпростанные руки до самых кончиков пальцев и перетекать к Змейке.

С ладоней целительницы сорвались ослепительные лучи. Сияющими клинками они разрезали серую густоту тумана, бывшего ничем. Клубы тумана расползлись перед Ангелами, спасаясь от яркого чистого света и открывая их взору огромную залу с высокими двустворчатыми дверьми, ручки которых сцеплял большой золотой замок. В замок был воткнут окутанный пеленой тусклого света кинжал, а рядом стояла Джара и собиралась его вытащить…

Разноцветные искры, из которых состояли призрачные пятна, бывшие богами, стали понемногу сближаться, уплотняться, воплощаясь в привычные глазу материальные и (по крайней мере, на вид) осязаемые тела.

Теперь перед Джарой стояли Повелители Стихий, какими они были в начале времён, когда они пришли в Мир и сотворили живых существ, своих детей.

— Настал этот час, — громовым раскатом прогремел голос бога Воздуха. Он был высок и крепок, в бело-голубых одеждах.

— Мы ждали долго, — трескучим, как костёр, голосом говорил бог Огня, темнокожий, жилистый, в красном одеянии, — и теперь Ангелы здесь!

— Открой же Врата, Ангел-Ключ! — грохотом водопада воскликнула богиня Воды, походившая одновременно и на человека, и на нерейю. — И грянет Час Гнева!

— Чёрта с два, — процедила Джара. Ей было страшно, но близость её кинжала, её артефакта, затвора в дверях Измерения, придавала ей бодрости.

— Открой, — просто сказал четвёртый голос, и Джара немедленно пришла к мысли, что это очень разумная идея. Открыть Врата. Она без колебаний взялась за рукоять кинжала, собираясь вытащить его…

…чтобы выпустить на волю безумных богов, позволить энергии Измерения проникнуть во внешний мир, своею рукой положить начало концу света…

Джара отпрянула от кинжала и в страхе взглянула на богиню Земли, невозможно прекрасную молодую женщину. Богиня улыбалась и совсем не злилась на ту, чьих предков создала её божественная сила. Джара заглянула в её сияющие внутренним светом красивые и добрые глаза и поняла, что не сможет заставить себя ослушаться. Ноги и руки налились тяжестью. Джара устала так, что готова была лечь и заснуть.

— Ты поспишь, дитя моё, когда откроешь двери, — ласковым голосом любящей матери сказала богиня Земли. — Только открой Врата…

Зевнув, Джара согласно кивнула. Она сделала шаг к кинжалу. Ещё один. Кинжал налился тревожным светом. Джара снова ощутила какие-то мысли в своей голове. Кинжал засиял ещё ярче, и на долю мгновения сознание вспыхнуло мыслью, что она не должна этого делать. Джара даже замерла на месте. Но тут она ощутила лёгкое, тёплое прикосновение ладони богини Земли к своей щеке. Девушка повернулась к богине, и та улыбнулась и кивнула головой.

— Открой Врата.

Джара коснулась пальцами кинжала. Рукоять дрожала, и что-то через это прикосновение передавалось в разум Бестии, будто артефакт пытался её предупредить, предостеречь… Но Джара всё ещё ощущала тепло ладони богини Земли на своей щеке. Она обхватила рукоять кинжала.

— ДЖАРА, НЕТ!!!

Бестия вздрогнула, отшатнулась назад, обернулась на голоса. Позади богов посреди серых клубов тумана стояли восемь Ангелов — впереди всех Змейка, остальные позади неё — и с ужасом на лицах протягивали к ней руки и кричали, чтобы она не отворяла дверей…

Пелена наваждения растворилась. Джара тряхнула головой, ругая себя за слабость.

Боги тоже закричали. Они взвились в воздух, простирая руки и истошно вопя, и их красивые лица исказили гримасы ярости.

Ангелы вбежали в залу, и клубы тумана растворились посреди ярких красок расписных стен. Границы и без того огромной комнаты мгновенно расширились ещё больше. Стены разъехались, а потолок вознёсся в необозримую высь, будто бы расчищая пространство для великой битвы.

Боги, с безумными криками носившиеся над Ангелами, стали метать в них ослепительные рогатые молнии, шипящие огненные ленты, струи обжигающе горячей воды, тяжёлые каменные клинки.

Сельма воздвигала магическую защиту, Змейка отражала удары богов о зеркальный щит. Хаарт и Ивор своими волшебными мечами встречали атаки Повелителей Стихий и сводили их на нет. От диадемы Сунор и прямо из её глаз били лучи невозможно яркого света. Когда они попадали на пол громадной комнаты, там оставались чёрные дымящиеся прогалины. Аерис управляла ветром, который отводил молнии, огонь, камни и воды в сторону от Ангелов. Одновременно она пускала вверх стрелы, пытаясь попасть в беснующихся богов. Эйдан изменял направление огненных лент и сам атаковал богов градом шаров из пламени.

Джара и Тэллар скакали по полу залы, как кузнечики, увиливая от смертельных атак.

— В такие-то минуты и чувствуешь себя ущербным, — сказал Сокол, когда они с Джарой чудом увернулись от ветвистой фиолетовой молнии.

— Ты ещё можешь шутить!.. — воскликнула девушка, вскидывая взгляд кверху.

Бог Огня будто заметил её взгляд и осыпал их с Тэлларом градом огненных шаров. Сокол толкнул Джару в сторону и сам прыгнул, однако Эйдан и так успел перехватить пламя и обратить

его против создателя. Впрочем, успехом это не завершилось. Огненные шары просто растворились, коснувшись протянутой к ним ладони бога.

— Разве можно убить богов?! — в отчаянии произнесла Джара, глядя, как все атаки Ангелов заканчиваются ничем.

— Это мы и пытаемся проверить, — хмыкнул Тэллар и резко пригнулся, увлекая за собой Бестию. Одна из молний, отскочив от щита Сельмы, пролетела прямо над их головами.

— Целы? — спросила Чародейка, подбегая к ним и одновременно обстреливая из жезла мечущихся в воздухе богов.

— Целы, — кивнула Бестия. — Что-нибудь получается?

— Почти ничего. Мы в неравном положении. Они наверху, мы внизу.

— И что делать? — спросил Тэллар.

Молния ударила чуть ли не перед их носами, раскалывая цветной пол комнаты. В трещине стала видна густая чернота.

Они отпрянули назад. Бестия кинула взгляд на подрагивавший в замке кинжал.

— Взлететь, — неожиданно для себя ответила она.

— Взлететь? — переспросил Сокол.

Сельма крутанула жезлом, воздвигая над их головами щит против ледяных стрел богини Воды.

— Джара, ты гений, — сказала Чародейка и стала быстро объяснять: — Стоит попробовать. В этом Измерении…

— Стой, я понял! — перебил Тэллар. — Материя, на которую влияет сознание, да? Надо захотеть, выдумать себе крылья?

— Почему именно крылья? Можно взлететь и так… — С наконечника жезла Чародейки слетели и устремились вверх три струи настолько плотно сжатой воды, что, попади они на плоть, разрезали бы её, как нож масло.

— Нет уж, крылья. Мы Ангелы или где? — хмыкнул Сокол.

Со зловещей усмешкой на пути водных мечей Сельмы встала богиня Воды, и они обрушились вниз на Ивора и Хаарта. Парни слаженно взмахнули мечами, рубя струи воды на части, и те безвредными каплями расплескались по сторонам.

Джара снова взглянула на кинжал, словно просила у него поддержки. Но она даже не успела, как ей казалось, приложить какое-либо усилие, как уже почувствовала в спине жжение и зуд. Кожа в двух местах в районе лопаток натянулась, лопнула, и за плечами Джары распростёрлись два мощных белоснежных крыла. Она оглянулась на них и попробовала ими помахать. Получалось хорошо, будто крылья были у неё всю жизнь.

— Охренеть! — воскликнул Тэллар, немыслимым образом вывернув шею, чтобы посмотреть на свои крылья. Он взмахнул

ими несколько раз, создавая ветерок, и взлетел.

Джара и Сельма переглянулись и тоже взмыли вверх. А за ними поднялись в воздух и остальные Ангелы, несколько ошарашенные появлением двух новых конечностей.

Джара прочертила в воздухе петлю, победно вскричала, вытащила два своих клинка и помчалась в лобовую атаку на богиню Земли. Очень уж хотелось ей отомстить. Богиня пронзительно заверещала, так что уши заложило, и заметала в Бестию градом камней. Джара ныряла вниз, взмывала вверх, увиливала от камней в стороны. Изнутри всё наполнилось ликованием и предчувствием победы. Когда до богини оставалось лишь несколько секунд стремительного полёта, Джара взмахнула мечами, готовя сокрушительный удар. Но в последний момент мощный порыв ветра хлестнул по ней, так что перехватило дыхание, и понёс прочь. Джара кувыркалась в воздухе, беспомощно трепеща крыльями. Наконец она оправилась и поднырнула под бешеный воздушный поток.

Джара вскинула голову и увидела бога Воздуха. Его вместе атаковали Эйдан и Сельма, но он одно за другим отражал все их заклинания. Затем он резко развёл руки, и двух магов тоже разнесло по сторонам вызванным богом ветром. Бестия поудобнее перехватила клинки и полетела вперёд, часто взмахивая крыльями. Бог Воздуха снова устремил к ней дикий порыв ветра, но Джара к этому была готова. Она, сложив крылья, камнем понеслась вниз, затем резко взмыла вверх, оказываясь за спиной бога, как раз отвлёкшегося на снова атаковавших его Эйдана и Сельму. Сверкнули лезвия мечей, и оба клинка вошли под лопатки бога Воздуха.

Джара победно вскрикнула, но ничего не произошло. Кроме того что бог разъярённо закричал, и в грудь девушки ударил порыв ветра. Её унесло назад вместе с её мечами, а бог Воздуха разметал Ангелов по сторонам диким ветром.

Кто-то вдруг потянул Бестию вниз за ногу да так резко, что ей показалось, ногу вырвет с корнем. Но возмущаться она не возмущалась — Тэллар спас её от ленты беспощадного пламени, сорвавшейся с пальцев бога Огня.

— Ты это видел?! — с отчаянием и злостью спросила Джара Сокола. — Их нельзя убить!..

— Может, только артефактом?… — предположил Тэллар.

Джара ответила не сразу. Сначала им пришлось увернуться в воздухе от шипящей молнии злорадствовавшего бога Воздуха.

— Я своим кинжалом воспользоваться не могу, — буркнула Джара.

— А я не представляю, как убивать богов амулетом, — вторил

Тэллар. — Раскрутить и впечатать в лоб?…

Бестия фыркнула и увлекла его в сторону, спасая от огненного шара. Он пронёсся так близко, что опалил Соколу кончики перьев на крыльях. Тэллар выругался.

Не прекращая залпов заклинаний, к ним задом наперёд подлетела Сельма.

— Чародейка, как их убить?! — крикнула Джара.

Сельма, всё так же не оборачиваясь, ответила:

— Мне удалось попасть по богине Воды молнией! Ничего не произошло!

— Моё предположение не оправдалось, — уныло возвестил Тэллар.

К ним, увиливая от ледяных стрел, посылаемых ей вслед богиней Воды, подлетела Сунор. Как раз тогда, когда Джара в сердцах вскричала:

— Тогда всё это бессмысленно!..

— И это ты говоришь, наша бесстрашная предводительница? — усмехнулась Сунор.

Разметавшиеся чёрные волосы, лихорадочно горящие глаза и крылья за спиной делали её похожей скорее на какого-то демона, чем на ангела. А если и на ангела, то обратившего взгляд ко тьме. Глаза её светились неестественно ярким блеском. Когда богиня Земли направила в их сторону десяток каменных копий, могущих разорвать человека напополам, Сунор метнула на них взгляд, глаза её вспыхнули слепящим светом, и камни обратились в крошку и осыпались вниз.

— Что, голова больше не болит? — осведомилась Джара.

— Прошло, — хмыкнула та.

На самом деле голову Сунор раздирало на части. Все мысли богов, которые она слышала раньше, теперь исчезли, уступая место одной лишь животной ярости и жажде мести. Боль была такой сильной, что не было места даже страху. Сунор пыталась не обращать внимания и глушить свою боль в немыслимых пируэтах в воздухе и изливать собственную ярость во всеуничтожающий взгляд. По её мнению, такое поведение называлось *мужеством* или чем-то вроде этого. Её изрядно веселила мысль том, что она ведёт себя, как герой.

— Значит, ты не теряешь надежды? — едко спросил Тэллар.

Сельма воздвигла вокруг них щит, который сотрясался от града ударов.

Сунор фыркнула.

— Вам следовало бы пораскинуть мозгами. Ты сама, — обратилась она к Чародейке, — говорила, что сознания богов и Измерение сплелись.

Джара вдруг поняла, что к ней приходит какая-то догадка.

— Боги развоплотились за то тысячелетие, что провели в ловушке, — быстро заговорила она, — следовательно, у них нет тел, только сознание… ставшее единым с Измерением…

Сельма кивнула и хотела что-то сказать, но пришлось отвлечься: щит не выдержал и к Ангелам прорвались дико извивающиеся огненные ленты. Ангелы успели нырнуть вниз в последний момент.

— Как это у них нет тел, а что это такое тогда?! — крикнул Сокол, проделывая петлю в воздухе, чтобы спастись от атаки богини Воды. Сзади к той как раз подбирались Хаарт и Ивор, замахиваясь волшебными мечами. Богиня всё-таки почувствовала их приближение и с дикими криками развернулась и ударила по ним столбом воды, который отнёс их на десяток метров прочь.

— Те материальные воплощения, которые мы видим, — торопливо принялась объяснять Сельма, не отвлекаясь от боя, — это такой же "плод воображения", мысленное творение, как и наши крылья. Вроде бы осязаемы, но на самом деле их нет.

— И что, их нельзя убить!.. — то ли спросил, то ли воскликнул Сокол.

— От них осталось лишь сознание, — проговорила Джара, — а оно едино с Измерением… Значит, надо разрушить Измерение, и тогда…

— Эйдан уже такое предлагал! — перебил её Тэллар. — И что, нам всем сгинуть вместе с этими треклятыми богами?!

— Если это нужно для спасения мира, то придётся, — твёрдо сказала Бестия и добавила: — Только не очень хочется.

— А если наоборот? — спросила Сунор. — Разрушить сознание богов, и тогда пропадёт и Измерение?

— И как, интересно, разрушить сознание? — вопросил её Сокол.

Сунор не ответила. Она знала, что все Ангелы считают её самовлюблённой и трусливой. Она не собиралась с этим спорить. Она знала, что они не ждут от неё геройства. Она себя и не считала храброй героиней. Она, тем более, знала, что никто из них не поймёт, что для неё означает этот поступок.

Сунор сняла с себя диадему.

Ощущение было такое, что с двух сторон в её голову ударили два потока невообразимой силы. Они схлестнулись с такой мощью, что казалось чудом, что они её не размозжили. Не осталось даже сил кричать от боли и страха. Сунор хотела снова надеть диадему, но руки её не слушались. Ей казалось, кто-то бьёт огромным молотом по её голове, вгоняя вниз, в бездну пожирающего мрака…

Её подхватили за руки и вытащили, подарили глоток свежего воздуха. Диадему она не одела, но почувствовала, как вливаются новые силы. Как становится легче дышать, и с глаз спадает чёрная пелена.

Бой продолжался. Эйдан вступил в противоборство с богом Огня. Аерис схлестнула с бешеными воздушными потоками бога Воздуха свой собственный дикий ветер. Хаарт, танцуя в воздухе, уворачивался от ледяных стрел и водяных столбов разъярённой богини Воды и пытался подобраться к ней для удара мечом, как и Ивор, который сражался против богини Земли. Ангелы не теряли надежды. А Змейка…

Змейка стояла перед Сунор, которую удерживали в воздухе Тэллар, Джара и Сельма, передавая ей свою энергию, и защищала их, с зеркальцем в руках отражая атаки богов, когда те, отвлекшись от своих прямых противников, посылали силы стихий уничтожить дерзких людишек, которые явно что-то затевали…

Сунор знала, как можно разрушить чьё-то сознание. Она это несколько раз проделывала, когда сражалась вместе с остальными Ангелами. Она направляла взгляд прямо в центр сознания несчастной жертвы и давила. Добиралась до самых глубин подсознания. Человек после такой пытки проваливался в беспамятство от боли либо терял остатки разума и становился абсолютно безразличным ко всему. И неизбежно погибал. Конечно, то были люди, а теперь — боги, но как там говорилось в легендах? Боги создали людей по образу и подобию своему. А значит, как у нас, так и у них, верно?…

Своды огромной комнаты загрохотали, по украшенным рельефами стенам побежали сети трещин. Задрожал потолок. Красивые лица богов исказили гримасы ужаса, рты широко раскрылись в немом крике.

Остальные Ангелы, сообразив, в чём дело, взмахнули крыльями, метнулись вниз, оставляя мечущихся в муке богов, взлетели за спиной Сунор, каждую мышцу которой свело от напряжения. Они протянули руки и коснулись её, через это прикосновение передавая ей свою силу.

Краски вокруг потускнели, посерели, а потом вдруг, наоборот, взорвались ослепительной яркостью, чтобы исчезнуть навсегда. Ангелы зажмурились от невыносимого сияния всех существующих цветов, а когда открыли глаза, увидели Тьму.

Чёрные клубы всепожирающего мрака заполонили рушащуюся комнату со Вратами. Тьма стремительно поглощала пространство вокруг.

Ангелы ощутили, как ледяная рука сжимает внутренности. Они пытались пошевелиться, но тела едва слушались. От страха

они закричали, но все звуки застряли в горле.

Боги растворялись в темноте, расплывались последними яркими пятнами, которые затем мутнели и пропадали.

Джара кинула взгляд вниз, но там уже не было ни огромных дверей, ни золотого замка. Один кинжал, мигавший тревожным светом. Джара чувствовала, что Тьма надвигается.

Сунор обвисла на руках Ангелов, потеряв сознание. Хаарт подхватил её, и Ангелы полетели прочь, но не понимали, двигаются ли. Вокруг не было ничего, а кинжал как висел в пространстве под ними, так и оставался. Щупальца Тьмы протянулись из-за их плеч, перехватили их поперёк тел и уволокли в глубину кромешного мрака.

Чернота вокруг была настолько кромешной и непроглядной, что становилась осязаемой. Глубинный мрак казался живым, дышащим, алчущим чужих жизней существом, протягивающим клещи, сотканные из самой первозданной тьмы, к ним, Ангелам… Их охватил такой ужас, какого они раньше даже не могли себе представить. Ужас беспомощного, жалкого человечка перед чем-то необъятным, неподвластным его ограниченному пониманию…

То была сама суть Измерения, само его сердце.

XIV Ловушка богов

Лучи солнца сладко грели разомлевшую кожу, дул свежий ветерок, щебетали птички, весело порхая среди ярко-зелёной листвы. Эйдан лежал на изумрудной траве и нежился на солнце. Он вдыхал чудесный аромат — рядом цвела сирень. На свете не было ничего, кроме этого всепоглощающего чувства счастья и удовольствия, кроме этой ни с чем не сравнимой неги. Эйдан потянулся, сладко зевнул. Ему захотелось нарвать букет сирени, чтобы подарить…

Он резко сел и замотал головой. В висках только что вспыхнула боль, однако почти сразу прошла. Эйдан растерянно огляделся, не понимая, что это с ним. Его взгляд наткнулся на цветущий куст сирени, и тревога испарилась. Эйдан улыбнулся сам себе, встал, подошёл ближе.

Он тронул пальцами нежные цветки сирени и вдруг замер, чувствуя, как холодеет внутри. Он глядел на свои пальцы, как будто видел их впервые в жизни. В груди разгоралось какое-то мучительное ощущение, но ощущение чего — он не мог понять, и оттого было ещё хуже.

Эйдан напряг ум, приложив пальцы к вискам, постарался сосредоточиться. В глубине сознания спряталась какая-то мысль. Она словно истошно вопила, взывая к нему, Эйдану, но некая беспощадная сила глушила её крики, не давая достигнуть разума, не позволяя Эйдану её осмыслить.

Сирень пахла умопомрачительно, но Эйдан внезапно понял, что запах действует ему на нервы. Аромат становился всё гуще, всё ярче, всё приторнее, и Эйдан попятился, чувствуя, как начинает кружиться голова.

Идти.

Эта мысль возникла так неожиданно, что Эйдан понял — раздумывать больше нельзя, пока его разум снова не затуманили. Он внезапно осознал — не без ужаса — что абсолютно ничего не помнит. Кто он. Где он. Как здесь оказался. Он знал только, что нужно идти, нужно бежать, бежать прочь от этого места, где цветёт сирень…

…и пахнет так сладко, так маняще, что хочется подойти поближе, вдохнуть этот чудесный аромат и никуда больше не уходить, никогда, никогда…

Эйдан обнаружил, что вновь стоит около зарослей сирени, но противиться больше не было сил. Он стал медленно погружаться в тяжёлую дрёму, постепенно опускаясь на колени, потом садясь на неестественно яркую траву, чтобы опереться на правую руку и

медленно лечь…

Всё вокруг вспыхнуло ярким светом, Эйдан вскочил на ноги, в ужасе глядя на свою руку, которой не должно было быть. Пальцы правой руки стали истончаться, распадаться на яркие пятнышки и исчезать. Постепенно вся иллюзия — то есть плод воображения — пропала.

Эйдан взглянул на сирень. Но то была уже не сирень. Теперь это были голые колючие заросли, которые тянули к нему когтистые ветки, а в сплетении ветвей угадывалась зловеще ухмыляющаяся гримаса…

Эйдан отвернулся и бросился прочь. Из-под ног вынырнула и разостлалась по траве тропинка. Эйдан бежал и бежал, стараясь не оборачиваться. Но потом он не выдержал, взглянул через плечо назад и замер.

Заросли хищных кустарников не отдалились ни на шаг, кажется, даже приблизились к нему, взмокшему, тяжело дышащему от быстрого бега. Ветки-щупальца потянулись к нему и обернулись…

…сладко пахнущей сиренью. Эйдан бессильно рухнул на колени, не находя в себе сил противостоять. Аромат пробирался через ноздри прямо в его голову, фиолетовыми клубами окутывая разум, подчиняя сознание…

Где-то вокруг — или в его голове — загудели голоса, эхом отскакивая от невидимых стен. *Безумец,* нашептывали они, с*умасшедший!*..

— Нет, только не это, — просипел Эйдан прерывающимся голосом. — Снова сойти с ума… нет… не хочу, нет…

Его окружали шесть серых стен, абсолютно неотличимых друг от друга — и больше ничего. Именно стен, потому что разобрать, где пол, а где потолок, и существуют ли они вообще, Тэллару не удавалось. По всем разумным соображениям, полом должна была быть та поверхность, на которой он стоял. Однако стоило ему об этом подумать, как его ноги упирались в ту стену, которую он собирался наречь потолком, будто комнату кто-то громадный, там, снаружи перекатывал с одной стороны на другую. Но Тэллар не ощущал никаких движений или перемещений — он не падал, не шатался, его не качало.

Всё происходило так, словно существовало лишь в его голове.

Выбраться не было никакой возможности. Он понял это сразу, даже не предпринимая никаких к тому попыток. Поверхность стен была идеально гладкой. Никаких отверстий.

Верх и низ, правое и левое продолжали хаотично меняться местами. Тэллара затошнило. От однообразной гладкой серости

стен закружилась голова, застучало в висках. Тэллар сел, прислонившись к одной из стен, — правда, через несколько мгновений он уже лежал, затем стоял. Ему сделалось трудно дышать, он стал судорожно хватать ртом воздух.

Потом стены стали сжиматься. Они приближались к нему, норовя раздавить, превратить в кровавое месиво, перемолоть косточки до состояния порошка. Тэллар закричал, но звук не шёл из горла. Стены сжимались неумолимо, неотвратно, но почему-то последний миг, когда они должны были сойтись на его напряжённом от страха теле, всё оттягивался. Оттого страх и осознание безжалостно, бесповоротно приближающейся ужасной смерти нарастали с каждой секундой — и это сводило с ума…

Сунор явственно ощутила, как в мозг прорываются чужие силы, стараются запеленать разум, внушить какие-то иллюзии. Сил у неё совсем не осталось. Она была наконечником огромной стрелы чистой мысленной энергии, которая поразила богов. Через неё прошла вся мощь Ангелов и их артефактов. Сунор обессилела, она даже не могла пошевелить ни то что ногой или рукой — веко не могла приподнять. Диадема всё ещё лежала в её руке. Измерение давило, приказывало, хитрило, виляло, изворачивалось, стараясь подчинить её своей воли.

Не выйдет, твёрдо решила Сунор. Пальцы не желали гнуться, мышцы отказывались сокращаться. Сунор почти могла слышать звук ликования, издаваемый Измерением. *Нет уж, не позволю заточить себя в ту же ловушку, что и богов тысячу с лишним лет назад,* подумала Сунор. Она сделала нечеловеческое усилие, согнула руку с диадемой в локте, двинула её к голове. Артефакт заблестел посреди кромешной тьмы, и чёрные клубы будто отшатнулись, испугавшись проблеска света. Диадема плотно легла на голове Сунор, и девушка сразу почувствовала, как картины, носившиеся перед закрытыми глазами (Хаарт, отец, Змейка, Хаарт, Ангелы, Илена, Хаарт) разом исчезли.

Сунор села — или она думала, что села. Она мало что понимала посреди этого царства вечного мрака. Сунор пошевелила рукой и вздрогнула, слабо вскрикнув, потому что наткнулась на что-то тёплое. Сердце бешено застучало, а мозг уже рисовал ужасающие картины того, *что* она могла встретить в глубинном мраке. Но диадема подсказывала ей не бояться, и Сунор, пересилив себя, снова коснулась пальцами *этого*.

Этим оказалась чья-то рука. Пальцы Сунор побежали вдоль неё, миновали локтевой сустав, подобрались к плечу, скользнули по шее, ощупали лицо, волосы. Сердце снова забилось сильней.

— Хаарт, — шепнула Сунор. — Хаарт! — сказала она уже

громче и принялась тормошить рыцаря.

Он застонал что-то в ответ. Сунор закусила губу. Они поддались. Они все поддались. Теперь Сунор не сомневалась, что, поищи она ещё во Тьме, она найдёт всех Ангелов, пребывающих в бессознательном состоянии. Сунор слышала мысли богов, покинувших материальные оболочки и спрятавшихся в глубинах Измерения, чтобы зализать раны. Слышала мысли самого Измерения.

Захватить сознания Ангелов в плен. Вобрать в себя их разумы. Развоплотить их, соединить с собой.

Сунор не совсем понимала, являются ли Измерение и боги двумя разными сущностями, или они уже настолько переплелись за это тысячелетие, что между ними нельзя провести границу. Разумно ли Измерение с самого своего создания, или это Повелители Стихий подарили ему свой разум? Мысли, что она слышит — их общие? Или здесь вообще нельзя рассуждать о чём-то общем или отдельном, потому как это — единое целое?

Этими рассуждениями можно было свести себя с ума, тем более не ей, Сунор, об этом размышлять. Ей нужно спасти Хаарта. И остальных Ангелов, конечно. Они должны проснуться, очнуться от этого губительного сна, с помощью которого Измерение пожирает их души, их умы.

Сунор прижала ладони к голове Хаарта, попыталась пробраться в его мысли, вытащить его, выдернуть из беспамятного состояния.

Ничего не получалось.

Сунор заплакала от бессилия. Она хотела попробовать без диадемы, но что-то подсказывало ей: без контакта с артефактом она тоже поддастся, и тогда уже не останется ни единой надежды… Как же помочь Хаарту? Как прояснить его сознание?…

Сунор замерла от пришедшей в голову мысли. Она торопливо заползала на четвереньках, зашарила руками, ища Змейку. Наконец она нашла её.

Сунор плохо разбиралась в происходящем. Её посетила мысль, что, наверное, Сельма нашла бы разные умные объяснения тому, что она собиралась делать. Ментальная магия и прочее. Сунор было не до того.

Она крепко обхватила обмякшее тело Змейки, прижалась головой к её голове, сосредоточилась, как могла. Затем сняла диадему.

Тьма, вновь ликуя, тут же надвинулась на неё, чтобы погрузить в беспамятство. Собрав остатки сил, Сунор оттолкнула от себя иллюзии, во власть которых хотело опустить её Измерение, и ухватилась за обрывки видений Змейки, ореолом

плававших вокруг неё.

Ей показалось, её потянуло в какую-то воронку, прочь от непроглядной черноты сердца Измерения. Вокруг постепенно расцветали яркие краски. Сунор уже ощутила, как из неё медленно утекают воспоминания и все мысли. Она поняла, что ещё чуть-чуть и сдастся во власть видений, насланных Измерением, чтобы свести Ангелов с ума и завладеть их сущностями. Сунор сжала зубы. Крепись, крепись, не сдавайся! Она подумала, что надо надеть диадему, но диадема осталась там, среди кромешного мрака, лежать в её руке… А здесь только её душа, её сознание…

От резкой боли, пронзившей всё тело до мозга костей, перехватило дыхание, и крик застрял в горле. Аерис выгнулась дугой, сжала кулаки так, что побелели костяшки, застонала от натуги. Боль не уходила. Наоборот, нарастала с каждым мучительным мгновением. Каждый нерв тела горел адским огнём. Мышцы свело от напряжения, тело грозило лопнуть по линиям вен, которые рельефно выступили по всей коже, очерчиваясь чёткой синью.

Крик наконец прорвался, и он был страшен. Аерис кричала, вкладывая всю муку, раскалывавшую её тело и сознание, в этот крик. Она кричала, извиваясь, выгибаясь, корчась, кричала, пока не надорвала голосовые связки, и изо рта стало выходить лишь жалобное сипение.

Внутренности скручивало в тугой комок. К горлу подкатила тошнота, и полуэльфку вырвало, вывернуло наизнанку. Горло жгло нестерпимой болью, а её рвало, пока она не начала выплёвывать кровь.

Беспощадный незримый палач каждое мгновение придумывал новую пытку, новую муку, и мгновения эти длились вечность. К коже прижимали раскалённый металл, распарывали клинками тело на маленькие кусочки, зверской хваткой вырывали конечности, по одной ломали каждую кость, каждую косточку, вливали в горло, в ноздри, в уши что-то нестерпимо горячее…

Всё, что угодно, лишь бы это кончилось… Почему я не теряю сознание от боли? Почему не умираю? Не могу больше терпеть!.. Не могу…

Чародейка стояла посреди тракта, тускло освещённого убывающей луной, а по бокам вырастали пугающие деревья с кривыми лапами-ветками, мерцавшие призрачными искрами на фоне чёрного неба.

На неё надвигались чудища. Монстры были небольшого

размера, но оттого не менее страшны и опасны. Они издавали мерное гудение, иногда перемежающееся с похожим на волчье завыванием. Недоразвитые короткие ручки были протянуты к ней, Сельме, их вожделенному позднему ужину. Страшные лица застыли в разнообразных ужасающих гримасах.

Чародейка тряхнула головой. *Ничего, ещё не с такими справлялась,* подумала она, стараясь приободрить себя. Чудища шли к ней медленно, степенно, будто считали, что ничто на свете не сможет помешать им отобедать ей, Сельмой.

— Не дождётесь, — хмыкнула волшебница, вскинула руки и отправила в монстров три колючие молнии, яркий свет которых взрезал мертвенную черноту ночи.

Чудовища пронзительно завопили и бросились наутёк, моля о помощи тоненькими человеческими голосами. Сельма ощутила холод в груди. Она не рассчитывала на дороге к какой-то деревне встретить *таких* чудовищ. Она слышала о них — они умеют копировать людские голоса, дабы вносить смуту в души людей, достаточно отважных, чтобы сразиться с ними.

— Не дождётесь, — ещё раз решительным голосом проговорила Сельма — хотя, признаться, ей было страшновато — и отправила вдогонку улепётывающим чудищам несколько огненных шаров и сразу за ними стремительное плотное облако обжигающего водяного пара.

Продолжая повизгивать, последние чудища упали и задёргались в агонии. Сельма стояла неподвижно — лишь грудь часто вздымалась. Когда наконец все монстры затихли, Чародейка смахнула пот со лба и прошептала заклинание, перемещая себя в пространстве на несколько метров. Мимо отвратительных монстров не хотелось даже проходить. Конечно, лучше бы было всех их сжечь дотла, но она слишком устала. Немного передохнёт в деревне, а потом вернётся и довершит начатое. Лучше бы сделать всё до рассвета — вдруг кто из деревенских выйдет на тракт и увидит весь этот ужас. Не приведите небеса — дети…

В деревне её ждали.

— Приветствуем вас в нашей деревне, госпожа волшебница! — радостно воскликнула полная женщина лет сорока. — Мы уж вас и заждались!

— Даже беспокоиться начали, — сказал какой-то парень, тоже добродушно улыбаясь, — мало ли что, время сейчас неспокойное, на дорогах чёрт знает что творится…

Это уж точно, подумала Чародейка.

— Скажешь тоже! — хмыкнул худощавый старикан, выходя из толпы, высыпавшей встречать Сельму. *Староста деревни,* безошибочно отметила она. — Что случится с госпожой

волшебницей! Она ведь знает *магию*! — подняв кверху указательный палец, благоговейно произнёс он.

Сельма не сдержала улыбки.

— Магия далеко не решение всех бед на свете, — ответила она. — А на дорогах действительно беспокойно. Недалеко от деревни я встретила десятка два мелких, но очень опасных монстров.

По толпе пронёсся изумлённый и испуганный вздох; кто-то вскрикнул.

— Они уже не причинят никому зла, — поспешно добавила Сельма, видя побледневшие от страха лица деревенских. — Я убила их всех.

— А… а как же… наши детки… — севшим голосом пролепетала полная женщина. — Они ведь вышли вас встречать…

Сельму пробрала дрожь. Неужели она опоздала?… И монстры поймали детей?…

— Наши дети! — выкрикнул кто-то из женщин. — Сегодня ведь праздник, Ночь Духов, они надели страшные маски и побежали на дорогу вас встречать!..

Сельма не нашла в себе сил даже крикнуть от ужаса. Язык примёрз к гортани, стало нечем дышать. Она пошатнулась, хватая ртом воздух, колени подкосились; кто-то из парней подался навстречу, чтобы подхватить её, но не успел, и Чародейка неуклюже рухнула на землю. Взор затуманился, и перед глазами встали маленькие погоревшие, прожжённые насквозь, сплошь покрытые волдырями трупики в прилипших от огня к лицу праздничных масках духов…

Змейка носилась между раненных, только и успевая промывать раны, накладывать повязки и втирать в виски мазь, затуманивающую боль.

Хоть это и было непозволительно, из глаз у Змейки текли слёзы. Она только что ампутировала руку юноше, обезображенному ожогами. Хоть Змейка и сделала всё, чтобы сделать процесс как можно менее болезненным, парень кричал, плакал и всё лепетал что-то, подобно ребёнку. А потом потерял сознание от боли.

Змейка подошла к кушетке, на которой лежала молодая девушка. Кровь залила её одежду и белые простыни. Девушка стонала, изо рта вырвался сгусток крови. Некогда красивые, а сейчас мокрые от пота и крови волосы спутались и разметались по простыне.

Змейка разорвала её одежду, открывая взору огромную рваную рану, из которой без остановки лилась кровь.

Внезапно раненная открыла глаза, выходя из бессознательного состояния. Она застонала, глядя на хлещущую кровью рану.

— Змейка, — прошептала она иссохшими губами. — Пожалуйста, не дай мне умереть…

— Ты не умрёшь! — плача, сказала Змейка.

Лицо раненной девушки стремительно бледнело, кожа стала синюшной, как у мертвеца.

— Но я уже умерла, Змейка!.. — прохрипела она, и изо рта её выполз червь.

Змейка пронзительно закричала, а мёртвая протянула к ней руки.

— Ты меня убила!

— Нет, неправда! — закричала Змейка.

— Видела ли ты хоть кого-то из своих пациентов после?! — возопил целитель Алмерик, тыча в неё пальцем. — Нет?! Так откуда ты знаешь, что они все не умерли?!

— Нет, нет!.. — Змейка рухнула на колени, зажала руками уши, но голоса звенели в её голове.

— Я так не хотела умирать, а теперь гнию под землёй!

— Сколько жизней загубила!

— Ты позволила мне умереть!

— Мучила несчастных людей, возомнила себя целительницей!

— Убила меня!..

— Змейка! Змейка!

Змейка замотала головой, замахала руками, пытаясь прогнать кого-то от себя.

— Чёрт бы тебя побрал!!! Очнись же!

Змейка открыла глаза и увидела смуглое красивое лицо девушки, показавшееся очень знакомым.

— Пойдём отсюда, — сказала она.

За её спиной пронзительно верещал целитель Алмерик, заходилась в страшном хрипе мёртвая Юна, выкрикивая проклятия, и надвигались окровавленные солдаты, которых когда-то лечила Змейка… Она старалась им помочь, старалась изо всех сил! Неужели… Неужели она действительно их всех убила? К чему тогда вообще жить?…

Змейка вскрикнула — смуглая девушка залепила ей звонкую пощёчину.

— А ну прекрати об этом думать, Гадюка! — зло сказала она.

Змейка растерянно захлопала глазами. Щека болела, и боль, как ни странно, стала прояснять её сознание.

— Сунор?… — тихо спросила она.

Сунор облегчённо выдохнула.

— Слава Луне! Конечно, я. Вставай.

Змейка взялась за протянутую руку Сунор и поднялась. Юна, Алмерик, палата врачевателей — всё стало тусклым, блеклым, ненастоящим. Со всех сторон надвигалась страшная Тьма, и Змейка наконец вспомнила абсолютно всё.

Она крепко сжимала руку Сунор, боясь отпустить — вдруг тогда она опять вернётся в этот кошмар. Сунор морщилась, но тоже не отпускала её. Когда Тьма сгустилась вокруг них, и Измерение, шипя от злости, полностью освободило разум целительницы от наваждения, из которого её вырвала Сунор, та сказала:

— Теперь давай будить остальных.

Ивор постучался в дверь комнаты Джары. Ничего. Он постучался ещё раз.

— Джара, открой, это я! — громко сказал он в щель. Опять постучал.

— Грифон! — раздался сзади весёлый бас.

Ивор, раздражённый и обеспокоенный, обернулся и увидел Варвара. Ламар стоял, широко улыбаясь. Он протянул к Ивору свою здоровенную ручищу и крепко пожал его, поданную в ответ.

— Бестия, кстати, ушла, — сказал Варвар, кивком указывая на дверь комнаты Джары.

В голову Ивора закралось нехорошее предчувствие, и в груди похолодело.

— Ушла? Куда ушла?… Когда?…

Ламар пожал плечами.

— Да вот недавно. Вроде бы в Лес друидов.

— В Лес друидов!.. — выкрикнул Ивор и стремглав бросился к лестнице, чуть не сметя огроменного Варвара со своего пути.

Тот круто обернулся.

— Грифон! Ты что! Куда это ты?

Ивор не ответил. Он промчался сломя голову по коридору, несколькими прыжками справился с лестницей, выбежал в ворота, одним махом преодолел ступеньки Гильдии, ринулся к коню.

Только бы успеть, стучало в голове в ритм частой и звонкой дроби копыт, *только бы Джей ещё была жива… Какой же я идиот, что бросил её! Отпустил её одну! Если с ней что-нибудь случится… Только бы успеть!..*

Он не успел.

Он понял это уже, когда, перемахнув ручеек у опушки, на скаку въехал под густую сплетённую крону Леса друидов. Но он отказывался верить в то, что произошло самое страшное из всего,

что только могло произойти. Отказывался осознать, что самый главный страх его жизни претворился в реальность.

Там, где деревья начинали расти так густо, что пройти можно было лишь пешим, Ивор оставил своего коня, даже не привязав. Ему было совсем не до того.

Сердце стучало, как бешеное, но вдруг замерло — и ухнуло в бездну. Ивор обмер и остановился от шока. Он почувствовал запахи дыма и горелого мяса; до него донеслись истошные, нечеловеческие крики — такие может издавать живое существо, лишь утратив рассудок и волю от невыносимой муки, от нестерпимой боли, от безжалостной пытки…

И он знал этот голос.

Ивор очертя голову помчался дальше. Он знал, что ему уже ни за что не успеть спасти Её. Знал, что случилось непоправимое. По щекам уже текли слёзы, а сердце нескончаемо билось на мириады осколков, и Ивор знал, что эту боль не исцелить ничем и никогда…

— Прости меня, Джей, прости меня… Я виноват… Небеса, что я наделал… Как я мог бросить, как я только мог тебя бросить?! — бормотал он сквозь рыдания — так он ещё не плакал никогда в жизни, — а ноги сами несли его в нужном направлении.

Разум услужливо рисовал самые страшные картины на свете. Если бы Ивору только приснилось такое, он бы и то ходил в трансе несколько дней. От одной мысли, что ему сейчас придётся увидеть это наяву, можно было потерять рассудок…

— Я убью их всех, — процедил Грифон. — Перебью всех до одного… а потом жить будет незачем. Взойду на костёр вместе с тобой, Джей.

Впереди показались деревья, стоило только раздвинуть лапистые ветви которых — Ивор знал это совершенно точно — и откроется друидская поляна. Слёзы застилали глаза, а боль и ярость туманили разум, но Грифон не обращал внимания. Осталось ещё несколько шагов. Ледяная рука сжала все внутренности…

— НЕТ!!! — заорал чей-то женский голос.

Ивор замер от неожиданности.

— Нет, Ивор, не ходи туда, не смотри! — прокричал тот же голос. Он казался смутно знакомым. — Не смотри, ты сойдёшь с ума!!!

У меня уже помутился рассудок, подумал Грифон. Ему не было дела до голосов; он подался вперёд, протягивая руку, чтобы отодвинуть ветви.

Воздух разорвал пронзительный крик; Ивор зажал уши, а потом пришлось зажмуриться — неизвестно откуда в глаза забил

такой же пронзительный, как и крик, слепяще-белый свет.

Когда Ивор открыл глаза, вокруг была только Тьма.

— Я люблю тебя, Хаарт, и всегда любила, — шепнула Змейка, заглядывая ему в глаза.

Рыцарь улыбнулся и притянул её к себе. На глазах у него выступили слёзы счастья.

— Я тоже люблю тебя, моя маленькая Змейка! — воскликнул он, сжимая её в своих объятиях.

— Но ты всё равно будешь моим, — медовым голоском пропела Сунор.

Хаарт отпрянул от неё, каким-то образом оказавшейся в кольце его рук.

— Что… — мотая головой, пробормотал он. — Как ты… Где Змейка?

Сунор запрокинула голову и серебристо рассмеялась. Потом она снова обратила взгляд безумно красивых глаз на него, взбила рукой роскошную гриву блестящих чёрных волос.

— Какая разница, милый? Ты мой!

— Нет! — Хаарт попятился, но упёрся в стенку.

Сунор игриво наклонила голову.

— Как это — нет? Ты ведь был со мной всё это время!

— Это всё были лишь игра и ложь, — твёрдо ответил Хаарт. — Неужели ты обманывала себя? Я тебя не люблю. Я был с тобой только из-за Альянса. Но сердцу не прикажешь, Сунор.

Сунор вскинула брови, подошла к нему вплотную.

— Сердцу не прикажешь, говоришь? Но кое-чему другому, как видно, ты приказывать научился… — Её взгляд скользнул вниз.

— Прочь! — Хаарт оттолкнул её и шагнул в сторону. — Уйди!

Лицо Сунор исказила яростная гримаса.

— Никуда я не уйду! И тебе от меня никуда не уйти, любовь моя! — выкрикнула она, и последние слова она произнесла изменившимся голосом. Хаарт в страхе попятился. Сунор снова открыла рот, но теперь оттуда раздалось только шипение, а затем наружу, лизнув воздух, скользнул длинный раздвоенный язык.

Хаарт отпрянул, но снова упёрся в стенку.

Сунор стремительно меняла обличье. Кожа позеленела и разделилась на блестящие слизью чешуйки, ноги преобразовались в мощный хвост, по которому побежал кроваво-алый узор. Из пальцев вытянулись кривые чёрные когти. Волосы превратились в тысячи тонких змей. Белки глаз стали пронзительно-зелёными, а радужка истончилась до узенькой ярко-жёлтой полоски.

Змея, бывшая Сунор, раскрыла пасть, увенчанную двумя рядами острых конических зубов, из которых четыре — два сверху

и два снизу — удлинились до изогнутых клыков размером с полмизинца…

Змея снова зашипела и бросилась на Хаарта. Рыцарь кувыркнулся вбок, вскочил и…

…оказался лицом к лицу с Сунор в её человеческом облике.

— Хаарт, — ласково произнесла она. — Как ты, Хаарт?

Краски вокруг стремительно тускнели, уступая место Тьме.

— Сгинь! — прокричал рыцарь, отступая назад. — Прочь!

Лицо Сунор изменилось, и она отвернулась.

Хаарт наткнулся на кого-то, вздрогнул и обернулся.

— Змейка! — вскрикнул он.

— Ты в порядке? — спросила она.

Теперь всё пространство заполнила одна лишь Тьма. Хаарт молча глядел на осунувшееся, усталое лицо Змейки и вспоминал.

— Да, — наконец выдохнул он. — Всё нормально…

Он повернулся к Сунор, но увидел лишь черноту. Во Тьме не было видно ничего на расстоянии вытянутой руки. Но тут из-за его плеча протянулись слабые лучи света — это от ладоней Змейки отошло мерцание, с грехом пополам прорезавшее кромешный мрак, царивший вокруг.

Теперь Хаарт мог видеть остальных Ангелов. Все они выглядели потерянными и кое-как приходили в себя. Хуже всего, кажется, было Сельме. Она сидела, поджав согнутые ноги к груди, и рыдала, что-то невнятно шепча. Хаарт содрогнулся всем телом. Что же должна была перенести невозмутимая волшебница, чтобы вот так плакать?…

Сунор опустилась перед ней на колени, встряхнула. Сельма не обратила внимания. Сунор затрясла её сильней, впившись пальцами в плечи волшебницы. Чародейка наконец подняла затуманенный взгляд на девушку и так и застыла. Сунор проникла в её сознание, стараясь привести мысли и душевное состояние в порядок. Змейка торопливо выкинула руки вперёд, комок сияния, от которого отходили лучи, соскользнул с её маленьких ладоней и повис посреди темноты. Целительница же быстро подошла к Сунор и Сельме, тоже опустилась перед Чародейкой — точно сзади Сунор, обняла её, простирая свои руки вдоль её и прикладывая ладони к ладоням Сунор. Кисти обеих девушек объяла пелена мягкого свечения. Сельма вздрогнула, передёрнула плечами. Взор её прояснился.

Сунор резко встала и отошла на несколько шагов. Змейка, наоборот, приблизилась к волшебнице и мягко спросила:

— Тебе лучше?

Сельма кивнула, вытерла слёзы.

— Всё, что ты видела, было лишь злой выдумкой

Измерения, — всё таким же ласковым голосом продолжала целительница. — Всё прошло. Теперь нам надо…

— ДЖАРА! — проорал Ивор.

Ангелы вздрогнули и как один повернулись на крик Грифона. Чёрные щупальца Тьмы перехватили Бестию поперёк тела и, казалось, собирались уволочь её куда-то в глубь мрака. С криками друзья бросились на помощь, но Тьма внезапно отступила. И не успел никто ничего сообразить и тем более сказать, как Джара застонала и рухнула без памяти.

Ивор подхватил её у самой иллюзорной чёрной поверхности.

— Джара! — в страхе позвал он. — Джей, очнись! — Саднящий осадок от страшной утраты, пусть и имевшей место только в его сознании, до сих пор терзал душу. Ивор готов был отдать всё на свете, лишь бы не потерять Её на самом деле…

Остальные Ангелы окружили их.

— Измерение опять пытается забрать её, — быстро произнесла Сельма. — Змейка, Сунор, действуйте скорее!

Змейка бухнулась на колени около Бестии и простёрла над ней ладони, снова охваченные слабым свечением.

— Теперь что-то другое… — пробормотала Сунор, неотрывно глядя на лежащую без сознания Джару.

— Другое, не другое, какая разница! — нервно бросил Сокол. — Пробудите её, чёрт возьми!

Свечение потухло, Змейка отняла ладони.

— Не получается, — подняв взгляд на Ангелов, растерянно сказала она.

— Что ты там сказала? — спросила Аерис, касаясь Сунор. После адских пыток, после боли, с которой не сравнится никакая другая, прежде ею испытанная боль — пусть даже тело Аерис не довелось всего этого ощутить (иначе оно бы рассыпалось на осколки) — полуэльфка до сих пор не могла унять дрожь в голосе. Сунор повернулась к Эльфийке. — Что теперь не так?

— Боги давят на Джару, — наконец ответила Сунор после некоторого молчания. — Хотят заставить её открыть Ворота. Они все силы бросили на это. Даже забыли о нас. Не дадут нам разбудить её…

— Что значит — не дадут разбудить?! — не выдержав, вскричал Ивор, вскидывая взгляд на Сунор.

— Не кричи на меня! — вскипела та. — Не надо всё обращать так, будто я в этом виновата! Я не обязана всё знать и уметь!..

— Тихо, — негромко произнесла Сельма, но перепалка унялась. — Надо решать, что делать, и быстро.

— Ты вытащила меня из того видения сама, — обратилась к Сунор Змейка. — Можешь попробовать ещё раз?…

Сунор кинула не самый добрый взгляд на неё, потом на Ивора, бурно вздохнула.

— Могу, — буркнула она и села на колени около Джары.

Остальные посторонились, в неверном свете лучистого шара глядя, как она кладёт ладони на голову Джары, низко накланяется к её лицу, почти соприкасаясь своим лбом со лбом Бестии. Сунор застыла, потом вздрогнула и отпрянула от лица Джары, резко выпрямляясь.

— Что?… Что такое? — заволновались Ангелы.

— Что-то странное, — нахмурясь, проговорила Сунор. — То ли заслон, то ли завеса… ничего не смогла понять… — Она немного поколебалась, потом повернулась к Сельме. — Поможешь?

Волшебница молча кивнула, опустилась рядом с Джарой с другой стороны.

— Ты тоже, — бросила Сунор Змейке, а сама передвинулась так, чтобы оказаться в изголовье лежащей без сознания наёмницы. Целительница же заняла её место.

Сунор обняла ладонями лицо Джары и вздрогнула, почувствовав, какое оно холодное. Сельма и Змейка обе одной рукой коснулись Сунор, а другой — руки Бестии.

— Надо торопиться, — с тревогой в голосе проговорила Чародейка, глядя на спокойное, бледное, лишённое всяких эмоций лицо Джары. — Не мешайте нам, — добавила она, взглянув на взволнованных Ангелов.

Повстанцы, ратовавшие за свободу Адлеи, уже поняли: битва, а с ней и вся война, проиграна, и надежды нет никакой — и потому стали драться отчаянно и остервенело, будто задались целью унести с собой в небытие как можно больше жизней солдат ненавистного короля.

Джара поудобнее перехватила свой короткий меч и встретила им яростную, но неумелую атаку молодого повстанца. Она отвела его клинок в сторону и неуловимым движением прочертила своим мечом дугу, вспарывая парню живот. Он захрипел, а глаза его округлились. Джара оттолкнула его со своего пути, вырастая перед новым врагом, чтобы воткнуть меч ему в сердце.

Даже среди шума битвы Джара услышала близкое шипение вражеского меча сзади себя. Она молниеносно выкинула свой меч назад, парируя удар, подло направленный ей в спину. Она крутанулась вслед за клинком, описывая им дугу над головой, и обрушила меч косо на голову повстанца, снося ему по диагонали полчерепа.

Вокруг было ещё кипящее и бурлящее море врагов, и Джара

бросилась вперёд, убивать.

— Она сопротивляется, — с толикой гордости в голосе сказала Сельма. — Как умеет, конечно, сама того не осознавая, — но сопротивляется.

— Что-то я плохо понял, — слегка помотав головой, проговорил Тэллар. — Измерение наслало на Джару видение битвы…

— Похоже, ты действительно понял плохо, Сокол.

— Ну так объясни.

— Боги хотят заставить Джару открыть ворота Измерения. Она подсознательно противится этому и потому вносит собственные коррективы в своё видение.

— Её подсознание создало толпу врагов, чтобы Бестия отвлеклась и не открыла Врата?

— Грубовато, но суть ты понял, — кивнула Сельма.

— Но не в этом дело! — с негодованием воскликнул Ивор. — К чёрту все эти разглагольствования — как её разбудить?

— И что потом делать, — мрачно добавил Эйдан.

— Он прав, — нехотя согласился с волшебником Хаарт. — Мы до сих пор не знаем, как уничтожить Измерение и богов.

— Не это сейчас главное! — рявкнул Ивор, злясь, что они медлят со спасением Джей.

— Это изначально было самым главным, — холодно заметил Эйдан. — Если мы поймём, как исполнить миссию Ангелов, нам нужно совершить это незамедлительно, пока не стало слишком поздно. Вы говорите, Измерение и боги отвлеклись, бросив силы на подавление сопротивления Джары. Но это не может длиться вечно. И жизнь одного Ангела…

— Послушай, ты… — начал Грифон, делая угрожающий шаг в сторону мага.

— Ивор, — бросила ему Аерис. — Не время для ссор.

— Эльфийка!.. — укоризненно воскликнул наёмник, будто имея в виду "И ты туда же!"

— Эйдан, если хочет, может пока подумать над тем, как нам уничтожить Измерение, — добавила полуэльфка. — А мы займёмся спасением Джары.

Эйдан поджал губы, но промолчал. Ивор удовлетворённо хмыкнул и обернулся к заметно побледневшей Джаре, всё так же без движения лежавшей посреди чёрного пространства Измерения. Сельма, Змейка и Сунор всё это время что-то тихо обсуждали, и Ивор спросил их:

— Ну что?

Чародейка повернулась к нему.

— Эйдан в какой-то мере прав, боги в любой момент могут вспомнить о нас, так что мы сейчас попробуем поставить мысленный заслон, а затем снова попытаемся вызволить Джару из этого наваждения… В любом случае, я уверена — без Бестии у нас ничего не выйдет.

Прорваться к Вратам и открыть их.

Джара содрогнулась всем телом — неожиданная мысль буквально прошила её насквозь. Она позволила себе отвлечься и поплатилась за это — пропустила атаку повстанца, и его меч прочертил длинную рану вдоль её правого бока. Джара взвыла от вспыхнувшей боли и ярости и в несколько секунд расправилась с противником. Рана горела и кровоточила. Джара стиснула зубы, выбила меч у вставшего перед ней повстанца, распорола ему горло, затем убила второго, третьего.

Врата, Врата, раскрыть Врата…

Её снова пробрала дрожь. Оттолкнув от себя умирающего врага, Джара вскинула голову и за толпой воюющих увидела массивные двойные двери, которых — она была готова поклясться — раньше не было. К тому же, эти ворота были сами по себе: никуда не вели и не являлись дверьми в защитных стенах.

Он странных размышлений её отвлекли новые враги. Джара яростно раскидала их по сторонам, рванулась вперёд, и через некоторое время обнаружила, что пытается прорваться к этим самым воротам. Какая-то мысль мучительно ворочалась в глубинах сознания, но Джара не могла чётко её осмыслить. Зато была другая мысль, и уж она-то как раз и пульсировала в голове донельзя ясно:

Открыть Врата.

Джара отбила неловкий удар повстанца, он пошатнулся, нелепо замахал руками, стараясь сохранить равновесие. Это было его ошибкой: он раскрылся, и Джара вонзила в него свой меч. Повстанец закричал, Джара выдернула клинок и ринулась вперёд. Непонятная мысль ныла и действовала на нервы. Джара попыталась забыться в сражении, но с каждым новым врагом неопределённая мысль вспыхивала всё сильнее. Ей даже показалось, что ещё чуть-чуть, и мысль перестанет ускользать и прятаться, и она поймёт, что же всё-таки так её тревожит.

Но вдруг впереди, около ворот, неизвестно откуда возник громадный, в полтора раза больше обычного человека, воин, полностью облачённый в чёрные доспехи. В руках у него был огромный, под стать ему самому, двуручный чёрный меч с зазубренным лезвием. Лицо было скрыто под забралом шлема, от которого отходили стальные рога. От воина веяло волнами

необъяснимого ужаса и пустоты.

Джара сглотнула и покрепче обхватила рукоять меча, глядя на него. Она даже не заметила, что на миг её растерянности и испуганного изумления все воины-повстанцы застыли, забыв о сражении. Потом Джара собралась, и битва снова потекла, сопровождаемая привычным шумом: криками, лязганьем оружия, бряцанием доспехов, скрежетом стали о сталь.

Чёрный воин широко размахнулся огромным мечом, заведя руку, закованную в сталь, за голову и обрушил сокрушительный удар на повстанцев, стоявших перед ним. Этот удар разбросал воинов, как щенят. Воин двинулся вперёд, без особых усилий раскидывая стоявших у него на пути.

На пути к Джаре.

Сунор пронзительно закричала, так что у Ангелов заложило уши.

— Диадему!.. Дайте мою диадему!!! — наконец стало возможным различить слова в её крике.

Хаарт подхватил артефакт и метнулся к Сунор. Когда диадема возлегла на голове не своим голосом вопящей девушки, крики превратились в стоны, Сунор упала на колени, жалобно прижавшись к ногам Хаарта. Рыцарь тоже опустился на колени, и Сунор скользнула в его объятия.

— Что произошло? — сдвинув брови, спросила Сельма.

Сунор плакала.

— Что случилось? — жёстче повторила Чародейка.

Сунор отняла голову от плеча Хаарта и подняла глаза, полные слёз, на волшебницу. Но она не смогла сказать ничего вразумительного. Проскользнули только некоторые более-менее понятные слова и обрывки фраз, из которых Чародейка сделала вывод:

— Боги вспомнили о нас? Ты снова ощутила давление их мыслей? — Не дожидаясь ответа плачущей девушки, Сельма наклонилась и рывком подняла её из рук Хаарта. Рыцарь поднялся вслед, поддерживая Сунор. Чародейка обернулась к Змейке. — Не стоит медлить с заслоном. Надо создать защиту.

— Не думаю, что богов это сдержит, — скептически заметил Эйдан.

Сельма метнула на него взгляд не из самых ласковых.

— Это лучше бездействия! Все помогайте нам, — добавила она и объяснила, что делать.

Ангелы встали вкруг Джары, взявшись за руки. Сельма читала заклинание, чувствуя слабую, но всё-таки необходимую поддержку Сунор и принимая от остальных спутников щедрый

поток энергии. Когда заклинание было закончено, Ангелы разорвали круг.

Джара слабо застонала и изогнулась дугой, заскребя пальцами. Ивор кинулся к ней.

— Джей!.. — выдохнул он. — Джара!

— Она тебя не слышит, — подходя, произнесла Сельма. — Что же всё-таки случилось? Ты успокоилась? — обратилась она к Сунор. — Объясни-ка, что ты услышала в мыслях богов.

Сунор помассировала виски и подняла взгляд на волшебницу. Едва она хотела что-то сказать, как черноту Тьмы разорвал грохот, вой, пространство сотрясли мощные толчки.

— Что это, чёрт подери?! — воскликнул Тэллар.

Сельма выжидательно уставилась на Сунор, взглядом требуя объяснений. Та наконец заговорила:

— Я не слишком хорошо разобрала мысли богов, это было подобно камнепаду или…

— Говори по существу, — резко оборвала её Чародейка.

Лицо Сунор слегка скривилось в недовольной гримасе, но тут же исказилось болью, а Ангелам показалось, будто клубы непроглядно чёрной Тьмы разъярённо зашипели, заходясь в ярости и злости.

— У Измерения и богов возник конфликт, — наконец выговорила Сунор. — Сознание самого Измерения почему-то теперь против раскрытия Врат. Боги взбунтовались и попытались усилить давление на Джару. Измерение же… выражаясь твоими словами, внесло новые коррективы в видение Джары…

— Но почему это произошло? — воскликнул Эйдан. — Я так понимал, что сознание Измерения и сумасшедших богов — одно безумное целое!..

— Если распахнутся Врата, — вслух начала торопливо размышлять Сельма, — то Измерение, слившись с силами четырёх богов, превратится в мощную волну несокрушимой энергии, которая, разрушив и сметя всё на своём пути, попросту исчезнет, рассеется, конечно, до того сотворив царство хаоса на земле.

— То есть попросту Измерение расхотело погибать? — перебил её Тэллар. — Долго же до него это доходило!

— Но ведь разумы Измерения и богов слились, переплелись между собой, — возразила Аерис.

— Верно, — подхватила Чародейка. — Сейчас часть сознания, представляющая собой Измерение-ловушку, наконец отделилась от сознаний богов. До того оно, как и Повелители Стихий, угрозу видело только в нас, Ангелах, и бездумно подчинялось яростному желанию богов открыть Врата своей ловушки.

— Теперь же Измерение этого не хочет, и это вылилось, как

выразилась Сунор, в «конфликт». — В голосе Тэллара, несмотря на ситуацию, сквозила насмешка. — Значит, Измерение теперь против богов?

— Если между ними выйдет что-то вроде ментального сражения, выплеск энергии может самоуничтожить Измерение! — осенило Эйдана.

— Поверь мне, я уверена, что оно это понимает, — произнесла Сельма. — Попытаться Измерению уничтожить сознания богов, являющихся его неотъемлемой частью — то же самое, что пленнику обрубить себе руки и ноги, чтобы избавиться от оков!

— Она права, — неожиданно поддержала Чародейку Сунор. — Измерение совсем не это собирается сделать.

Ангелы повернулись к ней.

— Оно хочет вопреки богам уничтожить Джару, но так, чтобы её Ангельским даром — Ключом — не смогли воспользоваться после смерти, или *развоплощения*, как того хотели боги… — Она вскинула руку, потому что друзья Джары, особенно Ивор, уже собирались наброситься на неё с нелепыми требованиями немедленно пробудить и спасти Бестию — будто всё это было во власти Сунор. — Нам не дадут пробудить её с помощью магии или нашей силы как Ангелов. Но можно попробовать по-другому…

Джара отпрыгнула в сторону, а в место, где она только что стояла, ударил тяжёлый меч чёрного воина. Джара вскинула голову на громаду, закованную в сталь, и ощутила себя маленькой ничтожной букашкой. Её собственный меч казался жалкой иголкой по сравнению с мощным, массивным оружием чёрного. Девушка кувыркнулась вбок, чудом уходя от очередного сокрушительного удара.

Джара понимала, что её преимущество здесь только в быстроте, лёгкости и стремительности. Если бы удалось зайти ему за спину и ткнуть мечом в щель между доспехами… От размышлений её оторвала очередная атака чёрного. Джара прыгала, как кузнечик, и вся взмокла и запыхалась. Что же чувствовал чёрный воин, узнать было не дано. Его лицо скрывал шлем, а сам он не издавал даже никаких звуков. Джара не представляла, как можно было двигаться так стремительно, как он, будучи облачённым в столь тяжеловесные доспехи. Тем более в них наверняка жарко!..

Джара пробила брешь в отряде повстанцев, замерших неподалёку, и побежала вперёд, отчаянно желая, чтобы они сомкнули ряды и дали ей время на передышку. К её огромному

удивлению, адлейцы не стали атаковать противницу, а храбро встали на её защиту. Монстр в доспехах принялся сокрушать их одного за другим, и удивительно: каждая новая смерть повстанца отзывалась в Джаре смутной болью, колеблющейся на грани физического и духовного. Вдобавок где-то внутри вновь заворочалась непонятная тревога. Джара ничего не понимала, к тому же от близкой и неотвратимой опасности она соображала куда как плохо.

Надежда только одна: открыть Врата.

Джара с решимостью кивнула собственным мыслям и помчалась к воротам. За спиной взревел чёрный воин, наконец издав звук. Впрочем, он не походил на человеческий: Джару пробрала нешуточная дрожь, когда она услышала этот звериный, полный ярости и даже почему-то отчаяния вой, перешедший затем в рокочущий рёв. Джара припустила, держа в поле зрения возвышающиеся ворота, торчащие посреди пустого и плоского поля битвы.

Тут на пути у неё встали повстанцы. Джара даже оторопела от такого поворота событий. За её спиной часть адлейцев храбро и самоотверженно защищала её от чёрного воина; другие же повстанцы вознамерились не подпускать её ко Вратам и вступить с ней в бой!

"Их слишком много, я не справлюсь одна!" — в отчаянии подумала она про себя, глядя на подступающих противников. Тут её пронзила страшная мысль — она внезапно поняла, что вокруг нет ни одного её союзника. Джара в ужасе стала оглядываться, ища глазами кого-нибудь из королевских солдат, лихорадочно пытаясь понять, что же всё это значит. Мысль, спрятанная кем-то в глубинах её сознания, верно поползла к свету, и Джара почувствовала, что ещё чуть-чуть, и она поймёт, вспомнит… Повстанцы даже замерли, будто решили дать ей возможность подумать.

ОТКРОЙ ВРАТА!

Вопль был страшным и отчаянным. Джара содрогнулась, ища глазами того, кто кричал. Потом она поняла, что крик разорвался внутри её собственной головы. Через мгновение он повторился. Голова была готова расколоться на части. Не в силах противостоять этой давящей боли Джара рванула с места и тут же напоролась на атаку повстанцев. Ей пришлось отбиваться с помощью меча.

И тут она почувствовала смрадное дыхание смертельной опасности за спиной. Джара обернулась, забыв, что тем самым оставляет позади и опасно раскрывается для нескольких десятков противников.

Над ней возвышалась громада чёрного воина. Джаре показалось, что он ещё вырос с момента появления на поле битвы.

Время будто замедлило свой ход: понимая, что смерть неизбежна, Джара наблюдала, как меч медленно плывёт вниз, чтобы обрушить свою гибельную мощь на неё.

Чёрный меч со страшным грохотом впился в землю перед повстанцами, а Джару чья-то рука в последний момент рванула с места и потащила за собой. Джара послушно побежала вслед за знакомой до боли фигурой, спасшей её от верной смерти.

Человек мчал её прочь от Врат, прочь от повстанцев, прочь от монстра в доспехах из чёрной стали. Джара вдруг увидела — или ей показалось — как впереди засверкали белые лучи чистого света, зовя и маня в своё сияющее лоно. Джара почувствовала твёрдую убеждённость в том, что там спасение от всех бед на земле.

Мощная волна невидимой энергии сбила их с ног и отнесла в сторону от лучистого света на добрый десяток метров. Джара, кувыркаясь, покатилась по земле. Она только начала приподниматься, в ужасе понимая, что где-то обронила меч, когда её спаситель обхватил её поперёк тела, рывком поставил за ноги, снова в тиски сильной ладони взял её запястье и помчал вперёд.

Впереди вырос каменный уступ, и они забежали за него и уселись на землю. Джара собиралась было сказать человеку, что глупо останавливаться и чёрный воин всё равно их здесь найдёт с минуты на минуту. Но тут все слова застряли в горле, когда она увидела лицо своего спасителя.

— Ив! — поражённо воскликнула Джара. — Ив, дьявол тебя побери, ты-то что здесь делаешь?! — Джара превосходно помнила, что в день выпуска они с Ивором разругались в пух и прах; она уехала вступать в армию короля и понятия не имела, что стало с её другом детства.

— Ты в порядке, Джей? — ласково коснувшись её щеки, спросил Ивор.

— Как видишь цела, только ранили… — Джара покосилась на рану и застыла: той не было и в помине. Но удивиться девушка не успела: за каменным уступом раздался рёв чёрного воина. Джара поспешно сказала Ивору: — Надо бежать, Ив. Тут мы долго не укроемся, думаешь, он не догадается поискать нас здесь?…

— В том-то и дело, — ответил парень, — Чародейка и остальные поддерживают меня с той стороны, они поставили мысленный барьер, теперь нам надо…

— Что ты мелешь, Ив? — нахмурилась Джара. Может, от страха у парня поехала крыша? Нет, она ни за что в такое не

поверит: уж кем-кем, а трусом Ивора назвать было нельзя! — Какая чародейка? Какой-такой барьер?

Ивор в замешательстве посмотрел на девушку. Ну да, это ведь наваждение, и боги постарались, чтобы здесь Джара не помнила ничего о своей жизни и, конечно, об Альянсе. Иначе им бы никак не удалось воздействовать на неё! Но всё объяснять Джаре нет времени. Нужно понять, как заставить её вспомнить всё самой — и побыстрей… На Ангелов тоже оказывают давление, и долго держать барьер, защищая их с Джарой, они не смогут. Боги и Измерение беснуются в отчаянной ярости исполнить задуманное…

— Ив, что ты застыл, как истукан! — взвилась Джара и вскочила на ноги. — Всё, я сидеть больше не намерена — эта громадина приближается, сейчас он разнесёт этот уступ в каменные осколки, и нас заодно!

— Стой! — взревел Ивор, схватил её за руку, рванул к себе.

Джара взвизгнула, попыталась отпрянуть, но Ивор держал её крепко.

— Ты сдурел, Ив! — закричала Джара. Рёв чёрного воина раздавался совсем близко, чуть ли не над их головами. — Пусти!

— Бестия! — проорал ей в лицо Ивор.

— Ещё обзываешься! Как это ты меня назвал?!

Ивор оторопел. Он совсем забыл, что здесь для Джары ещё не существовало Гильдии и наёмнических прозвищ. Но на лице девушки вдруг отобразилась растерянность.

— Бестия… — пробормотала она. — Ив, почему я…

Она не договорила — за уступом послышался страшный вой чёрного воина и ещё какие-то нечеловеческие голоса, от которых в жилах Джары застыла кровь. Джаре показалось, что над ними с Ивом занесён громадный меч; Ивор же понял, что и боги, и Измерение готовят сокрушительную атаку.

— Бежать надо, Ив! — вскрикнула Джара, но Грифон опять не пустил её и наоборот усадил на землю, прижав её к камню уступа, и сам опустился на колени рядом.

— Ни за что не пытайся бежать, Бестия, — жёстко проговорил он, снова называя её профессиональным прозвищем, надеясь, что это создаст новый проблеск в затуманенной памяти.

Ивор оглянулся через плечо. Свет, звавший их прочь из наваждения, померк. Что-то ослабило Ангелов. Грифон подозревал, что Измерение или боги, или они вместе ринулись атаковать неосмотрительно забытых противников. Но сейчас сущность, представлявшая собой сознание ловушки богов, и сами узники, Повелители Стихий, отвлеклись на решающий удар, каждый желая добиться своего, и Змейка, Сунор и Сельма при

поддержке остальных смогут вновь попробовать вытащить их через связь с ним, Ивором.

Джара, ничего не понимая, глядела на Ивора, не пускающего её убежать от опасности. Он, что, совсем спятил? Чёрный воин вот-вот обрушит удар меча на них… странно, почему он так долго медлил — и медлит до сих пор? Неужели его действительно сдерживает вот эта глыба камня? И почему Ивор называет её «бестией»? Джара, конечно, понимала, что у неё характер не ахти… Но всё-таки на это слово откуда-то из глубины сознания отзывались смутные ассоциации…

— Ив, что происходит? — тихо спросила Джара и вдруг округлила глаза. — Гляди, Ив!

Ивор обернулся, и сердце радостно подпрыгнуло в груди. Невдалеке снова засияли лучи света, зовя их прочь из опасного наваждения. Но для того, чтобы вернуться в реальность Измерения, необходимо было покинуть мысленную защиту, материализованную здесь, в видении Джары, в огромную глыбу камня, за которой они прятались.

— Слушай, Джей, — торопливо заговорил Ивор. — Сейчас мы побежим к свету — и побежим быстро. Беги так быстро, как только можешь. Не оглядывайся и не обращай ни на что внимания.

— Ив, что это такое?… Почему…

— Бестия, заткнись.

— Ив!

— Ты меня поняла?

Джара кивнула. Ивор тоже кивнул, встал с земли. Поднялась на ноги и Джара.

— Всё, бежим! — воскликнул Ивор каким-то фальшивым голосом.

Джара сорвалась с места, но что-то болезненно сжалось в груди, и она застыла — сама того не зная — на самом краю мысленного барьера. Джара обернулась и увидела, что Ивор даже не тронулся с места.

— Ты что, Ив?… — Она хотела было шагнуть к нему, но он крикнул:

— Беги, глупая!

За его спиной, возвышаясь над жалким обломком камня, возник чёрный воин, занося над увенчанной рогатым шлемом головой свой страшный меч. Вокруг него неистово носились в воздухе четыре фурии, каждая своего цвета: красная, синяя, белая и зелёная. Они завопили каким-то потусторонним голосом; чёрный воин оглушительно взревел, сотрясая всё вокруг.

— Ивор! — в охватившем её ужасе вскрикнула Джара и

метнулась к нему.

Она схватила его за руки, и задёргала; он же остался на месте и попытался толкнуть её в сторону лучей света.

— ГРИФОН! — проорала она, и крик её оборвался. Память стремительно к ней возвращалась.

Ивор улыбнулся такой улыбкой, что сердце Джары разорвало на части.

— Я люблю тебя, Джей. — И он резко, неожиданно для неё, толкнул её в сторону.

Джару вытолкнуло за пределы мысленного барьера, а Ивор шагнул вперёд, принимая на себя два удара, предназначенных для неё: страшная ментальная атака, начисто лишающая силы воли и способности сопротивляться, в которую вложили все свои силы ослабленные боги, и одновременно разрушительное, уничтожающее чёрное пламя разъярённого Измерения.

Воздух вокруг разорвал страшный нечеловеческий крик, вопль вселенской боли, треск сердца, разлетающегося на осколки, и…

…Джара поняла, что это кричит она. Крик оборвался; от отчаяния у неё перехватило дыхание. Джара рванулась к падающему Ивору и подхватила его у самой земли. Вокруг стоял вой и грохот, но Джара не обратила внимания.

— Ив, чёрт тебя побери, Ив, только не умирай, слышишь?… — зашептала она, заглядывая в его бледнеющее лицо.

А вокруг стремительно таяли краски, и со всех сторон наползала Тьма.

Раздались крики Ангелов. Они окружили Джару, а она наклонилась и бережно положила Ивора, а потом рухнула на колени рядом с ним.

— Ив! Проклятье, Ив! — взвыла Джара.

Ивор шевельнул губами, пытаясь что-то произнести.

Сельма и Змейка одновременно рванулись к Грифону, горя отчаянным желанием исцелить его, но над самым телом Ивора замерли в страшном осознании того, что они — и никто на свете — не в силах помочь.

А Ивору наконец удалось произнести свои последние слова.

— Я тебя люблю и всегда любил, — еле слышно шепнул он, глядя на Джару, а в глазах его мерк свет.

Но она услышала. Сквозь сотрясающие её тело рыдания, захлёбываясь собственными слезами, Джара улыбнулась и наклонилась к самому его лицу. Она поцеловала его в холодные губы и прошептала:

— Я тебя тоже люблю, Ив.

Уголки губ Ивора потянулись кверху, чтобы сложиться в улыбку, и так и застыли.

Джара вцепилась пальцами в его плечи, до боли укусила губу, отказываясь верить в случившееся.

— Ив… Грифон! Нет!..

Сзади кто-то обнял её и голосом Сельмы мягко позвал по имени.

До сознания Джары сквозь глухую стену боли и отчаяния прорвалась тревога. Бестия оторвала затуманенный слезами взгляд от остывшего навеки лица Ивора и огляделась. Клубы Тьмы тревожно кружились вокруг них, угрожающе шипя. Джара поняла, что Измерение и боги готовят новый удар.

— Что делать будем? — вскрикнул Тэллар. Голос его дрожал. Джара обернулась на Сокола и увидела на его щеках дорожки слёз.

— Ивор совершил своё предназначение, теперь я, — раздался решительный голос Хаарта.

Прежде чем кто-либо из Ангелов сумел что-то сообразить или предпринять, рыцарь вынул чёрный меч из ножен и направил клинок остриём на себя.

— НЕТ, ХААРТ!!!

Хаарт уже придал мечу движение, но кончик клинка застыл у самой его груди. Юноша в недоумении взглянул на выросшую перед ним Сунор и вдруг стал двигать рукой, отворачивая меч от себя.

— Великое Солнце, нет, Сунор, нет, не делай этого!..

Но Сунор продолжала упорно глядеть на него, силой разума заставляя Хаарта поворачивать меч к ней. Рыцарь сопротивлялся, как мог, но ничего не мог поделать с силой Ангела Мысли. Остальные Ангелы застыли, не зная, как им поступить. Но в глубине они осознавали, что внутренняя энергия Сунор сейчас такова, что не позволит им сделать ни шага.

Хаарт приставил меч к груди Сунор. Её лицо было спокойно, но из огромных глаз текли слёзы.

— Во имя Солнца, Сунор, прошу тебя… — прохрипел рыцарь.

Сунор улыбнулась сквозь слёзы.

— Я тебя люблю, Хаарт. Я действительно тебя любила, и ты не был моим капризом. — Джара почувствовала, как сжались пальцы Сельмы на её плече. — Прости меня за всё.

— Нет, Сунор… — простонал Хаарт и вонзил меч в грудь девушки, глубоко, до самой рукояти.

— Хаарт… — прошептала Сунор. Глаза её закатились, жизнь покинула её, голова запрокинулась, и девушка соскользнула с чёрного клинка и рухнула навзничь.

Хаарт, не скрывая слёз, опустился около неё.

— Что это значило?… — прошептал Тэллар. — Почему?…

— Ты упомянул Ивора! — вскрикнула Джара. — Что это за чёртово предназначение?!

Рыцарь обратил к ним лицо, залитое слезами, но не успел ответить: чёрное пространство затряслось, Ангелы зашатались, пытаясь удержаться на ногах.

— Надо снова попробовать ментальную атаку… — Сельма осеклась и в отчаянии уставилась на Джару.

Но на лице той была написана твёрдая решимость. Бестия метнулась к своему кинжалу, неподвижно висевшему посреди густого кромешного мрака, обхватила рукоять и — рванула на себя.

Ангелы закричали. В том месте, где до сих пор торчал кинжал, возникло зияющее пятно света. Дыра в непроглядно чёрном пространстве отобразила руины Тадора под низко нависшими облаками. Врата Измерения распахнулись.

Клубы Тьмы, бурля и кипя, рванулись наружу. Чёрный воздух разорвал ликующий вопль Повелителей Стихий, обрётших наконец свободу.

Джара закричала и воткнула кинжал прямо в сгусток Тьмы перед собой, в самое сердце Измерения.

Тьма дёрнулась обратно, и в ушах Ангелов зазвенел страшный вопль боли и ужаса перед неминуемой гибелью.

Действуя по наитию, Ангелы воздели над головами артефакты, вспыхнувшие неровным светом посреди черноты Тьмы, и бросили их вниз, в водоворот мрака. Девять волшебных предметов закружились перед ними в чёрной воронке. Вопли усилились, чёрный коловорот взвыл и завертелся сильнее. Тьму прорезали разноцветные молнии. Воздух стал сотрясать страшный грохот.

— Всё, уходим! — проорала Чародейка. — Здесь сейчас всё уничтожится, надо прыгать!

— Уходите, — коротко сказала Джара и сделала быстрый шаг к телу Ивора. — Я остаюсь.

— Ты сдурела, Бестия?! — прокричал Тэллар, кидаясь к ней.

Джара мотнула головой.

— Кто-то должен остаться, чтобы закрыть Врата изнутри, иначе сила взрыва Измерения разрушит всё вокруг на многие мили.

— Нет, Джара… — побледнев, пробормотала Сельма.

— Джара! — вскрикнула Змейка.

— Ты пойдёшь с нами, дура ты эдакая! Мы закроем дверь с той стороны! — кричал Тэллар.

Аерис ничего не сказала, но взглянула на Бестию глазами, в которых стояли слёзы.

— Прыгайте вниз, идиоты! — выкрикнула Джара, тщась утихомирить рыдания. — Да быстрей, чёрт бы вас всех побрал!..

Тэллар опять собрался что-то сказать, но Джара неожиданно для него изо всех сил толкнула его в грудь, выталкивая в зияющую посреди Тьмы дыру во внешний мир. Сельма вскрикнула, выглянула вниз и прошептала заклинание, чтобы Тэллар не сломал себе шею.

Чародейка резко обернулась — Джара явно намерилась столкнуть и её.

— Джара!.. — воскликнула Сельма.

Бестия рывком подалась к ней, обняла и тут же отстранилась.

— Прыгай, или я тебя толкну.

Сельма хотела что-то сказать, но тут пространство Измерения сотряс толчок, волшебница не удержалась и упала вниз. Клубы Тьмы вертелись в водовороте собственной неизбывной боли и неотвратимо приближающейся гибели. Боги были частью этой Тьмы, крутясь в воронке в каких-то миллиметрах от мечты, которую они лелеяли в течение одиннадцати веков, — и не в силах до неё дотянуться.

Джара заорала на Ангелов, чтобы они прыгали, но тут к ней подошёл Эйдан.

— Сама прыгай, Джара, — твёрдо сказал он. — Здесь останусь я.

— Что?! — вскрикнула Бестия. — Шёл бы ты знаешь куда, маг хренов!..

— Шла бы ты сама, чёртова наёмница, — спокойно отозвался тот. — Всё это моя вина, Джара, ты сама это говорила. Теперь у меня есть шанс её искупить.

— Эйдан! — воскликнула Змейка и метнулась к нему.

Эйдан ласково обнял её.

— Прощай, ангел. — Он поднял взгляд на Хаарта. — Береги её.

Хаарт кивнул, подхватил тело Сунор, и они со Змейкой прыгнули вниз.

— Эйдан.

Маг повернулся к Джаре, и она сказала:

— Я тебя прощаю и больше ни в чём не виню.

Эйдан улыбнулся.

— Я счастлив это слышать.

Измерение сотряс новый толчок.

— Прощай, маг, — произнесла Аерис.

— Прощай, Эльфийка, — ответил он.

Джара и Аерис подняли тело Ивора и прошли сквозь Врата Измерения.

Между глыб, осколков зданий и вывороченных деревьев гулял холодный, пробирающий до костей ветер. Над руинами Города Солнца полыхнула тёмным пламенем сфера Книги, чтобы померкнуть навсегда и развеяться над миром чёрным прахом побеждённого зла. С затянувших небо тяжёлых туч хлынул ливень. Вода с небес, Слёзы Ангелов, омывала покрытую шрамами землю, всеочищающий дождь смывал следы горя и разрушения, отчаяния и боли.

Дождь поливал согнувшиеся от рыданий фигурки Ангелов, смешиваясь с их слезами. Ангелы плакали, и небо плакало вместе с ними.

А серая завеса дождя вдруг заискрилась жемчугом в лучах проглянувшего солнца.

Эпилог

Был объявлен великий праздник, и пировала, похоже, вся Таэрия: от солдат в пограничных башнях и простых крестьян в деревушках до магов и аристократов в крупных городах и, конечно, в столице.

Ещё бы: была уничтожена сфера Книги, эта страшная угроза, висевшая над народом Таэрии. Закончилась подписанием нового мирного договора развернувшаяся было война с Ханеласом, возмущённым зверским сражением между магами враждующих Орденов Таэрии под стенами Ветельса. Прибыло наконец с законными репарациями посольство Аронварда. Утихли восстания, вспыхивавшие в последнее время с пугающей частотой по всей стране. Ордена заключили бессрочный договор о мире, а в народе всерьёз поговаривали о скорой свадьбе Дамрафа и Аяллы — после того, когда глава Ордена Луны снимет траур по своей безвременно погибшей дочери — но погибшей подобно герою.

Но до праздника, в лучах розового рассвета, Джара, Сельма, Тэллар, Аерис, Змейка, Хаарт, Дамраф и Аялла похоронили Ивора и Сунор и поставили мраморное надгробие над пустой могилой для Эйдана. То было грустное утро, а в полдень снова лил дождь, плача по безвозвратно ушедшим.

Ночью дворец Дамрафа в Арлане сотрясала музыка, и зал для пиршеств был заполнен людьми. Дамраф и Аялла сидели во главе стола, с печальными улыбками наблюдая за всеобщим весельем. Они оба знали, что на этом закончилось ещё не всё. Предстояло возрождать страну, заново возводить стены, башни и дома нового Тадора — и дать стране новых правителей. Но ни Таэрии, ни остальному миру больше не грозила опасность со стороны обезумевших богов — Ангелы исполнили то, для чего был собран Альянс. Пусть и не все из них вернулись…

Аялла крепко сжала руку Дамрафа. Мужчина повернул к ней постаревшее лицо, охваченное грустью и болью.

— Я не могу избавиться от чувства вины, Аялла, — проговорил он. — Я не дал ей того, что должен был дать как отец. У неё не было матери, а я…

— Не вини себя, Дамраф, — мягко перебила его Аялла. — В этом нет твоей вины.

Он помолчал, а потом чуть улыбнулся.

— Я горжусь ей.

— Я знаю. Мы все гордимся твоей дочерью, Дамраф.

Тэллар поискал глазами среди пирующих, но Джары нигде не было. Сокол встал из-за стола и вышел на улицу.

Джара сидела на ступеньках роскошного дворцового крыльца, прислонившись стеной к холодному камню, и смотрела в небо, где на чёрном бархате расцветали огненные цветы, плясали разноцветные ленты и проливался искристый серебряный и золотой дождь. В свете огней фейерверка блестели на щёках Джары дорожки слёз.

Тэллар опустился на ступеньки около девушки, и какое-то время они сидели так, молча наблюдая за праздником в ночном небе.

— Неужели это было предопределено? — наконец проговорила Джара, всё также не отрывая взгляда от фейерверка и не поворачиваясь к Тэллару. — То, что Ив должен был умереть?

— Я не знаю, Джара, — тихо ответил Сокол. — Не знаю, кто имел такое право решать, что Ивор должен был умереть, чтобы спасти мир.

— Это было предназначение Ангела Смерти и Ангела Жизни, — раздался за их спинами голос Сельмы.

Тэллар и Джара обернулись. Чародейка и Аерис спустились на крыльцо и сели рядом с ними.

— Дар нерейев Хаарту и Ивору, — негромко продолжала волшебница, — заключался в том, что им дана была сила привести весы мира в равновесие.

— Весы мира в равновесие приводят две смерти, так что ли?… — со злостью спросила Джара. Слёзы снова побежали по щекам, не спрашивая разрешения. — В этом было их предназначение? Погибнуть ради чёртового равновесия?

— Джара, от этого равновесия зависит судьба мира.

— Сунор же умерла вместо Хаарта! — продолжала Джара, не обращая внимания на слова Сельмы. — Почему я не погибла вместо Ива?!

— Ты же знаешь, что он бы тебе не позволил, — так же тихо, как Чародейка, произнесла Аерис. — Джара, Ивор умер, как герой. Он пожертвовал собой ради целого мира — но в первую очередь ради тебя.

Джара отвернулась, глотая слёзы.

— Я и без его смерти могла считать его героем.

— Значит, они изначально знали, что должны умереть?… — спросил Тэллар. — Что сказал тебе Хаарт? Нам он не очень-то понятно всё разъяснил…

— Почему он мне не сказал? — перебила его Джара. — Почему, чёрт возьми? Он же знал! И Хаарт знал! И Сунор, Сунор

ведь тоже знала!..

— Они сами не осознавали всего до конца. Нерейи передали им *ощущение, чувство*, но не чёткое *знание*. — Сельма помолчала, потом добавила: — Хаарт повлёк одну смерть, а Ивор спас одну жизнь. С помощью великого дара нерейев эти поступки привели равновесие мира в упорядоченное, спокойное состояние.

— Интересно, где же находятся эти весы, — пробурчал Тэллар.

— Весы мира не существуют где-то в определённом месте, и у них нет материального тела, — ответила Сельма. — Это пространное определение. Это просто некая сила, отражающая состояние мира.

— И что, Ивор умер во имя какого-то "пространного определения"?

— Нет, Джара. Ивор умер за тебя.

— Вот вы где, — раздался голос Змейки, нарушая повисшее тяжёлое молчание.

Друзья повернулись к рыцарю и целительнице, вышедшим на крыльцо. Всё это время Хаарт и Змейка находились рядом, держась за руки и не отпуская друг друга ни на миг, будто боялись, что стоит им разжать ладони — и их вновь оторвут друг от друга.

— Мы отплываем утром, — произнесла Аерис.

Ангелы помолчали. В ночном воздухе разносились свист и шипение колец и лент фейерверка и приглушённые крики пирующих.

— Мы проводим вас, — наконец сказала Змейка. — И… я буду по вам скучать.

— И мы, — улыбнувшись, сказала Сельма.

— Приезжайте ещё в Таэрию, — добавила девушка, оглядывая лица спутников, ещё недавно бывших незнакомцами, а теперь ставших до боли родными. — Обязательно приезжайте!

— Приедем, — пообещала Джара. — Здесь ведь могила Ива.

Они снова какое-то время молчали, наблюдая за фейерверком, и потом Хаарт сказал:

— Возвращайтесь где-то через месяц — на нашу свадьбу. Мы будем вас ждать.

Гиритское солнце расщедрилось на свои обычно скупые лучи и ласково грело землю острова и его обитателей.

Джара, Тэллар, Сельма и Аерис сошли с корабля и жадно вдохнули воздух Гирита, родины Гильдии и всех наёмников.

— Что мы собираемся делать? — спросил Сокол.

— Может, выписаться из Гильдии… — задумчиво произнесла

Аерис.

Все как один повернулись к полуэльфке.

— Эльфийка, ты серьёзно? — поразился Тэллар.

Та пожала плечами.

— Возможно. Может, съездить на Тарневир…

Сокол лукаво улыбнулся и поддел её плечом.

— Что, зеленоглазый эльф тебя зацепил, а?

— Все эльфы зеленоглазые, Сокол, — невозмутимо ответила Аерис и шагнула вперёд, оставляя друзей за спиной — так что никто из них не увидел, как её тонкие губы растянулись в улыбке.

А через полчаса им всем уже ломал рёбра в зверских объятиях Варвар, и остальные наёмники во главе с Кайтом окружили их и завалили расспросами и требованием подтвердить просто дикие слухи — как оказалось, вести об их подвигах докатились даже до Гирита — к примеру о том, что они размели армию таэрийских магов за несколько минут. Четверо друзей только отшучивались да отсмеивались. Только когда речь зашла об Иворе, улыбки сошли с их лиц, и Джара коротко рассказала о том, что Грифон погиб, как герой. Наёмники помолчали, уважая память погибшего собрата. Затем мастер Кайт шутливо-строго воскликнул:

— Следовало бы взыскать с вас за своевольное отсутствие! Но так уж и быть — победителей, как говорится, не судят. Готовы к новым заданиям или хотите передохнуть?

— Кайт, что за зверства! — в негодовании взревел Ламар. — Какие-такие новые задания, ты чего! Да сначала они обязаны самое малость неделю без просыху пить со своими друзьями — то есть, с нами!

Остальные наёмники дружно загалдели, поддерживая Варвара. Кайту оставалось только развести руками и рассмеяться.

— Пить я всегда готов, — заявил Тэллар, вызвав очередной одобрительный рёв, — но дайте хоть отдохнуть с дороги!

— Ваши комнаты ждут вас, — улыбнулся глава Гильдии. — Джара, а ты куда? Забыла, где лестница наверх?

Джара обернулась.

— Нет, я сначала съезжу в лес.

— В лес? Что ты в лесу забыла, Бестия?

Девушка хотела что-то ответить, но тут заметила мрачное выражение на лице Ламара.

— Варвар, что-то не так?

— Джара… — Наёмник потупил взгляд и помялся, не зная, как ей сказать. — Бестия, Лес друидов… После всех слухов о том, чего случилось в Таэрии…

— Варвар, говори.

— Когда друиды ушли… в общем, едва народ прознал, что обитатели тёмного леса исчезли, покинули его, то решено было подчистую вырубить лес, чтобы, того, ну, очистить его от злых сил… духов… Я узнал, пошёл к голове, да меня, наёмника, слушали, что ли… Бестия, ты что?…

Но Джара будто оглохла и не слышала его слов. Колени её подкосились, и она не упала только потому, что её подхватил Тэллар.

Сокол вывел Джару на улицу и усадил на ступеньки. Послушники с благоговейным трепетом поприветствовали их и рассыпались по сторонам, в восхищении наблюдая за своими кумирами.

— Я даже не почувствовала, — пробормотала Джара. — Понимаешь, Сокол, — я даже не почувствовала гибели Леса! Проклятье бы их всех побрал, чем они думали…

— Джара, — мягко произнёс Тэллар, — во-первых, не вини себя, что не ощутила этого. Тебе было совсем не до внутренних предчувствий, согласись? А во-вторых, ты же не собираешься мстить островитянам за вырубку Леса? Вспомни, как мы сами раньше к нему относились.

— Да, но… моё дерево, Тэллар! — Джара устремила взгляд вдаль, туда, где *должен был быть* Лес друидов — а теперь только огромная поляна, усыпанная обрубками деревьев. — Молодой Дуб! Я обещала ему, что мы ещё увидимся…

— Обязательно увидитесь, — раздался за спинами голос Аерис. Полуэльфка сошла по ступенькам и встала перед Джарой и Тэлларом. — Эльфы умеют возрождать погибшие деревья. Я поеду на Тарневир и обязательно узнаю, как это делается. Из пня вырастет новый росток, новый Молодой Дуб — правда, совсем молодой.

Джара всхлипнула, встала со ступенек и подалась навстречу Аерис. Девушки обнялись.

— Спасибо, Эльфийка, — прошептала Джара, зарываясь в густые светлые волосы полуэльфки.

Странный звук Бестия, Сокол и Эльфийка услышали одновременно. Они переглянулись и прислушались, стараясь определить, что это такое. Звук был им до боли знакомым, но одновременно создавалось впечатление, что его просто не может существовать в природе. Звук усиливался, будто его источник приближался к ним, и лишь за мгновение до того, как распахнулись двери Гильдии, трое друзей наконец осознали, что они слышали. Смех, точнее, хохот.

Чародейка, продолжая заливисто хохотать, спустилась по

ступеням крыльца и зашлась смехом ещё пуще, увидев ошарашенные лица Джары, Аерис и Тэллара.

— Что случилось, Сельма?! — в вящем ужасе воскликнули все трое.

— У вас лица, будто мир рухнул! — сквозь хохот заявила Чародейка.

— Это и случилось, — мрачно заявил Тэллар, но за маской деланной угрюмости проскользнула улыбка.

— Просто! Меня! Никто! Никогда! Так! Не! Смешил!

— Ну так расскажи, мы тоже посмеёмся! — потребовала Джара, утирая слёзы со щёк.

— Мне предложили — вы только представьте — место — ха-ха-ха!

— СЕЛЬМА!

Чародейка хлопнула ладонями по обеим щекам и потянула кожу вниз, будто хотела стянуть с себя смеющуюся гримасу. Получилось не очень, но она всё-таки продолжила:

— Друфельбер, в смысле, наш мудрый король, застигнул свою любовницу Элину в постели с другим… Ох, в смысле, уличил её в намерениях изменить государству и короне и тоже послал на исправительные работы к остальным провинившимся магам! В результате, наш достославный король остался практически без дельных чародеев и в абсолютном неведении, что делать и кому предложить место председателя изрядно опустевшего Братства Звёзд…

— И его предложили тебе?! — в унисон воскликнула ошарашенная троица.

Сельма снова засмеялась.

— Вот-вот! Только что личные чародеи короля связались со мной мысленно и буквально умоляли приехать в Эмлин и занять пост главы Братства! Видите ли, наслышаны о моих подвигах!

— И что ты ответила? — громким шёпотом спросила Джара.

— А вот это самое смешное! — заявила Чародейка. — Я ответила отказом, и тогда со мной — внимание! — связался король Аронварда собственной персоной! — Её друзья выпучили глаза от удивления, а заодно и все остальные наёмники, слушавшие их разговор. — Ну я очень образно расписала королю причины своего отказа, а заодно и всё, что думаю о его политике правления королевством, которое обязательно заведёт Аронвард в самые низы, до каких только может опуститься когда-то процветавшая страна…

Над двором Гильдии повисло напряжённое молчание. Лица слушателей исказил ужас, одна Сельма продолжала весело улыбаться.

— Так что теперь я объявлена вне закона и указом короля изгнана из страны! — Бестия, Сокол и Эльфийка поперхнулись. — Теперь я, по идее, должна удариться в бега.

Джара, Тэллар и Аерис какое-то время оторопело глядели на самое невообразимое зрелище — хохочущую старушку Чародейку — а потом облегчённо выдохнули и присоединились к ней. Через минуту вслед за ними рассмеялись все наёмники, находившиеся во дворе Гильдии.

— Что же мы теперь будем делать? — сквозь смех спросил Тэллар.

— А вы меня не бросите? — сощурилась Сельма.

— Тоже мне, размечталась! — хмыкнула Джара.

— Ну, тогда, для начала мы можем сплавать в Таэрию и погулять на свадьбе у Хаарта со Змейкой… — начала волшебница.

— А потом наведаемся на Тарневир! — подхватил Тэллар, косясь на Аерис.

— Не очень-то мы сойдём за эльфов, — с сомнением заметила Джара.

— Ну нет, почему, — возразил Сокол. — Выкрасим тебе волосы в жёлтый, а уши у тебя и так торчат достаточно…

Джара наградила его хорошим тумаком, а Аерис и Сельма переглянулись и рассмеялись.

— Чего это вы смеётесь? — упёрла руки в бёдра Бестия.

— Потому что ты, как ребёнок, Джара! — со смехом сказала Чародейка.

— Вот-вот! — поддакнул Тэллар, взвизгнул от притворного испуга и спрятался за спинами Аерис и Сельмы.

— Ах так! — Джара прищурила глаза и угрожающе шагнула в сторону их троих. — Сейчас я вам всем наподдам!

Она рванулась к ним, занесла руки над головой, будто замахиваясь для удара, но вместо того сгребла их в охапку и обняла. Друзья сплелись в крепких объятиях и стояли так, соединившись в одно целое, какое-то время — молча, слова не были им нужны.

Раздобревшее гиритское солнце щедро припекало, ярким весёлым глазом сияя посреди ясно-голубого неба; между деревьев, окружавших здание Гильдии, гулял лёгкий свежий ветерок, весело шелестя листьями и невысокой травой.

Джару переполняло непередаваемое чувство счастья, от которого на глазах выступили бисеринки слёз. Здесь, сейчас, рядом с ней стояли, сплетаясь с ней в объятиях, её лучшие друзья, которые были для неё дороже всех на свете, а с неба, в слепящих лучах солнца ей улыбался Ивор.

Я помню лужи по пути,
Нам было весело идти.
Прошёлся дождь; везде темно.
Но вместе мы, нам всё равно.
Мы рассекали мрак ночей,
И свет серебряных лучей
Нам освещал неблизкий путь.
Шептал мне ветер: "Не забудь…"
Нет, в памяти моей всегда
Тот запах нашего дождя,
Тропинка та и те цветы,
Которые дарил мне ты.
И та дорога из камней,
И бешеный галоп коней,
Дыханье смерти у щеки,
Опора дружеской руки.
Опасный путь, неравный бой —
Всё нипочём, раз ты со мной.
В любом бою, кинжал к мечу,
Стояли мы плечом к плечу.
Мы всё делили на двоих,
И больше, кроме нас самих,
Никто не нужен в мире был.
Когда я падала без сил,
Ты на руках со мной шагал,
От стрел собою заслонял.
Когда была на грани я,
И все оставили меня,
Ты рядом был и удержал,
И слёзы с щёк моих стирал.
Я помню все твои слова,
Ты в моём сердце на века.
Пусть нам не встретиться опять,
Я буду часто вспоминать
Твой взгляд, улыбку, голос твой.
Незримый, знаю, ты со мной.
Я помню всё, мне не забыть
И снова так не полюбить.